Битва Армагеддона

“НОВОЕ ТВОРЕНИЕ”

Зміст

БИТВА АРМАГЕДДОНА - ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА .....

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ.....

ПРЕДИСЛОВИЕ - БИТВА АРМАГЕДДОНА..... i

ГЛАВА I - “ДЕНЬ МЩЕНИЯ”..... 11

ГЛАВА II - “ОСУЖДЕНИЕ ВАВИЛОНА” - “ХРИСТИАНСТВА”, “МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН”..... 21

ГЛАВА III - НЕОБХОДИМОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ ДНЯ МЩЕНИЯ 47

ГЛАВА IV - ВАВИЛОН, ПРИВЛЕЧЕННЫЙ К БОЛЬШОМУ СУДУ 75

ГЛАВА V - ВАВИЛОН ПЕРЕД БОЛЬШИМ СУДОМ, ЕГО НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО 113

ГЛАВА VI - ВАВИЛОН ПЕРЕД ВЕЛИКИМ СУДОМ. ЕГО ЦЕРКОВНОЕ ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО 157

ГЛАВА VII - СОБРАНИЕ НАРОДОВ И ПРИГОТОВЛЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ К БОЛЬШОМУ ОГНЮ БОЖЬЕГО НЕГОДОВАНИЯ.....269

ГЛАВА VIII - ВОПЛЬ ЖНЕЦОВ.....385

ГЛАВА IX - НЕМИНУЕМОСТЬ КОНФЛИКТА. СВИДЕТЕЛЬСТВА СВЕТСКИ МУДРЫХ.....413

ГЛАВА X - ПРЕДЛАГАЕМЫЕ СРЕДСТВА - ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ФИНАНСОВЫЕ.....469

ГЛАВА XI - БИТВА АРМАГЕДДОНА.....527

ГЛАВА XII - БОЛЬШОЕ ПРОРОЧЕСТВО НАШЕГО ГОСПОДА 563

ГЛАВА XIII - УСТАНОВЛЕНИЕ ЦАРСТВА И ТО, КАК ОНО СЕБЯ ПРОЯВИТ .615

ГЛАВА XIV - ПОДНОЖИЕ ИЕГОВЫ, СДЕЛАВШЕЕСЯ СЛАВНЫМ 647

БИТВА АРМАГЕДДОНА - ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Первое издание этого тома было опубликовано в 1897 году. Оно касалось заключительного периода этого Евангельского века, в котором он и Новая Эпоха покрывают друг друга частично, и который приносит миру удивительные благословения, которые, в свою очередь, по причине неготовности сердец, все больше и больше становятся поводом для трений, недовольства и скорби. Если бы благословения последних 43 лет продолжали увеличиваться нынешними темпами, недовольство человечества увеличилось бы похожим образом, и сама цель Бога в установлении Царства Мессии и благословении через него человечества была бы расстроена.

Для этого Бог позволяет Тысячелетнему рассвету приходить в мир постепенно. По мере того, как люди пробуждаются от оцепенения прошлого, они не думают о Господе и не воспринимают Его милости в связи с благословениями настоящего и будущего. Мы подсчитали, что эти 43 года принесли человечеству в тысячу раз больше богатств, чем было создано на протяжении предыдущих шести тысяч лет. Улучшение условий всего человечества в цивилизованных странах, сокращение рабочих часов и т. д. уступает место возросшему знанию и сопутствующему недовольству. Все это соответствует Господнему высказыванию об этом времени. Описывая наши дни в пророчестве Даниила, Он говорит: "Многие будут путешествовать туда-сюда, и так знание умножится". "Поступающие мудро поймут", "И будет Время Скорби, какого не было с тех пор, как существует народ" (Даниил 12: 1-4, 10, Пер. Янга).

Иными словами, рост знаний отвечает за рост недовольства и страха, которые несет всему миру Армагеддон, то есть День Мщения Бога. Мы видим, что в нынешней великой войне большие народы опасались благополучия друг друга. Даже превратившись в сказочно богатых, они недовольны больше чем когда-либо прежде и больше опасаются чего-нибудь, что помешает их обогащению и повернет реки богатства в порты конкурента. Их боязнь друг друга предопределила, что должна начаться

война, и нынешнее время выбрано как самая подходящая возможность, прежде чем слабый станет слишком сильным. Тот же дух обнаруживается везде – неблагодарность к настоящему и прошлому, опасение за будущее, а также самолюбие, которое обращает мало внимания на Золотое Правило. Конфликт между капиталом и трудом происходит именно в этом направлении, и мы должны ожидать, что все это будет становиться еще хуже.

Долги враждующих народов, согласно авторитетным данным, достигают пятидесяти пяти миллиардов долларов – суммы, которую, естественно, никогда нельзя будет уплатить золотом; и всякому известно, что нет достаточно золота, чтобы уплатить *проценты* от долгов мира. Это сулит банкротство, лишь только закончится война и выпуск облигаций перестанет поставлять деньги для уплаты процентов по другим облигациям. Таким образом, народы падают в бездну банкротства, но с ними происходит то, что происходит с падающим человеком: ощущения не столь плохи до тех пор, пока падение не закончится полным сотрясением. Очевидно война не прекратится от недостатка тех, кто стреляет и в кого стреляют, но от недостатка провианта или от финансовой беспомощности. Автор полагает, что случится именно последнее.

Цари (политические и финансовые), а также их советники пребывают в большой растерянности: что делать по окончании войны, чтобы предотвратить всемирную революцию недовольных. Двадцать миллионов человек, держащих ныне оружие, потребуют занятости. Положим, четверть из них останется в армии, но что делать с остальными? Вот вопрос, который ставит в тупик многих мудрых мира сего. Мир сейчас обходится без них, производя при этом огромное количество военного имущества и боеприпасов. Очевидно, он мог бы вообще обойтись без этих двадцати миллионов человек. Равнодушные к человеческой жизни, они, так или иначе, будут составлять угрозу в каждой земле. Британцы уже готовятся склонить ставших лишними к тому, чтобы те стали фермерами в Канаде и Австралии. Другие народы, естественно, следуют похожему пути, насколько это им удается. Однако

все они осознают, что им придется хорошо поработать, чтобы справиться с ситуацией.

Библия обращает внимание на то, что приблизительно в это время номинальные церковные системы мира опять поднимутся к видному положению по отношению к гражданским властям. Не трудно увидеть почву для этого. Все царства, ослабленные финансово, будут осознавать необходимость удерживать общественность властной хваткой и предотвращать все, что сродни социализму и анархии. Они, естественно, будут смотреть в сторону больших религиозных образований, именуемых церквями, чтобы те поддержали их, чтобы те пригрозили людям будущими мучениями и, в целом, помогли удержать Корабль Государства от опрокидывания. Церкви также будут готовы и рады такой возможности. Они уже сворачиваются вместе, словно свиток – с одной стороны католики, а с другой – протестанты, находящиеся по разные стороны, но при этом связанные между собой, – где каждая сторона объединяется на федеративных началах в меру своих возможностей.

Но Библия говорит, что это царствование, как "царицы", будет коротким, и что падение Вавилона будет ошеломляющим – подобно большому жернову, брошенному в море. Во время властвования (короткое время) этой так называемой "царицы" мир проявит большую неуступчивость по отношению к любому изложению Истины. Те, которые окажутся верными Господу и принципу, непременно пострадают от этого.

Во время падения Вавилона сильные мира, финансовые и политические князья и цари, будут стоять поодаль, избегая слишком тесной приязни с ним, хотя они и будут сильно оплакивать его уничтожение, понимая, что оно предвещает их собственное. Затем, очень скоро, последует полное низложение и уничтожение нынешних языческих правительств, символически представленное в Библии в виде большого пожара, который поглотит всю землю – все институции, – религиозные, общественные, политические и финансовые.

Учитывая, что этот том был написан двадцать лет назад, никто не должен удивляться, обнаружив, что некоторые его утверждения, хотя

первоначально убедительные, ныне не соответствуют полной Истине. Например, богатство мира сильно увеличилось за эти двадцать лет. Объединения капитала весьма преуспели в капитализации доходов, во власти и влиянии. Подсчитано, что на протяжении последних четырех лет капитал Соединенных Штатов увеличивался на десять миллиардов ежегодно.

В данном томе (на время его написания) указывалось, что хотя тресты приносили скорее пользу, нежели вред, тем не менее, эти исполины, порожденные алчностью и взращённые самолюбием, окончательно станут бедствием, угрозой людям и их интересам. Мы пришли к этому времени, и многие осознают, что нам грозит опасность. Никакое зло не может приключиться до тех пор, пока механизм работает исправно и под контролем; но если наступит момент, когда интересы менеджеров и капиталистов станут противоположными интересам нанимаемых ими лиц, а также общественности, тогда берегитесь! Помните вдохновенное Слово, что это должно быть "Время Скорби, какого не было с тех пор, как существует народ".

Как мы рады, что человеческая безысходность в этом Времени Скорби будет возможностью для Господа! Он ждет, чтобы проявить милосердие. Он хочет излить на человечество благословения Тысячелетнего Царства на протяжении тысячи лет, чтобы поднять его из состояния греха и смерти обратно к образу и подобию Бога. Он предвидел, что человечество сначала должно получить для себя урок. Он уже показал это тем, кто имеет глаза, чтобы видеть, предоставляя им более сорока лет периода рассвета, который, однако же, вместо того, чтобы принести миру благословения и счастье, принес еще большее недовольство. Господь позволит человечеству испробовать все для осуществления его собственных планов и замыслов. Он позволит ему продемонстрировать тщетность всех этих замыслов, однако ничто, кроме Божественного вмешательства, не спасет его от крушения всего строения общества. Действительно, Он позволит такое крушение и затем реорганизует человечество под властью Мессии, ведь Он обещает, что Его Царство будет "желанием всех народов" (Аг. 2: 7).

Ваш слуга в Господе
Чарльз Т. Рассел
Бруклин, Нью-Йорк.
1 октября, 1916 года.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

"Битва Армагеддона" фокусирует библейское пророчество на важнейших мировых событиях. Написанная в 1897 году, книга дает объяснение направленности и мощи разжигаемых революционных элементов этой эпохи. Таковыми были силы, которым полагалось свергнуть Царства в конце "Времен Язычников", в 1914 году, и затем вызвать крах всего общественного строя. Доверие к этой книге увеличивается по мере того, как мир неумолимо приближается к своей окончательной битве. Особенно это заметно на примере того, каким образом мировые лидеры исчерпали себя в поисках выхода из неразрешимого конфликта.

"The World Magazine" (30 августа, 1914 г.), известное периодическое издание того времени, писал о предсказаниях автора следующее: "Начало ужасной войны в Европе исполнило выдающееся пророчество. На протяжении 25 лет исследователи Библии провозглашали миру, что День Гнева, предсказанный в Библии, начнется в 1914 году".

"The Great Ideas Today" (1963 г.), Britannica Great Books, Encyclopedia Britannica, Inc., стр. 107, 108, сделала такое замечание: "Мир, очарованный Наукой и Прогрессом, высмеивал мистицизм религиозных сект, которые задолго до этого предсказывали, что мир придет к своему концу в 1914 году. Пятьдесят лет спустя мир не очень то уверен, что его конец не наступил в 1914 году".

Мировые обозреватели не преминули увидеть воздействие 1914 года на мир. Перед нами комментарий одного обозревателя: "Если когда-нибудь был год, обозначивший конец одной эпохи и начало другой, то это был 1914 год. Этот год положил конец старому миру с его чувством безопасности и начал современный век, главной особенностью которого является отсутствие безопасности в ежедневной жизни" (Роус, Оксфордский историк и биограф, 28 июня, 1959 года).

Нынешний разобщенный мир уже не способен придумать для себя новые формы правления или идеологии. Кто сегодня видит в социализме, коммунизме, национализме и иже с ними решение или

средство для имеющихся в мире бед? Армагеддон никогда не был столь реальным и неизбежным, как в наши дни. Однако автор показал также, что самое лучшее по-прежнему впереди. Тысячелетнее Царство Христа должно заменить человеческие старания руководить. Еще никогда надежда не была слаще и не воспринималась так радушно, как сейчас. Фактически это единственная надежда мира.

Автор собрал широкий материал из газет, периодических изданий и выступлений, опубликованных в 1890-х годах. Многие найдут его увлекательным как историю и как свидетельства логики причин и последствий. Мы искренне советуем эту книгу, поскольку предлагаемое ею пророческое видение считается одним из лучших в своем роде. Пусть Господь благословит вас в ее изучении.

Примечания редакции обозначены цифрами над текстом (1), все другие сноски принадлежат автору.

Издатели, 1978 год.

[i]

ПРЕДИСЛОВИЕ - БИТВА АРМАГЕДДОНА

“Шестой ангел вылил чашу свою в великую реку Евфрат: и высохла в ней вода, чтобы готов был путь царям от восхода солнечного. И видел я выходящих из уст дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам: это – бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя. Се, иду как тать: блажен бодрствующий и хранящий одежду свою, чтобы не ходить ему нагим и чтобы не увидели срамоты его. И он собрал их на место, называемое по-еврейски Армагеддон” (Откровение 16: 12-16).

Армагеддон – еврейское слово, означающее “Холм Мегиддо”, или “Гора Уничтожения”. Мегиддо занимал весьма важное положение в южном конце Долины Ездрелон и высился над важным переходом в горную страну. Эта окрестность была большим полем сражения в Палестине, на котором произошли многие славные битвы Старозаветной истории. Здесь Гедеон и его маленький отряд внес сумятицу и замешательство в ряды мадианитян, которые, сражаясь, поубивали друг друга (Суд. 7: 19-23). Здесь царь Саул был разбит филистимлянами (1 Цар. 31: 1-6). Здесь царь Иосия был убит фараоном Нехао в одном из самых разрушительных конфликтов в истории Израиля (2 Пар. 35: 22-25). Здесь жил также царь Ахав и его жена Иезавель, в городе Изреель, где позже Иезавель постигла ужасная смерть (4 Цар. 9: 30-37)

Эти битвы в определенном смысле были образными. Разгром мадианитян освободил народ Израиля от мадиамского рабства. Таким образом, Гедеон и его отряд представляли нашего Господа и Церковь, которые должны освободить человечество от его рабства греха и смерти. Смерть царя Саула и низложение его царства филистимлянами открыло путь для

[ii] царствования Давида, который представлял Мессию. Царь Ахав представлял гражданское правительство, символически именуемое в Откровении "драконом". Царица Иезавель символически изображала великую блудницу, Вавилон, и как таковая упоминается по имени. "Потому что ты попускаешь жене Иезавели, называющей себя пророчицею, учить и вводить в заблуждение рабов Моих" (Отк. 2: 20).

В Священном Писании Господь, очевидно, счел необходимым связать название этого славного поля битвы, Армагеддона, с великим противостоянием между Истиной и Заблуждением, добром и злом, Богом и Маммоной, которым завершится Евангельский век и будет введен Мессианский век. В последней книге Библии Он специально использовал весьма символический язык – очевидно, с целью скрыть некоторые важные истины до надлежащего времени для их открытия. Но даже в свое время "не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют" (Дан. 12: 10). Никто из тех, чье сердце не находится в согласии с Богом, не уразумеет. Уразумеют лишь мудрые из Его народа – класс мудрых дев из притчи Учителя (Матф. 25: 1-13).

Следовательно, рассматривая наш текст, мы не должны ожидать какого-то буквального собрания людей на Холм Мегиддо. Скорее мы должны искать то, что символизирует эта гора. Многое получило название "Битва Армагеддона"; эта фраза используется различным образом и с многих точек зрения. Однако христиане осознают, что это слово Армагеддон особо относится к Библии, где оно используется в духовном смысле. Поэтому если сегодня подходящее время рассуждать о Битве Армагеддона с политической точки зрения, то, естественно, подходящее время рассуждать об этом термине также с его подлинной религиозной точки зрения.

Всем нам известно, что книга Откровения полна символов. Бог, очевидно, расположил эту книгу последней в Библии с намерением скрыть великие и важные истины. То, что она содержит ценные истины, является мнением всех исследователей Библии. Однако Бог столь умело скрыл эти истины, что Его народ в прошлом не был в состоянии полностью и четко распознать их. Исследователи Библии верят, что таковым было Божественное намерение – не только потому, что еще не пришла пора понять эти истины, а потому, что Бог намерен

[iii]скрывать некоторые черты Своей Истины от мира. Человечество всегда неверно понимало Божественный План, потому что Бог в Своей мудрости желает, чтобы оно понимало его неверно. Истины, записанные в Откровении, не предназначены не для мира, не для так называемых христиан, а для Церкви – Тела Христа, святых, "Церкви первенцев, написанных на небесах". Для них такое знание станет "пищей во время". "Мудрые уразумеют".

Священное Писание изобилует ссылками на Армагеддон. Наш Господь Иисус именует его "великой скорбью, какой не было от начал мира доныне, и не будет" (Матф. 24: 21). Пророк Даниил описывает его как "время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени" (Дан. 12: 1). Тесно связанным с этим выражением является высказывание Даниила, что Божий Представитель, Михаил, "восстанет в то время,. князь великий, стоящий за сынов" Израиля. Слово "Михаил" означает "Тот, Который подобен Богу" – Богоподобный. Он восстанет ради спасения Божьего народа, для очищения от заблуждения и скверны, ради установления правды и истины, чтобы дать миру человечества великое Царство Бога, проповедуемое от дней Авраама.

ВРЕМЯ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ЦАРСТВА МЕССИИ

Откровение св. Иоанна, являясь книгой символов, не будет понято миром. Сам Бог сказал, что даже Церковь может надеяться понять его лишь в определенное время. Когда пророк Даниил спросил о значении своего видения, ангел ответил: "Иди, Даниил, ибо сокрыты и запечатаны слова сии до Последнего Времени", – не до конца мира, но до конца Века – конца этой Диспенсации. "Земля пребывает во веки" (Еккл. 1: 4).

Св. Петр говорит нам, что этот Век должен закончиться великим пожаром, символизирующим Время Скорби, в котором будут поглощены нынешние институции (2 Пет. 3: 8-13). В других местах Священного Писания это ужасное Время Скорби символически представлено как буря, как вихрь, как огонь, чтобы все поглотить. После того, как нынешний порядок минует в великом Времени Скорби, Бог

[iv] Сам установит Свое Царство – то, о котором мы молимся: "Да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе".

Если, в таком случае, что-нибудь указывает на то, что мы живем в конце Евангельского века и что Девы поправляют свои светильники, мы вполне можем быть уверены, что время для Мудрых Дев войти в славу совсем близко. Какое блаженное послание для "всех, возлюбивших явление Его"!

В том же пророчестве, которое говорит о том, что Время Конца – это время для мудрых у Бога уразуметь, нам сказано, что это время будет особо отмечено двумя характерными особенностями: во-первых, "Многие будут блуждать" (Мак.); во-вторых, "Умножится ведение" (Дан. 12: 4). Сегодня мы видим это пророчество в исполнении. Везде в мире люди блуждают туда-сюда, чего не было никогда раньше. Железные дороги, пароходы, автомобили, электромобили и т. д. – наземные, подземные и надземные – везут людей во все концы. Наши удивительные дни характеризуются общим умножением знаний. Каждый десятилетний ребенок умеет читать. Везде в мире в каждом доме имеются книги, газеты, Библии, то есть существует возможность иметь знание как никогда раньше с тех пор, как человек живет на земле.

Знаменательное исполнение этого пророчества обозначает наши дни как время Конца, в котором нынешняя Диспенсация должна прийти к завершению, и Новая Диспенсация должна быть введена – время, когда Божий народ сумеет понять ситуацию и приготовиться к своему изменению.

ПРИНЦИПЫ, А НЕ ЛИЧНОСТИ, КАК ПРЕДМЕТ ОБСУЖДЕНИЯ

Все христиане приписывают книгу Откровения нашему Господу, как это делает св. Иоанн (Отк. 1: 1). Поэтому мы не несем ответственности за символизм, используемый в этой книге. Имеется столько путей быть ложно истолкованным даже хорошими христианами, что мы, естественно, стараемся осторожно высказывать наши взгляды. Продолжая излагать наше понимание символов Откровения, мы особенно хотим подчеркнуть, что мы нигде и никогда не говорим ничего против набожных христиан, – то ли находящихся в какой-нибудь церкви, то ли за пределами какой-нибудь церкви. Нам нечего сказать о людях. Мы всегда обсуждаем принципы, учения, и никогда – личности!

[v] Бог не уполномочил нас обсуждать людей; нам положено обсуждать Его Слово.

Представляя нашу интерпретацию символов Откровения, мы осознаем, что Слово Бога предъявляет весьма тяжелое обвинение некоторым большим системам наших дней – некоторым из тех, которые мы долгое время уважали и почитали, и которые, как мы полагали, содержат тех многих, кто благочестив в словах и поступках. Поэтому, давайте проведем четкое разграничение между личностями и системами. Мы не говорим ничего против благочестивых людей; а то, что мы обязаны сказать, интерпретируя Божье Слово, имеет отношение исключительно к этим системам. Да, мы верим, что святой народ Бога не принимается во внимание в этих символах потому что святые Бога, по сравнению с сотнями миллионов из числа человечества, являются относительно малой горсткой, как сказал Иисус: "Не бойся, малое стадо". Переходя к интерпретации символов Отк. 16: 13-16, мы обнаруживаем, что существует три фактора, связанных с собиранием воинств на эту Битву Армагеддона. Читаем, что из уст Зверя, из уст Лжепророка и уст Дракона выходили три нечистых духа, подобных жабам; и что эти три нечистые, жабоподобные духи выходили по всему миру, чтобы собрать весь мир на эту Битву Армагеддона.

Таким образом, стоит спросить, какие системы подразумеваются под этими символическими выражениями – Дракон, Зверь и Лжепророк? После того, как мы уясним, что именно стоит за этими выражениями, мы поставим вопрос, что символизируют жабы, выходящие из уст.

Во всей Библии Зверь является символом, используемым, чтобы представлять правительство. В пророчестве Даниила великие универсальные империи земли символически представлены так: Вавилон был Львом, Медо-Персия – Медведем, Греция – Барсом, а Рим – Драконом (Дан. 7: 1-8). Римская Империя существует до сих пор. Христианство является частью этой великой Римской Империи, которая началась во дни Цезаря и, согласно Писанию, по-прежнему существует в мире.

Практически все толкователи Библии сходятся в том, что Дракон из Откровения представляет исключительно гражданскую власть – где бы она не была. Мы не думаем, будто все власти на земле злые или от дьявола, просто

[vi] Дракон является символом, который Господу было угодно использовать, чтобы представить гражданскую власть.

Зверь из Отк. 16: 13 является тем самым, который упомянут в Отк. 13: 2, где по описанию он напоминает барса – пятнистого. Протестантские толкователи Откровения соглашаются, что этот символ относится к папской системе – не к папе, не к католическим общинам, не к отдельным католикам, а к системе в целом, существовавшей столетиями

В Своем Слове Богу было угодно признать папство системой, правительством. Папство утверждает, что Царство Бога, Царство Мессии было установлено в 799 году н. э.; что оно продолжалось тысячу лет – именно столько, сколько, по утверждению Библии, будет продолжаться Царство Христа; что оно закончилось в 1799 году н. э. Они утверждают также, что с 1799 года это Царство Христа (то есть папская система, представленная в Откровении как Зверь) терпит насилие; и что в то время дьявол был освобожден, во исполнение Отк. 20: 7.

История констатирует, что эра, завершившаяся в 1799 году, обозначенная египетской кампанией Наполеона, запечатлела и определила черту папского господства над народами. Наполеон даже взял папу пленником во Францию, где тот умер. Это унизительное испытание, как утверждают римские католики, обозначает время освобождения сатаны, во исполнение Отк. 20: 7.

Мы не согласны с толкованием пророчества нашими католическими братьями. Наш Господь был определенно прав, когда сказал, что сатана является "князем мира сего", и что это "настоящий лукавый век". Причина, почему везде столько нечестия, лжеучений, обмана, невежества, суеверия, состоит в том, что сатана – могущественное существо, которое обольщает мир. Согласно Священному Писанию сатана должен быть связан на тысячу лет, чтобы он не прельщал больше народы (Отк. 20: 3). После того, как закончится тысяча лет, сатана будет освобожден на короткое время, чтобы испытывать человечество. Затем он будет уничтожен Второй Смертью – вместе со всеми, кто с ним в согласии.

Исследователям Библии только сейчас открываются глаза на вид длины, ширины, высоты и глубины Любви Бога – того, как Он удивительно позаботился, во-первых, о Церкви, которая должна разделить славу Царства; и, во-вторых, о мире человечества, который получит благословения поднятия к человеческому совершенству на протяжении этой тысячи лет. Эта

[vii] славная Эпоха только приближается, а не принадлежит к прошлому. Положение человечества в конце Царства Мессии будет таким славным, что никакой сон не может с ним сравниться. Однако великое дело Бога не совершится до тех пор, пока каждое человеческое существо не достигнет совершенства или не будет уничтожено во Второй Смерти, отказавшись прийти к согласию с законами праведности. Тогда будет слышно, как каждое творение в Небе и на земле скажет: "Сидящему на престоле и Агнцу благословение и честь, и слава и держава во веки веков" (Отк. 5: 13).

Дракон, следовательно, символизирует римскую власть, представленную в мире гражданской властью. Зверь – это папская система правительства. Третий символ, Лжепророк, еще предстоит истолковать. Мы верим, что это еще одно название системы, именуемой в другом месте "Образом Зверя" (Отк. 13: 14). Согласно Священному Писанию этот Образ очень точно наследует Зверя. По нашему мнению Лжепророк, или Образ Зверя, означает Протестантскую Федерацию Церквей.

ОБРАЗ ЗВЕРЯ

Для того, чтобы понять, почему Протестантская Федерация Церквей должна быть символически показана как Образ Зверя и Лжепророк, нам следует изучить другие символические тексты Священного Писания. В Отк. 17: 5 наше внимание привлечено к великой "тайне". Слово "блудница" в символике Священного Писания не имеет в виду безнравственной личности. Оно относится к Церкви, которой следовало быть Царством Бога, но которая потеряла свою невинность и присоединилась к земному мужу, а не к Небесному Мужу. К какому земному мужу присоединилась Церковь? К Римской империи. В умах Лютера и других реформаторов не было сомнения в том, что между Церковью и миром существовал тесный союз. Церковь некоторое время утверждала, что она ждет Христа, Который установит Свое Царство. Наконец она сказала: "Я не буду ждать до Второго Пришествия Христа, я соединюсь с Римской империей".

Результат известен всем. Римо-католическая церковь была возвышена и царствовала столетиями как царица. Этот союз церкви и государства показан на знаменитой картине, находящейся

[viii] в Италии. На престоле папа и император сидят рядом. С одной стороны находятся кардиналы, епископы, низшее духовенство и миряне, согласно чину. С другой стороны стоят генералы, лейтенанты, солдаты и т. д. до простого народа. Вот так признавался союз церкви и государства.

На основе этого союза все земные правительства именуются христианскими, потому что они считают единство неотъемлемой частью церкви. История повествует нам, что церковь столетиями назначала земных царей. Папа короновал того, кого хотел. В доказательство верховенства церкви рассказывают историю об императоре Германии Генрихе IV, который навлек на себя папскую немилость и в наказание был вынужден три дня стоять у ворот замка Каносса, босой, облеченный во вретище покаяния, подвергаясь суровости лютой зимы. Затем его вынудили приползти на четвереньках к Понтифику, шелковый чулок которого был снят, чтобы император мог поцеловать большой палец ноги папы во исполнение Пс. 2: 12: "Почтите Сына, цари земли".

Это, как мы понимаем, ошибочное применение Священного Писания. "Сын" – это не папа. "Святая гора" – это Царство Бога. Его орудие символически представлено как святая Гора Сион. Великий Мессия полностью свергнет весь порядок нынешнего времени и установит Царство Праведности и Истины, которое поднимет человечество из греха и деградации.

Римо-католики верят, что папа является наместником Христа, царствуя вместо Него. Они верят, что сегодня то время, когда сатана освобожден, чтобы прельщать народы, что очень скоро Церковь снова обретет полную власть в мире и, как следствие, каждый, кто не повинуется ей, будет уничтожен. Такая интерпретация обращает наше внимание на 13 и 20 главы Откровения. Протестанты не оценивают ситуации. Без сомнения, все мыслящие люди заметили, что инициативы такого союза исходят от протестантизма, и никогда от католицизма.

Теперь возникает вопрос: Почему Священное Писание должно показывать протестантизм как Образ Зверя? Когда и как это произошло? Со времен Реформации протестанты стремились в одиночку выбраться из

[ix] тьмы прошлого, отчего они создали много вероучений и организовали много конфессий. Но где-то в середине прошлого столетия их лидеры начали понимать, что если каждый будет продолжать изучать Библию в одиночку, то наступит время, когда каждый будет иметь собственное вероучение. Чтобы предотвратить то, что им представлялось как утеря силы, они решили объединить протестантов в союз, именуемый Евангельским Союзом.

Евангельский Союз – организация из различных протестантских конфессий – был создан в 1846 году с конкретной целью сделать по-своему то же самое, что католицизм сделал бы по-своему. Понимая, какой большой властью будут пользоваться римо-католики благодаря объединенному союзу, протестанты сказали: "Мы разобщены. У нас нет силы. Мы организуемся". Именно тогда и там, согласно Священному Писанию, был создан Образ Зверя.

Однако Библия говорит, что прежде, чем Образ сможет нанести какой-то особый вред, он должен получить жизнь от двурогого Зверя (Отк. 13: 15). Этот двурогий Зверь, с рогами, подобными агнчим, но с голосом, как у дракона, по нашему мнению представляет церковь Англии, которая не является частью Евангельского Союза. Церковь Англии предъявляет претензии, какие предъявляет церковь Рима – что она является истинной церковью; что все остальные ошибочны; что она имеет первоначальное апостольское правопреемство; и что никто не уполномочен проповедовать, если на него не возложены божественные, апостольские руки. Таковым, столетиями, было утверждение церкви Англии, и оно составляет разницу между этой церковью и всеми другими протестантскими конфессиями.

Хотя Евангельский Союз был организован в 1846 году, он не был в состоянии достичь своей цели, поскольку не знал, каким образом действовать. Конфессии внутри Союза были объединены лишь названием и, следовательно, действовали друг против друга. Конфессии вне Союза были провозглашены неправомочными. Те, в свою очередь, потребовали от Евангельского Союза показать, откуда они получили право проповедовать. В результате Образ не имел силы действовать; его попирали; и для того, чтобы обрести жизнеспособность – жизнь, – ему необходимо апостольское правопреемство, он должен иметь нечто как основу для деятельности.

Священное Писание указывает на то, что Церковь Англии

[X] сблизится с Евангельским Союзом и даст ему апостольские полномочия проповедовать. Благодаря этому союзу он сможет сказать: "Мы имеем апостольские полномочия проповедовать. Пусть никто не говорит без нашего позволения". Такой шаг с его стороны описан в Отк. 13: 17. Никому нельзя будет ни покупать, ни продавать духовные вещи на духовном рынке, если у него нет начертания Зверя или начертания Образа.

В Отк. 16: 13 мы находим упоминание о Лжепророке, ином представлении Образа – оживленном продукте Евангельского Союза, который принял вид Церковной Федерации и сегодня имеет большую меру живучести. Можно ли ожидать, что он достигнет большего, нам еще предстоит увидеть. Священное Писание ясно указывает на то, что Образ Зверя должен обрести такую большую силу, что будет делать то же самое, что делала в прошлом римо-католическая церковь; и что две системы, католическая и протестантская, будут управлять цивилизованным миром властной рукой посредством гражданской власти – Дракона.

"ТРИ ДУХИ НЕЧИСТЫЕ, ПОДОБНЫЕ ЖАБАМ"

Священное Писание говорит, что этот результат должен быть достигнут изречениями объединенных сил церкви и государства. "И видел я выходящих из уст Дракона и из уст Зверя и из уст Лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам". В этом предложении дух является учением – нечистым учением, – ложным учением. Каждая из этих систем будет произносить то же самое, и эти изречения приведут к собранию царств земли вместе на великую Битву Армагеддона.

Символизм Священного Писания, если его правильно понимать, очень убедительный, и всегда существует близкое сходство между самим символом и тем, что он символизирует. Если Святой Дух использует жабу, чтобы представить некоторые доктрины или учения, мы можем быть уверены, что это применение будет вполне подобающим. Хотя жаба – небольшое создание, однако она раздувает себя так, что готова лопнуть от усилия быть кем-то. Жаба имеет очень умный вид, хотя о многом не догадывается. Затем, жаба квакает каждый раз, когда она издает звук.

Итак, три самые существенные приметы жабы: напыщенность, вид исключительной мудрости и знания, а также постоянное кваканье. Применяя эти характеристики к

[xi] образу, данному в Божественном Слове, мы узнаем, что от гражданской власти, от католической церкви и от Федерации Протестантских Церквей будут исходить те же учения. Дух всех будет хвастливым; они будут принимать вид исключительной мудрости и знания; все будут предсказывать печальные последствия в случае, если кто-то ослушается их советов. Какими бы противоречивыми ни были эти вероучения, различия будут проигнорированы, следуя общему предложению не трогать, не прослеживать и не отвергать ничего из того, что было в прошлом.

Не будет позволено противоречить Божественным полномочиям церкви и Божественному праву царей (вне церкви); то и другое получит поддержку. Любой человек или учение, противоречащие этим хвастливым, небиблейским утверждениям, получат клеймо всякой гнусности из уст жаб, квакающих из кафедр и трибун, а также посредством религиозных и светских изданий. Более благородные чувства некоторых будут подавлены философией упомянутого злого духа, который говорил через Каиафу, первосвященника, о нашем Господе Иисусе. Как Каиафа счел целесообразным совершить преступление, попирая справедливость – человеческую и Божественную, – лишь бы избавиться от Иисуса и Его учений, так и этот жабоподобный дух одобрит любое и всякое нарушение принципа, необходимое для самозащиты.

Каждому истинному христианину стыдно смотреть назад на страницы истории, видя какие ужасные дела совершались во имя Бога и справедливости, а также во имя нашего Господа Иисуса. Мы ни на миг не должны думать, что все эти духи-жабы, то есть учения, плохие. Это, скорее, учения напыщенности и самомнения, показывающие себя очень мудрыми и великими, поддерживаемыми на протяжении столетий. Из уст Дракона исходит учение о Божественном праве царей: “Не смотрите за завесу истории, чтобы увидеть, где цари получили это право. Примите это учение; если вы его не примете, если люди поймут в чем дело, то будет ужасная революция и все пропадет!”

Зверь и Лжепророк квакают так же. Католическая церковь говорит: “Не оглядывайтесь! Не спрашивайте ничего о церкви!” Протестантизм также говорит: “Мы великие, мы мудрые, мы много знаем. Молчите! Тогда никто не узнает, что вы ничего не знаете”. Все говорят (квакая): “Мы говорим вам, что если вы будете выступать против

[xii] нынешних порядков, то произойдут ужасные вещи".

Здесь замешаны политические партии. Все заявляют: "Если должны произойти какие-нибудь перемены, то это будет означать страшное бедствие!" Некоторые обосновались крепко, некоторые имеют за собой светскую власть, однако вместе они квакают людям, что если что-то изменить, то это приведет к крушению нынешнего строя. Говоря современным языком, призыв "Стоять!" является приказом в церкви и государстве; однако людьми двигает страх. Кваканье Зверя, Дракона и Лжепророка поднимет царей земли и соберет их вместе на Битву Армагеддона и уничтожение

Церковные цари и князья со своей свитой духовенства и верных сторонников будут собраны в единую фалангу протестантов и католиков. Политические цари и князья, сенаторы и высокопоставленные чины, вместе со своими слугами и прихвостнями, займут ряд по той же стороне. Финансовые цари, коммерческие князья и все, на кого они могут повлиять самой гигантской властью, какая когда-либо осуществлялась в мире, примкнут к той же стороне в соответствии с этим пророчеством. Тем не менее, они не осознают, что идут к Армагеддону. Как ни странно, это часть того самого призыва: "Собирайтесь вместе к Армагеддону!"

Говоря о наших днях, наш Господь произнес: "Люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются" (Лук. 21: 26). Цари Европы на знают, что делать. Все сектантство колеблется. Многие из Божьего народа находятся в растерянности.

Кваканье этих жаб-духов, то есть учений, соберет царей и князей (финансовых, политических, религиозных и промышленных) в одно великое полчище. Дух боязни, внушаемый кваканьем, подстегнет страсти обычно хороших и рассудительных людей к неистовству – отчаянию. В своем слепом следовании за этими злыми духами, злыми учениями, они будут готовы пожертвовать жизнью и всем ради того, что они ошибочно принимают как алтарь Справедливости, Истины и Праведности под Божественным устройством.

Многие благородные люди в этом великом полчище займут позицию, совершенно противоположную их склонностям. Некоторое время колесо свободы и прогресса будет повернуто вспять, и средневековые ограничения будут считаться обязательными для

[xiii]самосохранения – для поддержания нынешнего порядка вещей и недопущения нового порядка, предопределенного Богом, положенное время для которого совсем рядом. Даже те, которые могут быть Божьим народом, не перестают задумываться, в том ли Его воля, чтобы вещи продолжались так, как это было на протяжении прошедших шести тысяч лет. Библия говорит, что Божья воля не такова, и что должен наступить большой поворот, что грядет новый порядок.

Насколько мы понимаем Священное Писание, эти объединенные силы Армагеддона восторжествуют на короткое время. Свобода слова, свобода переписки и другие свободы, которые сделались как воздух для нынешних масс, будут безжалостно отменены под предлогом необходимости, славы для Бога, веления Церкви и т. д. Будет установлен предохранительный клапан, отчего земных царей перестанет раздражать свист выходящего пара. Все будет казаться безмятежным до тех пор, пока не случится большой общественный взрыв, описанный в Откровении как землетрясение. На символическом языке землетрясение означает общественную революцию, и, согласно утверждению Священного Писания, ничего подобного прежде не случалось (Отк. 16: 18, 19). Смотрите ссылку нашего Господа в Матф. 24: 21.

ВЕЛИКОЕ ПОЛЧИЩЕ ГОСПОДА

Как показывает Священное Писание, в этот час Божественная Сила выступит вперед, и Бог соберет выстроившиеся воинства к Армагеддону – к Горе Уничтожения (Отк. 16: 16). То, что они стремятся предотвратить посредством своего союза, федерации и пр., будет тем, что они ускорят. Другие места Священного Писания говорят нам, что Бог будет представлен Мессией и что Он будет на стороне масс. "И восстанет в то время Михаил [Богоподобный – Мессия]" (Дан. 12: 1). Он примет полномочия. Он возьмет Свое Царство способом, мало ожидаемым теми многими, которые ошибочно считали себя Его Царством, имеющими Его полномочия царствовать от Его имени и вместо Него.

Наш Господь Иисус сказал, что "мы слуги того, кому служим". Некоторые могут служить сатане и заблуждению, утверждая, что они служат Богу и праведности; некоторые могут служить по неведению, как делал Савл из Тарса, который "правда, думал", что он "служит Богу",

[xiv] преследуя Церковь. Тот же принцип остается в силе и в обратном значении. Как всякий царь на земле не чувствует себя ответственным за моральный облик каждого солдата, который сражается за него, так Господь не ручается за моральный облик всех, кто зачислился и воюет на Его стороне в каком-нибудь деле. Его слуги – те, которые служат Ему, несмотря на то, какие мотивы или цели они преследуют.

Тот же принцип будет задействован в грядущей Битве Армагеддона. В этой битве Бог будет на стороне людей, и этому трудноописуемому полчищу, людям, надо будет противостоять с самого начала битвы. Анархисты, социалисты, разгоряченные радикалы всякого философского и бредового толка будут на передней линии этой битвы. Каждый, у кого есть хоть малейшее понятие об армейской жизни, знает, что большое войско состоит из всех классов.

Массы будут метаться в своих ограничениях, осознавая собственную слабость по сравнению с царями и князьями (финансовыми, общественными, религиозными и политическими), которые будут тогда властвовать. Большинство из числа бедного и среднего классов предпочитает мир за всякую цену. Массам вовсе не по душе анархия. Они как нельзя лучше понимают, что наихудшая форма правительства лучше никакой. Массы будут искать улучшения путем голосования и мирного переустройства земных дел ради устранения зла, для передачи монополий, сырьевых источников и природных ресурсов в руки народа ради общественного блага. Кризис наступит тогда, когда поддерживающие закон сделаются нарушителями закона, противясь воли большинства, выраженной голосованием. Страх перед будущим подстегнет благонамеренные массы к безумию; и когда социализм потерпит неудачу, наступит анархия.

Господние святые вообще не должны находиться в этой битве. Божий посвященный народ, жаждущий в сердце Царства Мессии и славного Года Юбилея и Реституции, которые оно ознаменует, будет безропотно дожидаться его, терпеливо перенося Господнее время. Имея лампы, очищенные и горящие, он не будет во тьме относительно важных событий грядущей битвы, а будет мужественным, зная исход, начертанный в “вернейшем пророческом слове”, и хорошо сделает, “что будет обращаться к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте, доколе не начнет рассветать день” (2 Пет. 1: 19).

[xv] Теперь возникает вопрос: Почему Бог не послал Свое Царство раньше? Зачем нужен Армагеддон? Мы отвечаем, что у Бога есть Свое времена и сроки и что Он определил Великий Седьмой Тысячелетний День для царствования Христа. Божественная Мудрость сдерживала до сих пор большое знание и умение, которое порождает одновременно миллионеров и недовольных. Если бы Бог поднял завесу невежества на тысячу лет раньше, мир был бы построен к Армагеддону на тысячу лет раньше. Бог не позволял это до нынешнего времени, потому что Его План имеет разные части, и все они сходятся вместе в одно время. В Своей благости Бог закрыл глаза человечества завесой до тех пор, пока собирание к Армагеддону не будет непосредственно предшествовать принятию Мессией Своей великой силы и начала Его царствования (Отк. 11: 17, 18).

Поведение Божьих людей должно отличаться большой благодарностью к Дателю всякого добра. Они должны обеспечить себя на случай великой бури, которая грядет, и сохранять полное спокойствие, не становясь ни на сторону богатых, ни на сторону бедных. Нам заранее известно, что Господь находится на стороне людей. Именно Он будет вести Битву Армагеддона, а Его орудием будет это особенное полчище – все классы. Когда наступит великое "землетрясение" общественной революции, это уже не будет простая горстка анархистов, а восстание людей, чтобы свергнуть великую силу, душившую их. А у основания всего находится самолюбие.

ЕЩЕ НЕТ, НО СКОРО

Сорок лет силы Армагеддона собирались по обе стороны конфликта. Забастовки, локауты и мятежи, большие и малые, были только случайными стычками на пересечении путей сражающихся сторон. Скандалы в судах и армиях Европы, скандалы в Америке, связанные с страхованием, доверительной собственностью и судами, поколебали общественное доверие. Сенсационные сплетни, обвиняющие то работающих, то работодателей, привели к недоверию друг к другу. По обе стороны все более очевидно чувство горечи и злобы. Линия фронта с каждым днем становится все более ясно очерченной. Тем не менее, Армагеддон еще не может начаться.

Временам Язычников положено длиться еще два года. Образ Зверя еще должен получить жизнь – силу. Он должен

[xvi] превратиться из простого механизма в деятельную силу. Протестантская Федерация понимает, что ее структура будет по-прежнему непригодной, если она не получит оживления – если ее духовенство прямо или косвенно не будет признано обладающим апостольским рукоположением и полномочиями учить. Это, как указывает пророчество, придет от двурогого Зверя, который, мы верим, символически представляет церковь Англии. Своевольные шаги протестантизма и католицизма, действующих вместе для угнетения человеческих свобод, ожидают упомянутого оживления Образа. Это может случиться скоро, но Армагеддон не может этому предшествовать, а должен следовать – возможно год спустя, согласно нашему взгляду на Пророческое Слово.

Здесь появляется еще одно. Хотя иудеи постепенно стекаются в Палестину, обретая контроль над землей Ханаан, и хотя имеются сообщения, что уже девятнадцать миллионеров находятся там, тем не менее, пророчество требует прибытия туда значительно большего числа богатых евреев, прежде чем наступит кризис Армагеддона. Да, мы понимаем, что "Скорбь Иакова" в Святой Земле придет в самом конце Армагеддона. Тогда Царство Мессии начнет становится видимым. С того времени Израиль в Земле Обетованной будет постепенно восставать из пепла прошлого к пророческому величию. Посредством своих Божественно назначенных князей, Царство Мессии, всемогущественное, но невидимое, начнет убирать проклятие и поднимать человечество, давая украшение вместо пепла.

[11]

“ДЕНЬ МЩЕНИЯ” - ГЛАВА I

Пророческое упоминание о нем – Время приблизилось – Цель этого тома – Общие наблюдения

“Ибо день мщения – в сердце Моем, и год Моих искупленных настал”. “Ибо день мщения у Господа, год возмездия за Сион!” (Ис. 63: 4; 34: 8).

ВОТ так пророк Исаия упоминает период, который Даниил (12: 1) описывает как “время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди”; о котором Малахия (4: 1) говорит: “Ибо вот, придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома…”; в котором, по словам апостола Иакова (5: 1-6), богатые будут плакать и рыдать о бедствиях, какие их постигнут; которое Иоиль (2: 2) описывает как день тьмы и мрака; о котором Амос (5: 20) говорит, что “день Господень мрак, а не свет; он – тьма, и нет в нем сияния”; о котором Господь упоминает (Матф. 24: 21, 22), как о времени “великой скорби”, столь разрушительной по своему характеру, что если бы она не была укорочена, то ни одно тело не уцелело бы от ее опустошений.

То, что описанный пророками сумрачный и пасмурный день является днем суда человечества (в общественном и национальном отношении) – днем возмездия народам, – очевидно из многих текстов. Однако, учитывая это, пусть читатель одновременно

[12] помнит разницу между судом народов и индивидуальным судом. Хотя народ состоит из личностей, и отдельные личности весьма ответственны за поведение народов, отчего должны страдать и действительно очень страдают в приходящих на них бедствиях, однако суд мира, как личностей, будет отличаться от суда народов.

Как уже было показано, днем индивидуального суда мира будет век Тысячелетия.* В то время, в благоприятных условиях Нового Завета и дарованного ясного знания истины, а также при всевозможной помощи и побуждении к праведности, все люди индивидуально, а не коллективно (как народы или другие общественные формирования), будут на испытании, то есть на суде вечной жизни. Суд народов, начатый теперь, является судом людей в их коллективном (религиозном и общественном) виде. Общественные институции мира длительное время имели позволение на власть, но по мере того, как "Времена язычников" приходят к завершению, они должны дать отчет. Господний суд, заранее указанный пророками, гласит, что никто из них не будет сочтен достойным получить возобновление такого позволения, то есть продления жизни. Согласно постановлению, господство у них будет отнято, и Тот, Кому принадлежит это право, примет Царство, и народы будут отданы Ему в наследие (Иез. 21: 27; Дан. 7: 27; Пс. 2: 8; Отк. 2: 26, 27).

*Том I, глава 8.

Послушайте слов Господа к народам, собранным перед Ним на суд: "Приступите народы, слушайте и внимайте, племена! Да слышит земля и все, что наполняет ее, вселенная и все рождающееся в ней! Ибо гнев Господа на все народы, и ярость Его на все воинство их". "А Господь.. есть.. Царь вечный. От гнева Его дрожит земля; и народы не могут выдержать негодования Его". "Шум

[13] дойдет до концов земли, ибо у Господа состязание с народами.. Так говорит Господь Саваоф: Вот бедствие пойдет от народа к народу, и большой вихрь [усиливающаяся, все более запутанная скорбь и сумятица] поднимется от краев земли. И будут пораженные Господом в тот день – от конца земли до конца земли…". "Итак, ждите Меня, говорит Господь, до того дня, когда Я восстану для опустошения, ибо Мною определено собрать народы, созвать царства, чтоб излить на них негодование Мое, всю ярость гнева Моего; ибо огнем ревности Моей пожрана будет вся земля [нынешний общественный строй]. Тогда [затем] опять Я дам народам уста чистые, чтобы все призывали Имя Господа и служили Ему единодушно" (Ис. 34: 1, 2; Иер. 10: 10; 25: 31-33; Соф. 3: 8, 9; Лук. 21: 25).

Мы уже показали*, что время приблизилось, и что сегодня нас тесно окружают события дня Иеговы. Следующие несколько лет неминуемо должны привести к зрелости элементы, которые уже сегодня орудуют в направлении предсказанной скорби; и, согласно вернейшему слову пророчества, нынешнее поколение станет свидетелем ужасного кризиса и пройдет через решающий конфликт.

*Том II.

Обращая внимание на эту тему, мы не ставим перед собой цели вызвать обычную сенсацию и не стремимся удовлетворить пустое любопытство. Мы также не надеемся возбудить в сердцах людей раскаяние, которое привело бы к изменениям в нынешнем общественном, политическом и религиозном порядке общества, и, тем самым, предотвратило бы нависшее бедствие. Приближающаяся скорбь неминуема: задействованы все могущественные процессы, и никакая человеческая сила не в состоянии приостановить их действие и продвижение к определенному концу. Результаты должны быть такими, какие предвидел

[14] и предсказал Господь. Никакая рука, кроме руки Бога, не способна сдержать нынешний ход событий; но Его рука не сделает этого, пока горький опыт конфликта не оставит своего отпечатка на сердцах людей.

Следовательно, главная цель данного тома не в том, чтобы просветить мир, который может оценить только логику событий и не больше, но предостеречь, вооружить, утешить, подбодрить и укрепить "дом веры", чтобы он не пришел в уныние, а пребывал в полном единстве и согласии даже с самыми строгими мерами божественных взысканий в пору наказания мира, верой созерцая славный исход в виде отборных плодов праведности и продолжительного мира.

День мщения естественным образом связан с милостивым замыслом, имеющим божественное позволение – свержением всего нынешнего порядка вещей и приготовлением к неминуемому установлению Божьего Царства на земле под властью Христа, Князя Мира.

Пророк Исаия (63: 1-6), обращая свой взор к концу жатвы Евангельского века, увидел могущественного Завоевателя, славного в Своей одежде (облеченного в полномочия и власть), Который победоносно попирает всех Своих врагов, а все Его одежды запятнаны кровью. Пророк спросил, кто этот странный незнакомец, говоря: "Кто это идет из Едома, в червленых ризах от Восора, столько величественный в полноте силы Своей?"

Стоит напомнить, что Едом было именем, данным Исаву, брату-близнецу Иакова, после того, как он продал свое первородство (Быт. 25: 30-34). Впоследствии это имя применяли одинаково к людям, бывшим его потомками, и к стране, которую они населяли (См. Быт. 25: 30; 36: 1; Числ. 20: 18, 20, 21; Иер. 49: 17). В результате, название Едом является

[15] подходящим символом класса, который в этом веке похожим образом продал свое первородство, да еще по такому пустяковому поводу, как кушанье из чечевицы, которое так подействовало на Исава. Это имя часто применяется пророками к большой группе исповедующих христиан, которую иногда называют "христианским миром" и "христианством" (т. е. Христовым Царством), и эти имена каждый мыслящий человек должен без труда распознать как ошибочные, обнаруживающие полное непонимание истинной цели и характера Христова Царства, а также назначенного времени и способа его установления. Это всего лишь хвастливые притязания, ложно представляющие истину. Разве мир уже действительно христианский? А может это та его часть, которая принимает такое название – народы Европы и Америки? Прислушайтесь к грохоту канонады, к буханью сапог военных колонн, к вытью артиллерийских снарядов, к стону угнетенных, к бормотанию разгневанных народов, с глухой настойчивостью отвечающих: "Нет!" Разве они составляют Христовое Царство – истинное христианство? Кто возьмет на себя ответственность доказывать такое чудовищное предположение? Софизм такого хвастливого притязания настолько ощутим, что любая попытка стать в его защиту столь быстро развеет иллюзии, что ни один желающий увековечить его не решится взяться за это.

Соответствие символического названия "Едом" весьма выразительно в его применении к христианству. Народы так называемого христианства имели привилегии превыше всех других народов в том, что им, как и израильтянам в предыдущем веке, были даны Божьи слова. В результате просвещения Божьим Словом – прямо и косвенно – к этим народам пришли все благословения цивилизации, а присутствие среди них немногих святых ("малого стада"), которые развились под его влиянием, было словно "соль земли", сохраняя ее в

[16] определенной степени от полного морального разложения. Они, благодаря своему набожному примеру и усилиям держать Слово жизни, были "светом мира", показывая людям дорогу обратно к Богу и праведности. Но только некоторые посреди всех этих одаренных милостью народов должным образом воспользовались своими преимуществами, которые перешли к ним по наследству, ввиду их рождения в землях, благословенных (опять же прямо и косвенно) влиянием Божьего Слова.

Наподобие Исава, массы христианства продали свое первородное право на исключительные, особые привилегии. Под словом массы мы понимаем не только часть христианства, состоящую из агностиков, но также подавляющее большинство светских людей, исповедующих религию Христа, которые являются христианами только с имени, но которым недостает жизни Христа в них. Они предпочли скудные ломти нынешних земных удобств всем благословениям единства и общности с Богом и Христом, а также славному наследию с Христом, обещанному тем, кто верно идет по Его стопам жертвования. Являясь номинальным Божьим народом – номинальным духовным Израилем Евангельского века, образом которого был "Израиль по плоти" Иудейского века, – они на самом деле очень мало уважают, а то и вовсе не уважают Божьи обетования. Хотя они действительно являются могущественным воинством, которое носит имя Христа и позирует перед миром как Церковь Христа; хотя они создали большие организации, которые представляют различные схизмы в теле исповедующих Христа; хотя ими написаны большие тома без-"системной теологии" и основаны многие колледжи и семинарии для их изучения; и хотя во имя Христа они "многие чудеса творили", которые, тем не менее, нередко противоречили учениям Его Слова, все же они составляют класс Едома, который продал свое первородство. Этот класс включает почти все "христианство" – всех взращенных в

[17] так называемых христианских землях, которые не воспользовались привилегиями и благословениями Евангелия Христа и не подчинили ему свою жизнь. Остальные – это небольшое число оправданных, посвященных и верных лиц, присоединенных к Христу живой верой, которые как "ветви" пребывают во Христе, Истинной Виноградной Лозе. Они составляют истинный Божий Израиль – подлинных израильтян, в которых нет лукавства.

Символический Едом из пророчества Исаии соответствует символическому Вавилону Откровения, а также пророчеств Исаии, Иеремии, Иезекииля. Вот так Господь дает определение и описание большой системе, которой люди дали вводящее в заблуждение название "христианство" – Христовое Царство. Поскольку вся земля Едома символизирует все "христианство", то ее столичный город, Восор, символизирует церковничество – главный оплот христианства. Пророк показывает Господа, как победоносного воина, который совершает большую резню в Едоме, и особенно в Восоре. Название Восор означает "овчарня". Восор даже сегодня знаменит своими козлами, а резня этого дня мщения, как сказано, должна быть на "агнцев и козлов" (Ис. 34: 6). Козлы соответствовали бы "плевелам", тогда как агнцы символизировали бы святых в скорби (Отк. 7: 14; 1 Кор. 3: 1), пренебрегших воспользоваться предоставленными им возможностями и не бежавших так, чтобы получить награду своего вышнего звания. Хотя Господь не отверг их, они не были признаны достойными избежать скорби, как признаны взрослые "овцы" – призванные, избранные и верные.

Ответ на вопрос пророка: "Кто это идет от Едома, в червленых ризах от Восора?" – таков: "Я – изрекающий правду, сильный, чтобы спасать!" Тот же Властитель описан в Откровении (Отк. 19: 11-16) как "Царь царей и Господь господствующих", Помазанник Иеговы, наш блаженный Искупитель и Господь Иисус.

[18] Для нашего осведомления пророк спрашивает дальше, говоря: “Отчего же одеяние Твое красно, а ризы у Тебя – как у топтавшего в точиле?” Послушаем ответ: “Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною; и Я топтал их во гневе Моем и попирал их в ярости Моей; кровь их брызгала на ризы Мои, и Я запятнал все одеяние Свое; ибо день мщения – в сердце Моем, и год Моих искупленных настал. Я смотрел, – и не было помощника; дивился, что не было поддерживающего; но помогла Мне мышца [сила] Моя, и ярость Моя – она поддержала Меня. И попрал Я народы во гневе Моем.. и вылил на землю кровь их”. А Откровение дополняет: “Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя” (Отк. 19: 15).

Топтание точила является последней чертой дела жатвы. Сперва следовало все пожать и собрать. Следовательно, это топтание точила гнева Божьего, в которое будет брошен “виноград на земле” (ложный виноград, который незаконно присвоил себе название “христианский” и “Христово Царство”), когда целиком созреют его кисти беззакония (Отк. 14: 18-20), представляет последнее дело этой изобилующей событиями поры “жатвы”.* Это представляет нашему уму последние черты великого времени скорби, которая охватит все народы, и по поводу которой мы имеем столь многочисленные предостережения Священного Писания.

*Том III, глава 6.

Факт, что Царь царей представлен как Тот, Который топчет точило “Сам”, показывает, что сила, употребленная для свержения народов, будет божественной силой, а не простой человеческой активностью. Именно Божья сила накажет народы и окончательно “доставит суду [справедливости, праведности, истине] победу”. “Жезлом уст Своих поразит

[19] [Он] землю, и духом уст Своих [мощью и духом Своей истины] убьет нечестивого" (Ис. 11: 4; Отк. 19: 15; Пс. 97: 1). Почести будущей победы истины и справедливости нельзя приписать какому бы то ни было человеческому руководству. Этот конфликт озлобленных народов будет неистовым, а поле битвы и волнение народов – всемирным, и не сыщется ни одного человеческого Александра, Цезаря или Наполеона, чтобы навести порядок среди этого ужасного замешательства. Но в конце станет понятно, что величественная победа истины и справедливости, а также наказание по заслугам беззакония произошло благодаря могущественной силе Царя царей и Господа господствующих.

Все эти вещи должны произойти в заключительных днях Евангельского века, потому что, как утверждает Господь через пророка (Ис. 63: 4; 34: 8), "Год Моих искупленных настал" и "день мщения у Господа, год возмездия за Сион". Весь Евангельский век Господь пристально следил за полемикой, спорами и раздором в номинальном Сионе. Он видел, как Его верные святые были вынуждены бороться за истину и праведность и даже переносить преследования ради праведности от рук тех, которые противились им в имени Господа. Для разумной цели Господь сдерживался до сих пор от вмешательства, но теперь настал день возмездия, и у Господа суд с ними, как написано: "Ибо суд у Господа с жителями сей земли, потому что нет ни истины, ни милосердия, ни Богопознания на земле. Клятва и обман, убийство и воровство и прелюбодейство крайне распространились, и кровопролитие следует за кровопролитием. За то восплачет земля сия, и изнемогут все, живущие на ней..." (Ос. 4: 1-3). Это пророчество, столь правдиво исполнившееся на телесном Израиле, является вдвойне правдивым в своем более полном применении к номинальному духовному Израилю – христианству.

[20] “Шум дойдет до концов земли, ибо у Господа состязание с народами: Он будет судиться со всякою плотью, нечестивых Он предаст мечу, говорит Господь”. “Слушайте, что говорит Господь.. Слушайте, горы [царства], суд Господень, и вы [до сих пор] твердые основы земли [общества], ибо у Господа – суд с народом Своим [исповедующими]”, “нечестивых Он предаст мечу” (Иер. 25: 31; Мих. 6: 1,2).

Послушайте также, что говорит об этом противостоянии пророк Исаия: “Приступите, народы, слушайте и внимайте, племена! Да слышит земля и все, что наполняет ее, вселенная и все рождающиеся в ней [все самолюбие и зло, рожденное духом мира]! Ибо гнев Господа на все народы, и ярость Его на все воинство их. Он [если взглянуть с точки зрения будущего] предал их заклятию, отдал их на заклание.. и упьется земля их кровью, и прах их утучнеет от тука. Ибо день мщения у Господа, год возмездия за Сион” (Ис. 34: 1, 2, 7, 8).

Вот так Господь поразит народы и заставит их познать Его силу. Он освободит Свой верный народ, который не ходит с толпами путем зла, но всецело следует за Господом, своим Богом, среди коварного и порочного рода. И даже этот ужасный суд мира – народов, – который сокрушит их как сосуд горшечника, станет для них ценным уроком, когда они придут на индивидуальный суд под Тысячелетним царствованием Христа. Вот так в Своем гневе Господь вспомнит о милосердии.

* * *

[21]

ГЛАВА II - “ОСУЖДЕНИЕ ВАВИЛОНА” - “ХРИСТИАНСТВА”, “МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН”

Вавилон – Христианство – Город – Империя – Мать – Дочери – Осуждение Вавилона – Его ужасный смысл

“Пророчество о Вавилоне, которое изрек Исаия.. Поднимите знамя на открытой горе, возвысьте голос; махните им рукою, чтобы шли в ворота властелинов”.

“Я дал повеление избранным Моим, и призвал для гнева Моего сильных Моих, торжествующих в величии Моем”.

“Идут из отдаленной страны, от края неба, Господь и орудия гнева Его, чтобы сокрушить всю землю”.

“Большой шум на горах, как бы от многолюдного народа, мятежный шум царств и народов, собравшихся вместе. Господь Саваоф обозревает боевое войско”.

“Рыдайте; ибо день Господа близок, идет как разрушительная сила от Всемогущего. Оттого руки у всех опустились, и сердце у каждого человека растаяло. Ужаснулись, судороги и боли схватили их; мучатся, как рождающая, с изумлением смотрят друг на друга, лица у них разгорелись”.

“Вот приходит день Господа лютый, с гневом и пылающею яростию, чтобы сделать землю пустынею и истребить с нее грешников ее”.

“Звезды небесные и светила не дают от себя света; солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим”.

“И Я накажу мир за зло, и нечестивых – за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых, и

[22] уничижу надменность притеснителей; сделаю то, что люди будут дороже чистого золота, и мужи дороже золота Офирского. Для сего потрясу небо, и земля сдвинется с места своего от ярости Господа Саваофа, в день пылающего гнева Его" (Ис. 13: 1-13. Сравните Отк. 16: 14; Евр. 12: 26-29).

"И поставлю суд мерилом и правду весами; и градом истребится убежище лжи, и воды потопят место укрывательства" (Ис. 28: 17).

Различные пророчества Исаии, Иеремии, Даниила и Апокалипсиса относительно Вавилона находятся в полном согласии и явно ссылаются на один и тот же великий город. А поскольку эти пророчества получили лишь очень ограниченное исполнение в случае древнего, буквального города, а пророчества Апокалипсиса были написаны столетия после того, как буквальный Вавилон лег в развалинах, то ясно, что все эти пророчества особым образом относятся к чему-то, чего древний буквальный Вавилон был иллюстрацией. Ясно также, что поскольку пророчества Исаии, Иеремии о его падении исполнились на буквальном городе, то в его падении, а также в его характере мы имеем иллюстрацию великого города, на который Откровитель указывает символическим языком Апокалипсиса (главы 17 и 18), и на который главным образом ссылаются другие пророки.

То, что сегодня известно как христианство, является, как уже упоминалось, противообразом древнего Вавилона; поэтому внушительные предостережения и предсказания пророков о Вавилоне – христианстве – являются предметом глубокой заинтересованности нынешнего поколения. Лишь бы эти люди были достаточно мудры, чтобы принять их во внимание! Хотя к христианству в Священном Писании применены прочие различные символические названия, такие как Едом, Ефрем, Ариил и т. д., выражение, "Вавилон", употребляется наиболее часто и его значение, "замешательство", подходит как нельзя лучше. Апостол Павел также упоминает номинальный духовный Израиль в противовес номинальному телесному

[23] Израилю (смотрите 1 Кор. 10: 18; Гал. 6: 16; Рим. 9: 8); похожим образом существует номинальный духовный Сион и номинальный телесный Сион (смотрите Ис. 33: 14; Ам. 6: 1). Однако давайте рассмотрим некоторые удивительные соответствия христианства Вавилону, его образу, включая прямое свидетельство Божьего Слова на эту тему. Затем мы обратим внимание на нынешнее поведение христианства, а также на существующие признаки его предсказанного осуждения.

Откровитель дал понять, что не будет трудно обнаружить этот большой мистический город, потому что его название находится на его челе, то есть, что он ясно различим, и мы не должны обознаться, разве что закроем наши глаза и откажемся смотреть: "И на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным" (Отк. 17: 5). Но прежде, чем поискать этот Мистический Вавилон, давайте сперва рассмотрим образный Вавилон, а затем, держа в уме его известные черты, поищем противообраз.

Название Вавилон применялось не только к столичному городу Вавилонской империи, но также к самой империи. Вавилон, столица, был самым великолепным и, вероятно, самым большим городом древнего мира. Он был построен в форме квадрата по обе стороны реки Евфрат; для защиты от захватчиков его окружили глубоким рвом, наполненным водой, расположенным внутри разветвленной системы двойных стен от тридцати двух до восьмидесяти пяти футов толщины и от семидесяти пяти до трехсот футов высоты. Говорят, что поверху было двести пятьдесят невысоких башен, расположенных вдоль внутренних и внешних граней стен: башня напротив башни; в этих стенах имелась сотня ворот из бронзы, по двадцать пять с каждой стороны, согласно количеству улиц, взаимно пересекающихся под прямым углом. Город был украшен великолепными дворцами, храмами и добычей от завоеваний.

[24] Навуходоносор был великим монархом Вавилонской империи, долгое царствование которого охватывало почти половину периода ее существования, и которому она главным образом была обязана своим величием и воинской славой. Город был знаменит своим богатством и великолепием, которые произвели соответствующую моральную деградацию, верного предвестника его заката и упадка. Оно было целиком предано идолопоклонству и наполнено беззаконием. Люди воздавали честь Ваалу, которому приносили человеческие жертвы. Как глубоко они пали в своем идолопоклонстве, можно понять из порицания Богом израильтян, когда те испортились, общаясь с ними (смотрите Иер. 7: 9; 19: 5).

Этому названию положила начало неудача плана возведения большой башни, именуемой Вавил (замешательство), потому что там Бог смешал человеческую речь. Однако местные этимологи предлагают название Вавел, что, вместо укора и припоминания о Господней немилости, означало для них "Божьи врата".

Город Вавилон достиг положения величия и богатства будучи столицей великой Вавилонской империи и был назван "золотым городом", "красой царства, гордостью Халдеев" (Ис. 13: 19; 14: 4).

Навуходоносора сменил на престоле его внук Валтасар, во время царствования которого пришел упадок, всегда обеспечиваемый и ускоряемый спесью, сытостью хлеба и обилием праздности. Пока весь народ, не осознающей надвигающейся опасности, следовал примеру своего царя, предаваясь деморализирующим крайностям, персидская армия, руководимая Киром, тайно проникла внутрь руслом Евфрата (от которого они прежде отвели в сторону воду), истребила пирующих и захватила город. Вот так исполнилось пророчество странной надписи на стене – "Мене, Мене, Текел, Упарсин", – которую Даниил всего за несколько часов до этого истолковал следующим образом: "Исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ты

[25] взвешен на весах и найден очень легким; разделено царство твое и дано Мидянам и Персам". Разрушение этого большого города оказалось столь полным, что даже его местоположение было предано забвению и долгое время считалось неопределенным.

Таким был образный город; и, подобно большому жернову, брошенному в море, он канул в лету много веков тому назад, чтобы никогда больше не подняться; даже память о нем сделалась укором и пословицей. А теперь поищем его противообраз, сперва отметив, что на это ясно указывает Священное Писание, а затем обратив внимание на уместность символизма.

В символическом пророчестве "город" означает религиозное правление, поддерживаемое властью и влиянием. Так, например, "святый город, Иерусалим Новый" является символом, используемым, чтобы показать установленное Божье Царство, победителей из числа Евангельской Церкви, возвышенных и царствующих в славе. Также Церковь, в том же смысле, представлена как женщина, "жена, невеста Агнца", в силе и славе, поддерживаемая силой и авторитетом Христа, ее мужа. "И пришел ко мне один из семи Ангелов.. и сказал мне: Пойди, я покажу тебе жену, невесту Агнца. И.. показал мне великий город, святый Иерусалим" (Отк. 21: 9, 10).

Тот же метод интерпретации применим к мистическому Вавилону, великому церковному царству, "городу великому" (Отк. 17: 1-6), который описан как блудница, падшая женщина (отступническая церковь, потому что истинная Церковь является девой), возвышенная к власти и господству, поддерживаемая в значительной степени царями земли, гражданскими властями, которые так или иначе одурманены ее духом и учением. Отступническая церковь потеряла свою девственную чистоту. Вместо того чтобы ждать, как обрученная и чистая дева, возвышения с небесным Женихом, она связалась с царями земли и лишилась своей девственной чистоты – одинаково учений и характера, – предавшись мирским

[26] идеалам. Взамен она получила, и сегодня до некоторой степени держит, нынешнее господство – в большой мере благодаря их поддержке, прямой и косвенной. Такая неверность Господу, имя Которого она призывает, и своей возвышенной привилегии быть "чистой девой", обрученной Христу, является поводом того, чтобы дать ей символическое название "блудница", в то время как ее влияние, как священнической империи, полной несоответствий и замешательства, символически представлено названием Вавилон, в котором (в самом широком смысле, символически показанном в Вавилонской империи) мы тотчас узнаем христианство; хотя в более узком смысле, как это представлено древним городом Вавилоном, мы видим в нем номинальную христианскую Церковь.

Факт, что христианство не применяет к себе библейского выражения "Вавилон" и его значения, "замешательства" (как оно применимо к нему), вовсе не является доказательством, что это не так. Древний Вавилон также не применял к себе библейского определения "замешательство". Древний Вавилон претендовал быть подлинными "Божьими вратами", однако Бог назвал его "Замешательством" (Быт. 11: 9), и то же самое происходит с его противообразом сегодня. Он именует себя христианством, вратами к Богу и вечной жизни, тогда как Бог именует его Вавилоном – замешательством.

Протестанты очень широко и вполне оправданно считают, что название "Вавилон" и пророческое описание применимы к папству, хотя с недавних пор они более расположены к компромиссу и менее склонны применять его таким образом. Наоборот, сегодня прилагаются всяческие усилия со стороны сект протестантизма расположить к себе и копировать церковь Рима, присоединяясь к ней и сотрудничая. Поступая так, они становятся неотъемлемой ее частью, столь же оправдывая ее путь и дополняя меру ее беззаконий, как книжники и фарисеи дополняли меру своих отцов, убивавших пророков (Матф. 23: 31, 32). Все это, естественно, не готовы признать ни протестанты, ни паписты, поскольку, делая так, они будут осуждать

[27] себя. Этот факт усмотрел Откровитель, который показывает, что все, кто обретет истинный взгляд на Вавилон, должны (в духе) занять место с истинным народом Бога "в пустыне" – в состоянии разобщения с миром, мирскими идеалами и пустыми формами набожности, в состоянии полного посвящения, верности и полной зависимости от Бога. "И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену.. Вавилон" (Отк. 17: 1-5).

С тех пор, как царства цивилизованного мира согласились, чтобы в них возобладало влияние больших церковных систем и, прежде всего, папства, они, принимая от них названия "христианские народы" и "христианство", а также принимая (ссылаясь на них) учение о божественном праве царей и т. д., также соединяются с великим Вавилоном и становятся его частью. И как в образе название Вавилон применялось не только к городу, но и ко всей империи, так и здесь символическое название "Вавилон" применимо не только к великим религиозным организациям (папским и протестантским), но также, в самом широком смысле, ко всему христианству.

Следовательно, этот день суда мистического Вавилона является днем суда всех народов христианства; его бедствия охватят все строение – гражданское, общественное и религиозное, – а отдельные личности будут затронуты им в той степени, в какой они заинтересованы его различными организациями и мероприятиями и зависят от них.

Народы вне христианства также почувствуют тяжесть руки возмездия за то, что они до некоторой степени связаны с народами христианства различными интересами – коммерческими и другими; а также, и это справедливо, за то, что им не удалось оценить свет, увиденный ими, и они возлюбили тьму вместо света, потому что дела их грешные. Таким образом, как провозгласил

[28] пророк, "огнем ревности Моей [Божьей] пожрана будет вся земля [общество]" (Соф. 3: 8). В то же время против Вавилона, христианства, по причине его большей ответственности и злоупотребления полученными милостями, воспылает лютость Его гнева и негодования (Иер. 51: 49). "От шума взятия Вавилона потрясется земля, и вопль будет слышен между народами" (Иер. 50: 46).

ВАВИЛОН – МАТЬ И ДОЧЕРИ

Однако некоторые искренние христиане, еще не понимающие заката протестантизма и не осознающие родства различных сект с папством, но ощущающие беспокойство и доктринальные неурядицы во всех религиозных системах, могут по-прежнему с волнением спрашивать: "Если все христианство должно разделить осуждение Вавилона, то что будет с протестантизмом, результатом Великой Реформации?" Это важный вопрос; но пускай читатель примет во внимание, что протестантизм в нынешнем виде является результатом не Великой Реформации, а ее заката, и сегодня в большой мере разделяет склонности и характер Церкви Рима, от которой возникли различные его ответвления. Различные протестантские секты (а мы говорим это с должным уважением к сравнительно немногим преданным душам, находящимся в них, которых Господь признает "пшеницей", в противовес подавляющему числу "плевел") являются настоящими дочерьми этой выродившейся системы номинального христианства, папства, на которое ссылается Откровитель, применяя к нему название "мать блудницам" (Отк. 17: 5). Пусть не будет оставлено без внимания, что одинаково паписты и протестанты сегодня открыто исповедуют родство матери и дочерей, где первая постоянно именует себя Святой Матерью-Церковью, а последние поддерживают с приятным самодовольством эту идею, как видно из многих публичных высказываний ведущих протестантских духовных лиц и мирян. Тем самым

[29] “слава их – в сраме”, ведь все они, по-видимому, не осознают клейма, таким образом принимаемого ими из Божьего Слова, которое определяет папство как “мать блудницам”. Да и папство, претендуя на материнские полномочия, кажется никогда не сомневалось в своем праве на этот титул и не думало о его несоответствии своему исповеданию быть по-прежнему единственной истинной церковью, которую Священное Писание называет “девой”, обрученной Христу. Ее общеизвестные претензии на материнство становятся вечным срамом для нее самой и для ее отпрысков. Истинная Церковь, признаваемая Богом, но неизвестная миру, дальше является девой; из ее чистого и святого состояния никогда не появлялись никакие дочерние системы. Она по-прежнему является чистой девой, верной Христу и дорогой Ему, как зеница Его ока (Зах. 2: 8; Пс. 16: 6, 8). На истинную Церковь нигде нельзя указать, как на общество, от которого отделены все плевелы, но она состоит только из истинной “пшеницы”, где все известны Богу, несмотря на то, признает их мир или нет.

Однако давайте посмотрим, как протестантские системы поддерживают это дочернее родство с папством. Поскольку папство, мать, не является отдельной личностью, а большой религиозной системой, то, держась символа, мы должны надеяться увидеть другие религиозные системы, отвечающие иллюстрации дочерей, с похожим характером (конечно, не столь древние и не обязательно столь испорченные, как папство, но все же “блудницы” в том же смысле), то есть религиозные системы, претендующие быть или обрученной девой или невестой Христа, одновременно стремясь заполучить благосклонность и поддержку мира ценой неверности Христу.

Такому описанию полностью соответствуют различные протестантские организации. Они – большие дочерние системы.

Как уже указывалось*, рождение этих различных

[30] дочерних систем произошло в связи с реформами испорченной матери-Церкви. Дочерние системы отделились от матери в родовых муках и родились девами. Тем не менее, они содержали не только истинных реформаторов, но и многих, имевших по-прежнему дух матери, и те унаследовали многие из ее ложных учений и теорий. Прошло немного времени, и они предались многочисленным порочным делам и подтвердили соответствие своих характеров пророческому клейму – "блудницы".

*Том III, стр. 112.

Не следует забывать, что хотя различные реформаторские движения выполнили важную работу по "очищению святилища", только класс храма, класс святилища, был и по-прежнему остается истинной Церковью в Божьем понимании. Большие человеческие системы, именуемые церквями, никогда не были чем-то большим, нежели Церковью с имени. Все они принадлежат к ложной системе, которая подменяет, искажает и прячет от мира истинную Церковь, состоящую исключительно из полностью посвященных и верных верующих, которые полагаются на заслугу одной великой жертвы за грехи. Их следует искать разбросанными тут и там внутри и за пределами этих человеческих систем; при этом они всегда отделены от их мирского духа. Они являются классом "пшеницы" из притчи нашего Господа, где они четко разграничены Им с "плевелами". Не осознавая истинного характера этих систем, они (каждый отдельно) смиренно ходили с Богом, принимая Его Слово как своего советчика, и Его Дух как своего проводника. Они также никогда не чувствовали себя свободно в номинальном Сионе, где нередко с болью наблюдали, как дух мира, действующий посредством непризнанной составной части – "плевел", угрожал духовному благополучию. Они – блаженные сетующие на Сионе, которым Бог определил "вместо пепла.. украшение, вместо плача – елей радости" (Матф. 5: 4; Ис. 61: 3). Отделение этого класса от "плевел" принадлежит только к этому времени "жатвы", потому что Господним намерением было "оставить расти

[31] вместе то и другое до жатвы [времени, в котором мы теперь живем]" (Матф. 13: 30).

Вот почему данный класс сейчас пробуждается к осознанию истинного характера этих осужденных систем. Как было до этого показано,* различные реформаторские движения, согласно предсказанию пророка (Дан. 11: 32-35), были побеждены "лестью": каждое из них, совершив меру очищения, приостановилось. В том, что они считали выгодным, они наследовали пример церкви Рима, заискивая и получая благосклонность мира ценой своей добродетели – своей верности Христу, настоящему Главе Церкви. Церковь и государство опять избрали общий путь, объединили до некоторой степени свои светские интересы за счет истинных, духовных интересов церкви; прогресс и реформа в церкви снова оказались в застое. Действительно, началось обратное движение, так что сегодня многие из них находятся намного дальше нужного критерия (одинаково в вере и в поступках), чем во дни их основателей.

*Том III, глава 4.

Некоторым из реформированных церквей даже предоставили участие в полномочиях и власти с земными правителями, как, например, церкви Англии и лютеранской церкви в Германии. Те, кто не преуспел в такой мере (как, к примеру, в этой стране), сделали миру многочисленные компромиссные предложения ради мелочных привилегий. Верно также, что хотя светские власти посодействовали мирским стремлениям неверной церкви, церковь также открыто предоставила миру свое общество и товарищество, да так открыто, что крещенные светские люди сегодня составляют огромное большинство ее членов, занимая почти каждое важное положение и, тем самым, доминируя в ней.

Таковым было состояние, которое привело церковь к деградации в начале века, которое принесло большое

[32] отступничество (2 Фес. 2: 3, 7-10) и которое постепенно, но быстро, развило папскую систему.

Этот безответственный характер, в начале принятый различными реформаторскими движениями, который постепенно развил сектантские организации, продолжает существовать до нынешних дней; и чем больше эти организации растут богатством, числом и влиянием, тем больше они удаляются от христианских добродетелей и развивают высокомерие своей матери. Некоторые искренние христиане в различных сектах частично видят это, со стыдом и сожалением признавая происходящее и сокрушаясь. Они видят, что различные сектантские организации прилагают всевозможные усилия, чтобы понравиться миру, добиться его благосклонности и обеспечить себе его покровительство. Изысканные и дорогостоящие церковные строения, величественные шпили, звон колоколов, великолепные органы, изящное обустройство, профессиональные хоры, элегантные ораторы, ярмарки, фестивали, концерты, игры, лотереи и сомнительные увеселения и развлечения устраиваются с намерением обеспечить одобрение и поддержку мира. Величественные и целостные учения Христа выставлены на задворки, тогда как ложные учения и сладострастные проповеди заняли их место за кафедрой; истина игнорируется и предается забвению, а дух ее потерян. Как доподлинно дочери напоминают в этих подробностях материнскую организацию!

Как одно из многочисленных доказательств непринужденности и даже гордости, с какой протестантские секты признаются в своем родстве с папством, мы предлагаем следующие откровения пресвитерианского священнослужителя, взятые из одной его проповеди, опубликованной в ежедневной прессе. Этот джентльмен сказал:

“Можете содрогнуться, если хотите, но вы обязаны признать, что она (католическая церковь) является Материнской Церковью. Она обладает непрерывной историей, простирающейся обратно до времен апостолов. [Да, именно там началось отступничество. 2 Фес. 2: 7, 8]. За каждый фрагмент ценимой нами религиозной истины мы находимся перед ней в долгу, как перед сокровищницей. Если же у нее нет никаких прав быть истинной Церковью, тогда мы внебрачные дети, а не сыны”.

[33] “Вы говорите посылать миссионеров работать между папистами! Я бы скорее решил послать миссионеров к сторонникам епископальной церкви, к методистам, объединенным пресвитерианам и лютеранам с целью обратить их в пресвитерианство”.

Да, почти все докринальные заблуждения, которых столь упорно держатся протестанты, были принесены ими из Рима, хотя вне таких вопиющих заблуждений папства, как жертва литургии, почитание святых, девы Марии и икон, тайная исповедь, предоставление индульгенций и т. п., каждое реформаторское движение сделало определенный прогресс. Но, увы! Нынешние протестанты не только хотят, но и готовы пойти почти на любой компромисс, лишь бы добиться благосклонности и поддержки старой “матери”, от тирании и злодейств которой бежали их отцы три столетия тому назад. Даже те принципы истины, которые вначале являлись основой протеста, постепенно предаются забвению или открыто отвергаются. Само основополагающее учение “оправдания верой” в “ежедневную [постоянную] жертву” быстро уступает место старому папскому догмату оправдания делами и богохульной жертвой литургии.* Сегодня многие за кафедрами и за скамьей открыто признают, что у них нет веры в действенность драгоценной крови Христа как выкупной цены за грешников.

*Недавно литургия вошла в епископальную церковь (“High Church”) в Великобритании и Соединенных Штатах.

Притязания на апостольскую преемственность и священнические полномочия почти столь же высокомерно выдвигаются некоторыми протестантскими духовными лидерами, как и папскими священниками. А право каждого на личное суждение – как фундаментальный принцип протеста против папства, который привел к Великой Реформации, – протестанты сегодня почти столь же энергично отрицают, как и паписты. Однако протестанты полностью отдают себе отчет в том, что именно использование права на личное суждение положило начало Реформации и некоторое время

[34] двигало ее вперед, хотя позже самонадеянное господство признанных лидеров повернуло вспять колесо прогресса и с тех пор удерживает его строго в традиционных рамках, предавая осуждению всех, кто бесстрашно делает шаг за его пределы.

Если так смотреть, то протестантизм уже не является, как вначале, протестом против матери-церкви. Как заметил недавно один репортер: "Мы по-прежнему имеем -изм, но что же случилось с протестом?" Протестанты, кажется, забыли (потому что они действительно игнорируют) саму основу первоначального протеста и, как системы, стремительно плывут обратно в открытые объятия "Святой (?) Матери Церкви", куда их открыто приглашают и гарантируют для них сердечный прием.

"Мы нежно протягиваем вам нашу руку, – говорит папа Леон протестантам в своем известном* церковном послании "К князьям и народам земли", – и приглашаем вас к единству, которым никогда не пренебрегала католическая церковь и которым никогда нельзя пренебречь. Долгое время наша общая матерь звала вас к своей груди; долгое время все католики Вселенной ждали вас с воистину братской любовью.. Наши сердца, даже сильнее нашего голоса, взывают к вам, дорогие братья, которые в течение трех последних столетий расходились с нами в христианской вере".

*1894 г.

Еще в своей Энциклике к римской церкви Америки* папа Леон сказал: "Наши мысли сегодня обращены к тем, кто выразил несогласие с нами в вопросах христианской веры.. Как мы озабочены их спасением; с какой страстью в душе мы желаем им наконец вернуться в объятия Церкви, общей матери всех!.. Конечно, нам не следует оставлять их собственным вымыслам, а с мягкостью и добродетелью привлечь к себе, используя всякое средство для переубеждения, чтобы склонить к тщательному изучению каждой части католического учения и освободить от предвзятых убеждений".

*1895 г.

[35] В своем “Апостольском послании к английскому народу” (1895 г.) он предается молитве такими словами: “О, Блаженная Дева Мария, Матерь Божья и наша самая Добрая Царица и Матерь, ниспошли прощение Англии.. О, скорбная Матерь, вступись за наших отлученных братьев, чтобы вместе с нами в одном истинном стаде они могли присоединиться к Верховному Пастырю, Викарию твоего Сына”, т. е. к нему самому, к папе.

В поддержку того же плана были основаны “Миссии для протестантов” под руководством известных “Отцов Паулинов”. Эти собрания проводились и проводятся в больших городах с целью примирения и разъяснения. От протестантов принимают вопросы в письменном виде и дают публичные ответы. Также свободно распространяются брошюры для протестантов. Протестанты практически согласны с позицией католиков и на деле не могут дать никакого ответа. Если кто-то в состоянии ответить и отвечает, ссылаясь на факты, его обвиняют (одинаково протестанты и католики) в нарушении спокойствия.

Каждый здравомыслящий человек способен видеть, как легко протестантизм попадает в силки столь хитроумного коварства и как общественное мнение заметно склоняется к церкви Рима, которая на самом деле стала другой своим голосом и силой, но которая не изменилась сердцем и по-прежнему оправдывает инквизицию и другие свои методы стредневековья, утверждая свое право, как властительницы земли, наказывать еретиков как ей заблагорассудится.

Хотя многие верные души, не имеющие представления об истинном положении вещей, почтительно и преданно прославляли Бога в этих вавилонских системах, тем не менее. это не противоречит факту, что каждая и все вместе они являются системами-“блудницами”. Во всех из них царит замешательство; и название “Вавилон” надлежащим образом соответствует всему семейству – матери, дочерям и сообщникам, народам, именуемым христианством (Отк. 18: 7; 17: 2-6, 18).

[36] Таким образом, следует иметь в виду, что в больших политико-церковных системах, которые люди именуют христианством, но которые Бог называет Вавилоном, мы имеем не только фундамент, но и надстройку, а также господствующую верхушку нынешнего общественного строя. Это заключено в общепринятом выражении "христианство", которое в последнее время применимо не только к тем народам, которые поддерживают христианские секты законодательным путем и налогообложением, но и ко всем народам, которые проявляют терпимость к христианству без какой-то особой благосклонности или поддержки, как, например, Соединенные Штаты.

Учение о "божественном праве царей", преподаваемое или поддерживаемое почти каждой сектой, является фундаментом старой общественной системы и долгое время давало царствам Европы полномочия, высокое положение и непоколебимость. Учение о божественном назначении и полномочиях духовенства воспрепятствовало Божьим детям в продвижении в божественных вещах и связало их цепями суеверия и невежества, чтобы чтить и обожать своих падших ближних, а также их учения, традиции и интерпретации Божьего Слова. Именно весь упомянутый порядок вещей должен пасть и миновать в битве этого великого дня – порядок вещей, который столетиями держал людей в повиновении господству гражданских, общественных и религиозных властей. Все это происходило с Божьего позволения (а не по Его определению и одобрению, как утверждают некоторые). Являясь злом само по себе, оно, тем не менее, послужило хорошей, временной цели предотвращения анархии, которая неизмеримо хуже, поскольку люди не были готовы поступать лучше, и время на Тысячелетнее Царство Христа еще не наступило. Поэтому Бог позволил, чтобы различные заблуждения пользовались доверием, удерживая людей в повиновении до "Времени Конца" – окончания "Времен Язычников".

[37]

ОСУЖДЕНИЕ ВАВИЛОНА

На страницах пророчества мы можем отчетливо прочитать осуждение Вавилона, христианства. Столь же отчетливо оно выражено знамениями времени. О том, что его уничтожение будет неожиданным, насильственным и полным, убедительно сказано: "И один сильный Ангел взял камень, подобный большому жернову, и поверг в море, говоря: с таким стремлением повержен будет Вавилон, великий город, и уже не будет его" (Отк. 18: 8, 21; Иер. 51: 63, 64, 42, 24-26). А то, что ему следовало подвергнуться постепенному процессу истребления, показано Даниилом (Дан. 7: 26): "Затем воссядут судьи, и отнимут у него власть губить и истреблять до конца". Папское господство (и большая часть подобострастного почитания людьми церковничества в целом), как уже показано,* было сломано в начале Времени Конца – в 1799 году. И хотя последующий процесс истребления был медленным, в котором иногда появлялись признаки кажущегося возрождения, которые никогда не казались более преувеличенными, чем сегодня, заверение в окончательном уничтожении папства непреложно, а его предсмертная схватка будет отчаянной. Тем не менее, сперва оно должно достичь большей части своей былой репутации, которую оно разделит с объединенным союзом своих дочерей. Вместе они будут подняты, чтобы вместе быть насильно сброшенными вниз.

*Том III, стр. 40.

Существует подтверждение тому, что наказание Вавилона будет большим. Пророчески написано, что "Вавилон великий воспомянут пред Богом, чтобы дать ему чашу вина ярости гнева Его". И Он "взыскал кровь рабов Своих от руки ее". "Ибо грехи ее дошли до неба, и Бог воспомянул

[38] неправды ее. Воздайте ей так, как и она воздала вам, и вдвое воздайте ей по делам ее; в чаше, в которой она приготовляла вам вино, приготовьте ей вдвое. Сколько славилась она и роскошествовала, столько воздайте ей мучений и горестей. Ибо она говорит в сердце своем: сижу царицею, я не вдова и не увижу горести!" (Отк. 16: 19; 19: 2; 18: 5-7). Хотя наиболее широко эта речь применима, конечно же, к папству, она также включает всех, кто в определенной степени сотрудничает с ним или симпатизирует ему. Все они разделят его язвы (Отк. 18: 4). Хотя цари земли возненавидели блудницу и отвергли ее (Отк. 17: 16), она по-прежнему говорит: "Сижу царицею, я не вдова", – громко похваляется своим правом руководить народами и утверждает, что вскоре она получит обратно свою былую власть.

Свежая выдержка из католического журнала о хвастовстве и угрозах папства является хорошим тому примером:

"Папство вернет свое светское господство, поскольку оно полезно и выгодно Церкви. Оно предоставляет исполнительному главе церкви более полную свободу и более полное господство. Папа не может долго быть в подчинении какому-нибудь королю. Такое не соответствует божественному положению. Оно связывает его и ограничивает его влияние делать добро. Европа признала это влияние и будет вынуждена склониться перед ним во времена большей нужды, чем эта. Общественные неурядицы и красная рука анархии еще увенчают Леона или его преемника действительной властью, представленной третьим ярусом короны, которую когда-то признавали повсеместно".

Да, по мере приближения дня скорби, церковничество будет пытаться все больше использовать свою власть и влияние для обеспечения собственного политического благополучия путем контроля над бурлящими элементами общества. Однако в кризисе ближайшего будущего безбожный элемент отвергнет всякое консервативное влияние и сломает всякие ограничения; красная рука Анархии сделает свое ужасное дело, и Вавилон, христианство (общественное, политическое и церковное) упадет.

[39] "За то, – говорит вдохновенный писатель [то есть, поскольку Вавилон будет отчаянно бороться за жизнь и власть], – в один день [неожиданно] придут на нее казни, смерть и плач и голод, и будет сожжена огнем [символическим огнем – разрушительными бедствиями], потому что силен Господь Бог, судящий ее" (Отк. 18: 8).

"Так говорит Господь: вот, Я подниму на Вавилон и на живущих среди него противников Моих [всех, кто симпатизирует Вавилону]. И пошлю на Вавилон веятелей, и развеют его, и опустошат землю его; ибо в день бедствия нападут на него со всех сторон.. Истребите все войско его" (Иер. 51: 1-3).

"И воздам Вавилону [прежде всего папству] и всем жителям Халдеи [Вавилонии – христианства – всем народам так называемого христианского мира] за все то зло, какое они делали на Сионе в глазах ваших, говорит Господь" (Иер. 51: 24). Вспоминая длинный перечень зол, какими Вавилон угнетал и истощал святых Всевышнего (истинный Сион), а также слова, что Бог отомстит за Своих избранных, и то вскоре; что, согласно их делам, Он отплатит возмездием Своим врагам; что Он воздаст Вавилону воздаяние (Лук. 18: 7, 8; Ис. 59: 18; Иер. 51: 6), мы начинаем осознавать, что его ожидает какое-то страшное бедствие. Вселяющие ужас декреты папства (укор и воздаяние за которые протестантизм также навлекает на себя своей нынешней компрометирующей связью с ним), чтобы сжигать, устраивать резню, изгонять, заточать в темницу и пытать святых всевозможным образом, осуществляемым со столь дьявольской жестокостью во дни его господства рукой государства, власть которого он потребовал и получил, ожидают полной меры справедливого возмездия. Потому что он должен получить "вдвое за все грехи" его. И народы (христианства), которые

[40] участвовали в его преступлениях и грехах, обязаны испить с ним до самых краев эту горькую чашу.

“И посещу Вила в Вавилоне [бога Вавилона – папу], и исторгну из уст его проглоченное им [он откажется в своем безвыходном положении от “надутого пустословия” и богохульных титулов, которые долго себе присваивал – что он является непогрешимым викарием, “наместником Христа”, “еще одним Богом на земле” и т. д.], и народы не будут более стекаться к нему, даже и стены Вавилонские [гражданская власть, некогда защищавшая его и до некоторой степени делающая это дальше] падут.. Так говорит Господь, Саваоф: толстые стены Вавилона до основания будут разрушены и высокие ворота его будут сожжены огнем [будут разрушены]; итак напрасно трудились народы, и племена мучили себя для огня [подпирали и спасали стены Вавилона]” (Иер. 51: 44, 58). Это показывает ослепление людей и власть, какую Вавилон имеет над ними, так что они будут трудиться для его поддержания вопреки его наилучшим интересам. Но, несмотря на его отчаянную борьбу за жизнь и сохранность своего престижа и влияния, Вавилон, подобно большому жернову, брошенному в море, упадет, чтобы больше не подняться, “потому что силен Господь Бог, судящий” его. Лишь тогда люди поймут свое удивительное освобождение и то, что его свержение осуществилось рукой Бога (Отк. 19: 1, 2).

Таково осуждение Вавилона, христианства, предвиденное и предсказанное Исаией и другими пророками. Учитывая факт, что в его пределах находятся многие из Его собственного дорогого народа, Господь через Своего пророка (Ис. 13: 1, 2) повелевает Своим освященным, говоря: “Поднимите знамя [знамя блаженного Евангелия истины, лишенного традиционных заблуждений, которые долгое время его утаивали] на открытой горе [посреди тех, кто составляет истинный зародыш Божьего Царства], возвысьте голос

[41] [настойчиво и широко провозгласите эту истину для сбитых с толку овец Господнего стада, по-прежнему находящихся в Вавилоне]; махните им рукою [пускай они на примере видят силу истины, а также слышат, как она провозглашается], чтобы шли [охотно и послушно, как истинные овцы] в ворота властелинов [чтобы они могли осознать благословения истинно посвященных и наследников небесного Царства]".

Отсюда голос предупреждения: "Имеющий ухо да слышит". Мы находимся в последнем, то есть Лаодикийском, периоде большой номинальной евангельской церкви, состоящей из пшеницы и плевел (Отк. 3: 14-22). Она имеет порицание за свое равнодушие, спесь, духовную нищету, слепоту и наготу, и ей дан совет немедленно оставить свои злые пути еще до того, как будет слишком поздно. Но Господь знал, что лишь немногие сумеют внять предостережению и призыву. Таким образом, обещание награды дано не всей массе тех, к кому направлено обращение, а тем немногим, которые имеют ухо к истине и которые преодолели общее настроение и дух Вавилона: "Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем, как и Я победил и сел с Отцом Моим на престоле Его. Имеющий ухо [склонность слушать и внимать словам Господа] да слышит, что Дух говорит церквям". Но на тех, кто не имеет уха, кто не расположен слушать, Господь прольет Свое негодование.

То, что поведению всего христианства, за исключением нескольких лиц, характерны спесь, самодовольство и самовосхваление, очевидно даже самому случайному встречному. Оно по-прежнему говорит в своем сердце: "Сижу царицею, я не вдова и не увижу горести!" Оно по-прежнему восхваляет себя и живет в свое удовольствие. Оно говорит: "Я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды", – а не знает, что является "несчастным и жалким, и нищим, и слепым и нагим". Оно также не внемлет совету Господа купить

[42] у Него (ценой самопожертвования) золото, огнем очищенное (истинные богатства, небесные богатства, “божественную природу”), и белую одежду (одежду Христовой приписанной праведности, которая сегодня столь многими отвергается, и они являются перед Богом в своей собственной несправедливости), и помазать свои глаза глазной мазью (полного посвящения и подчинения божественной воле, как это выражено в Священном Писании), чтобы ему видеть и получить исцеление (Отк. 3: 18).

Дух мира настолько полно овладел церковными властями христианства, что реформация этих систем невозможна; отдельные лица могут избежать его участи только быстрым и своевременным уходом от них. Час суда настал, и даже сегодня на его стенах предостерегающий перст божественного провидения выводит таинственные слова: “Мене, Мене, Текел, Упарсин” – “Исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ты взвешен на весах и найден очень легким!” А пророк (Исаия 47) сегодня говорит, произнося:

“Сойди и сядь на прах, девица, дочь Вавилона [сказано в насмешку ее притязаниям на чистоту]; сиди на земле; престола нет, дочь Халдеев, и вперед не будут называть тебя нежною и роскошною.. Откроется нагота твоя, и даже виден будет стыд твой. Совершу мщение, и не пощажу никого.. Сиди молча, и уйди в темноту, дочь Халдеев: ибо вперед не будут называть тебя госпожею царств.. И ты говорила: «вечно буду госпожею», а не представляла того в уме твоем, не помышляла, что будет после”.

“Но ныне выслушай это, изнеженная, живущая беспечно, говорящая в сердце своем: «я, и другой подобной мне нет; не буду сидеть вдовою, и

[43] не буду знать потери детей». Но внезапно, в один день придет к тебе то и другое – потеря детей и вдовство [сравните Отк. 18: 8]; в полной мере придут они на тебя, несмотря на множество чародейств твоих и на великую силу волшебств твоих. Ибо ты надеялась на злодейство твое, говорила: «никто не видит меня». Мудрость [светская] твоя и знание твое – они сбили тебя с пути; и ты говорила в сердце твоем: «я, и никто кроме меня». И придет на тебя бедствие; ты не знаешь, откуда оно поднимется, и нападет на тебя беда, которой ты не в силах будешь отвратить, и внезапно придет на тебя пагуба, о которой ты [прежде] и не думаешь" (сравните стих 9 и Отк. 18: 7).

Если таковы прямые обращения в адрес Вавилона, то хорошо бы всем, кто еще находится в его пределах, внять голосу предостережения и наставлению Господа к Своему народу: "Так говорит Господь.. Бегите из среды Вавилона и спасайте каждый душу свою, чтобы не погибнуть от беззакония его, ибо это время отмщения у Господа: Он воздает ему воздаяние.. Внезапно пал Вавилон и разбился.. Врачевали мы Вавилон, но не исцелился; оставьте его,. потому что приговор о нем достиг до небес и поднялся до облаков.. Выходи из среды его, народ Мой, и спасайте каждый душу свою от пламенного гнева Господа" (Иер. 51: 1, 6, 8, 9, 45. Сравните Отк. 17: 3-6; 18: 1-5).

Для тех, кто повинуется этому распоряжению выйти из Вавилона, существует лишь одно место прибежища: не новая секта и рабство, а "кров Всевышнего" – место, или состояние, полного посвящения, представленное в Святом Святых Скинии и Храма (Пс. 90). "Живущий под кровом

[44] Всевышнего под сению Всемогущего покоится". Лишь такие могут с уверенностью сказать посреди всех бедствий этого злого дня: "[Господь] прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!"

Выход из Вавилона не может означать физического переселения из среды народов христианства, потому что не только христианство, но и вся земля должна быть поглощена огнем [огненной скорбью] Господней ярости, хотя Его самый свирепый гнев будет против просвещенных народов христианства, которые знали, или, по крайней мере, обладали достаточной возможностью знать Господнюю волю. Смыслом этого повеления является отделение от всякого обязывающего ига христианства: чтобы не иметь ничего общего с его гражданскими, общественными и религиозными организациями – как из принципа, так и следуя мудрому и божественно руководимому поведению.

Следуя принципу, мы должны, как только усиливающийся свет жатвенной истины озарит наши умы и явит уродства заблуждения, быть верными первому и отвергнуть последнее, лишая его всякого влияния и поддержки с нашей стороны. Это означает оставить различные религиозные организации, учения которых представляют в ложном свете и лишают силы Слово Бога. Это ставит нас в положение чужестранцев ко всем существующим гражданским властям, однако не таких чужестранцев, которые протестуют, а мирных и законопослушных, которые отдают кесарево кесарю, а Божие Богу; чужестранцев, гражданство которых находится в небе, а не на земле, и влияние которых всегда расположено к праведности, справедливости, милости и миру.

Принцип в одних случаях, и благоразумие – в других, отделят нас от разных общественных мероприятий людей. Принцип сделает свободным всякого, кто связан клятвами и обязательствами с различными тайными обществами; потому что вы были некогда тьма, теперь – свет в Господе, и

[45] должны поступать как чада света, не участвуя в бесплодных делах тьмы, но обличая их (Еф. 5: 6-17).

По мере нашего приближения к великому кризису этого "дня злого", для тех, кто смотрит на ситуацию с точки зрения "вернейшего пророческого слова", несомненно будет очевидным, что даже в тех случаях, где речь не идет о принципе, будет разумным отказаться от различной общественной и финансовой зависимости, которая неминуемо должна уступить опустошениям всемирной революции и анархии. В то время (помните, что это, вероятно, будет в пределах нескольких следующих лет) финансовые институции, включая страховые компании и благотворительные общества, потеряют свой вес, а "сокровища" в них полностью утратят ценность. Эти пещеры и горные скалы не предоставят желанной защиты от гнева этого "дня злого", когда большие волны народного недовольства будут ударять и пениться против гор (царств – Отк. 6: 15-17; Пс. 45: 4), и наступит время, когда люди "серебро свое.. выбросят на улицы и золото у них будет в пренебрежении. Серебро их и золото их не сильно будет спасти их в день ярости Господа. Они не насытят ими [своим богатством] душ своих и не наполнят утроб своих; ибо оно было поводом к беззаконию их" (Иез. 7: 19; сравните также стихи 12-18, 21, 25-27). Вот так Господь сделает человеческую жизнь дороже чистого золота, золота Офирского (Ис. 13: 12).

Но тем, кто сделал Всевышнего своим прибежищем, нет необходимости бояться приближения такого времени. Он осенит их Своими перьями, и под крыльями Его они будут безопасны; воистину Он явит им Свое спасение. По мере приближения самого неистового замешательства они могут утешать свои сердца

[46] блаженным заверением, что "Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах", говоря: "Посему не убоимся, хотя бы поколебалась земля [хотя бы нынешний общественный строй был полностью свергнут], и горы [царства] двигнулись в сердце морей [были поглощены анархией]. Пусть шумят, воздымаются воды их, трясутся горы от волнения их". Бог будет посреди Своих верных святых, которые сделали Его своим прибежищем, и они не поколеблются. Бог поможет Сиону на заре Тысячелетнего утра; они "сподобятся избежать всех сих будущих бедствий", приходящих на мир (Пс. 45; Лук. 21: 36).

"Сгущающиеся тучи сомнений"

О, Отче наш, пока мы очищаем
От богохульных догм свои сердца,
Пусть же на наших алтарях пылает
Веры негаснущий огонь всегда.

О научи читать Господню волю
Сквозь мрак любой, невежества туман,
Что закрывает лик Его собою.
Позволь Его опять увидеть нам.

Смотря на человеческие муки,
Ты сострадаешь нам, наш добрый Друг,
Измученные поднимая руки
Под вражеских угроз страшащий звук.

Среди сгущающихся туч сомнений,
Когда начнут нам остывать сердца,
Дай силы, без которой не сумеем
Мы выстоять до самого конца.

Прими молитвы и прости грехи нам,
Усердие в душе вновь разожги,
Как жизнью жить святой – наставь, учи нас,
Чтобы творить добро всем мы могли."

Вышеприведенные стихи были прочитаны д-ром Оливером Венделом Холмсом (Dr. Oliver Wendell Holmes) в Бостоне перед собранием Молодежного Христианского Союза (Young Men's Christian Union), 1 июня 1893 года. Они свидетельствуют о том, что в определенной степени он осознавал тьму, нависшую над Вавилоном.

[47]

ГЛАВА III - НЕОБХОДИМОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ ДНЯ МЩЕНИЯ

На род сей, образный и противообразный – Большая скорбь как закономерный результат прежних причин – Ответственность “христианства” и его отношение к ней – Ответственность гражданских властей, религиозных руководителей и различных категорий людей в цивилизованных землях – Связь языческих народов с христианством и скорбью – Божий суд – “Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь”

“Истинно говорю вам, что все сие придет на род сей!” (Матф. 23: 34-36; Лук. 11: 50, 51).

ДЛЯ ТЕХ, кто не привык взвешивать принципы с точки зрения беспристрастной моральной философии, может показаться странным, что следующее поколение человечества должно нести наказание за накопившиеся злодеяния нескольких предыдущих поколений; но поскольку такой суд вынесен Богом, Который не может ошибаться, мы должны ожидать взвешенного аргументирования, чтобы обнаружить справедливость Его решения. В вышеприведенных словах наш Господь возвестил, что так должно произойти с поколением телесного Израиля, к которому Он обращался в конце образного Иудейского века. От него должна взыскаться вся праведная кровь, пролитая на земле, – от крови праведного Авеля до крови Захарии, убитого между храмом и жертвенником (Матф. 23: 35).

Это было ужасное пророчество, но оно попало в небрежные и неверующие уши, в точности до буквы

[48] исполнившись около тридцати семи лет спустя, когда общественные распри и враждебные полчища совершили ужасное возмездие. О том времени мы читаем, что жители Иудеи через зависть разделились на многие враждующие группы, и что взаимное недоверие достигло своего наивысшего проявления. Друзья сделались чужими, семьи распались, и каждый подозревал своего брата. Кражи, мошенничество, убийства стали привычным делом, и никто не мог поручиться за свою жизнь. Даже храм не был безопасным местом. Первосвященник был убит во время совершения публичного служения. Затем, доведенный до отчаяния резней своих братьев в Кесарии (и, очевидно, предуготовленный во всяком другом месте на такую резню), весь народ объединился в восстании. Тем самым Иудея была приведена к открытому восстанию против Рима и неповиновению всему цивилизованному миру.

Чтобы наказать их, были посланы Веспасиан и Тит, и расправа оказалась жестокой. Один за другим были сметены их города, пока, наконец, Тит не взял в осаду Иерусалим. Весной 70 г. н. э., когда город наполнился толпами прибывших на праздник Пасхи, он подтянул свои легионы к его стенам, и запертые жители вскоре пали жертвой голода, меча захватчиков и общественного раздора. Пытавшихся ускользнуть из города римляне распинали; голод был настолько ужасным, что родители убивали и поедали собственных детей. Количество погибших, как приведено Иосифом Флавием, превысило миллион, а город и храм были превращены в пепелище.

Такими были факты исполнения вышеупомянутого пророчества на мятежном телесном Израиле в конце их века особой милости как избранного Божьего народа. И сегодня, в конце этого Евангельского века, должна прийти, согласно более широкому содержанию пророчества, параллель этой скорби на

[49] номинальный духовный Израиль, которым в самом широком смысле является христианство: должно наступить "время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди", а значит, в определенном смысле даже более ужасное, чем то, которое пришло на Иудею и Иерусалим. Мы вряд ли можем представить себе скорбь более суровую, чем описанная ранее, разве что в значении более общей и распространенной скорби, более сокрушительной, о чем явно свидетельствует современная военная техника. Вместо того, чтобы ограничиться одним народом или территорией, она охватит весь мир и, прежде всего, цивилизованный мир – христианство, Вавилон.

Следовательно, мы можем считать это наступление гнева на телесный Израиль предзнаменованием еще большего возмущения и гнева, которые будут излиты на христианство в конце этого века. Кто склонен опрометчиво считать несправедливым такой шаг Всемогущественного по отношению к этому роду, тот не смог постичь совершенного закона возмездия, который верно, хотя зачастую медленно, достигает своих неминуемых результатов. Справедливость и сама потребность в ней, а также ее философия наиболее очевидны для внимательных и исполненных почтения, которые, вместо того, чтобы обвинять Бога в несправедливости, направляют свое сердце к наставлениям Его Слова.

БОЛЬШАЯ СКОРБЬ КАК ЗАКОНОМЕРНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ПРЕЖНИХ ПРИЧИН

Сегодня мы находимся в периоде времени, который является кульминацией многовекового опыта и должен принести (и в некоторых отношениях действительно приносит) большую пользу для мира – особенно для той его части, которая прямо и косвенно была милостиво одарена светом божественной истины, – для христианства, Вавилона, чья ответственность за возможность распоряжаться таким преимуществом в конечном итоге очень большая. Бог считает людей ответственными не только за то, что они знают, но и за то, что они могли бы знать, если бы обращали свои сердца к наставлениям – к тем урокам,

[50] которых должен научить их опыт (собственный опыт и опыт других); и если люди не способны прислушаться к урокам опыта или добровольно пренебрегают его наставлениями или презирают их, они обязаны переносить последствия.

Перед так называемым христианством лежит открытой история всех прошлых времен, а также божественно одухотворенное откровение. Какие уроки они содержат в себе! Это уроки опыта, мудрости, знания, милости и предостережения. Учитывая опыт предыдущих поколений в различных направлениях мирового производства, политической экономии и т. д., мир совершил достойный похвалы прогресс в материальных вещах. Многие удобства и выгоды нашей нынешней цивилизации пришли к нам преимущественно благодаря применению уроков, почерпнутых из опыта прошлых поколений. Искусство печати сделало эти уроки доступными каждому человеку. Даже в этом отношении нынешнее поколение имеет всестороннее преимущество: вся накопленная мудрость и опыт прошлого прибавляются к ныне имеющимся. Однако большие уроки морали, которые людям тоже следовало бы познать и изучить, оказались, как правило, проигнорированными – даже тогда, когда они настойчиво предлагались вниманию общественности. История полна таких уроков для тех внимательных умов, которые склоняются к праведности; и люди нынешних дней имеют больше таких уроков, чем любое из предыдущих поколений. Время от времени мыслящие люди замечали этот факт и привлекали к нему внимание. Так профессор Фишер в предисловии к своему докладу о возникновении, развитии и падении империй верно замечает: ”То, что последовательность человеческих событий подлежит господству некоторого закона, является убеждением, подтверждаемым наблюдаемыми фактами. События не могут произойти просто так, отдельно от тех, которые привели к их появлению. Надо понимать, они естественно вытекают из тех времен, которые ушли в прошлое. Предыдущие события были только их тенью”.

[51] Это действительно так: закон причины и следствия нигде не обозначен столь выразительно, как на страницах истории. Согласно этому закону, который является Божьим законом, посеянные в прошлом зерна должны обязательно прорости, развиться и принести плод, а значит, в определенное время неминуемо должна наступить жатва. Во II-м томе мы показали, что жатвенная пора Евангельского века уже наступила, что она началась в 1874 году, когда наступила пора присутствия Господа жатвы. После того как огромное дело жатвы успешно продвигалось от упомянутой даты, мы сегодня быстро приближаемся к самому концу жатвенного периода, когда пришла пора сжигать плевелы, а также обрезать и топтать полностью созревшие гроздья "винограда на земле" (спелые плоды ложного винограда – "Вавилона") (Отк. 14: 18-20).

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ХРИСТИАНСТВА И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ

Вавилон, христианство, имел долгое испытание властью и много возможностей научиться праведности и ее применения, а также многие предостережения о грядущем суде. На всем протяжении этого Евангельского века в нем находились святые Бога – преданные, жертвующие собой Христоподобные мужчины и женщины – "соль земли". Он слышал послание спасения из их уст, видел принципы истины и праведности в их примерной жизни и слышал от них обоснование грядущей праведности и суда. Однако он пренебрег этими живыми посланиями Бога. Более того, его так называемые христианские народы принесли в своем алчном корыстолюбии стыд имени Христа среди язычников, следуя за христианскими миссионерами с проклятой всеми торговлей спиртным и другими "цивилизованными" пороками. Среди него и с его позволения терпел насилие настоящий зародыш Царства небес (состоящий исключительно из святых,

[52] имена которых написаны на небесах). Он возненавидел их и преследовал до самой смерти, отчего на основании его декретов тысячи из них на протяжении всех веков запечатлели свое свидетельство собственной кровью. Наподобие их Учителя, они были возненавидены без причины; их отвергали, словно отбросы земли, ради праведности; их свет снова и снова подавляли, чтобы предпочитаемая тьма могла господствовать с ее возможностями совершать беззаконие. Сколь мрачна эта летопись христианства! Материнская система "упоена была кровью святых и кровью свидетелей Иисусовых"; она и ее дочери, по-прежнему слепые, дальше готовы преследовать и обезглавливать (Отк. 20: 4) (хотя и более изысканным образом) всех тех, кто верен Богу и Его истине, и кто осмеливается как можно деликатнее и понятным образом представлять им Господнее Слово, которое их упрекает.

Гражданские власти христианства часто получали предостережения, когда империи и царства то и дело падали под бременем собственной развращенности. И даже если бы сегодня существующие власти вняли, то смогли бы услышать последнее предостережение вдохновенного Божьего пророка, говорящего: "Итак, вразумитесь, цари; научитесь, судьи земли. Служите Господу со страхом и радуйтесь с трепетом! Почтите Сына, чтобы Он не прогневался, и чтобы вам не погибнуть в пути; ибо гнев Его возгорится вскоре.. Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное? Восстают цари земли [противясь], и князья совещаются вместе против Господа и против Помазанника Его. «Расторгнем узы их, и свергнем с себя оковы их»". Но их сопротивление ничего не даст, потому как "Живущий на небесах посмеется, Господь поругается им. Тогда [поскольку они упрямо будут отказываться внять Его предостережениям] скажет им во гневе Своем, и яростию Своею приведет их в смятение" (Пс. 2: 10-12, 1-5).

[53] И еще, как представлено в простых и широко известных сегодня принципах Его святого закона, “Бог стал в сонме богов [тех, кто при власти]; среди богов [правителей] произнес суд. Доколе будете вы судить неправедно и оказывать лицеприятие нечестивым? Давайте суд бедному и сироте; угнетенному и нищему оказывайте справедливость. Избавляйте бедного и нищего, исторгайте из руки нечестивых” (Пс. 81: 1-4). Ежедневная пресса является постоянным свидетелем того, как важность и целесообразность такого совета (исходя из потребностей настоящего времени) доводится до сведения тех, кто при власти. Многочисленные голоса предостережения раздаются также со стороны тех мыслящих людей, которые видят опасность повсеместного пренебрежения данным советом. Даже светские люди, которые всматриваются в будущее исключительно из практических соображений, осознают необходимость держаться пути, который советуют пророки.

Понимал это также покойный Император Германии Вильгельм, о чем свидетельствуют слова корреспондента “Observatore Romano”, переданные из Берлина (1880 г.):

“Когда императору Вильгельму сообщили новости о последнем ужасном покушении на жизнь царя, он сделался очень серьезным и после нескольких минут молчания произнес – с нотой подавленности и одновременно с каким-то воодушевлением: «Если мы не изменим направление нашей политики, если серьезно не подумаем над тем, чтобы дать молодежи здравые наставления, если мы не предоставим главенство религии, и если изо дня в день будем заботиться только о насущных потребностях, наши троны будут опрокинуты, а общество станет жертвой наиболее ужасных событий. У нас нет больше времени, и будет большой неудачей, если в этом своевременном деле умиротворения все правительства не придут к согласию»”.

В книге “Реформа или революция”, широко распространенной в Германии, ее автор, Гер фон Массов, который не является ни социалистом, ни радикалом, а консерватором, президентом Центрального Комитета Трудовых Колоний, обвиняет своих

[54] соотечественников в "страусиной политике", т. е. в имитировании ими привычки страуса прятать голову в песок, полагающего, что если он ничего не видит, то и его самого не видно. Фон Массов пишет:

"Мы можем игнорировать факты, но не можем изменить их. Нет сомнения, что мы находимся накануне революции. Это должны признать все, у кого открыты глаза и уши. Только общество, погрязшее в эгоизме, самодовольстве и погоне за развлечениями, может такое отрицать; только такое общество будет продолжать веселиться на вулкане, отказываясь видеть надпись "Мене-Текел" и продолжая доверять силе штыков.

Подавляющее большинство образованных людей не имеет малейшего понятия о той огромной ненависти, которая назревает в среде низших классов. Социал-демократическая партия находится на таком же счету, как и всякая другая политическая партия, но эта партия не заботится ни о политических правах, ни об административной реформе, ни о новых законах. Эта партия основывается на желании низших классов наслаждаться жизнью, желании вкусить удовольствий, о которых те, кто никогда не держал в руках банкноты в сто марок, имеют целиком искаженное представление.. Конечно, вскоре порядок будет восстановлен [после социалистического режима], но в каком состоянии будет страна?! Неисчислимое количество калек, вдов, сирот; ограбленные государственные и частные банки; железные дороги, телеграф, пути, мосты, жилые кварталы, фабрики, монументы – все будет разрушено, и ни Соединенное Королевство, ни Штаты, ни города или гражданские округа не смогут найти нужные миллионы, чтобы за них отремонтировать хотя бы часть уничтоженного. Это почти невероятно, но ничего не делается, чтобы отвратить опасность. Нужна не благотворительность, а добрые сердца, охотные проявлять хотя бы некоторую заботу о низших классах. Только любовь, всеохватывающая любовь преодолеет большинство этой кипящей ненависти. Многие, возможно, будут настолько потеряны, что их ничем не вернуть, но еще есть миллионы, которых все еще можно обратить к законности и порядку, если будет дано доказательство, что они смогут найти средства к существованию, достойные человеческого существа; чтобы им не быть, как сегодня, хуже скота, который имеет, по крайней мере, стойло и еду".

Далее автор пытается открыть глаза жителей Берлина на опасность, в которой они живут.

[55] "Берлинцы, – говорит он, – воображают, что они в безопасности под защитой гвардейцев, каких-то 60 000 крепких мужчин. Пустая надежда! Осенью, когда выслужившие срок оставляют свои формирования, и до того, как придут новые призывники, гарнизоны с трудом насчитывают 7 000 человек. Бунт, руководимый каким-то недовольным отставным офицером, может собрать за короткое время 100 000 и даже 160 000 рабочих. Все эти люди служили в армии; они столь же хорошо обучены, как те, кто им противостоит, и понимают необходимость дисциплины. Телеграфные и телефонные линии будут отрезаны; железные дороги будут повреждены, чтобы помешать прибытию подкреплений; офицеры, которые будут спешить на свои посты, будут перехвачены. Революционеры высадят в воздух казармы, расстреляют императора, министров, генералов, чиновников – каждого, кто носит форменную одежду, – прежде чем какое-то отдельное подразделение кавалерии или артиллерийская батарея смогут прийти на помощь".

Но прислушиваются ли те, кто у власти, к предостережениям и серьезным урокам этого часа? Нет. Пророк предвестил о них: "Не знают, не разумеют, во тьме ходят; [аж] все основания земли [основания общества – до сих пор прочные принципы законности и порядка] закачались", – были ужасно потрясены, чтобы они могли быть устранены (Евр. 12: 27; Пс. 81: 5; Ис. 2: 19).

Покойный император Германии был весьма небрежным к опасениям (которые мы только что процитировали), высказанным своим дедом,. Несколько лет тому назад, передавая принцу Бисмарку великолепный меч, вложенный в золотые ножны, император сказал:

"Ваша Светлость, я прибыл, чтобы перед всем войском передать вам мой подарок. Я не мог найти лучшего подарка, чем меч, самое благородное оружие германцев, символ того орудия, которое ваше Высочество помогло, служа моему деду, выковать, отточить и взять в руки – символ того величественного времени, которое созидалось кровью и железом. Это – средство, которое никогда не подводит, и которое, находясь в руках королей и князей, сохранит, если потребуется, единство внутри Отчизны, а употребленное за пределами страны, поведет к такому объединению".

[56] Лондонский “Spectator”, комментируя это высказывание, говорит:

“Бесспорно, это наиболее тревожное и приводящее в смятение выступление. Сегодня в Германии для него существуют два объяснения: во-первых, оно направлено против попыток любого немецкого ланда выйти из состава империи, и, во-вторых, оно оповещает о намерении императора и его конфедератов применить, при необходимости, вооруженную силу против социалистов и анархистов. В обоих случаях такое заявление является излишним и бестактным. Никто не сомневается, что Германская Империя, которая фактически была создана при помощи меча в Лангензальце, а также в войне с Францией, одобрит военную оккупацию любого ланда, намеревающегося отделиться; но вот угрожать любой партии, даже социалистам, военным положением, когда они пытаются победить путем голосования, фактически означает отмену Конституции в пользу осадного положения. Мы не допускаем, что император имел в виду что-то в этом роде, но кажется очевидным, что он слишком драматизирует ситуацию, что он ощущает сопротивление социалистов и решил для себя: “Хорошо, хорошо, у меня еще есть меч, а это – средство, которое никогда не подведет”. Многие короли до него приходили к такому выводу, но только некоторые шагнули так далеко, чтобы посчитать разумным думать об этом вслух. Это – угроза, и мы можем объяснять ее как угодно. Умные монархи не угрожают, пока не придет пора нанести удар; еще меньше они угрожают применением военной силы как средством от внутренних неурядиц. “Меч как средство” от внутренних бед, “которое никогда не подведет!” То же самое можно сказать о хирургическом ноже как о верном средстве против лихорадки. Принц Шварценбург – Тори из всех Тори, – с непобедимой армией за собой, испытал это средство в более благоприятных условиях. Его вывод после длительного опыта был воплощен в самом метком из всех политических изречений, о котором немецкому императору хорошо было бы подумать: “Штыками можно делать все, но на них нельзя сидеть”.

“Даже Римский император вряд ли произнес бы что-нибудь убедительнее слов, что “меч – это средство, которое никогда не подведет”. Сущностью подобного выражения является тирания; и если император действительно произнес его обдуманно, он не является тем вождем, которого видит в нем Германия, а самовластным правителем

[57] того рода, для которого нет места во всей современной истории. Но могло случиться, конечно, что император сказал поспешно, под влиянием тех эмоций, которым прежде не раз изменял, несколько поэтизируя и сверх меры подчеркивая собственную важность; но если его речь должна быть воспринята как манифест к своему народу, тогда все, что можно сказать, это: «Какая жалость! Какой источник надежды пропал!»”

Следующим подтверждением неумения внять серьезным предостережениям этой благоприятной поры, а также предостережениям Божьего Слова, является декларация нынешнего царя России о том, что он будет поддерживать самодержавие столь же самоотверженно, как его отец. Заметьте, как она была воспринята подвластным ему народом – несмотря на все официальные попытки задушить свободу слова. Народная партия России издала манифест и распространила его по всей империи.

Манифест опубликован в форме петиции к царю. Он отличался ясным и убедительным слогом. Осудив царя за отстаивание им абсолютизма, он гласил:

“Наиболее прогрессивные земства просили только согласия между царем и народом, свободы слова и верховенства закона над своеволием чиновников. Вас обманули и напугали придворные чины и бюрократы. Общество сразу поймет, что вашими устами говорит бюрократия, которая ревностно защищает собственное всемогущество. Бюрократия – начиная с кабинета министров и заканчивая самым низким по рангу провинциальным полицейским – ненавидит любое развитие (общества или личности) и активно противодействует беспрепятственному общению монарха с представителями его народа, разве что к нему приходят в парадной одежде, с поздравлениями, иконами и подношениями.

Ваша речь показала, что любая попытка сказать перед престолом о неотложных потребностях страны – даже самым лояльным образом, – наталкивается на резкое и суровое возражение. Общество ожидало от вас поддержки и помощи, а услышало только напоминание о вашем всевластии, производящее впечатление полного отчуждения между царем и

[58] народом. Вы сами погубили собственную популярность и оттолкнули от себя ту часть общества, которая изо всех сил пытается идти вперед мирным путем. Некоторые ликуют по поводу вашей речи, но вскоре вы увидите их беспомощность.

Для другой части общества ваша речь принесла чувство оскорбления и уныния, которое передовые силы общества вскоре преодолеют – прежде чем перейдут к мирной и вместе с тем упорной и бескомпромиссной борьбе за свободу. У еще иной части общества ваши слова возбудят готовность бороться всеми средствами против существующего ненавистного положения дел. Вы первый начали эту борьбу. Вскоре ее продолжат".

Вот так все народы "христианства" по невниманию спотыкаются в долго почитаемой тьме. Исключением не стала даже эта прекрасная земля с ее хваленой свободой, столь щедро одаренная во многих отношениях милостью превыше всех других народов. Но и она имела много предостережений. Обратите внимание на почти пророческие слова ее президента-мученика Авраама Линкольна, написанные незадолго до его убийства его другу из Иллинойса. Он писал:

"Итак, мы все можем поздравить друг друга, что эта жестокая война близится к своему завершению. Она стоила премного богатства и крови. Чтобы этот народ мог жить, на жертвенник нашей страны добровольно принес свою кровь цвет американской молодежи. Это действительно был час испытания для Республики. Но в недалеком будущем я вижу приближающийся кризис, который лишает меня сил, вынуждая дрожать за безопасность моей страны. В результате войны на трон взошли корпорации, после чего последует эра коррупции в верхах, когда власть денег в стране попытается продлить свое господство, используя человеческие предубеждения – пока все богатство не будет сосредоточено в нескольких руках и Республика не будет уничтожена. В эту минуту я более, чем когда-либо прежде, волнуюсь за безопасность моей страны, даже если кругом все еще идет война".

Как сообщалось в общественной прессе (1896 г.), Представитель Хатч (Hatch), штат Миссури, в своем выступлении перед Конгрессом по поводу финансовых и социальных вопросов сказал:

[59] “Послушайте, что я скажу! Если из законодательной книги Всемогущего не исключить неумолимый закон Причины и Следствия и не заставить себя остановиться, мы можем надеяться увидеть весь ужас перенесенной в американскую действительность Французской революции вместе со всеми современными изобретениями, и то уже в следующем десятилетии. Здесь я не одинок. Известный нам джентльмен Астор, который не так давно перебрался в Англию, приобрел на этом острове участок земли и стал британским подданным. Разглядев надвигающиеся события столь же выразительно, как и я, и воспользовавшись благоприятным случаем, он бежал, пока еще не было такой толкотни с местами в кают-компании, какая, возможно, будет впоследствии. Он очень хорошо понял, что если дела пойдут так и дальше – как мы видели с вами в последнее время, – то недалек тот час, когда появится толпа людей его круга, со спешкой садящаяся на каждый пароход, идущий отсюда, и тогда каждого запросто могут столкнуть за борт”.

Уваж. Г.Р. Герберт (H. R. Herbert), Секретарь Военно-Морских Сил США, в своей речи в Кливленд, Огайо, 30 апреля 1896 года, обратился к деловым людям такими словами:

“Мы вступаем в эру многочисленных изобретений, которые, вытесняя другие, угрожают завладеть всеми традиционными путями человеческого прогресса. Оптимист, возможно, скажет, что это необходимо для улучшения условий жизни человека, что большие предприятия должны удешевить изделия, удешевить перевозку. Везде появляются огромные магазины, в которых вы можете купить все, что пожелаете, к тому же дешево. Промышленные фабрики с миллионами капитала за собой быстро овладевают пространством, в свое время занятым более мелкими предприятиями того же профиля.

Человеческая изобретательность, по-видимому, уже неспособна придумать (без опасности урезать естественную свободу граждан) какой-нибудь план, который сдержал бы эти монополии, следствием чего является нагромождение большого богатства несколькими лицами, сужение возможностей многих и порождение недовольства. Следовательно, конфликты между трудом и капиталом должны быть в будущем намного более значительными, нежели в прошлом.

Есть умные люди, которые прогнозируют, что антагонизмы между капиталом и трудом должны привести к конфликту, который станет роковым для нашего республиканского правительства и который приведет сначала к анархии и пролитию крови,

[60] а затем к монархии с неким геройским вождем, который сумеет с помощью военной силы навести порядок из хаоса.

Иногда нам указывают на социализм как на логичное следствие нынешнего положения. Говорят, что первые эксперименты в этом направлении должны проводиться в городах, где борьбу между собой будут вести работодатели (с неограниченными средствами в своем распоряжении) и наемные рабочие (с их малыми шансами на успех, разве что путем голосования) – класс против класса, чтобы контролировать муниципальные власти. Это одна из опасностей будущего.. В свое время считали, что американский фермер навсегда останется непоколебимой твердыней, но многими нашими фермерами овладел совсем иной дух".

Церковные власти христианства также имели заповедь на заповедь и правило на правило. Предостережением для них было Божье провидение над Его народом в прошлом и появляющиеся, время от времени, реформаторы. Однако мало, очень мало кто сумел прочитать письмена на стене, и сегодня они бессильны одолеть или хотя бы сдержать распространяющиеся тенденции. Это, кажется, увидел и в определенной степени понял уваж. Т. Де Вит Телмедж (T. De Witt Talmage), потому что в своем очередном выступлении он сказал:

"Если Церковь Иисуса Христа не поднимется и не покажет себя таким же другом людей, как считает себя другом Бога, если она не будет симпатизировать широким массам, которые, имея за собой семьи, ведут борьбу за хлеб, то церковь, при нынешней ее организации, станет мертвой институцией, и Христос снова пойдет на берег звать простых, честных рыбаков к апостольству праведности, обращенной к человеку и к Богу. Пришло время, когда в большой борьбе за средства существования все классы людей будут иметь равные права".

Тем не менее, этот человек, обладающий талантом и влиянием, присущим немногим, скорее всего не спешит следовать выраженным им убеждениям относительно обязанностей влиятельных христиан в этот трудный час.

Отовсюду звучат предостережения и многих призывают к осознанию обязанностей и привилегий, но, увы, все

[61] тщетно и проходит незамеченным. В руках церковных чинов была и в определенной мере еще находится большая власть, которой они (раньше и теперь) самолюбиво пользуются и даже злоупотребляют во имя Христа и Его Евангелия. "Друг от друга принимают славу", "любят.. председания в синагогах", "чтобы люди звали их: Учитель", Доктор, Достопочтенный и т. п., и ищут корысти "каждый до последнего [от своего вероисповедания]" (Иоан. 5: 44; Матф. 23: 6-12; Ис. 56: 11), и "боязнь пред людьми ставит сеть". Все это препятствует некоторым, в том числе истинным, слугам Бога, сохранить верность, хотя большая часть пастырей, по-видимому, никогда не была хоть как-то заинтересована Господним стадом, разве что ради золотого руна.

Хотя мы открыто признаем, что среди духовенства различных вероисповеданий номинальной церкви, содержащей на протяжении всего века "пшеницу" и "плевелы" (Матф. 13: 30), находилось и по-прежнему находится много образованных, культурных, изысканных и благочестивых джентльменов, мы вынуждены признать, что многие, принадлежащие к классу "плевел", сумели пробраться к кафедре и скамье собственным путем. Действительно, искушения тщеславия и похвальбы, а во многих случаях также обеспеченности и богатства, преподнесенные молодым талантливым людям, стремящимся к кафедре, как бы гарантировали, что, собственно, так и должно быть, к тому же в значительной степени. Из всех профессий должность христианского служителя предлагала наиболее быстрый и наиболее легкий путь к славе, удобствам и общей материальной обеспеченности, а порой и к богатству. Скажем, профессия правоведа требует постоянного умственного напряжения и деловитости, сопряженной с бременем неотложных забот. То же самое можно сказать о профессии врача. И если люди этих профессий обрели богатство и почет, то это пришло к ним не благодаря их остроумию и хорошо подвешенному языку, а честному обретению уважения путем тщательных и постоянных умственных усилий и усердия. С другой стороны, в профессии духовного изысканные, приятные манеры, умение сдержанно

[62] обращаться дважды в неделю на ту или иную тему из Библии к собравшимся, а также достаточное образование и хороший моральный характер гарантируют любому молодому человеку, избирающему эту профессию, уважение и почет своего сообщества, удовлетворительное жалованье и тихую, безмятежную и легкую жизнь.

Если он имеет особый талант, поклонники ораторства быстро обнаружат это, и его вскоре пригласят заниматься более прибыльными обязанностями. Вот так, незаметно, он станет знаменитым меж теми, кто редко задумывается над тем, поспевает ли его благочестие – его вера, скромность и набожность – в своем развитии за интеллектуальными и ораторскими успехами. Фактически, если последнее верно, его будут принимать менее охотно, особенно в более зажиточных конгрегациях, которые, судя по всему, больше чем другие (довольно бедные), состоят в основном из "плевел". Если его благочестие выдержит давление таких обстоятельств, он будет вынужден – чаще всего для собственной репутации – действовать вопреки склонностям и предубеждениям своих слушателей, отчего вскоре почувствует, что его считают непопулярным и нежелательным. Такие обстоятельства привели к кафедрам большое число тех, кого Писание называет "пастырями-батраками" (Ис. 56: 11; Иез. 34: 2-16; Иоан. 10: 11-14).

Ответственность занявшихся евангельским служением во имя Христа очень большая. Они занимают весьма видное положение перед людьми как представители Христа – особые носители Его Духа, толкователи Его Истины. Как класс, они получили преимущество над другими в том, чтобы прийти к знанию истины и свободно ее провозглашать. Освобожденные от тяжелой ноши труда и забот добывать средства к существованию, которое связывает других, они получили для этого (вместе с удовлетворением ежедневных потребностей) время, спокойный досуг, специальное образование, всестороннюю помощь сообщества и т. п.

[63] С одной стороны существуют огромные возможности для набожной старательности и самоотверженного самопожертвования ради истины и праведности, а с другой – большие искушения праздного самодовольства или стремления к славе, богатству и власти. Увы, подавляющее большинство духовенства вместо того, чтобы оценить и использовать существующие возможности своего положения, откровенно подверглось его искушениям. Как следствие, они сегодня являются "слепыми вождями слепых" и вместе со своими стадами устремляются, спотыкаясь, в пропасть скептицизма. Они скрыли истину (так как она непопулярна), протолкнули обман (так как он популярен) и, вместо доктрин, учили заповедям человеческим (потому что получали за это плату). В сущности, они, вместо того чтобы направлять людей "все испытывать" с помощью богодухновенных слов апостолов и пророков и "держаться" только "хорошего", нередко разглагольствовали пред людьми: "Верьте тому, что мы, следуя нашим полномочиям, говорим вам". Долгие столетия клир церкви Рима держал Божье Слово погребенным в мертвых языках, не позволяя переводить его на национальные языки, чтобы люди не исследовали Священные Писания и не удостоверились в тщетности ее притязаний. Со временем из ее испорченного окружения появилось несколько набожных реформаторов, которые спасли Библию от забвения и принесли ее людям. Следствием этого явилось большое протестантское движение – протест против ложных учений и порочных дел церкви Рима.

Но вскоре подвергся растлению и протестантизм, а его духовенство начало формулировать вероучения, приучая людей смотреть на них как на сжатые доктрины Библии, имеющие первоочередную важность. Каждого крестили и за каждого был дан ответ еще в младенчестве – до того как он научился думать. Впоследствии, когда он стал взрослым, его убаюкали, дав понять, что единственный безопасный

[64] путь в религиозных делах – доверить все вопросы доктрин духовенству, следуя его указаниям, – тем самым намекая, что лишь оно имеет образование и т. п., достаточное для осязания божественной истины, а, значит, его следует считать авторитетным во всех такого рода вопросах, без дальнейшего обращения к Божьему Слову. Если кто-то осмеливался подвергнуть сомнению эти присвоенные полномочия и начинал думать по-другому, его считали еретиком и раскольником. Самые ученые и именитые из духовенства написали толстенные тома так называемой "Систематической Теологии", которые, наподобие "Талмуда" иудеев, рассчитаны преимущественно на то, чтобы лишить смысла Божье Слово и учить человеческим наставлениям вместо доктрин (Мат. 15: 6; Ис. 29: 12). Другие из числа ученых и именитых приняли почетные и прибыльные должности профессоров Теологических Семинарий, основанных, на первый взгляд, с целью готовить молодых людей к христианскому служению, а на самом деле – чтобы привить идеи так называемой "Систематической Теологии" ее различных школ, чтобы сковать свободомыслие и честное, благоговейное исследование Священного Писания, дающее простую веру в его учение независимо от человеческих традиций. Вот так, поколение за поколением, "духовенство" следовало проторенным путем традиционных заблуждений. И только изредка кто-то оказывался достаточно бдительным и верным истине, чтобы обличить ложь и призвать к реформе. Ведь насколько проще было плыть по общепризнанному течению, особенно если путь указывали известные люди.

Вот так власть и высшие привилегии духовенства как класса подверглись злоупотреблению, хотя в его рядах находились (и по-прежнему находятся) искренние, преданные души, которые действительно считали, что они служат Богу, поддерживая ложные системы, в которые они оказались и заблуждениями которых в большой степени были ослеплены.

Хотя такие рассуждения, вполне вероятно, будут казаться для многих духовных лиц

[65] оскорбительными – особенно для гордых и своекорыстных, – мы не боимся, что столь откровенные утверждения причинят какой-нибудь вред кому-либо из смиренных, кто, распознав истину, получит благословение от покорного ее признания и полной решимости ходить в Божьем свете, который сияет из Его Слова, несмотря на традиции людей. Мы рады признать, что до сих пор, в течение этого жатвенного периода, мы познакомились с несколькими духовными лицами из этого класса, которые, озаренные истиной жатвы, покинули обман и последовали за истиной, чтобы ей служить. Но, к сожалению, большинство клира не принадлежит к покорным, и мы еще раз вынуждены признать всю убедительность слов Учителя: "Как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие", – несмотря на то, что является этим богатством: репутация, слава, ученость, деньги или просто обеспеченная жизнь.

Следовательно, простые люди не должны удивляться, что клир христианства, как класс, слеп к истинам, свойственным времени жатвы – так же как признанные учителя и вожди в конце образного Иудейского века были слепы и противились истинам, принадлежащим той жатве. Их ослепление – это поистине возмездие за злоупотребление талантами и возможностями, и, следовательно, с этой стороны нельзя надеяться на истину и свет. В конце Иудейского века религиозные вожди многозначительно подсовывали людям вопрос: "Уверовал ли в Него кто из начальников или из фарисеев?" (Иоан. 7: 48). Поэтому некоторые, прислушиваясь к их намекам и слепо подчиняясь их руководству, упустили свой шанс и не сумели войти в благословения новой эпохи. Так будет и с похожим классом в этих последних днях Евангельской эпохи: кто слепо следует руководству духовенства, тот попадет с ним в бездну скептицизма; и лишь те, которые верно ходят с Богом, разделяя Его дух и покорно полагаясь на все свидетельства Его драгоценного Слова, сумеют

[66] распознать и отвергнуть "солому" обмана, которая долго была примесью истины, и отважно будут стоять в вере Евангелия и сердечной преданности Богу, тогда как массы будут снесены популярным течением к неверию в его различных формах: Эволюции, Высшей Критике, Теософии, Христианской Науке, Спиритизму и другим теориям, отрицающим необходимость и заслугу великой жертвы Голгофы. Однако те, кому удастся успешно устоять в этом "дне злом" (Еф. 6: 13), смогут собственными поступками показать прочность своего христианского характера. Это течение будет так сильно напирать на них, что только истинная христианская преданность Богу, усердие, отвага и стойкость смогут выдержать до конца. Вздымающиеся волны неверия непременно будут гнать всех других перед ними. Написано: "Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится.. Ибо ты сказал: «Господь – упование мое»; Всевышнего избрал ты прибежищем твоим.. Живущий под кровом [в состоянии посвящения, единства и общности] Всевышнего, под сению Всемогущего покоится.. Перьями Своими осенит тебя, и под крыльями будешь безопасен; щит и ограждение – истина Его" (Пс. 90).

Христианин не может уклоняться от личной ответственности, возлагая ее на пастырей и учителей, а также на церковные соборы и вероучения. Нас судит Господнее Слово (Иоан. 12: 48-50; Отк. 20: 12), а вовсе не взгляды или прецеденты из жизни наших ближних, находившихся в том или ином положении. Так вот, все должны наследовать благомыслие Вериан, которые "ежедневно разбирали Писание", чтобы увидеть, верно ли то, чему их учили (Деян. 17: 11). Наш долг, как христиан, – лично удостовериться во всем, что мы принимаем, и держаться хорошего. "К закону и откровению. Если они не говорят, как это слово, то нет в них света" (Деян. 17: 11; 1 Фес. 5: 21; Ис. 8: 20).

[67] Тот же принцип имеет силу как в земных, так и в духовных делах. В то время, как различные корабли-государства несутся течением к гибели, каждый, кто видит впереди буруны волн и при этом не способен помешать общему ходу событий, может, хотя бы в определенной мере, разумно воспользоваться нынешними возможностями, чтобы упорядочить собственное поведение перед лицом неминуемой катастрофы. Есть возможность приготовить спасательные шлюпки и жилеты, чтобы суметь удержаться на волнах и найти для себя отдых, когда во вздымающемся море анархии будут терпеть крушение корабли всякого общественного строя. Иными словами, мудрым поведением, не говоря уже о принципе, в этих днях будет справедливое, великодушное и приветливое отношение к нашим ближним на всяком уровне и во всех жизненных обстоятельствах. Большая скорбь возникнет в результате бурного гнева разъяренных народов – возмущения и недовольства просвещенных масс, направленного против более везучих, аристократических и правящих классов. Причины недовольства в настоящее время широко обсуждаются, и сегодня, до того как разразится буря гнева, у каждого есть время определиться с собственными принципами – не только на словах, но и во всех взаимоотношениях с ближними. Сегодня пришла пора изучить и применить принципы Золотого Правила – научиться любить наших ближних как самих себя и поступать должным образом. Если бы люди были настолько умны, чтобы постичь, каким, в самом близком будущем, должен быть результат нынешнего хода событий, они бы поступали так не только из рассудительности, но также из принципа.

Вполне возможно, что в грядущей скорби – даже посреди самого неистового замешательства – будет оказано расположение тем, кто покажет себя справедливым, великодушным и приветливым, и будет крайняя ярость против тех, кто совершал и одобрял насилие. Собственно, так и происходило в разгар ужасов Французской революции; и так будет снова, как дает нам понять Слово Господа, советующее: “Взыщите правду, взыщите

[68] смиренномудрие; может быть вы укроетесь в день гнева Господня". "Уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и следуй за ним. Очи Господни на праведников, и уши Его – к воплю их. Но лицо Господне против делающих зло, чтобы истребить с земли память о них" (Соф. 2: 3; Пс. 33: 15-17). Эти слова мудрости и предостережения обращены к миру в целом. Что касается "святых", "малого стада", "победителей", им обещано, что они будут сочтены достойными избежать всего, что приходит на мир (Лук. 21: 36).

ОТНОШЕНИЕ ЯЗЫЧЕСКИХ НАРОДОВ К ХРИСТИАНСТВУ И ВЕЛИКОЙ СКОРБИ

Хотя свирепый гнев Господа должен особо пасть на народы христианства, поскольку они согрешили против большего света и возможностей, Священное Писание отчетливо показывает, что языческие народы не были лишены ответственности и не избегут наказания. В течение многих поколений и веков они находили удовольствие в несправедливости. В далеком прошлом их отцы оставили Бога, поскольку не желали иметь в памяти Его справедливое владычество: они возлюбили тьму больше, чем свет, и добровольно последовали за прихотями собственного воображения. Их потомки так же неизменно следовали вниз тем же путем – вплоть до нынешнего дня.

Если говорить об ответственности этих народов, апостол Павел (Рим. 1: 18-32) очень понятно передает нам мысли Господа, говоря: "Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою. Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им; ибо невидимое Его,

[69] вечная сила Его и божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы, так что [имея этот естественный свет, т. е. свидетельство природы о существовании, силе и доброте Бога, а также совесть, указывающую на то, что верно и что неверно] они безответны [следуя в жизни злым путем]. Но как они, познавши Бога [хотя бы до некоторой степени], не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце [как естественный результат такого пути]. Называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, – то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они осквернили сами свои тела; они заменили истину Божию ложью и преклонялись и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь".

"Поэтому предал их Бог постыдным страстям [не запретил им и не пытался их переубедить, но позволил идти в избранном злом направлении и познать на собственном опыте его горькие плоды].. А как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства, так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы. Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела [совершающие такое] достойны смерти; однако, не только их делают, но и делающих одобряют".

[70] Хотя, как показано здесь, языческие народы издавна утаивали истину о Боге и Его праведности, известную в былые века мировой истории, отдавая предпочтение тьме перед светом, потому что их поступки были злыми, придумывая в своем порочном и пустом воображении ложные религии, которые оправдывали их злонамеренные пути; и хотя последующие поколения одобряли и оправдывали зло своих предшественников, присоединяясь к их учениям и следуя за ними, тем самым принимая на себя всю тяжесть их вины и осуждения – на том же основании, что и нынешние народы христианства принимают на себя долги предыдущих поколений, – однако языческие народы не были полностью лишены знания факта, что великий свет пришел в мир через Иисуса Христа. Еще до пришествия Христа величественный Бог Израиля был известен многим языческим народам благодаря Его взаимоотношениям с этим народом. Кроме того на всем протяжении Евангельского века святые Бога несли повсюду радостную весть.

Иногда кое-кто внимал истине, однако народы в целом пренебрегли ею и ходили во тьме. Отсюда "гнев Господа на все народы" (Ис. 34: 2). Языческие народы – без Евангелия и пользы от него – считаются сегодня недостойными дальнейшего позволения находиться у власти. Так называемые христианские народы – с евангельским светом и привилегиями, которых они не держались достойным образом, – также признаны (согласно евангельскому критерию истины и праведности) недостойными дальнейшей власти.

Поэтому всякие уста вынуждены умолкнуть, и весь мир стоит виновным перед Богом. Во всех народах "нет разумевающего; никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного негодны: нет делающего добро, нет ни одного".

[71] Справедливость Бога в наказании всех народов очевидна; и хотя языческие народы получат справедливое воздаяние за свои поступки, не будем забывать о большей ответственности христианства. Если иудеи имели "великое преимущество во всех отношениях" над языческими народами, и прежде всего в том, что им было вверено слово Божие (Рим. 3: 1, 2), то что говорить о народах христианства с их значительно большими преимуществами от Закона и Евангелия? Однако ныне в отношении христианства (как когда-то в отношении иудейского народа) верно то, что именно через него имя Бога хулится у язычников (Рим. 2: 24). Для примера обратите внимание на то, как в своей алчности золота христианские народы навязывают языческим народам торговлю спиртным и опиумом.

Некоторое время тому назад в журнал "Voice", Нью-Йорк, обратился некий человек, заслуживающий доверия, который рассказал из личного опыта следующее:

"В Конго и на Западном побережье [Африки], согласно моим наблюдениям, а также словам многих миссионеров и других лиц, пьянство приносит местным жителям больше вреда, чем нынешняя и былая работорговля. Оно пленяет людей и уничтожает деревни; оно не только убивает тысячи людей, но развращает и разрушает тело и душу, уничтожает целые племена, вынуждая людей становиться родителями обезображенных существ, рожденных по их собственному распутному подобию.. Ежедневно в полдень каждому рабочему выдают большой стакан рома, а каждый субботний вечер вынуждают брать по меньшей мере две бутылки джина как жалованье за работу; на многих фабриках, по истечении одно-, двух- или трехгодичного контракта, рабочих вынуждают брать домой бочонок рома или несколько больших емкостей или бутылей джина. Местных торговцев вынуждают брать бочонки спиртного взамен за местные продукты даже тогда, когда они протестуют и, не получив возмещения, выливают спиртное в реку. Торговцы говорят: "Чернокожие должны пить ром, ибо продажа им только соли или сукна не позволяет нам зарабатывать достаточно денег, чтобы удовлетворить наши фирмы дома". Каждое воскресенье здешние города превращаются в кромешный

[72] ад от попойки. Есть деревни, где каждый мужчина, каждая женщина и ребенок являются отъявленными пьяницами, отчего рушились былые религиозные обряды. Вожди с горечью обращаются к миссионерам: “Почему вы, Божьи люди, не пришли к нам раньше спиртного? Спиртное поглотило умы наших людей и сделало черствыми их сердца: они ничего не смыслят и не заботятся ни о чем хорошем”.

Говорят даже, что некоторые язычники берут христианскую Библию и, держа ее, говорят: “Ваши поступки не отвечают учениям вашей священной книги”. Некий брамин, говорят, написал миссионеру: “Мы вас поняли. Вы не столь хороши, как ваша Книга. Если б только ваши люди были такими хорошими, как ваша Книга, вы завоевали бы Индию за пять лет” (См. Иез. 22: 4).

Действительно, если люди Ниневии и царица с юга поднимутся на суд с поколением Израиля, к которому непосредственно обращался Господь (Мат. 12: 41, 42), тогда Израиль и каждое предыдущее поколение, а также языческие народы, поднимутся против этого поколения христианства, ибо кому много вверено, с того больше взыщут (Лук. 12: 48).

Однако, упуская ту сторону вопроса, которая касается моральной ответственности, мы видим, каким образом, исходя из самой природы случая, языческие народы должны пострадать от падения христианства, Вавилона. Посредством влияния (прямого и косвенного) Божьего Слова христианские народы сильно и всесторонне продвинулись в цивилизованном развитии и материальном благополучии. Поэтому, если вести речь о богатстве, удобствах, интеллектуальном развитии, образовании, общественном управлении, науке, искусстве, производстве, торговле и всякой отрасли человеческой деятельности, они ушли далеко вперед языческих народов, которые не были столь одарены цивилизованным влиянием Божьего слова, а, наоборот, испытали постепенный упадок и сегодня демонстрируют только остатки своего

[73] былого расцвета. Сравните, для примера, нынешнюю Грецию с древней Грецией, которая когда-то была центром учености и изобилия. Посмотрите также на нынешние руины величия древнего Египта – некогда главенствующего народа на всей земле.

В результате упадка языческих народов и развития цивилизации и благосостояния народов христианства, первые так или иначе обязаны последним многими полезными приобретениями – прибыльной торговлей, международной коммуникацией и, как следствие, нагромождением идей и т. п. Так вот, ход прогресса в последние годы связал все народы воедино на основании всевозможных общих интересов, которые, в случае серьезного их нарушения в одном или нескольких народах, вскоре повлияют на всех. Поэтому, когда Вавилон, христианство, неожиданно упадет, это серьезнейшим образом коснется всех народов, находящихся в той или иной зависимости, которые представлены символическим языком Откровения как сильно рыдающие над падением этого большого города, Вавилона (Отк. 18: 9-19).

Однако языческие народы пострадают не только от падения Вавилона. Вздымающиеся волны общественных и политических потрясений быстро распространятся, вовлекут и поглотят их всех. Таким образом вся земля будет выметена метлой разрушений, и высокомерие человека будет подвергнуто унижению, как написано: “Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь” (Рим. 12: 19; Втор. 32: 35). Суд Господень над христианством и язычеством будет на основании полной беспристрастности.

* * *

[75]

ГЛАВА IV - ВАВИЛОН, ПРИВЛЕЧЕННЫЙ К БОЛЬШОМУ СУДУ

Гражданские, общественные и церковные власти Вавилона, христианства, взвешиваемые сегодня на весах – Иск к гражданским властям – Иск к нынешней общественной системе – Иск к церковным властям – Даже сегодня посреди его торжеств можно проследить и выразительно прочесть письмена о его осуждении, хотя суд еще не закончился

"БОГ богов, Господь возглаголал, и призывает землю, от восхода солнца до запада.. Он призывает свыше небо [высшие, правящие власти] и землю [массы людей] судить народ Свой [тех, кто исповедует веру, христианство]..."

"Слушай, народ Мой, Я буду говорить: Израиль [номинальный духовный Израиль – Вавилон, христианство]! Я буду свидетельствовать против тебя..." "Грешнику же говорит Бог: «Что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои, а сам ненавидишь наставление Мое, и слова Мои бросаешь за себя? Когда видишь вора, сходишься с ним, и с прелюбодеями сообщаешься. Уста твои открываешь на злословие, и язык твой сплетает коварство. Сидишь и говоришь на брата твоего [истинных святых, класс пшеницы], на сына матери твоей клевещешь.. Ты это делал, и Я молчал; ты подумал, что Я такой же, как ты. Изобличу тебя и представлю пред глаза твои грехи твои»".

"Уразумейте это, забывающие Бога, дабы Я не восхитил, – и не будет избавляющего" (Пс. 49: 1, 4, 7, 16-22).

Как логичное следствие большого роста знаний во всех направлениях, предоставленного провидением в этом "дне приготовления" к Тысячелетнему царствованию Христа, гражданские и

[76] церковные власти христианства, Вавилона, сегодня взвешиваются на весах Справедливости на глазах у всего мира. Пришел час суда, и Судья находится на судейской скамье; также присутствуют свидетели – широкие массы. На этом этапе разбирательства "существующие власти" имеют право выслушать обвинения и затем выступить в свою защиту. Их дела рассматриваются в открытом суде, и весь мир следит за этим с глубоким и неподдельным интересом.

Цель этого разбирательства не в том, чтобы показать великому Судье действительное положение этих властей, ведь мы уже предупреждены посредством Его "вернейшего пророческого слова" о вынесенном им приговоре; и даже люди могут прочесть на стенах их залов для пиршеств надпись, выведенную таинственной, роковой рукой: "МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН!" Нынешнее разбирательство, включающее дискуссию о правде и фальши, об учениях, авторитетах и т. п., должно явить всем людям действительный характер Вавилона, чтобы они, длительное время вводимые в заблуждение его пустыми притязаниями, в итоге могли посредством этого судебного процесса до конца постичь справедливость Бога в его окончательном свержении. На повестку дня этого разбирательства вынесены все его притязания на большую святость, божественный авторитет и полномочия управлять миром, а также его многочисленные возмутительные и противоречивые доктринальные утверждения.

Перед лицом такой толпы свидетелей гражданские и церковные власти с явным стыдом и смущением пытаются отчитаться через своих представителей – правителей и духовенство. Никогда прежде во всей летописи истории не было такого положения вещей. Никогда прежде церковные, государственные и гражданские правители не подвергались такому изучению и не оказывались под таким перекрестным допросом и критикой, как ныне в гражданском суде, посредством которого Дух Господа, испытывающий сердца, влияет на них к их великому замешательству. Несмотря на их решительность и попытки избежать

[77] следствия и перекрестного допроса духом этого времени, они вынуждены это стерпеть, а значит, разбирательство продолжается.

ВАВИЛОН, ВЗВЕШЕННЫЙ НА ВЕСАХ

В то самое время, когда массы людей смело требуют сегодня от гражданских и церковных властей христианства доказательства их притязаний на божественное право властвовать, ни им, ни правителям невдомек, что Бог дал право, вернее, позволение, на аренду власти* тем правителям (хорошим или плохим), которых человечество может избрать или стерпеть, пока не истекут "Времена Язычников"; что в течение этого времени Бог позволил миру самому вести свои дела и избирать собственный путь для саморуководства, чтобы, поступая так, все люди смогли научиться, что в их падшем состоянии они не способны к саморуководству и не стоит пытаться быть независимым то ли от Бога, то ли друг от друга (Рим. 13: 1).

*Том II, стр. 80.

Правители и правящие классы в мире, не видя этого, но осознавая свои возможности и эксплуатируя менее удачливые массы людей, с позволения и терпимости которых они (сознательно или бессознательно) так долго держались у власти, пытались навязать малограмотным массам бессмысленное учение о божественном назначении и "божественном праве царей", гражданских и церковных. Чтобы увековечить это учение, столь сподручное для их политики, в среде масс в течение многих веков насаждали и поощряли невежество и суеверие.

Лишь с недавних пор знание и образование получили общее распространение. Однако это произошло силой обстоятельств провидения, а не усилиями царей и

[78] церковничества. Главными факторами, которые этому содействовали, были печатный станок и пароходный транспорт. До этого божественного вмешательства массы людей, находясь преимущественно в изоляции друг от друга, не были в состоянии обрести что-то большее, кроме собственного опыта. Но эти факторы оказались средствами, принесшими удивительный рост путешествий и развитие общественных и торговых связей, отчего все люди, всякого сословия и положения, могут пользоваться опытом других по всему миру.

Сегодня широкая общественность – это читающая общественность, путешествующая общественность, думающая общественность, но она быстро становится также недовольной и настырной общественностью с малым уважением к царям и монархам, которые вместе удерживали старый порядок вещей, при котором они теперь непрестанно выражают свое недовольство. А прошло ведь всего каких-то триста пятьдесят лет с тех пор, как устав Парламента Англии позаботился о своих безграмотных членах такими словами: "Любой Лорд или Лорды Парламента, Пэр или Пэры Королевства, обладающие местом или голосом в Парламенте, могут на их просьбу или молитву требовать привилегий на основании этого акта, даже если они не умеют читать". О двадцати шести баронах, подписавших Великую хартию, сказано, что только трое из них написали свое имя, тогда как двадцать три других поставили пометки.

Видя, что тенденция всеобщего просвещения масс людей влечет за собой суд правящих властей и не способствует их устойчивости, российский министр внутренних дел предложил, как шаг для сдерживания роста нигилизма, положить конец высшему образованию для кого-либо из более бедных классов. В 1887 году он издал циркуляр, из которого мы извлекли следующее: "Гимназии, высшие школы и университеты отныне будут отказываться принимать в качестве учеников или студентов детей домашних слуг, крестьян, ремесленников, мелких торговцев, мелких помещиков и

[79] прочих похожего сословия, чьи потомки не должны подняться за пределы того круга, к которому они принадлежат, и тем самым быть подталкиваемыми, как показал длительный опыт,. к недовольству своей судьбой и раздражению от неминуемого неравенства существующего общественного положения".

Однако следовать такой политике сегодня уже слишком поздно – даже в России. Это политика, которую исповедовало папство в дни своей власти, но которую эта коварная институция признает ныне бесперспективной и способной повернуть против власти, стремящейся к ее внедрению. Умы людей осенил свет, поэтому их нельзя вернуть к их прежней тьме. С постепенным ростом знаний появились требования установить республиканские формы правления, поэтому монархической власти пришлось претерпеть большие изменения силою их примера и в результате требований людей.

В занимающемся свете нового дня люди начинают осознавать, что под прикрытием ложных утверждений, поддерживаемых людьми в их прошлом невежестве, правящие классы самолюбиво вели торговлю естественными правами и привилегиями остального человечества. Следовательно, видя и взвешивая утверждения власть имущих, они быстро приходят к своим собственным заключениям, не обращая внимания на жалкие оправдания в ответ. Но, поскольку сами массы руководствуются отнюдь не высшими принципами праведности и истины, чем правящие классы, их суд, с другой стороны, так же далек от справедливости, поскольку они все более склонны поспешно игнорировать всякий закон и порядок вместо того чтобы спокойно и беспристрастно внять всесторонним требованиям справедливости в свете Божьего Слова.

В то самое время, как Вавилон, христианство, – нынешняя организация и порядок общества, представленные его государственными деятелями и духовенством, – проходит взвешивание на весах общественного мнения, его многочисленные чудовищные утверждения оказываются

[80] безосновательными и абсурдными, а тяжелые обвинения против него (в самолюбии и несоответствии золотому правилу Христа, Чье имя и полномочия он берет на себя) уже перевесили чаши весов и подняли их коромысло настолько высоко, что даже сегодня миру не хватает терпения выслушивать дальнейшие доказательства его поистине антихристианского характера.

Его представители призывают мир обратить внимание на величие их царств, на триумфы их армий, на пышность их городов и дворцов, на важность и мощь их институций, политических и религиозных. Они стремятся возродить древний дух кланового патриотизма и суеверия, который когда-то склонялся в смиренном и почтенном уважении перед теми, кто находился у власти и пользовался полномочиями, который усердно восклицал: "Да здравствует король!", и с благоговением относился к лицам, считавшим себя представителями Бога.

Но эти дни уже позади: быстро исчезают остатки прежнего невежества и суеверия, а с ними – чувство кланового патриотизма и слепого религиозного почитания. На их месте обнаруживаются независимость, подозрение и неповиновение, которые обещают вскоре привести к всемирному мятежу – анархии. Народы различных кораблей-государств со злостью и угрозами вопят к своим капитанам и лоцманам, иногда доводя почти до мятежа. Они утверждают, что нынешняя политика тех, кто у власти, имеет целью завлечь их в будущем на рынки рабов, сделать их естественные права предметом торговли и обратить в рабство, в котором находились их отцы. Многие из них все отчаяннее настаивают на том, чтобы сместить нынешних капитанов и лоцманов, позволив кораблям плыть наугад, пока они соперничают между собой за господство. Однако вопреки этим неистовым и угрожающим требованиям, капитаны и лоцманы, цари и государственные деятели пререкаются и стремятся удержаться при власти, все время покрикивая на людей: "Руки прочь! Вы заведете корабль на скалы!" Затем вперед выходят религиозные учителя и

[81] советуют людям подчиниться. Стремясь подчеркнуть, что их полномочия будто бы от Бога, они помогают гражданским властям удерживать людей в повиновении. Но они также начинают осознавать, что их власть минует, и ищут средства, чтобы укрепить ее заново. Поэтому они ведут разговоры о взаимном единстве и сотрудничестве, и мы слышим их обращения к государству за большей помощью с этого источника, обещая в ответ поддержать гражданские институции своей (ослабевающей) властью. Но как бы там ни было, буря усиливается; и хотя массы людей, неспособные осознать опасность, продолжают негодовать, сердца тех, кто у корабельного штурвала, издыхают от страха перед тем, что они сегодня видят как неизбежное.

Церковные власти, в частности, чувствуют за собой долг отчитаться, с тем чтобы произвести, по возможности, наилучшее впечатление, а значит, по возможности сдержать направленное против них революционное течение общественного мнения. Однако, когда они пытаются оправдать скудность положительных результатов прошлых столетий своей власти, они только усиливают собственное смущение и обеспокоенность и обращают внимание других на истинное положение дел. Такие извинения постоянно появляются на страницах светской и религиозной прессы. Но выразительным противопоставлением им является бесстрашная критика со стороны мира в адрес большинства гражданских и церковных властей христианства. Примерами этого являются следующие выдержки из текущих сообщений прессы.

ВСЕМИРНЫЙ ИСК К ГРАЖДАНСКИМ ВЛАСТЯМ

“Среди всех странных верований человеческого рода нет более странного, чем то, которое вынуждает Всемогущего Бога с заботой выбирать некоторых самых заурядных членов человечества – зачастую хилых, бестолковых и развратных, – чтобы те в качестве Его земных представителей царствовали под Его особым покровительством над большими общинами людей” (“New York Evening Post”).

[82] Другой журнал писал несколько лет тому назад под заглавием "Незавидная участь королей" следующее:

"Говорят (и это вполне правдоподобно), что король Сербии Милан является сумасшедшим. Король Вюртемберга частично лунатик. Последний король Баварии совершил самоубийство в приступе безумия, а нынешний правитель этой страны является идиотом. Царь России занимает это положение только потому, что его брат, настоящий наследник, был признан умственно неполноценным; да и нынешний царь страдает, со времени своего коронования, меланхолией и позвал на помощь врачей-психиатров с Германии и Франции. Король Испании стал жертвой золотухи и, вероятно, не достигнет зрелого возраста. Император Германии имеет неизлечимую опухоль в ухе, которая, в конечном счете, повредит его мозг. Король Дании передал по наследству зараженную кровь пол дюжине династий. Султан Турции страдает меланхолией. В Европе нет престола, где бы грехи родителей не были видимым образом унаследованы детьми, и через одно или два поколения уже не будет ни Бурбонов, ни Гапсбургов, ни Романовых, ни Гвельфов, которые бы надоедали миру и господствовали над ним. Голубая кровь такого сорта перестанет быть в почете в 1900-х годах и сама по себе не будет составлять проблемы в будущем".

Другой корреспондент ежедневной прессы подсчитал стоимость содержания королевского окружения:

"Согласно договоренности с королевой Викторией при ее восхождении на престол она имеет 385 000 фунтов ежегодно с правом жалования новых пенсий в размере 1 200 фунтов годовых, что равняется 19 871 фунту ренты ежегодно. Это составляет общую сумму в 404 871 фунт в год для одной только королевы, из которых 60 000 фунтов предназначается для ее собственного кошелька или, проще говоря, в виде карманных денег. Герцогство Ланкастера, которое все еще остается в распоряжении короны, также платит 50 000 фунтов ежегодно в ее личный кошелек. Следовательно, королева имеет 110 000 фунтов в год на расходы, потому что другие расходы ее дома предусмотрены другими статьями Гражданского Реестра. Если королева сообщает о своем подарке на благотворительные цели в размере 50 или 100 фунтов, не следует думать, что это деньги из ее личного кошелька, так как для этого существует отдельная статья, где учтено 13 200 фунтов ежегодно на королевскую щедрость, милостыни и благотворительность. Среди назначений в королевском

[83] окружении 20 определены как политики, с общим жалованием в 21 582 фунта в год, где существует правило, что один получает плату, а другой выполняет работу. Врачебная служба состоит из 25 лиц – от тех, кто лечит непосредственно, до химиков и аптекарей, – и все для того, чтобы удержать королевскую плоть в добром здравии, тогда как 36 штатных капелланов и 9 штатных священников бдят королевскую душу. Департамент лорда Чемберлена включает нудный перечень официальных должностей, среди которых вперемешку с экзаменатором игр, поэтом-лауреатом, смотрителем картин находятся учитель гребли, смотритель лебедей и хранитель драгоценностей в Тауэр. Наиболее курьезной должностью в подчинении Королевского Егеря является наследственная должность главного сокольничего, которую занимает герцог с Сент-Елбанс с окладом 1 200 фунтов в год. Вполне возможно, что герцог даже не ведает о разнице между соколом и пингвином и никогда не пытался о ней узнать. После своего вступления на престол королева Виктория упразднила многие ненужные должности, тем самым добиваясь значительной экономии, вся сумма от которой идет в ее объемистый личный кошелек.

Позаботившись столь щедро о королеве, британский народ был обязан дать что-то ее супругу. Принц Альберт получил отдельным голосованием 30 000 фунтов в год, кроме ежегодных 6 000 фунтов как фельдмаршал, 2 933 фунта как полковник двух полковых формирований, 1 120 фунтов в год как комендант замка Виндзор и 1 500 фунтов как королевский лесничий парка Виндзор и Home Park. Всего супруг королевы за 21 год их супружеской жизни стоил народу 790 000 фунтов, и положил начало большой семье, которую вверил попечительству народа. Следующей идет императрица Августа из Германии, которая получает 8 000 фунтов в год, кроме 40 000 фунтов приданого и 5 000 фунтов на свадебные приготовления. Однако и этого щедрого пособия ей никак не хватает на билет в Англию, чтобы повидаться с матушкой, потому что всякий раз за ее проезд приходится платить 40 фунтов. Когда Принц Уэльский достиг совершеннолетия, он получил в подарок ко дню рождения маленькую безделушку за 601 721 фунт, что составляет сумму совокупного годового дохода герцогства Корнвол. С тех пор он получает от этого герцогства в среднем 61 232 фунта в год. Народ также истратил 44 651 фунт на ремонт Marlborough House, городской резиденции принца с 1871 года; он платит ему 1 350 фунтов в год

[84] как полковнику Десятого полка гусар; он дал ему 23 450 фунтов, чтобы оплатить расходы на его брак; он ежегодно предоставляет 10 000 фунтов его супруге и дал ему 60 000 фунтов на расходы во время его визита в Индию в 1875 году. В общем, за период, который закончился десять лет тому назад, он вытащил из кармана простых англичан 2 452 200 фунтов (свыше 12 000 000 дол.), и с тех пор продолжает изымать регулярно.

Теперь что касается младших сыновей и дочерей. Принцесса Алиса получила 30 000 фунтов на свою свадьбу в 1862 году и получала еще 6 000 фунтов ежегодной ренты вплоть до ее смерти в 1878 году. Герцогу Эдинбургскому пожаловали 15 000 фунтов в год после достижения им совершеннолетия в 1866 г., и дополнительно 10 000 фунтов в год к его свадьбе в 1874 г. – кроме 6 883 фунтов на свадебные расходы и на ремонт его дома. Все это он получает ничего не делая, будучи принцем. В чине капитана, а в последнее время как адмирал флота, он заработал 15 000 фунтов. Принцесса Хелена получила в 1866 году к своему браку с принцем Кристианом из Шлесвиг-Хольштейна приданое на сумму 30 000 фунтов и дотацию – 7 000 фунтов ежегодно – на жизнь, в то время как ее супруг получает ежегодно 500 фунтов как лесничий парка Windsor Home Park. Принцесса Луиза получила такую же милость, что и ее сестра Хелена. Герцог Коннатский начал жизнь в 1871 г., получая от народа 15 000 фунтов в год, и эта сумма выросла до 25 000 фунтов после его бракосочетания в 1879 году. Сейчас он командует армией в Бомбее, имея 6 600 фунтов ежегодно и значительные прибыли со стороны. Герцогу Элбанскому даровали с 1874 г. 15 000 фунтов ежегодно, и эта сумма увеличилась до 25 000 фунтов к его браку в 1882 г.; его вдова получает 6 000 фунтов в год. Горемычный герцог был самым гениальным из всей семьи. Если бы он родился рядовым гражданином с обычными возможностями, то смог бы заработать на спокойную жизнь как адвокат, поскольку был оратором. Принцесса Беатриче получила к своему браку обычное приданое в размере 30 000 фунтов и годовую ренту в 6 000 фунтов. Вот так народ (от восшествия королевы на престол до конца 1886 года) уплатил 4 766 083 фунта за роскошь супруга королевы, пяти принцесс и четырех принцев, не учитывая при этом особых личных расходов, неоплачиваемых резиденций и освобождения от налогов.

Но и это еще не все. Народ был вынужден поддерживать не только потомков королевы, но и ее двоюродных братьев и сестер, а также тетей и дядей. Я только перечислю денежные суммы, которые получили с 1837 года эти королевские пенсионеры. Леопольд I, король Бельгии,

[85] получал лишь за то, что женился на тете королевы, 50 000 фунтов в год вплоть до своей смерти в 1865 г., всего 1 400 000 фунтов за время нынешнего царствования. Однако он имел определенное чувство порядочности, потому что, став королем Бельгии в 1834 г., передал свою пенсию попечителям, оговорив лишь ежегодные выплаты для своих слуг и для ухода за Claremont House. Когда он умер, вся сумма была обратно внесена в государственную казну. Не так поступил король Ганновера, дядя королевы. Он забрал все, что мог, и что составляло за период с 1837 г. до 1851 г. 294 000 фунтов, или 21 000 фунтов в год. Королева Аделаида, вдова Вильяма IV, получала в течение 12 лет 100 000 фунтов ежегодно, или 1 200 000 фунтов в целом. Мать королевы, герцогиня Кента, получала со времени восшествия на престол дочери до своей смерти 30 000 фунтов в год, в сумме 720 000 фунтов. Герцог Суссекса, еще один дядя, получал 18 000 фунтов в год в течение шести лет, в сумме 108 000 фунтов. Герцог Кембриджа, дядя №7, получал ежегодно 24 000 фунтов, или 312 000 в целом, тогда как вдова после него, которая еще жива, получала после его смерти 6 000 фунтов в год, или 222 000 фунтов в целом. Принцесса Августа, еще одна тетя, получила всего свыше 18 000 фунтов. Ланд графиня Гессе, тетя №3, заполучила около 35 000 фунтов. Герцогиня Глочестера, тетя №4, довольствовалась 14 000 фунтов в год в течение 20 лет, т. е. 280 000 фунтов в целом. Еще одна тетя, принцесса София, получала 167 000 фунтов, а последняя тетя – также принцесса София из Глочестера, племянница Джорджа III, – 7 000 фунтов в год в течение 7 лет, т. е. 49 000 фунтов. Затем, герцогу Мекленбург-Стрелица, двоюродному брату королевы, уплачено 1 788 фунтов в год в течение 23 лет ее правления, т. е. 42 124 фунта.

Герцог Кембриджский, Главнокомандующий Британской армией, получил, с пенсиями, с жалованием Главнокомандующего, с вознаграждениями за командование несколькими полками и за титул лесничего нескольких парков, большую часть которых он превратил в частные охотничьи угодья, 625 000 фунтов общественных средств. Его сестра, герцогиня Мекленбурга-Стрелица, получила 132 000 фунтов, а его вторая сестра, "Толстуха Мэри", герцогиня Тека – 153 000 фунтов. Это дает общий итог в 4 357 124 фунта, которые народ уплатил за поддержку различных дядей, тетей и двоюродных сестер и братьев королевы во время ее правления.

Кроме денежных сумм, представленных в Гражданском Реестре королевы, в бюджет военно-морского флота включена первоначальная стоимость и стоимость содержания четырех королевских

[86] яхт, хотя законно они являются частью расходов королевской семьи. Их начальная стоимость составляла 275 528 фунтов, а полная стоимость содержания и расходов (обеспечение экипажа деньгами и провизией в течение десяти лет) – 346 560 фунтов, всего 622 088 фунтов для этой отдельной статьи.

Если подытожить, то многочисленные тети, дяди, двоюродные братья и сестры королевы стоили 4 357 124 фунта; ее супруг, ее сыновья и ее дочери – 4 766 083 фунта; она и ее дом – 19 838 679 фунтов; ее яхты – 622 088 фунтов. Это составляет вместе 29 583 974 фунта [почти сто пятьдесят миллионов долларов], которые британский народ расходовал на монархию во времена ее нынешнего господства [до 1888 года]. Стоит ли игра свеч? Это довольно высокая цена, чтобы ее платить ради стабильности, ведь она означает, что от людей требуют предельного напряжения сил, чтобы удерживать в качестве бездельников стольких лиц, которые принесли бы стране значительно больше пользы, если бы честно зарабатывали на жизнь".

Зрелищная коронация царя России была знаменательной иллюстрацией королевской экстравагантности, задуманной, как и все щегольские выходки коронованных лиц, чтобы внушить массам, что их правители настолько превосходят их славой и величием, что достойны их почета как высшие существа, а также самого подобострастного и рабского повиновения. Говорят, что на этот раз грандиозный показ царского величия стоил 25 000 000 дол.

Об этой расточительности, столь отличающейся от нищенских условий миллионов крестьян, несчастья которых весь мир познал во время голода 1893 года, мы приводим следующий отрывок из комментария английского журнала "The Spectator":

"Трудно изучать сообщения о приготовлениях к коронации в России (которые звучат так, словно бы их следовало напечатлеть золотом на багряном шелке) без чувства отвращения, тем более, когда мы читаем одновременно описания резни армян, которых россияне отказались защитить, хотя имели такую власть. Мы можем, сделав усилие, воспроизвести в уме удивительные сцены, представленные в Москве с ее азиатской архитектурой и

[87] блестящими куполами, с ее улицами, заполненными пышной европейской форменной одеждой и еще более пестрыми азиатскими нарядами; с белыми князьями в красном, с желтыми князьями в голубом, с темнокожими князьями в одежде из золота, с правителями племен Дальнего Востока, с диктатором Китая и со смуглым японским генералом (перед которым этот диктатор лежал ниц) бок о бок с членами всех правящих династий Европы и представителями всех известных церквей, за исключением мормонов; с представителями всех народов, послушных царю, которых, знаем, около восьмидесяти, и каждой армии Запада. Все они шествовали посреди неисчислимого множества и разнообразия нарядов, посреди миллионов верноподданных – наполовину азиатов, наполовину европейцев, – полных воодушевления и преданности своему земному господину. Мы можем предвосхищать гул бесконечных толп, хоры монахов, которых не счесть, артиллерийские залпы, которые повторяются от города к городу по всей северной части мира – от Риги до Владивостока, – чтобы все люди одновременно услышали, что царь возложил корону на свою голову. Англичанин воспринимает это так, как воспринимает поэму Мура, находя прочитанное одновременно пышным и тошнотворным. Не слишком ли все грандиозно для столь величественного события? Не напоминает ли это больше оперу, нежели жизнь? Нет ли тени вины (в такой империи как Россия, с ее миллионами страдальцев) в громадном расточительстве ради такого рода королевского зрелища? Пять миллионов фунтов стерлингов на какую-то церемонию! Есть ли принцип, на основании которого можно как-то благовидно оправдать трату, наподобие этой? Разве это не расточительность Валтасара, проявление почти безумного тщеславия, разбрасывание богатствами так, как ими иногда разбрасываются цари Востока, лишь бы возбудить восторг славой в чьем-то перенасыщенном уме? Ничто не может побудить англичанина проголосовать за такую сумму для такой цели, даже если Англия может иметь в десять раз больше лишних денег, чем Россия.

Однако возможны опасения, что те, кто правит Россией, по-своему мудры, и эта неосмотрительная трата усилий и богатства гарантирует результат, который с их точки зрения дает соответствующее возмещение. Истинной целью является усиление впечатления россиян, что положение царя в чем-то сверхъестественно, что его средства столь же неисчерпаемы, как и его власть, что он пребывает в некотором особом родстве с Божеством,

[88] что его коронация – это столь торжественное и многозначительное для человечества посвящение, что никакая открытая для созерцания демонстрация не может быть чрезмерной, что человечество может собраться и смотреть на это без умаления собственного достоинства, что кратковременная мирная тишина, которую так бережно распространяют по всему северному миру, возникла не по приказу, а в ожидании соответствующего события. В правящих кругах России верят, что результат достигнут, что впечатление во всей империи от коронации равносильно впечатлению от победы, которая стоила бы не меньших денег, но значительно больших слез. Они повторяют церемонию при каждой передаче престола, с постоянно растущей роскошью и размахом задуманного, что свидетельствует об упрочении позиции России, обозначившимся, как они считают, именно теперь в результате постепенного ослабевания Японии, усмирения Китая и рабского угодничества правителя Константинополя. Они даже верят, что коронация укрепляет их господствующий престиж в Европе, что величие его Империи, многочисленность его солдат, обладание всеми атрибутами цивилизации, а также всеми средствами варварской Власти намного быстрее отрезвляет мышление Запада и усиливает имеющееся там нежелание противостоять этой огромной северной державе. В Берлине, рассуждают они, еще больше дрожат при мысли о вторжении, в Париже прибавилось ликования, поскольку люди помнят об Альянсе, а в Лондоне возникла продолжительная пауза, когда его государственные мужи обдумывают (как это они всегда делают), как остановить дальнейшее сползание ледника или повернуть его в сторону. Может ли кто-то с уверенностью сказать, что они полностью неправы, или что за год дипломатия России не станет в результате этого всенародного празднества более дерзкой, а противостояние сопротивляющихся более робким, после того, как они увидели, по крайней мере глазами своего ума, сцену, которую, высказываясь сжато, можно охарактеризовать, как просмотр Империи в стенах ее столицы, или парад Северной Европы и Азии в честь их главнокомандующего?

Возможно, это не так, но в одном мы уверены, что сцены, наподобие представленных во время коронации, создают определенный риск для мира. Они обязательно приведут к деморализации его самого

[89] властного человека. О нынешнем царе никто ничего не знает, кроме того, что он, как сказал некто общавшийся с ним непосредственно, является “человеком глубоких эмоциональных чувств”. Однако он должен быть кем-то большим, чем заурядной личностью, если, как потомок Александра I, подписавшего Соглашение в Тилзит, способен почувствовать себя на несколько дней центром этой сцены коронации и может, по сути, принимать поклонения так, словно он воцарился в Ниневии, не погружаясь в сны. А царю обычно снится власть. Как известно, существует опьянение властным положением и опьянение властью. Человек, на которого обращен всякий глаз и перед которым все князья кажутся малозначительными, действительно должен быть сдержанного ума, если он ни на минуту не заважничал от убеждения, что он первый среди человечества. Правители России, возможно, еще поймут, что, возвышая своих царей так высоко, они укрепляют преданность и углубляют повиновение, но при этом разрушают чувство сдержанности, которое необходимо для защиты ума”.

То, что эти правители так называемых христианских царств полностью лишены истинных христианских чувств и даже человеческой благосклонности, более чем достаточно подтверждается фактом, что хотя они расточают богатство как воду в поддержку королевской власти с ее бессодержательной напыщенностью и зрелищностью, и хотя в их распоряжении находятся миллионы солдат и матросов, а также самое незаурядное военное вооружение, они остались глухими к воплям несчастных армянских христиан, которых турки истязали и убивали десятками тысяч. Очевидно, что превосходные армии созданы не для людей, но исключительно для самолюбивых целей политических и финансовых правителей мира, чтобы захватывать земли, защищать интересы держателей облигаций и в убийственной ярости хватать друг друга за горло, когда подвернется хорошая возможность расширить свои империи или увеличить свое богатство.

Яркой противоположностью этой королевской экстравагантности, которая в той или иной мере доминирует в каждой стране, где содержат королевскую семью, является огромная задолженность европейских стран.

[90] “Economiste Francais” опубликовал подробную статью месье Рене Стурма (M. Rene Stourm) на тему общественного долга Франции. Согласно наиболее распространенному способу подсчета долга он, говорят, составляет 6 400 000 000 дол. Самые умеренные подсчеты дают несколько миллионов меньше. Месье Поль Леру-Больє определяет его как 6 343 573 630 дол. Результаты подсчетов месье Стурма дают в итоге 5 900 800 000 дол. при условии, что он не учел 432 000 000 дол. пожизненных рент, которые другие экономисты сочли частью основной суммы долга. Исходя из общего долга, ежегодные расходы на проценты и амортизационный фонд составляют, с учетом пожизненных рент, 258 167 083 дол. Из фундированного долга 2 900 000 000 дол. приходится на бессрочные трехпроцентные займы, 1 357 600 000 дол. – на бессрочные 4,5 процентные займы, 967 906 200 дол. – на подлежащие уплате разные долговые обязательства. 477 400 000 дол. ежегодных рент различным компаниям и корпорациям и 200 000 000 дол. текущего долга составляют общий баланс, представленный месье Стурмом. Это самая тяжелая ноша, которую нес на себе какой-нибудь народ на земном шаре. Ближе всего к нему находится долг России, который определен как 3 605 600 000 дол. Следующей является Англия с 3 565 800 000 дол. и Италия с 2 226 200 000 дол. Долг Австрии составляет 1 857 600 000 дол., Венгрии – 635 600 000 дол. Испания задолжала 1 208 400 000 дол., а Пруссия – 962 800 000 дол. Это цифры, приводимые месье Стурмом. Ни один из этих народов, за исключением Англии и Пруссии, не увеличил достаточно годового дохода, чтобы гарантировать долговременное равновесие бюджета. Однако сильнее всего отягчена Франция, а рост ее долга в недалеком прошлом был самым стремительным и не сулит ничего хорошего в будущем.

В завершение месье Стурм говорит: “Мы не собираемся останавливаться на этих тревожных рассуждениях, к которым нас подтолкнули наши размышления. В каком аспекте не рассматривать эти 29,5 миллиардов – то ли сравнивая их с задолженностью других стран, то ли с нашей собственной задолженностью десяти- или двадцатилетней давности, – они напоминают вершину неизвестной высоты, превышающую предел, считаемый досягаемым любым народом в мире в любую эпоху. Действительным ее подобием может быть разве что Эйфелева Башня. Мы превосходим наших соседей и нашу историю величиной нашего долга,. перед лицом которого для нашей страны наступила пора почувствовать патриотическое волнение”.

[91] “The London Telegraph” в свое время опубликовал следующее резюме о перспективах национальных финансов:

“Отсутствие денег нависло, словно тьма, словно бескрайнее облако, над народами Европы. Для всех держав наступили очень трудные времена, но худшими из всех они стали для слабых. Вряд ли есть народ на Континенте, балансовый отчет которого за прошедший год не выглядел бы удручающе; при этом многие просто признаются в банкротстве. Внимательное изучение финансового состояния различных государств свидетельствует об усилиях некоторых государственных сокровищниц свести концы с концами, что никогда раньше не имело такого размаха. Таково действительное положение дел почти во всем мире; ведь если мы посмотрим за пределы нашего Континента, то увидим, что Соединенные Штаты с одной стороны, и Индия, Япония, а также их соседи – с другой, уже почувствовали имеющиеся затруднения…

Великая Республика слишком обширна и богата ресурсами, чтобы умереть от своих финансовых недугов, хотя и очень больна. Великобритании также придется в будущем бюджете столкнуться с дефицитом; она уже понесла ощутимые и, скорее всего, невосполнимые потери в результате глупого случая с забастовкой угольщиков. Франция, наподобие нас и Америки, является одной из стран, которую нелегко представить себе неплатежеспособной, настолько богата ее почва и трудолюбив ее народ. Однако ее годовой доход обозначен частыми дефицитами; ее национальный долг приобрел колоссальные размеры, а бремя ее армии и флота почти раздавливает промышленность страны. Германию также следует причислить к категории держав, слишком крепких и слишком сильных, чтобы почувствовать что-то большее, чем временное недомогание. Однако подсчитано, что за последний год она потеряла 25 000 000 фунтов стерлингов, которые составляют около половины национальных сбережений. Большинство этих убытков стало следствием капиталовложений Германии в ценные бумаги Португалии, Греции, Южной Америки, Мексики, Италии и Сервии. Одновременно Германия остро почувствовала замешательство на рынке серебра. Бремя ее вооруженного мира тяготеет над ее народом сокрушающей тяжестью. Среди держав, которые мы классифицируем как естественно платежеспособные, необычно видеть Австро-Венгрию, которая смогла представить самый лучший и самый благоприятный отчет…

Если оставим на время эту большую группу и обратим свой взор к Италии, то увидим пример “Великой державы”,

[92] которая ради собственного величия едва не стала попрошайкой. С каждым годом ее доходы падают, а расходы увеличиваются. Шесть лет тому назад объем внешней торговли Италии составлял 2 600 000 000 франков; сегодня он упал до 2 100 000 000. Она вынуждена платить 30 000 000 фунтов стерлингов в виде процентов от своего общественного долга, не говоря об обязательном лаже на золото. Ее поручительства сделались неходким товаром на рынке, а бездумная эмиссия банковских знаков привела к сказочным ценам на серебро и золото. Ее население потопает в почти невероятной нищете и беспомощности, поэтому когда новые министры придумали новые налоги, вспыхнули кровавые мятежи.

Что касается России, ее финансовые дела покрыты такой тайной, что никто не может сказать о них ничего определенного; но нет малейшего основания сомневаться, что от банкротства ее удерживает только величие царской империи. Население сдавливали до тех пор, пока из промышленности не выжали почти последнюю каплю жизненных сил. Даже самый безответственный и безжалостный министр финансов вряд ли осмелится подвинтить налоги хотя бы на пол-оборота.

Серьезный и достоверный отечественный источник пишет о ситуации в России следующими словами:

"Каждая копейка, которую крестьянину удается заработать, расходуется не для того, чтобы устроить собственные дела, а для покрытия неуплаченных налогов.. Деньги, которые платит деревенское население под видом налогов, составляют от двух третьих до трех четвертых валового дохода страны, включая сверхурочный труд фермерских тружеников". Хорошая, казалось бы, репутация правительства поддерживается искусственными мерами. Непосредственные наблюдатели ожидают краха одновременно общественных и финансовых сводов империи. Здесь также невероятный кошмар вооруженного мира в Европе значительно содействует параличу торговли и сельского хозяйства. Пример Португалии не входит в эту категорию. Хотя одно время она была могущественным королевством, ее плачевное положение, как банкрота, никак не вытекает из милитаристских амбиций или лихорадочных расходов. В свою очередь Греция, хотя малозаметная среди держав со своими двумя миллионами населения, дает яркий пример того крушения, к которому может привести народ финансовая расточительность и претенциозность замыслов. "Великая идея" оказалась проклятием для маленькой Греции, и мы недавно видели ее стремящейся уклониться от бремени своего общественного долга

[93] самым постыдным образом, от чего она только частично отказалась перед лицом протестов Европы. Деньги, потраченные на ее "Армию и Флот", столь же успешно можно было выбросить в море. Политические игры сделались ее болезнью, заражая самых лучших и самых способных ее общественных деятелей. Простые люди, которые слишком образованы, чтобы работать; студенты университетов, которых больше, чем каменщиков; общественные и частные долги, которые никто никогда не собирается платить; бутафорская армия и флот, поедающие средства; нечестность, ставшая принципом в политических баталиях, и секретные планы, которые должны означать или большее число ссуд, или продажное и рискованное соглашение с Россией – вот что характеризует нынешнюю Грецию.

Поэтому, осматриваясь по всему Континенту, невозможно отрицать, что положение вещей – если речь идет о благосостоянии людей и государственных финансах – крайне неудовлетворительное. Конечно, главной и наиболее очевидной причиной этого является вооруженный мир, который, словно ночной кошмар, повис над Европой и превратил весь Континент в своего рода постоянный лагерь. Взгляните на одну только Германию! И это серьезная и сдержанная империя! Военный бюджет вырос здесь с 17 500 000 фунтов в 1880 году до 28 500 000 фунтов в 1893 году. Согласно новой оборонной доктрине исполинский оборонный потенциал Германии должен получать ежегодно дополнительно 3 000 000 фунтов стерлингов.

Чтобы быть под стать своему могущественному сопернику, Франция напрягла свои силы к той же черте, близкой крушения. Будет лишним напоминать, какую ужасную роль играют эти приготовления к возможной войне в нынешнем всеобщем беспокойстве в Европе. Они не только изымают из прибылей и заработков огромные суммы, за которые покупается порох, патроны и строятся казармы, но забирают из рядов промышленности миллионы молодых тружеников в самом расцвете их сил, которые на этот период времени потеряны для семьи и для того, чтобы пополнить население. Мир еще не придумал лучшей расчетной палаты для международных чеков, кроме ужасного и дорогостоящего Храма войны".

Но, несмотря на большую задолженность и финансовые затруднения народов, умелыми статистами подсчитано, во что действительно обходятся Европе бюджеты различных армий и флотов, содержание гарнизонов и потери труда в промышленности в результате изъятия мужчин из

[94] производственной части экономики. Это можно обоснованно принять как 1 500 000 000 дол. в год, не говоря об огромных потерях человеческих жизней, которые за двадцать пять лет прошлого столетия (с 1855 по 1880 год) составили 2 188 000 чел., и все это посреди ужасов, которые иначе, как нищенством, не назовешь. Очень правдиво это подметил м-р Чарльз Диккенс:

"Мы говорим ликующе и с некоторым апломбом о "замечательной атаке!", о "блестящей атаке!", и только очень немногие задумываются над ужасными подробностями, стоящими за этими двумя непринужденными словами. «Блестящая атака» – это стремительный бросок верхом на сильных лошадях, с полного хода сбивающий с ног и ошеломляющий пешего неприятеля. Мысли читателя не идут дальше, удовлетворившись тем, что вражеская линия «прорвана» и «отступила». Но это не полная картина. Когда «блестящая атака» сделает свое дело и помчится дальше, глазам откроется что-то очень похожее на зрелище ужасной железнодорожной катастрофы. Здесь будет все: сломанные надвое спины, выломанные руки, пронзенные собственными штыками тела, расщепленные, как поленья, ноги, изрубленные, словно яблоки, и раздавленные железными копытами на сплошное месиво головы, и растоптанные лица, на которых не осталось ничего человеческого. Вот что скрывается за «блестящей атакой». Все это потом, как неизбежность, «когда наши парни обрушились на них как надо» и «изрубили их на славу»".

"Представьте себе, – пишет другой автор, – миллионы людей по всему лицу Европы, обремененных тяжелым трудом, которые изо дня в день толпой идут к своему труду, работая безостановочно от рассвета до росистого вечера – обрабатывая почву, выпуская изделия, обменивая товары, работая на шахтах, фабриках, в кузницах, доках, мастерских, пакгаузах, на железных дорогах, реках, озерах, океанах, исследуя недра земли, подчиняя упрямство безжалостной материи, укрощая элементы природы, делая их полезными для удобства и блага человека, создавая с помощью всего этого обилие богатства, которое может принести изобилие и уют в дом каждого из них. А теперь представьте себе властную руку, которая лезет в карман и забирает ежегодно около шести

[95] сотен миллионов денег, заработанных таким тяжелым трудом, бросая их в бездну военных расходов".

Следующее из "Harrisburg Telegram" также говорит об этом:

"Христианские" народы Европы несут определенные расходы, чтобы проиллюстрировать собственную приверженность "миру на земле и благоволению в людях". То есть они несут определенные расходы, чтобы быть постоянно в готовности разнести другого в мелкие щепки. Статистика, опубликованная в Берлине, показывает размеры военных расходов больших государств за три года – 1888, 1889, 1890 гг. Предлагаем следующие расходы в круглых цифрах: Франция – 1 270 000 000 дол.; Россия – 813 000 000 дол.; Великобритания – 613 000 000 дол.; Германия – 607 000 000 дол.; Австро-Венгрия – 338 000 000 дол.; Италия – 313 500 000 дол. Эти шесть государств израсходовали за три года на военные цели вместе 3 954 500 000 дол., т. е. более 1 318 100 000 дол. в год. Общая сумма за эти три года значительно превышает национальный долг Великобритании и является достаточно большой, чтобы трижды оплатить ту часть долга Соединенных Штатов, от которой выплачиваются проценты. Соответствующие расходы в Соединенных Штатах составили около 145 000 000 дол., исключая пенсии. Если прибавить и их, тогда наши общие расходы возрастут до 390 000 000 дол.

Согласно подсчетам французских и немецких статистов, за последние тридцать лет в войнах погибло 2 500 000 человек, тогда как на ведение этих войн израсходовано по меньшей мере 13 000 000 000 дол. Немецкий статист, д-р Энгель, приводит следующие цифры, как приблизительную стоимость главных войн последних тридцати лет: Крымская война – 2 000 000 000 дол.; Итальянская война 1859 года – 300 000 000 дол.; Прусско-Датская война 1864 года – 35 000 000 дол.; "Война мятежников (Север)" – 5 100 000 000 дол.; (Юг) – 2300000000 дол.; Прусско-Австрийская война 1866 года – 330 600 000 дол.; Франко-Германская война 1870 года – 2 600 000 000 дол.; Российско-Турецкая война – 125 000 000 дол.; Южноафриканские войны – 8 770 000 дол.; Африканская война – 13 250 000 дол.; Серво-Болгарская война – 176 000 000 дол.

Все эти войны были чрезвычайно кровавыми. Крымская война, в которой проведено несколько сражений, стоила 750 000

[96] человеческих жизней, всего на 50 000 меньше, чем было убито или умерло от ран во время "Войны мятежников" Севера и Юга. Мексиканские и Китайские кампании стоили 200 000 000 дол. и 85 000 жизней. 250 000 чел. убито и смертельно ранено во время Российско-Турецкой войны, а в Итальянской войне 1859 года и в войне между Пруссией и Австрией убито по 45 000 чел.".

В своем письме депутату Пасси из Парижа уважаемый Джон Брайт (John Bright), член Английского Парламента, ныне покойный, писал:

"На сегодняшний день все европейские ресурсы поглощаются военными нуждами. Человеческие интересы отдаются в жертву наиболее жалким и преступным иллюзиям иностранных политиков. Настоящие интересы масс попираются в угоду ложным понятиям о славе и национальном достоинстве. Меня не покидает мысль о том, что Европа марширует к какой-то большой катастрофе невиданной силы. Милитарную систему невозможно бесконечно и терпеливо поддерживать, и население, доведенное до отчаяния, вскоре может покончить с королевской властью и правящими от ее имени лицемерными чиновниками".

Итак, суд над гражданскими властями продолжается. Об этом идет речь не только в прессе, но и люди везде громко выражают недовольство и протестуют против существующих властей. Такое беспокойство существует повсеместно и с каждым годом становится все более и более опасным.

ВСЕМИРНЫЙ ИСК К НЫНЕШНЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ

Общественная система христианства также находится под контролем: ее денежные отношения, ее финансовые структуры и институции вместе с их производными – самолюбивой политикой бизнеса и классовыми различиями, основанными главным образом на имущественном положении, а также все, что подразумевает несправедливость и страдания для масс людей, – все подлежит в этот судный час суровому обращению, как и гражданские институции. Только взгляните на эти непрекращающиеся дискуссии о серебре, о золотом стандарте, на эти бесконечные споры между трудом и капиталом. Словно вздымающиеся от усиливающегося ветра морские волны, звучит

[97] слаженное бормотание бесчисленных голосов против нынешней общественной системы, особенно когда становится понятным ее несоответствие моральному кодексу, находящемуся в Библии, который христианство, по его словам, в целом признает и поддерживает.

Чрезвычайно существенным является факт, что для суда христианства (даже если бы его судил весь мир) критерием является Божье Слово. Язычники показывают Библию и дерзко говорят: "Вы не столь хороши, как ваша книга". Они указывают на ее блаженного Христа и говорят: "Вы не следуете вашему примеру". Язычники и массы христианства берут золотое правило и закон любви, оценивая ими учения, институции, политику и общее поведение христианства; и все вместе они подтверждают правдивость странной надписи на стенах его домов для веселья: "Ты взвешен на весах и найден очень легким".

Везде, в каждой земле, слышно, как мир выступает против нынешней общественной системы. Все люди говорят о ее неудаче; оппозиция к ней становится все более энергичной, распространяя по всему миру сумятицу, "ужасно потрясая" всяким доверием к существующим институциям, то и дело парализуя промышленность паникой, забастовками и т. п. В христианстве нет народа, где бы не было открытой оппозиции к нынешним общественным мерам, где бы им не оказывали сопротивления и все больше не угрожали.

Говорит м-р Карлайл (Carlyle): "Британская промышленная среда, кажется, быстро превращается в одну исполинскую тюрьму-трясину зловонной заразы – физической и моральной, – в отвратительную живую Голгофу душ и тел, похороненных заживо. Это тридцать тысяч швей, загоняющих себя трудом в могилу. Это три миллиона нищих, разлагающихся в вынужденном бездействии, помогая этим швеям умереть. И это только примеры ужасного реестра отчаяния".

Из другого издания под названием "The Young Man", мы выбрали следующую статью, озаглавленную "Становится ли мир лучше?" В ней говорится:

[98] “Сильные мужчины, стремящиеся честно работать, переносят муки голода и срам, а во многих случаях еще и горе на вид того, как страдают их семьи. С другой стороны, несметное богатство нередко сопровождается алчностью и безнравственностью. В то самое время, как бедные медленно умирают от голода, богатые, как правило, игнорируют нужды своих братьев, заботясь лишь о том, чтобы этот Лазарь не показывался невыгодно на глаза. Тысячи молодых людей вынуждены работать до изнеможения в душных мастерских и мрачных пакгаузах по семьдесят или восемьдесят часов в неделю, не имея перерыва для физического или умственного отдыха. На восточном конце женщины весь день шьют рубашки или делают спичечные коробки за плату, которой не хватает даже для аренды кровати – не говоря уже об отдельной комнате, – и часто вынуждены выбирать между голодной смертью и распутством. На западном конце всеми оживленными улицами завладели разукрашенные, румянящиеся богини сладострастия и греховности, каждая являясь упреком пристрастиям и порокам человека. Что касается молодых людей, тысячи из них с азартом развлекаются, попадая в тюрьму, или спиваются до гробовой доски; в то же время каждое приличное издание заполнено длинными сообщениями о конных бегах, а христианское (?) правительство позволяет устраивать на углу каждой улицы публичный дом. Грешить стало легко, зло стоит дешево, в торговле господствует мошенничество, в политике – чувство горечи, а в религии – апатия”.

Какое-то время тому назад “The Philadelphia Press” опубликовала следующее сообщение:

“Впереди опасность! Нет никакого сомнения в том, что Нью-Йорк разделен на два больших класса – самых богатых и самых бедных. Промежуточные классы уважаемых, предприимчивых, честно работающих людей постепенно исчезают, поднимаясь к уровню светски богатых или опускаясь к нищете и задолженности. Кажется бесспорным, что между этими классами существует и быстро усиливается – чему способствуют злые люди – откровенная, явная, злобная ненависть. Некоторые люди обладают 10 000 000 и даже 20 000 000 долларов, но вы ничего о них не знаете. Мне знакома одна леди, проживающая в роскошном особняке, жизнь которой протекает так тихо, как это подобает разве что священнику, и которая раздала за пять лет не менее 3 000 000 дол. Ее благотворительные пожертвования до

[99] смерти достигнут еще не менее 7 000 000 дол. В ее доме имеются картины, скульптуры, алмазы, драгоценные камни, изысканные предметы из золота и серебра, дорогие изделия всякого мыслимого и немыслимого искусства, неофициальная стоимость которых около 1 500 000 дол., причем она не столь богата, как многие ее соседки, имеющие по несколько миллионов долларов. Есть мужчины, которые еще двадцать лет тому назад торговали одеждой на Чатам стрит; сегодня они живут, расходуя ежегодно по 100 000 дол., одевая драгоценности, которые стоят в недорогих магазинах 25 000 дол.

Проедемте со мной вагонкой по Медисон авеню в любой день, в дождь или в зной, между десятью часами утра и 5 или 6 часами дня, и я вам покажу, как вагон за вагоном битком заполнены дамами, бриллиантовые серьги которых стоят от 500 до 5 000 дол. каждая, и чьи руки, без перчаток, розовые и пухленькие, сверкают богатством. Пройдемте со мной в любой день от старой лавки Стюарта, на углу Девятой улицы и Бродвея, до Тридцатой улицы и Бродвея. Я не имею в виду воскресенье, праздники или особые случаи, а любое время, и я вам покажу в каждом квартале женщин, закутанных до самых пят в котиковые шубы стоимостью от 500 до 1 000 дол. каждая, с бриллиантовыми серьгами, бриллиантовыми кольцами и другими драгоценностями, держащих в руках изящные кошельки, туго набитые деньгами. Они представляют новых богатых, которыми наполняется Нью-Йорк.

На той же улице, в то же время я могу показать вам мужчин, для которых доллар был бы удачей, чьи брюки, постыдно разодранные в клочья, обхвачены где-то в поясе веревкой или бечевкой или шпильками; чьи босые ноги шаркают по мостовой в башмаках настолько изорванных, что их вряд ли удается оторвать от этой мостовой; чьи лица покрыты пятнами; чьи бороды такие же длинные и редкие, как их волосы, а покрасневшие руки торчат ногтями, похожими на когти. Сколько еще ждать, пока эти когти ухватят новоявленных богатых? Не обманывайтесь на этот счет: такое чувство уже зарождается, такое чувство уже усиливается и такое чувство, рано или поздно, вырвется наружу.

Не далее как вчера вечером я гулял по Четырнадцатой улице, на которой осталось всего несколько особняков, и перед одним из них от входа до тротуара был развешан балдахин, под которым прелестно наряженные дамы, в сопровождении своих кавалеров, направлялись от экипажей к открытой двери, сквозь

[100] которую лились потоки света и музыки. Я минуту стоял в толпе, огромной толпе, и тут у меня сверкнула мысль о неминуемом бунте, если ничего не будет предпринято, да еще немедленно, чтобы избавиться от предубеждения, которое не только существует, но и преднамеренно распространяется наиболее бедными против самых богатых. Вы бы содрогнулись, услышав, как разговаривали между собой женщины. Здесь было все, что нужно: зависть, подозрительность, злобная жестокость. Требуется лишь зачинщик".

Мир сравнивает ужасные условия эксплуататорской системы человеческого порабощения и несчастья огромной армии безработных, а также огромной армии низкооплачиваемых рабочих с роскошью и расточительством громадного богатства. Вот что написал недавно один лондонский журнал:

"Скромный дом миллионера. Из Нью-Йорка дошла весть, что м-р Корнелиус Вандербильт, Нью-йоркский миллионер и король железных дорог, дал огромный бал в честь открытия своего нового дворца. Этот скромный дом, который должен стать кровом для приблизительно десяти человек на протяжении шести месяцев в году и оставаться запертым остальные шесть месяцев, стоит на углу Пятьдесят седьмой улицы и Пятой авеню и стоил его владельцу 1 000 000 фунтов. Он спроектирован в испанском стиле и построен из серого камня, с красной отделкой, с башенками и зубчатыми стенами. Имея три этажа высоты, он заканчивается величественной мансардой. Танцевальный зал – самый большой частный танцевальный зал в Нью-Йорке, длиной 75 футов и шириной 50 футов, с белой и золотой отделкой в стиле Людовика XIV. Потолок стоит целое состояние и выполнен в форме двойного конуса, будучи украшен рисованными нимфами и купидонами. Вокруг карниза расположены изящные лепные цветы с электрическим светильником внутри каждого, а посредине висит огромная хрустальная люстра. Стены в тот вечер, на балу открытия, были увешаны от пола до потолка живыми цветами стоимостью 1 000 фунтов; а сам прием, говорят, обошелся хозяину в 5 000 фунтов. К дворцу примыкает самый дорогостоящий (за таких размеров) сад в мире. Хотя по величине он не превышает обычный городской земельный участок, за него и за снос дома (постройка которого обошлась в 25 000 фунтов), чтобы освободить место для нескольких цветочных клумб, была уплачена сумма в 70 000 фунтов".

[101] Журнал "Industry", Сан-Франциско, Калифорния, опубликовал следующий комментарий о расточительстве двух богатых людей этой страны:

"Обеды, данные Венемейкером в Париже и Вандербильтом в Ньюпорт, общей стоимостью не менее 40 000 дол., а может быть и больше, находятся среди знамений времени. Такие вещи являются предвестниками перемен в этой стране. Будучи типичным примером сотни подобных случаев демонстрации денег, их вполне можно сравнить с пиршествами в Риме накануне его падения и с роскошью Франции, ставшей столетие тому назад предвестницей революции. Подсчитано, что деньги, которые американцы тратят ежегодно заграницей преимущественно на роскошь или на что-то худшее, втрое превышают наш национальный доход".

Следующий весьма интересный отрывок информации, цитированный из "National View", принадлежит Ворду МакАлистеру (Ward McAllister), в свое время известному лидеру общины Нью-Йорка:

"Средние ежегодные расходы на содержание семьи средней обеспеченности, состоящей из мужа, жены и троих детей, составляют 146 945 долларов и состоят по пунктам: аренда городского особняка – 29 000 дол.; дом в сельской местности – 14 000 дол.; содержание дома в сельской местности – 6 000 дол.; заработная плата домашних слуг – 8 016 дол.; домашние издержки, включая плату домработницам – 18 954 дол.; гардероб жены – 10 000 дол.; гардероб мужа – 2 000 дол.; детская одежда и карманные деньги – 4 500 дол.; обучение троих детей – 3 600 дол.; приемы в виде балов и танцевальных вечеров – 7 000 дол.; приемы в виде обедов – 6 600 дол.; ложа в опере – 4 500 дол.; театр и вечеринки после театра – 1 200 дол.; газеты и журналы – 100 дол.; текущий счет у ювелира – 1000 дол.; канцелярские принадлежности – 300 дол.; книги – 500 дол.; свадебные и праздничные подарки – 1 400 дол.; постоянное место в церкви – 300 дол.; обязанности в клубе – 425 дол.; расходы на врача – 800 дол.; расходы на стоматолога – 500 дол.; поездки всей семьей в сельскую местность и обратно – 250 дол.; путешествия в Европу – 9 000 дол.; содержание конюшен – 17 000 дол."

Цитируем Шанси М. Дипю (Chauncey M. Depew), поведавшего следующее:

"Пятьдесят человек в Соединенных Штатах, обладая богатством, могут собраться в течение двадцати четырех часов и прийти к соглашению, при котором всякая деятельность на транспорте и в торговле будет приостановлена, каждый путь в торговле заблокирован, каждый

[102] электрический рубильник выключен. Эти пятьдесят человек могут контролировать денежное обращение и создавать панику где угодно".

МИР СУДИТ ЦЕРКОВНЫЕ ВЛАСТИ

Критика в адрес церковничества столь же сурова, как критика в адрес монархии и аристократии, поскольку считается, что у них единые интересы. Иллюстрацией подобных настроений послужит следующее:

"North American Review" несколько лет тому назад опубликовала краткую статью Джона Эдгертона Реймонда (John Edgerton Raymond) на тему "Закат церковничества". Описывая силы, которые противостоят церкви и в конечном счете осуществят ее свержение, он сказал:

"Христианская церковь находится посреди большого конфликта. Еще никогда, со времени организации христианства, против нее не ополчалось столько сил. То, что некоторым теологам угодно называть "властью мира сего", еще никогда не было сильнее, чем сегодня. Церкви уже не противостоят варварские племена, суеверные философы или священники мистических религий, но культура самого высокого уровня, наибольшая ученость и глубочайшая мудрость просвещенных народов. На всем протяжении ее прогресса ей противостоит "власть мира сего", которая олицетворяет наивысшие достижения и наилучшие идеалы человеческого ума.

Также не все ее оппоненты находятся вне ее лона. Облаченные в ее ризы, оглашающие ее распоряжения и представляющие ее в мире, под ее мрачной тенью находятся многие, готовые отвергнуть ее авторитет и оспорить ее верховенство. Толпы, по прежнему внимающие ее декретам, начинают подвергать их сомнению, а сомнение – это первый шаг к неповиновению и дезертирству. Мир никогда не узнает, сколько искренних душ в церкви томится духом и обеспокоено, однако хранит печать на своих устах и свой язык на цепи "ради совести", чтобы "не соблазнять брата своего". Они молчат, но не из страха получить упрек, ведь прошло то время, когда говорить открыто означало навлечь на себя преследования, и когда за мысль, что

[103] церковь может не быть непогрешимой, могли уличить в неверии".

Он говорит, что существует потребность не в новом Евангелии, а в старом Евангелии с новым значением:

"Отовсюду исходит требование более буквального и правдивого изложения наставлений основателя христианства. «Нагорная проповедь» для многих является кратким изложением божественной философии. «Проповедуйте ее! Проповедуйте ее!» – взывают отовсюду реформаторы различных школ. «Не только проповедуйте ее, но покажите пример!» «Покажите нам, – говорят они, – что ваши действия соответствуют этим наставлениям, и мы вам поверим! Следуйте за Христом, и мы последуем за вами!»

"Но именно здесь находится противоречие. Церковь утверждает, что она учит наставлениям Христа, проповедует Его Евангелие. Мир слушает и отвечает: «Вы искажаете истину!» И вот вам картина, когда неверующий мир учит верующую церковь истинным принципам ее религии! Это одно из самых поразительных и важных знамений века, к тому же совершенно новое. Миру с самого начала знакома реплика: «Доктор, исцелите себя». Но только в настоящее время люди решились сказать: «Доктор, позвольте дать вам рецепт!»

Когда бедные и нуждающиеся, угнетенные и опечаленные, которых учили обращать взор к небесам за будущим вознаграждением, видят святейших священников и привилегированных князей, облаченных в порфиру и виссон, пиршествующих блистательно ежедневно; видят, как они складывают сокровища на земле, невзирая на моль, ржавчину и воров; видят, как они со спокойной совестью служат Богу и Мамоне, они начинают сомневаться в их искренности.

В настоящее время они начинают утверждать, что не вся истина обитает под церковными куполами, что церковь бессильна; что она не может предотвратить несчастье, не может исцелить больных, не может накормить голодных и одеть нагих, не может поднять мертвых и спасти душу. Затем они начинают говорить, что церковь настолько немощная, настолько светская, что она не может быть божественной институцией. Вскоре после этого они начинают оставлять ее алтари. Они говорят: «Отрицать непогрешимость церкви, силу ее декретов или истинность ее вероучений не означает отрицать силу религии. Мы выступаем не против христианства, а

[104] против церковного изложения христианства. Почитание божественной истины совместимо с самым глубоким презрением к церковничеству. К великому Человеку, который ступал по земле, прикосновение Которого было жизнью, а улыбка – спасением, мы испытываем исключительно преклонение и любовь, но уже не к институции, которая претендует быть Его представителем.

Церковь осуждает своих обвинителей за неверие, продолжая идти своим путем, собирая сокровища, возводя храмы и дворцы, заключая договоры с царями и союзы с влиятельными людьми, в то время как силы, выстраивающиеся против нее, растут числом и могуществом. Она потеряла свое верховенство, ее авторитет исчез. Она всего лишь вывеска, тень. И ей невозможно вернуть потерянное верховенство или вернуть свой престол. Мечты о ее всемирном господстве – это иллюзия. Ее скипетр сломан навсегда. Мы уже находимся в переходном периоде. Революционное движение века неудержимо и охватило весь мир. Престолы начинают шататься. Под дворцами королей дымится вулкан, и когда будут падать престолы, будут опрокинуты и кафедры.

В прошлом имели место возрождения религии – в том или ином месте, в то или иное время. Но еще должно быть возрождение религии, которое станет всемирным – восстановление веры в Бога и любви к человеку, – когда осуществятся самые светлые мечты вселенского братства. Но это придет вопреки церкви, а не благодаря ей. Это придет как противодействие церковной тирании, как протест против пустых форм и церемоний".

В одной статье в "The Forum", октябрь 1890 года, епископа Хантингтона (Huntington) на тему "Общественные проблемы и церковь" мы имеем его комментарий по поводу весьма известного и важного факта:

"Когда большая смешанная аудитория в одном из общественных залов Нью-Йорка приветствовала имя Иисуса Христа и освистала имя церкви, это не уладило никакого вопроса, не решило никакой проблемы, не поддержало никакого предложения, не объяснило никакого стиха Священного Писания, но это имело такое же значение, как половина произносимых проповедей". Затем он коснулся факта, что существовало время,

[105] когда люди слушали слова "Христос и церковь" с почтительным благоговением, если не сказать больше – с восторженной преданностью, и заметил: "Лишь в эти последние дни, когда рабочие думают, читают, рассуждают и обсуждают, разношерстная толпа поставила (не то что непочтительно, а, пожалуй, грубо) обоих порознь, воздавая почести одному и отвергая с презрением другого".

Вот другие важные высказывания общего характера, появившиеся в прессе:

"«Catholic Review» и некоторые другие газеты настаивают на том, что должны быть «религиозные наставления в тюрьмах». Это верно. Но мы пойдем еще дальше. Кроме тюрем, должны быть религиозные наставления также в других местах – дома, например, и в Воскресных школах. Действительно, нас вряд ли превзойти в либеральности, и мы предлагаем религиозные наставления в некоторых церквях. Нельзя иметь что-то хорошее в избытке, если получать умеренно".

"Капеллан одного исправительного заведения сказал, что двадцать лет тому назад только пять процентов заключенных в свое время являлись учениками Воскресных школ, и что теперь таковыми являются семьдесят пять процентов действительных и предполагаемых преступников. Некий пастор также предлагает отчет о приютах для алкоголиков, в одном из которых восемьдесят процентов, а в другом все падшие женщины посещали Воскресные школы. Комментарий прессы по поводу этих фактов состоял в том, что термин "церковные ясли", прежде применяемый к этим школам, превращается в гнусную сатиру. А что делать?"

В дискуссиях по поводу открытия Всемирной выставки в Чикаго, посвященной Колумбу и проходившей по воскресеньям, было явлено следующее:

"Еще есть утешение. Если случится самое худшее, и выставки, похоже как театры и бары, будут открыты в Чикаго по воскресеньям, остается утешительной мысль, что ни один американец не обязан туда ходить. В этом отношении никто не был в худшем положении, чем апостолы и первые христиане. Им не разрешалось использовать полицейских или римские легионы с целью распространять свои убеждения и вынуждать своих ближних быть более набожными, нежели им

[106] того хотелось. Тем не менее, именно это примитивное христианство без какой бы то ни было помощи государства (более того, преследуемое и страдающее) действительно завоевало мир".

При общем замешательстве нынешних времен многие в церкви, а также в мире весьма озабочены и озадачены по поводу большой неразберихи. Их настроения были ясно выражены некоторое время тому назад в "New York Sun", где было сказано:

"Вопрос: «Где мы находимся?» «Где мы находимся?» – постепенно набирает религиозного содержания. Профессора сидят в креслах семинарий, преподавая учения, достаточно далекие от первоначальных, вынуждая древних благожелателей переворачиваться в гробу. Духовные утверждают посвящение в сан, в которое, как им известно, не верит даже сам попечитель. Критерии во многих случаях являются исключительно бакенами, показывающими, как далеко церковные корабли уплыли от установленных фарватеров. Это век принципов "делай, как тебе угодно", "каждый за себя" и прочее. Никто не знает, где всему этому конец, а те, которые больше всего заинтересованы, кажется, нисколько этим не озабочены".

Суровой критике подлежат не только поведение и влияние церквей, но и наиболее известные их учения. Обратите внимание, например, как мыслящая общественность похожим образом пренебрегает богохульным учением о вечных мучениях огромного большинства нашего рода (посредством которого люди долгое время страхом удерживались в повиновении). Духовенство начинает видеть крайнюю необходимость сделать акцент на этом предмете, чтобы воспрепятствовать растущим чувствам либерализма.

Некоторое время тому назад преподобный д-р Хенсон из Чикаго высказал свои взгляды на данную тему. А поскольку репортеры беседовали об этом также с другими духовными лицами, то их непочтительный, бездушный, издевательский тон на тему, о которой они, по-видимому, ничего не знают, но которая, по их убеждению, вызывает вечный интерес миллионов их ближних, безусловно отражает преследовательский дух католицизма.

[107] Преп. д-р Хенсон сказал: “Гадес Нового Перевода – это не более чем замаскированный ад; смерть – это смерть, хотя мы называет ее сном, а ад – это ад, хотя мы называем его гадес; ад – это реальность, к тому же адски ужасная. В аду мы будем иметь тела. Воскресение тела подразумевает определенное местонахождение и физические истязания. Однако физические истязания не являются самыми худшими. Душевная боль, раскаяние, предчувствия, которые вынуждают душу корчиться, как извивается червь на раскаленных углях, вот, что самое худшее – и это придется испытать грешникам. Жажда без воды, чтобы ее утолить; голод без еды, чтобы насытиться; нож, вонзенный в сердце раз, затем еще раз – и так до бесконечности. Ужас. Вот это ад, с которым нам придется столкнуться. Смерть дает освобождение от однообразия жизни, но в аду нет никакого облегчения”.

Какое впечатление произвела проповедь “Доктора”? Об этом можно судить из следующих интервью у репортеров и служителей на другое утро:

“Что вы думаете об аде, и действительно ли мы должны принять крещение в озере из расплавленной серы и чугуна, если не исправим наших путей?” – спросил репортер проф. Свинга, одного из самых известных Чикагских проповедников. В ответ проф. Свинг от всей души рассмеялся неудержимым хохотом, так что его повисшие щеки сделались красноватыми, как у школьницы. Известный проповедник барабанил пальцами по краю инкрустированного стола, отчего стекло его маленькой настольной лампы дребезжало и, казалось, также смеялось. “Во-первых, – сказал он, – я полагаю, вы осознаете, что эта тема ада и будущего наказания является чем-то, о чем мы в действительности знаем очень мало. Затем, согласно моему методу достигать гармонии всего в Библии, это следует одухотворить. Я полагаю, наказание будет зависеть от грехов; а поскольку следующий мир должен быть духовным, то наградам и наказаниям следует придать духовный смысл”.

“Преп. М.В.Б. Ван Осдейл рассмеялся, когда прочитал отчет о проповеди д-ра Хенсона, и сказал: “Что ж, должно быть, он прав. Я знаком с д-ром Хенсоном некоторое время, и голосовал бы за него с закрытыми глазами. Мы считаем, каждый из нас считает, что есть ад, место возмездия, и оно сочетает все свойства, приписанные ему д-ром Хенсоном”.

“Д-р Рей видел проповедь в печати и считает, что д-р Хенсон

[108] выразил те же взгляды, какие он сам высказал бы на эту тему".

"Служители-конгрегационалисты, собранные в Гранд Пасифик на постоянную сессию, при запертых дверях, надежно охраняемых, впустили репортера "Evening News", который после завершения собрания задал вопрос: "Может вы читали или слышали о проповеди д-ра П.С. Хенсона об аде, сказанной вчера вечером?"

Заинтересованным наблюдателем на собрании был д-р Д. Портер из Пекина, Китай. Поднявшись сегодня рано утром, он вкратце прочитал в газетах проповедь д-ра Хенсона. Он сказал: "Мне не знаком д-р Хенсон, однако считаю, что взгляды, приписываемые ему, более или менее правильны. В Китае я не стану проповедовать серу и буквальные физические пытки, но не стану также говорить, что ад будет местом, где все страдания буквального характера уступят место исключительно глубоким душевным страданиям и умственным мучениям, а приму промежуточный взгляд, показывающий ад как место воздаяния, сочетающее физические и душевные страдания, и воплощающее принципы, широко воспринимаемые современными служителями".

Еще один гость, преп. Спенсер Боннел из Кливленд, Огайо, согласился с д-ром Хенсоном в каждой мелочи. "Приходит время, – сказал он, – когда следует выдвинуть некие универсальные понятия об аде с целью привести все умы к состоянию равновесия". Преп. Н.С. Вильсон мало что добавил, отметив лишь, что он согласен с д-ром Хенсоном. Преп. В.А. Мур выразил те же настроения".

"Преп. В.Х. Холмс писал: "Д-р Хенсон – прекрасный проповедник, хорошо понимающий собственную позицию и умеющий выразить ее ясно и понятно. Это резюме свидетельствует, что он обратился к людям, как обычно, с очень интересной проповедью. Его позиция в ней была, вообще-то, хорошо определена. А что касается тела или плоти, я не знаю..."

"Вы не знаете?"

"Нет. Возможно, когда человек умрет, тогда узнает определенно".

Баптистские служители полагают, что ортодоксальная проповедь д-ра Хенсона об аде оказалась как раз впору, и те, которые обсуждали ее на утреннем собрании, горячо ее приветствовали.

[109] Корреспондент “Evening News” показал отчет об этой проповеди дюжине служителей. Несмотря на то, что все из них высказали свое согласие с проповедью, нашлось четверо, согласившихся ее обсудить. Преп. Ч.Т. Еверетт, издатель “Sunday-School Herald”, сказал, что взглядов, высказанных д-ром Хенсоном, держится большинство баптистских служителей. “Мы учим о вечном и будущем наказании за грехи этого мира, – сказал он, – а что касается настоящего ада из огня и серы, это нечто, о чем не очень-то говорят. Мы верим в наказание и знаем, что оно сурово, но многие из нас осознают, что невозможно знать, каким образом оно дается. Как говорит д-р Хенсон, только жестокие люди думают, что ад предполагает исключительно физическое наказание. Хуже всего душевная боль; вот ее то бедным грешникам и придется переносить”. Д-р Перрин сказал с большим акцентом, что никто не будет отрицать, что все, о чем проповедовал д-р Хенсон, находится в Библии, к тому же почти дословно”.

“Преп. м-р Амброуз, пожилой служитель, был весьма доволен проповедью. Он верит каждому слову, сказанному д-ром Хенсоном о будущих пытках несчастных грешников. “Ад – это то, во что верит большинство баптистских проповедников, – сказал он, – и они это проповедуют”.

“Преп. м-р Вольфенден сказал, что ему не попадался на глаза отчет о проповеди, но если там было что-то об аде, как будущем наказании, то он согласен с Доктором, и думает, что большинство баптистских служителей держится тех же взглядов, хотя есть несколько таких, кто не верит в ад в чисто ортодоксальном понятии.

Из того, что было собрано корреспондентом, с уверенностью можно сказать, что если бы пришлось принимать решение, баптистские служители охотно бы поддержали каждый аргумент в пользу реального, старомодного, ортодоксального ада д-ра Хенсона”.

Духовные лица выражают свои взгляды так, словно вечные мучения их ближних – дело исключительно пустяковой важности, о котором можно дискутировать с непочтительными насмешками и хохотом, и провозглашать их как истину без частицы доказательства из Библии или исследования ее. Мир замечает такое напускное высокомерие и делает из этого выводы.

[110] "Globe Democrat" говорит: "Хорошие вести приходят из Нью-Йорка. "American Tract Society" предлагает вернуть пищу, предлагаемую им последние пятьдесят лет, и полностью пересмотреть свою религию. Дело в том, что мир вырос из жаренных и острых блюд, устраивавших предыдущее поколение, и нескольким напыщенным джентльменам никак не под силу предложить что-то взамен. Также церкви угодливо ступают рядом с остальным миром, проповедуя терпимость, человечность, прощение, добродетель и милосердие. Но, возможно, все не так, и нам следует продолжать верить в эти избитые пророчества и читать их, но в таком случае сами люди не захотят и не будут этого делать".

Другой журнал утверждает:

"Д-р Росситер В. Реймонд, противясь высылке пожертвований Американскому Совету Иностранных Миссий, сказал довольно энергично: "Меня тошнит и я устал ходить в Американский Совет, терпеливо выпрашивая помощь в поддержку миссионеров, которые откровенно верят в осуждение всех язычников и в заслуживающую осуждения ересь, будто Бог не любит язычников. Я устал от всего этого жалкого надувательства и не дам ни цента на распространение вести осуждения. Я не позволю, чтобы это учение распространяли за мои деньги. Бог есть любовь – вот добрая весть, но ее превратили в затасканный, старый хлам те, кто тащит колесницу Джаггернаута на язычников и хочет, чтобы мы вскармливали животных, которые ее тянут. Моя христианская обязанность – не придавать никакого значения чему бы то ни было, что учит язычников, будто их отцы пошли в ад".

Вот так на наших глазах нынешний порядок вещей колеблется на весах общественного мнения. Поскольку пришло назначенное время для его свержения, великий Судья всей земли поднимает чаши весов человеческого разума, указывает на гири истины и справедливости и, включая свет возросшего знания, приглашает мир испытать и проверить справедливость Его решения приговорить к уничтожению пустое притворство ложных притязаний христианства. Постепенно, однако стремительно, мир применяет испытание, и в конце все придут к тому же решению; и большой жернов,

[111] Вавилон, великий город замешательства, со всеми его хвастовскими гражданскими и церковными властями, со всем его мнимым достоинством, его богатством, его титулами, его влиянием, его почестями и всей его пустой славой будет брошен в море (беспокойное море неуправляемых народов), чтобы больше не подняться (Отк. 18: 21; Иер. 51: 61-64).

Его уничтожение будет полностью осуществлено в конце назначенных "Времен Язычников" – 1915 г.1 События стремительно продвигаются к такому кризису и завершению. Хотя испытание еще не завершено, многие уже могут прочитать надпись о его осуждении: "Ты взвешен на весах и найден очень легким!", – пока, наконец, ужасное осуждение Вавилона, христианства, не будет осознано. Быстро исчезают старые предрассудки, поддерживающие его долгое время: старые религиозные вероучения и гражданские кодексы, до сих пор почитаемые и непоколебимо поддерживаемые, смело ставятся сегодня под сомнение; обращается внимание на их несоответствие, а их явные заблуждения высмеиваются. Тем не менее, эволюция мышления масс устремлена не к библейской истине и здравой логике, а скорее к неверию. Неверие процветает одинаково внутри и извне номинальной церкви. В так называемой Церкви Христа Божье Слово больше не является критерием веры и проводником к жизни. Его место занимают человеческие философии и теории, и даже языческие причуды начинают изобиловать в тех местах, которые до того были вне их досягаемости.

1О более постепенном лишении власти народов и установлении Царства автор говорит в своем предисловии (1916 г.) к книге "Время приблизилось", стр. iii-iv.

Лишь немногие в большой номинальной церкви достаточно проснулись и трезвы, чтобы осознать ее плачевное состояние. Но поскольку учитывается лишь ее численность и финансовая мощь, то массы, одинаково за скамьей и за кафедрой, до такой степени упоены и одурманены духом мира, столь легко усваивающимся, что даже не замечают ее духовного упадка. Тем не менее,

[112] ее слабеющее положение в численном и финансовом отношении ощущается столь же остро, потому что с неизменностью ее институций связаны все интересы, перспективы и наслаждения настоящей жизни. Чтобы их обеспечить, возникает необходимость поддерживать благовидность исполнения того, что считается ее божественным полномочием – обращения мира. О степени ее успеха в этих усилиях мы поговорим в следующей главе.

В то самое время, как мы видим Вавилон, призванный дать за себя ответ в присутствии собранного мира, с новой силой приходит на мысль пророчество псалмиста об этом событии, цитированное в начале данной главы! Хотя Бог молчал все столетия, в которых зло торжествовало в Его имени, а Его истинные святые подвергались гонениям во всевозможных формах, Он не был к этому безразличен. И теперь настало время, о котором Он сказал через пророка, говоря: “Изобличу тебя, и представлю пред глаза твои”. Пусть все, кто хочет бодрствовать и быть на правильной стороне в это чрезвычайно важное время, хорошо обратят внимание на эти вещи и увидят, как превосходно соответствуют друг другу пророчество и его исполнение.

* * *

[113]

ГЛАВА V - ВАВИЛОН ПЕРЕД БОЛЬШИМ СУДОМ, ЕГО НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО

Гражданские власти обеспокоены, видя для себя близкий суд – В страхе и смятении они ищут союза друг с другом, напрасно оглядываясь на церковь за ее былой властью – Они увеличивают свои армии и флот – Нынешние приготовления к войне – Противостояние сил на суше и на море – Усовершенствованные орудия войны, новые открытия, изобретения, взрывчатые вещества и т. д. – Возбудите храбрых; слабый пусть говорит: "Я силен"; перекуйте орала ваши на мечи, и серпы ваши – на копья и т. д. – Соединенные Штаты Америки находятся в особом положении, однако им грозят еще большие бедствия, нежели Старому Свету – Призыв: "«Мир! Мир!», а мира нет"

"Потому что это дни отмщения, да исполнится все написанное.. На земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится; люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются. И тогда увидят «Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славою великою!»"

"Еще раз поколеблю не только землю, но и небо. Слова «еще раз» означают изменение колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое.. Потому что Бог наш есть огонь поедающий" (Лук. 21: 22, 25-27; Евр. 12: 26-29).

Совершенно очевидно, что гражданские власти христианства осознают, что их ожидает суд, и что устойчивость их власти не имеет никаких гарантий. Дизраели, будучи премьер-министром Англии, обратился к Британскому Парламенту 2 июля 1874 года (как раз в начале этого

[114] жатвенного периода, то есть судного дня), говоря: "Большой мировой кризис намного ближе, чем некоторые полагают. Почему христианство находится под такой угрозой? Боюсь, что цивилизация близка к крушению". Затем он сказал: "Куда ни глянь, везде чувствуется неуверенность, тревога народов, сердца людей замирают от страха.. Никто не может не заметить этого. Всякий, кто хоть иногда смотрит газету, не преминет увидеть грозовой вид политических небес, которые нас сегодня окружают.. Непременно должен случиться какой-то гигантский взрыв. Каждый кабинет в Европе взбудоражен. Каждый король и правитель держит руку на эфесе меча.. мы находимся в небывало ужасном времени. Мы приближаемся к концу!"

Если таковой была картина в самом начале суда, насколько более зловещими являются знамения времени сегодня!

Из статьи под названием "Беспокойство Европы", напечатанной в "London Spectator", цитируем следующее:

"Чему мы должны приписать господствующую смуту в Европе? Мы должны сказать, что хотя по некоторой части это проистекает из условий в Италии, однако, прежде всего, это следует отнести на счет волны пессимизма, проходящей ныне над Европой и вызванной частично экономическими трудностями и частично неожиданным появлением анархии как силы в мире. Этот последний феномен имел намного больше влияния на Континенте, чем в Англии. Государственные деятели где бы то ни было всегда ожидают опасности снизу – опасности, которую приносит в дом брошенная бомба. Фактически, они считают анархистов только авангардом воинства, которое ведет наступление на цивилизацию и которое, если его не умиротворить или не бросить ему вызов, сокрушит весь существующий строй. Для себя они предсказывают на будущее внутренние бедствия, поскольку считают, что существующее затишье покоится исключительно на штыках. Считая внутреннее положение малообещающим, они, естественно, пессимистически настроены и по отношению к внешнему положению, полагая, что все это не может продолжаться долго, и воспринимают любое движение.. как доказательство быстрого приближения конца. Фактически, они ощущают в политике склонность к пессимизму, которая столь заметна в литературе

[115] и обществе. Этот пессимизм в данную минуту весьма усугубился волной экономической депрессии".

Следующая выдержка из другого номера того же журнала говорит о том же:

"НАСТОЯЩАЯ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ КОНТИНЕНТА – Месье Жулье Роше дал нам всем своевременное предостережение. Его речь во вторник, воспринятая Палатой Парламента Франции с глубоким интересом, еще раз напомнила Европе о тонкости корки, которая все еще укрывает ее вулканическое пламя. Его тезисы заключались в том, что Франция, после всех ее жертв, которые раздавили бы всякую менее богатую власть, все еще не готова к войне; она должна делать значительно больше и, прежде всего, должна расходовать больше, прежде чем сможет считаться безопасной и приготовленной. Германию он все время упоминал как ужасного, неминуемого врага, к вторжению которого Франция должна быть всегда готовой, и который в данную минуту намного сильнее Франции. Воспользовавшись (по словам месье Роше) последним военным законодательством, император Вильгельм II не только преуспел в том, чтобы завлечь весь народ в тиски мобилизации, но и на деле поднял армию до уровня готовности выступить и воевать в количестве пятисот пятидесяти тысяч человек – в полном офицерском составе, в полном снаряжении, умело расположенную, короче говоря, готовую на тот случай, когда его уста произнесут роковой приказ, который его прадед воплотил в двух словах: "Krieg-Mobil". В свою очередь Франция, даже если заброшенная ею сеть призыва была столь же широкой, имела в состоянии готовности всего четыреста тысяч человек, и, чтобы сберечь деньги, постоянно уменьшала даже это количество. Следовательно, в начале войны (которое сегодня, как правило, решает ее конец) Франция, при наличии врагов по меньшей мере на двух фронтах, будет иметь на сто пятьдесят тысяч человек меньше и может претерпеть ужасные и даже роковые бедствия до того, как все ее ресурсы будут переданы в распоряжение ее генералов. Депутаты, хотя далекие от того, чтобы превозносить месье Жулье Роше, слушали его почти с благоговением, и месье Феликс Фаре решил, что впервые за шесть лет он воспользуется позабытым правом, предоставленным Президенту Республики, чтобы председательствовать на заседании Верховного Военного Совета, который состоится 20 марта. Он, очевидно, намеревается, как опытный бизнесмен, "критически оценить" военное положение,

[116] чтобы четко уяснить, сколько Франция имеет оружия, лошадей и людей, готовых тотчас выступить по сигналу тревоги; и если он найдет эти запасы недостаточными, по причине большого спроса, то будет настаивать на закупке дополнительных. Одинаково непоколебимый и богатый, он может посчитать ее капитал недостаточным для подобного предприятия, даже если накопления свежих запасов будут чрезмерно дорогостоящими; но в любом случае он намеревается узнать всю правду.

Месье Фаре – сдержанный человек; но, взгляните, какой разъясняющий свет, после слов месье Роше, бросает его поступок на ситуацию в Европе! Считается, что страх перед войной является гарантией мира; но как только кто-то открыто вспомнит о войне, тут же видны приготовления к ней (одинаково сегодня, как и в любое время, начиная с 1870 года), являясь первоочередной озабоченностью государственных чинов. Мы знаем, как мало сопротивления встретил немецкий император в прошлом году, добиваясь изменений, которые так встревожили месье Жулье Роше. Народ с трудом принял их, даже несмотря на огромную взятку в виде сокращения срока воинской службы; люди никак не хотели платить свои деньги; но они поняли необходимость; они подчинились, и сегодня Германия находится в двадцатичетырехчасовой готовности к войне. Франция также подчинится, хотя и с отчаянием, и мы станем свидетелями всех необходимых приготовлений и принятия голосованием всех средств, которые, если бы не было одолевающего чувства опасности, были бы с раздражением отвергнуты. Французы, побольше немцев, устали платить деньги, но в любом случае они будут их платить, так как считают, что однажды какая-то армия, посильнее их собственной, может маршировать на Париж или Лион. Философы утверждают, что "трения" между Францией и Германией существенно уменьшились; дипломаты доказывают, что все спокойно; газеты с признательностью пишут о любезности Кайзера; Франция даже участвует в церемониях в честь своего и Германии флотов; но все равно народы и их вожди ведут себя так, словно война тут как тут. Даже если бы они знали наверняка, что за месяц будет война, то и так не были бы более встревожены, более восприимчивы и более готовы тратить свои деньги. Напомним, что нет ничего, что усугубило бы недоверие между двумя народами. Не было ни одного "инцидента" на границе. Император никому не угрожал. Даже в Париже нет ни одной партии, которая бы ратовала за войну. Действительно, Париж как бы не смотрит в сторону Германии, а

[117] бросает сверкающие взоры, исполненные ненависти и алчности в направлении Великобритании. Наконец, не было ни знака, ни даже намека со стороны России, что новый царь хочет войны или предвидит ее, или как-то особенно готовится к войне; однако малейшее упоминание о войне показывает, что Германия готова к ней в наивысшей мере, а Франция – встревожена, взбудоражена и обеспокоена тем, как бы и ей не оказаться неготовой. Это не какие-то "новости", о которых ведутся прения, это – продолжительная ситуация, обсуждение которой едва ли случайно. И сразу же со всех сторон слышно утверждение, что такая ситуация вынуждает Германию и Францию быть готовыми к военному вторжению в течение двадцати четырех часов после предупреждения. "Германцы, увеличьте вдвое ваши налоги на табак, – призывает на этой неделе князь Гогенлог, – нам нужны люди". "Пусть гибнет экономика, – вопит месье Роше, – но мы не можем недосчитаться ста пятидесяти тысяч человек". И посмотрите, ни в одной из стран эти призывы не вызывают ни паники, ни "краха", ни ощутимых сбоев в торговле. Опасность слишком хроническая, слишком хорошо известная, слишком общеприемлемая – как одно из условий жизни или что-то в этом роде. Она всегда присутствует и только немного забывается, поскольку люди все больше устают слушать одни и те же разговоры. Именно это наиболее грустно. В Германии и Франции войны пугаются не больше, чем Везувия в Торре дель Греко. Это не что иное, как обычное подавленное признание того, что вулкан рядом, что он был здесь и будет в неизменном состоянии, пока не произойдет извержение.

Мы не думаем, что после речи месье Жулье Роше что-то немедленно произойдет, за исключением разве что увеличения налогов и, возможно, появления одной или двух морщин на челе президента, ведь ему вряд ли понравятся все результаты такой критической проверки запасов, к тому же он привык настаивать, чтобы все потребности его бизнеса обеспечивались обязательно. Да это и хорошо, что Европе время от времени напоминают, что для правителей, политиков и даже народов сегодня не может быть спокойного сна; что их корабли плывут среди айсбергов, и следует нести вахту без минуты отдыха. Минута невнимания, и после столкновения броненосец может затонуть. Кажется, что цивилизованная часть человечества находится в сложной ситуации, когда ее бесконечно вынуждают к более напряженному труду, к большему урезанию заработков и большей готовности ночевать где-то на

[118] улице с разбитым от истомы телом. Но где найти для этого лекарство? Люди ищут его безудержно; государственные мужи охотно помогли бы им, если бы только могли, и впервые в истории короли смотрят на войну с тошнотворной неприязнью, словно она не предоставляет "удачной возможности" возместить непредвиденный риск. Но все они бессильны улучшить положение, которое не приносит им ничего, кроме еще больших тягот, еще больших лишений, еще большей ответственности. Единственным облегчением для этих народов является то, что их положение не намного хуже положения их братьев в Америке, где без призыва на военную службу, без боязни войны и, фактически, без границ Сокровищница так же пуста, как в Европе, где люди так же ограблены в результате колебаний денежного курса, как во время войны, и где все мужчины столь озабочены, словно они готовятся в любую минуту встать на защиту своего жилища. В истории не было ничего наподобие ситуации в Европе, во всяком случае с тех пор, как прекратился внутренний раздор; но, зная путь человечества, мы должны удивляться, что это вообще ускользнуло от внимания. Неужели людей всегда будут интересовать лишь пустяковые дела, и, чтобы открыть глаза, всегда нужна будет речь, наподобие речи месье Жулье Роше? "У нас два миллиона солдат – говорит месье Жулье Роше, – но только четыреста тысяч из них бездействуют в казармах. Не хватает еще ста пятидесяти тысяч человек", но все считают это не более чем действующим на нервы. Представители народа выглядят чрезвычайно озабоченными, а Глава государства хватается за уже забытое оружие с целью вынудить руководство армии сказать ему то, что французы называют "истинной правдой". Мы не принадлежим к Обществу Пацифистов и не способны верить в утопию, но даже нас иногда заставляют думать, что мир безнадежно глуп, и что любая вещь будет лучше (даже если бы Германии пришлось уступить Ельзас-Лотринген, а Франции – Альзас-Лорран) этого бесконечного, безысходного ручательства за будущее в угоду боязни, которую те, которые ей подвержены, в один голос называют призрачной. Но она не призрачна, и они говорят так лишь для приличия; но нельзя ли покончить с этим до того, как наступит крушение?"

Следующей является выдержка из обращения Джейс. Бека (Jas. Beck),

[119] эсквайра адвокатуры Филадельфии, опубликованного в "The Christian Statesman". Тема обращения, "Беспокойство народов", была представлена в виде ретроспективной оценки прошлого столетия.

"Наш век, который начался грохотом орудий Наполеона на равнинах Маренго и приближается к своему завершению похожим эхом с Востока и Запада, не знал ни года покоя. С 1800-го года Англия пережила пятьдесят четыре войны, Франция – сорок две, Россия – двадцать три, Австрия – четырнадцать, Пруссия – девять, т. е. сто сорок две войны для пяти народов, по крайней мере для четырех из которых Евангелие Христа является государственной религией.

На заре христианской эры действующая армия Римской империи, согласно Гиббону, насчитывала около четырехсот тысяч человек и была рассредоточена на огромной территории от Евфрата до Темзы. Сегодня действующие армии Европы насчитывают более четырех миллионов человек, тогда как число резервистов, которые два года и больше служили в казармах и являются подготовленными солдатами, превышает шестнадцать миллионов – число, размеры которого ум не может ни оценить, ни постичь. Если учесть, что на континенте одна десятая часть сильных мужчин вооружена во время мира, а одна пятая женщин выполняет утомительную, иногда невыносимую мужскую работу в магазине и в поле, тогда с грустью можно сказать вместе с Бурком: "Век рыцарства миновал.. Исчезло величие Европы". За последние двадцать лет эти армии почти удвоились, а государственный долг европейских народов, который содержит прежде всего военные расходы и выжат из человеческого пота, достиг невероятной суммы в двадцать три миллиарда долларов. Если бы кому-то довелось изучить интересы человека посредством его расходов, тогда однозначно, что под конец этого девятнадцатого века наибольшим увлечением цивилизованной Европы является война, потому что треть всех доходов, выжатых из труда и капитала, предназначается для уплаты одних только процентов от стоимости прошлых войн, треть – для приготовления к будущим войнам, и оставшаяся треть – для всех других нужд, какими бы они не были.

Копье, ланцет, меч, боевой топор современный человек отложил в сторону, как игрушки своего детства. Вместо них мы имеем боевые винтовки, которые могут

[120] делать десять выстрелов без перезарядки и убивать на расстоянии в три мили. Их пули – продолговатые, никелированные – могут уничтожить на своем пути трех людей, прежде чем их сокрушительное действие будет остановлено. Приведенные в движение бездымным порохом, они дополнят ужасы прошлого, поражая солдат невидимыми стрелами молний. Их эффективность практически свела на нет использование в битвах кавалерии. Пора "стремительных атак", таких как при Балаклаве, уже миновала, а воины Пикета, если бы они попытались сегодня повторить свою знаменитую атаку, были бы уничтожены, даже не перейдя Еммитсбургскую дорогу. Разрушительность действия современных винтовок почти превосходит воображение. Эксперименты показали, что они превращают мышцы в бесформенную массу и перемалывают кости на порох. Простреленная ими конечность калечится до неузнаваемости, а выстрел в голову или грудь неминуемо становится роковым. Современные пулеметы могут делать тысячу восемьсот шестьдесят выстрелов в минуту или тридцать выстрелов в секунду, выпуская столь непрерывную очередь, что, кажется, она похожа на один сплошной поток свинца, ужасный грохот которого напоминает сатанинскую мелодию. Оружием Титанов назвали современную двенадцатидюймовую пушку, которая может выстрелить снаряд на восемь миль и пробить восемнадцать дюймов стали, даже если последняя закалена (процесс, при котором твердая поверхность стали карбонизируется настолько, что ее не берет самое лучшее сверло). А о нынешних военных эскадрах с их так называемыми "истребителями экономики" нечего даже говорить. Строительство отдельных кораблей стоит четыре миллиона долларов. Бронированные восемнадцатидюймовыми листами железа, оснащенные двигателями мощностью в одиннадцать тысяч лошадиных сил они могут плыть по воде со скоростью двадцать четыре мили в час. Одна такая посудина могла бы пустить врассыпную, словно стаю голубей, свыше сотни собранных в Трафальгар кораблей объединенных армад Испании, Франции и Англии, или бросить наутек Испанский флот, как ястреб делает переполох в голубятне. Однако в непрерывном противоборстве войск и вооружений эти глубоководные левиафаны постоянно уничтожаются, словно ударами молний, одиночными торпедами с динамитом.

Если эти приготовления к войне, которые охватывают наши акватории и окутывают тьмой наши земли, что-то значат, то они указывают на то, что цивилизованный человек находится на грани огромного катаклизма, о котором он так же мало догадывается, как мало догадывались жители Помпеи в тот последний роковой день в жизни их города, когда они

[121] с безразличием взирали на зловещие клубы дыма из устья кратера. Наш век, как никакой другой, посеял драконьи зубы действующих армий, и человеческое зерно созревает к кровопролитной жатве. Чтобы мир оказался в огне, нужен только поджигатель наподобие Наполеона.

Отрицать такую явную тенденцию всех этих неслыханных приготовлений означает верить, что мы можем посеять чертополох и собрать фиги, или надеяться немеркнущего солнца там, где мы посеяли бурю. Война между Китаем и Японией, в которой только частично используется современное оружие, и где люди мало осознают, как им пользоваться, вовсе не иллюстрирует возможности будущего конфликта. Арчибальд Форбс, наиболее известный из всех военных корреспондентов, недавно сказал: "По существу, невозможно кому-либо подробно нарисовать для себя полную картину того, что следующая большая битва принесет для обескураженного и озадаченного мира. Мы знаем, какие элементы будут создавать эти ужасы, но мы знаем их, так сказать, исключительно академически. Люди еще должны дрожать перед невозможностью избежать массового уничтожения снарядами, пущенными из оружия, местонахождение которого невозможно выяснить из-за отсутствия порохового дыма". В завершение он говорит: "Неожиданная смерть может свалиться с самых небес". Если вспомним, что в одной из битв вблизи Мец использование митральезы положило 6 000 немецких солдат за десять минут, а в 1877 году вблизи Плевны Скобелев потерял в стремительной атаке 3 000 человек на нескольких сотнях ярдов; если вспомним, что с тех пор митральезы и игольчатые винтовки пятикратно увеличили свою разрушительную способность, то от такой перспективы сердце изнывает и ум переполняется ужасом. Достаточно сказать, что по мнению больших стратегов Европы в будущем смертность в боях будет настолько большой, что станет невозможным оказывать помощь раненым или хоронить мертвых; и многие будут носить с собой, как необходимую часть военного снаряжения, походные крематории, чтобы сжигать погибших в бою.

Вы можете предположить, что столь ужасный ход событий минует мирную Америку, так же, как ангел, убивавший первенцев Египта, прошел мимо обрызганных кровью дверных косяков израильтян. Дал бы Бог, чтобы так произошло! Но откуда у нас такая

[122] уверенность? Пара и электричество столь удивительно соединили людей в общество мысли, интересов и намерений, что после того, как на континент придет большая война, в которую Англия почти обязательно будет втянута, и до того, как она будет завершена, цивилизованный мир может быть объят пламенем. Кроме того, на горизонте мира сегодня различимо облако, размером не больше человеческой руки, которое однажды может покрыть небеса. На Востоке есть два народа, Китай и Япония, объединенное население которых достигает невообразимого числа – пятьсот миллионов человек. Пока эти беспокойные муравейники не знакомы с искусством войны, хотя действительно странно, что две страны, которые со времени рождения Христа испытали в своей изоляции относительный "мир на земле", населены народами-отшельниками, над которыми никогда не сиял свет христианства. Однако тридцать лет тому назад небольшая горстка англичан и французов проложила себе с помощью штыков путь в Пекин. И все сразу изменилось. Западная цивилизация принесла на Восток Библию и пули, митры и митральезы, набожность и винтовки Гатлинга, кресты и пушки Круппа, Святого Петра и селитру. Однажды обитатель Востока сможет сказать вместе с Шайлоком: "Злодеяния, к которым вы меня приучили, я буду делать; и хотя это трудно, но я их обязательно усовершенствую". Они уже настолько хорошо усвоили урок, что могут воспроизвести с убийственными последствиями ужасную разноголосицу канонады. Достаточно, чтобы пристрастие к войне, характерное для Запада, однажды пробудило богатый Восток от векового сна, и кто скажет, не обрушится ли на Европу с сокрушительной силой лавины еще один Чингиз Хан с миллионной варварской ордой за собой?

Возможно, кто-то возразит, что эти приготовления ни о чем не свидетельствуют и скорее гарантируют мир, нежели провоцируют войну, и что именно эффективность современного оружия делает войну маловероятной. Хотя, на первый взгляд, это мнение убедительно, на деле оно противоречит фактам, так как народы, у которых наименьшие армии, имеют больше всего мира, а те, которые имеют наибольшее войско, дрожат на краю бездны. Швейцария, Голландия, Бельгия, Норвегия, Швеция и Соединенные Штаты находятся в дружеских

[123] отношениях с миром, тогда как Франция, Россия, Германия, Австрия и Италия, вооружившись до зубов и шатаясь под собственным снаряжением, неустанно бросают друг на друга грозные взгляды через границы. У них имеется огромный запас воинственного духа и взаимной международной ненависти, для взрыва которого нужна только искра какого-то обычного инцидента. Поэтому, когда императрица Августа недавно посетила для своего удовольствия Париж, ее присутствие здесь встревожило мир, повлекло за собой падение цен на парижской и других фондовых биржах и ускорило лихорадочные и нервные консультации между всеми европейскими кабинетами. Малейшее оскорбление, нанесенное ей бесцеремонным парижанином, толкнуло бы ее сына, молодого германского императора, ухватиться за меч. Вот так самый обыкновенный уличный разиня мог поколебать равновесием мира. Какой ужасный комментарий для цивилизации, где богатство и даже жизнь миллионов наших ближних могут зависеть от миролюбивых настроений отдельного человека!"

"Нет ничего более очевидного, нежели факт, что человечество находится на распутье. Сделаны все возможные приготовления. В Европе нельзя больше вооружаться. Италия уже упала под бременем банкротства, причиненного всем этим, и в любой день может погрузиться в водоворот революции. Многие серьезные деятели считают, что европейские народы должны или воевать или разоружаться. Верно предсказал Учитель: "На земле уныние народов и недоумение.. люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную".

Следующая выдержка из "The New York Tribune", 5 мая 1895 г., показывает, как отдельные господствующие монархи Европы смотрят на ситуацию:

"КОРОЛИ, КОТОРЫЕ ХОТЯТ ВЕРНУТЬСЯ К ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ. Отречения от престола витают в воздухе. Еще никогда, от богатых событиями 1848-49 годов, когда вся Европа была, можно сказать, в открытом мятеже против средневековых, деспотичных методов ее правителей, не было стольких господствующих монархов, которые заявляют о своей готовности оставить престол. В 1848 году монархи были преимущественно князьями, рожденными в предыдущем веке и воспитанными под влиянием его традиций, а значит, полностью неспособными

[124] постичь такие новомодные веяния, как народное правительство или народная конституция. Прежде чем связать свои имена с любой такой губительной идеей, которая им казалась синонимом кровавой революции, отправившей Людовика XVI и Марию Антуанетту на эшафот, они предпочли отречься от престола. Таким образом, в течение этих двух богатых событиями лет троны Австрии, Сардинии, Баварии, Франции и Голландии оставались без своих владельцев. Если сегодня, пол века спустя, их преемники также имеют желание оставить трон, это означает, что они одинаково хорошо убедились, что народное законодательство, если смотреть на него с престола, несовместимо с хорошим правительством, и что уже невозможно привести в соответствие две столь диаметрально противоположные институции как Корона и Парламент. Здесь они, пожалуй, не очень ошибаются. Без сомнений, развитие народного правительства в направлении демократии, естественно, должно вести к ослаблению власти и репутации престола. Каждая новая привилегия и право, добытые людьми или их парламентскими представителями, отнимается, тем самым, у монарха. Со временем становится все более очевидным, что согласно распространенной точке зрения короли и императоры являются излишеством, анахронизмом – дорогими декорациями, чьи слабости и отсутствие власти делают их скорее предметом насмешек, чем уважения. К тому же они составляют серьезные препятствия для политического, торгового и даже интеллектуального развития. Что ж, в будущем столетии для них, по-видимому, не останется места, за исключением роли простых общественных судей, чья власть ограничена изданием законов о моде и традициях, и чей авторитет осуществляется не посредством писаного права, а тактичного поведения.

Среди правителей, о которых говорят, что они вот-вот оставят престол, первым имеем короля Греции Георга, который признал себя больным и утомленным своим неуютным троном и который не колеблется говорить, что даже сама атмосфера в Греции перестала быть для него благоприятной, и он стремится как можно скорее уступить свой скипетр сыну Константину. Он больше не общается со своими подданными, не имеет друзей в Афинах – за исключением посетителей из-за рубежа,

[125] – и постоянно вынужден, по причине довольно бездарной политики кабинетов министров, которые так быстро сменяют друг друга в его владениях, ставить себя в неудобное и затруднительное положение относительно тех иностранных королевских дворов, с которыми он тесно связан близкими отношениями.

Король Оскар также поговаривает о своем отказе от короны в пользу старшего сына. В его случае приходится бороться уже не с одним, а с двумя Парламентами. Поскольку первый, в Стокгольме, всегда прямо противостоит второму, в Кристиании, то невозможно удовлетворить один, не обидев другого, в результате чего Норвегия и Швеция, по его собственному признанию, находятся сейчас на пороге гражданской войны. Он убежден, что конфликт между двумя странами обязательно закончится вооруженной борьбой, а не мирным исходом, от которого он решил отказаться. Он утверждает, что сделал все возможное – так же, как король Греции Георг, – чтобы соблюсти требования Конституции, с помощью которой он удерживает свой скипетр, однако совершенно неспособен делать это дальше, и перед ним стоит вопрос – или сломать данную во время коронования клятву или уйти и, тем самым, проложить путь своему сыну.

Еще есть король Дании Кристиан, который в возрасте восьмидесяти лет оказался, в результате недавних общих выборов, лицом к лицу с Национальным законодательным собранием, в котором враждебно настроенные к престолу ультра-радикалы и социалисты имеют абсолютное большинство, превышая численно умеренных либералов и немногочисленную консервативную партию в соотношении три к одному. Его пытались убедить, что острый конфликт, который почти двадцать лет свирепствовал в Дании между Короной и Парламентом, закончился прошлым летом, и что после того как он сделал многочисленные уступки, чтобы уладить все разногласия, все с тех пор будет идти гладко. Вместо этого он обнаруживает, что сегодня ему противостоит подавляющее большинство в Парламенте, которое уже провозгласило о своем намерении силой добиться того, что считают общественными правами, и требовать уступчивости со стороны Короны к своей концепции статей Конституции. Сломанный возрастом и недугом, потрясенный болезнью своей энергичной супруги, которая была его главной моральной поддержкой на протяжении его царствования, а также лишенный

[126] влиятельной поддержки своего зятя, покойного Александра, императора России, он больше не чувствует себя способным совладать с ситуацией и сообщает, что должен вскоре уступить место своему сыну.

К этим трем королям нужно прибавить короля Италии Гумберта, вынужденного подчиниться премьер-министру, к которому он сам и королева питают личную неприязнь, и поставить свою подпись под политикой, которую в душе не одобряет, но которая отвечает взглядам законодательного органа. Не секрет, что весь его частный капитал уже размещен за границей в предвидение того, что он оставит трон Италии, и что для него, более чем когда-либо, невыносима ситуация, которая вынуждает подчиняться людям, чуждым по духу ему самому и его супруге, а также пребывать в таком отношении к Церкви, которое не только полностью противоречит его искренним религиозным чувствам и королевы, но и ставит весь королевский дом Италии в очень неудобное и затруднительное положение по отношению ко всем другим дворам Старого Света. Король Гумберт – очень впечатлительный человек и остро воспринимает многочисленные пренебрежения собой со стороны всех тех заезжих коронованных лиц, которые, посещая Рим, подчеркнуто отказывались останавливаться в королевских апартаментах, побаиваясь оскорбить Ватикан.

Если бы не королева Португалии Мария Амелия, столь же энергичная женщина, как и ее мать, графиня Парижа, король Карлос уже давным-давно отказался бы от престола в пользу своего сына, давая ему младшего брата регентом. О короле Румынии Кароле и князе регенте Баварии также говорят, что они вот-вот должны уступить дорогу кому-то следующему из своей родни. Наконец, еще есть князь Фердинанд из Болгарии, которого его друзья русофилы настойчиво уговаривали отречься от престола, чтобы затем с их помощью быть переизбранным под протекцией московитов. Но пока он отказался уступить их настойчивым просьбам, сознавая, что день хвалится вечером, и что если он однажды добровольно откажется от своей короны, то многое может стать на пути, чтобы вернуть утерянное.

Следовательно, принимая во внимание одно и другое, видим, что дела людей, с их собственной точки зрения, вряд ли

[127] улучшатся или продвинутся вперед в результате ожидаемых отречений от престола. Наоборот, они, скорее всего, повлекут за собой возобновление борьбы пятидесятилетней давности за конституционные права и парламентские привилегии".

Шумные демонстрации социалистов в Немецком Рейхстаге, в Бельгийском Парламенте и во Французской Палате Представителей вовсе не были рассчитаны на то, чтобы уменьшить опасения власть имущих. Члены из числа немецких социалистов отказались присоединиться к приветствию императора, хотя этого требовал президент, или хотя бы подняться с кресел; бельгийские социалисты в ответ на предложение поприветствовать короля, симпатии которого, понятно, находятся на стороне аристократии и капитала, начали выкрикивать: "Пусть живет народ! Долой капиталистов!"; а члены Французской Палаты Представителей, разочарованные мерами, призванными благоприятствовать социалистической идее, заявили, что революция еще доведет до конца то, о чем просили мирным путем и в чем было отказано.

Важно также, что законопроект, предусматривающий сдерживание роста социализма в Германии, который был внесен на рассмотрение Рейхстага, так и не стал законом. О причинах отклонения законопроекта рассказывает пресса:

"Недавнее отклонение Рейхстагом "антиреволюционного законопроекта", как самой последней меры, разработанной немецким правительством, чтобы бороться с социализмом, создает любопытную главу в истории этого народа, с которым, невзирая на различие языка и институций, мы имеем много общего.

Уже прошло много лет с тех пор, как было обращено внимание на удивительный рост социалистической партии в Германии. Но только в 1878 году, в котором совершено два покушения на жизнь императора, правительство осмелилось на репрессивные меры. Первый закон против социалистов был принят в 1878 году на период двух лет и был обновлен в 1880, 1882, 1884 и 1886 годах.

К тому времени было выдвинуто предположение о необходимости дополнительного законодательства, и в 1887 году канцлер Бисмарк предложил

[128] Рейхстагу новый закон, который давал власти право изолировать социалистических лидеров в отдельных местах, лишать их гражданских прав и высылать из страны. Парламент отказался принять предложения канцлера и довольствовался обновлением старого законодательства.

В некоторых кругах надеялись, что исчезнет предлог для дальнейшего репрессивного законодательства. Однако постоянный рост социалистической партии, все большая дерзость ее пропаганды вместе со случаями анархических выходок в Германии и других частях Европы, побудили правительство к дальнейшему вмешательству. В декабре 1894 года император дал понять, что уже решено применить новое законодательство к тем, кто пытался вызвать внутренние волнения.

Накануне завершения этого года антиреволюционный билль был представлен народной ассамблее. Он содержал серию поправок к существующему уголовному законодательству страны, и ему отводилось постоянное место в уголовном кодексе. Эти поправки предусматривали штрафы или заключения для каждого, кто публично, с опасностью для общественного порядка, совершал оскорбительные выпады против религии, монархии, брака, семьи, собственности, или публично отстаивал или распространял взгляды, сознательно выдуманные или искаженные, а также те, которые, исходя из обстоятельств, следует признать выдуманными или искаженными, имеющими целью оскорбить институции государства или решения властей.

В новом законе также имелись положения похожего содержания, направленные против социалистической пропаганды в армии и на флоте.

Если бы оппозиция исходила только от социалистов внутри и за пределами Парламента, правительство приняло бы законопроект с полным успехом. Но характер оговоренных нарушений и то, в какой мере интерпретацию закона оставлено полицейским судьям, возбудило недоверие и даже тревогу больших групп населения, которые увидели в этих мерах опасность для свободы слова, свободы обучения и свободы публичных собраний.

Соответственно, когда Рейхстаг приступил к

[129] рассмотрению этих мер, возникло движение протеста, подобного которому не часто увидишь в нашей отчизне. В Парламент пошли обращения писателей, редакторов, артистов, университетских профессоров, студентов и граждан, пока, как утверждают, не получено свыше полутора миллиона подписей в знак протеста.

Большие газеты, такие как “Berliner Tageblatt”, переслали в Рейхстаг обращения своих читателей, содержащие от двадцати тысяч до ста тысяч имен. Одновременно, как стало известно, свой протест против данного законопроекта выразило (на массовом митинге делегатов в столице) четыреста пятьдесят немецких университетов.

Отклонение мер при столь широком возражении было неминуемым, и социалистическая партия, наверное, нанесет правительству наибольшее из всех поражений. Однако Рейхстаг осудил законопроект не потому, что он был направлен против социалистов, а потому, что эти меры, направленные против анархических тенденций, создают, как посчитали, угрозу для прав большинства населения”.

Говорят, что в Лондоне социализм непрерывно обретает для себя почву, тогда как анархизм уже, по-видимому, мертв. Независимая Лейбористская Партия, которая была наибольшей силой организованного труда в Англии, сегодня является откровенно социалистической организацией. Она уповает на то, что вскоре произойдет кровавая революция, которая завершится установлением социалистической республики на руинах нынешней монархии.

Принимая во внимание эти факты и тенденции, ничего удивительного, что на наших глазах цари и правители предпринимают чрезвычайные меры предосторожности, чтобы защитить себя и свои интересы от угрожающей опасности революции и всемирной анархии. В страхе и отчаянии они ищут союза друг с другом, хотя их взаимное недоверие столь огромно, что они возлагают очень мало надежды на какой бы то ни было союз. Отношение одного народа к другому характеризуется враждебностью, завистью, местью и ненавистью, а взаимное общение основывается на одних только самолюбивых принципах. Следовательно, на их союзы друг с другом можно полагаться так долго, как их самолюбивые планы и политика идут рядом. Здесь нет

[130] ни любви, ни доброжелательности, и ежедневная пресса является постоянным свидетелем неспособности народов определить то или иное направление политики, которое бы привело всех к слаженному сотрудничеству. Следовательно, вряд ли стоит надеяться на это от какой-нибудь коалиции держав.

ЦЕРКОВНИЧЕСТВО УЖЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ТВЕРДЫНЕЙ!

Осознавая происходящее, как это делают они (по крайней мере частично), мы видим, что они беспокойно взирают в сторону церкви (не на тех немногих святых, которые известны Богу и которых Он признает Своей Церковью, а на большую номинальную церковь, признаваемую исключительно миром), чтобы увидеть, какие моральные напутствия или церковное влияние можно употребить для разрешения важных вопросов в отношениях между правителями и народами. Церковь также не прочь заполнить щель, и она охотно посодействовала бы в возобновлении дружественных связей между князьями и народами, так как интересы церковной аристократии и гражданской аристократии тесно связаны. Но напрасно рассчитывать на помощь оттуда; у пробудившихся масс мало уважения к священнослужителям или государственным мужам. Тем не менее, целесообразность того, чтобы обращаться к церкви за помощью, находится под вопросом. Например, Немецкий Рейхстаг, который под давлением князя Бисмарка изгнал иезуитов из Германии в 1870 году, считая их вредными для благосостояния Германии, затем упразднил эту меру, надеясь таким образом умиротворить Католическую партию и заполучить ее влияние для поддержки военных мероприятий. Во время дебатов над этим вопросом сделано важное замечание, которое, хотя оно скорее всего окажется правдивым как пророчество, в то время вызвало лишь содрогание дома от хохота. Было сказано, что возвращение иезуитов не является опасным, так как вскоре непременно придет потоп (социализм-анархия) и они также будут сметены.

[131] Причиной попыток помирить короля и правительство Италии с церковью Рима была, очевидно, боязнь распространения анархии, а также перспективы общественного конфликта. Ссылаясь на это, премьер Криспи в своей известной речи, которая начиналась историческим обзором нынешних политических деятелей Италии и завершалась декларированием текущих общественных проблем и, в первую очередь, революционного движения, сказал:

"Общественная система переходит сегодня важный перелом. Ситуация сделалась столь острой, что гражданским и религиозным властям кажется совершенно необходимым объединиться и действовать сообща против всей этой постыдной шайки, на знамени которой написано: "Без Бога и без царя!" Эта шайка, – сказал он, – провозгласила войну обществу. Пусть общество признает эту декларацию и в ответ бросит боевой призыв: "За Бога, за царя, за отечество!"

То же пугающее предчувствие со стороны гражданских властей всех цивилизованных народов стало основой недавнего примиренческого поведения всех гражданских властей Европы по отношению к папе римскому, и сейчас начинает выглядеть довольно привлекательным для его долго лелеянных надежд вернуть большую часть своей утерянной светской власти. Такое поведение народов наиболее наглядно было показано в ценных подарках, преподнесенных папе несколько лет тому назад главами всех парламентов христианства по случаю его юбилея. Чувствуя собственную несостоятельность справиться с могущественной силой пробужденного мира, гражданские власти в своем полном отчаянии вспоминают былое могущество папства, деспота, которое однажды держало все христианство в своих руках. И хотя они ненавидят деспота, однако готовы на большие уступки, лишь бы таким образом успешно сдерживать недовольные народы.

Многие соглашаются с утверждением, столь откровенно формулируемым римо-католической церковью, что она будет единственной надежной твердыней против поднимающейся волны социализма и анархизма.

[132] Что касается этого заблуждения, бывший член ордена иезуитов граф Пауль фон Гоенсбрук, обращенный ныне в протестантизм, указывает на католическую Бельгию и успехи ее социал-демократии с целью показать безнадежность любой помощи с этой стороны. В своей статье, появившейся в "Preussische Jahrbuch", Берлин, 1895 год, он говорил:

"В течение веков Бельгия была насквозь католической и преданной римскому папе. Эта страна имеет больше шести миллионов населения, из которых только пятнадцать тысяч протестанты, а три тысячи – иудеи. Все остальные – католики. Это – настоящая духовная твердыня. Католическая церковь была ведущим фактором и силой в жизни и истории Бельгии; здесь она праздновала свои самые большие триумфы, раз за разом похваляясь ими. За исключением нескольких случаев, она контролировала систему образования страны и особенно начальные и общественные школы...

А как сегодня поживает социал-демократия в католической Бельгии? Это показали последние выборы. Почти пятую часть всех голосов отдано за кандидатов от социал-демократов, при этом мы должны помнить, что на стороне несоциалистических кандидатов находится значительно больше "многоразовых голосов", чем на стороне социал-демократов: в Бельгии является нормой, что зажиточные и образованные пользуются правом "многоразового голоса", т. е. их голоса могут быть отданы два или три раза. Сторонники папы действительно утверждают, что такое увеличение количества голосов социалистов нужно отнести на счет роста либеральной партии. В определенной мере это так, однако утверждение клерикалов, что католицизм является твердыней против социализма, атеизма и морального вырождения сделалось так или иначе абсурдным. Откуда взялись эти либералы, если Католическая церковь является врачом от всех болезней, унаследованных государством и обществом?

Католицизм одинаково мало способен спасти людей от "атеистического либерализма" и от социал-демократии. В 1886 году представителям всех различных слоев было направлено циркулярное письмо с вопросами, относящимися к условиям работающих. Три четвертых ответивших

[133] признались, что в религиозном отношении люди "испортились", "совсем потерялись", что "католицизм все больше теряет свои позиции". Льеж и его тридцать восемь церквей и тридцать пять монастырей ответили откровенной безысходностью; Брюссель поведал, что "девять из каждых десяти детей являются незаконнорожденными, а безнравственность нельзя передать словами". Все это так, хотя бельгийский социал-демократ, если он вообще ходил в школу, был учеником католической общественной школы – и все это в стране, где каждый год произносилось больше половины миллиона католических проповедей и лекций из Катехизиса. Страна, которая по праву и не без причины названа "землей монастырей и духовных", сделалась Эльдорадо Общественной Революции".

НЕПОМЕРНЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ВОЙНЕ

Страх перед грядущей революцией подталкивает каждый народ в "христианстве" к непомерным военным приготовлениям. Один столичный журнал говорит: "Пять ведущих народов Европы спрятали в специальных сокровищницах 6 525 000 000 франков для целей уничтожения людей и материальных средств во время войны. Первой из стран, которые запаслись резервным фондом для этого смертоносного замысла, была Германия. Она имеет 1 500 000 000 франков; Франция имеет 2 000 000 000 франков; Россия, несмотря на опустошения холерой и голодом, – 2 125 000 000 франков; Австрия – 750 000 000 франков; Италия, самая бедная из всех, – менее 250 000 000 франков. Эти колоссальные суммы денег лежат в бездействии. Их нельзя трогать, и никто их не будет трогать, разве что в случае войны. Император Германии Вильгельм сказал, что он скорее позволит обесславить финансовую репутацию Германии, чем взять хотя бы одну марку из фонда войны".

Еще в начале 1895 года Военный Департамент США подготовил цифры, которые показывали размеры армий зарубежных стран: Австро-Венгрия – 1 794 175 чел.; Бельгия – 140 000 чел.; Колумбия – 30 000 чел.; Англия – 662 000 чел.; Франция – 3 200 000 чел.; Германия – 3 700 000 чел.; Италия – 3 155 036 чел.; Мексика – 162 000 чел.;

[134] Россия – 13 014 865 чел.; Испания – 400 000 чел.; Швейцария – 486 000 чел. Ежегодное содержание этих войск стоит 631 226 825 дол.

Милицейские силы Соединенных Штатов, согласно рапорту Военного Секретаря для Палаты Представителей, составляли в том же году в целом 141 846 чел., а имеющиеся в наличии, но неорганизованные, военные резервы, или как их называют в европейских странах "военными тылами" страны, Секретарь оценивает в размере 9 582 806 чел.

Вот что сказал корреспондент "New York Herald", который только что возвратился из поездки в Европу:

"Следующая война в Европе, когда бы она не случилась, будет разрушительным насилием, неизвестным до сих пор. Для военных целей пришлось напрячь, и даже истощить, всякий источник дохода. Нет необходимости говорить, что мир еще не видел подобного, потому что никогда прежде не имел таких сокрушительных орудий войны. Европа – это большой военный лагерь. Ведущие державы вооружены до зубов. Все это результат общих усилий, а не простой парад или развлечение. Исполинские армии в состоянии наивысшей готовности, в совершенстве вооруженные, опершись на свои мушкеты или держа в руках уздечки, ожидают в лагерях и в поле сигнала выступить друг против друга. Любая война в Европе утверждает определенно только одно: имеется потребность в еще одной войне.

Говорят, что большие постоянные армии являются гарантами мира; может на некоторое время это и правда, но ненадолго: бездеятельность с оружием в руках, да еще в таких громадных масштабах, влечет за собой слишком много жертв, а тяжелая ноша неминуемо побуждает к действию".

СОВРЕМЕННЫЕ ОРУДИЯ ВОЙНЫ

Корреспондент "Pittsburgh Dispatch" пишет из Вашингтона:

"Дьявольским антикварным магазином являются запасы оружия, боеприпасов и всякого рода военных образцов в различных уголках и закоулках Департамента Войны и Военно-Морских сил! Хотя они, понятно, разбросаны и сравнительно ограниченны, однако их достаточно, чтобы заставить задуматься наиболее неосведомленных о

[135] том, куда мы идем и каков будет конец этого удивительного порыва в изобретении оружия для истребления человеческого рода. Все, что мы имеем до сих пор в нашей новой стране в виде образцов таких изобретений, вряд ли сравнится по объему и уровню интереса даже с отдельной комнатой обширной коллекции древней Тауер в Лондоне, но достаточно, чтобы рассказать всю историю. Посмотрев на всю эту смертоносную технику, кто-то решит, что правители мира склонны истребить человеческий род вместо улучшить его и сберечь.

Вместе с современными изобретениями, которые позволяют одному человеку моментально убить 1 000 людей, находится примитивное оружие тех более отдаленных дней, когда люди сражались в бою врукопашную. Но нам нет надобности обращаться к ним для того, чтобы проиллюстрировать прогресс в искусстве войны. Даже техника, использовавшаяся в самой последней из великих войн, сегодня устарела. Если бы завтра началась новая гражданская война в Соединенных Штатах или нас втянули бы в войну с иностранным государством, мы бы предпочли приделать себе крылья и сражаться в воздухе, чем воевать оружием четверть вековой давности. Немногие виды оружия и кораблей, которые обрели популярность в последние дни войны и которые реконструировали и улучшили почти до неузнаваемости по сравнению с их первоначальным видом, можно было бы использовать в определенных условиях. Большое количество смертоносного оружия будет заменено совершенно новыми изобретениями, по сравнению с которыми наилучшие из старых образцов являются слабыми и совершенно беспомощными. Мне еще никогда не напоминали так убедительно о прогрессе в этой ужасной сфере, как вчера, когда во время пребывания в командировке в Департаменте Военно-Морских Сил мне показали модель и чертежи новой автоматической митральезы Максим. Это (а также другое огнестрельное оружие семейства Максим), бесспорно, самый искусный и самый аморальный из всех необычайных видов военного оружия, изобретенных в последнее время. Существуют планы увеличить его до размера шестидюймовой пушки, которая автоматически будет выпускать более 600 пуль в минуту. Ее, конечно, превосходит винтовка Гатлинга и другое оружие, которое стреляет очень маленькими пулями, но они, по сравнению с оружием Максим, довольно громоздки в обслуживании, требуют большего расчета, намного тяжелее и

[136] значительно менее прицельны. По сути, орудием Максим может управлять один мужчина, или даже женщина или ребенок, и после приведения его в действие, пулеметчик может прогуляться и позавтракать, в то время как его оружие будет занято уничтожением нескольких сотен людей. Пулеметчик сидит на сидении сзади пулемета за пуленепробиваемым щитом – если только он пожелает им воспользоваться. Если он хочет положить армию за несколько минут, он просто ждет, пока упомянутая армия окажется в положении, удобном для совершаемого им дела. Затем он дергает за рычаг, который выстреливает первый патрон, и автоматический механизм начинает свою работу. Взрыв первого заряда патрона вызывает откат и выброс пустой гильзы из отверстия, вталкивает на ее место другой патрон и выстреливает его. Откат после этого взрыва выполняет подобное действие, и так далее – до бесконечности. Это убийца непрерывного действия.

Одно из изобретений м-ра Максима именуют "уличным оружием". Это такая себе небольшая, достаточно легкая штуковина, которую можно переносить на руках вместе с достаточным количеством боеприпасов, чтобы вытеснить обычную толпу с улицы, а то и вовсе ее уничтожить. Вообще-то интересно, что все недавние изобретения в данном направлении обращаются к факту неминуемого появления мятежной толпы. С каких это пор изобретатель сделался пророком? Что ж, это "уличное оружие" может работать со скоростью десяти смертоносных выстрелов в секунду с оператором, спрятанным все время и находящимся в полной безопасности – даже если толпа вооружена винтовками или револьверами, – предвидя, что эта самая толпа даже не подумает двинуться вперед и захватить орудие вместе с оператором. Кажется, что между изобретателями наподобие м-ра Максима существует предположение, что современная толпа будет стоять посреди улицы под пулями, не защищаясь и не нападая, что за каждым углом не будет прятаться кто-то с бомбой в руках, и что в своей ненависти он не высадит в воздух или не сожжет город. Как бы там ни было, он сделал все возможное, чтобы создать оружие против толпы. Это небольшое оружие может быть снаряжено достаточным числом боеприпасов, чтобы одной очередью очистить улицу за несколько секунд, и может одинаково беспрепятственно стрелять со стен, из окон и посреди открытой улицы. Одним движением запястья его можно повернуть вверх или вниз на станине и заставить убивать сверху и снизу стреляющего, не подвергая опасности ни жизнь, ни конечности того, кто так рьяно орудует этим искусным орудием убийства.

Хотя оно является одним из самых поздних и наиболее сокрушительных

[137] изобретений, однако из этого отнюдь не следует, что это последнее или самое эффективное из всех, которые удастся придумать. Для каждого, чье внимание привлечено к этому, постепенно становится очевидным, что мы находимся только в начале. Мы пытаемся успеть с оборонительным оружием за прогрессом в развитии эффективных наступательных средств, но тщетно. Невозможно сконструировать то или другое плавающее судно, которое могло бы противостоять взрыву современной торпеды. Ни один народ не является настолько богатым, чтобы построить форты, которые нельзя уничтожить за короткое время новейшими и наиболее чудовищными видами динамитных снарядов. Аэростатами сегодня можно управлять почти с такой же легкостью, как с судами на воде, поэтому их будут широко использовать для уничтожения армий и фортов в войнах, которые вскоре вспыхнут. Смертоносная техника становится настолько простой и недорогой, что один человек может уничтожить армию. Если сильные еще больше вооружаются, чтобы уничтожать слабых, то, с другой стороны, слабые могут легко стать достаточно сильными, чтобы уничтожить самого сильного. Для обеих сторон война будет означать полное уничтожение. Армии на суше, а также морские чудовища и военные воздушные крейсеры попросту истребят друг друга, если им вообще позволят быть задействованными".

Но есть еще более свежее усовершенствование. "New York World" предлагает следующий отчет об оружии и порохе:

"Максим, создатель огнестрельной винтовки, и д-р Шупгауз, эксперт от стрелкового пороха, изобрели новый порох для пушек и торпед, который выталкивает исполинское пушечное ядро, полное взрывчатки, на десять миль, где оно, падая, разбивает вдребезги все кругом на сотни футов.

Изобретение называется "Система Максима-Шупгауза для наземного пуска торпед огнестрельным оружием при помощи специального пороха, где низкое давление газов в начале движения снаряда постепенно растет, увеличивая скорость снаряда на всей длине ствола". Патент на эту систему выдан в Соединенных Штатах и европейских странах.

Использованный особый порох состоит почти целиком из чистого пироксилина со столь незначительным процентным содержимым

[138] нитроглицерина, что он не обладает ни одним из недостатков нитроглицеринового пороха и защищен от разложения в случае попадания на него мочевины. Он целиком безопасен в обращении, и по нему можно ударять без опасности взрыва даже тяжелым молотком. Тайна этого удивительного пороха заключается в простой математической закономерности, о которой до сих пор никто не подумал. Высокоактивный порох теперь заряжают в пушку в форме лент, маленьких кубиков или твердых цилиндрических стержней от половины до трех четвертых дюйма в диаметре, нескольких футов длины и похожих на связку темных восковых палочек. Когда произведен выстрел, концы и внешние стороны каждого стержня мгновенно вспыхивают и горят к середине.

Объем газов, образовавшихся в результате возгорания, постоянно уменьшается, поскольку уменьшается поверхность горения. А так как именно объем газов дает скорость выпущенному из пушки снаряду, то потеря скорости в данном случае является неминуемой. Снаряд не летит так далеко, как в случае, когда давление газов постоянно растет или, по крайней мере, остается неизменным.

В каждом участке пороха Максима-Шупгауза находится много маленьких отверстий, которые проходят по всей длине стержня. Когда порох вспыхивает, пламя мгновенно распространяется не только по поверхности каждого стержня, но и проникает сквозь отверстия. Эти маленькие отверстия выгорают с такой скоростью, что разница в объемах взрывных газов, которые образовываются в начале и в конце канала ствола, составляет один к шестнадцати.

Таким образом, снаряд вылетает из пушки с огромной скоростью, и каждое маленькое отверстие в стержнях пороха играет свою роль, ускоряя снаряд в его миссии уничтожения за много миль от места выстрела. В случае большой пушки, опустошения, сделанные этим новым чудом современной артиллерии, даже тяжело определить. Стрельба этим новым смертоносным порохом из полевых пушек и тяжелого берегового оружия, которая велась в Санди Хук, принесла удивительные результаты. Десятидюймовая пушка, заряженная 128 фунтами такого пороха, выстрелила снаряд весом 571 фунт в сторону моря на восемь миль. Давление от горения стержней пороха было постоянно как никогда до сих пор, что наиболее важно в определении

[139] эффективности любого высокоактивного пороха. Без постоянного давления газов точность попадания невозможна.

“Большая пушка, которую предлагают построить мистеры Максим и Шупгауз, будет пушкой калибра двадцать дюймов, особым образом приспособленной для береговой обороны. Эта пушка показывает некоторые особенности. Она не будет сборной, то есть не будет состоять из многих составных металлических частей, а будет иметь один тонкостенный ствол длиной около тридцати футов, толщина стен которого не будет превышать двух дюймов. Она будет существенно отличаться от мортир, стенки ствола которых имеют толщину восемь или десять дюймов, чтобы выдерживать давление в момент выстрела. Откат пушки будут воспринимать гидравлические тормоза, расположенные снизу и заполненные водой и маслом. Двадцатидюймовая пушка такого типа, использующая новый порох, может быть установлена при входе в Нью-йоркскую гавань – в фортах Вашингтон или Вадсворд, – господствуя над всем морским пространством в радиусе десяти миль. Достигнутое равновесие давления и скорости позволяет достичь удивительной меткости огня. Следует только направить пушку на любой корабль, который в этом радиусе попал в поле зрения дальномера, чтобы быть уверенным в его полном уничтожении. Количества выпущенной взрывчатки достаточно, чтобы потопить военный корабль даже если снаряд взорвется в воде в пятидесяти футах от его борта. Толчок от взрыва снаряда весом пятьсот фунтов на расстоянии сто пятьдесят футов от корабля будет совершенно достаточным, чтобы вызвать опасную течь и вывести корабль из строя”.

Д-р Р.Д. Гатлинг, изобретатель удивительного автоматического оружия, которое носит его имя, сказал о новом изобретении бездымного пороха следующее:

“Люди еще не столь образованы, чтобы оценить гигантскую революцию, которую совершило изобретение бездымного пороха для ведения войны в будущем. В Европе уже устарели от 3 000 000 до 4 000 000 мушкетов, изготовленных для стрельбы с помощью черного пороха, не говоря уже о миллионах патронов, которые страны готовы продать за бесценок. На этом теряется огромная сумма капитала, но таково неминуемое следствие прогресса. Наше военное оружие в этой стране вскоре также выйдет из обихода, ведь для того, чтобы идти в ногу с остальным миром, нам также придется применить бездымный порох. Заряженное им оружие посылает

[140] пулю вдвое дальше, чем это делает черный порох. Кроме того, новое изобретение полностью меняет военную тактику, поскольку в будущих боях войска уже никогда не будут выстраиваться массово перед врагом. Открытый бой, как это было привычным во все века, ушел в прошлое, так как он означал бы полное уничтожение. Если бы бездымный порох использовали во время недавней гражданской войны, война между Штатами не продолжалась бы и девяносто дней.

Какая разница между скорострельным и автоматическим оружием?

Скорострельное оружие не начинает стрельбу со скоростью автоматического оружия. Первое – преимущественно одноствольное и заряжается снарядами. Это большая пушка для торпедных кораблей, и пятнадцать выстрелов в минуту – довольно хороший результат для одной из них. Автоматическое оружие типа Гатлинг имеет от шести до двенадцати стволов, расчет из трех человек и ведет практически непрерывный огонь, залп за залпом, со скоростью 1 200 выстрелов в минуту. Эти три человека могут убить больше, чем целый отряд, вооруженный устаревшими мушкетами".

В "Cincinnati Enquirer" один автор пишет:

"Лицо следующей войны, когда бы она ни случилась, приобретет совершенно новые черты, к тому же столь ужасные, что навсегда оставит варварству упрек, начертанный на челе цивилизации. Новые военные формирования, которые вчетверо увеличили армии; бездымный, ужасный новый порох, которому ничто не может противостоять; современные скоростные артиллерийские и винтовочные обоймы, которые будут косить армии, как ураган стряхивает яблоки с дерева; аэростаты-наблюдатели и аэростаты-батареи, которые будут сбрасывать массу пороха на города и укрепления, за короткое время опустошая их, к тому же более эффективно, чем при обстреле; передвижные железные дороги для артиллерии, электрический свет, телефон и т. п. поменяли всю тактику боевых действий. Следующая война будет вестись на совершенно иной основе, пока не проверенной опытом, что принесет огромное удивление. "Мы вооружаемся для защиты, а не для нападения, – говорит каждая держава, – наша сила является нашей защитой: тем самым мы навязываем нашим соседям мир и внушаем к себе почтение".

[141] Тем не менее каждая держава следует одинаковой политике, равносильной изречению, что всякое устрашение и намерение убивать направлено лишь на то, чтобы защитить мир от когтей войны. Хотя это можно назвать вершиной иронии, я искренне верю (поскольку это очевидно) и думаю, что мир лучше всего оградить от войны орудиями последней, то есть осознанием ее масштабов и уродства. Но это безжалостное оружие словно всепоглощающий водоворот, в который плывет общественное богатство, чтобы, так сказать, заполнить бездонный вулкан взрывчатым веществом. Как ни странно, но такова действительность. Европа лежит на громадном вулкане, выкопанном собственноручно, который она мозольным трудом наполняет наиболее опасной составляющей. Однако, сознавая опасность, она бережно держит все головни подальше от кратера. Но когда ее бдительность ослабнет и случится взрыв, учтите, весь мир испытает шок и содрогание. Варварство обнаружит столько уродства, что всеобщее сетование распространится от одного народа к другому и заставит народы выдумывать те или иные средства, более достойные нашего времени, чтобы уладить международные дела, и тогда война будет погребена ее собственными руками под возведенными ею руинами".

ЕЩЕ ОДНО ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ОРУДИЕ МИРА

"Возбудите храбрых. Пусть выступают, поднимутся все ратоборцы. Пусть низойдут в долину Иосафата [долину смерти]. Слабый пусть говорит: «Я силен». Перекуйте серпы ваши на копья и орала ваши – на мечи" (Иоиль 3: 10).

На основании приведенного описания оружия можно только догадываться, чем со временем будет война. Попробуем, глядя на эти приготовления к ней в народах, не упустить из виду факт, что правительства и генералы начинают бояться своих войск. Как милиция Огайо отказалась нести службу в связи с беспорядками во время забастовки, как в Бразилии морская пехота восстала против правительства, а португальские солдаты – против своих генералов, так может быть вскоре в каждой земле в мире.

Германию с ее огромной армией начинает одолевать страх,

[142] потому что социализм постепенно прокладывает себе путь между солдатами. И даже в Великобритании недавно признано необходимым разоружить часть милиции, т. е. добровольческой конницы. Секрет всего этого неповиновения заключается в знании; за знанием стоит образование, а за образованием находится печатная пресса и удивительная просвещающая мощь Бога, которая поднимает завесу невежества и приготавливает человечество к великому дню Мессии с его прелюдией скорби.

Еще не так давно мы удивлялись, как мятеж, о котором, кажется, говорит Священное Писание, может вообще пронестись над всей землей; как анархия может вырваться на свободу вопреки всякой объединенной власти, влиянию капитала и цивилизации, которая ей противостоит? Однако теперь мы видим, что образование (знание) приготавливает путь большой всемирной катастрофе, которую, как указывает Священное Писание, можно, по-видимому, ожидать в течение нескольких следующих лет. Сегодня можно подметить, что те же самые люди, которых обучили пользоваться наиболее современными орудиями уничтожения человеческой жизни, могут оказаться среди тех, кто отвечает за арсеналы и боевое обеспечение и ведет наблюдение за ними. Об этом говорит последующая статья:

“Это оружие, которое весит меньше двадцати фунтов и напоминает в обслуживании обычное охотничье ружье, выпускает во время стрельбы поток пуль со скоростью 400 выстрелов в минуту. Новое оружие называется Бенет-Мерсье и придумано французами. Оно имеет приклад, упирающийся в плечо. Во время стрельбы солдат лежит на земле, и оружие покоится на двух точках опоры. Это дает преимущество в безопасности над скорострельной моделью Хирам-Максим, оператор которой вынужден перезаряжать ее стоя. Это ставит его в полный рост перед врагом или, вернее, всех троих человек, ведь для обращения с этим значительно более тяжелым оружием требуется трое людей”.

Пророчество Иоиля (3: 9-11) несомненно исполняется в достойных изумления приготовлениях к войне, которые сейчас проводятся между народами. Пророчески он выражает настроения

[143] этих времен, говоря: “Провозгласите об этом между народами, приготовьтесь к войне, возбудите храбрых; пусть выступят, поднимутся все ратоборцы. Перекуйте орала ваши на мечи, и серпы ваши – на копья. Слабый пусть говорит: «Я силен». Спешите и сходитесь, все народы окрестные, и соберитесь…” Разве это не провозглашается сегодня по всему миру? Разве не подбадривают себя все сильные и слабые перед будущим конфликтом? Разве не выстраивает так называемая Христовая церковь молодых парней и не воодушевляет их духом войны? Разве эти люди не ходили бы с плугом и не обрезали бы деревья вместо ковать орудия войны и учиться ими пользоваться? Разве не собирают все народы свои могущественные воинства и не истощают свои финансовые возможности свыше пределов своей выносливости, чтобы, тем самым, совладать с нуждами войны – большой скорби, которая быстро приближается на их глазах?

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ НАХОДЯТСЯ В ОСОБОМ ПОЛОЖЕНИИ, ОДНАКО ПОДВЕРЖЕНЫ УГРОЗЕ ЕЩЕ БОЛЬШИХ БЕДСТВИЙ, НЕЖЕЛИ СТАРЫЙ СВЕТ

Положение Соединенных Штатов Америки среди народов уникально почти во всех отношениях. Оно таково, что кое-кто склонен считать эту страну особым дитятей божественного провидения, полагая, что в случае всемирной революции она сумеет избежать всего подобного. Но такая иллюзорная безопасность не согласуется со здравым смыслом, принимая во внимание знамения времени или определенные действия тех справедливых законов возмездия, суду которых сегодня подлежат народы, а также отдельные лица.

Ни один мыслящий и беспристрастный человек не будет сомневаться в том, что особые обстоятельства открытия этого континента и поселения этого народа на его нетронутых землях, чтобы вдыхать его чистый воздух и приумножать его удивительные запасы, были шагом на пути божественного провидения. На это указывают время и

[144] обстоятельства. Эмерсон однажды сказал: “Вся наша история похожа на последнее усилие Божественного Провидения для человеческого рода”. Конечно, он не сказал бы этого, если бы понимал божественный план веков, в свете которого совершенно очевидно, что это не “последнее усилие божественного провидения”, а четко установленное звено в цепи ниспосланных провидением обстоятельств для свершения божественного замысла. Притесненным из всех земель здесь было предоставлено убежище от тирании государственного и церковного деспотизма. Здесь, отдаленный от старых тираний огромной пустыней океана, дух свободы нашел место для отдыха, а эксперимент правительства народного доверия сделался реальностью. В здешних благоприятных обстоятельствах большой труд Евангельского века – избрание истинной Церкви – получил большое содействие; и у нас есть всякое основание верить, что именно здесь будет собран наибольший урожай этого века.

Ни в одной другой стране благословенное послание жатвы – план веков с его временами, сроками и привилегиями – не могло провозглашаться столь беспрепятственно, широко и свободно. Нигде, за исключением этой привилегированной земли с ее свободными институциями, нет стольких умов, достаточно освободившихся от цепей предрассудков и религиозного догматизма, способных принять надлежащую ныне истину и затем нести повсюду ее благую весть. Верим, что именно поэтому провидение Бога в какой-то мере было над этой страной. Здесь, для этого народа имелся труд для выполнения, который нельзя было выполнить столь же хорошо где-то в другом месте; и когда рука притеснения попыталась задушить дух свободы, был поднят Вашингтон, чтобы повести обнищавших, однако смелых, сторонников свободы к национальной независимости. И когда народу опять угрожал раскол, когда пришло время освободить четыре миллиона рабов, Бог воздвиг иной

[145] храбрый и благородный дух в лице Авраама Линкольна, разрубившего кандалы порабощенных и сберегшего единство народа.

Однако этот народ, как и всякий другой, не имеет и никогда не имел каких бы то ни было притязаний на божественное провидение. Ниспосланное провидением руководство в некоторых его делах было исключительно в интересах народа Бога. Уже упомянутый народ, как и всякий другой народ, не имеет Бога и без надежды продолжительного существования, и Бог будет осуществлять через него Свои собственные мудрые замыслы ради Своего народа, собирая "избранных Своих". Затем на него, как и на другие народы, будут веять ветры великой скорби, ведь он, как и они, является одним из "царств мира", которые должны уступить место Царству дорогого Божьего Сына.

В то время как условия большинства здешнего населения куда благоприятнее, чем в любой другой земле, классы победнее весьма оценивают благополучие, а также личные права и привилегии, которых в подобной степени нет ни в одной другой земле. В этой стране из рядов самых скромных ее граждан, наделенных духом ее институций – духом свободы, честолюбия, деловитости и смекалки, – вышли наилучшие умы и государственные деятели – президенты, законодатели, адвокаты, юристы и другие известные люди, занимавшие всякий пост. Ни одна наследственная аристократия не имела здесь монополии на право предоставлять кредиты или получать прибыль, при этом дитя самого робкого мигранта может мечтать и на деле обрести блага уважения, достатка и продвижения по службе. Какому американскому школьнику не говорили о возможности однажды стать президентом этой страны? Фактически, все достижения великих людей каждого звания и положения воспринимались как будущие возможности американской молодежи. Дух ее институций не имеет в себе ничего, что сдерживало бы такие амбиции; наоборот, он всегда побуждал и поощрял их. Влияние этих открытых путей ради наивысших и прочих

[146] промежуточных почетных положений, а также вера в народ содействовали всеобщему подъему начиная с низших слоев. Он побудил стремление к образованию и культуре, а также потребность в образовании и культуре. Система бесплатных школ в большой мере удовлетворила эти требования, приводя все классы к интеллигентным взаимоотношениям посредством ежедневной прессы, книг, периодики и т. п., делая их способными как личностей сравнивать увиденное, иметь собственное суждение по всем интересующим вопросам и соответствующим образом влиять на государственные дела путем использования права голоса.

Суверенный народ, наделенный достоинством и приведенный к осознанию прав зрелости, разумеется, является одним из первых, готовых противостоять, к тому же самым решительным образом, любой очевидной тенденции укротить его честолюбие или ограничить действия. Даже теперь, несмотря на либеральный дух его институций и огромные преимущества, которые те предоставили всем классам, интеллект масс начинает распознавать действие некоторых влиятельных факторов, которым вскоре предопределено вовлечь их в рабство, лишить прав как свободных людей и отнять благословения щедрой природы.

Американский народ просыпается к осознанию опасности для своих свобод и своих действий перед лицом упомянутой опасности с той энергией, которая была его отличительной чертой в каждой отрасли производства и в каждом направлении торговли, хотя истинные причины опасности массы не могут различить достаточно отчетливо, чтобы разумно направить свои усилия. Они видят только то, что сосредоточение богатства разоряет многих, влияя на законодательство таким образом, чтобы способствовать еще большему накоплению богатства и власти в руках некоторых, создавая аристократию богатства, чья власть со временем окажется такой же деспотичной и безжалостной, как и всякая тирания Старого Света. Хотя, к сожалению, это действительно так, но это не единственная

[147] опасность. Этой стране угрожает также религиозный деспотизм, о ненавистной тирании которого лучше всего судить по упоминаниям о его былой власти. Эта опасность – католицизм.* Однако ее обычно не замечают, поскольку Рим совершает свои завоевания здесь хитростью и коварной лестью. Он высказывает большое восхищение свободными институциями и самоуправлением Соединенных Штатов, обхаживая и расхваливая протестантских "еретиков", составляющих большую часть мыслящего населения, и называет их своими "отлученными братьями", для которых имеет "неугасимое чувство"; в то же самое время он накладывает свою липкую руку на систему общественных школ, страстно желая превратить ее в доверенное лицо для дальнейшей пропаганды своих учений и распространения своего влияния. Его влияние чувствуется одинаково в политических и религиозных кругах, а постоянная волна иммиграции в эту страну состоит преимущественно из его подданных.

*Том II, глава 10.

Угрозу католицизма предвидел еще Лафайет, который, хотя сам был римским католиком, помогал обрести свободу для этой страны и очень восторгался ею. Он сказал: "Если свободы американского народа когда-нибудь будут уничтожены, они падут от рук папистского духовенства". Следовательно, мы видим, что огромные опасности исходят от сосредоточенного богатства, от папства и от иммиграции.

Но, увы! Лечебное средство, которое массы окончательно применят, будет хуже самой болезни. Когда общественная революция действительно придет сюда, она придет со всей бурностью и насилием, какую американская энергичность и любовь к свободе могут в нее вложить. Поэтому нет никакого смысла надеяться, что эта страна избежит судьбы всех народов христианства. Она осуждена, как и все остальные, на

[148] раскол, свержение и анархию. Она также является частью Вавилона. Дух свободы, лелеянный здесь в течение нескольких поколений, уже сегодня угрожает стать причиной бунта с безумием и стремительностью, невиданными в Старом Свете, где с ним не могут совладать более могущественные средства монархических правительств.

То, что многие богатые люди понимают это и в определенной мере опасаются того, что нависшая скорбь может достичь апогея прежде всего здесь, явствует из различных признаков, иллюстрацией чему служит следующий отрывок, взятый несколько лет назад из "The Sentinel", Вашингтон:

"ЭМИГРАЦИЯ ИЗ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ. Как говорит "National Watchman", м-р Джеймс Гордон Беннет, владелец "New York Herald", так долго проживал в Европе, что может считаться иностранцем. М-р Пулицер, владелец "New York World", говорят, подыскал для себя постоянную резиденцию во Франции. Ендрю Карнеги, миллионер и король стали, купил замок в Шотландии и сделал его своим домом. Генри Виллард, магнат "Northern Pacific Railroad", продал свои владения и переехал на постоянное жительство в Европу вместе с 8 000 000 долларов. В.В. Астор перебрался из Нью-Йорка в Лондон, где купил роскошную резиденцию и подал прошение о предоставлении ему британского подданства. М-р Ван Ален, который благодаря 50 000 дол., внесенным в фонд кампании демократов, недавно получил для себя место посла в Италии, является иностранцем во всем, что он намеревается и к чему стремится, и назвал эту страну непригодной для того, чтобы в ней жил джентльмен".

Но напрасно искать покровительства и защиты любого царства мира сего. Все они нынче дрожат от страха и паники, осознавая свою несостоятельность преодолеть могущественные, затаенные силы, с которыми им придется иметь дело, когда придет ужасный кризис. Тогда действительно "падет величие человеческое, и высокое людское унизится". "В тот день [который сегодня очень близок – "при дверях"] человек бросит кротам и летучим мышам серебряных своих идолов и золотых своих идолов..

[149] чтобы войти в ущелия скал и в расселины гор от страха Господа и от славы величия Его, когда Он восстанет сокрушить землю" (Ис. 2: 17-21).

Тогда "У всех руки опустятся, и у всех колена задрожат, как вода. Тогда они препояшутся вретищем, и обоймет их трепет; и у всех на лицах будет стыд, и у всех на головах – плешь. Серебро свое они выбросят на улицы и золото у них будет в пренебрежении. Серебро их и золото их не сильно будет спасти их в день ярости Господа" (Иез. 7: 17-19).

Мало сгодится покровительство, которое может быть предложено каким-нибудь правительством, когда на каждого из них падут суды Господа и плоды их безумия. Гордясь своей властью, они "себе собирали гнев на день гнева": самолюбиво стремились к возвеличиванию немногих и были небрежны к воплям нищих и нуждающихся. Их вопли достигли ушей Господа Саваофа, и Он заступился за них, огласив: "Я накажу мир за зло, и нечестивых – за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых, и уничижу надменность притеснителей; сделаю то, что люди будут дороже чистого золота, и мужи дороже золота Офирского" (Ис. 13: 11, 12).

Вот так нам дано заверение, что Господнее руководящее провидение в заключительной катастрофе принесет освобождение угнетенным. Тогда больше не будут жертвовать жизнью масс, и существующие ныне неравенства в обществе не будут продлены.

Это действительно предсказанное время уныния народов и недоумения. Голос недовольных масс надлежащим образом представлен символом бурного моря, когда сердца мыслящих людей замирают от страха перед ужасным несчастьем, которое, как видит сегодня каждый, быстро надвигается, потому что

[150] силы небесные (нынешние правящие власти) сильно сотрясаются. Действительно, некоторые, наставленные этими знамениями, припоминают себе Писание "Се (Он) грядет с облаками" и уже начинают догадываться о присутствии Сына Человеческого, хотя и весьма ошибочно понимают данный предмет и Божье средство.

Проф. Геррон в своей лекции на тему "Христианское возрождение этого народа", прочитанной в Сан-Франциско, сказал: "ХРИСТОС ЗДЕСЬ! СУД ПРОИСХОДИТ СЕГОДНЯ! Наше общественное убеждение о грехе – тяжелая рука Бога на нашей совести – свидетельствует об этом! Люди и институции уже находятся на суде Его учениями!"

Однако посреди всего упомянутого потрясения земли (организованного общества) и небес (церковных властей) те, которые распознают в нем осуществление божественного плана веков, рады заверению, что это ужасное потрясение будет последним, которое когда-либо будет иметь место на земле или в котором она будет нуждаться, ведь, как убеждает нас апостол Павел, оно означает устранение тех вещей, которые поколебимы, – ниспровержение всего нынешнего порядка вещей, – чтобы те вещи, которые нельзя поколебать – Царство Бога, Царство света и мира, – могли остаться. Потому что Бог наш есть огонь поедающий. В Своем гневе Он испепелит всякую систему зла и угнетения и крепко утвердит на земле истину и праведность.

"ГОВОРЯ: «МИР, МИР», А МИРА НЕТ!"

Однако, несмотря на явный суд Богом всех народов и тот факт, что полнота доказательств со стороны множества свидетелей теснит со всей неопровержимой логикой весь нынешний порядок вещей, а приговор и наказание ожидаются с почти безграничным страхом, еще есть люди, которые неумело скрывают

[151] свою боязнь, вопя “Мир! Мир”, когда никакого мира нет.

Такой призыв, разделяемый всеми народами христианства, прозвучал во время большого морского зрелища по случаю открытия Балтийского Канала. Канал был задуман еще дедом нынешнего императора Германии, и работы были начаты его отцом – все это с пользой для торговли Германии, а также для ее морского флота. Нынешний император, вера которого полагается на меч, как безотказное средство для непреходящего мира, и на аккомпанемент пушек и оружейного пороха, решил сделать открытие построенного канала поводом для грандиозного международного провозглашения мира и величественного показа потенциальных возможностей, на которых он должен основываться. Соответственно, он обратился ко всем народам прислать представительские боевые корабли (миротворцы) к 20 июня 1895 года на большой военно-морской парад на Балтийском Канале.

В ответ на это приглашение прибыло свыше сотни плавающих стальных крепостей, включая двадцать гигантских “линкоров”, называемых так технически, полностью вооруженных и способных двигаться со скоростью по меньшей мере семнадцать миль в час. “Трудно себе вообразить, – говорит лондонский “Spectator”, – подобную концентрацию силы, способную за несколько часов снести до основания самый большой морской порт или послать на дно океана собранные вместе торговые флоты мира. Фактически, на всем морском побережье мира нет ничего, что могло бы претендовать на то, чтобы устоять против такой силы. Поэтому Европа, если считать ее одним целым, может уже сейчас справедливо провозгласить себя неуязвимой на море и непобедимой.. Флот, собранный в Киль, был, вероятно, наивысшим воплощением военной силы, способной воевать до тех пор, пока не иссякнут запасы ее взрывчатки”.

[152] Стоимость кораблей и их вооружения достигала сотен миллионов долларов. Один салют, выпущенный одновременно из 2 500 пушек, поглотил в одно мгновение порох на тысячи долларов, а прием почетных гостей стоил немецкому народу 2 000 000 долларов. В своих выступлениях немецкий император и иностранные представители говорили о "новой эпохе мира", провозглашенной открытием большого канала, и о сотрудничестве народов, представленных в показе. Но красивые речи и могущественный грохот канонады, под которые короли и императоры провозгласили: "Мир! Мир", – вместе с угрозами отомстить каждому, кто отвергнет его на предложенных ими условиях, не воспринимались людьми как исполнение пророческого послания: "На земле мир, в человеках благоволение". Это никак не повлияло успокоительно на социалистические элементы, не предложило никакой панацеи для лечения общественных неурядиц, облегчения забот или уменьшения бремени масс нищих и неудачливых, не предоставило никакого заверения в доброй воле на земле и не указало, как эту добрую волю – между народом и народом или между правительствами и людьми – добыть и затем сохранить. Следовательно, это был грандиозный фарс, большая, дерзкая национальная фальшь, и именно так ее восприняли люди.

Лондонский "Spectator" передал отношение мыслящих людей к этому зрелищу в достойном доверия комментарии:

"Ирония всей этой ситуации очень горькая. Это был грандиозный фестиваль мира и инженерной мысли, но наибольшей его гордостью было присутствие флотов, приготовленных за счет огромного жертвования сокровищ и энергии исключительно для войны и уничтожения. Броненосец не имеет никакого применения, разве что является могущественным орудием кровопролития. Существует только одна фраза, дающая полное определение величию этого "мирного" флота: он может в течение дня разрушить любой порт на земле или пустить весь собранный перед ним торговый флот мира на дно

[153] моря. Какая бездна человеческой ненависти скрывалась за всем этим живописным спектаклем человеческого дружелюбия! Одна эскадра была французской, и ее офицеры жаждали отомстить этому ликующему императору за разделение их страны. Другая была русской, и ее адмиралам следовало знать, что их большим врагом и соперником является именно это могущественное государство, которому они отдают честь столь показательным образом, и что только накануне они нарушили морское правило, восхваляя самого настойчивого и опасного врага императора. Третьей была австрийская эскадра, хозяин которой был выдворен из державы, строившей канал, и обманом лишен половины прав в провинции, которой этот канал проходит на всей своей длине. А еще были корабли из Дании, от которой Хольштейн был отобран его нынешними владельцами, а также из Голландии, где каждый опасается, что однажды Германия, совершив новое нападение, одним ударом завладеет ее колониями, торговлей и заморской дипломатией. Император говорил о мире, адмиралы надеялись на мир, газеты мира хором называли это миром, однако все в этом шоу говорило о войне – только что прошедшей или той, которая случится в недалеком будущем. Еще никогда в этом мире не было такой грандиозной церемонии, насквозь пронизанной скрытой неискренностью".

"Evening Post", Нью-Йорк, прокомментировал произошедшее таким образом:

"Уже в самом нагромождении военных судов виден дух, противоположный миролюбию. Каждый народ посылает свои самые большие корабли и самые тяжелые пушки не просто в знак вежливости, но также из своего рода общего стремления оскалить зубы. Британское морское ведомство прислало десять своих самых могущественных кораблей только для того, чтобы показать, каким резервом оно обладает, как бы говоря: "Остерегайтесь, народы, и не дразните властительницу морей". Похоже французская и русская эскадры приняли самый угрожающий вид, дабы случайно гостеприимный Вильям не осмелился на этом празднестве давать им чересчур дружеские советы. Наши американские корабли присоединились к флоту с чувством, откровенно переполнявшим многих офицеров и матросов на борту, что пора уже этим тщеславным европейцам усвоить, что за океаном поднимается могущественная морская сила, с которой лучше не шутить.

[154] Особая атмосфера комизма сопровождала присутствие французов и россиян. Уж очень они забавно выглядели в роли сторонников международного мира и особенно сторонников Германии. Возмущение от этого в некоторых частях Франции огромно…

Однако наиболее откровенную неискренность следует искать в самом открытии канала в Киль. Оно посвящено "мировой торговле". Отсюда его международное значение, отсюда вся радость и восхваление. Но что действительно думают о мировой торговле в Германии, Франции и других державах континента? Почему в ту самую минуту, как и двадцать лет тому назад, они напрягают каждый нерв, чтобы сдержать, подавить и, насколько возможно, сократить свободные торговые связи между народами?. Пока из торговли не исчезнет этот запретительный дух враждебности и недоверия или пока он не уступит по причине полнейшей нелепости, вы можете открывать сколько угодно океанских линий, при этом вам не удастся убедить здравомыслящих людей в том, что ваши разговоры об их значении для международного взаимопонимания и всеобщей любви к миру – не что иное как частица очевидной неискренности".

"The Chicago Chronicle" писала:

"Празднество в Киль – чистейшее варварство. Имея целью отпраздновать дело мира, оно принимает вид апофеоза войны. Здесь собрались смертельные враги, чтобы показать свое оружие, хотя свою враждебность они скрывают за притворной доброжелательностью. Приготовленными к войне пушками было сделано несколько выстрелов для вежливости. Даже сам император восхвалял этот показ оружия. "Вооруженная стальная мощь, собранная в Кильской гавани, – сказал он, – должна одновременно послужить символом мира и сотрудничества всех европейских народов с целью успешного продвижения и поддержки миссии европейской цивилизации". Опыт опровергает подобную теорию. Тот, кто имеет оружие, хочет из него стрелять. Народ, готовый к войне, хочет вести войну. Одной из серьезных угроз для европейского мира сегодня является факт, что каждый европейский народ готов к войне.

Прокладка канала в Киль явилась особой помощью для цивилизации; однако способ празднества является данью варварству. Теоретически, он проложен для того, чтобы оживить морскую торговлю; в то же время большинство кораблей, собранных, чтобы отпраздновать его

[155] завершение, известно, скорее, как истребители торговли".

Согласно "The St. Paul Globe", на выставке в Киль представлена не столько индустрия, сколько королевская власть и привилегии. Он пишет:

"Какова сегодня роль флота броненосцев в распространении цивилизации? Какие пиратские флоты нужно захватывать в открытом море? Какие малоразвитые и первобытные народы существуют, которым мы могли бы передать просвещающее влияние современной цивилизации, направляя на них прожектора эскадры военных кораблей? В эту минуту есть только одно зло, по причине которого упомянутые народы могли бы охотно объединить свои силы под видом содействия современной цивилизации. Однако ни одно из правительств, представленных в Киль, не осмелится предложить вооруженный союз с другими с целью прогнать из Европы отвратительных и жестоких турок.

Может ли противоборство сверкающих броненосцев или каких-то двух народов, представленных в Киль, хоть как-то помочь в развитии цивилизации? Не являются ли эти вооружения, наоборот, реликтами и свидетелями уцелевшего варварства? Наиболее дикарской чертой любого народа являются его вооруженные запасы. Целью большинства вооруженных запасов, которые Европа предлагает в таком избытке путем взыскания налогов с обремененных людей, является удержание этих людей в покорном подчинении вышестоящим властям".

"Карнавалом деспотизма" назвал "The Minneapolis Times" морское зрелище в Киль, комментируя его таким образом:

"Факт, что открытие этой удивительной водной артерии имеет, скорее, военную, чем коммерческую, выгоду, и то, что его праздновали грохотом артиллерии собранных здесь военных флотов мира, является обвинительным актом против цивилизации. Если так называемые "цивилизованные" народы мира нуждаются в таких широких приготовлениях к военным действиям и таких исполинских военно-морских силах, которые сегодня удерживаются за счет людей, тогда человеческая природа кавказской расы ничуть не улучшилась со времен Колумба и сделанного им большого открытия. Если такие силы нужны, тогда свобода невозможна, а деспотизм является необходимым условием для человеческого рода".

[156] Этот громогласный, объединенный клич народов через их представителей: "«Мир, мир», а мира нет!" – откровенно приводит на мысль слова Господа через пророка Иеремию, который говорит:

"Ибо от малого до большого, каждый из них предан корысти, и от пророка до священника – все действуют лживо; врачуют раны народа Моего легкомысленно, говоря: «Мир! Мир!», а мира нет. Стыдятся ли они, делая мерзости? Нет, нисколько не стыдятся и не краснеют. За то падут между падшими, и во время посещения Моего будут повержены, говорит Господь" (Иер. 6: 13-15).

Это большое международное провозглашение мира, с видимой печатью неискренности на своем лице, является убедительным подтверждением слов Джона Уитьера (John G. Whittier), который вот так словесно нарисовал нынешние мирные условия:

* * *

[157]

ГЛАВА VI - ВАВИЛОН ПЕРЕД ВЕЛИКИМ СУДОМ. ЕГО ЦЕРКОВНОЕ ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО

Истинная Церковь, известная Господу, не имеет участия в суде Вавилона – Религиозная ситуация в христианстве не отличается особо от политической – Большое замешательство – Ответственность за ведение защиты переходит к духовенству – Дух великой Реформации мертв – Священники и народ в одинаковом положении – Выдвинутые обвинения – Защита – Предложенный союз – Поиски цели – Выбранные средства – Общий дух компромисса – Суд, выдвигаемый против религиозных институций христианства

"[Он] сказал ему: Твоими устами буду судить тебя, лукавый раб!" (Лук. 19: 22).

ХОТЯ здесь мы рассматриваем нынешний суд большой номинальной христианской церкви, не стоит забывать, что существует также истинная Церковь Христа, избранная, драгоценная, посвященная Богу и Его Истине посреди лукавого и порочного рода. Она не известна миру как сплоченное тело, но каждый из нее отдельно известен Господу, Который судит не по тому, что видит глаз и слышит ухо, но различает и судит мысли и намерения сердца. И как бы широко все из нее не были разбросаны – то ли находясь в одиночестве как "пшеница" среди "плевел", то ли в обществе с другими, – Божьи глаза всегда обращены на них. Обитая под кровом Всевышнего, они, освященные, целиком отделенные для Бога, будут покоиться

[158] под сенью Всемогущего, пока большие религиозные системы, в неверности присваивающие себе Его имя, подвержены судам Господа (Пс. 90: 1, 14-16). Они не имеют ничего общего с судом Великого Вавилона, а прежде были просвещены и призваны из него (Отк. 18: 4). Этот класс описан и блаженным образом получил утешение в Псалмах 90 и 45. Посреди достаточно формального и притворного проявления набожности бдительный глаз Господа видит верных. Он ведет их на зеленые пастбища и к тихим водам, заставляя их сердца радоваться Его истине и любви: "Познал Господь Своих" (1 Тим. 2: 19). В Его глазах они составляют истинную Церковь, Сион, избранный Господом (Пс. 131: 13-16), о котором написано: "Слышит Сион и радуется, и веселятся дочери Иудины ради судов Твоих, Господи" (Пс. 96: 8). Господь благополучно будет вести их, как пастух ведет свои овцы. Помня, что существует такой класс – истинная Церковь, каждый член которой известен и дорог Господу (знаем ли мы о нем или нет), – его не следует учитывать здесь, где речь идет о так называемой церкви (в понятии мира), к которой пророки применяли многие известные названия, определяющие большую номинальную церковь как потерявшую милость и обращающие внимание на ее суд Богом в этом жатвенном времени Евангельского века.

В то самое время, как гражданские власти христианства озабочены и везде заметно отчаяние народов, религиозная ситуация, очевидно, также не дает никакой надежды на мир и безопасность, поскольку современное церковничество (как и народы) попало в собственноручно сплетенную сеть. Если народы, посеяв по ветру семена несправедливости, вскоре должны пожать богатый урожай в вихре скорби, то большая номинальная церковь (церковное христианство), вместе проводившая сев, также будет вместе жать.

[159] Большая номинальная церковь долгое время учила человеческим заповедям вместо доктрин. Пренебрегая в большой степени Божьим Словом – единым мерилом веры и набожной жизни, – она откровенно провозглашала многочисленные противоречивые и оскорбляющие Бога учения и была неверной по отношению к той части истины, которую содержала. Она не смогла развить и проявить дух Христа и обильно впитала в себя дух мира. Открыв засовы овчарни, она впустила туда козлов и даже поощряла войти волков и совершать свое злобное дело. Ей доставляло удовольствие позволять дьяволу сеять плевелы в пшенице, и сегодня она гордится плодами его сева – полем пышных плевел. Сравнительно немногие оставшиеся колосья "пшеницы" мало кого заботят, и почти отсутствуют усилия предотвратить их зарастание "плевелами". "Пшеница" потеряла свою ценность на рынках христианства, и покорное, верное Божье дитя, наподобие своего Господа, оказывается презираемым и отверженным людьми, уязвленным в доме своих мнимых друзей. Ее сила уступила место различным формам набожности, а показные церемонии в большинстве случаев вытесняют искреннее почитание.

Противоречивые учения уже давно разделили номинальную церковь на многочисленные противоборствующие секты, где каждая выдвигает притязания на то, чтобы считаться единственной церковью, учрежденной Господом и апостолами. Вместе они преуспели, предлагая миру столь искаженное представление о характере и плане нашего Небесного Отца, настолько, что многие умы с презрением отворачиваются от своего Создателя, пренебрегают Им и даже пытаются отрицать Его существование.

Церковь Рима, считая себя непогрешимой, утверждает, что божественная цель заключается в том, чтобы вечно истязать в огне с серой всех "еретиков", отвергающих ее учения. Для других она предусматривает ограниченные мучения, именуемые Чистилищем, освобождение от которого можно обеспечить себе самобичеванием, постом, молитвами, священными свечами, благовонием и хорошо оплачиваемыми "жертвами"

[160] литургии. Тем самым она отодвигает в сторону действенность примиряющей жертвы Христа и отдает вечную судьбу человека в руки плутоватых священников, которые берут на себя власть отворять или затворять небеса тем, кому им заблагорассудится. Ее животворную силу она подменяет формами набожности, и создает иконы и статуи для поклонения своим монахам, вместо прославления в сердце невидимого Бога и Его дорогого Сына, нашего Господа и Спасителя. Она возвышает посвященный людьми класс священнослужителей к господству в церкви вопреки учению нашего Господа: "А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы – братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах" (Мат. 23: 8, 9). Фактически, папство являет собой наиболее полный подлог истинного Христианства и высокомерно предъявляет претензии, что оно – единственная истинная церковь.*

Движение "Реформации" отвергло некоторые ложные учения папства и вывело многих из этой чудовищной системы. Реформаторы обратили внимание на Божье Слово и подтвердили право на личное мнение при его изучении, а также неизбежно признали право каждого, кто является Божьим дитятей, проповедовать истину без полномочий пап и епископов, ложно претендующих на преемственность полномочий настоящих двенадцати апостолов. Однако вскоре это доброе дело протеста против гнусной, антихристианской, поддельной церкви Рима было одолено духом мира. Протестанты, как их называли, создали новые организации, которые, вместе с обнаруженными ими истинами, увековечили многие старые заблуждения, прибавив к ним некоторые новые. Тем не менее, каждая из них по-прежнему содержала немного истины. Следствием этого стала смесь противоречивых вероучений, находящихся в конфликте с логикой, Божьим Словом и друг с

[161] другом. И как только угас исследовательский порыв периода Реформации, они быстро закостенели и остаются таковыми до нынешнего дня.

Чтобы создать и увековечить эти ложные догматические системы "Системной Теологии", как их принято называть, добровольно была отдана уйма времени и таланта. Их ученые мужи написали массивные тома, чтобы другие люди изучали их вместо Божьего Слова. Для этой цели основывались и щедро содержались теологические семинарии, из которых вышли молодые люди, обученные их заблуждениям, чтобы наставлять и укреплять ими других. Люди, приученные считать их назначенными Богом служителями, преемниками апостолов, приняли их авторитетное мнение без исследования Писаний – не так, как это делали благомысленные Вериане во дни ап. Павла (Деян. 17: 11), чтобы убедиться, действительно ли верно то, чему их учили.

Но вот пришла пора жатвы всего посеянного, наступил час расплаты. Видим, сколь велико замешательство и недоумение во всей номинальной церкви всякого вероисповедания, и в первую очередь духовенства, к которому переходит ответственность защищаться в этом дне суда в присутствии многих обвинителей и свидетелей, и, если возможно, изобрести некоторое средство, чтобы спасти от полного уничтожения то, что они считают истинной церковью. Однако, исходя из нынешнего замешательства и стремления всех сект вести, из практических соображений, диалог друг с другом, каждая из них почти перестала считать собственную секту единственной истинной церковью, и сегодня они говорят друг о друге как о различных "ветвях" одной церкви, несмотря на их противоречивые вероучения, которые, понятно, все не могут быть правдивыми.

К сожалению, в это критическое время очевиден малоутешительный факт, что благотворный дух "Великой Реформации" мертв. Протестантизм больше не является протестом ни против духа

[162] антихриста, ни против мира, плоти или дьявола. Его учения, находящиеся в конфликте с Божьим Словом, разумом, друг с другом и даже в с собой, стремятся спрятаться от проницательности общественности. Его массивные теологические труды – всего лишь поленья для огня этого дня суда христианства. Его ведущие теологические семинарии – рассадники неверия, распространяющие вокруг инфекцию. Его великие люди – его епископы, доктора богословия, профессора теологии и наиболее известные и влиятельные духовные лица в больших городах – становятся поводырями к тайному неверию. Они стремятся подорвать и разрушить авторитет и вдохновение священных Писаний, чтобы подменить открытый в них план спасения человеческой теорией эволюции. Они ищут более тесного единства с церковью Рима, подражают ей, добиваются ее расположения, восхваляют ее методы, замалчивают ее преступления, и, поступая так, становятся соучастниками одного с ней духа. Они также пребывают в тесном и постоянно растущем согласии с духом мира, имитируя во всех отношениях пустое величие и славу мира, от которых, по их словам, они отреклись. Взгляните только на экстравагантный вид церковной архитектуры, декораций и мебели, на обременительную (вследствие этого) задолженность и на постоянное попрошайничество и выуживание нужных для этого денег.

В этом отношении особо выделялось открытие в методистской церкви на Линделл Авеню, Сент Луис, Миссури, для обозрения произведения искусства Р. Бринггерста, изображающее "Рождение Иисуса". Скульптура выполнена в виде барельефа, расположенного над алтарем, большим органом и великолепным клиросом. Этот образ заполняет арку шириной сорок шесть футов и высотой пятьдесят футов, и каждая фигура в нем имеет натуральную величину. В самой верхней части арки расположена статуя Девы в полный рост с младенцем Иисусом на руках. От этих двух фигур в обе стороны летят серафимы с трубами, возвещая восхождение на престол.

[163] По обе стороны арки поднимаются, отдавая поклон, воинства ангелов с распростертыми крыльями. На каждом пьедестале имеется фигура ангела: тот, который слева, держит украшенный гирляндами свиток с надписью "На Земле Мир"; похожая фигура справа держит завершающие слова известия о рождении: "В Человеках Благоволение". Дополнительное впечатление создает то, что барельеф имеет скошенную форму – он наклонен под углом 45 градусов к собравшимся, тем самым делая это искусное произведение более выразительным и соразмерно углубляя тени.

Вот подтверждение не только экстравагантного духа делать напоказ, но и духа идолопоклонничества в церкви Рима! Обратите внимание также на размещение в некоторых церквях комнат для бильярда. Отдельные служители пошли настолько далеко, что рекомендуют употреблять легкие вина, а в некоторых местностях свободно позволяют себе постановку домашних спектаклей и пьес.

Как правило, большая часть членов церкви сделалась добровольными орудиями духовенства. Духовенство, в свою очередь, откровенно потакает вкусам и привязанностям светских и влиятельных членов. Люди отказались от права и долга иметь собственное мнение, перестали исследовать Писание, чтобы убедиться, в чем истина, и размышлять над Божьим законом, чтобы познать, в чем заключается праведность. Они безразличны, светски настроены и привержены наслаждениям больше, чем Богу: они ослеплены богом мира сего и готовы быть втянутыми в любые мероприятия, способствующие проявлению светских желаний и амбиций. Духовенство поощряет этот дух и потакает ему ради своей собственной временной корысти. Если этим религиозным организациям суждено потерять свое положение, то их должности и жалованье, престиж и почести возвеличивающего себя духовенства должны исчезнуть вместе с ними. Следовательно, они сегодня стремятся увековечить институции номинального христианства

[164] так, как это делали книжники, фарисеи и доктора закона, стремясь увековечить иудаизм, да еще по тем же причинам (Иоан. 11: 47, 48, 53; Деян. 4: 15-18). Исходя из своих предубеждений и светских амбиций, христиане так же слепы к свету занимающейся ныне новой эпохи, как слепы были иудеи во дни первого пришествия Господа к свету занимающейся в то время евангельской эпохи.

ОБВИНЕНИЯ, ВЫДВИНУТЫЕ ПРОТИВ ЦЕРКОВНИЧЕСТВА

Обвинения, выдвинутые против номинальной христианской церкви, – это настроения пробудившегося мира и пробудившихся христиан (как в Вавилоне, так и за его территориальными пределами). Внезапно, и прежде всего на протяжении последних пяти лет, мнимая христианская церковь стала объектом большой критики, и на нее обращен пристальный взгляд всего мира. Эта критика настолько в ходу, что ее невозможно не услышать; она витает в самом воздухе; она слышна в частных разговорах, на улице, на железной дороге, в мастерских и магазинах; она звучит из ежедневной прессы и является самой животрепещущей темой всех ведущих газет – светских и религиозных. Все руководители церкви понимают, что она не сулит ничего хорошего ее институциям, и чувствуют необходимость воспринять ее с готовностью и умом (согласно их собственным понятиям), если только они хотят уберечь свои институции от угрожающей им опасности.

Номинальная христианская церковь обвиняется (1) в непоследовательности. Даже мир замечает большую разницу между Библией, которую она считает критерием учения, и ее противоречивыми, а во многих отношениях и нелепыми, вероучениями. Богохульную доктрину о вечных мучениях отвергают с презрением, и она уже не помогает страхом приводить людей в церковь. Некоторое время тому назад пресвитерианская и другие

[165] кальвинистские секты находились под настоящим шквалом критики за свои долгопочитаемые учения и были ужасно потрясены. Всем известны продолжительные дискуссии на эту тему и отчаянные попытки духовенства защищаться. Совершенно очевидно, что такая вынужденная защита в высшей степени утомительна, и они были бы рады ее избежать. Но они не могут ее избежать и вынуждены защищаться как умеют. Уважаемый Т. ДеВит Телмедж высказал господствующие среди них настроения, говоря:

"Я бы не хотел, чтобы церкви навязывали эту злополучную дискуссию о вероисповедании. Но теперь, когда это произошло, я говорю: «Прочь с ней, и давайте создадим новое вероучение»".

В другой раз тот же джентльмен сказал:

"Я заявляю, раз и навсегда, что вся эта полемика в христианстве дьявольская и сатанинская. И наиболее дьявольской является попытка расколоть церковь. Если ее не остановить, она вызовет такое же презрение к Библии, как к альманаху 1828 года, который информировал о погоде шестимесячной давности и о том, при какой четверти Луны лучше всего высаживать турнепс.

Какую позицию должны занять мы по отношению к подобным полемикам? Держаться от них подальше. Если эти религиозные волнения где-то извне, сидите дома и занимайтесь своими делами. Как, по-вашему, может человек, ростом всего в пять или шесть футов, перейти вброд океан, глубиной в тысячу футов?. Молодые люди, становящиеся сегодня служителями, попадают в самый густой туман, когда-либо окутавший побережье. Вопросы, которые доктора пытаются решить, будут решены не раньше, чем на следующий день после судного дня".

Совершенно верно, следующий день после этого судного дня позволит решить все волнующие вопросы и утвердить на земле истину и праведность.

Утомительность задания вести защиту и ужас последствий также весьма сильно подчеркивались в резолюции ассамблеи пресвитерианского духовенства в Чикаго,

[166] недолго после того, как пришел вызов в суд. Резолюция гласит:

“Решили: С сожалением воспринимаем разногласия, приводящие ныне в смятение нашу возлюбленную церковь, считая их губительными для ее репутации, влиятельности и пользы, а также чреватыми бедой (если следовать этому дальше) не только для дела нашей собственной церкви, но и для нашего общего христианства. С одной стороны, мы искренне советуем нашим братьям избегать новых испытаний ортодоксии, избегать сурового использования силы и сдерживания добросовестного и набожного поиска истины; с другой стороны, мы настоятельно рекомендуем нашим братьям прекратить предлагать церкви непроверенные теории и темы для сомнительных дискуссий, особенно, если те имеют (или при определенных обстоятельствах могут иметь) тенденцию пошатнуть веру неискушенных в Священном Писании. Ради нашей церкви, ради всех ее высоко ценимых интересов и деятельности мы убедительно требуем перемирия и прекращения церковной тяжбы”.

“The Presbyterian Banner” также опубликовал грустную ссылку об этом, содержащую некоторые знаменательные откровения о нездоровом духовном состоянии пресвитерианской церкви. В ней говорится:

“Волнение или тревога в больнице или приюте могут оказаться роковыми для некоторых пациентов. Так вот, один пожилой джентльмен одной благотворительной институции развлекался тем, что бил в барабан перед восходом солнца. В конце концов начальство потребовало от этого “возлюбленного брата” убрать инструмент на почтительное расстояние. Это иллюстрирует, почему усердные пасторы становятся серьезными, когда в церкви возникает недоразумение. Церковь напоминает госпиталь, где собраны больные грехом, которые в духовном смысле находятся в лихорадке, прокажены, поражены параличом, ранены и полумертвы. Беспокойство, наподобие нынешнего ужасного смятения, исходящего от некоторых теологических семинарий, может уничтожить некоторые души, переносящие кризис. Не угодно ли проф. Бриггсу передвигаться потише и убрать свой барабан?”

Номинальная церковь обвиняется (2) в видимом недостатке

[167] той набожности и того благочестия, о которых она так много говорит, хотя, следует признать, среди тех, кто малозаметен, везде имеются по-настоящему благочестивые души. Притворство и лицемерие здесь исключительно назойливы, а богатство и высокомерие свидетельствуют со всей очевидностью о том, что бедных не очень то жалуют в этих земных храмах, воздвигнутых во имя Христа. Массы заметили это и с тех пор заглядывают в свои Библии, чтобы увидеть, таким ли был дух великого Основателя церкви. Здесь они обнаружили, что одним из свидетельств, данным Им в доказательство Своего Мессианства, было то, что "нищим – благовествуют" (Лут.). При этом Он сказал Своим последователям: "Ибо нищих всегда имеете с собою", поэтому не следует отдавать предпочтение человеку с золотым кольцом, в красивом наряде и т. п. Они также обнаружили Золотое Правило и, если речь идет о поведении в церкви, с тех пор применяют его ко всем и к каждому. Так вот, в свете Библии, они быстро приходят к выводу, что церковь потеряла милость. Этот вывод настолько очевиден, что ее защитники оказываются в полном замешательстве.

Номинальная церковь обвиняется (3) в неспособности сделать то, что, по ее словам, составляет ее миссию, а именно, обратить мир к христианству. Кажется необъяснимым, каким образом миру удалось постичь, что пришло время, когда дело церкви должно обнаружить некоторые признаки его завершения. Тем не менее, как в конце Иудейского века все люди находились в ожидании какой-то большой перемены (Лук. 3: 15), так и теперь, в конце Евангельского века, все люди находятся в похожем ожидании. Они осознают, что мы находимся в переходном периоде, и гороскоп 20-го столетия полон ужасов и предзнаменований больших революционных перемен. Нынешнее беспокойство было убедительно выражено уваж. Генри Грейди в его блестящей речи перед университетскими обществами в Шарлотсвилле, Вирджиния.

[168] Вот его слова: “Мы находимся на рассвете.. Неподвижные звезды исчезают с небосвода, и мы ощупью двигаемся в неясном свете. Ночь принесла с собой странные очертания. Потерялись исхоженные пути, новые дороги запутывают, а бескрайние поля расстилаются дальше, чем видит глаз. Неспокойный рассвет заставляет суетиться; сомнение вкрадывается среди замешательства; блуждающие толпы останавливают даже на исхоженных тропах; меж теней отзывается часовой: “Стой, кто идет?”, и в рассветной тьме делают свое дело зловещие силы. Нет ничего постоянного или проверенного. Чудеса настоящего обезображивают незамысловатые истины прошлого. Церковь осаждают извне и предают изнутри. За двором мерцает факел мятежника и маячит виселица анархистов. Правительство стало местом препирательств фанатиков и жертвой продажных людей. Торговля нервничает в объятиях монополии, а коммерция скована ограничениями. Города переполнены, а поля опустошены. Роскошь льется из замков, а нищета вползает в жилище. Исчезает всеобщее братство, и люди собираются в классы. Свист нигилиста беспокоит лесную чащу, и шумная толпа ропщет у дороги”.

Церковь не может отрицать того, что наступил конец века, день расплаты. Несмотря на то, видит ли она это время в свете пророчества или нет, судебные факты обращены против нее, поэтому итог будет осознан еще перед завершением этого жатвенного периода.

ЦЕРКОВЬ ДАЕТ ПОКАЗАНИЯ И КОСВЕННО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СВОЙ ОТЧЕТ

Церкви известно, что глаза всего мира обращены на нее, что как-то обнаружилось, что поскольку она считала своим полномочием обратить мир, наступило время, чтобы этот труд (если такова была ее миссия) был почти и даже полностью завершен, и что в действительности она мало чем отличается от мира, разве что на словах.

[169] Приняв, что такова ее нынешняя миссия, она потеряла из виду истинную цель этого Евангельского века, а именно: "проповедовать сие Евангелие Царства по всей вселенной, во свидетельство всем народам" и содействовать в призвании и приготовлении "Малого Стада", чтобы оно составляло с Господом то Тысячелетнее Царство, которое затем будет благословить все поколения земли (Матф. 24: 14; Деян. 15: 14-17). Ей приходится сталкиваться с фактом, что по прошествии восемнадцати столетий она находится еще дальше, чем это было в конце первого столетия, от тех результатов, которые требуются на основании ее притязаний. Следовательно, сегодня на повестке дня мы видим извинения, оправдания, подсчеты и пересмотры сделанного, исправления фактов и непомерные прогнозы больших достижений в ближайшем будущем, поскольку она, подталкиваемая духом пытливости и перекрестного допрашивания этих времен, стремится оправдаться перед своими многочисленными обвинителями.

Мы видим, что ей очень трудно опровергнуть обвинение в непоследовательности ее учения по сравнению с ее признанным критерием, Библией, потому что она не может отрицать противоречивости собственных вероучений. Следовательно, она прибегает к различным методам, которые мыслящие люди не преминут распознать как доказательства ее огромного замешательства. Со стороны каждой конфессии заметно большое стремление держаться старых вероучений, ведь те являются шнурами, которыми конфессии были связаны вместе в отдельные организации. Уничтожить их внезапно означало бы распустить эти организации. Однако духовные лица, как правило, довольствуются тем, чтобы как можно меньше говорить о них, ведь они откровенно стыдятся их в проникающем свете этого дня суда.

Некоторые стыдятся их до такой степени, что, забывая о своей светской осмотрительности, предпочитают отказаться от них вообще. Другие более консервативны и считают рассудительным отказываться от них постепенно, чтобы на их место шаг за шагом вводить новые учения, исправлять их, пересматривать и т. д. Всем знакомы

[170] долгие дискуссии по поводу пересмотра вероучения пресвитериан. Также известны попытки самозванных высших критиков подорвать авторитет и богодухновенность Священных Писаний, чтобы вместо этого предложить вдохновляющие идеи двадцатого века и теорию эволюции, до основания разрушающую божественный план спасения от грехопадения Адама, который подтверждает Библия, но который они отрицают. Кроме того, существует еще один большой класс духовных, предпочитающий эклектику, компромисс – теологию, которая сама по себе обязана быть очень сжатой и очень либеральной, пытаясь избежать всех возражений всех религиозных людей, христиан и язычников, и, если возможно, "привести всех людей в один лагерь", как некто высказался об этом. Со стороны большого класса звучит много хвастовства о том, какие большие дела должны быть совершены посредством орудий, не так давно введенных в действие, из которых ключевой идеей является христианский союз, сотрудничество. Когда этого удастся достичь – и мы убеждены, что так вскоре будет, – тогда, как предполагается, быстро последует обращение мира в христианство.

Обвинение в недостатке благочестия и набожной жизни также наталкивается на хвастовство – самовосхваление "многих чудес", нередко приводящее на мысль Господние слова упрека, записанные в Матф. 7: 22, 23. Но это хвастовство очень мало способствует интересам Вавилона, поскольку недостаток духа Божьего закона любви, к сожалению, слишком болезненно очевиден, чтобы его скрывать. Защита в целом только делает более очевидным жалкое состояние падшей церкви. Если бы это огромное церковничество действительно было истинной Церковью Бога, сколь откровенной была бы неудача божественного плана избрать народ для Его имени!

Хотя церковь приносит различные извинения, оправдания, обещания и похвальбы, ее лидеры весьма отчетливо понимают, что они больше не в состоянии удерживать ее в нынешнем

[171] раздробленном, расстроенном и растерянном состоянии. Они понимают, что вскоре непременно последует распад и ниспровержение, разве что какое-то могущественное усилие объединит ее секты и тем самым даст ей не только лучшее положение перед миром, но и большую власть навязывать свой авторитет. Вот почему мы слышим столько разговоров о Христианском Союзе, и каждый шаг в направлении его создания именуется доказательством возрастания духа любви и христианской общности. Однако это движение не рождено возрастающей любовью и христианской общностью, а боязнью. Понятно, что быстро приближается предсказанная буря возмущения и гнева, и различные секты всерьез сомневаются в своей способности устоять в одиночку перед волной потрясения.

Окончательно все секты одобрят союз. Однако как его достичь, учитывая их противоречивые вероучения – вот проблема, которая озадачивает. Для этого предлагают различные методы. Одним из них является стремление вначале объединить те секты, которые наиболее похожи учением, например, различные ответвления родственных сект – пресвитериан, баптистов, методистов, католиков и т. д., – готовясь к предполагаемому еще большему союзу. Другой метод – воспитание в людях стремления к такому союзу и склонности игнорировать учение, а также содействие великодушному общению всех нравственно расположенных людей, чтобы добиться их сотрудничества в том, что они именуют христианским делом. Эти чувства находят своих наиболее искренних сторонников среди молодежи и людей среднего возраста.

Игнорирование в последние годы многих спорных учений прошлого способствовало развитию в церкви класса молодых людей, которые представляют преимущественно "объединенческие" настроения в христианстве. Не имеющие представления о сектантских баталиях прошлого, они не обременены путаницей, преобладающей среди их старших товарищей относительно предопределения, избрания, свободной милости и т. п. Но они по-прежнему

[172] держатся учений своего детства (пришедших из Рима и Средневековья), губительного учения о вечных мучениях для всех, кто в нынешнем веке не слушается и не принимает Евангелия, а также теории, что миссия Евангелия – обратить мир в нынешнем веке и, тем самым, спасти людей от мучений. Они объединились под различными названиями – "Христианская Ассоциация Молодых Мужчин и Женщин" ("Young Men's and Woman's Christian Association"), "Общество Христианских Стремлений" ("Christian Endeavor Society"), "Эпвордская Лига" ("Epworth League"), "Царские дочери" ("King's Daughters") и "Армия Спасения" ("Salvation Army"). Многие из них действительно имеют "ревность по Богу, но не по рассуждению".

Верные своим ошибочным, небиблейским взглядам, они рассчитывают на то, что им сразу удастся достичь "общественного подъема мира". Похвально, что их усилия направлены не к злу, а к добру. Их большая ошибка в том, что они следуют собственным планам, которые (какими бы благожелательными и разумными они не были в человеческой оценке) неминуемо должны уступать божественной мудрости и божественному плану, ведь только те увенчаются успехом. Все другие обречены на неудачу. Для верных, находящихся среди них, было бы огромным благословением, если бы они сумели понять божественный план, а именно, нынешнее избрание ("выбор") освященного "Малого Стада" и последующий подъем мира этим Малым Стадом, когда оно будет собрано, превознесено и будет царствовать с Христом как сонаследники Его Тысячелетнего Царства. Если бы они могли это понять, то это вполне возможно или даже обязательно имело бы освящающее влияние на всех верных среди них, при том, что они находились бы в меньшинстве, так как большинство, присоединившееся к таким обществам, очевидно, делает это из разных соображений, других, чем полное посвящение и преданность Богу и Его службе "до самой смерти".

Эта христианская молодежь, не обученная урокам истории церкви и не имеющая представления о доктринах, с готовностью принимает идею "Союза". Она решает для себя: "Ошибкой прошлого были учения, повлекшие за собой разделения! Так давайте

[173] создадим союз и проигнорируем учения!" Они не способны осознать факт, что в прошлом все христиане стремились к союзу, как люди стремятся к нему сегодня, но они хотели единства на основе истины или не хотели никакого. Правилом их поведения было: "Подвизаться за веру, однажды преданную святым", "и не участвовать в бесплодных делах тьмы, но обличать" (Иуд. 3; Еф. 5: 11). Многие сегодня не способны понять, что для настоящего союза настоящих христиан, угодного Богу, некоторые учения имеют решающее значение; что ошибка прошлого заключалась в слишком большой предвзятости христиан, когда они считались только с собственными человеческими учениями, вместо того чтобы испытывать и исправлять все учения посредством Божьего Слова.

Поэтому предлагаемый и искомый союз (конфедерация), который пренебрегает учением Библии, но крепко держится человеческих учений о вечных мучениях, естественном бессмертии и т. п., и в котором преобладает исключительно человеческое суждение относительно целей и методов, – наиболее опасная вещь, какая может быть. Он обязательно попадет в крайнее заблуждение, потому что отвергает "учения Христа" и "мудрость свыше", и вместо этого полагается на мудрость своих мудрецов, которая является глупостью, противопоставляясь божественному совету и методам. "Разума у разумных его не станет" (Ис. 29: 14).

Затем, существует много идей, представленных прогрессивными (?) духовными и другими людьми по поводу того, какими должны быть характер и миссия церкви в ближайшем будущем. Они предлагают привести ее намного теснее, чем сегодня, к идеям мира. Из этого следует, что ее дело – привлечь к себе невозрожденный мир и обеспечить щедрое финансовое покровительство, для чего обязательны зрелищность и развлечения. Кто из истинных христиан не был шокирован существующими тенденциями в этом направлении, наблюдая их дома или читая о них где-то?

[174] Какое еще более убедительное доказательство мы можем иметь об упадке истинной набожности, нежели то, которое вышло из-под пера методистского духовного лица и было опубликовано в методистском журнале "The Northwestern Christian Advocate", получившее от редактора название "дружеская сатира на существующие отношения в методизме", тем самым допуская подобное положение дел? Подтверждение или сатира, не о том речь. Факты остаются фактами, кем бы они не излагались, хотя они вдвойне убедительны, когда в своей сути являются признанием заинтересованного служителя в его собственном церковном журнале. Мы предлагаем статью полностью, делая наши пометки курсивом:

"НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ АМЕРИКАНСКОГО МЕТОДИЗМА"

"Возрождение религии в восемнадцатом веке под руководством Веслея и Вайтфилда очистило моральную атмосферу рода англосаксов и ввело в действие новые силы для подъема неевангелизированных. Светские историки, как английские так и американские, объединились, чтобы придать движению, созданному этими известными людьми, то многое из механизма современной церкви и сформулированного учения, что содействует распространению и насаждению нашей цивилизации. Учение о "свободной воле", проповедуемое ими, а также их последователями, вместе с успехом современных экспериментов относительно светского правления, было одной из самых популярных догм, занимающих умы людей. Больше всего это учение захватило наших американских предков. После того, как было сброшено ярмо королей и с презрением была воспринята национализированная и контролируемая священниками церковь, что могло быть более привлекательным и более созвучным их политическим стремлениям, чем учение, что каждый человек свободен созидать или разрушать свою судьбу сегодня и в дальнейшем?

Учение о "новом рождении", на котором настаивали методисты и проповедование которого Вайтфилдом в Новой Англии было похоже на повествование новой и неслыханной истории, принесло последствия, на которые мирские люди и даже неверующие смотрели с одобрением. Ведь это учение требовало не только "перемены сердца", но и перемены в ежедневной жизни, которая позволила бы легко

[175] отличить методиста от мирского человека по его поведению. Великой целью, для которой существовала эта церковь, было "распространение святости Священного Писания в этих землях". Такова была надпись на ее знамени, и с этим ратным лозунгом она вела завоевания.

Иную причину феноменального успеха методизма в этой стране следует искать в факте, что к его простому, общедоступному служению охотно приобщали простых людей. Только те, кто не искушен в церемониях, могут оценить этот внешне малозначительный, однако на деле очень важный факт. Знать, что ты можешь войти в церковь, где можешь принять участие в служении без риска показать свое незнание порядка и церемоний, является самым существенным обстоятельством, особенно, если вы не желаете привлечь к себе внимание. Таким образом, непринужденное, незамысловатое служение в ранней американской методистской церкви вполне устраивало людей, которые только недавно покинули напыщенность религий Старого Света. Батистовые рукава, священные головные уборы, диадемы, короны и одежды были неприятны для их грубых и бесхитростных манер. Религия, учившая, что они могли взывать к Всемогущему без какого бы то ни было посредничества, подчеркивала достоинство и величие их зрелости и обращалась к их любви к независимости.

Заметный триумф этой церкви частично можно отнести также на счет факта, что она не отказалась от Господнего бича из веревок. В те первые дни время от времени происходило очищение церкви от притворщиков и недостойных, что имело наиболее полновесное влияние не только на саму церковь, но и на общество вокруг. После бурь, которыми часто сопровождались "обращения" лишенных веры, очищалась моральная атмосфера всего окружения, и даже насмешники понимали, что членство в церкви кое-что да означает.

Фактором, также содействующим успеху, о котором я пишу, был самый безупречный порядок служения, которого удалось достичь в то время. Без сомнения, в те дни были свои герои и гиганты морали. Влияние сильного, мужественного человека, одержимого идеей, что у него нет здесь "постоянного града", не стремящегося обеспечить свою старость, не требующего никакого контракта с целью получить поддержку или жалованье, отказывающегося от тех самых вещей,

[176] которыми люди больше всего жаждут обладать, и пылающего той ревностью, которая должна вскоре поглотить его, обязательно присутствовало и приносило пользу везде, где оно чувствовалось.

Не последнюю роль в достижении ею господствующего положения в этой стране сыграли песни старых методистов. В таком пении, где серьезные, волнующие слова, полные смысла, соединялись с мелодиями, которые продолжают жить и вдохновлять, была не только музыкальная привлекательность, но и теологическое воспитание, каким люди, какими бы грубыми они не были, знакомились с основополагающими принципами церкви. Пение истины, направленное в душу ребенка или взрослого, поселяет ее там с большей силой, чем это можно встретить в методах воспитания детсадов или других дошкольных заведений. Вот так, без полемики, доктрины настолько водворялись в умах детей или обращенных, что никакие последующие расхождения не могли их пошатнуть. Теперь осталось показать, что

ЭТИ ЭЛЕМЕНТЫ УСПЕХА УСТАРЕЛИ, И В МЕТОДИСТСКОЙ ЕПИСКОПАЛЬНОЙ ЦЕРКВИ ПРИНЯТ НОВЫЙ КРИТЕРИЙ УСПЕХА".

Пусть никто не приписывает мне роли самохвала, но скорее летописца известных фактов, декламатора современной истории. Что касается основы учения, позиция церкви не претерпела никаких изменений, однако атмосфера и дух, завладевшие почти всеми ее делами, сразу указывают на присутствие современного прогресса и просвещенческих нововведений. Характер и вид этой могущественной церкви настолько изменились, что все заинтересованные религиозным благополучием Америки должны изучать эту перемену с неподдельным интересом.

Учение о новом рождении – что "должно вам родиться свыше" – остается нетронутым, однако современный прогресс отдалил церковь от прежней требовательности, препятствовавшей многим хорошим людям войти в ее овчарню, потому что они не могли согласиться с этим учением и никогда не имели того, что когда-то именовалось "экспериментальной религией". Сегодня универсалисты и унитарии часто оказываются в полном согласии, стойко исполняя свой долг.

Пасторское служение нынешних дней, изысканное и культурное – как это происходит в ведущих церквях, – слишком хорошо поставлено, чтобы настаивать на "святости" (как

[177] понимали эту благодать отцы), и проповедует более открытую святость, которая не помышляет плохого даже о человеке, не полностью освященном. Поддерживать это учение, каким оно было на прежнем узком пути, означало бы создать учение, не полностью устраивающее круги "Chautauqua" и нынешнюю "Epworth League".

Давние, скромные богослужения все еще сохранились среди сельского населения, однако в тех образованных кругах, где преобладают строгие вкусы в музыке, искусстве и литературе – в городских церквях, – во многих случаях продуманный, изысканный ритуал занимает место стихийной, страстной молитвы и возгласов, которые когда-то были характерны для отцов. Оспаривать желательность таких изменений означает ставить под сомнение превосходство культуры над неотесанностью и невоспитанностью.

Когда церковь находилась на пробном этапе, для ее руководителей возможно было благоразумным проявлять строгость. В то время мало что было терять. Но сегодня умные, осмотрительные и расчетливые люди отказываются рисковать благополучием богатой и влиятельной церкви путем слепого подчинения себя закону, который навредит состоятельным и интеллигентным. Если люди не достаточно уступчивы, то таким несомненно является Евангелие. Церковь создана, чтобы спасать людей, а не для того, чтобы их отпугивать и разочаровывать. Вот так наши более широкие и современные взгляды вытеснили и превзошли ограниченные и самодовольные представления о том, будто мы лучше других людей, которых следует исключить из нашего общества.

Вечери любви с их догматическими предубеждениями и небольшие собрания, которые для многих показались столь же ненужными, как исповеди, в большинстве случаев оставлены в пользу "Епвордской лиги" ("Epworth League") и "Общества христианских стремлений" ("Christian Endeavor Society").

Нынешнее культурное богослужение больше, чем когда-либо в истории церкви, соответствует наставлению Учителя быть "мудрыми, как змеи, и простыми, как голуби". Кому из них придет в голову причуда былых проповедников говорить своим самым богатым официальным членам, купающимся в роскоши, продать все ради Бога и человечества, поднять свой крест и следовать за Христом? Он, наверное, пойдет прочь огорченным – я имею в виду служитель.

Хотя эволюция считается законом, а прогресс – девизом, однако всегда будут сожалеть о горячности и радикализме, а современного методистского служителя редко обвинишь в том или другом. Резкий, грубоватый проповедник, привыкший обвинять Бога любви в том, что Он полон гнева, отошел в прошлое, уступив место

[178] своему преемнику, осторожному в манерах, элегантному в речи, поэтичному и безобидному в мыслях, эмоциях и чувствах.

На следующей Генеральной конференции в 1896 году будет отменен "предельный срок", согласно которому служитель может оставаться при своих обязанностях пять лет. Вначале он мог служить только шесть месяцев, затем это время было продлено до одного года, позже – до двух лет, затем до трех, а в последнее время – до пяти. Однако правящие, образованные круги церкви понимают: чтобы ее общественный успех и положение выиграли при сравнении с другими церквями, ее пасторство должно быть постоянным – чтобы ее сильные проповедники могли стать центрами общественных и литературных кругов. Следует помнить, что обязанности проповедника сегодня вовсе не такие, какие были в прошлом – вести затянувшееся собрание и быть евангелистом. Никто не понимает этого более отчетливо, нежели сами проповедники. Раньше церкви хотели иметь в качестве проповедников великих возрожденцев, и на ежегодных конференциях от проповедников спрашивали отчет о количестве обращенных в течение года. Сегодня, однако же, людьми и священниками руководит менее восторженная и эксцентричная идея. Большие церкви желают таких служителей, которые удовлетворяли бы эстетические вкусы, парировали нападки современного скептицизма и привлекали интеллектуальных и изысканных, хотя на ежегодной конференции главный упор в отчете проповедника делается на его миссионерских денежных сборах. Современный методистский проповедник отменно собирает деньги, проникая в само сердце своих людей так, как он не сделал бы этого ни при каком старомодном увещевании или воззвании.

Сколь велик урок, хорошо усвоенный этими вождями христианского мышления: Евангелие никогда не должно оскорблять интеллектуальных и утонченных чувств. Для церкви, способной столь гибко приспосабливаться ко времени, широко распахнуты, с ликующими приветствиями, врата будущего. Какой девиз подобает ей больше, чем известие ангелов, поющих: «На земле мир, в человеках благоволение»? Уваж. Ч.А. Крейн".

Следующая выдержка из слов епископа Р.С. Фостера (R. S. Foster, методистская епископальная церковь) взята из "Gospel Trumpet". Она предлагает то же свидетельство, хотя и другим языком, возможно, слишком откровенным для некоторых, так как после этого епископ был отправлен в отставку против его воли и не взирая на его слезы.

[179]

ЕПИСКОП ФОСТЕР СКАЗАЛ:

"Церковь Бога сегодня льстит миру. Ее члены пытаются опустить ее до уровня безбожия. Балы, театры, картины с обнаженными телами и прочими неприличными сценами, светская роскошь со всей ее расплывчатой моралью вторгаются в самые укромные уголки церкви. Взамен за всю эту светскость христиане сполна воздают должное Великому посту, Пасхе и Великой пятнице, а также церковным убранствам. Все это старые козни сатаны. Иудейская церковь натолкнулась на этот камень, римская церковь разбилась о него, и протестантская церковь быстро приближается к тому же роковому исходу.

По нашему мнению, большие угрозы для нас – это уподобление себя миру, пренебрежение нищими, подмена истинной набожности ее видимостью, запущенность дисциплины, служение внаем и загрязненное евангелие, что в итоге дает светскую церковь. То, что методистов должен постигнуть такой конец, и что таковыми должны быть его признаки спустя сто лет после начала их "величественного плавания", кажется почти чудом истории. Но кто сегодня, оглядываясь вокруг, не сможет не заметить этот факт?

Разве методисты, в нарушение Божьего Слова и собственной дисциплины, не одеваются экстравагантно и модно, как любой другой класс? Разве дамы, а часто жены и дочери служителей, не украшают себя "золотом, жемчугом и драгоценною одеждою"? Не считается ли сегодня скромная одежда, на которой настаивали Джон Веслей, епископ Осбюри, и которую носили Гестер Энн Роджерс, леди Хангтингтон и многие другие одинаково выдающиеся личности, фанатизмом в методистских кругах? Может ли кто-то, приходя в методистскую церковь в каком-нибудь из наших больших городов, отличить наряды своих причастников от нарядов посетителей театров и балов? Разве не видна светскость в ее музыке? Изысканно одетые и украшенные хоры, которые во многих случаях не исповедуют никакой религиозности, а лишь насмешливый скептицизм, исполняют холодные художественные и оперные произведения, имеющие столько же общего с духовным почитанием, сколько с оперой или театром. При таком светском исполнении духовность замерзает насмерть.

Раньше каждый методист посещал "собрание" и давал свидетельство экспериментальной религии. Сегодня собрания

[180] на местах посещают очень немногие, а во многих церквях от них отказались вообще. Распорядители, попечители и руководители церкви совсем редко посещают собрания. Раньше почти каждый методист молился, давал свидетельство и наставления на молитвенном собрании. Сегодня услышать можно только некоторых. Раньше слышны были возгласы и восхваления; сегодня такое проявление святого воодушевления и радости считается фанатизмом.

Светские вечеринки, ярмарки, фестивали, концерты и тому подобное заняли место религиозных встреч, бдений, молитвенных и обычных собраний прежних дней.

Взаправду дисциплина методистов стала мертвой буквой. Ее правила запрещают носить золото, жемчуг или дорогую одежду, однако никто даже не подумает наказывать ее членов за такое нарушение. Они запрещают читать те книги и заниматься теми увлечениями, которые не способствуют набожности, однако сама церковь посещает шоу, игры, фестивали и ярмарки, которые уничтожают духовную жизнь молодежи и пожилых. Ужас, до какой степени все это сегодня актуально.

Давнишние методистские служители охотно отправлялись жертвовать собой и страдать за Христа. Они искали не уютных и прибыльных мест, а лишений и страданий. Они гордились не своими высокими окладами, красивыми особняками и изысканными общинами, а душами, обретенными для Иисуса. О, как все изменилось! Служение внаем является немощным, робким, раболепным, повременным, без веры, стойкости и святой силы. Прежде методизм имел дело с великой, основополагающей истиной. Сегодня с кафедр звучат общие утверждения и популярные наставления. О хвалебном учении полного освящения слышно лишь изредка, и еще реже о нем свидетельствуют с кафедры".

Хотя прилагаются особые усилия, чтобы заручиться, в интересах религиозного союза, симпатией и сотрудничеством молодых людей в церквях, помирив их в социальном отношении и избегая религиозной полемики и наставления в доктрине, однако еще больше усилий прилагается, чтобы привить взрослым членам симпатию к движению за такой союз. Над этим думают и работают руководители всех вероисповеданий, и многие промежуточные усилия были

[181] воплощены в большом Парламенте Религий, проведенном в Чикаго летом 1893 года. В умах руководителей цель Парламента была очень конкретной и нашла очень конкретное выражение. При этом массы церковных членов последовали за руководителями, очевидно, без каких бы то ни было раздумий над основополагающим принципом: огромным компромиссом Христианства со всем нехристианским. И сегодня, когда существует проект расширения движения до всемирной федерации всех религиозных групп, которую предполагают создать в 1913 году, а также по причине факта, что Христианский Союз активно проталкивают по линии компромисса, пусть те, кто желает остаться верным Богу, хорошо уяснят себе принципы, высказанные этими религиозными руководителями.

Уваж. Дж.Г. Берроуз, доктор богословия, ведущая личность (Чикагского) Всемирного Парламента Религий, будучи занят в поддержку его расширения, следующим образом высказался в интервью одному журналу, Сан-Франциско, относительно своей особой роли в формировании религиозного единства:

“Союз религий, – сказал он вкратце, – будет достигнут одним из двух способов. Первый: должны объединиться те церкви, которые имеют общий фундамент веры и учения – например, разные ветви методизма и пресвитерианства. Затем, когда секты объединятся между собой, протестантизм в целом сблизится еще больше. В меру просвещения, католики и протестанты обнаружат, что различия между ними на самом деле не столь существенны, и поведут речь о воссоединении. Когда это произойдет, тогда союз с другими несходными религиями [исламом, буддизмом, брахманизмом, конфуцианством и т. п. – языческими религиями] станет исключительно вопросом времени.

Второй: религии и церкви могут объединиться в общественный союз на этической основе, как это отстаивал м-р Стед [спиритуалист, погибший на “Титанике”]. Религиозные организации имеют общие интересы и общие обязанности в тех общинах, в которых они существуют, и, возможно, они объединятся на федеративных началах ради поддержки и осуществления этих

[182] целей. Я лично расположен рассчитывать на союз, который придет в результате первого процесса. Как бы там ни было, конгресс религий начинает обретать контуры. Уваж. Тео Е. Сюард сообщает о сильно возросшем успехе в Нью-Йорке его "Братства Христианского Единства" ("Brotherhood of Christian Unity"), притом, что совсем недавно в Чикаго организована, под руководством Ч.Ч. Бане, большая и энергичная "Ассоциация Содействия Религиозному Единству" ("Association for the Promotion of Religious Unity")".

БОЛЬШОЙ ПАРЛАМЕНТ РЕЛИГИЙ

"Chicago Herald", положительно комментируя ход Парламента (пометки курсивом сделаны нами), сказал:

"Еще никогда со времен замешательства при башне Вавил столько религий, столько вероисповеданий не сидело бок о бок, рука об руку и почти сердце к сердцу, как в прошлый вечер в этом большом амфитеатре. Еще никогда с начала летописи истории пестрое человечество не было так связано золотой цепью Любви. Народы земли, вероучения христианства, буддисты и баптисты, мусульмане и методисты, католики и конфуциане, брамины и унитарии, синтоисты и сторонники епископальной церкви, пресвитериане и пантеисты, монотеисты и политеисты, представители всех оттенков человеческого мышления и условий, наконец-то встретились вместе, объединившись общими узами взаимопонимания, гуманности и уважения".

Как важен факт, что даже ум этого восторженного сторонника большого Парламента был вынужден обратиться в прошлое к памятному замешательству языков при Вавил! Разве не произошло так, что он инстинктивно узнал в Парламенте знаменательный противообраз?

Уваж. Берроуз, цитированный ранее, с воодушевлением говорил о дружеских отношениях, проявившихся между протестантскими служителями, католическими священниками, иудейскими раввинами и, фактически, лидерами всех существующих религий в их переписке по поводу большого Чикагского Парламента. Он сказал:

"Былое представление, что религия, к которой я принадлежу, является единственно верной, устарело. Кое-чему

[183] можно научиться от всех религий, и ни один человек не достоин религии, которую он представляет, если он не желает пожать руку другому человеку как брату. Кто-то сказал, что сегодня созрела пора выдвинуть самую лучшую религию. Ушло в прошлое то время, когда некоторые принимали важный вид, считая свою религию исключительной. Здесь встретятся мудрец, ученый и правитель Востока в дружеском общении с архиепископом, раввином, миссионером, проповедником и священником. Они будут сидеть вместе в конгрессе впервые. Надеемся, это поможет сломать преграды вероучений".

Уваж. Т. Челмерс из "Церкви учеников" сказал:

"Этот первый Парламент Религий, по-видимому, станет предвестником еще большего братства, которое объединит в одну мировую религию самое лучшее – не что-то одно, отдельно взятое, а все большие исторические вероучения. Может случиться так, что, руководствуясь этой еще большей надеждой, нам потребуется пересмотреть нашу фразеологию и говорить больше о Религиозном, чем о Христианском, единстве. Я рад, что все великие культы должны соприкоснуться друг с другом, и что Иисус займет Свое место в обществе Гаутамы, Конфуция и Зороастра".

"New York Sun" в заглавной статье на эту тему сказала:

"Мы не можем конкретно уяснить, что этот Парламент предлагает сделать.. Возможно, однако, что замысел Чикаго – положить начало своего рода новой, составной религии, которая будет включать и удовлетворять каждую разновидность религиозной и нерелигиозной мысли. Это большой труд – положить начало новой, эклектической религии, удовлетворяющей всех кругом. Однако в Чикаго на это уповают".

Действительно, было бы странным, если бы дух Христа и дух мира неожиданно оказались в согласии, и те, кто наполнен противоположным духом, были бы вынуждены смотреть друг другу в глаза. Но дело обстоит не так. По-прежнему верно то, что дух мира является враждой против Бога (Иак. 4: 4), что его теории и философии пусты и бессмысленны, и что лишь божественное откровение, содержащееся во вдохновенных Писаниях апостолов и пророков, является единственной божественно вдохновенной истиной.

[184] Одной из сформулированных целей Парламента, по словам его президента м-ра Бане, было задание привести мировые религии вместе на ассамблею, чтобы на ней "по возможности изложить общие цели и общие принципы союза, а также возродить удивительный религиозный прогресс девятнадцатого века".

Истинной и единственной целью этого смотра было, скорее всего, намерение дать ответ пытливому духу этих времен (этого судного часа), сделать, по возможности, наилучшую демонстрацию церковного прогресса и воодушевить надежду, что после всех кажущихся неудач христианства церковь находится буквально накануне могущественной победы; что скоро, очень скоро, миссия, на которую она претендует, будет осуществлена в виде обращения мира. А теперь посмотрите, как она предлагает это делать, и заметьте, что это будет достигнуто не духом истины и праведности, а духом компромисса, лицемерия и обмана. Сформулированной целью Парламента было братство и религиозный союз; поэтому страстное желание добиться его на любых условиях было весьма очевидным. Они даже были готовы, как выше упоминалось, пересмотреть свою фразеологию, чтобы умиротворить религиозных язычников и назвать это религиозным единством, оставив надоедливое название "христианин" и полностью удовлетворившись тем, чтобы унизить верховенство Иисуса и скромно поставить Его обок языческих мудрецов Гаутамы, Конфуция и Зороастра. Наиболее знаменательными чертами большого Парламента явились: со стороны протестантских христиан – дух сомнения и обеспокоенности, компромисса и общего неверия; и со стороны римо-католической и всех других религий – дух хвастовства и стремления указывать и руководить. Его первая сессия открылась молитвой римского католика – кардинала Гиббонса, а его последняя сессия завершилась благословением другого римского католика – епископа Кина. Во время последней сессии синтоистский священник из Японии призывал

[185] восемь миллионов божеств принести благословение этому пестрому сборищу.

Уваж. Берроуз два последних года вел переписку с представителями язычников разных земель, обращаясь по всему миру ко всем его языческим священникам и апостолам с мольбой македонца: “Придите.. и помогите нам!” То, что этот призыв должен был исходить представительным образом от пресвитерианской церкви, которая на протяжении нескольких последних лет подвергалась огненному испытанию суда, также оказалось важным фактом, свидетельствующим о замешательстве и беспокойстве, преобладающем в этом вероисповедании и во всем христианстве. И все христианство было готово к этому большому созыву.

Семнадцать дней известные христиане всех вероисповеданий сидели рядом, совещаясь с представителями всевозможных языческих религий, о которых христианские ораторы неоднократно отзывались лестно как о “волхвах с востока”, заимствуя это выражение из Священного Писания, где оно применено к совершенно иному классу – некоторым благочестивым верующим в Бога Израиля и в пророков Израиля, которые предвидели пришествие Помазанника Иеговы, терпеливо ожидали и высматривали это пришествие, совершенно не внимая духам-обольстителям мирской мудрости, не ведающей о Боге. Для истинно мудрых, да еще смиренных, Бог открыл Свое блаженное послание мира и надежды.

Для последнего дня Парламента избрана тема “Религиозный союз всего человеческого рода”, где будут обсуждаться “составные совершенной религии, признанной и изложенной различными вероисповеданиями”, чтобы определить “характеристики окончательной религии” и “центр будущего религиозного единства человечества”.

Возможно ли такое, чтобы христианские (?) служители были неспособны (по их собственному признанию) определить в этот последний день,

[186] каким должен быть стержень христианского единства или характеристики совершенной религии? Действительно ли они так стремятся к "мировой религии", что готовы, если потребуется, пожертвовать для этого теми или иными или всеми принципами истинного христианства и даже самим названием "христианский"? "Да", – признаются они. "Твоими устами буду судить тебя, лукавый раб!", – говорит Господь.

Предыдущие дни конференции были посвящены изложению взглядов различных религий посредством их уважаемых представителей.

Замысел был дерзким и рискованным, но он должен был открыть глаза всех истинных детей Бога на несколько весьма очевидных фактов, а именно: (1) что номинальная христианская церковь достигла последней черты надежды в своем умении устоять на испытательном суде этого дня Господа, когда "у Господа суд с народом Своим", номинальным духовным Израилем (Мих. 6: 1, 2); (2) что вместо раскаяния в своем вероотступничестве, в своем недостатке веры, усердия и набожности, стремясь, тем самым, вернуть божественную милость, она пытается с помощью определенного союза и сотрудничества поддержать друг друга и призвать на помощь языческий мир, чтобы тот помог ей устоять перед судом Господа, разоблачающим заблуждения ее человеческих вероучений и искажения Его почтенного характера; (3) что она готова поступиться Христом и Его Евангелием ради обретения дружбы с миром и его вознаграждения в виде власти и влияния; (4) что ее ослепление таково, что она не способна отличить истину от заблуждения, дух истины от духа мира, и (5) что она уже потеряла из виду учения Христа.

Вполне вероятно, что временная помощь придет с той стороны, где она так восторженно ее ищет. Однако это будет лишь подготовительный шаг, который вовлечет весь мир в грядущее осуждение Вавилона, вынуждая царей,

[187] торговцев и купцов всей земли плакать и рыдать над этим большим городом (Отк. 18: 9, 11, 17-19).

Просматривая события, предшествующие большому Парламенту, наше внимание особо привлекает несколько знаменательных особенностей: (1) Подверженный сомнению и компромиссу дух, а также поведение номинального христианства, за исключением римо- и греческо-католической церквей. (2) Самоуверенное и чрезмерно настойчивое поведение католицизма и всех других религий. (3) Резко очерченные различия, подмеченные языческими мудрецами, между христианством, которому учит Библия, и христианством, которому учат христианские миссионеры его различных сект, занесшие в чужеземные страны вместе с Библией свои бессмысленные и противоречивые вероучения. (4) Оценка язычниками миссионерских усилий и то, как они видятся в этих землях в будущем. (5) Влияние Библии в чужих землях, помимо ее ложной интерпретации теми, кто занес ее туда. (6) Нынешнее влияние и возможные результаты большого Парламента. (7) Его общие аспекты с пророческой точки зрения.

ПОСТУПАЯСЬ ИСТИНОЙ

Большой религиозный Парламент был созван христианами – протестантскими христианами. Он проводился на христианских землях, исповедующих протестантизм, и находился под руководством и надсмотром протестантских христиан, так что протестанты могут считаться ответственными за весь его ход. Так вот, следует заметить, что нынешний дух протестантизма – это дух угодничества и неверия. Этот Парламент был готов поступиться Христом и Его Евангелием ради дружбы с антихристом и язычеством. Он предоставил представителям папства честь одинаково открыть и закрыть его дебаты. Достойно внимания и то, что хотя вероучения различных языческих народов были детально изложены

[188] их представителями, не было ни одного упорядоченного изложения христианства ни в одном из его аспектов, хотя христиане имели проповеди на разные темы. Как странно, что такая возможность проповедовать Евангелие Христа представительным, интеллигентным и влиятельным язычникам была упущена и проигнорирована таким собранием! А может так называемые представители Христова Евангелия постыдились Евангелия Христа? (Рим. 1: 16). До сих пор в выступлениях наибольшее участие имели римо-католики, будучи представлены в сессиях Парламента не менее шестнадцати раз.

И это еще не все. Находились и такие, которые, исповедуя христианство, откровенно занимались опровержением его фундаментальных учений – рассказывали представительным язычникам о своих сомнениях относительно безошибочности христианских Писаний, о том, что библейские повествования следует воспринимать в большой мере как небезошибочные, и что их учения следует заменить человеческими рассуждениями и философией, принимая их только в том случае, если они согласовываются с ними. Были там и такие, которые, именуя себя православными христианами, отвергали доктрину выкупа, являющуюся единственным основанием истинной христианской веры; еще другие отрицали грехопадение человека, провозглашая, как противоположность, теорию эволюции – что человек никогда не был создан совершенным, никогда не пал и, следовательно, не нуждался ни в каком искупителе; что со времени его сотворения на определенном низком уровне, весьма далеком от "образа Бога", он постепенно поднимался и все еще находится в процессе эволюции, закон которой – выживание более сильного. И вот это, являясь наибольшей противоположностью библейской доктрины о выкупе и реституции, было самой популярной точкой зрения.

Ниже предлагаем несколько кратких цитат, обращающих внимание на дух компромисса протестантского христианства – как в его отношении к большой антихристианской системе, церкви

[189] Рима, так и к нехристианским вероучениям.

Послушаем уваж. доктора Ч.А. Бриггса, профессора пресвитерианской теологической семинарии, в его разглагольствованиях о священных Писаниях. Этот джентльмен был представлен президентом, д-ром Берроузом, как "тот, ученость, отвага и верность своим убеждениям которого предоставили ему высокое положение во всемирной церкви", и был принят громкими аплодисментами. Он сказал:

"Все, что мы можем приписать Библии, это вдохновенность и подробность предлагаемых ею религиозных нотаций. Бог правдив, Он не может лгать. Он не может сбить с пути или обмануть Свои создания. Но когда бесконечный Бог говорит к ограниченному человеку, то обязан ли Он говорить слова, которые безошибочны? [Какой нелепый вопрос! Если Бог не говорит правду, то Он, естественно, неправдив.] Это зависит не только от сказанного Богом, но и от услышанного человеком, а также от средств общения Бога и человека. Необходимо показать способность человека принимать это слово, прежде чем мы можем быть уверены, что он передал его правильно. [Этот "ученый и уважаемый" (?) профессор теологии должен бы помнить, что Бог был способен избрать надлежащие орудия для сообщения Своей истины, а также для передачи ее другим; и то, что Он делал так, вполне очевидно для каждого искреннего исследователя Его Слова. Такой аргумент, высказанный с целью подорвать правильность Священных Писаний, – простое увиливание, и оно стало оскорблением для интеллигентной и просвещенной аудитории]. Вдохновенность священных Писаний не несет с собой безошибочности в каждой подробности".

Послушаем уваж. Теодора Мангера из Нью-Гавен, унизившего Христа и возвысившего вместо Него падшее человечество. Он сказал:

"Христос – некто больше, чем Иудей, убитый на Голгофе. Христос – это человечество, эволюционирующее под властью и милостью Бога, и любая книга, вдохновленная этим фактом [не то, что Иисус был помазанным Сыном Бога, а то, что эволюционирующее человечество в целом составляет Христа, Помазанника], принадлежит к христианской литературе".

Он привел примеры Данте, Шекспира, Гете, Шелли, Метью Арнольда, Эмерсона и других, а затем добавил:

[190] “Литература, за некоторым исключением, – вся вдохновенная литература – основывается непосредственно на человечности, настаивая на ней на этической основе и из этических соображений. Такова сущность христианства.. Теология, которая настаивает на сверхъестественном Боге, Который восседает над миром и плетет паутину событий, не находит одобрения в умах, способных выразить себя в литературе. Поэт, гений, человек широкого, универсального мышления проходит мимо этого. Они находятся слишком близко Бога, чтобы попасть в заблуждение таким толкованием Его истины”.

Вот что сказал уваж. д-р Рексфорд из Бостона (универсалист):

“Мне хотелось бы, чтобы все мы сумели признать, что искреннее почитание везде и повсюду в мире является истинным почитанием.. Неписаным, однако господствующим, вероучением этого часа, на мой взгляд, является учение, что кем бы не был почитатель в мире, кланяющийся перед тем Наилучшим, что ему известно, и ступающий правдиво вслед за самым чистым светом, сияющим для него, он имеет доступ к наивысшим блаженствам небес”.

Бесспорно, он задел преобладающее ныне религиозное чувство. Но разве так обращался апостол Павел к почитателям “Неведомого Бога” на Марсовом Поле? Защищал ли Илия таким образом священников Ваала? Павел говорит, что к Богу можно прийти только через веру в Христову жертву за наши грехи, и Петр говорит: “Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись” (Деян. 4: 12; 17: 23-31; 3 Цар. 18: 21, 22).

Послушаем уваж. Лаймена Эббота, редактора “Outlook” и бывшего пастора церкви в Плимут, Бруклин, Нью-Йорк, требующего для всей церкви того самого божественного вдохновения, которое дал нам, посредством Христа и двенадцати апостолов, Новый Завет, чтобы совершенен был Божий человек (2 Тим. 3: 17). Он сказал:

“Мы не думаем, что Бог вещал только в Палестине и только к некоторым в этой небольшой местности. Мы не думаем, что Его голос звучал в христианстве и молчал где-то в другом месте. Нет! Мы верим, что Он является вещающим Богом во все времена и во все века”.

[191] Но как Он говорил к пророкам Ваала? Он не открыл Себя никому, кроме Своего избранного народа – Израиля по плоти в Иудейском веке и духовного Израиля в Евангельском веке. "Только вас признал Я из всех племен земли" (Ам. 3: 2; 1 Кор. 2: 6-10).

Письмо Леди Сомерсет (Англия), сопровождаемое лестным отзывом президента Берроуза, поведало о следующих уступках церкви Рима:

"Я симпатизирую каждому усилию, которым можно склонить людей думать сообща относительно их согласия, а не противоборства.. Единственный путь к объединению – никогда не упоминать о тех предметах, в которых мы неизменно не соглашаемся. Возможно главным из них является исторически сложившееся епископство, хотя факт, что он верит в это, а я – нет, думаю, не помешает этому великому и хорошему прелату, архиепископу Ирланду, от всего сердца помочь мне, не как женщине-протестанту, а как борцу за трезвость. То же самое оказалось правдой в Англии в отношении сетующего лидера, кардинала Меннинга, и сегодня верно о менеджере Нагенте из Ливерпуля, всеми любимом и уважаемом народном священнике. Единодушие во мнении насчет практического начертания золотого правила, о котором отрицательно высказался Конфуций и положительно – Христос, приведет нас всех в один лагерь".

Доктрина об искупительном примирении упоминалась редко, и многими открыто отодвигалась в сторону как реликвия прошлого, недостойная просвещенного девятнадцатого века. Только некоторые подняли свои голоса в ее защиту, но они не только оказались в подавляющем меньшинстве в Парламенте, но также их взгляды явно не были приняты во внимание. Уваж. Джозеф Кук был одним из этого меньшинства, и его замечания затем были подвергнуты критике и откровенно осуждены из кафедры в Чикаго. В своем обращении м-р Кук сказал, что христианская религия – единственно правильная религия, а принятие ее – единственное средство, гарантирующее счастье после смерти. Обращаясь за иллюстрацией действенности примирения к одному из персонажей Шекспира (чтобы очистить даже самые отвратительные грехи), он сказал:

[192] “Возьмем Леди Макбет. Какая религия способна омыть окровавленную руку Леди Макбет? Вот вопрос, который я предлагаю для четырех континентов и морских островов. Если вы не можете ответить, значит вы не прибыли на Парламент религий с серьезным намерением. Я обращаюсь к исламу: “Можете ли вы смыть кровь с ее руки? Я обращаюсь к конфуцианству и буддизму. Можете ли вы смыть кровь с ее руки?”

Отвечая на это после Парламента, уваж. Дженкин Ллойд Джонс, пастор “Церкви Всех Душ”, Чикаго, один из самых заинтересованных в Парламенте, сказал:

“Чтобы нам понять безнравственность искупительного примирения – этой “смотри-на-Иисуса-и-будь-спасенным” выдумки, с помощью которой этот бостонский оратор принялся приводить в замешательство представителей других вероучений и форм мышления в Парламенте, – давайте изучим поближе характер поступка и поведение женщины, которой он пообещал столь незамедлительную неподсудность, если только она “взглянет на крест”. Этот поборник ортодоксии негодующе бросил в лицо представителей всех религий мира утверждение, что “невозможно, исходя из природы вещей, войти в царство небес, не родившись снова” через это Христово примирение, это сверхъестественное искупление, которое омывает ее окровавленную руку добела и делает женщину-убийцу святой. Все, что я хочу сказать в адрес такого христианства, это то: Я рад, что я в это не верю, и призываю всех сторонников морали, всех друзей справедливости, всех верующих в бесконечного Бога, воля Которого – нравственность, и провидение Которого совершает праведность, не признавать этого. Такой “план спасения” не только необоснован, но и безнравственен. Это развращает; это – иллюзия и ловушка в сем мире, несмотря на то, как будет в следующем.. Я отворачиваюсь от Голгофы, если мой взгляд туда делает меня настолько самолюбивым, чтобы требовать спасения, которое лишает принца Сидарта небес, в которых Леди Макбет или любая другая душа с окровавленной рукой состоит навеки”.

Позже в той же церкви состоялось “заседание восточной платформы”, где тот же уважаемый (?) джентльмен читал избранные высказывания Зороастра, Моисея, Конфуция,

[193] Будды, Сократа и Христа, намереваясь всем этим показать универсальность религии, после чего последовало обращение армянского католика. После обращения корреспондент написал в общественной прессе:

“М-р Джонс сказал, что у него была смелость спросить епископа Кина из католического университета Вашингтона, посетит ли он это собрание и примет ли столь радикальную платформу. Епископ ответил с улыбкой, что он будет в Дюбук, и, возможно, даже будет иметь соблазн прийти. “Затем я спросил его, – сказал м-р Джонс, – может ли он порекомендовать кого-нибудь?” Епископ ответил: “Вам не следует чрезмерно торопиться. Мы двигаемся вперед очень быстро. Возможно, пройдет не так много времени, и я смогу это сделать.*

*Однако с тех пор Рим сделал вывод, что Чикагский Парламент не принес ему ни уважения, ни популярности его сторонников, и заявил, что паписты в будущем не будут иметь ничего общего с такими смешанными парламентами. Отчетливых проявлений папского неодобрения оказалось немало и в отношении тех римских прелатов, которые принимали весьма видное участие в Чикагском Парламенте. Поэтому протестанты могут взять себе всю славу!

Римо-католическая церковь, – продолжил м-р Джонс, – под руководством таких людей, как кардинал Гиббонс, архиепископ Ирланд и епископ Спелдинг, вполне преуспевает, и эти люди подталкивают медлительных к действию. Люди говорят нам, что мы отдали Парламент религий католикам с одной стороны, и язычникам с другой. Что ж, послушаем теперь наших друзей язычников. Я благодарю Бога, что слово “язычник” уже не имеет того смысла, что раньше”.

Проф. Генри Друммонд был в программе выступлений в Парламенте на тему христианства и эволюции, однако, поскольку ему не удалось прибыть, его доклад прочитал д-р Бристол. В нем он сказал, что лучшее представление о генезисе и природе греха может, по крайней мере, изменить некоторые усилия избавиться от него, пренебрежительно высказавшись о доктрине примирения, которую его учение эволюции делает пустой и бессмысленной.

[194]

НЕСКОЛЬКО ЗАЩИТНИКОВ ВЕРЫ

Посреди этого духа компромисса, столь дерзкого и откровенного, настоящим подкреплением было обнаружение немногих представителей протестантского христианства, имевших внутреннюю отвагу перед лицом столь откровенной оппозиции – скрытой и выраженной – защитить веру, однажды переданную святым, хотя даже они показывают признаки растерянности, не понимая божественного плана веков и важной взаимосвязи между фундаментальными учениями христианства и всей удивительной системой божественной истины.

Проф. В.Ч. Вилкинсон из Чикагского университета говорил на тему "Отношение христианства к другим религиям". Он направил своих слушателей к Писаниям Ветхого и Нового Заветов за разъяснением христианства, а также недружелюбного отношения христианства ко всем другим религиям, которые, если оно право, неминуемо должны быть ложными, и к исключительному праву нашего Господа иметь силу спасать, как это показано в следующих изречениях:

"Никто не приходит к Отцу [то есть, никто не может быть спасенным], как только чрез Меня".
"Я есмь хлеб жизни".
"Кто жаждет, иди ко Мне и пей".
"Я свет миру".
"Я дверь овцам".
"Все, сколько приходило предо Мною, суть воры и разбойники".
"Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется".

"Вот, – сказал он, – некоторые примеры высказываний, сошедших непосредственно с уст Иисуса, об исключительном, особом Его праве быть единственным Спасителем человека.

Возможно на это ответят: "Но Иисус также сказал: «И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе»", – поэтому мы не без оснований верим, что многие души, вовлеченные в чужестранные религии, которые сознательно и бессознательно привлечены к Иисусу, спасены, несмотря на невзгоды их религиозного окружения.

[195] С этим я, конечно, согласен и рад, что таковым, собственно, является учение христианства. [Но эта надежда проистекает скорее от доброты сердца, чем от знания божественного плана спасения. Следовательно, проф. В. не понял, что привлечение мира к Христу принадлежит к Тысячелетнему веку, что сегодня происходит только привлечение Церкви, и что знание Господа, привлекающая сила сегодня, будет силой и в то время, "ибо земля наполнится познанием славы Господа, как воды наполняют море" (Авв. 2: 14).] Я только прошу постоянно помнить, что в данный момент мы вовсе не обсуждаем распространение преимуществ исключительной власти Иисуса спасать, а конкретно ставим вопрос: "Видит ли христианство какую-нибудь часть спасительной силы как неотъемлемое свойство нехристианских религий? Другими словами, представлено ли где-нибудь в Священном Писании, что Иисус использует Свою спасительную силу в большей или меньшей степени посредством других религий кроме собственной? Если и существует какой-то намек, какая-то тень намека в Библии, в Ветхом или Новом Завете, указывающие в направлении утвердительного ответа на такой вопрос, то я признаюсь, что никогда такого не обнаруживал. Наоборот, я нашел, притом в избытке, вовсе не туманные намеки.

Я ощущаю потребность просить вас обратить внимание на то, что сказанное мною в этой газете не следует ложно истолковывать как попытку от имени христианства умалить любые достоинства отдельных личностей из народов, которые поднялись к большим этическим высотам без помощи исторического христианства в виде его Нового или Ветхого Заветов. Я не ставлю перед собой задачу говорить здесь о личностях – то ли в коллективном значении, то ли выборочно. Я хочу только, чтобы вы обратили внимание на позицию, занятую христианством по отношению к нехристианским религиям.

Оставим оценку непосредственных высказываний Иисуса и немного поговорим о тех, кому Иисус препоручил, как Своим представителям, согласно Новому Завету, право говорить с полномочиями, равными Его собственным. Отзываясь о сторонниках языческих религий вообще, Он пользуется таким языком: "Называя себя мудрыми, обезумели, и славу

[196] нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся".

Человек, птицы, четвероногие, пресмыкающиеся – эти четыре категории, по степени убывания, по-видимому указывают на всяческую разновидность форм языческой религии, с которой христианство, древнее и современное, вошло в историческое соприкосновение. Последствия, пришедшие в наказание со стороны оскорбленного, ревностного Бога евреев и христиан за подобного рода деградацию присущего человеку инстинкта поклонения, за профанацию идеи нетленного Бога, однажды чистой в человеческом сердце, описаны Павлом в словах, мощь которых – саркастическая, донимающая, язвительная, словно клеймо, – сделала их знаменитыми и известными: "То и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они осквернили сами свои тела; они заменили истину Божию ложью и поклонялись и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки".

Я оставлю цитирование незаконченным. Остальное высказывание обращено к хорошо известным и достойным порицания подробностям – хорошо известным, чтобы действительно оказаться обвинением в адрес древнего языческого мира. Никакого намека на возражение в пользу хоть чего-то мало-мальски хорошего или хотя бы не столь плохого в осуждаемых религиях; никакой оговорки, никакого смягчения для выносимого приговора. Везде сурово порицаемые, они подлежат полному разоблачению. Никакого доказательства наличия в тех или иных случаях истинного и приемлемого скрытого почитания, замаскированного и бессознательного, под ложной внешностью. Никакой возможности даже бегло увидеть разницу, создаваемую некоторыми идолопоклонниками (при том, что лишь очень немногие из них способны ее сделать), между служением идолу и служением нетленному ревностному Богу, Который, как считают отдельные идолопоклонники, попросту символически представлен идолом, якобы почитаемым ими. Никакой оговорки в пользу некоторых посвященных и освященных душ, которые ищут и находят более безупречную религию в тайных "мистериях", закрытых от пошлой толпы. Христианство не оставляет никакой лазейки для бегства подлежащим суду и развратным анти-Христианским религиям, с которыми оно соприкасается. Вместо этого оно излагает не делающее никакого различия осуждение [порицание], исходящее, словно раздвоенная молния, от величия Его силы на

[197] неисправимо виновных в упомянутом грехе, в грехе поклонения другим богам кроме Бога.

Нигде не существует никакого угодливого смягчения в виде заверения или даже предполагаемой надежды, что милосердный Бог благосклонно примет в Свои уши свидетельство, формально преподнесенное кому-то другому, но действительно предназначавшееся, хотя и по неверному представлению, Ему Самому. Такое понятие, справедливо оно или нет, не является библейским. Оно что ни есть антибиблейское, а, значит, антихристианское. Христианство не заслуживает похвалы за подобный либерализм. Что касается исключительных, неотъемлемых, неделимых прерогатив Бога, христианство является, искренне следует признать, тщательной, требовательной, строгой, бдительной религией. Умирающему Сократу можно было простить его просьбу принести петуха в жертву Эскулапу, но христианство, христианство Библии, не дает и тени повода для предположения, что такой идолопоклоннический поступок с его стороны был истолкован Богом как приемлемое для Него поклонение.

Петр сказал: “Истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему”.

Бояться, прежде всего, Бога и затем совершать праведность – вот особенности, характеризующие всегда и везде человека, принимаемого Богом. Но, очевидно, бояться Бога не означает, согласно идеи христианства, поклоняться кому-то другому кроме Него. Соответственно, в той мере, в какой человек избавляется от господства над ним туземной религии и превращается – не с ее помощью, а вопреки ей, – в непревзойденное орудие истинного поклонения божественности, он будет приятен Богу.

Поэтому, можно ли сказать о всякой туземной религии, что это истинная религия, только лишенная совершенства? Христианство говорит: “Нет!” Христианство говорит слова безмерной, безграничной надежды для тех, для некоторых из тех, которые никогда не услышат о Христе. Этих слов христиане конечно же будут держаться и будут дорожить ими согласно их неоценимой важности. Но не подумайте ошибочно, что они должны иметь какое-то отношение к заблуждающимся религиям человечества. Эти религии Библия нигде не представляет как патетические, с частичным успехом, слепо ищущие Бога. Все без исключения они представлены как идущие слепо вниз, а не вверх. Согласно христианству, они являются препятствием, а не помощью. Их сторонники держатся за

[198] них, как утопающие слепо хватаются за корни или камни, чтобы не пойти ко дну. Истина, имеющаяся в ложной религии, может помочь, но в данном случае это будет именно истина, а не ложная религия.

Согласно христианству, ложная религия напрягает все силы, чтобы задушить, убить истину, которая в ней. Отсюда историческое вырождение, показанное в первой главе к Римлянам, которому подлежат ложные религии вообще. Если бы они направлялись вверх, то становились бы лучше и лучше. Если же, как учит Павел, они становятся все хуже, то это неизбежность того, что они направляются вниз.

Следовательно, отношением христианства к другим, кроме него, религиям является всеобщая, абсолютная, вечная, непримиримая враждебность, хотя отношение ко всем людям везде – ко всем без исключения сторонникам ложных религий, – это отношение, полное добродетели, милосердия, мира для всякого желающего [принять его]. Сколько найдется таких желающих [принять], является проблемой, которую христианство оставляет нерешенной".

Уваж. Джеймс Девин из Нью-Йорк Сити, также имевший доклад на тему послания христианства к другим религиям, ясно представил доктрину искупления драгоценной кровью Христа. Он сказал:

"Сейчас мы переходим к другой фундаментальной истине Христова учения – таинственной доктрине примирения. Грех – неоспоримый факт. Он опознан всеми и общепризнан. Он свидетельствует сам о себе. Более того, он является преградой между человеком и его Богом. Божественная святость и грех, с его омерзительностью, его бунтарством, его ужасной деградацией и безнадежным крахом, не могут сосуществовать ни в одной системе высоконравственной формы правления. Бог не может терпеть грех или приспособиться к нему или найти для него место в Своем присутствии. Он не может договариваться с ним; Он обязан его наказать. Он не может вести с ним переговоры, а обязан судить в открытом суде. Он не может его не замечать, а обязан победить. Он не может дать ему моральный статус, а обязан выдать осуждение, которого тот заслуживает.

Примирение – это удивительный метод Бога отстоять, раз и навсегда, перед Вселенной Свое вечное отношение к греху путем добровольного принятия на Себя, в духе жертвования, наказания за него. Он делает это в лице Иисуса

[199] Христа. Факты рождения, жизни, смерти и воскресения Христа занимают должное место в мире подлинной истории, а моральная ценность и искупительная действенность Его совершенного послушания и жертвенной смерти становится таинственным элементом безграничного достоинства в процессе исправления отношения грешника к своему Богу.

Бог признает Христа как замену. Заслуга Его послушания и возвышенная величественность Его жертвы одинаково доступны для веры. Грешник, покорный, кающийся и осознающий собственную несостоятельность, принимает Христа как своего искупителя, своего ходатая, своего спасителя и просто верит Его обещаниям и обетованиям, основанным, как они есть, на Его примиряющем вмешательстве, принимая от Бога, как дар наивысшей любви, все блага посреднического дела Христа. Таков способ Бога, чтобы достичь цели прощения и примирения. Это Его способ, чтобы Самому быть справедливым и совершающим оправдание грешника. Здесь опять мы имеем тайну мудрости в ее наиболее величественном изложении.

Это сердце Евангелия. Оно бьется непостижимой любовью; оно пульсирует неописуемым порывом божественного исцеления; оно имеет жизненно важную связь со всем механизмом жизнеобеспечения; оно находится своей скрытой деятельностью вне досягаемости человеческого мышления; но оно посылает животворную кровь, текущую сквозь всю историю, и дает христианству его чрезвычайную живучесть и неугасающую энергию. А поскольку христианство устраняет грех из этой проблемы, то ее решение становится полным и окончательным.

Христианство должно говорить от имени Бога. Оно обязано Ему своим существованием; и то, что именно оно являет Бога, составляет глубокую тайну его достоинства и силы. Было бы высокомерием с его стороны говорить лишь от себя или даже от имени разума. У него нет никакой философии эволюции для обсуждения. У него есть послание от Бога. По сути это не философия, это – религия. Оно не рождено землей, оно – дело Бога. Оно исходит не от человека, но от Бога, наполнено жизнью Его силой, изобилует Его любовью, плодоносит Его добротой, лучезарно Его светом, насыщено Его истиной, послано с Его поручением, воодушевлено Его энергией, наполнено Его мудростью, преисполнено дарами духовного исцеления и могущественно высочайшими полномочиями.

У него есть миссия среди людей (где и когда бы они

[200] ему не встретились), возвышенная, как само творение, удивительная, как духовное существование, и полная таинственного смысла, как вечность. Оно находит свой фокус и свой центр излучения в личности его великого открывателя и учителя, на Которого, перед Его пришествием, указывал всякий перст света, и от Которого, после Его воплощения, произошло все сияние дня.

Его дух полон простой искренности, возвышенного достоинства и приятного бескорыстия. Его цель, скорее, одарять благословением, нежели призывать к противостоянию. Его стремление – делиться собственными привилегиями, а не отстаивать себя. Его желание не в том, чтобы добыть наивысшие почести для себя, а чтобы найти путь к сердцу. Оно не пытается упрекать, унижать или оскорблять своего оппонента, а подчинять любовью, привлекать своим собственным величием и вытеснять ценой собственного несравненного превосходства. Само оно не способно к духу соперничества благодаря своему неотъемлемому праву господствовать. Оно не пользуется глумлением, может обойтись без оскорблений, не носит оружия насилия, не предается спорам, не способно к мошенничеству или обману и отвергает ханжество. Оно всегда полагается на внутренне присущее ему достоинство, и основывает все свои утверждения на своем праве быть выслушанным и воспринятым.

Его чудодейственное свидетельство скорее исключение, чем правило. Таково было знамение, чтобы поддержать слабую веру. Это была уступка в духе снисходительности. Чудеса подразумевают милосердие в той же мере, в какой возвещают о величии. Когда мы размышляем о безграничных источниках божественной силы и о легкости, с которой знамения и чудеса могли приумножиться с ошеломительным разнообразием и невиданностью, то осознаем строгую экономию силы и откровенное неприятие напыщенности. Тайна христианской истории – это путь бережливости, с которой христианство использовало свои средства. Испытание веры, нередко весьма болезненное, состоит в том, чтобы обнаружить откровенный недостаток активности, решительности и непреодолимого напора в предположительно медленном продвижении нашей святой религии. [Так это, должно быть, выглядит тем, кто еще не пришел к пониманию божественного плана веков.].

Бесспорно, у Бога для этого были Свои основания, тем не менее, мы не можем не увидеть в христианстве духа непостижимой сдержанности, удивительного долготерпения, смягченного голоса,

[201] целенаправленного воздержания. Оно не “возопиет и не возвысит голоса своего, и не даст услышать его на улицах”. Столетия приходят и уходят, а христианство коснулось только некоторых частей земли, однако там, где оно прикасается, оно преобразовывает. Кажется, оно пренебрегает материальными излишествами и засчитывает только те победы, которые одержаны духовной общностью с отдельно взятой душой. Его взаимоотношения с другими религиями характеризовались исключительной сдержанностью, а его развитие обозначилось ненавязчивым чувством достоинства, состоящим в согласии с величественным поведением Бога, его автора.

Значит мы правы, говоря о духе этого послания как о целиком свободном от банального чувства соперничества, стоящем выше использования зрелищных или показных методов; бесконечно далеком от всевозможных выдумок или актерских эффектов; полностью свободном от ханжества и двоедушия, без каких-либо стремлений к единению со светской властью или общественной шумихой; заботящемся больше о влиятельном положении в покорном сердце, нежели о влиятельном месте на королевском троне; преисполненном решимости добиваться нежной преданности души и заботы о моральном преобразовании характера, чтобы его дух и принципы могли возобладать в духовной жизни людей.

Следовательно, оно говорит к другим религиям с безусловной откровенностью и ясностью, основывающейся на собственном неоспоримом праве быть выслушанным. Оно исповедует подлинную искренность собственного суждения и сильное желание многих вдумчивых душ (которые, наподобие афинян древности, “чтили не зная”) вести духовную борьбу; оно предостерегает, переубеждает и приказывает, поскольку имеет на это право; оно говорит, как говорил Павел в присутствии образованного язычества на Марсовом поле, о том предопределенном дне, в котором мир должен быть судим, и о том “Муже”, посредством Которого он должен быть судим; оно катится эхом и откликается своим неизменным и непреклонным призывом к покаянию; оно требует принятия его моральных критериев; оно настаивает на повиновении, преданности, почтении и смиренности.

Все это оно совершает благородным и непоколебимым тоном спокойной настойчивости. Часто оно настаивает на своем утверждении аргументом, воззванием и деликатным настоянием; однако во всем этом и посредством всего этого следует различить отчетливый, звонкий, доминирующий тон бескомпромиссного упорства, обнаруживающий ту наивысшую, личную волю, которая положила начало христианству и от имени которой

[202] оно всегда говорит. Оно произносит свое послание с видом невозмутимой уверенности и спокойного самообладания. Никаких притязаний на первоочередность, никаких излишних забот о внешности, никакой потребности в протежировании, никакого лишенного благородства духа соперничества. Оно, скорее, говорит с сознанием того бесхитростного, естественного, несравненного, безграничного превосходства, которое быстро разоружает соперника и которое окончательно вызывает восторг и принуждает к повиновению сердца, свободные от злобы и обмана".

Среди этих благородных высказываний в защиту истины было также выступление графа Бернсторфа из Германии. Он сказал:

"Я уверен, что здесь нет никого, кто думает пренебрежительно о своей собственной религии [хотя он, наверное, увидел противоположное еще до закрытия парламента. Это было сказано в его начале.] Что касается меня, то скажу, что я присутствую здесь как независимый христианин-евангелист, и я никогда не ступил бы своей ногой в этот Парламент, если бы подумал, что это означает что-то наподобие единодушия, что все религии равны, и что достаточно быть искренним и откровенным. Я не могу согласиться с ничем подобного рода. Я верю, что только Библия правдива, и что протестантское христианство – единственно истинная религия. И я не желаю никакого компромисса.

Невозможно возразить тому, что мы, встретившиеся в этом Парламенте, разделены большими и важными принципами. Мы признаем, что эти различия невозможно преодолеть, но мы встречаемся, полагая, что каждый имеет право на свою веру. Вы пригласили каждого прибыть сюда как искреннего защитника своей собственной веры. Что касается меня, я стою перед вами с аналогичным желанием, какое побуждало Павла, когда он стоял перед представителями римского двора и Агриппой, иудейским царем. Дай Бог, чтобы все, кто слышит меня сегодня, были почти и целиком такими, как я. Я не могу сказать "кроме этих цепей". Спасибо Богу, я свободен, за исключением всех тих изъянов и недостатков, которые во мне и которые препятствуют мне охватить мое вероучение так, как мне бы этого хотелось.

Но зачем мы собираемся, если не способны обнаружить терпимость? Конечно, слово терпимость используется различным способом. Если слова короля Пруссии Фридриха: "В моей стране каждый может идти в небо по-своему", – используются как максима в ведении государственных дел, мы не можем отозваться о них слишком

[203] похвально. Сколько кровопролития, сколько жестокости избежал бы мир, если бы воспринял их. Но если таково изложение религиозного безразличия, господствующего на протяжении последнего столетия, а также во дворе монарха, который был другом Вольтера, тогда мы не должны их принимать.

Св. Павел в своем Послании к Галатам отвергает всякое другое учение, даже если бы его научал ангел с неба. Мы, христиане, являемся слугами нашего Учителя, живого Спасителя. Мы не имеем никакого права компрометировать вверенную нам истину или думать о ней легкомысленно, или удерживать послание, которое Он передал нам для человечества. Но мы встречаемся вместе, и каждый из нас стремится обрести других для своего собственного вероучения. Не будет ли это Парламент войны вместо мира? Не уведет ли он нас друг от друга вместо того, чтобы привести как можно ближе? Думаю что нет, если только мы прочно держимся истины, что наши возвышенные живые учения можно защитить и распространить исключительно духовными средствами. Честная борьба духовным оружием не требует разъединения воинствующих сторон; наоборот, она часто сводит их ближе.

Если этот великий принцип [религиозной свободы] будет повсеместно принят, тогда, полагаю, эта конференция сделает достаточно, чтобы навеки оставить о себе память на страницах истории. Один свет восходит в каждом сердце, и девятнадцатый век принес значительный прогресс в этом отношении; однако мы рискуем войти в двадцатый век еще до того, как этот великий принцип религиозной свободы найдет всеобщее признание".

В заметной противоположности к общему духу Парламента находился также доклад м-ра Гранта, Канада. Он сказал:

"Мне кажется, что мы должны начинать этот Парламент Религий не с осознанием того, что мы делаем что-то большое, а с покорным и непритязательным признанием греха и неудач. Почему жители земли до сих пор не склонились перед истиной? Это наша вина. Апостол Павел, оглядываясь на столетия удивительной, руководимой Богом истории, увидел, что ключ ко всем ее правилам таков: Иегова весь день протягивал Свои руки к непокорным и строптивым людям, – при том, что всегда имелся остаток праведных. Израиль, как народ, не понял Иегову, отчего не смог понять, как народ, своей необыкновенной миссии.

[204] Если бы св. Павел находился сегодня здесь, разве он не произнес бы то самое грустное изречение относительно девятнадцатого столетия христианства? Разве не пришлось бы ему сказать, что мы гордились нашим христианством, а не позволили нашему христианству усмирить нас и распять; что мы гордились христианством так, словно мы им владели, вместо того, чтобы позволить ему овладеть нами; что мы разлучили его с моральным и духовным порядком мира вместо того, чтобы увидеть, что оно глубоко проникает, истолковывает, делает завершенным и удостоверяет этот порядок; и что мы скрыли его славу и утаили его силу. Весь день наш Спаситель говорил: "Я протянул Свои руки к непокорным и строптивым". Однако единственным неотъемлемым условием успеха является признание нами причины нашей неудачи и то, что мы сознаемся в этом со смиренным, униженным, раскаявшимся и послушным умом, и с неиссякаемым западным мужеством и верой движемся сегодня вперед и делаем все по-другому".

Вот если бы эти настроения нашли отзыв в великом Парламенте! Но они не нашли. С другой стороны, он характеризовался большим хвастовством относительно "необыкновенного религиозного прогресса девятнадцатого столетия", и первое впечатление графа Бернсторфа о том, что это была откровенная компрометация христианских принципов и учения, оказалось верным, что подтвердили следующие сессии Парламента.

РАЗЛИЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАТОЛИЦИЗМА, ЯЗЫЧЕСТВА И ПРОТЕСТАНТСКОГО ХРИСТИАНСТВА

Уверенное и настойчивое поведение католицизма и различных языческих религий оказалось в видимом контрасте со скептицизмом протестантского христианства. Никто из них не произнес малейшего упрека в адрес авторитета своих священных книг. Они восхваляли и предлагали свои религии, одновременно с удивлением вслушиваясь в скептические и атеистические проповеди протестантских христиан, направленные против христианской религии и против Библии, к которой даже язычники проявили большее уважение.

[205] В доказательство удивления чужестранцев услышанным о положении вещей среди христиан мы цитируем следующее из опубликованного обращения одного из делегатов Японии на огромном митинге, состоявшемся в Иокогаме по случаю их возвращения и желания услышать их рассказ. Оратор сказал:

“Когда мы получили приглашение посетить Парламент Религий, наша буддистская организация не хотела посылать нас как своих представителей. Большинство полагало, что это хитрый шаг со стороны христиан привлечь нас туда и затем осмеять или попытаться обратить. Соответственно, мы поехали по собственной инициативе. Однако нас ожидала приятная неожиданность. Все наши представления оказались ошибочными. Парламент был созван по той причине, что западные народы пришли к выводу о бессилии и неразумности христианства, и они в самом деле хотели услышать от нас о нашей религии и узнать, какая религия является наилучшей. Нет места в мире лучше Америки, чтобы проповедовать учение буддизма. Христианство – всего лишь декорация американского общества. По-настоящему в него верят немногие. Большая часть христиан пьянствует и совершает разные вопиющие грехи, живет распутной жизнью, хотя христианство является весьма распространенным верованием и служит общественным украшением. Недостаток силы свидетельствует о его слабости. Встречи показали огромное превосходство буддизма над христианством, а сам факт созыва таких встреч свидетельствовал о том, что американцы и другие народы Запада потеряли веру в христианство и были готовы принять учения нашей более передовой религии”.

Не удивительно, что один японский христианин сказал в завершение этого выступления: “Как могли американские христиане совершить такую большую ошибку, проводя такую встречу и нанося вред христианству – как это еще сделают подобные выступления в Японии?”

Те, кто разбирается в истории, знают кое-что о характере этой большой антихристианской власти, церкви Рима, с которой столь настойчиво ищут связей протестанты. Тем, кто следит за ее нынешними шагами, известно, что ее сердце и нрав по-прежнему

[206] не изменились. Тот, кто проинформирован, хорошо знает, что греко-католическая церковь поддерживала и одобряла, а то и вообще была подстрекателем, преследований русскими иудеев, "штундистов" и других христиан, которые, пробудившись от ослепления и суеверия греческой церкви, ищут и находят Бога и истину посредством изучения Его Слова. Преследования, инспирированные греко-католическими священниками и осуществляемые полицией, носят самый жестокий и отвратительный характер. Тем не менее, наиболее настойчиво проходят поиски союза и сотрудничества этих обеих систем, римской и греческой католических церквей, между собой и со всевозможными формами языческого суеверия и невежества.

ГУСТАЯ ТЬМА ЯЗЫЧЕСТВА, С КОТОРЫМ ХРИСТИАНЕ ЖЕЛАЮТ И СТРЕМЯТСЯ ИМЕТЬ ОБЩНОСТЬ

О густой тьме язычества, с которой так страстно желают сотрудничать и которой симпатизируют сегодня христиане, мы можем получить некоторое представление из следующего гневного возражения д-ра Пентекоста против того критического тона, которым воспользовались некоторые чужеземцы в адрес христианства и христианских миссий. Он сказал:

"Думаю, будет жалко, если что-то превратит дискуссии этого Парламента в ряд прямых и ответных обвинений, и все же мы, христиане, сидели терпеливо и слушали поток критики по поводу результатов деятельности христианства от некоторых представителей восточных религий. Например, на наш счет зачислены трущобы Чикаго и Нью-Йорка, разврат, не поддающийся описанию и бросающийся в глаза даже чужестранцам, нашим гостям, а также аморальность, пьянство, драки, убийства и преступления криминальных групп. Христианство обвиняется в неудачах Конгресса и правительств обеих стран – Англии и Америки. Торговля опиумом, ромом, несоблюдение договоренностей, нечеловеческие и варварские законы против китайцев и прочее – все это выдвинуто в качестве обвинения христианской

[207] церкви. [Но если христиане считают эти народы христианскими, могут ли они обоснованно упрекать этих языческих представителей в том, что те именно так думают и судят о них?]

Кажется, почти нет смысла говорить, что все это – безнравственность, пьянство, преступления, отсутствие близких отношений и самолюбивая жажда различных пагубных вещей, привезенных из наших стран на Восток, – находится вне лона христианства. [Нет, если это только христианские народы. Выдвигая подобное притязание, церковь возлагает на себя грехи этих народов, и они справедливо ее обвиняют.] Церковь Христа тяжело трудится день и ночь, чтобы исправить и устранить эти злодеяния. Сплоченный голос христианской Церкви осуждает торговлю опиумом, торговлю спиртным, акты притеснения китайцев и все формы пороков и алчности, которыми выражают недовольство наши друзья с Востока.

Мы хотим, чтобы нас критиковали, но когда я привожу на мысль факт, что такая критика исходит отчасти от джентльменов, которые представляют систему религии, храмы которой, руководимые священниками-браминами наивысших каст, являются санкционированными и условленными местами системы аморальности и разврата, аналогии которой не найти ни в одной стране Запада, я чувствую, что молчание означает согласие. Я мог бы отвести вас в каких-нибудь десять тысяч храмов – не меньше, а, пожалуй, даже больше – в каждой части Индии, при которых находится от двухсот до четырехсот жриц, чья жизнь вовсе не такая, какой должна быть.

Я это видел собственными глазами, и никто в Индии не отрицает сказанного. Если вы будете говорить об этом браминам, они скажут, что такова часть их системы для простых людей. Помните, что эта система является полномочной институцией религии Хинду. Достаточно взглянуть на отвратительные резные изображения на храмах, одинаково индуистских и буддистских, на уродливые символы древних фаллических культов, являющихся наиболее популярными объектами почитания в Индии, чтобы ужаснуться развращенности этих религий. Но знайте, что к ним не только проявляют терпимость, но священники религии учреждают их, руководят ими и осуществляют надсмотр. Только грязные рисунки и натурные изображения древней Помпеи могут сравниться с бесстыдством того, на что можно открыто смотреть возле входов и на самих входах в храмы Индии.

[208] Это, пожалуй, слишком, чтобы мы выслушивали критику, которую эти представители индуизма направляют в адрес неверующей части стран Запада, когда они сами живут в таких громадных домах из стекла, как эти, каждый из которых построен, огражден и защищается главами их собственных религий.

Мы услышали много хорошего об "отцовстве Бога и братстве людей", как одном из основных учений религий Востока. Но дело в том, что мне никогда не удалось обнаружить – а я пересмотрел художественные произведения по всей Индии – ни одного текста ни в одной из священных книг индуизма, оправдывающего или предлагающего учение об "отцовстве Бога и братстве людей". Это чистейший плагиат того, что имеется в христианстве. Мы рады, что они его приняли и внедрили. Но как может брамин, взирающий на людей всех низших каст, и особенно на несчастных парий с чувством отвращения, считая их другим видом существ, произошедших от обезьян или дьяволов, осмеливаться говорить нам, что он верит в отцовство Бога и братство людей? Если брамин верит в братство людей, почему он отрицает общественные улучшения и общепринятое гостеприимство для людей других каст, а также для своих западных братьев, которых он так умилительно берет в ласковые объятия своего новообнаруженного учения об отцовстве Бога и братстве людей?

Если в Индии и существует какое-то братство людей, то самый небрежный наблюдатель, не раздумывая, скажет, что он не видел там никакого сестринства людей. Пусть ответ на это утверждение дадут не поддающиеся описанию ужасы, которым подвергаются индуистские женщины.

До тех пор, пока английское правительство не наложило сильную руку на древний религиозный индуистский обычай сати, сотни индуистских вдов каждый год с готовностью ложились на погребальные костры для своих мертвых мужей, предпочитая пламя, сжигающее их тело, невыразимым ужасам и живому аду вдовства в индуизме. Пусть наши индуистские друзья скажут нам, что их религия сделала для индуистской вдовы, и прежде всего для малолетней вдовы, у которой обрили голову, как у преступника, сорвали

[209] ее украшения, одели в лохмотья, унизили до положения раба, худшего, чем мы можем себе представить, вынудив ее выполнять в семье самую тяжелую и унизительную работу, и нередко используя ее еще худшим и более отвратительным образом. К этому положению и к этим условиям бедная вдова унижена с согласия индуизма. Только два года тому назад в британский парламент поступило обращение принять новый, строгий закон, "поднимающий возраст получения согласия на брак" до двенадцати лет, в котором индус имеет законное право установить супружеские отношения со своей малолетней женой. Христианские госпитали, переполненные поруганными маленькими девочками, едва вышедшими из детства, сделались столь возмутительным фактом, что правительство вынуждено было вмешаться и остановить эти преступления, совершаемые во имя религии. Недовольство в Индии по этому поводу оказалось столь большим, что возникли опасения неминуемой религиозной революции, почти всегда ведущей к новому бунту.

Наши восточные друзья критиковали нас за то, что мы судим по неведению и предубеждению, поскольку, согласно недавнему опросу в начале этого Парламента, только пять человек смогли сказать, что они прочитали Библию Будды. Поэтому было решено, что наши суждения безосновательны и несправедливы. Тот же опрос можно бы сделать в Бирме или на Цейлоне, и сказать почти наверняка, что, кроме священников, немногие готовы сказать, что они читали свои священные писания. Веды индусов являются предметом преклонения. Никто, кроме брахмана, не может их учить, и еще меньше людей может их читать. До того, как христианские миссионеры прибыли в Индию, санскрит был практически мертвым языком. И если Индийские Писания были, по крайней мере, переведены на местный диалект или преподнесены народам Запада, то это случилось благодаря тому, что христианские миссионеры и западные ученые заново открыли их, откопали, перевели и представили на дневной свет. Количество текстов Писаний на санскрите, известное простому индусу, получившему западное образование, ограничивается только теми отрывками, которые были переведены на английский язык или на местный диалект европейскими или западными учеными. Простым людям, девяносто девяти из ста, известна только традиция. А теперь сравним мертвую исключительность этих индийских религий с фактом, что

[210] христиане перевели свою Библию на более чем триста языков и диалектов и разослали о ней весть посредством сотен миллионов экземпляров ко всем нациям, языкам и народам земли. Мы преклоняемся перед светом, но кажется, что Библии Востока больше любят тьму, нежели свет, потому что они не устояли бы перед светом широкой публикации.

Сегодня новый и лучший индуизм развивается под влиянием христианского окружения, но он еще не достиг того этического уровня, который даст ему право читать христианской церкви лекции морали. До тех пор, пока Индия не очистит свои храмы от скверны, хуже Авгиевой, а ее ученые брамины и жрецы не перестанут чуждаться ужасных дел и поступков, содеянных во имя религии, и признавать их, пусть она повременит с чтением морали другим людям и народам".

ЯЗЫЧЕСКИЕ РЕФОРМАТОРЫ ИЩУТ БОГА

В то время, как христианство позирует перед представителями языческого мира, хвастаясь своим религиозным прогрессом и не ведая, что оно "несчастное и жалкое, и нищее, и слепое и нагое" (Отк. 3: 17), в некоторых языческих землях заметно обозначилось, как противоположность, откровенное стремление найти Бога; а острота, с которой они восприняли и косвенно критиковали непоследовательность христиан, достойна особого упоминания.

Из двух умелых обращений делегатов индусов мы создали для себя представление об особом движении в Индии, дающем некоторое понятие о тьме языческих земель, а также о влиянии нашей Библии, занесенной туда миссионерами. Библия уже какое-то время ведет работу, для которой те, кто сопутствует ей и берется интерпретировать ее противоречивые учения, создали препятствия, но не уничтожили ее. О похожих условиях мы также слышим из Японии. Ниже предлагаем выдержки из трех обращений, знаменательных своим доказательством откровенной искренности, вдумчивости и ясности высказываний, и свидетельствующих о весьма серьезном поведении языческих реформаторов, которые ищут Бога, не найдут ли они Его.

[211]

ГОЛОС ИЗ НОВОЙ ИНДИИ

М-р Мозумдар обратился к ассамблее:

“М-р Президент, представители народов и религий: Брахмо-Сомай Индии, которое я имею честь представлять, является новым обществом; наша религия – новая религия, но она приходит издалека, из древности, от самих корней нашего национального бытия, сотен столетий тому назад.

Шестьдесят три года тому назад всю землю Индии охватило огромное недовольство. Шумные споры пестрого политеизма разорвали тишину небес. Плач вдов и, что более прискорбно, вопль тех бедных женщин, которых следовало сжечь на погребальных кострах для их мертвых мужей, осквернил святость Божьей земли. У нас в стране была буддистская богиня, матерь народа, с десятью руками, держащая в каждой руке орудие для защиты своих детей. Мы имели белую богиню знания, играющую на своей Вене (струнном музыкальном инструменте) на струнах мудрости. Была богиня удачи, держащая в своих руках не рог, а корзину изобилия, благословляя народы Индии; был бог с головой слона; бог, восседающий на павлине, и еще тридцать три миллиона богов и богинь. У меня есть своя теория насчет мифологии индуизма, но сейчас не время говорить об этом.

Посреди шумихи и столкновений политеизма и общественного зла, посреди всей тьмы тех времен, восстал человек, брамин чистой крови и чистого рода, по имени Раджа Рам Доган Рой. До того как он стал известным, он написал книгу, доказывающую ложность всякого политеизма и истинность существования живого Бога. Это навлекло преследования на его голову. В 1830 году этот человек основал общество, известное как Брахмо-Сомай – общество поклонников живого Бога.

Брахмо-Сомай основывал монотеизм на вдохновенности древних индуистских Писаний – Вед и Упанишад.

Со временем, по мере роста движения, его члены начали сомневаться в том, действительно ли Писания хинду безошибочны. В душе им казалось, что они услышали голос, который тут и там (вначале маловыразительно)

[212] противоречил Ведам и Упанишадам. Какими должны быть наши теологические принципы? На каких принципах будет основываться наша религия? Маленький акцент, с каким вначале был поставлен вопрос, становился сильнее и сильнее, все более вторя эхом в растущем религиозном обществе, пока не превратился в самую практическую из всех проблем: на какой книге должна основываться всякая истинная религия?

Вскоре обнаружилось, что индуистским Писаниям невозможно быть единственным упоминанием об истинной религии. Обнаружилось, что хотя в индуистских Писаниях находятся истины, их невозможно рассматривать как единственный безошибочный критерий духовной действительности. Вот так, спустя двадцать один год после основания Брахмо-Сомай, учение о безошибочности индуистских Писаний было признано несостоятельным.

Затем возник следующий вопрос. Нет ли других Писаний? Разве не говорил я вам однажды, что на императорском троне Индии сегодня сидит христианство с Евангелием Мира в одной руке и скипетром цивилизации – в другой? Библия проникла в Индию. Библия – книга, которую человечество не сможет игнорировать. Поэтому, признавая, с одной стороны, большое вдохновение индуистских Писаний, мы, с другой стороны, не могли поступить иначе, как только признать вдохновенность и авторитет Библии. В 1861 году мы опубликовали книгу, в которой были даны отрывки из всех Писаний, – книгу, которую следовало читать во время наших поклонений. Вовсе не христианские миссионеры обратили наше внимание на Библию, не мусульманские священники показали нам великолепные тексты в Коране, не зороастристы проповедовали нам величие их Зенд-Авесты, но в нашем сердце находился Бог подлинной сущности, источник вдохновения всех книг – Библии, Корана, Зенд-Авесты, – Который привлек наше внимание к превосходствам, открытым в описаниях священных деяний везде. Именно посредством Его руководства и Его света мы познали эти факты, и на скале вечной, нескончаемой реальности был поставлен наш теологический фундамент.

Была ли это теология без морали? Но чем является вдохновенность этой книги или авторитет пророка без личной святости – без чистоты этого храма,

[213] соделанного Богом? Незадолго после того, как мы совладали с нашей теологией, пришлось столкнуться лицом к лицу с фактом, что мы вовсе не являемся добрыми людьми, святыми людьми, с чистым умом, и что вокруг нас, в наших домах, в наших национальных обычаях, в организации нашего общества существуют неисчислимые пороки. Следовательно, Брахмо-Сомай обратило свою руку на реформирование общества. В 1851 году был отпразднован первый смешанный брак. Смешанный брак в Индии означает брак тех, кто принадлежит к разным кастам. Каста – это своего рода Китайская Стена, окружающая каждый дом и каждую маленькую общину, за пределы которой не может выйти ни один отчаянный мужчина и ни одна женщина. Мы спросили в Брахмо-Сомай: "Будет ли навсегда эта Китайская Стена позорить свободу Божьих детей?" Нет! Разрушить ее! Долой ее окончательно.

Затем мой уважаемый наставник и друг Кешаб Чандер Сен устроил так, чтобы состоялся брак между членами различных каст. Брамины были обижены. Мудрецы потрясали своими головами, даже наставники Брахмо-Сомай пожимали плечами, запихивая руки в карманы. "Эти молодые смутьяны, – говорили они, – собираются поджечь все общество". Однако смешанный брак состоялся, а затем и брак одной вдовы.

Знаете ли вы, кем являются вдовы в Индии? Случается, маленькая девочка десяти или двенадцати лет теряет своего мужа еще до того, чем смогла хорошо разглядеть черты его лица, и с этого юного возраста до дня смерти она пройдет сквозь унижения, ограничения, страдания, одиночество и немилость, услышав о которых, вы съежитесь. Я не одобряю и не понимаю поведения женщины, которая выходит замуж первый раз, затем второй раз, третий раз, четвертый – столько раз, сколько существует времен года. Я не понимаю поведения таких мужчин и женщин. Но я думаю, что когда маленькая девочка одиннадцати лет теряет того, кого люди называют ее мужем, чтобы затем быть обреченной на ужасы пожизненного вдовства и навлечь на себя страдания, которые опозорили бы даже преступника, то это большая бесчеловечность, от которой вряд ли скоро удастся избавиться. Вот откуда речь о смешанных браках и браках вдов. Тем самым мы взялись за проблему улучшения общественных и бытовых отношений, в результате чего очень скоро произошел раскол в

[214] Брахмо-Сомай. Мы, молодые люди, вынуждены были уйти – вместе со всей нашей общественной реформой, – чтобы обходиться без сторонней помощи, как нам удастся. Когда эти общественные реформы были частично осуществлены, возник другой вопрос.

Мы выдали замуж вдову; мы предотвратили сожжение вдов; а как обстоит дело с нашей личной чистотой, с освящением нашей собственной совести, с возрождением наших собственных душ? Как с нашим явлением перед внушающим ужас трибуналом Бога безграничной справедливости? Общественная реформа и общественно полезный труд только тогда оправданны, когда они превращаются во всеохватывающий принцип личной чистоты и святости души.

Друзья, признаюсь, меня часто охватывает ужас, когда я размышляю о жизни европейского и американского общества, где ваша деятельность столь многообразна и труд столь обширен, что вы увязли в нем, и у вас мало времени размышлять над великими вопросами возрождения, личного освящения, испытания, суда и принятия Богом. А это вопрос всех вопросов.

После осуществления нашей общественной реформы мы оказались перед серьезным вопросом: “Как возродить эту невозрожденную природу; какая вода нужна для этого осквернённого храма, чтобы омыть его до нового и чистого состояния? Что может положить конец всем этим побуждениям, страстям и злым наклонностям, животным инстинктам, и сделать человека тем, чем он был – безукоризненным дитятей Бога, каким был Христос, какими были все возрожденные люди?” Во-первых, теологический принцип, затем – моральный принцип, и на третьем месте находится духовный принцип Брахмо-Сомай – благочестие, покаяние, молитва, хвала, вера. Также следует положиться полностью и совершенно на дух Бога и на Его спасительную любовь.

[Этот языческий философ только частично понимает, что такое грех – как это свидетельствует из его высказывания: “безукоризненное дитя Бога,. как были все возрожденные люди”. Он не понимает, что даже самые лучшие из падшего рода далеки от того, чтобы быть без пятен, безукоризненными, совершенными. Поэтому для своего оправдания все они нуждаются в заслуге совершенства Христа и жертве за грех. Он говорит о молитве, о вере и т. д., о милости Бога, но еще не познал, что справедливость является

[215] основополагающим фундаментом всех Божьих деяний, что только посредством заслуги Христовой жертвы Бог может быть справедливым и одновременно оправдывающим грешников, верующих в Христа, а значит, покрытых Его великим примирением за грех, совершенным восемнадцать столетий назад – раз за всех, – чтобы засвидетельствовать это для всех в свое время].

Моральные стремления не означают святость; желание быть хорошим еще не означает быть хорошим. Вол, который тащит на своей спине несколько центнеров сахара, не может попробовать даже крупинки сласти, которая давит на него невыносимой тяжестью. И все наши стремления, все наши благие пожелания, все наши приятные сновидения, благие проповеди – то ли услышанные, то ли высказанные (наводящие сон или вынуждающие внимательно вслушиваться) – никогда не сделают жизнь совершенной. Только благочестие, молитва, непосредственное осязание Божьего духа, общность с Ним, полное самоунижение перед Его величием, благочестивая пылкость, религиозное возбуждение, духовная увлеченность, жизнь и движение в Боге – вот тайна личной святости. Поэтому на третьем этапе нашего пути духовное возбуждение, бесконечная преданность, большая настойчивость, вдумчивость, бесконечное самоуничижение (не только перед Богом, но и перед человеком) становятся правилом нашей жизни. Бог невидим, но это никому не причиняет вреда, и не делает человека менее уважаемым, если он говорит Богу: "Я – грешник, прости меня". Но вот признаться перед человеком, умалить себя перед своими братьями и сестрами, отрясти прах с ног святых людей, почувствовать себя ничтожным, жалким существом в священном Божьем собрании – это требует некоторого унижения, некоторой моральной отваги.

Последний принцип, который я должен вспомнить, это прогрессивность Брахмо-Сомай.

Христианство провозглашает славу Бога; индуизм говорит о Его нескончаемом и вечном превосходстве; ислам доказывает огнем и мечом всемогущество Его воли; буддизм говорит, насколько Он полон покоя и радости. Он – Бог всех религий, всех вероисповеданий, всех земель, всех Писаний, и наш прогресс состоит в согласовании этих различных систем, этих различных пророчеств и развитие их в одну большую систему. Вот почему новая система религии в Брахмо-Сомай названа Новой

[216] Эпохой. Христианин говорит восторженными словами о христианстве; так же говорит еврей об иудаизме; так же говорит мусульманин о Коране; так же говорит зороастрист о Зенд-Авесте. Христианин восхищается своим принципом духовной культуры; то же делает индуист; то же самое делает мусульманин.

Однако Брахмо-Сомай принимает и согласовывает все эти заповеди, системы, принципы, учения и наставления, и заключает их в одну систему; это и есть его религия. В течение всех десяти лет мой друг Кешаб Чандер Сен, я и другие апостолы Брахмо-Сомай путешествовали от деревни к деревне, от провинции к провинции, от континента к континенту, провозглашая новую эпоху и согласие всех религиозных пророчеств и систем во славу одного истинного, живого Бога. Но мы зависимы, мы необразованны, мы неумелы, у нас нет денежных средств, чтобы дать возможность людям выслушать наше послание. Но когда пришла полнота времени, вы созвали этот достопочтенный Парламент религий, и послание, которое мы не имели возможности распространять, вы взяли в свои руки для распространения.

Я не прибыл на заседания этого Парламента как простой студент или как тот, кто должен оправдывать свою собственную систему. Я прибыл как ученик, как последователь, как брат. Пусть ваш труд будет благословен изобилием, и пусть будут возвышены не только ваше христианство и ваша Америка, но пусть наиболее возвышенным почувствует себя и Брахмо-Сомай. А этот бедный человек, который прошел сюда столь долгий путь, чтобы просить вашей снисходительности и вашей доброты, пусть почувствует себя сполна вознагражденным.

Пусть распространение Новой Эпохи покоится на вас и сделает вас нашими братьями и сестрами. Представители всех религий, пусть все ваши религии сольются в отцовство Бога и братство людей, чтобы могло исполниться пророчество Христа, чтобы исполнилась надежда мира, и человечество могло стать одним царством с Богом, нашим Отцом".

Перед нами четкое изложение цели и надежд этих заезжих философов; и кто скажет, что они не сумели воспользоваться своими возможностями? Если перед Парламентом мы слышали много об отцовстве Бога и

[217] братстве невозрожденных людей – без какой-либо видимой потребности в Спасителе, Искупителе, чтобы сделать примирение за беззаконие и открыть "путь [возвращения в Божью семью] новый и живой.. чрез завесу, то есть плоть" Его, то с тех пор мы услышали об этом значительно больше. Если перед Парламентом мы слышали об искуплении общества посредством моральных реформ, как противоположности искупления драгоценной кровью, то с тех пор мы услышали еще больше о его без-Христовой религии. Это последний этап падения в эти последние дни Евангельского века. Это будет продолжаться и усиливаться: Священное Писание говорит, что "падут подле тебя тысяча"; апостол Павел увещевает: "Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостоять в день злый"; а Иоанн Откровитель многозначительно спрашивает: "И кто может устоять?" Все содержание Священного Писания указывает, что Божья воля такова, что большое испытание должно теперь прийти на всех, кто называет себя именем Христа, и что вся огромная масса исповедующих-"плевел" должна отпасть от всякого исповедания веры в выкуп-жертву, данную однажды за всех нашим Господом Иисусом, потому что они никогда не принимали эту истину в ее любви (2 Фес. 2: 10-12).

ГОЛОС ИЗ ЯПОНИИ

Когда Киндзя Ринг М. Хараи, ученый японский буддист, читал свой доклад под названием "Истинное отношение Японии к христианству", брови некоторых христианских миссионеров на сцене нахмурились, а головы покачались в знак неодобрения. Однако буддист направил свои язвительные укоры в адрес ложных христиан, которые сделали так много, чтобы воспрепятствовать делу распространения Евангелия в Японии. В докладе говорилось:

"В мире очень мало стран, так неверно истолкованных как Япония. Среди бесчисленных несправедливых суждений наиболее ложно преподносятся религиозные взгляды моих соотечественников, и весь народ осужден как

[218] языческий. Кем бы они не были – язычниками, неверующими или кем-то еще, – факт остается фактом, что от начала нашей истории Япония открыто принимала все учения, а наставления, пришедшие извне, соединились с коренной религией как нельзя более согласованно – как видно на примере многих храмов, построенных во имя истины со смешанными названиями буддизма и синтоизма; как видно на примере духовного родства учителей конфуцианства, даосизма и других -измов, а также священников Будды и Синто; как это видно на примере отдельно взятого японца, который воздает свое уважение всем учениям, упомянутым выше; как видно на примере особой конструкции японских жилищ, имеющих, как правило, две комнаты – одну в виде миниатюрного буддистского храма и другую как маленький алтарь Синто, перед которым семья изучает уважаемые Писания двух религий. В действительности японской особенностью является синтетическая религия, и я не постесняюсь назвать ее японизмом.

Но вы возразите и скажете: "Почему, в таком случае, христианство не принимается вашим народом так тепло, как другие религии?" Вот это то, что я хочу особо представить вам. Существуют две причины того, почему христианство не принимают столь сердечно. Эта большая религия была широко распространена в нашей стране, однако в 1637 году христианские миссионеры вместе с обращенными вызвали трагический и кровавый бунт в стране, и стало ясно, что эти миссионеры намеревались поработить Японию для своей родины. Это возмутило Японию, и правительству Шо-гуна потребовался год для подавления страшного, захватнического волнения. Тем, кто обвиняет нас в том, что наше отечество запретило христианство (не сегодня, а в прошлом веке), я отвечу, что это не было из религиозной или расовой антипатии, а для того, чтобы предотвратить следующее восстание. Чтобы защитить нашу независимость, мы были вынуждены запретить проповедовать евангелия.

Если бы в нашей истории не было такого упоминания о чужеземном опустошении под внешностью религии, и если бы наш народ не имел никакого наследственного страха и предубеждения перед словом "христианство", возможно оно и было бы с готовностью воспринято всем народом. Но этот инцидент миновал, и мы можем его позабыть. Однако нет ничего странного в том, что ужасное подозрение или, скажете вы, предубеждение, что христианство является

[219] орудием ограбления, так или иначе обязано было появиться в уме жителей Востока, если всеми признан факт, что некоторые могущественные народы христианства постепенно вторгаются на Восток, если обстоятельство, о котором пойдет речь, ежедневно давит на наш ум, возрождая яркие воспоминания былых исторических событий. Обстоятельство, о котором я собираюсь рассказать, это то, что мы испытываем сегодня и на что я особо обращаю внимание этого Парламента, и не только Парламента, но и всего христианства.

После 1853 года, когда коммодор Перри прибыл в Японию как посол президента Соединенных Штатов Америки, наша страна сделалась более известной всем западным народам, широко открылись новые порты, и был упразднен запрет на евангелии – как это происходило до христианского восстания. На конвенции в Еддо, ныне Токио, в 1858 году, была достигнута договоренность между Америкой и Японией, а также Европейскими державами. В то время наша страна еще находилась под феодальным правлением, а поскольку мы более двух веков были изолированы (со времени христианского восстания в 1637 году), дипломатия оказалась чем-то совершенно новым для феодальных чиновников, которые целиком доверились западным народам и без всякой поправки приняли каждый пункт соглашения, предложенного иностранными правительствами. Согласно договоренности, мы находимся в очень невыгодном положении. Среди прочих имеются две примечательные статьи, которые лишают нас наших прав и привилегий. Одна из них – экстерриториальность западных народов в Японии, вследствие чего все вопросы прав собственности или личных прав, возникающие между подданными западных народов в моей стране, а также между ними и японцами, подлежат юрисдикции властей западных народов. Другая касается пошлины, которую, за исключением 5 процентов стоимости, мы не имеем права устанавливать там, где по праву могли бы это делать.

Было оговорено также, что любая из участвующих сторон этого соглашения может, предупредив за год до этого другую сторону, потребовать пересмотра на время или после даты 1 июля 1872 года. Поэтому в 1871 году наше правительство потребовало пересмотра, и с тех пор мы постоянно обращаемся

[220] с этим, но иностранные правительства попросту проигнорировали наши требования, принося многочисленные извинения. Одна часть соглашения между Соединенными Штатами Америки и Японией относительно пошлины была аннулирована, за что мы искренне благодарны добросердечному американскому народу. Но я, к сожалению, должен признать, что ни одна европейская держава не пошла по стопам Америки, и наше право относительно пошлины остается в том же положении, что и прежде.

У нас нет никакой судебной силы над иностранцами в Японии, и мы, что совершенно естественно, несем ущерб, правовой и моральный, сообщения о котором постоянно встречаются в нашей местной прессе. Поскольку западные люди живут далеко от нас, им незнакомы конкретные обстоятельства. Возможно, до них доходят время от времени известия о миссионерах и их друзьях в Японии. Я не отрицаю, что эти сообщения правдивы, но если кто-то хочет получить любую достоверную информацию о своем друге, ему следует выслушать мнение о нем многих сторон. Если вы пристально изучите своим беспристрастным умом тот ущерб, который мы несем, вы будете поражены. Среди многочисленных зол существуют некоторые, неизвестные ранее и совершенно новые для нас, "язычников", ни один из которых не осмелится говорить о них даже в частной беседе.

Одним из оправданий, выдвинутых чужеземными народами, является то, что наша страна еще не цивилизована. Разве принцип цивилизованного законодательства заключается в том, чтобы жертвовать правами и выгодами так называемых нецивилизованных или более слабых? Как я понимаю, дух и необходимость законодательства – защитить права и благополучие более слабых от ущемления более сильными. Но я никогда не находил даже в моем поверхностном изучении законодательства, что более слабый должен быть отдан в жертву более сильному. Другой вид оправдания исходит из религиозного источника. Считается, что японцы – идолопоклонники и язычники. Действительно ли наши люди идолопоклонники или нет, вы узнаете сразу, как только изучите наши религиозные взгляды беспристрастно, из японских первоисточников.

Однако, принимая для доказательства, что мы идолопоклонники и язычники, именно христианская мораль попирает права и преимущества нехристианских народов, затеняя их естественное благоденствие черным пятном

[221] несправедливости. Я читаю в Библии: "Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую", но не могу найти выражения, говорящего: "Кто потребует от тебя справедливости, ударь его в правую щеку, и когда он обратится, ударь его и в другую". И еще я читаю в Библии: "И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду", но я не нахожу там слов, которые говорят: "Если ты захочешь судиться с кем и возьмешь его рубашку, то пусть он отдаст тебе и верхнюю одежду".

Вы посылаете своих миссионеров в Японию, и они советуют нам быть высоконравственными и верить христианству. Мы хотим быть высоконравственными, нам известно, что христианство хорошее, и мы весьма благодарны за эту благожелательность. Но одновременно наши люди, скорее, обеспокоены и даже очень сомневаются на счет этого совета, когда мы думаем, что соглашение, принятое во времена феодализма (когда мы были еще молоды) дальше навязывается могущественными народами христианства; когда мы обнаруживаем, что каждый год многие западные корабли, занятые промыслом тюленей, браконьерствуют в наших морях; когда правовые вопросы всегда решаются зарубежными полномочными представителями в Японии не в нашу пользу; когда несколько лет тому назад японцам было запрещено поступать в университеты тихоокеанского побережья Америки, поскольку они другой расы; когда несколько месяцев назад коллегия школ Сан-Франциско приняла постановление, что ни одному японцу не разрешается посещать здесь общественные школы; когда в прошлом году японцев массово выдворили с одной из территорий Соединенных Штатов Америки; когда наших бизнесменов в Сан-Франциско некоторые профсоюзы вынудили не нанимать японских рабочих и служащих, а лишь американских; когда в том же городе есть некоторые, выступающие с трибуны против тех из нас, которые уже находятся здесь; когда во время уличных шествий многие люди несут поднятыми фонари с надписью: "Джепы должны уйти"; когда японцев на Гавайских островах лишили права голоса; когда мы видим некоторых западных людей в Японии, устанавливающих перед входом в свой дом столб с надписью: "Японцам вход запрещен" – что-то наподобие табличек, на которых написано: "Прогуливать собак запрещено". Так вот, оказавшись в такой ситуации, разве нерассудительно нам, интеллигентным язычникам, – несмотря на благожелательность западных народов (с определенной точки зрения),

[222] которые посылают к нам своих миссионеров, – быть обескураженными и сомневаться в том, стоит ли принимать сладкий и мелодичный звук христианских небес? Если такова христианская мораль, что ж, мы совершенно довольны быть язычниками.

Если кто-то будет говорить, что в Японии много людей, говорящих и пишущих против христианства, я не буду лицемерить и скажу искренне, что я был первым в моей стране, кто вообще публично критиковал христианство – нет, не истинное христианство, а ложное христианство, и зло, совершаемое в наш адрес людьми христианства. Если кто-то упрекает японцев в том, что у них имелись сильные антихристианские общества, я искренне признаюсь, что я был первым в Японии, кто когда-либо организовал общество против христианства – не против истинного христианства, а для того чтобы защитить нас от ложного христианства и той несправедливости, которую мы переносим от людей христианства. Не подумайте, что я занимаю такую позицию только потому, что я буддист. Таковыми были мои взгляды еще много лет до того, как я ступил в буддистский храм. И в то же время я с гордостью заявлю, что если кто-то и обсуждал перед общественностью родство всех религий, под названием Синтетическая Религия, то это был я. Говорю вам это потому, что не хочу быть признанным фанатичным буддистским сектантом.

В действительности в моей стране нет никакого сектантства. Нашему народу хорошо известно, какая абстрактная истина находится в христианстве, и мы, или по крайней мере я, говоря с точки зрения учения, не заботимся о названии. Называют ли буддизм христианством или христианство буддизмом, называют ли нас конфуцианцами или синтоистами – не столь важно, но нам важна предлагаемая истина и ее последовательное применение. Дело не в том, спасает ли Христос нас или ведет в ад, был ли Гаутама Будда реальной личностью или такого человека никогда не было, последовательность учения и поведения – вот то, чему мы придаем значительно больше важности. Поэтому, если мы не отклоним замеченного нами несоответствия и, что самое главное, не исправим, на основе принципа равноправия, несправедливое соглашение, которым мы ограничены, наш народ никогда не оставит своих предубеждений по поводу христианства – при всей красноречивости оратора, провозглашающего его истину с трибуны. Нас очень

[223] часто называют “варварами”, и я слышал и читал, что японцы упрямы и не могут понять истины Библии. Я замечу, что в некотором смысле это правда, ведь хотя они увлекаются красноречием оратора и восхищаются его отвагой, хотя они одобряют его логичные аргументы, однако они очень упрямы и не присоединятся к христианству так долго, пока будут понимать, что христианская мораль в том, чтобы проповедовать одно, а на практике делать другое…

Если какая-то религия учит несправедливости к человечеству, я буду ей противостоять, как всегда противостоял моей кровью и душой. Я буду или самым ярым диссентером христианства, или самым горячим поклонником его евангелия. Я заявляю организаторам Парламента, леди и джентльменам мира, собравшимся здесь, что вашей целью является претворение в жизнь Религиозного Союза не номинально, а на деле. Мы, сорок миллионов душ Японии, стоящих твердо и стойко на фундаменте интернациональной справедливости, ждем дальнейших проявлений моральности христианства”.

Какой комментарий причин неудачи христианства обратить мир к истине и праведности! И как он призывает к унижению и покаянию вместо хвастовства!

Голос молодых людей Востока прозвучал из уст Геранта М. Киречяна из Константинополя:

“Братья Восходящего Солнца всех земель, я стою здесь, чтобы представлять молодых людей Востока: от земли пирамид до ледовых полей Сибири – в частности, и от берегов Эгейского моря до акваторий Японии – вообще. Но здесь, на этой великолепной трибуне Парламента Религий, где я оказался рядом с сынами Востока перед лицом американской общественности, моя первая мысль – сказать вам, что вы поневоле созвали совет ваших кредиторов. Мы прибыли не для того, чтобы положить конец вашим усилиям, а чтобы окрылить ваши сердца. Обратитесь к вашим книгам и посмотрите, не верны ли наши слова. Мы дали вам науку, философию, теологию, музыку и поэзию, и громадной ценой создали для вас историю. Более того, из света, сияющего на наши земли с небес, вышли те, кто навеки будет вашим облаком свидетелей и вашим

[224] вдохновением – святые, апостолы, пророки, мученики. С этим богатым капиталом вы накопили колоссальное состояние, так что ваши активы скрывают от ваших глаз вашу задолженность. Мы не хотим делить с вами ваше богатство, но мы справедливо требуем наши дивиденды, и, как обычно, именно молодой человек предоставляет чеки.

Вы не можете заплатить эти дивиденды деньгами. Ваше золото нужно вам самим. Ваше серебро потеряло привлекательность. Мы хотим от вас щедрых дивидендов в виде ваших, полных расположения, сердец. И словно ремесленник, который, сперва взвесив, бросает в свой тигель самородки различной формы и цвета, и затем, когда огонь и флюс сделают свое дело, выливает чистое золото, так и вы, созвав вместе сынов человеческих от концов земли и разместив их здесь перед вами в тигель сосредоточенного мышления и добросовестного поиска истины, обнаружите, когда закончится этот Парламент, что из предубеждений рас и догм, из разнообразия обычаев и поклонений потечет перед вашими глазами не что иное как чистое золото человечности. С тех пор вы будете думать о нас не как о чужестранцах, а как о ваших братьях в Китае, Японии и Индии, о ваших сестрах на островах Греции, на возвышенностях и долинах Армении, и вы оплатите нам такими дивидендами ваших сердец и сами получите такое благословение, что на будущее это превратится в пророческую землю Бейлах и пошлет эхо той благозвучной песни, которая однажды была слышна в нашей земле о “Мире на земле и в человеках благоволение”.

Здесь было столько произнесено для вас людьми мудрости и опыта религиозной жизни великого Востока, что вам не следует ждать от меня вдобавок чего-то еще. Да я и не находился здесь, чтобы рассчитывать дать вам какую-то дополнительную информацию о религиях мира. Тем не менее, существует новый род людей, восставший из всего великого прошлого, влияние которого несомненно будет самым важным фактором деятельности человечества в грядущем столетии. Они – результат всего прошлого, соприкоснувшегося с новой жизнью настоящего – я имею в виду молодых людей Востока, тех, которые готовятся войти в обладание землей вместе со своими братьями с великого Запада.

[225] Я приношу вам философию побережья Босфора и религию города Константина. Все мои твердые убеждения и выводы, созревшие во мне за прошлые годы, были потрясены до основания под влиянием этого Парламента. Но я обнаруживаю сегодня эти корни еще глубже в моем сердце, а ветви их простираются до небес. Я даже не думаю приносить вам что-то новое, но если все эти умозаключения кажутся вам логичными из тех предпосылок, которые человеческий разум способен принять, тогда я чувствую уверенность, что вы поверите нам ради благородной цели и дадите право, как интеллигентным созданиям, твердо следовать тому, что я вам предлагаю.

Когда нынешние молодые люди были детьми, они слышали и видели каждый день в своей жизни не что иное, как неприязнь и разобщение людей разных религий и национальностей. Мне нет необходимости останавливаться на этом и рассказывать вам о влиянии такого поведения на жизнь молодых людей, которые обнаружили себя изолированными, в лагерях, расположенных для сражения против своих собратьев, с которыми им приходилось общаться при исполнении ежедневных обязанностей. Как только свет образования и идеи свободы начали распространяться по всему Востоку во второй половине этого столетия, это бремя на шее молодых людей Востока сделалось еще более досаждающим, а ноша – слишком тяжелой.

Молодые люди всех упомянутых мною национальностей, которые за прошедшие тридцать лет получили образование в университетах Парижа, Хайдельберга, Берлина и других городов Европы, а также в Императорском Лицее Константинополя, сознательно или неумышленно, пассивно или упорно плетут паутину своей религии, да так, что для тысячи молодых людей, для которых их голос является непреложной истиной, это пришло как благодеяние, пленяя их сердце и ум.

Они обнаруживают большое число своих братьев во всех городах Востока, где европейская цивилизация нашла хоть небольшую лазейку, и трудно найти город, который бы не чувствовал их влияния перед завершением этого столетия. Их религия – самая новая из всех религий, и мне не следовало бы приносить ее на эту трибуну, если бы не факт, что это одно из самых мощных влияний, действующих на

[226] Востоке, с которым мы, религиозные молодые люди востока, должны умело справиться, если хотим возыметь хоть небольшое влияние на народы наших земель.

Помните, что существуют люди большого ума, люди больших способностей, люди, которые вместе со всей молодежью Востока доказали, что во всех направлениях искусства и науки, на рынках цивилизованного мира, в армиях народов и по правую руку царей они равны всякой расе людей – от восхода солнца до его заката. Более того, эти люди имеют, по большей части, наилучшие намерения и самые искренние убеждения, и когда вы слышите их мнение о религии и думаете о занимаемой ими позиции, я уверен, вы не способны, как члены Религиозного Парламента, чувствовать что-то другое, кроме наибольшей озабоченности ими и землями, которые они населяют.

Лично я представляю молодых религиозных людей Востока. Но позвольте мне по поручению молодых людей самой новой религии обратиться публично к апостолам всех религий: "Вы прибыли к нам во имя религии, чтобы принести нам то, что мы уже имеем. Мы верим, что человек самодостаточен, если, как вы говорите, его создал совершенный Бог. Если вы оставите его в покое, он будет тем, чем должен быть. Дайте ему образование, обучите его, не связывайте его по рукам и ногам, и он будет совершенным человеком, достойным того, чтобы быть братом любого другого человека. Природа достаточно одарила человека, и вы должны использовать все, что предоставлено вам в вашем уме, прежде чем станете беспокоить Бога дать вам еще больше. К тому же еще никто не обнаружил Бога. Все нужное вдохновение мы имеем в сладострастной поэзии, очаровательной музыке и в обществе изысканных и культурных мужчин и женщин. Если нам предстоит что-то слушать, то пусть Гендель расскажет нам о Мессии, а если отзвук должны подать небеса, то достаточно интерпретации Бетховена.

Мы не имеем ничего против вас, христиан, но что касается всех религий, мы вынуждены сказать, что вы сделали для человечества наибольшее из возможных зол, подняв людей против людей и народ против народа. И теперь, чтобы сделать плохое еще худшим, вы, в эту пору удивительной практичности ума, пришли наполнить человеческие умы невозможными вещами и обременить их мозг бесконечными дискуссиями тысячи сект. О многих я слышал до вас, и знаю как много еще может быть впоследствии. Мы считаем, что из всех вы

[227] те, кого следует избегать, потому что ваша философия и ваши учения порождают пессимизм на земле.

Затем, с религиозным инстинктом и внутренним уважением, присущим всем на Востоке, я вынужден неожиданно сказать следующее: "Взгляните сюда, ведь мы не атеисты, неверующие или скептики. У нас для этого просто нет времени. Мы полны вдохновения в стремлении к высшей жизни и желаем свободы всем молодых людям в мире. У нас есть религия, объединяющая всех людей всех стран и наполняющая землю радостью. Она удовлетворяет всякую человеческую потребность, поэтому мы знаем, что это истинная религия – особенно потому, что она создает мир и наибольшее согласие. Вот поэтому мы не хотим никаких ваших "измов" и никакой другой системы или доктрины. Мы не материалисты, не социалисты, не рационалисты или пессимисты, но мы и не идеалисты. Наша религия – самая первая, какая была, и также самая новая из новых: мы джентльмены. Вы можете во имя мира и человечности оставить нас в покое? Если вы снова пригласите нас во имя религии, то мы сперва условимся, но если снова придете нам проповедовать – нас не будет дома.

Таков молодой человек Востока, похожий на зеленое лавровое дерево. И когда один уходит, так что вы не можете его найти на месте, брешь заполняет двадцать следующих. Поверьте мне, я не преувеличиваю: я слышал слово в слово, и даже вдесятеро больше, от интеллигентных людей в армии и на флоте, в торговле и в судах, во время разговоров и в веских доводах, на улицах Константинополя, на кораблях Золотого Мыса и Босфора, в Румынии и Болгарии, а также в Париже, Нью-Йорке и в Аудиториум Чикаго, от турок и армян, от греков и евреев, а также от болгар и сербов, и могу сказать вам, что эта новейшая замена религии, держащая врата торговли и литературы, науки и законодательства (в Европе и на Востоке), является самой могущественной силой в формировании судьбы народов востока и должна разумно учитываться в воззрениях будущей религии, и также должна сопровождаться доводами, столь убедительными в глазах молодых людей Востока, как те, которые наука и литература дала в руки огромной армии класса новых джентльменов.

Есть еще другой класс молодых людей Востока, именующий себя религиозной молодежью и держащийся

[228] древней веры своих отцов. Позвольте мне отнести на их счет честность намерений, интеллигентность ума, а также твердое убеждение. Я прибыл сюда говорить и от их имени, ведь говоря за них, я говорю также за себя. Вы, естественно, понимаете, что с самых ранних дней мы вынуждены находиться в контакте с Новой Религией (позвольте называть ее так для удобства). Мы вынуждены находиться в колледжах и университетах с теми же молодыми людьми. Мы вынуждены рука об руку проникать во всякую науку и историю, литературу, музыку и поэзию, и, естественно, мы разделяем с ними твердую веру во все научные выводы и крепко держимся каждого принципа человеческой свободы.

Во-первых, все молодые люди востока, имеющие глубокие религиозные убеждения, отстаивают человеческое достоинство. Я сожалею, что вынужден начинать с этого, но из смешанных голосов и аргументов философов и теологов перед нами предстал столь неизбежный вывод о несовершенстве человечества, что прежде, чем мы можем говорить о какой бы то ни было религии для себя, мы вынуждены выступить и сказать: "Мы верим, что мы люди". Для нас является клеветой на человечество и недоверием к Богу, создавшему человека, говорить, что человек не является самодостаточным, и что он нуждается в религии, чтобы та пришла и сделала его совершенным.

[Заметьте, как этот простой человек обвиняет и извиняется на одном дыхании. Хотя невозможно отрицать несовершенство, утверждается способность сделать себя со временем совершенным. Тем самым язычники игнорируют, так же как сегодня светски настроенное христианство отрицает, необходимость "драгоценной крови" "жертвы за грех", предоставленной Богом.]

Дискредитация человечества – смотреть на ту или иную человеческую семью и говорить, что люди показывают понимание доброты, истины, высоких идеалов и жизни, которые превосходят обычные животные влечения, лишь потому, что они получили религиозное учение посредством того или иного человека или откровения с неба. Мы верим, что если человек является человеком, то он имеет все это в себе, так же как ему принадлежат все свойства его тела. Можете ли вы сказать мне, почему цветная капуста, высаженная мною в поле, может расти в великолепии и совершенстве своих извилин, а мой мозг, который тот же Бог создал в сто тысяч раз более изящным и

[229] совершенным, не может развить свои извилины и делать то, что, по мнению Бога, я должен делать, и иметь наивысшее понимание, которое, по Его замыслу, я должен иметь? Почему беспомощный головастик способен развиться и превратиться в лягушку с совершенными, упругими конечностями и выпирающей грудью, и эти лягушки с удовольствием будут держаться вместе и квакать сообща, а людям нужна религия и помощь извне, чтобы они могли развиться к человеческому совершенству в плоти и душе и могли осознать братство людей и жить в мире на Божьей земле? Считаю, что провозглашение и молчаливое принятие любого такого учения является выражением недоверия к Богу, создавшему человека.

Мы также не принимаем необоснованных выводов науки. Мы не имеем ничего общего с обезьянами. Если они хотят разговаривать с нами, им придется дорасти до нас. Существует западный дух создавать себе трудности, который мы не можем понять. Первое, что я пережил в Соединенных Штатах, было участие в вечеринке молодых леди и джентльменов в Филадельфия Сити. Тема вечера была: имеет ли животное душу, и в качестве примера был взят кот. Были процитированы весьма серьезные и эрудированные издания. Итог был таков, что, не зная, чем в сущности являются кот и душа, они не могут решить вопрос, и что проблема настолько серьезная, что ее надо поручить религии. А теперь предположим, что армянская девочка спрашивает свою маму, имеет ли кошка душу? Та, наверное, заключит ответ в скобки и скажет, к примеру: “Моя милая, иди вниз и посмотри, не кипит ли вода. (Что за вопрос пришел тебе в голову? Конечно, коты имеют душу. Коты имеют кошачью душу, а люди – человеческую.) Ну, иди же”. И дитя побежит вниз, радуясь своей человечности. И если моя американская леди однажды обязательно столкнется с недостающим звеном, о котором мы столько наслышаны, ее самообладание и здесь останется невозмутимым, и она дальше будет гордиться своей человеческой природой, рассказывая вам, что недостающее звено имеет душу недостающего звена, а человек имеет душу человека.

До сих пор мы шли с молодыми людьми класса джентльменов рука об руку на одном уровне человеческого бытия. Но вот угол, на котором мы расходимся и выбираем совершенно разные пути. Мы требуем: “Оставьте нас в покое, и мы сможем выпрямиться и подняться к высотам нашего предназначения”. И тут мы обнаруживаем

[230] невидимую силу, которая не оставит нас в покое. Мы обнаруживаем, что мы способны совершать почти все в науке и искусстве. Но когда приходится воплощать наш замысел возвышенного и благородного, правильного и необходимого для нашего развития, нам не хватает крепости и силы преодолевать. Я представляю это в наиболее простой форме, так как не имею здесь возможности излагать более пространно. Однако факт остается для нас столь же реальным, как само достоинство человека, что существует сила, которая уводит мужчин и женщин с пути порядочности и благородства, по которому, как им известно, они должны идти. Вы не будете утверждать, что такова неотъемлемая часть человека, так как мы чувствуем, что это нам не принадлежит. А если это нам не принадлежало, и для человека было целиком оправданным катиться вниз к деградации, несчастью, жадности и стремлению раздавить своего ближнего, мы скажем: "Оставьте его в покое, и пусть он делает то, что, как Бог считает, он должен делать".

Если коротко, я советую здесь каждому, кто готов умерить пыл своего вероучения, остановиться вот на чем (пока не была достигнута критическая точка): "И я верую в дьявола, заклятого врага Бога, обвинителя Бога перед человеком". Один дьявол на всю вселенную? Ну и что. Легион ангелов, осаждающий каждую душу? Какая нам разница. Нам известно, что есть мощь вне человека, которая со всей силой оттягивает его в сторону. И ни одна сила на земле не может этому сопротивляться.

И вот здесь появляется наша религия. Если у вас есть религия для молодых людей Востока, она должна прийти с силой, которая уравновесит и даже перевесит силу зла в мире. Тогда человек будет иметь свободу расти и быть тем, чем, по намерению Бога, он должен быть. Мы хотим Бога. Мы хотим духа Бога. И религия, которая приходит к нам под любым названием и в любом виде, должна это приносить, иначе для нас это не религия. Мы верим в Бога, но не в Бога протоплазмы, Который прячется между молекулами материи, а в Бога, детьми Которого мы являемся.

Так вот, третьим пунктом нашей философии и протеста мы ставим достоинство Бога. Разве рыцарство умерло? Разве все понятия возвышенной и благородной жизни, безупречной чистоты исчезли из сердец людей, так что мы не способны требовать рыцарского и княжеского достоинства во дворах нашего Бога? Мы знаем, что мы Его дети, потому что делаем Его дела и думаем Его

[231] мыслями. Все, что мы хотим делать, это быть похожими на Него. Верно ли, что я могу перейти землю и море, прильнуть к сердцу моей матери и почувствовать ее руки, обнимающие меня, но не могу, как Божье дитя, стоя беспомощным во вселенной, против силы, которую не способен победить, поднять мои руки к Нему и молить Его, чтобы я мог иметь Его дух в моей душе и чувствовать Его вечные объятия, поддерживающие меня в моей немощи?

И вот здесь появляется проповедник древности и современная церковь, говоря нам о Том, Кто действительно победил мир, и что Он снизошел свыше. Нам не надо говорить, что Он снизошел свыше, потому что ни один человек, родившийся от жены, не делал такого. Но мы убеждены, что посредством благодати и пути, который Он нам указал, дух Бога действительно входит в сердца людей, и я могу почувствовать его в моем сердце, как он сражается вместе со мной против греха и укрепляет мое сердце, чтобы держаться неуклонно того, что, знаю, является правильным благодаря божественности во мне.

Вот так с дрожащей рукой, но с твердым убеждением, с большой удрученностью при виде человечества, но с радостью вечного триумфа, я шагаю со всеми вами к златым вратам двадцатого столетия, где старейшины грядущего союза человечества сидят, чтобы дать суд религии, которая войдет этими вратами, чтобы поддерживать человеческое сердце. Я ставлю там – рядом с Восточным Конфуцианством и современной Теософией, древним Восточным Буддизмом и современным Спиритуализмом, а также всякой верой древности, современным материализмом, рационализмом и идеализмом – древнее восточное Христианство с его Христом, силой Бога и мудростью Бога, с его крестом, который все еще излучает любовь Бога,

“ВОЗВЫШАЯСЬ НАД РУИНАМИ ВРЕМЕНИ”.

Этот докладчик, хотя и не был делегированным представителем армянской католической церкви, очевидно, представляет вещи с точки зрения армянских христиан, которых турки недавно преследовали самым варварским образом. Его обращение содержит много знаменательных пунктов. Но не следует думать, будто он яркий пример молодых людей

[232] Востока. Просто он намного опережает тех, к кому говорит. Его обращение также не дает истинного представления об армянском католицизме с его молитвами за умерших, его поклонением иконам, святым и Деве Марии, его исповедями, его богохульным учением о Литургии* – весьма близко напоминающим выдумки антихриста. Все те, кто жертвует "мерзость" Литургии, показывают тем самым, что они имеют ничтожное понятие и мало оценивают истинный крест и его единую жертву "единократно". "Восточное христианство", на которое указывает нам этот молодой человек, это не то христианство, которое мы уважаем и примеру которого хотим следовать: мы возвращаемся назад к христианству (возвещенному и проиллюстрированному Христом, нашим Господом и Искупителем, и Его апостолами, а также изложенному в Священных Писаниях) – не Восточному, не Западному, не Католическому (т. е. универсальному, или общему), а к силе Бога и мудрости Бога "всякому" ВЕРУЮЩЕМУ к праведности (Рим. 1: 16).

*Том III, стр. 98.

Даже внимательный наблюдатель не сможет разглядеть благородных чувств некоторых ищущих Бога и стремящихся к праведности, если не заметит различия между их серьезной искренностью, их благородным намерением, их усилием поднять перед своими ближними наивысший критерий праведности, который они способны увидеть, и компромиссным поведением столь многих христиан, более привилегированных знанием истины благодаря своему рождению и окружению, которые сегодня так стремятся продать ее ценой огромной жертвы ее благородными принципами, лишь бы получить нынешнее общее признание. Кому дано много, от того много потребуется Господом, Который сегодня взвешивает всех на весах.

И хотя некоторые зарубежные представители вызывают наше восхищение и уважение, большая часть из них

[233] довольствовалась своей привилегией выступить и предложить собственные суеверия этой представительной ассамблее цивилизованных и просвещенных народов. Буддизм, синтоизм, брахманизм, конфуцианство и ислам снова и снова выступали с огромной смелостью, а один мусульманский апостол даже имел дерзость порекомендовать полигамию. Этого было уже слишком для аудитории, однако проявление ее неодобрения быстро унял председательствующий, д-р Берроуз, который напомнил о цели Парламента: позволить всем одинаково быть выслушанными без дискуссии. Так вот, у всех имелось предостаточно возможностей быть выслушанными и свободно приводить свои доводы перед довольно шаткими умами тысяч исповедующих христиан, и, как следствие, они имели достаточно основания надеяться найти обращенных в свою религию здесь в Америке. Та же привилегия была предоставлена многим антихристианским движениям, таким как христианская наука, теософия, сведенборгианизм и пр.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ БОЛЬШОГО ПАРЛАМЕНТА

Заключительные настроения Большого Парламента показывают, сколь непреклонным является этот дух компромисса со стороны протестантского христианства. Затруднения, к которым привел их суд этого дня, столь безысходны, что они приветствуют с наибольшим энтузиазмом наименьшее проявление стремления к единству даже со стороны самых мрачных форм язычества. Предлагаем следующие краткие выдержки:

Суами Виве Кананда (жрец из Бомбея, Индия) сказал:

“Здесь много говорили об общем фундаменте религиозного единства. Я не собираюсь сейчас выступать с собственной теорией; но если кто-нибудь здесь надеется, что такое единство придет путем триумфа какой-нибудь одной религии и крушения другой, я скажу ему: “Брат, твоя надежда неосуществима”. Хочу ли я, чтобы христианин стал индусом? Боже упаси. Хочу ли я, чтобы индус или буддист

[234] стал христианином? Боже упаси. Христианин не должен становится индусом или буддист – христианином. Учитесь думать без предубеждений.. Если теология и догма стоят на вашем пути в поисках истины, уберите их в сторону. Будьте ревностны и совершайте ваше собственное спасение с усердием, и плоды святости будут ваши".

Вишанд Ганди (яинист из Индии) сказал:

"Если вы позволите "язычнику" произнести обращение мира и любви, я только попрошу вас взглянуть на многообразие предложенных вам идей в духе гуманности, а не с суеверием и фанатизмом.. Я умоляю вас изучить различные религиозные системы со всех точек зрения".

Многоуважаемый Шабита, наивысший жрец религии синто, Япония, сказал:

"Все, что я хочу сделать, это помочь вам осуществить план создания всемирного братства под единой крышей истины. Вы знаете, что в единстве сила. Теперь я молюсь, чтобы восемь миллионов божеств, охраняющих Японию, страну цветущей вишни, могли защитить вас и ваше правительство навеки, и с этим я прощаюсь с вами".

Г. Дхармапала из Цейлона сказал:

"Я передаю вам мои самые теплые приветствия от имени четырехсот семидесяти пяти миллионов моих собратьев-верующих, последователей доброго Повелителя Будды Гаутама.. Вы услышали от ваших братьев из дальнего Востока изложение тех религиозных систем, последователями которых они являются,. вы выслушали с достойным похвалы терпением учения всепрощающего Будды посредством его покорных последователей" и т. д. и т. п.

Епископ Кин (римо-католик) сказал:

"Когда приглашение на этот Парламент было послано старой католической церкви, люди говорили: "Придет ли она?" А старая католическая церковь сказала: "Кто еще имеет такое право прибыть в Парламент всех религий мира, как не старая католическая всемирная церковь?".. Даже если бы ей пришлось стоять одной на этой трибуне, она стояла бы на ней. И старая церковь пришла, и рада встрече со своими сподвижниками, своими единоверцами, своими единомышленниками всякого оттенка

[235] человеколюбия и вида вероучения.. Не будем ли мы молиться, чтобы здесь могло быть посеяно зерно, которое затем вырастет до всеобъемлющего и совершенного союза? Если бы для нас не было ничего лучшего, как только быть разделенными, наш Господь не молился бы, чтобы мы могли быть одно, как Он и Отец одно. [Но они не молятся о таком единстве, которое существует между Отцом и Сыном: предлагаемый союз весьма отличается от этого]".

Высказанные таким образом настроения нашли самую полную поддержку в Парламенте у протестантских представителей. Так, например, уваж. д-р Кендлин, миссионер в Китае, сказал:

"Традиционным, преобладающим среди христиан всего мира взглядом на религию является то, что христианство правдиво, тогда как все другие религии – ошибочны; что христианство – от Бога, тогда как все другие религии – от дьявола, или, уже немного сдержаннее, что христианство является откровением с небес, тогда как другие религии придуманы людьми. Вы знаете лучше и можете, имея ясный свет и крепкое заверение, засвидетельствовать, что между религией и религией возможна дружба вместо антагонизма, а поскольку Бог – наш общий Отец, наши сердца одинаково томились по Нему, и наши души в самом преданном расположении подхватывали шепот благодати, исходящий от Его престола. Вот это и есть Пятидесятница; за ней идет обращение мира".

Так ли? Каково сходство между этой попыткой поступиться истиной и праведностью ради общества антихриста и идолопоклонничества и тем верным, молящимся собранием в Иерусалиме, терпеливо ожидающим силы свыше? И в чем было проявление похожего излияния Святого Духа на это разношерстное общество? Если вслед за этим должно последовать обращение мира, то я попрошу позволения спросить: "К чему должен быть обращен мир?" Такое обещание, даже при всех громких фанфарах, не удовлетворяет испытательного характера этого судного часа.

Уваж. д-р Бристоль из методистской церкви сказал:

"Только добро, бесконечное добро принесет этот Парламент. Мы глубоко и бесконечно

[236] признательны всем, кто прибыл издалека. Некоторые из них представляют цивилизацию, древнюю уже тогда, когда Ромулус основывал Рим, философии и песни которой были преисполнены мудрости и богатства рифмы еще до того, как Гомер пел свои Илиады грекам, и они расширили идеи нашего общего гуманизма. Они принесли нам душистые цветы восточных вероучений, богатые самоцветы древних кладезей великих философий, и сегодня вечером мы стали богаче от того, что они поделились с нами своими мыслями, и особенно от нашего общения с ними в духе. [Ну и признание!]

Еще никогда не было такого светлого и обнадеживающего дня для нашего общего гуманизма в отношении терпимости и всемирного братства. Мы еще увидим, что благодаря словам, принесенным нам этими гостями, и влиянию, которое они оказали, они будут щедро вознаграждены осознанием своей причастности к этому могущественному движению, содержащему в себе обещание одной веры, одного Господа, одного Отца, одного братства.

Благословение нашего Бога и нашего Отца да будет с вами, братья востока; благословение нашего Спасителя, нашего старшего брата, учителя братства людей, да будет с вами и вашими народами навеки".

Уваж. Август Чепин сказал:

"Мы, приветствовавшие, ныне желаем успеха уезжающим гостям. Мы рады, что вы приехали, о мудрецы Востока. С вашими словами мудрости, вашей большой снисходительностью и вашей добротой мы рады были сидеть у ваших ног и учиться этому. Мы рады были увидеть вас лицо в лицо и отныне будем считать вас больше, чем когда-либо, нашими друзьями и соратниками в великих делах религии.

Теперь мы рады, что вы уезжаете к вашим далеким домам, чтобы рассказать историю всего, что было сказано и сделано в этом великом Парламенте, и что вы, тем самым, приведете Восток к более близким отношениям с Западом и разъясните то понимание, которое существует между всеми религиями. Мы рады словам, сказанным исполненными мудрости мужчинами и женщинами Запада, которые прибыли и вручили нам предварительно омытые крупинки золота. То, что я сказал вначале, я повторю сейчас, при завершении этого Парламента: "Это было самое большое собрание во имя религии, когда-либо имевшее место на поверхности земли".

[237] Уваж. Дженкин Ллойд Джонс сказал:

“Я желаю вам, гостям, с которыми мы расстаемся, удачи. Это исходит от души, которая рада осознавать свое родство со всеми землями и со всеми религиями. Уезжая, вы оставляете в наших сердцах не только более гостеприимные чувства к вероучениям, представляемым вами, но и сердечные, полные любви узы, связывающие вас в союз, который будет нашей радостью и нашей жизнью навеки”.

Д-р Берроуз (председательствующий) сказал:

“Наши надежды более чем осуществились. Чувство, вдохновившее этот Парламент, держало нас вместе. Принципы, в согласии с которыми проходила эта историческая конвенция, были преданы испытанию. И хотя иногда в них чувствовалась натянутость, они были адекватными. Терпимость, братская доброжелательность, вера в искренность друг друга, беспристрастные и настойчивые поиски сплоченности религии, честные намерения каждого изложить свое вероучение без компромисса и недружеской критики – вот принципы, в которых, благодаря вашей благонадежности и отваге, не было недостатка.

Мужи Азии и Европы, мы обрадовались вашему приезду и стали мудрее. Я счастлив, что вам понравилось наше гостеприимство” и т. п.”.

Замечания президента Боннея были очень похожи. И тогда, вместе с молитвой иудейского раввина и благословением римо-католического епископа, великий Парламент пришел к завершению, и пять тысяч голосов соединились, декламируя ангельское послание “Мира не земле и благоволения людям”.

ПЕРСПЕКТИВА

Но, взгляните, какой жертвой принципа, истины и преданности Богу были сделаны вышеизложенные заявления миру, да еще в самом преддверии божественно предсказанного времени скорби, какой никогда не бывало с тех пор, как существуют люди – скорби, которую все мыслящие люди начинают осознавать, и кульминации которой с ее последствиями в огромной мере опасаются. Этот страх подталкивает разрозненные массы

[238] людей к взаимной защите и сотрудничеству. Но это только ход человеческой политики с целью попытаться успокоить опасения церкви восклицаниями: "«Мир! Мир!» А мира нет" (Иер. 6: 14). Этот вопль о мире, исходящий от церкви, показательным образом характеризуется тем же нелепым звоном неискренности, который исходил от представителей народов на огромном празднестве в Киль, упомянутом в предыдущей главе. В то самое время, как гражданские власти провозглашали мир ужасным грохотом орудий, церковные власти провозглашают его большим, дерзким, хвастливым компромиссом по отношению к истине и праведности. Близок час, когда сам Господь возвестит народам мир (Зах. 9: 10), но это не произойдет до тех пор, пока Он сперва не явит, не покажет Свое присутствие в вихре революции и в буре скорби (Наум. 1: 3).

Парламент, если смотреть с его точки зрения, был назван в огромной степени успешным, а бездумные люди, по обыкновению очарованные оживлением, блеском и внешностью, ответили: "Аминь!" Они безрассудно вообразили себе, что весь невозрожденный мир следует собрать во всеобщие узы религиозного единства и братства, при том, что все должны мыслить, действовать и идти ощупью во тьме неведения и суеверия и ходить вышеупомянутыми путями зла, как они это делали всегда, отвергая "свет, воссиявший от лица Иисуса Христа", который является единственным истинным светом (2 Кор. 4: 6; Иоан. 1: 9; 3: 19). И христиане радуются этой перспективе, и приветствуют столь иллюзорное событие, как самое славное событие в истории.

Хотя по созданному великим Парламентом впечатлению это был первый шаг, к тому же большой, к осуществлению ангельского послания при рождении Христа о мире на земле и благоволении людям, однако, если правильно смотреть, это было еще одно проявление неверия христианства. Воистину, как говорит пророк: "Мудрость мудрецов его погибнет, и разума у разумных его

[239] не станет" (Ис. 29: 14). И еще мы слышим, как он говорит: "Разбивайте, народы, но вы будете разбиты; и внимайте, все дальние края земли! Препояшьтесь [связывайтесь вместе], но будете разбиты! Препояшьтесь, но будете разбиты! Держите совет, но он расстроится; изрекайте решение [ради единства], но оно не состоится..." (Ис. 8: 9, 10, Иосиф.).

Вместе с псалмопевцем мы снова выносим на обсуждение вопрос: "Зачем.. племена замышляют тщетное? [Почему они вопят: "«Мир! Мир!», а мира нет"?]. Восстают цари земли [светские и церковные], и князья совещаются вместе против Господа и против Помазанника Его: «Расторгнем узы их, и свергнем с себя оковы их»".

"Живущий на небесах посмеется, Господь поругается им. Тогда скажет им во гневе Своем, и яростию Своею приведет их в смятение" (Пс. 2: 1-5).

Когда избранный Божий народ – духовный Израиль сегодня, наподобие телесного Израиля древности, – оставляет Его Слово, Его руководство и стремится связать себя с народами, не знающими Бога, и смешать божественную истину со светскими философиями, он предпринимает на свой страх и риск шаги, которые не осознает сполна, и, безусловно, сделал бы хорошо, если бы обратил внимание на Божье возмездие Его древнему народу и внял предостережению.

Четко прослеживается несколько весьма неблагоприятных последствий Парламента:

(1) Он предложил и так шатким умам христиан различные языческие философии, да еще с самой положительной стороны. Впоследствии мы узнали, что один из делегатов Парламента от Индии – м-р Вирханди Р. Ганди из Бомбея, секретарь общества яинистов, – вернулся в Америку пропагандировать свои взгляды, создав в Чикаго свою штаб-квартиру. Цитируем следующее опубликованное объяснение его намерений:

[240] “М-р Ганди не прибыл делать прозелитов. Правило учения яинистов запрещает это; но он прибыл основать школу восточной философии, штаб-квартира которой будет находиться в Чикаго, а филиалы – в Кливленд, Вашингтоне, Нью-Йорке, Рочестере и других городах. Он не прибыл как миссионер обращать американцев в ту или иную форму индуизма. Согласно его идее, “истинный смысл индуистского поклонения не в пропагандизме, а в духе, универсальном духе любви и силы, чувствительном к осознанию братства – не только братства самих людей, но и всего живого, – которого действительно ищут своими устами все народы, но которое на деле еще пренебрегается миром”. Короче, таковы принципы его учения и платформа, на которой он стоит: не упрашивать американцев присоединиться к нему, а быть готовым к их сотрудничеству”.

Бесспорно, во многих умах создалось впечатление, что в религии нет ничего устоявшегося. О таких последствиях даже намекал один из делегатов из Сирии – Христофор Ибара, который сказал:

“Мои Братья и Сестры в почитании Бога! Сегодня в глазах всего мира все религии на этом общем религиозном конгрессе похожи друг на друга. Каждая из этих религий имеет своих сторонников, осознающих и предпочитающих свою собственную религию другим религиям, и они могут предложить некоторые аргументы или основания, чтобы убедить других в достоинстве и истинности их собственной формы религии. После таких дискуссий могут прийти перемены и даже сомнения относительно всех религий, или предположение, что все вероучения идентичны. Как следствие, может снизиться, то есть уменьшиться, уважение к каждой религии; может возникнуть сомнение относительно всех вдохновенных книг или наступить общее пренебрежение, отчего не останется никого, кто держался бы той или иной религии. Многие могут совершенно пренебречь религиозными обязанностями по причине беспокойства сердца, а также по причине взглядов, преобладающих в какой-то одной форме религии, как это по-прежнему происходит в среде миллионов в Европе и Америке. Поэтому я полагаю, что следует избрать комитет из больших религий, чтобы изучить догмы и сделать полное и целостное сравнение, одобрив истинную религию и предложив ее людям”.

[241] (2) Он создал особые дружеские отношения между “Вавилоном великим, матерью блудницам”, то есть церковью Рима, и ее многочисленными дочерьми, различными протестантскими сектами, которые гордятся своим стыдом и надменны по поводу своих постыдных связей.

(3) Он сделал большой шаг, за которым последуют другие, уже предлагаемые шаги к определенному единству всех религий – к еще более тесному союзу (номинальной) церкви и мира. На последнем заседании Парламента президент сделал публичное заявление, что “будет принято воззвание к братству с целью содействия во всех частях мира продолжению великого дела, в котором был задействован конгресс 1893 года”.

(4) Он фактически сказал язычникам, что на деле нет никакой необходимости в христианских миссиях; что христиане сами не уверены в своей религии; что их собственные религии достаточно хороши, если им искренне следовать; что христианство, говоря без преувеличений, можно принимать только с определенной долей скептицизма. С удивлением приходится заметить, как языческие представители охарактеризовали номинальное христианство, как отчетливо они сделали разницу между христианством “христианства” и христианством Библии и как остро они всякий раз бросали свои упреки.

(5) Он сказал растерянному христианству: “«Мир! Мир!» А мира нет”, – вместо того чтобы трубить тревогу, как говорит пророк (Иоил. 2: 1): “Трубите трубою на Сионе и бейте тревогу на святой горе Моей.. ибо наступает день Господень, ибо он близок”, и призывать всех смириться под крепкую руку Божию.

(6) Парламент, скорее всего, был своеобразным мероприятием, порожденным боязнью ведущих лиц христианства по мере распознания ими близкой скорби этого дня Господа. Оживление имело свое начало в растерянной и

[242] обеспокоенной пресвитерианской церкви. Этот вопль: “Мир! Мир!” посреди поднимающейся бури напоминает пророчество: “Ибо когда будут говорить «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба” (1 Фес. 5: 3).

Пусть Божьи дети не обманываются ложными предсказаниями Вавилона. В одном лишь Боге мы можем найти надежное убежище (Пс. 90). Поэтому сплотимся теснее вокруг креста Христова, в котором наша единственная надежда. Пусть всемирное братство ложных религий и отступнического христианства само покажет цену таких взаимоотношений. Мы же будем признавать исключительно братство во Христе – братство всех, кто доверяет одному лишь Христу ради спасения через веру в Его драгоценную кровь. Другие люди не являются детьми Бога и не будут таковыми, пока не придут к Нему верою в Христа как своего Искупителя, своей замены. Они – “чада гнева”, как и мы были до того, как вошли в Христа (Еф. 2: 3), а некоторые являются “сынами лукавого”, чьи дела они совершают. Когда, по причине греха Бог осудил Адама и его потомство на смерть, Он больше не признавал и не рассматривал их как сынов. И только тогда, когда люди входят в Христа верою в Его драгоценную кровь, они восстановлены к этим блаженным взаимоотношениям с Богом. Следовательно, если мы больше не являемся чадами гнева, но приняты Богом, как Его сыны через Христа, то другие люди, не признаваемые так Богом, ни в каком смысле не являются нашими братьями. Пусть все сыны света бодрствуют и трезвятся (1 Фес. 5: 5, 6); пусть воины креста будут доблестными ради истины и не принимают никакого другого евангелия – даже если бы его благовествовал ангел с неба (Гал. 1: 8); и пусть они не договариваются ни о каком союзе ни с каким классом, за исключением посвященных верных последователей “Агнца Божьего, Который берет грех мира”.

В то время как номинальная церковь полна желания и стремления идти на компромисс и объединяться со всеми языческими религиями мира в большую “мировую религию”, которая увековечит все

[243] их ложные учения и злые поступки, давайте послушаем некоторые признания и изложения фактов, сделанные теми, кто не столь увлечен идеей религиозного единства – фактов, показывающих печальное состояние мира, пагубные последствия ложных религий и полную несостоятельность надежд когда-либо обратить мир посредством церкви в ее нынешнем состоянии. До тех пор, пока церковь – не ложная церковь, но истинная, имена которой записаны на небесах, преданная и верно посвященная, зачатая от Духа Бога и веденная им – не будет наделена властью свыше, пока она не достигнет своего полного развития и не будет возвышена с Христом в Тысячелетнем Царстве, она не сможет осуществить обращения мира к Богу и Его праведности.

В одном выпуске "Missionary Review", появившемся несколько лет тому назад, мы имеем следующее признание неудачи церкви в деле обращения мира:

"Один миллиард душ, две третьих человеческого рода – всякого рода язычники, мусульмане – в своем большинстве еще должны увидеть Библию или услышать евангельское послание. К этим миллиардам церкви христианства сегодня посылают почти 10 000 протестантских миссионеров, мужчин и женщин. Тибет, почти вся Центральная Азия, Афганистан, Белуджистан, почти вся Аравия, большая часть Судана, Абиссиния и Филиппинские острова не имеют миссионеров. Большие округа Западного Китая, Свободного Государства Восточного и Центрального Конго, большие части Южной Америки и многие морские острова почти или совершенно не задействованы".

Небольшая брошюра под названием "Столетие протестантских миссий" уваж. Джеймса Джонсона предлагает следующие цифры, которые, как подмечено, "достаточно ужасающи, чтобы потрясти христианство". На основании брошюры следует, что (1) на протяжении последней сотни лет протестантизм обрел 3 000 000 обращенных из числа язычников,

[244] тогда как число язычников увеличилось за этот период по меньшей мере на 200 000 000 человек; (2) быстрое продвижение язычества зависит не только от естественного прироста языческого населения, но и от факта, что сторонники Брахмы, Будды и Магомета могут гордиться гораздо большим числом обращенных в свои вероучения, нежели протестантские христианские церкви. Так вот, на каждого обращенного в христианство, которого потерял индуизм, он обретает новую тысячу из туземных племен Индии, которую он постепенно поглощает. Буддизм делает ощутимый прогресс среди племен северных китайских колоний – и даже следует за китайскими эмигрантами и возводит необычные храмы на землях Австралии и Америки. Но наиболее удивительный прогресс из всех достигнут исламом. В некоторых частях Африки он распространяется с поразительной быстротой. То же происходит в меньшей степени (но быстро) в Индии и на архипелаге. Вот факты, которые упомянутый джентльмен счел обязательным упомянуть; однако он стремится подавить критику, утверждая, что церковь еще может совершить обращение мира. Он пытается убедить, что протестантские церкви имеют достаточно средств (денег и людей), чтобы изменить весь ход событий и евангелизировать мир. “Methodist Times”, цитируя вышесказанное, выражает ту же мысль, хвастливо дополняя:

“Никого не должны ошеломить ужасные факты, коротко нами названные.. Бог так хорошо устроил ход событий последней сотни лет, что мы вполне способны завоевать весь языческий мир в имени Господа. То, что нами уже сделано, свидетельствует о том, что мы могли бы сделать, если бы воспользовались двумя существенными для человека вещами – отважной политикой и обилием денег”.

Говорит еще один теоретик: “Если бы мы имели хоть одну десятую часть прибыли членов церкви, этого хватало бы для всей евангельской деятельности дома и за рубежом. А если бы мы имели для зарубежной деятельности десятую

[245] часть их ежегодных сбережений – после уплаты всех домашних издержек, – мы могли бы тотчас задействовать 12 000 миссионеров".

Да, деньги считаются вещью необходимой. И если бы номинальная церковь только сумела обзавестись в избытке духом самоотречения, чтобы заполучить десятую часть прибыли членов церкви, или даже десятую часть их ежегодных сбережений, спасение мира, пожалуй, начало бы выглядеть для них более обнадеживающим. Но это одна из самых безнадежных сторон иллюзорной надежды. Кажется, проще наполовину обратить язычника к исповеданию христианства, нежели превозмочь мирской дух в церквях.

Но если упомянутые двенадцать тысяч миссионеров одновременно разместить в чужих землях, будут ли они более успешными, чем их братья в этой благодатной земле? Послушайте исполненное раскаяния признание хорошо известного в последнее время протестантского духовного, уваж. Т. ДеВитта Талмажа. Он сказал, как сообщает "The Christian Standard":

"О! Мы имеем в этой стране великолепный церковный механизм; у нас шестьдесят тысяч служителей; у нас роскошная музыка; у нас большие Воскресные Школы; однако я представлю вам потрясающую статистику того, что за последние двадцать пять лет каждой церкви в этой стране принадлежит менее двух обращений в год.

В тех же церквях отмечают от четырех до пяти смертельных случаев. Как быстро, при таком соотношении, мир будет приведен к Богу? Мы обретаем двоих, но теряем четырех. Вечный Боже! К чему все это ведет? Я скажу вам откровенно, хотя полк христианского воинства повсюду ведет наступление, церковь большей частью скатывается к тому ужасному поражению, которое потерпели федеральные войска возле Бул Ран".

Некоторое время тому назад каноник Тейлор из англиканской церкви занимался обсуждением вопроса "Терпят ли христианские миссии неудачу?" и прочитал доклад по этому поводу на конгрессе англиканской церкви. В нем он обосновывал, что мусульманская религия не только равна в некоторых отношениях христианству, но и намного лучше

[246] отвечает требованиям и умственным способностям многих народов Азии и Африки; что при нынешнем уровне прогресса христианство вообще не может надеяться обойти язычество. Подсчитывая превышение числа рождений над числом смертельных исходов в Азии и Африке в количестве 11 000 000 в год, а также годичный прирост христианства в количестве 60 000 человек, видно, что миссионерским обществам потребуется 183 года, чтобы превзойти годичный прирост языческого населения. Он сказал:

"Требовать от детей Воскресных школ отдать накопленные ими пенни ради мнимой цели обращения "бедных язычников" и расходовать почти 12 000 фунтов стерлингов в год на бесполезные миссии в землях, где вовсе нет язычников, кажется мне почти злодеянием – преступлением в виде получения денег под ложным предлогом".

Излагая свое мнение о причине миссионерских неудач: что сектантство виновно вместе с отсутствием полного посвящения делу со стороны миссионеров, которые стремятся жить, как князья, окружая себя роскошью побольше европейской, м-р Тейлор сослался на д-ра Легге, миссионера с тридцатичетырехлетним стажем, говоря:

"Он считает, что мы будем терпеть неудачу в деле обращений до тех пор, пока христианство будет обнаруживать себя инфицированным ожесточенными внутренними распрями христианских сект и ассоциироваться в умах туземцев с пьянством, расточительностью и громадным общественным пороком, столь очевидным среди христианских народов. Епископ Стири сделал предположение, что двумя наибольшими препятствиями для успеха сделались склоки между миссионерами, а также соперничество общин".

Хотя каноник Тейлор и многие другие, чьи настроения были выражены на большом Религиозном Парламенте, будут препятствовать критике, говоря нам, что языческие религии достаточно хороши и более отвечают требованиям соответствующих стран, чем христианство, мы имеем другое мнение в докладе бывшего епископа Фостера из методистской епископальной церкви, который, после длительного путешествия по миру несколько лет тому назад, представил следующую унылую картину состояния мира во тьме язычества. Он сказал:

[247] “Воспользуйтесь всеми образами бедности и деградации, когда-либо увиденными в заброшенных местах крайнего нищенства – печальными случаями, преследующими вас ужасом после того как вы покинули их, ужасными пристанищами грязи и мрачного запустения; попробуйте втиснуть их в одну картину, однообразную, без единой тени, смягчающей тьму, или блеклого света, и занавесить ею больше половины земного шара. Она по-прежнему не будет отвечать действительности. Обязательно поместите сюда монотонный вид продолжительной безысходности и уберите всякую надежду и даже всякое стремление. Отличительной приметой язычества является бедность. Вы еще никогда не видели бедности. Это слово, смысла которого вы не знаете. То, что вы именуете бедностью, является изобилием, роскошью. Представьте это не как что-то случайное, встречающееся где-то в трущобах, как что-то исключительное в местах крайнего убожества, а как всеобщее, шириной в континент. Поместите на нее голодную беззащитность, грубое обхождение, уберите надежду на лучшее завтра, наполните ею Африку, наполните ею Азию, покройте этот образ мужчинами, женщинами и детьми, которых в двадцать раз больше, чем населения всех ваших больших городов, городишек, селений и сельских мест – двадцать к одному во всех ваших штатах и территориях, – и при всем этом картина не будет отвечать действительности.

Вставьте в картину моральный оттенок отсутствия Бога, отсутствия надежды; подумайте об этих несчастных миллионах, живущих наподобие животных в этом мире и не ждущих ничего лучшего от мира грядущего. Вставьте в картину напоминание, что они являются существами, обладающими той же человечностью, что и мы, и вспомните, что среди всех этих миллионов нет сердца, которому чужды человеческие стремления и которое нельзя подвергнуть очищению и облагораживанию; что эти земли, обреченные на подобную унизительность, могут сравниться, а многие из них даже могут превзойти, земли, которые мы населяем, если бы они имели то, что мы можем дать им. Нарисуйте небо без звезд, занавесьте вашу картину ночью, отделайте ее горами с длинными, простирающимися вдаль мрачными пейзажами, опустите широкий занавес над каждым побережьем и ландшафтом, окутайте теменью все прошлое, пусть будущее погрузится еще больше в ночь, наполнит беспросветную тьму голодными мужчинами с изможденными лицами, ведомыми унынием женщинами и полными безысходности детьми: вот это и есть языческий мир – народ, который узрел в видении древний пророк, который “сидит во

[248] тьме и тени смертной", к которому еще не пришел свет, который сидит там по-прежнему – всю долгую, долгую ночь, ожидая утра и высматривая его.

Миллиард людей во тьме и тени смертной, в той темной стране, где их отцы жили двадцать пять столетий назад, ожидает в безмолвии, проходя жизненное поприще в столь огромной нищете, что не может удовлетворить своих самых примитивных потребностей. Миллионы из него довольствуются корнями, растениями и случайными подачками природы, которая, не будучи наделенной разумом, может им дать. Те из них, которые живут при разных формах правления и полуцивилизации, как-то регулирующих собственность и обязывающих трудиться, после того, как их тираны силой отнимут у них заработанные деньги, не могут насчитать для себя в среднем даже трех центов в день или их замены для содержания себя и своих детей (их недостаточно, чтобы содержать животное). Толпы их, полураздетые, полуголодные, обитают в загонах и хлевах, непригодных для свиней, и лишены мало-мальского восполнения их человеческих нужд. Раздавленные деспотизмом грубой силы – когда исчезают все характерные черты человеческой природы, кроме вертикального положения и неискоренимых бессловесных и слепых влечений, – они, эти язычники, мужчины и женщины, наши братья и сестры, не знают, как жить дальше.

Суровые и мрачные тени картины сковали бы нас холодом, если бы не были брошены издали, и воображение не нарисовало над ними сияния и позолоты. С нашей точки зрения уютного безразличия они полностью спрятаны. Они слишком далеки, и мы слишком заняты нашими наслаждениями, чтобы видеть их или хотя бы думать о них. Они не выделяются на картине; и если мы вообще думаем о них, то как бы в ореоле, в обманчивом воображении, а не в действительности. Мы видим большие города, пышность Микадо и Раджа, дворцовую роскошь и сладострастную прелесть пейзажей, переделанных воображением и обманчивым блеском, в который их облачают труды путешествия. Мы обворожены таким видением. Если взглянуть более пристально на дома людей, на их религиозное окружение, то нас пленят грандиозные храмы и полные фантазии мысленные образы колорита и привлекательного домашнего уюта. Мы

[249] утешены. Оказывается, говорим мы, языческий мир не столь уж плох. У них своя религия, свои наслаждения. С этой утешительной мыслью мы разглядываем мир. О, роковая иллюзия! Истинная картина находится в тени. Жалкие, горемычные, грешные миллионы, без Бога и надежды, бездомные, уподобившиеся животным, одинокие, рожденные унаследовать беспросветную ночь и обреченные жить и умереть в безысходном мраке – они невидимы. Но они здесь, скользя среди этих смертельных теней, исхудалые и голодные, обнаженные и отчаявшиеся, почти животные; их не так уж мало, они бредут, сгорбившись, вдоль дорог, прячутся, словно неудачники, от своих собратьев; но их миллионы и миллионы, они заполняют все эти нарисованные воображением пейзажи, толпятся по улицам и проспектам их роскошных городов, приводя в ужас своими несметными толпами – если только мы способны их заметить. Здесь жили и умирали без надежды их отцы. Здесь они влачили свое жалкое существование. Здесь рождаются их дети, чтобы разделить их судьбу. Здесь, живя и умирая, никто не заботится о своей душе.

Таков нехристианский мир. Он имеет большие города, большие храмы, величественные мавзолеи и нескольких избалованных тиранов, завертывающихся в наряды из золота; однако блеск его святынь и престолов отодвигается на второй план перед черной ночью, в которой миллионы слоняются, гонимые страхом, голодом и нуждой. Я видел их, в их угрюмых жилищах и во время дьявольских оргий, от Босфора до Ганга, в их святынях и на их празднествах, ползающих и преклоняющихся перед отвратительными идолами, каменными изваяниями и обезьяноподобными богами; я видел их, блуждающих улицами и вдоль шоссе, видел их с непроницаемыми, безысходными, голодными лицами, и этот образ никогда не может быть изглажен из моей памяти.

Думаю, мы должны согласиться, что для человека в нехристианском мире не существует надежды. Ему нечего дать нам – ни луча света, ни крошки хлеба. Он висит, как огромная тяжесть, на шее человечества, погружая его все глубже и глубже в ночь, в смерть. Само его дыхание заразительно. Его прикосновение – смертельно. Его присутствие приводит нас в смятение, словно исполинский призрак из царства ночи, который возвышается и господствует на протяжении столетий, окутывая тьмой все века.

Я не поднимаю вопрос о том, могут ли эти бесчисленные

[250] миллионы быть спасены в грядущем мире. Я не утверждаю, что если им дать Евангелие, это улучшит их надежды или вообще увеличит их шанс в этом направлении. Вполне возможно, что столько же из них будут спасены без Евангелия, как и с ним. Этот вопрос не входит в проблему, мною обсуждаемую – о будущем мира (я имею в виду временное будущее, а не вечное). Если моим умом сможет однажды завладеть ужасная мысль, что весь мир должен, по необходимости, быть навеки потерянным только потому, что его населяют язычники, то я не буду посылать им Евангелие, которое являет такого Бога. Сама эта безжалостная мысль способна закрыть всякую надежду для мира и сделать вечность настоящей темницей, без разницы, кто мог бы спастись. Разве можно тому или иному разумному созданию радоваться на небе с Богом, правление Которого может позволить запятнать себя срамом, бесчестьем, жестокостью и несправедливостью? Убедите людей, что существует Бог во главе вселенной, Который без вины и возможности спастись осудит мертвых, живых и миллионы еще не родившихся язычников, одновременно превратив землю в огромный кошмар, где страшные ужасы не подлежат облегчению, и вы сделаете так, что Ему не сможет навеки поклоняться никто, кроме демонов, да и то лишь потому, что Он станет их предводителем".

Епископ также упомянул факт, что хотя население мира составляет 1 миллиард 450 миллионов человек, почти 1 миллиард 100 миллионов – это нехристиане, а многие (почти все) номинальные христиане являются или язычниками или антихристианами. Затем, учитывая неудачу церкви обратить мир на протяжении тысячи восьмисот лет и в виду безнадежности такого задания, он попытался освободить церковь от ответственности, которую она приняла на себя, утверждая, что эти языческие миллионы должны быть спасены без веры в Христа. Попутно, освобождая и Бога от ответственности за нынешние беды людей, он сказал: "Бог делает все от Него зависящее теми силами, Которые у Него есть".

"The Church Times" опубликовала несколько лет тому назад статью маори, некоторые выдержки из которой весьма красноречиво излагают причины неудачи церкви хоть до некоторой степени просветить мир.

[251] Письмо первоначально появилось в одной из газет в Новой Зеландии и гласит следующее:

“Несколько дней тому назад вы опубликовали отчет о том, что произошло на митинге маори, созванном епископом Христовой церкви. Я присутствовал на этом митинге и хотел бы просить вас дать мне возможность ответить на один из вопросов, поставленный нам епископом, а именно: “Почему огонь христианской веры столь слаб между людьми маори моего прихода?” Я скажу, какова, на мой взгляд, причина этого. Мы, маори, озадачены и обескуражены в наших умах тем, как странно вы, европейцы, трактуете свою религию. Кажется, что никто из вас не уверен, означает ли она что-нибудь или ничего не означает. По совету первых миссионеров мы заменили религию своих отцов, которую они называли ложной, на то, что они назвали истинной религией. Мы приняли Книгу, содержащую историю и наставления “Истинной Религии” как настоящее Божье Слово, которое обязывает нас, Его создания. Мы приносили ежедневно – утром и вечером – поклонение Творцу в каждом паге и селении всей Новой Зеландии. Мы хранили седьмой день святым, удерживались от всякой работы из уважения к божественному наставлению и, по той же причине, упразднили рабство и полигамию, хотя, тем самым, мы привели в полный беспорядок наш общественный быт, довели наших мелких собственников до нищеты и причинили много страданий тем, кто был вынужден разорвать некоторые наиболее чувствительные узы человеческого общения. И вот, когда мы только начинали воспитывать в наших детях знание и послушание Богу, как это проявилось в Иисусе Христе, в эту страну прибыли в большом числе европейцы. Они посетили наши деревни и показались весьма дружелюбными, тем не менее, мы заметили, что они не проявляют того уважения к Библии, что мы, новообращенные. Римо-католики сказали нам, что лишь они знают правильное толкование, и что если мы не присоединимся к ним, наши души будут потеряны. Затем были баптисты, которые осмеяли наше приношение детей Христу в крещении и сказали, что если мы не крестились в воде, мы вообще не крестились как христиане. Следующими прибыли пресвитериане, сказавшие, что должность епископа небиблейская, и что, получая одобрение со стороны епископа Сельвина, мы подверглись бессмысленному обряду. Наконец прибыли Братья из Плимут, которые поведали,

[252] что Христос никогда не основывал видимой церкви и служения как такового, но каждый должен быть для себя служителем и создавать собственное вероучение.

Кроме путаницы в нашем уме, созданной безбожным примером большинства европейцев, и противоречивостью учения, изложенного служителями религии, мы были озадачены поведением правительства, которое, говоря о приверженности моральному закону, содержащемуся в Библии, не постеснялось, когда мы сделались беспомощными, нарушить торжественное обещание, данное нам в то время, когда мы были многочисленнее и сильнее европейцев. Каково было наше удивление, когда Парламент, состоящий не из невеж и простолюдинов, а из европейских джентльменов и тех, кто исповедует христианство, изъял Библию из школ и, обязав учителей прилежно учить детей Новой Зеландии всякому знанию, не сказал ничего на счет того, чтобы учить их чему-нибудь из христианской религии, чему-нибудь о Боге и Его законах. Мой языческий наставник учил меня бояться и уважать Невидимые Силы, и мои родители учили меня приводить в порядок каждый поступок в моей жизни в соответствие с велениями Атуа, который накажет меня, если я их нарушу. Однако в школах этой христианской страны моих детей сегодня не учат уважать ни одно существо, кроме полицейского, и не учат бояться ни одного судьи своих поступков, кроме местного магистрата.

Я думаю, что если бы однажды епископ Христовой церкви попросил нас ответить на упомянутый мною вопрос, мы бы справедливо попросили его сказать нам сперва, почему огонь веры так тускло горит среди его собственного народа. Мы могли бы процитировать подходящие слова их Книги, которую английский народ хочет, чтобы каждый, кроме него самого, принимал за правило жизни и уважал как Слово живого Бога: “Врач! Исцели самого себя”.

Можно ли винить несведущих маори в равнодушии в служении Богу, Чье существование, по словам одного из Его посвященных в духовный сан служителей, никто в христианстве не способен доказать? Иногда я думаю, сер, что мои дети имели бы лучшую возможность стать честными мужчинами и женщинами и лучшие надежды обрести счастье, когда для них придет время войти в невидимый мир и встретить своего Создателя, если бы, наподобие первого короля маори (Потату), я

[253] отказался открыто признавать вашу религию до тех пор, пока, по его словам: “Вы не решите между собой, какова истинная религия”. Лучше всего, думаю я, по-настоящему верить в невидимый духовный мир, который поддерживал моих прародителей, нежели в выдуманный, который европейцы предложили нам взамен”.

Ваш и т. д.

“Тангата Маори”.

Следующая выдержка из статьи в “North American Review” Ванг Чин Фу, образованного китайца, выпускника одного их наших колледжей Новой Англии, похожим образом приводит предполагаемые причины того, чтобы предпочесть религию его отцов христианству. Ванг Чин Фу сказал:

“Рожденный и воспитанный язычником, я познал и практиковал его моральный и религиозный кодекс; основываясь на нем, я был полезен себе и многим другим. Моя совесть была чиста, мои надежды относительно будущей жизни были свободны от приводящих в смятение сомнений. Но когда мне было каких-то семнадцать лет, я попал в самую гущу вашей показной христианской цивилизации, и в этот восприимчивый период жизни христианство впервые предстало передо мной в своих наиболее привлекательных аспектах; любезные друзья-христиане весьма позаботились о моем материальном и религиозном благополучии, и я был просто преисполнен желания познать истину. Затем я решил для себя посвятить мою жизнь делу христианских миссий. Но прежде чем предпринять эту возвышенную миссию, мне предстояло изучить христианскую доктрину, которую я должен был преподавать, и вот здесь, в самом начале, я был обескуражен многочисленностью христианских сект, каждая из которых претендовала на монополию обладать единственным, узким путем в небо.

Я заглянул в пресвитерианство лишь для того, чтобы отступиться с содроганием от вероучения о безжалостном Боге, Который задолго до этого определил большинство беспомощного человеческого рода в вечный ад. Проповедовать такое учение интеллигентным язычникам означало бы возбудить в их уме сомнения в моем здравомыслии – если они вообще не подумают, что я лгу. Тогда я углубился в учения баптистов, но обнаружил там столько сект, каждая в своей “скорлупе”, споривших о достоинствах посвящения в холодной воде, о способах и времени его использования, что мне сделались противными такие мелочи, а вопрос тщательного или свободного приобщения только создал у меня впечатление, что кое-кто был весьма скуп и разборчив

[254] относительно своей доли хлеба и вина, тогда как другие заботились об этом еще меньше. Методизм поверг меня как религия грома и молний – много слов и шума. Или вы одолеете его, или он увлечет вас как порыв, чтобы вы "почувствовали" религию. Конгрегационалисты оттолкнули меня своей чопорностью и сознательным великодушием, а также своим желанием иметь исключительно благородных членов. Унитаризм, кажется, во всем сомневается – даже в себе. Часть других протестантских сект, основывающихся на чем-то новом или оригинальном – наподобие квакеризма – я счел недостойной серьезного изучения нехристианином. Но в одном эта разноголосая масса протестантов от всей души ладит между собой – в единой ненависти к католицизму, более старой форме христианства. И католицизм с лихвой возмещает эту враждебность. Он высокомерно провозглашает себя единственной истинной церковью, за пределами которой нет спасения – прежде всего для протестантов; он видит своего прелата личным представителем Бога на земле, считая его непогрешимым. Здесь я увидел религиозное единство, власть и полномочия ради мести. Но мои заботливые протестантские друзья хором умоляли меня не трогать католицизм, утверждая, что он хуже язычества – с чем я согласился. Но тот же способ аргументирования также убедил меня, что протестантизм принадлежит к той же категории. Фактически, чем больше я изучал христианство в его различных аспектах и прислушивался к порицаниям одной секты другой, тем больше это напоминало мне "медь звенящую и кимвал звучащий".

Именуйте нас язычниками, если вам так угодно, но все равно китайцы имеют превосходство в общественном администрировании и общественном порядке. Среди четырехсот миллионов китайцев случается в год меньше убийств и ограблений, чем в одном штате Нью-Йорк. Да, Китай поддерживает расточительного монарха, каждую прихоть которого следует удовлетворять, однако его народ облагается самыми низкими в мире налогами, не выплачивая ничего кроме налога от пахотной земли, риса и соли; при этом он не имеет ни одного доллара государственного долга…

Христиане постоянно суетятся вокруг своей религии; они строят большие церкви и совершают длинные молитвы, и все же в окрестностях одного церковного прихода из тысячи человек в Нью-Йорке имеется больше зла, чем среди одного миллиона язычников, не имеющих ни церкви, ни проповедей.

[255] Христианин долго и громко говорит о том, как следует быть добрым и совершать милостыни. Вокруг одни милостыни и никакого братства: “Вот тебе, собака, твоя корка, и будь доволен!” Не потому ли нет ничего удивительного в том, что в одном штате Нью-Йорк за год больше убитых горем и покончивших с собой, чем во всем Китае?

Разница между язычником и христианином в том, что язычник делает добро ради добра. Что касается христианина, то чуточку совершаемого им добра он делает ради мгновенных почестей и будущей награды; он одалживает Господу и надеется на значительный процент. Фактически, христианин – достойный наследник своих религиозных предков. Язычник делает много и говорит об этом мало; христианин делает чуть-чуть добра, но когда делает его, то хочет, чтобы об этом писали в газете и на его надгробном камне. Практическая идея христианства в том, чтобы любить людей за то добро, которое они делают вам, а не за то добро, которое вы обязаны делать им из человеческого долга. Так что христиане любят язычников, то есть собственность язычников, и соразмерно этой собственности возрастает христианская любовь. Когда англичане решили завладеть китайским золотом и китайской торговлей, они сказали, что хотят “открыть Китай для своих миссионеров”. Главной же и, фактически, единственной миссией, занимавшей их после того как они заставили открыть порты, был опиум. Это бесславное христианское вторжение наделало в Китае больше вреда, общественного и морального, нежели его можно излечить всеми гуманитарными средствами христианства за две сотни лет. И на вас, христиан, и на вашу жажду золота мы возлагаем бремя преступных последствий – бремя десятков миллионов честных, полезных мужчин и женщин, посланных таким путем на безвременную смерть после короткой, несчастной жизни, не говоря уже о присутствии физического и морального изнеможения там, где оно не влечет преждевременной кончины! И это огромное национальное проклятие было принесено нам на остриях христианских штыков. Вы удивляетесь, почему мы являемся язычниками? Единственная положительная вещь, которой христиане произвели впечатление на язычников, это то, что они готовы пожертвовать религией, честью, принципом, а также жизнью, ради золота. Они лицемерно говорят бедным язычникам: “Вы должны спасать ваши души, веруя так, как делаем это мы!..”

“Делайте другим так, как вам хотелось бы, чтобы они делали вам” или “Возлюби ближнего, как самого себя” – вот величественный божественный закон, к которому христиане и язычники одинаково обращаются, но который

[256] христиане игнорируют. Вот это и держит меня язычником! И я искренне приглашаю христиан Америки к Конфуцию".

Следующим похожим примером, как сообщает пресса, была одна женщина из Индии, Пундита Рамабаи, посетившая Бостон несколько лет тому назад и собиравшаяся вернуться в Индию, чтобы заняться обучением в Индии женщин высших каст. Ей нелегко было рассказать, к какому вероисповеданию христиан она принадлежит. Корреспондент задал ей несколько вопросов, на которые она ответила:

"Я принадлежу к универсальной церкви Христа. Я встречаю хороших баптистов, методистов, сторонников епископальной и пресвитерианской церквей, и каждый из них рассказывает нечто о Библии. Так вот, мне кажется, что лучше пойти туда самой и по возможности найти то, что самое лучшее. [Мудрое решение]. Здесь я нахожу Христа, Спасителя мира, и Ему отдаю свое сердце. Я крестилась еще будучи в Англии, и общаюсь со всеми христианами, которые позволяют мне это делать. Я не говорю, что принадлежу к какому-то отдельному вероисповеданию, и вернусь в Индию просто как христианка. Моему уму кажется, что Новый Завет и, прежде всего, слова нашего Спасителя, – это достаточно продуманное вероучение. Я верую так, как говорил нам Спаситель и как Его послание пришло к нам через Иоанна – что Бог есть дух, свет и любовь, что Он создал, озаряет и наполняет вселенную; что Иисус, Его Сын и Слуга, апостол нашей веры, был послан Им, чтобы стать спасителем и вождем Его детей; что уверовавшие в Него имеют право быть сынами Божьими; и что Дух Святой – это наш путеводитель и утешитель, огромный дар Бога через Христа; что есть только одна Церковь, и что все, признающие Иисуса своим Спасителем, являются членами этой Церкви. Я верю, что в чем бы я не нуждалась для моего спасения, мне будет дано, и я горячо молюсь, чтобы Бог даровал мне милость быть искателем и последователем истины и исполнителем Его воли. В Бостоне мне сказали, что я унитарий, но я ответила, что это не так. Я также не тринитарий. Я вообще не понимаю этих современных изобретений. Я просто христианка, и Новый Завет учит меня моей религии".

Японцы, обращенные в христианство, обнаружили

[257] похожий дух, отчего их благородное поведение сделалось одинаково суровым порицанием номинальным церквям с их вероучениями и прекрасным подтверждением могущества Божьего Слова. Их оценку вероучений христианства и решительность отстаивать исключительно Библию мы приводим из следующей публикации:

"Когда японская империя была открыта для американской торговли, американские церкви жаждали обратить эту страну к своим нескольким исповеданиям веры. Однако посланные миссионеры обнаружили, что их разногласия станут существенной преградой успеху, и решили утаить собственные различия и трудиться вместе исключительно ради душ, просто представляя одного Бога и распятого ради грешников Христа, пока они не достигнут здесь прочного положения. Утаивание было настолько успешным, что в 1873 году, следуя требованиям руководящих органов на родине провести сектантскую жатву, было решено, что обращенных вполне достаточно, чтобы гарантировать разделение добычи.

Но когда обман был осторожно преподнесен обращенным из язычества, возникла неожиданная трудность. Японские христиане собрались вместе и составили петицию, в которой описали радость, мир и праведность, найденную ими во Христе Иисусе, воспротивились разделению, противоречащему Слову и духу Бога, и вменили миссионерам (поскольку те рассказали о печальном положении вещей в их собственной стране) вернуться в Америку и оставить дальнейшую евангелизацию Японии им самим.

Копии этой петиции были направлены различным руководящим органам, контролирующим и поддерживающим этих миссионеров. В ответ были посланы доверенные представители для изучения и составления доклада. Один из таких представителей, чье письмо было опубликовано в "The Independent" (Нью-Йорк), говорит, что для этих умов, только что приведенных из тьмы язычества, "искренняя радость спасения затмила все иные соображения", и "пройдет много лет, прежде чем они смогут проникнуться тонкими различиями, разделяющими христианство". Однако те, кому "другие соображения" затмили "радость спасения" и лишили любви Бога, упрямо следовали делу разделения. Дух Бога, как бывает всегда, побуждал эти искренние души собираться только в имени Иисуса.

[258] Самая трудная вещь в деле сектантского миссионерства – заставить "обращенных проникнуться тонкими различиями, разделяющими христианство". К слову, весьма немногие сторонники той или иной секты в Америке проникли таким образом. Вместо истинных убеждений они предвзяты и побеждены совсем другими соображениями. Очень малый процент имеет что-то наподобие интеллигентного осознания исповеданий веры и различий, которыми они отделены от других сект".

Таковы чувства интеллигентных язычников, озадаченных и обескураженных ложным представлением божественного характера и учений. Но мы радуемся, зная, что, несмотря на конфликт вероучений и антихристианское поведение масс мнимых христиан и так называемых христианских народов, все христианские миссионерские усилия между языческими народами не были напрасными, но повсюду семена божественной истины упали в добрые и честные сердца и принесли плоды праведности и настоящего христианского характера. Однако эти плоды нельзя отнести на счет упомянутых вероучений, а лишь на счет Слова и духа Бога – вопреки путанице человеческих вероучений. Господь говорит о Писаниях Ветхого и Нового Заветов как о "двух свидетелях Моих" (Отк. 11: 3), которые верно несли свое свидетельство каждому народу.

А по поводу того, пожелают ли языческие религиозные люди иметь что-то общее с номинальным христианством, у нас нет никаких утвердительных свидетельств. Наоборот, их представители во Всемирном Парламенте Религий оказались главным образом под впечатлением второстепенности христианской религии по сравнению с тем, как они оценивают свою собственную. Однако "вернейшее пророческое слово" очень ясно указывает на то, что различные протестантские секты сформируют кооперативный союз, или федерацию, и что католицизм и протестантизм будут объединяться, при этом не теряя своей тождественности. Существуют два конца церковнических небес, которые, по мере нарастания замешательства, будут сворачиваться друг к другу как свиток (Ис. 34: 4; Отк. 6: 14) ради самозащиты – как отдельные

[259] и обособленные свитки, находящиеся, тем не менее, в тесной близости друг к другу.

Ради этой желанной цели протестанты показывают свою готовность идти почти на любой компромисс, тогда как папство приняло наиболее примиренческую позицию. Каждый сведущий наблюдатель знает об этих фактах, и каждому читателю истории знаком губительный характер этой большой антихристианской системы, которая сегодня видит в огромном замешательстве протестантизма свой шанс вернуться к власти. Хотя большая папская система осознает в себе мощь, превышающую силы разделенного протестантизма, она также боится грядущего кризиса и тем самым стремится самым энергичным образом к союзу христианства – папского и протестантского, светского и религиозного.

Следующая выдержка из доклада известного "Отца паулинов" Вальтера Эллиота, Нью-Йорк Сити, прочитанного на Колумбийском Католическом Конгрессе 1893 года, показывает цель церкви Рима воспользоваться нынешним замешательством в протестантизме. Он сказал:

"Крушение догматического протестантизма является нашим шансом. Деноминации, "вероучения", "школы" и "конфессии" разваливаются на куски прямо на наших глазах. Великие люди построили их, а маленькие люди способны их разрушить. Этот новый народ может разве что отнестись с презрением к институциям [протестантским], которые едва удвоили свою короткую жизнь, а уже полностью обветшали; а также трепетать перед институцией [римо-католической церковью], при жизни которой великая республика могла бы достичь успеха два десятка раз. Я говорю вам, что цвет молодежи нации должен восторгаться свежестью неувядаемой [римо-католической] религии и вскоре должен поприветствовать ее как божественную. Догмы преклонного протестантизма исчезают из умов нашего народа или их просто оттуда вытесняют".

Папа Леон XIII в энциклике пообещал римо-католикам вознаграждение, если они будут молиться об обращении протестантов к церкви Рима (вознаграждением является освобождение на время от мук чистилища). Из его обращения к протестантам, которое составляло часть энциклики, мы цитируем следующие слова:

[260] “С пылкой благожелательностью мы обращаемся сегодня к тем людям, которые в более поздние века, под влиянием исключительных потрясений, в мирских и плотских делах, оставили лоно римской церкви. Пусть, позабыв прошлые недоразумения, они возвысят свой дух над человеческими вещами и, жаждая исключительно истины и спасения, проявят уважение к церкви, основанной Иисусом Христом. Если после этого они сравнят свои церкви с этой церковью и увидят, в какую узкую улочку они завели с собой религию, то с готовностью признают, что, оставив древние традиции в некоторых важных пунктах, они позволили разным приливам и отливам столкнуть себя к чему-то новому. И они не будут отрицать, что от истин, которые авторы этого нового порядка вещей захватили с собой, когда они с таким трудом откололись, не осталось ни одного определенного и заслуживающего доверия догмата…

Мы отлично знаем, как много долгих и болезненных трудов необходимо, чтобы добиться порядка вещей, который нам хотелось бы возродить, и некоторые, возможно, подумают, что мы слишком оптимистичны, следуя за идеалом, к которому скорее следует стремиться, нежели на него уповать. Но мы возлагаем все наши надежды и доверие на Иисуса Христа, Спасителя рода человеческого, помня все то величественное, что однажды совершилось посредством так называемого юродства креста и его проповеди мудрому миру, смотревшему на него с изумлением и смущением. Прежде всего, мы умоляем князей и правителей, во имя их политической прозорливости и заботливости об интересах людей, взвесить беспристрастно наши намерения и поддержать их своей благосклонностью и полномочиями. Если бы созрела хоть часть ожидаемых плодов, то польза оказалась бы немалой среди нынешнего быстрого крушения всего, когда господствующее беспокойство дополняется опасением за будущее.

Последнее столетие оставило Европу истощенной бедствиями и по-прежнему дрожащей от выпавших на ее долю потрясений. Так почему бы этому столетию, которое сейчас близится к своему концу, не передать в наследство человеческому роду несколько обетов согласия и надежду больших благ от единства христианской веры?”

То, что протестантизм движется в сторону Рима, невозможно отрицать. Таковым было истинное значение ведущей роли, определенной римским католикам в большом Религиозном

[261] Парламенте; таково откровенное стремление всех заинтересованных движением Протестантского Союза добиться альянса, а при случае и союза, с церковью Рима. Одним из пунктов пресвитерианского вероучения, который сегодня рассматривается как оскорбительный и который, как полагают, будет изменен, является пункт, упоминающий папство как антихриста.

Следующее письмо методистского духовного священника на тему Церковного Союза, адресованное кардиналу Гиббонсу, убедительно указывает на подобную тенденцию среди протестантов:

Таунтон, Массачусетс

"Дорогой кардинал: Вы, без сомнения, знаете и заинтересованы фактом, что среди протестантских церквей существует движение к воссоединению. Если такое воссоединение должно произойти, то почему бы ему не включать римо-католическую церковь? Разве римская церковь не может предложить определенный фундамент, на котором мы все можем основываться? Если мы, по ее мнению, ошибаемся, то не может ли она сделать нам временные уступки – пока мы не познаем более совершенно Христа и Его планы?

В одном я чувствую уверенность, что лично во мне возрастает желание смотреть в поисках добра все более внимательно на все ответвления христианской церкви, и я осознаю, что в этом я не одинок. Искренне ваш,

Дж. В. Кинг, Пастор Первой М. Е. Церкви".

На это кардинал ответил следующее:

Резиденция кардинала, Балтимор.

"Уваж. Дж. В. Кинг, дорогой сэр. В ответ на ваше письмо я хотел бы сказать, что ваши стремления к воссоединению христианства достойны всякой похвалы.

Это воссоединение будет только частичным, если исключить католическую церковь. Да такое и невозможно, поскольку не может быть никакого союза без основательного фундамента Священного Писания, а таковое мы находим в признании Петра и его преемника видимым главою церкви.

Не может быть устойчивого правительства без главы – будь то в светской, армейской или церковной жизни. Каждый штат должен иметь своего губернатора, и каждый город должен иметь своего мэра и муниципального главу с определенным титулом. Если церкви мира

[262] подыскивают главу, то в ком им найти его (с имеющимся критерием полномочий и рекомендаций), кроме епископа Рима? Ведь не в Кантенбери и не в Константинополе.

Что касается самих условий воссоединения, они более просты, чем это обычно себе представляют. Католическая церковь держится всех основных учений всех протестантских церквей, и признание судейского верховенства папы сделает возможным принятие других ее учений. Вы ближе к нам, чем себе представляете. Церкви приписывают многие учения, которые она не принимает.

Преданный вам во Христе, кард. Гиббонс".

На это был послан следующий ответ, и по согласию обоих джентльменов письма были представлены общественности в интересах желанного союза".

"Дорогой кардинал. Ваш ответ был прочитан с большим интересом. Теперь мне хотелось бы спросить: Разве не было бы разумной и стоящей вещью для католической церкви предложить протестантским церквям возможное основание для союза (описав дело достаточно подробно), напоминающее чем-то Чикагско-Ламбесские предложения епископальной церкви?» Я знаю, насколько методистская церковь, и даже вся христианская церковь ложно воспринимается многими, и я считаю более чем возможным, и даже неминуемым, то, что католическая церковь, должно быть, также ложно истолковывается и неверно оценивается во многих вещах. Разве не может католическая церковь, хотя бы в значительной мере, исправить это ложное представление со стороны протестантов, и не сможет ли это поторопить желанное воссоединение?

Я верю, что нынешнее раздробленное состояние христианства полно безрассудства, стыда и бесчестья, и не имею никаких возражений против централизации власти при определенных условиях ограниченности и сдержанности.

Искренне ваш, Дж. В. Кинг".

Симпатии популярного молодежного "Общества христианских стремлений" к церкви Рима особенно отчетливо были показаны на ежегодной конвенции этого общества в Монреале в 1893 году. Среди делегатов конвенции был известный индуист из Бомбея, Индия, уваж. м-р Кармаркар,

[263] обращенный в протестантское христианство. В своем выступлении перед Обществом он отметил, что католицизм явился препятствием миссионерскому делу в Индии. Это высказывание встретилось на конвенции с ярко выраженным неодобрением; и когда французская католическая пресса подняла этот вопрос и опубликовала сказанное индусом, комментируя его гневным образом, отчего следующая сессия конвенции была сорвана толпой римо-католиков, председательствующий конвенции, стремясь усмирить их гнев, поднялся с места во время ассамблеи и огласил, что ни он, ни делегаты не в ответе за м-ра Кармаркара, тем самым оставляя гостя наедине сдерживать приступ их ярости за то, что он столь отважно дал свидетельство истине. Очевидно, м-р Кармаркар был единственным протестантом на этой конвенции, который не побоялся зверя, не одобрил его и не поклонился ему (Отк. 20: 4). Вот его слова, переданные "The American Sentinel", август 1893 года:

"Существует разительное сходство между католическим и индуистским культом. Католицизм – это только новый ярлык на старых бурдюках язычества, содержащих смертельный яд идолопоклонничества. Видя католические культы, индусы часто спрашивают нас: "Какова разница между христианством и индуизмом?" В Индии мы вынуждены бороться не только с монстром Идолопоклонничества с головой гидры, но и со спрутом католицизма".

Среди немногих голосов, поднятых против подобной деятельности "Общества Христианских Стремлений", были следующие резолюции, представленные на патриотическом митинге граждан Бостона и единодушно принятые двумя тысячами человек:

"Поскольку на нынешней конвенции "Общества Христианских стремлений" в Монреале уваж. С.В. Кармаркар недвусмысленно и достойным доверия образом показал препятствия прогрессу христианства в Индии, упоминая деморализующее влияние римо-католической церкви, чем возбудил

[264] враждебность со стороны французских римо-католиков, стремившихся, посредством беспорядков, воспрепятствовать свободе слова на протестантской конвенции,

Нами решено, что мы, протестантские жители Бостона, полностью согласны с уваж. С. В. Кармаркаром и его смелым изложением фактов. Мы глубоко сожалеем, что общество христиан стремилось умиротворить католиков путем голосования (принятого громкими овациями), тем самым откровенно осуждая Божьего человека за то, что он говорит правду.

Нами решено послать копию этих резолюций в ежедневную и патриотическую прессу, а также передать уваж. С.В. Кармаркару".

Другая популярная протестантская организация, "Литературный кружок Шетокве", на одной из своих больших ежегодных конвенций передала следующее послание похожей ассамблее римских католиков, еще раньше созданной и находящейся в Лейк Чемплейн. Послание было принято единогласно с большим воодушевлением и гласило следующее:

"Шетокве посылает свои приветствия и наилучшие пожелания Католической Воскресной Школе". В ответ президент Винсент получил от д-ра Томаса Дж. Конерти, директора Католической Воскресной Школы в Платсбурге, Лейк Чемплейн, следующее: «Учащиеся Католической Воскресной Школы Америки глубоко благодарны Шетокве за сердечные приветствия и в ответ посылают Шетокве наилучшие пожелания»".

Еще одно общество протестантов, главным образом "кавененгеры", весьма стремится облачить этот народ (который от начала своего существования отвергал учение о божественном праве королей и никогда не признавал права какого бы то ни было человека совершать правление как "король по милости Божьей") в христианское одеяние – несмотря на то, сколь сильно это могло бы обесчестить само вероисповедание. Одной из главных целей этого так называемого Национального Реформаторского Движения является стремление принудить всех к строгому соблюдению воскресенья как дня богослужений. В надежде добиться желаемого посредством большинства народных голосов, они очень силятся упрочить свое влияние за счет голосов римо-католиков. Вот почему они выражают

[265] свое желание пойти почти на любые уступки и даже продать свою религиозную свободу, купленную кровью мучеников, лишь бы заполучить сотрудничество церкви Рима. Послушаем их предложение, высказанное ведущим органом вероисповедания, "The Christian Statesman". Итак:

"Когда бы они [римо-католическая церковь] не пожелали сотрудничать в противодействии росту политического атеизма, мы с радостью соединим с ними руки". И еще: "В наших начальных предложениях мы можем несколько раз натолкнуться на несогласие, потому что еще не время, чтобы римская церковь согласилась пожать руку другим церквям как таковым; тем не менее, уже пришло время сделать повторные шаги и с радостью принять сотрудничество в любой форме, какую они могут быть готовы продемонстрировать. Это одна из потребностей ситуации»". Уваж. С.Ф. Сковел (пресвитерианская церковь).

Тот же журнал определил обязанность правительства Соединенных Штатов следующими словами: "Наше средство против всех этих отвратительных влияний – предложить правительству установить моральное законодательство и признать за ним полномочия от Бога, а также наложить запрет на всякую религию, которая ему не соответствует". Да, действительно, "потребности ситуации" вынуждают религиозные власти христианства занять особое положение, и не надо особой проницательности, чтобы заметить движение вспять колес религиозного прогресса, а также особую догадку о том, где именно религиозная свобода придет к неожиданному концу.

Вот что сказал епископальный священник, уваж. Ф.Г. Хопкинс, в статье, опубликованной в "The Century Magazine":

"В одном я уверен: если бы во время хоть одного из больших расколов между христианами в прошлом условия церкви были такими, как сегодня, и если бы ум и самообладание тех, которые в то время сделались раскольниками, был таким же, как их представителей сегодня, никакого раскола не было бы вообще. [Совершенно верно!] Эта перемена с обеих сторон является для меня доказательством, что Бог единства и любви ведет нас всех вместе, в Свое время и Своим путем, снова к Себе. [Но для тех, кто не упился

[266] духом, то есть вином, великого Вавилона (Отк. 17: 2), это – доказательство заката истинной набожности и любви истины; а также доказательство того, что дух благородного движения, Великой Реформации, мертв.]".

Послушаем также более сдержанное свидетельство архидьякона Фаррара. Оставляя должность редактора "The Review of the Churches", он сделал знаменательное признание:

"Все дело Реформации рассматривается в отсутствии ответчика, и если охладевшие миряне не пробудятся вовремя, чтобы отстаивать свои права участия в общем священстве всех христиан, то они могут очнуться слишком поздно и обнаружить себя членами церкви, ставшей папистской во всем, кроме названия".

Хотя, как известно, в этой стране номинальная церковь, одинаково папская и протестантская, ищет покровительства и сотрудничества государства, хотя различные секты объединяются вместе для взаимного сотрудничества и защиты, игнорируя при этом свои доктринальные различия и настаивая на сходных взглядах, и хотя все вместе они стремятся любой ценой к скорейшему союзу, который не затронет их политики, в Европе происходит несколько по-другому. Там гражданские власти больше всего чувствуют угрозу для себя и свою незащищенность и, как следствие, смотрят в сторону церковных властей за той помощью, которую те способны предоставить. Здесь слабеющий взор церкви умоляюще обращен в сторону государства, тогда как там шаткие престолы ищут поддержки церкви.

Таково плачевное состояние этой большой системы, которая сегодня отдана правосудию перед лицом собравшегося мира – системы, которая горделиво величает себя христианством (Царством Христа), но которую Христос сразу и категорически отверг, дав ей наиболее подходящее название – "Вавилон". Как очевидна нелепость применения названия "христианство" к царствам мира сего! Разве пророки описывают именно такое положение вещей в славном Царстве Бога? Разве будет великий Князь Мира

[267] ходить повсюду, умоляя народы признать Его авторитет и даровать Ему Его права на земли, богатство или власть? Будет ли Он просить подаяния у самого бедного крестьянина или умолять благосклонности богатого? Или, может быть, Он станет упрашивать Своих подданных шевелиться и напрягать свои угасающие силы, чтобы поддержать Свой шаткий престол? Нет! Когда придет назначенное время, Он с достоинством и полномочиями возьмет для Себя Свою великую власть и начнет Свое славное царствование. Кто сможет тогда воспрепятствовать Ему или стать на Его пути?

Вот так происходит общее связывание вместе существующих властей, гражданских и церковных, а также вхождение в зависимость друг от друга; вместе с ними связываются интересы всех богатых, великих и могущественных – интересы королей, императоров, государственных деятелей, лордов, леди, титулованных лиц, священников, епископов, духовных лиц всякого ранга, больших капиталистов, банкиров, монополизированных корпораций и т. д. и т. п. Нынешний статус конфликта – это столкновение идей и общее приготовление к надвигающемуся кризису. Церковные власти, упоминаемые в Священном Писании как силы небесные (номинальные духовные власти), приближаются друг к другу, и, воистину, "небеса свернутся, как свиток книжный". И даже "сплетшиеся между собою как терновник [ведь не может быть мирного и уютного сосуществования между любящими свободу протестантами и папским духом тирании] и упившиеся как пьяницы [опьяненные духом мира, вином Вавилона], они пожраны будут совершенно, как сухая солома" (Наум. 1: 10) в огромном катаклизме скорби и анархии, предсказанном в Слове Бога как учреждение Тысячелетнего Царства.

* * *

Пусть никто не подумает, что мы включаем всех христиан в число "вавилонян". Как раз наоборот. Как Господь признает некоторых в Вавилоне верными Ему и обращается к ним

[268] сегодня словами: “Выйди от нее, народ Мой” (Отк. 18: 4), так и мы. Мы рады верить, что сегодня еще есть тысячи не склонивших колени перед Ваалом наших дней – Мамоной, Спесью и Честолюбием. Некоторые из них уже послушно “вышли из нее”, тогда как остальные проходят на этот счет испытание, прежде чем язвы будут вылиты на Вавилон. Те, кто самолюбив, кто любит популярность, светскую роскошь, почести людей больше, чем Господа, и кто благоговеет перед человеческими теориями и системами больше, чем перед Словом Господа, не выйдут из Вавилона до его падения, и они пройдут через “великую скорбь” (Отк. 7: 9, 14). Но они не будут признаны достойными разделить участие в Царстве. (Сравните Отк. 2: 26; 3: 21; Матф. 10: 37; Марк. 8: 34, 35; Лук. 14: 26, 27).

[269]

ГЛАВА VII - СОБРАНИЕ НАРОДОВ И ПРИГОТОВЛЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ К БОЛЬШОМУ ОГНЮ БОЖЬЕГО НЕГОДОВАНИЯ

Как и почему собираются народы – Приготовление общественных элементов к огню – Нагромождение сокровищ – Рост нищеты – Общественные трения близки к воспламенению – Слово президента Американской федерации труда – Не слишком ли сурово осуждают богатых? – Сочетание самолюбия и свободы – Независимость с точки зрения богатых и бедных – Почему нынешние условия не могут продолжаться – Техника как важный фактор в приготовлении к большому огню – Конкуренция женщин – Обоснованные и необоснованные взгляды на труд – Неизбежность для всех закона Спроса и Предложения – Ужасающая перспектива иностранной промышленной конкуренции – Опасения м-ра Джастина МакКарти за Англию – Кие Харди, член парламента, о перспективе труда в Англии – Пророческие слова уваж. Дж. Чемберлена к британским рабочим – Агрессивность государства, ее связь с промышленными интересами – Гер Либкнехт об общественной и промышленной войне в Германии – Резолюции международного конгресса профсоюзов – Исполины этих дней – Список трестов и объединений – Варварское рабство против цивилизованной зависимости – Массы между верхними и нижними жерновами – Эти условия универсальны и не под силу человеческому урегулированию

“Итак ждите Меня, говорит Господь, до того дня, когда Я восстану для опустошения, ибо Мною определено собрать народы, созвать царства, чтоб излить на них негодование Мое, всю ярость гнева [негодования] Моего; ибо огнем ревности Моей [гнева] пожрана будет вся земля. Тогда опять Я дам народам уста чистые, чтобы все призывали имя Господа и служили Ему единодушно” (Соф. 3: 8, 9).

[270] Собирание народов в эти последние дни, во исполнение упомянутого пророчества, весьма знаменательно. Современные открытия и изобретения действительно сблизили самые отдаленные концы земли, сделав их соседствующими. Путешествия, почтовая связь, телеграф, телефон, торговля, умножение числа книг и газет и т. д. в значительной степени превратили весь мир в невиданное до сих пор общество мысли и действия. Такое положение вещей уже создало необходимость в международных законах и нормах, которые каждый народ обязан уважать. Их представители встречаются в Советах, и каждый народ имеет в каждом другом народе своих послов или представителей. Международные Выставки также были созваны как результат такого соседства народов. Уже не может быть речи об исключительности кого бы то ни было, запрещающей всякому другому народу доступ к его гаваням. Врата всех неминуемо распахиваются и вынуждены оставаться в таком виде; даже языковые барьеры легкопреодолимы.

В любой части земли цивилизованные народы уже не считаются чужестранными. Их великолепные морские суда с легкостью и комфортом везут торговых представителей, политических консулов и любознательных искателей приключений в самые отдаленные уголки. Замечательные пассажирские вагоны доставляют их во внутренние земли, и они возвращаются домой, обогащенные знаниями, новыми идеями, пробужденные к новым проектам и предприятиям. Даже невежественные языческие народы поднимаются от векового сна и изумленно, с удивлением смотрят на прибывших к ним издалека, учась их чудесным достижениям. Они, в свою очередь, посылают своих представителей заграницу, чтобы те могли иметь пользу от своих новых знакомств.

Во дни Соломона считалось чем-то необыкновенным, что царице Савской пришлось преодолеть около пятисот миль, чтобы внять мудрости и увидеть величие

[271] Соломона. Сегодня толпы простых людей путешествуют по всему миру, большая часть которого в те времена была еще неизведанной, с целью увидеть нагроможденные им богатства и познакомиться с его прогрессом; сегодня путешествие вокруг света можно совершить с удобствами, и даже роскошью менее чем за восемьдесят дней.

Воистину народы "собраны" неожиданным образом, однако единственно возможным, который позволяет их собрать, то есть на основании общих интересов и деятельности, а не из братской любви, потому что каждый шаг этого прогресса обозначен самолюбием. Дух предпринимательства, для которого самолюбие является движущей силой, содействовал строительству железных дорог, пароходов, телеграфа, прокладке кабельных проводов, телефона. Самолюбие контролирует торговлю, международный этикет и всякое другое начинание и предприятие, за исключением проповедования Евангелия и основания благотворительных заведений. И даже здесь следует опасаться того, что большая часть происходящего вдохновлена другими побуждениями, чем искренняя любовь к Богу и человечеству. Самолюбие собрало народы и с тех пор постоянно готовит их к предсказанному быстро приближающемуся ныне возмездию (анархии), столь наглядно описанному как "огонь Божьей ревности", то есть негодования, который вскоре должен поглотить нынешний общественный строй – нынешний мир (2 Пет. 3: 7). Но так это выглядит лишь с человеческой точки зрения, потому что пророк приписывает это собирание народов Богу. Тем не менее, оба взгляда верны. Хотя человеку позволено пользоваться собственным выбором, Бог Своим всеохватывающим провидением формирует человеческие дела ради свершения Своих собственных мудрых целей. В то время как люди со своими поступками и путями являются лишь действующими лицами и используемыми факторами, Бог является великим Полководцем, Который сегодня собирает народы и созывает царства от края земли до края, тем самым готовя передачу земного правления Тому, "Кому принадлежит оно", Эммануилу.

[272] Пророк повествует, почему Господь таким образом собирает народы: "Чтоб Я мог излить на них негодование Мое, всю ярость гнева Моего; ибо огнем ревности Моей пожрана будет вся земля [весь общественный строй]". Такого рода послание способно принести нам одно уныние и чувство горечи, если бы не заверение, что последствия принесут пользу миру, свергая господство самолюбия и утверждая посредством Тысячелетнего Царства Христа господство праведности, на которое имеется ссылка в словах пророка: "Тогда опять Я дам народам уста чистые [их отношения друг с другом больше не будут самолюбивыми, но чистыми, полными доверия и любви], чтобы все призывали имя Господа и служили Ему единодушно".

"Собрание народов" будет не только способствовать суровости суда, но и сделает невозможным избежать его кому бы то ни было. Это сделает великую скорбь коротким, решающим конфликтом, как написано: "Дело решительное совершит Господь на земле" (Рим. 9: 28; Ис. 28: 22).

ПРИГОТОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ К ОГНЮ

Осматриваясь вокруг, мы видим "элементы", приготавливаемые к огню этого дня – огню Божьего гнева. Самолюбие, знание, богатство, честолюбие, чаяния, недовольство, опасения и безысходность – вот составные, взаимное трение которых вскоре воспламенит яростные страсти мира и заставит различные общественные "элементы" растаять в разгоревшейся стихии. Разглядывая мир, заметьте на примере этих страстей, какие изменения произошли за прошлое столетие и, прежде всего, за прошедшие сорок лет. Спокойное довольство прошлого покинуло все классы – богатых и бедных, мужчин и женщин, образованных и неграмотных. Все недовольны. Самолюбиво и в растущей степени все хватаются "прав" и

[273] оплакивают “обиды”. Да, существуют обиды, огромные обиды, которые следует исправить, и права, которых следует держаться и которые следует уважать, однако тенденция нашего времени с его возрастающим знанием и независимостью в том, чтобы смотреть только на ту сторону вопроса, которая ближе всего к собственным интересам, не обращая внимания на противоположную сторону. В результате, как предсказывали пророки, рука каждого поднимется против своего ближнего, и это станет непосредственной причиной большой окончательной катастрофы. Божье Слово, провидение и уроки прошлого уходят в небытие под влиянием мощных убеждений в своих правах и т. д., которые мешают представителям всех классов избрать более мудрый, более сдержанный путь, который они не могут видеть, так как самолюбие ослепляет их ко всему, что противоречит их собственным предубеждениям. Каждый класс не способен беспристрастно относиться к благополучию и правам других. Золотое правило обычно игнорируют, поэтому недостаток мудрости и несправедливость такого пути вскоре станут очевидными для всех классов, поскольку все классы жестоко пострадают в этой скорби. При этом, как информирует нас Священное Писание, богатые пострадают больше всего.

В то самое время как богатые усердно накапливают сказочные сокровища на эти последние дни, разрушая свои кладовые и возводя еще большие, говоря себе и своим потомкам: “Душа, много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись”, – Бог через пророков говорит: “Безумный, в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?” (Лук. 12: 15-20).

Да, предсказанная темная ночь (Ис. 21: 12; 28: 12, 13, 21, 22; Иоан. 9: 4) быстро приближается и как силок захватит весь мир. Действительно, кому достанутся эти накопленные сокровища, когда в трудный час “серебро свое они выбросят на улицы и золото у них будет в пренебрежении”? “Серебро их и золото их не сильно будет

[274] спасти их в день ярости Господа,. ибо оно было поводом к беззаконию их" (Иез. 7: 19).

НАГРОМОЖДЕНИЕ СОКРОВИЩ

Понятно, что мы находимся во времени, наиболее подходящем для нагромождения богатства и для "наслаждений", то есть расточительной жизни, богатых (Иак. 5: 3-5). Послушаем некоторые признания, взятые из текущих изданий. Если сказанное обязательно подтвердится, это станет еще одним доказательством того, что мы находимся в "последних днях" нынешней эпохи и приближаемся к великой скорби, которая окончательно сокрушит нынешний порядок в мире и введет новый порядок вещей под властью Царства Бога.

Уваж. В.И. Гледстоун в своей широко освещенной речи, после того как он назвал нынешнее время "веком создания богатства", сказал:

"Мне известны джентльмены, которые за свою жизнь стали свидетелями большего нагромождения богатства, чем было отмечено во все прошедшее время со дней Юлия Цезаря".

Примите к сведению это высказывание одного из самых информированных людей в мире. Данный факт, столь трудный для восприятия нами – что за последние пятьдесят лет создано и накоплено больше богатства, чем за предыдущие девятнадцать столетий, – тем не менее принимается статистикой как весьма заниженный, и что созданные таким образом новые условия призваны сыграть важную роль в переустройстве мирового общественного порядка, которое сегодня все ближе.

"The Boston Globe" несколько лет тому назад предоставил следующий отчет о некоторых богатых людях Соединенных Штатов:

"Двадцать один человек из числа железнодорожных магнатов, встретившихся в Нью-Йорке в понедельник для обсуждения вопроса конкуренции на железной дороге, представляет 3 000 000 000 дол. капитала. Возможно, живущие ныне еще помнят то время, когда на этой земле не было и полдюжины

[275] миллионеров. Сегодня насчитывается 4 600 миллионеров и еще несколько человек, чья ежегодная прибыль, как говорят, превышает миллион.

В Нью-Йорк Сити, по самым скромным подсчетам, имеется ошеломляющее число – 1 157 лиц и состояний, каждое из которых оценивается в 1 000 000 дол. В Бруклине имеется 162 лица и состояния, каждое из которых оценивается, по крайней мере, в 1 000 000 дол. Таким образом, в двух городах имеется 1 319 миллионеров, однако многие из них имеют больше 1 000 000 долларов – являются мультимиллионерами. Происхождение этих огромных состояний разное, поэтому они получают разные прибыли. Процент прибыли, который получают некоторые наиболее известные из них, дан в округлении: Джон Д. Рокфеллер – 6 процентов; Вильям Вальдорф Астор – 7 процентов; состояние Джея Гулда, которое вложено в корпорации и остается практически неделимым – 4 процента; Корнелиус Вандербильт – 5 процентов, и Вильям К. Вандербильт – 5 процентов.

Подсчитывая вышеприведенные ставки и начисляя процент за полугодие, с учетом повторных инвестиций, годовая и ежедневная прибыль четырех лиц и одноименных состояний выглядит следующим образом:

Ежегодно Ежедневно
Вильям Вальдорф Астор $8 900 000 $23 277
Джон Д. Рокфеллер 7 611 250 20 853
Состояние Джея Гулда 4 040 000 11 068
Корнелиус Вандербильт 4 048 000 11 090
Вильям К. Вандербильт 3 795 000 10 397

Вышесказанное, очевидно, является только приблизительной оценкой, так как еще шестнадцать лет тому назад было отмечено, что квартальные дивиденды м-ра Рокфеллера от акций “Standard Oil Company”, одним из основных держателей которых он является, были представлены чеком на сумму в четыре миллиона долларов. Те же вклады сегодня дают значительно большую прибыль.

“The Niagara Falls Review” еще до начала нынешнего столетия издала следующее предостерегающее замечание:

[276] "Одной из самых больших опасностей, которая сегодня угрожает стабильности американских институций, является рост числа миллионеров-одиночек и последующая концентрация собственности и денег в отдельно взятых руках. Недавняя статья в одном известном журнале штата Нью-Йорк предлагает цифры, которые обязаны привлечь общее внимание к эволюции этой проблемы. Приводим перечень девяти, как считают, самых больших состояний в Соединенных Штатах:

Вильям Вальдорф Астор $150 000 000
Джей Гулд 100 000 000
Джон Д. Рокфеллер 90 000 000
Корнелиус Вандербильт 90 000 000
Вильям К. Вандербильт 80 000 000
Генри М. Флеглер 60 000 000
Джон Л. Блейр 50 000 000
Рассел Сейдж 50 000 000
Коллис П. Хантингтон 50 000 000
Итого $720 000 000

Оценивая прибыль от этих исполинских сумм в соответствии со средней нормой процента, полученного от других, похожих инвестиций, мы получаем следующее:

Ежегодно Ежедневно
Астор $9 135 000 $25 027
Рокфеллер 5 481 000 16 003
Гулд 4 040 000 11 068
Вандербильт, К. 4 554 000 12 477
Вандербильт, В. К. 4 048 000 11 090
Флеглер 3 036 000 8 318
Блейр 3 045 000 8 342
Сейдж 3 045 000 8 342
Хантингтон 1 510 000 4 137

Почти все эти люди ведут относительно скромную жизнь, и понятно, для них возможно потратить только малую часть их колоссальных ежедневных и ежегодных доходов. Излишек в конечном итоге становится капиталом и помогает этим лицам создавать еще большие состояния. Сегодня семья Вандербильтов обладает следующими огромными суммами:

(Последние несколько лет в огромной степени увеличили эти цифры).

[277] Корнелиус Вандербильт $90 000 000
Вильям К. Вандербильт 80 000 000
Фредерик В. Вандербильт 17 000 000
Джордж В. Вандербильт 15 000 000
Миссис Еллиот Ф. Шеппард 13 000 000
Миссис Вильям Д. Слоун 13 000 000
Миссис Гамильтон МакК. Тумблай 13 000 000
Миссис В. Сюард Вебб 13 000 000
Итого $254 000 000

Еще более удивительны накопления, полученные посредством огромного треста "Standard Oil" (который недавно распался), унаследованного "Standard Oil Company". Состояния, полученные благодаря ей, выглядели так:

Джон Д. Рокфеллер $90 000 000
Генри М. Флеглер 60 000 000
Вильям Рокфеллер 40 000 000
Бенджамин Брюстер 25 000 000
Генри Х. Роджерс 25 000 000
Оливер Х. Пейн (Кливленд) 25 000 000
Вм. Г. Уорден (Филадельфия) 25 000 000
Состояние Чест. Пратта (Бруклин) 25 000 000
Джон. Д. Арчбоулд 10 000 000
Итого $325 000 000

Потребовалось ровно двадцать лет, чтобы соединить это богатство в руках восьми или девяти человек. Отсюда вся опасность. В руках Гулда, Вандербильтов и Хантингтона находятся большие железные дороги Соединенных Штатов. Во владении Сейджа, Асторов и других находятся большие земельные участки в Нью-Йорке, которые постоянно растут в цене. Объединившись или в результате естественного накопления состояния этих девяти семей достигнут через двадцать пять лет 2 754 000 000 дол. Один только Вильям Вальдорф Астор будет иметь, путем честного накопления, миллиард долларов перед своей смертью. Эти деньги, как и деньги Вандербильтов, перейдут в наследство его семье, как это происходит в подобных случаях, и создадут аристократию богатства, крайне опасную для государства, вызывая при этом неподдельный интерес к этой аристократии (порожденной или созданной талантом), которая, по мнению американцев, приносит столько вреда в Великобритании.

[278] Существуют или появляются также другие большие состояния. Можем привести только некоторые:

Вильям Астор $40 000 000
Лейленд Стенфорд 30 000 000
Миссис Хетти Грин 30 000 000
Филип Д. Армур 30 000 000
Едвард Ф. Сирлз 25 000 000
Дж. Пирпонт Морган 25 000 000
Состояние Чарльза Крокера 25 000 000
Дариус О. Миллс 25 000 000
Ендрю Карнеги 25 000 000
Состояние Е.С. Хиггинс 20 000 000
Джордж М. Пулмен 20 000 000
Итого $295 000 000

"Вот так на наших глазах нескольким людям достаются почти неимоверные суммы, которые при этом неизбежно отнимаются [вместе с возможностью] у многих. У человека нет силы мирным образом решить этот тревожный вопрос. И так дела будут идти от плохого к еще худшему".

О НЕКОТОРЫХ АМЕРИКАНСКИХ МИЛЛИОНЕРАХ И О ТОМ, ОТКУДА ОНИ ВЗЯЛИ СВОИ МИЛЛИОНЫ

Редактор "Review of Reviews" следующими словами предлагает нам то, что он именует "некоторыми выдержками из самой поучительной и занимательной газеты, одним из недостатков которой является ее оптимистическое видение плутократического спрута":

"Один американец, который пишет на основании сугубо личной информации, но предпочитает при этом оставаться анонимным, с большой симпатией рассказывает в "Cornhill Magazine" историю нескольких миллионеров этой гигантской Республики. Он утверждает, что даже если бы четыре тысячи миллионеров разделили между собой сорок миллиардов долларов из семидесяти шести миллиардов, формирующих все национальное богатство, баланс позволил бы предоставить каждому жителю 500 дол., вместо 330 дол. сорок пять лет тому назад. Он приводит доводы, что появление миллионеров сопровождается тем, что другие классы становятся при этом не беднее, а богаче.

[279] Коммодор Вандербильт, создавший первые миллионы Вандербильтов, родился ровно столетие тому назад. Его капиталом были, как обычно, босые ноги, пустой карман и вера в свою удачу – основание столь многих американских фортун. Тяжелый труд, с шести до шестнадцати лет, обеспечил его другим, более веским капиталом, а именно, сотней долларов наличными. Эти деньги он инвестировал в небольшую лодку, и с этой лодкой открыл свой собственный бизнес – перевозку овощей в Нью-Йорк. В двадцать лет он женился, и вдвоем, муж и жена, оказались способными делать деньги. Он гонял свою лодку. Она содержала отель. Три года спустя он обладал уже десятью тысячами долларов. После этого его деньги начали быстро прибывать – настолько быстро, что когда вспыхнула гражданская война, парень, начинавший с одной лодки за сотню долларов, мог предоставить народу один из своих кораблей стоимостью восемьсот тысяч долларов, чувствуя себя спокойно за свои деньги и за свой флот. В возрасте семидесяти лет его состояние исчислялось суммой в семидесят миллионов долларов.

Состояние Асторов обязано своим существованием уму одного человека и естественному развитию этого великого народа. Джон Астор был единственным человеком на протяжении четырех поколений, который действительно делал деньги. Сделанные им деньги были вложены в недвижимость Нью-Йорк Сити. Размеры недвижимости были ограничены, так как город лежит на острове. Как следствие, развитие Нью-Йорк Сити, благодаря развитию Республики, сделало его маленькое состояние (в восемнадцатом веке) самым большим американским состоянием девятнадцатого века. И первый и последний Астор, которого стоит изучать как мастера миллионов, был тем самым Джоном Джейкобом Астором, который, после того как ему надоело работать помощником в мясной лавке своего отца в Вальдорфе, уехал около ста десяти лет тому назад попытать удачи в Новом Свете. На корабле он, в некотором смысле, действительно сделал все свое богатство. Он встретил старого торговца пушниной, который посвятил его в уловки торговли пушниной с индейцами. Он занялся такой торговлей и заработал на этом деньги. Затем он женился на Саре Тодд, практичной и энергичной молодой женщине. Сара и Джон Джейкоб сделали домашней привычкой коротание вечеров в своем магазине за сортировкой меховых шкур.. Спустя пятнадцать лет Джон Джейкоб и его жена Сара скопили два

[280] с половиной миллиона долларов.. Удачная спекуляция очень дешевыми в то время облигациями Соединенных Штатов удвоила состояние Джона Джейкоба, и все это богатство было переведено в недвижимость, где и остается с тех пор.

Лейленд Стенфорд, Чарльз Крокер, Марк Хопкинс и Коллис П. Хантингтон перебрались в Калифорнию во время золотой лихорадки 1849 года. Когда был поставлен на обсуждение вопрос трансконтинентальной железной дороги, эти четверо "увидели в ней миллионы" и заключили сделку на постройку Union Pacific. Как полагают, эти четверо человек, без гроша в 1850 году, сегодня вместе обладают состоянием в 200 000 000 долларов.

Один из них, Лейленд Стенфорд, решил обзавестись семьей, однако десять лет спустя умер его единственный сын, и в память об этом сыне он решил основать университет. Сделал он это поистине с королевским размахом, ведь еще "находясь в теле" он "передал" попечителям три фермы площадью 86 000 акров и находящиеся на них великолепные виноградники стоимостью 6 000 000 долларов. К этому он прибавил 14 000 000 дол. ценными бумагами, и при своей смерти оставил университету в наследство 2 500 000 дол. Таким образом, общий подарок одного человека одному образовательному заведению составил 22 500 000 долларов, что, как говорят, является "мировым рекордом". Его жена также высказала намерение оставить свое состояние, каких-то 10 000 000 дол., упомянутому университету.

Наиболее знаменательный пример того, как делать деньги, представленный в истории американских миллионов, предлагает нам "Standard Oil Trust":

Тридцать лет тому назад пятеро молодых людей, большинство из которых проживало в маленьком городке Кливленд (штат Огайо), и относительно бедных (вся компания, скорее всего, не могла похвастаться даже 50 000 долларами), увидели прибыльные возможности в добыче нефти. Говоря образным языком старого речного лоцмана, "они гонялись за ней туда-сюда", пока не нашли. Сегодня вся эта компания из пяти человек владеет 600 000 000 дол.. Джон Д. Рокфеллер, мозг и "нерв" этого большого "треста", имеет румяное лицо со столь спокойными глазами и приветливые манеры, что его очень трудно назвать "алчным монополистом". Его нынешнее "хобби" – образование, и он занимается этим хобби самым серьезным и решительным образом. Он взял под свою опеку университет Чикаго и уже перевел сумму в семь миллионов долларов

[281] из своего кармана в казну нового очага образования в этом втором по значению городе Республики".

В статье в "Forum" м-р Томас Г. Шеермен, Нью-Йоркский статистик, приводит имена семидесяти американцев, общее богатство которых составляет 2 700 000 000 дол., в среднем 38 500 000 на каждого, и заявляет, что можно составить список десяти лиц, чье богатство оценивается в среднем в 100 000 000 дол. на каждого, и еще один список из ста лиц, чье богатство насчитывает в среднем в 25 000 000 дол. на каждого. Что "средняя годовая прибыль ста самых богатых американцев не меньше 1 200 000 дол. [на одного человека], и возможно даже превышает 1 500 000 дол.".

Комментируя последнее предложение, один известный писатель (уваж. Джосия Стронг) говорит:

"Если бы сотня рабочих смогла зарабатывать по 1 000 дол. в год (каждый), им пришлось бы трудиться 1215 лет, чтобы заработать столько, сколько составляет ежегодная прибыль этой сотни самых богатых американцев. Если бы рабочий мог зарабатывать 100 дол. в день, ему пришлось бы трудиться до возраста пятьсот сорока семи лет и никогда не брать выходного, прежде чем он смог бы заработать столько, сколько имеют некоторые американцы".

Следующая таблица сравнивает богатство четырех самых богатых народов мира в 1830 и 1893 годах, и показывает, каким образом происходит "нагромождение" богатства в национальных масштабах в эти "последние дни" этого века почти сказочных накоплений.

1830 г. 1893 г.

Общее богатство Великобритании $16 890 000 000 $50 000 000 000
Общее богатство Франции 10 645 000 000 40 000 000 000
Общее богатство Германии 10 700 000 000 35 000 000 000
Общее богатство Соединенных Штатов 5 000 000 000 72 000 000 000

Чтобы читатель мог иметь представление, каким образом статистики приходят к таким заключениям по столь обширному предмету, мы предлагаем следующее как приблизительную классифицированную оценку богатства Соединенных Штатов:

[282] Недвижимость в больших и малых городах $15 500 000 000
Недвижимость за пределами больших и малых городов 12 500 000 000
Частная собственность (в дальнейшем не учитывается) 8 200 000 000
Железные дороги с их оборудованием 8 000 000 000
Капитал, инвестированный в производство 5 300 000 000
Производимые товары 5 000 000 000
Изделия (включая шерсть) 5 000 000 000
Приобретенная собственность и деньги, инвестированные в зарубежные страны 3 100 000 000
Общественные строения, арсеналы, военные корабли и т. д.. 3 000 000 000
Домашние животные на фермах 2 480 000 000
Домашние животные в больших и малых городах 1 700 000 000
Деньги, монеты зарубежных стран и нашей страны, банкноты и т. п. 2 130 000 000
Общественные земли (стоимостью 1.25 дол. за акр) 1 000 000 000
Полезные ископаемые (всех видов) 590 000 000
Итого $72 000 000 000

Как было замечено несколько лет тому назад, богатство Соединенных Штатов умножалось со скоростью сорок миллионов долларов в неделю или два миллиарда долларов в год.

(Общая задолженность населения Соединенных Штатов, общественная и частная, в то время насчитывала двадцать миллиардов долларов.)

Это нагромождение богатств на последние дни, подмеченное здесь, касается прежде всего Соединенных Штатов, хотя то же самое верно по отношению ко всему цивилизованному миру. Великобритания богаче per capita Соединенных Штатов – самого богатого народа на земле. И даже в Китае и Японии недавно появились свои миллионеры. Разгром Китая в 1894 году японцами вменяется прежде всего алчности правительственных чиновников, которые, говорят, поставляли пушки и пушечные ядра плохого качества или вообще имитации оных, хотя за настоящие были уплачены большие деньги.

[283] Действительно, только малое число тех, кто ищет богатство, находит его. Поспешность и упрямая настойчивость не всегда получают вознаграждение. Отрава эгоизма распространяется далеко за пределы успеха, и, как говорит апостол, "желающие обогащаться [те, кто решил быть богатым за всякую цену] впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие [любовь к богатству]" (1 Тим. 6: 9, 10). Большинство, не имея опыта, идет на риск и затем разочаровывается и несет убытки: тогда как немногие, по-светски мудрые и проницательные, мало рискуют и собирают большинство барышей. Так, например, "южно-африканская золотая лихорадка", в свое время охватившая Великобританию, Францию и Германию, на самом деле перевела сотни миллионов долларов из карманов и банковских счетов среднего класса в карманы и на банковские счета состоятельных капиталистов и банкиров, которые рисковали мало. Нет сомнения, что результатом явились большие потери упомянутого среднего класса, который, стремясь внезапно разбогатеть, рисковал всем, что у него имелось. Тенденция этого – превратить многих из этого (преимущественно консервативного) класса в недовольных и готовых через несколько лет к любой социалистической выдумке, обещанной пойти им на пользу.

РОСТ НИЩЕТЫ

Но правда ли, что в этой земле изобилия, в которой многие нагромождают столь сказочные богатства, есть бедные и нуждающиеся? Разве не вина здоровых мужчин и женщин в том, что они не могут устроиться поудобней? Разве не будет поощряться нищета и зависимость, если "обеспеченным" придется тянуть лямку более бедных классов? Так видят проблему многие состоятельные, которые во многих случаях сами были бедными двадцать пять лет тому назад и помнят, что в то время все, кто имел возможность и желание работать, могли найти море занятия. Они не понимают, что с тех пор произошли большие перемены,

[284] и что хотя их состояния неимоверно увеличились, положение масс ухудшилось, особенно на протяжении последних семи лет. Конечно, заработки в настоящий момент по большей части хорошие, так как поддерживаются профсоюзами и т. п., но многие не могут найти работу, а многие из тех, кто справился с ситуацией, работают только половину времени, а часто даже меньше, и вряд ли могут, при строгой экономии, жить честно и порядочно.

Когда случаются особые депрессии, как в 1893-96 гг., многие безработные оставлены на милость своих друзей, которые едва могут выдерживать эту дополнительную нагрузку, а те, у кого нет друзей, вынуждены уповать на общественную благотворительность, которая в такие времена совершенно непропорциональна.

Депрессия 1893 года пронеслась, как волна, над всем миром, и ее мощное давление еще ощущается повсюду, хотя для некоторых наступила короткая целительная передышка. Но, как обращает внимание Священное Писание, эта скорбь приходит как волны или приступы – "как мука родами постигает имеющую во чреве" (1 Фес. 5: 3). И каждый последующий приступ будет, вероятно, еще более суровым, пока не наступит самый последний. Состоятельным и безмятежным нередко тяжело осознать крайнюю нужду самого бедного класса, который быстро становится все более многочисленным. Факты таковы, что даже среди тех, кто принадлежит к среднему и состоятельному классам, кто на деле понимает и чувствует страдания самых бедных, существует осознание полной невозможности изменить нынешний общественный строй настолько, чтобы дать им некоторое длительное облегчение. Поэтому каждый делает то немногое, что считает своей способностью и своим долгом делать тем, кто ему близок, стремясь поставить под сомнение или позабыть известия о страданиях, которые достигают его ушей и глаз.

Последующие выдержки из ежедневной прессы помогут вспомнить события, произошедшие в 1893 году, и которые незадолго будут, скорее всего, вызывать новый интерес. "The California Advocate" писала:

[285] “Скопление масс безработных в наших больших городах в многотысячные толпы – неимоверно ужасное зрелище. Их жалобная мольба о работе или хлебе слышна по всей земле. Это старая нерешенная проблема нищеты, усугубленная беспрецедентной депрессией в бизнесе. Вынужденное бездействие является постоянно растущим злом, идущим в ногу с цивилизацией. Его мрачная тень медленно прокрадывается вслед за цивилизацией, увеличиваясь размерами и становясь все более заметной по мере продвижения цивилизации. Понятно, что вещи находятся в неестественном состоянии, если люди имеют желание и стремление работать, но не могут найти работы, при том, что сама их жизнь зиждется на занятости. Неверной является старая пословица, что “мир задолжал каждому средства к существованию”. Однако верно, что мир задолжал каждому человеку возможность зарабатывать на жизнь. Было выдвинуто много теорий и приложено много усилий, чтобы обеспечить неотъемлемое “право на труд” каждому охотному работать. Однако все подобные попытки до сих пор заканчивались откровенной неудачей. Настоящим благодетелем для человечества станет тот, кто успешно решит проблему обеспечения определенным занятием каждого желающего трудиться, и тем самым освободит человечество от проклятия вынужденного бездействия”.

В другом сообщении описано, как в Чикаго толпа из более чем четырехсот безработных двигалась улицами центра города во главе с одним из демонстрантов, держащим плакат из картона, на котором была нацарапана мрачная надпись: “Мы хотим работы”. На следующий день они шли с многочисленными лозунгами, имевшими следующие надписи: “Живите Себе и Позвольте Жить Нам”, “Мы Хотим Возможности Содержать Наши Семьи”, “Работа или Хлеб” и т. д. Армия безработных двигалась по Сан-Франциско с лозунгами, на которых имелись надписи: “Тысячи Домов Внаем и Тысячи Бездомных Людей”, “Голодные и Отчаявшиеся”, “Изгнанные Плетью Голода Нищенствовать”, “Слезьте с Нашей Спины, и Мы Справимся Сами” и т. п.

Другая газетная вырезка гласит:

[286] "Ньюарк, Нью Джерси, 21 августа. Лишенные занятости рабочие устроили сегодня огромное шествие. Во главе шеренги шагал человек с большим черным флагом, на котором белыми буквами виднелись слова: "Знамение Времени – Я Голоден, Потому Что Он Сыт". Внизу был рисунок хорошо упитанного, высокого роста человека в большой шляпе, а возле него – голодающего рабочего".

Еще один журнал, обращаясь к стачке английских шахтеров, сказал:

"Случаи подлинной нужды и даже голодания болезненным образом умножаются по всей Англии, а падение производства и дезорганизация на железной дороге принимают размеры большого национального бедствия.. Как и следовало ожидать, истинная причина состоит в огромных выплатах, которые арендаторы вынуждены платить за землю земельным собственникам, у которых они арендуют шахты. Многие миллионеры, плата которым за добычу угля подвешена, словно жернова, к шее добывающей промышленности, являются также известными пэрами, и разгневанное общественное самосознание быстро находит связь между этими двумя вещами.. Радикальные газеты составляют обличительные списки лордов (не очень отличающиеся от списков трестов в Америке), показывая в их цифрах чудовищные налогообложения доходов от государственной собственности.

Мольба о хлебе несется из города. Она сделалась еще сильнее, еще резче и шире, чем когда-либо. Она исходит из голодных желудков и ослабевших тел. Она исходит от людей, которые бродяжничают улицами в поисках работы. Она исходит от женщин, сидящих безысходно в пустынных комнатах. Она исходит от детей.

В городе Нью-Йорке нищие оказались в таком отчаянном положении, какое никогда прежде не было известно. Вероятно, никто из живых не понимает, сколь ужасны такие страдания, сколь жуткой является нищета. Никто не может всего этого видеть. Ничье воображение не может этого постичь.

Только немногие из тех, кто будет читать это, могут понять, что означает быть без еды. Это одна из вещей, столь страшных, что не укладывается у них в голове. Они говорят: "Люди обязательно могут найти где-то что-то для поддержания жизни; наконец, они могут пойти к своим друзьям". Для этих

[287] несчастных нет понятия “где-то”. Их друзья столь же разорены, как они. Некоторые мужчины столь слабы от недостатка пищи, что не могут работать, даже если им предложить работу”.

В передовой статье “Examiner”, Сан-Франциско, говорилось:

“Как это так? У нас столько еды, что фермеры жалуются на невозможность получить за нее хоть что-нибудь. У нас столько одежды, что фабрики по переработке хлопка и шерсти закрываются, потому что некому покупать их изделия. У нас столько угля, что железные дороги, перевозящие его, переходят в руки потребителей. У нас так много домов, что строители оказываются не у дел. Все нужды и удобства жизни находятся в таком изобилии, в каком находились в самые благополучные годы нашей истории. Если страна имеет достаточно пищи, одежды, топлива и крова для каждого, то почему времена такие тяжелые? Очевидно, не следует винить природу. Тогда кого или что?

Проблема безработицы – одна из самых серьезных, с которой столкнулись Соединенные Штаты. Согласно статистике, собранной Брадстритом, в начале года около 801 000 работающих по найму лишились занятости в 119 главных городах Соединенных Штатов, а количество лиц, находящихся на их содержании, составляло свыше 2 000 000 чел. Если 119 городов взять в качестве среднего показателя по стране, то общее число работавших по найму и лишенных занятости на начало года превысило бы 4 000 000 человек, которые представляют зависящее от них население в количестве 10 000 000 человек. По мере того как безработные перебираются в большие города, от этой цифры можно вычесть одну четвертую. Но даже с этим вычетом число работающих по найму и лишившихся занятости является громадным, душераздирающим.

Безжалостный путь нищеты, конец которого убожество, так долго прокладывал себе путь в Европе, что власти Старого Света знают лучше, что с ним делать, чем довольно состоятельное общество по эту сторону океана. Заработная плата в Европе столь низка, что во многих здешних Штатах конец жизни следовало бы проводить в богадельне. Никакая прилежность и бережливость не могут, при всем умении, позволить трудящему сберечь средства для старости. Разница между доходами и расходами столь невелика, что кратковременная болезнь или безработица

[288] приводит трудящегося в отчаяние. Тамошнее правительство было вынуждено отнестись к этому более-менее научно, а не бездумным образом, известным Америке, где бродяги преуспевают без дела, а уважающие себя люди, попав в нужду, вынуждены переносить голод".

Редактор "The Arena" говорит в своей статье "Цивилизованный ад":

"Мертвое Море нехватки раздвигает свои границы в каждом населенном центре. Роптание гневно недовольных зловеще усиливается с каждым годом. Справедливость, в которой отказано немощным по причине власти корыстолюбия, свела нас лицом к лицу с труднопреодолимым кризисом, который еще возможно предотвратить, если только у нас имеется мудрость быть справедливыми и человечными. Однако эту проблему нельзя больше высмеивать как неуместную. Она уже не является локальной, она вредит и становится угрозой всему политическому строению. Несколько лет тому назад один из самых известных прорицателей в Америке провозгласил, что в этой Республике не существует бедности, о которой можно было бы вести речь. Сегодня ни один здравомыслящий человек не будет отрицать, что эта проблема имеет первостепенную важность. Вскоре после этого я нанял одного джентльмена в Нью-Йорке для того, чтобы лично просмотреть судовые реестры в городе и выяснить, по возможности, точное число обоснованных, за двенадцать месяцев, случаев лишения права на собственность. Результат? Реестры засвидетельствовали ужасающий факт, что на протяжении двенадцати месяцев, вплоть до 1 сентября 1892 года, в городе Нью-Йорке было издано двадцать девять тысяч семьсот двадцать распоряжений о лишении права на собственность.

В одной из статей газеты "Forum" за декабрь 1892 года, написанной м-ром Джейкобом Рийсом по поводу особых нужд бедных в Нью-Йорке, сказано: "Многие годы в Нью-Йорке дела обстояли так, что десятую часть всех умерших в этом большом и богатом городе хоронили на "земле горшечника". Из 382 530 погребений, зарегистрированных за прошедшее десятилетие, 37 966 проведено на "земле горшечника". Затем м-р Рийс ссылается на факт, известный всем изучающим общественные условия и исследующим бедность в больших городах, что размеры этой "земли горшечника", какими бы неимоверно показательными они не были, вовсе не являются критерием, по которому следует оценивать проблему бедности в большом городе. По этому поводу он продолжает:

"Те, кто непосредственно общался с бедными и знает, с каким мучительным страхом они сражаются против этой наседающей напасти, как они строят планы, догадки и

[289] как экономят ради скромной возможности лечь отдохнуть в могилу, которая будет их собственностью, хотя при жизни они никогда не могли назвать своим даже навес, согласятся со мною, что даже если (по самой заниженной оценке) один, несмотря ни на что, падает в эту ужасную пропасть, то, по крайней мере, двое или трое обязательно находятся на ее краю. С такой оценкой – что от двадцати до тридцати процентов нашего населения постоянно ведет борьбу против нищеты, находясь в мучительном неведении, – полностью совпадают известные всем, хотя и разрозненные, факты благотворительной деятельности в Нью-Йорке.

В 1890 году в Нью-Йорк Сити было двести тридцать девять официально зарегистрированных самоубийств. Судовые реестры как никогда переполнены случаями посягательства на свою жизнь. "Ваш случай, – говорит городской судья Смит, обращаясь к бедному созданию, искавшему своей смерти, прыгая в Ист Ривер, – уже вторая попытка самоубийства, рассматриваемая в этом суде сегодня утром". Затем он продолжил: "Я никогда не встречал столько попыток самоубийства, как за эти несколько прошедших месяцев".

Ночь медленно, но верно, воцаряется вокруг сотен и тысяч наших людей – ночь бедности и отчаяния. Они осознают ее приближение, но чувствуют себя не в состоянии сдержать ее ход. "Квартирная плата увеличивается, а труд становится дешевле с каждым годом, и как нам совладать с этим?" – сказал недавно один рабочий, когда речь зашла о будущем. "Я не вижу никакого выхода из этого", – добавил он с горечью; и следует признать, что будущее весьма мрачно, если под рукой нет никаких радикальных экономических изменений, потому что предложение ежегодно увеличивается значительно быстрее, чем спрос на труд. "Десять женщин на самое низкооплачиваемое место", – бесстрастно ответил один чиновник, который недавно специально занялся изучением вопроса труда женщин. "Сотни девушек, – продолжает автор, – каждый год разрушают свое будущее и портят свое здоровье в спертых, плохо вентилируемых лавках и магазинах, однако десятки новобранцев прибывают из сельской местности и маленьких городишек каждую неделю, чтобы восполнить освободившиеся места". И не подумайте, что эти условия присущи только Нью-Йорку. То, что происходит в метрополии, до некоторой степени происходит и в каждом большом городе Америки. На расстоянии пушечного выстрела от Бекон Хилл, Бостон, где гордо высится золотой купол Капитолия,

[290] сотни семей медленно умирают от голода и удушья – семей, которые мужественно отстаивают самые примитивные жизненные потребности, хотя с каждым годом условия становятся более безнадежными, борьба за хлеб – более жестокой, а виды на будущее – более гнетущими. В разговоре со мной один из таких тружеников сказал, с некоторым пафосом и подавленностью, которые свидетельствовали о безнадежности и, возможно, даже о притупленном восприятии, препятствующем ему сполна осознать мрачную жестокость своих слов: “Однажды я слышал о человеке, который был посажен тираном в железную клетку. Каждый день он замечал, что ее стены подвигаются к нему все ближе и ближе. Наконец, стены придвинулись настолько, что каждый день они выдавливали из него частицу его жизни. Мне кажется, – сказал он, – что мы чем-то похожи на этого человека, и когда я каждый день вижу, как выносят маленькие гробы, я иногда говорю своей жене: «Вот еще немножко жизни выжато; однажды и мы вот так пойдем»”.

Недавно я посетил больше десятка арендуемых домов, где жизнь ведет борьбу со смертью; где с упорным героизмом – более величественным, нежели отважные подвиги среди ликующих возгласов на поле боя, – матери и дочери до бесконечности заняты шитьем. В нескольких домах я заметил прикованных к постели калек, чьи ввалившиеся глаза и чахлые лица откровенно поведали историю о месяцах и, возможно, годах постепенного голодания среди запустения, тошнотворной вони и почти повсеместной грязи общественных погребов. Здесь начинаешь до боли ощущать призрак голода и вездесущую боязнь. Пожизненный страх давит на сердце этих изгоев невыносимой тяжестью. Владелец, стоящий с судебным приказом о выселении, постоянно стоит перед их глазами. Боязнь болезни сопровождает каждый момент пробуждения, потому что для них болезнь означает невозможность обеспечить скудное пропитание, необходимое для жизни. Во время отдыха безысходность предполагаемого будущего нередко доводит до исступления. Такова, как правило, участь терпеливого труженика в трущобах наших великих городов сегодня. На большинстве их лиц можно прочесть выражение печальной скорби и немого отчуждения.

Временами в этом темном подземелье вспыхивает судорожный свет, злобное мерцание, свидетельствующее о затаенном огне, питаемом повсеместным осознанием вынесенных обид. Они чувствуют бессловесно, что участь полевого животного намного счастливее их судьбы. Даже если они с утра до

[291] ночи ведут борьбу за хлеб и нищенский угол, им известно, что в больших изобилующих центрах христианства для них закрываются двери надежды. Грустно, право же, осознавать, что в настоящее время, когда наша земля как никогда раньше украшена величественными храмами в честь великого Назорея, Который отдал Свою жизнь служению бедным, униженным и отверженным, мы видим, как нарастает волна нищеты, мы видим, как непрошеная бедность становится каждый год неминуемой судьбой дополнительных тысяч жизней. Еще никогда на устах людей не было столько чувства альтруизма. Еще никогда человеческое сердце не тосковало так по истинным проявлениям человеческого братства. Еще никогда весь цивилизованный мир не был так глубоко движим навязчивой мечтой столетий – отцовством Бога и братством людей. Но, вот, странное несоответствие! Вопль невиновной, поруганной справедливости, вопль миллионов, оказавшихся под колесами, поднимается сегодня, как никогда прежде, из каждой цивилизованной земли. Голоса России смешиваются с воплем Ирландии. Отверженный Лондон объединяется с изгнанниками всех больших континентов и американских городов в одно могущественное, сотрясающее землю, требование справедливости.

В одном только Лондоне более трехсот тысяч человек находится на самом краю пропасти, чье сердце за каждым ударом дрожит от страха, чьим жизненным кошмаром стал ужас, что маленькая коморка, именуемая домом, может быть отнята у них. Ниже, на пороге голодания, находится свыше двухсот тысяч жизней; еще дальше вниз мы обнаруживаем слой из трехсот тысяч голодных – царство, в котором голод снедает день и ночь, где каждая секунда каждой минуты, каждый час каждого дня полны агонии. Ниже голодных находятся бездомные – у которых нет ничего, чтобы найти себе жилье даже в самом плохом квартале, которые спят без крова круглый год, сотни которых можно найти каждую ночь на холодных каменных плитах вдоль набережной Темзы. Некоторых от влажной мостовой отделяет газета, хотя большинство не может позволить себе даже такую роскошь! Эта армия абсолютно бездомных насчитывает в Лондоне тридцать три тысячи".

Но не скажет ли кто-то: "Да это утрированная картина!" Что ж, давайте посмотрим. Если это хоть наполовину правда, то сказанное достойно сожаления!

[292]

НЕДОВОЛЬСТВО, НЕНАВИСТЬ, ТРЕНИЯ БЫСТРО ВЕДУТ К ОБЩЕСТВЕННОМУ ВОЗГОРАНИЮ

Как ни объясняй бедному, что богатые никогда не были столь отзывчивыми, как ныне, что общество имеет больше, чем когда-либо, доступных средств для бедных, незрячих, больных и беспомощных, и что ежегодно огромные доходы взимаются в виде налогов для поддержки благотворительных мероприятий, это, наверняка, не удовлетворит работающего. Как интеллигентный, уважающий себя гражданин, он не хочет милостыни; у него нет желания воспользоваться достоинствами богадельни или, в случае болезни, стать пациентом госпиталя на благотворительных началах. Он хочет иметь шанс честно и порядочно заработать на хлеб в поте лица и с достоинством честного труженика удерживать свою семью. Однако в то самое время, как он ощущает себя и своего соседа-рабочего более зависимым, чем когда-либо, от милости или влияния получить и сохранить даже тяжелую работу, как он видит мелких торговцев, строителей и производителей, ведущих более отчаянную борьбу, чем когда-либо, за право честно заработать на жизнь, он читает о преуспевании богатых, о растущем числе миллионеров, об объединениях капитала для контроля над разными отраслями промышленности – над производством меди, стали, стекла, топлива, спичек, бумаги, угля, красок, ножевых изделий, над телеграфом и над каждым другим бизнесом. Он видит также, что эти объединения контролируют технику в мире. Следовательно, даже если его труд обесценивается по причине конкуренции, однако товары и предметы первой необходимости могут быть улучшены или может быть предотвращено их ухудшение в зависимости от уменьшения стоимости труда, представленного в лучшей технике, вытеснившей человеческий мозг и мускулы.

При таких условиях стоит ли удивляться, что на тринадцатой ежегодной конвенции Федерации Труда в Чикаго вице-президент Торговой Ассамблеи

[293] приветствовал посетителей следующей язвительной речью? Он сказал:

“Нам хотелось бы пригласить вас в процветающий город, однако реалии не оправдывают такого утверждения. Все здесь есть так, как есть, но не так, как должно быть. Мы приглашаем вас от имени сотни монополистов и пятидесяти тысяч бродяг туда, где Мамона устраивает роскошный карнавал во дворцах и где матери убиты горем, где дети голодают, а мужчины напрасно ищут работу. Мы приглашаем вас от имени ста тысяч безработных, от имени величественных зданий, построенных во славу Бога, врата которых, однако же, ночью заперты для голодных и нищих; от имени служителей, растолстевших в виноградниках Бога и позабывших, что Божьи дети голодны и не имеют места, чтобы приклонить голову; от имени устоев потогонной системы, миллионеров и священников, чьи души подвержены опасности от жажды золота; от имени наемных рабочих, покрытых кровавым потом, из которого чеканят золотые дукаты; от имени сумасшедших домов и приютов, заполненных людьми, сведенными с ума своими заботами в этой земле изобилия.

Мы покажем вам достопримечательности Чикаго, которые, как правило, не показывают – его величие и его уязвимость. Сегодня вечером мы покажем вам сотни людей, лежащих на голых камнях коридоров вот этого здания – без дома, без еды, – способных и готовых работать, но для которых нет никакой работы. Пора поднимать тревогу – пора встряхнуть правительство, суверенные права которого переданы железнодорожным магнатам, угольным баронам и спекулянтам; пора встряхнуть федеральные власти, чья финансовая политика делается на Уолл Стрит под диктовку толстосумов из Европы. Мы надеемся, что вы примете меры, чтобы воспользоваться правом голоса, и отстраните от власти неверных слуг народа, несущих ответственность за существующее положение дел”.

Конечно, этот оратор весьма ошибается, полагая, что замена должностных лиц или партий излечит существующие пороки. Однако, пожалуй, было бы напрасным говорить ему или всякому другому здравомыслящему человеку, что все в порядке с общественным

[294] строем, который позволяет столь чрезмерные богатство и бедность. Как бы многие люди ни расходились во мнении относительно причины и способа лечения, все признают существование недуга. Некоторые бесплодно ищут лечащие средства в неверном направлении, тогда как многие, увы, вовсе не хотят, чтобы такое средство было найдено – по крайней мере до тех пор, пока у них есть шанс иметь пользу от нынешних условий.

Как бы продолжая эту мысль, Джордж Е. МакНейл сказал в своем обращении к Всемирному Конгрессу Труда:

"Рабочее движение рождено потребностью иметь пищу, кров, уют, одежду и наслаждения. В этом движении человечества к счастью каждый ищет свой идеал, нередко стоически пренебрегая идеалами других. Индустриальная система покоится на дьявольском железном правиле: каждый за себя. Как еще объяснить феномен, что те, кто больше всего страдает от этого правила самолюбия и алчности, должны организовываться для свержения дьявольской системы правления?"

Газеты пестрят описаниями фешенебельных бракосочетаний, балов и пиршеств, на которых так называемые "сливки" общества появляются в дорогих нарядах с редкими драгоценностями. Недавно на балу в Париже одна леди, говорят, одела бриллиантов на 1 600 000 долларов. "New York World" поместила в августе 1896 года фотографию одной американской леди, наряженной в бриллианты и прочие драгоценности стоимостью 1 000 000 дол., и при этом она не принадлежит к самой верхушке общества. Ежедневная пресса рассказывает о расточительном расходовании тысяч долларов на приготовление подобных пиршеств – на отборные вина, декорации из цветов и т. п. Она рассказывает о дворцах, построенных для богатых, многие из которых имеют стоимость 50 000 долларов, а некоторые даже 1 500 000 дол. Она рассказывает о "собачьих вечеринках", на которых животных кормят дорогостоящими лакомствами, и на которых за ними ухаживают "няни". Она рассказывает о 10 000 дол., заплаченных за десертный сервиз, 6 000 дол. за два художественных кувшина для цветов, 50 000 дол. за две розовые вазы. Она рассказывает, как английский герцог заплатил 350 000 дол. за одну лошадь. Она

[295] рассказывает, как одна женщина в Бостоне похоронила своего мужа в гробу стоимостью 50 000 дол. Она рассказывает, что другая "леди" потратила 5 000 дол. на похороны своего маленького пуделя. Она рассказывает, что миллионеры Нью-Йорка платят по 800 000 долларов за одну яхту.

Можем ли мы удивляться, что многих охватила зависть, а некоторые рассержены и озлоблены, когда они сравнивают подобное расточительство с нуждой собственных семей или, по крайней мере, с вынужденной экономией? Зная, что немногие являются "Новыми Творениями", помышляющими о горнем, а не о земном, и постигающими, что "великое приобретение – быть благочестивым и довольным", и при этом ждут, пока Господь оправдает их путь, мы не удивляемся, что такие вещи пробудили в сердцах масс чувство зависти, ненависти, злобы, ссоры, и что эти чувства созревают к открытому мятежу, который окончательно совершит всякое дело плоти и дьявола во время надвигающегося великого времени скорби.

"Вот, в чем было беззаконие Содомы.. в гордости, пресыщении и праздности, и она руки бедного и нищего не поддерживала" (Иез. 16: 49, 50).

Калифорнийская "Christian Advocate", комментируя один из фешенебельных балов в Нью-Йорк Сити, говорит:

"Чрезмерная роскошь и слепое расточительство богатых греков и римлян "древности" – это исторический факт. Сегодня столь бездумное проявление начинает обнаруживаться и в так называемом высшем обществе этой страны. Один из наших корреспондентов рассказывает о даме из Нью-Йорка, которая за один сезон истратила 125 000 дол. на приемы. О характере и стоимости этих приемов можно судить хотя бы из факта, что она учила собравшееся общество.. замораживать римский пунш в сердцевине малиновых и желтых тюльпанов, а также кушать черепашье мясо золотой ложкой из серебряной лодочки. Другие, устраивая приемы, украшали столы дорогостоящими розами, а один из числа "четырехсот", говорят, потратил на один званый вечер 50 000 дол. Столь чрезмерная трата по столь

[296] жалкому поводу грешна и позорна, несмотря на то, каким бы состоянием кто-то не обладал".

"Messiah's Herald" прокомментировал следующим образом:

"Сто сорок четыре светских автократа, во главе с аристократом, давали большой бал. Его не смогла бы затмить даже королевская роскошь. Это было что-то невообразимое. Вино текло рекой. Красота пленяла своим изяществом. Ни Марк Антоний, ни Клеопатра никогда не были окружены таким великолепием. Это была коллекция миллионеров. Богатство мира было предано опустошению ради этих жемчужин и бриллиантов. Ожерелья из самоцветов стоимостью каких-то 200 000 дол. украшали десятки шей. Танец плыл посреди роскоши Алладина. Веселье не знало границ. В это самое время, говорит журнал, 100 000 голодающих шахтеров Пенсильвании бродили дорогами, как скот, в поисках корма, где некоторые поедали кошек; и немало из них совершило самоубийство, лишь бы не видеть своих голодающих детей. Даже одно ожерелье на балу в Метрополитен спасло бы всех их от голода. И это было одним из "больших общественных событий" народа, именуемого христианским. Но какой контраст! И для этого нет лекарства. Так будет, пока "Он не придет".

"Пока Он не придет?" Нет! Скорее "так будет во дни Сына Человеческого", когда Он пришел, когда собирает Своих избранных к Себе и тем самым устанавливает Свое Царство, инаугурация которого последует после "сокрушения" на куски нынешнего общественного строя в великом времени скорби и анархии – приготовлении к установлению Царства праведности (Отк. 2: 26, 27: 19: 15). Как было во дни Лота, так будет во дни Сына Человеческого. Как было во дни Ноя, так будет и в [parousia] присутствие Сына Человеческого (Мат. 24: 37; Лук. 17: 26, 28).

НЕ СЛИШКОМ ЛИ СУРОВО ОСУЖДАЮТ БОГАТЫХ?

Цитируем из заглавной статьи в "Examiner", Сан Франциско:

"В гавани Нью-Йорка огромная британская яхта с паровым двигателем "Валианте" м-ра В. К. Вандербильта присоединилась к

[297] яхте "Конкерер" м-ра Ф. В. Вандербильта. "Валианте" стоит 800 000 долларов. Это равнозначно прибыли от урожая приблизительно в 15 000 000 бушелей пшеницы (по 60 центов за бушель) или от всей продукции, по крайней мере, 8 000 ферм (размером в 160 акров каждая). Иными словами, 8 000 фермеров, представляющих 40 000 мужчин, женщин и детей, работали в солнце и непогоду, чтобы позволить м-ру Вандербильту построить на иностранной верфи прогулочную яхту, какой нет ни у одного правителя в Европе. Постройка такой посудины требовала труда не менее 1 000 механиков на протяжении года. Если бы деньги, которые она стоила, пустить в оборот среди наших рабочих, они имели бы существенное влияние на ход событий в некоторых местах".

Д. Р. Бачинен, говоря в "Arena" о бессердечном расточительстве богатых, сказал:

"Преступность упомянутого не столько в бездушных побуждениях, сколько в бессмысленном разрушении счастья и жизни с намерением достичь самолюбивой цели. То, что трата богатства в хвастовстве и роскоши является преступлением, становится весьма очевидным при пристальном изучении этого поступка. Не было бы никакого вреда в строительстве конюшни за 700 000 долларов для лошадей, как сделал миллионер из Сиракуз, или в расходовании 50 000 долларов на сервировку обеденного стола, как это сделал Астор в Нью-Йорке, если бы деньги были столь же доступны, как воздух и вода. Однако каждый доллар соответствует дневному количеству труда. Поэтому конюшня за 700 000 долларов представляет труд 1 000 человек в течение двух лет и четырех месяцев. Она также соответствует жизням 700 человек, потому что 1 000 дол. достаточно для содержания ребенка в первые десять лет его жизни, ведь расходы на второй десяток лет полностью возмещаются его собственным трудом. Причудливые конюшни, следовательно, соответствуют материальной основе 700 жизней, и подтверждают, что их владелец ценил конюшни более высоко, или, скажем, он решил, что 700 человек должны умереть, лишь бы его тщеславие было удовлетворено".

"The Literary Digest" в передовой статье писала:

"Не так давно один священник из Новой Англии обратился в письме к м-ру Самуэлю Гомперсу, президенту Американской федерации труда, попросив его сказать, почему, по его мнению, столь многие интеллигентные рабочие не посещают церковь. В ответ м-р Гомперс сказал, что одна из причин в том, что церкви больше не имеют ничего общего с надеждами и чаяниями рабочих и не сочувствуют их

[298] бедам и бремени. Пасторы или не знают, сказал он, или не имеют смелости сказать с кафедры о правах и обидах миллионов работающих. Церковь с неодобрением смотрит на организации, оказавшиеся наиболее действенными в предоставлении лучших условий. Внимание трудящих она обращала на "светлое будущее", полностью пренебрегая условиями, проистекающими из "горечи настоящего". Церковь и ее служение сделались "апологетами и защитниками зол, совершенных вопреки интересам людей, по той простой причине, что виновные обладают богатством". На вопрос, какие средства он предложил бы для примирения церкви и масс, м-р Гомперс рекомендует "полное изменение нынешнего поведения". Он заканчивает такими словами: "Кто не способен симпатизировать рабочему движению, кто самодовольно или безразлично взирает на ужасные последствия нынешних экономических и общественных условий, тот не только противостоит наивысшим интересам человеческого рода, но и является particeps criminis всякого зла, навязанного мужчинам и женщинам нашего времени, детям современности, мужскому и женскому роду будущего".

Хотя этим мы отмечаем осуждение со стороны общественного мнения богатых как класса, а также осуждение и предсказанное наказание Господом этого класса в целом, весьма разумно, чтобы Божий народ проявлял умеренность в своем осуждении или высказывании мыслей относительно богатых людей. Господь, Который столь сурово осуждает этот класс, будет, тем не менее, милостив к отдельным лицам, которые его составляют; и когда Он в Своей мудрости уничтожит их идолы из серебра и золота, когда смирит их надменные взгляды и посрамит их спесь, Он милостиво утешит и исцелит тех, кто откажется от собственного эгоизма и спеси. Следует также заметить, что мы процитировали только рассудительные и умеренные высказывания здравомыслящих авторов, а не крайние и нередко лишенные смысла обличения анархистов и фантазеров.

Для спокойной сдержанности в суждениях нам следует помнить: (1) что термин "богатый" весьма широк

[299] и учитывает не только сказочно богатых, но и тех, кто в понятии многих может считаться бедным по сравнению с ними; (2) что среди тех, кого самые бедные могут назвать богатыми, находится предостаточно самых лучших и великодушных людей, многие из которых весьма преуспевают в благотворительных и филантропических мероприятиях; и если они не все делают в виде самопожертвования, то было бы, конечно, бестактно со стороны тех, кто не стал живою жертвою для благословения других, осуждать их за то, что они так не делают. Те же, кто стал такою жертвою, знают, как оценить каждое проявление подобного духа, который каждый, бедный или богатый, может показать.

Следует помнить, что многие богатые не только исправно платят большие налоги для общественных бесплатных школ, в поддержку правительства, в поддержку общественных благотворительных учреждений и т. д., но и прочим образом охотно способствуют облегчению участи бедных и искренне проявляют благосклонность к приютам, колледжам, госпиталям и т. п., а также к тем церквям, которые, на их взгляд, наиболее этого достойны. Делающие все это от доброго и чистого сердца, а не ради видимости и похвалы людей (как следует признать в некоторых случаях), не потеряют своей награды. И все они должны быть справедливо оценены.

Каждый может и готов упрекать миллионеров, однако в некоторых случаях мы боимся, что этот суд слишком суров. Поэтому мы настоятельно просим наших читателей не относиться к ним слишком придирчиво. Помните, что они, равно как и бедные, в определенных отношениях находятся под контролем нынешнего общественного строя. Обычаи утвердили законы и возвели преграды вокруг их умов и сердец. Ложные концепции христианства, одобряемые всем миром – богатыми и бедными – на протяжении столетий, проложили глубокую колею для человеческих мыслей и разума, по которой их ум скользит туда-сюда. Они чувствуют, что должны делать то, что делают другие люди, то есть использовать свое время и таланты как можно лучше, к тому же “в интересах бизнеса”. Поступая так, они видят, что деньги плывут к ним, потому что

[300] богатство сегодня создается при помощи денег и техники, а сам труд перестал быть в цене.

Затем они, очевидно, решают, что имея богатство, они не обязаны копить его без конца, а должны тратить частично. Возможно, они задаются вопросом, не лучше ли раздать его на благотворительные цели или пустить в обращение в торговлю и на оплату труда, и правильно заключают, что последнее – самое лучшее. Возможно, им придет в голову, что балы, пиры, свадебные торжества, яхты и т. п. способны не только быть удовольствием для них, а также для их друзей, но и могут помочь их менее удачливым соседям. И разве в этом нет некоторой доли истины? Например, банкет ценою в десять тысяч долларов, очевидно, вовлекает в оборот все пятнадцать тысяч долларов – через мясников, пекарей, цветочников, портных, торговцев одеждой, ювелиров и т. д. и т. п. Яхта за 800 000 долларов, хотя и явилась огромной личной прихотью, ввела в обращение упомянутое количество денег среди тех, кто трудился над ней. Более того, это подразумевает ежегодные выплаты (каких-то двадцать, а то и все сто тысяч долларов) для офицеров, инженеров, моряков, поставщиков продовольствия и т. д., а также другие текущие затраты.

Поэтому при нынешних неблагоприятных условиях для среднего и самого бедного классов большая удача, что богатые "безрассудно расточительны", а не скупы, щедро расходуя часть того обилия богатства, которое плывет в их сундуки. Ведь, скажем, бриллианты надо "выкопать", отполировать и вставить и тем самым предоставить занятость тем тысячам, которые всего-навсего пополнили бы число безработных, если бы богатые не имели причуд или экстравагантности, а копили все, что им досталось. Рассуждая так, богатые могут на самом деле считать свои прихоти "благотворительностью". Если так, то они следуют тем же путем ложного умозаключения, который используют некоторые из среднего класса, когда они устраивают "церковные вечера", ярмарки и фестивали "ради сердечной благотворительности".

[301] Мы не оправдываем их поведения; мы только стремимся показать, что причуды богатых в пору финансового неблагополучия не обязательно свидетельствуют о том, что они лишены сочувствия к бедным. И когда они думают заняться благотворительностью по принципу, отличному от "коммерческого", то, несомненно, предполагают, что это потребует маленькой армии мужчин и женщин, чтобы надзирать за распределением ежедневно растущих средств, и что они не будут чувствовать уверенности, что эти средства попадут к наиболее нуждающимся. Дело в том, что самолюбие настолько распространено, что немногим можно доверить честное распределение больших сумм. Одна миллионерша сказала, что она, проезжая кварталами бедных, никогда не выглядывает из окон своего экипажа, потому что это оскорбляет ее глаза. Нам интересно, не происходит ли так потому, что ее мучает совесть при виде контраста между ее условиями и условиями этих бедных. А вот насчет того, чтобы самому присматривать за благотворительностью, то мужчины слишком заняты размещением собственного капитала, а женщины слишком утонченны для таких вещей, ведь им пришлось бы принимать неодобрительные взгляды, слушать неприветливые слова и чувствовать неприятные запахи. Будь они победнее, им, наверное, очень хотелось бы иметь такие возможности, как сегодня, делать добро, но самолюбие, гордость и общественные обязанности и нормы поведения вытесняют более благородные чувства и препятствуют развитию плодов. Кто-то сказал: "Наш Господь потому был тронут чувством человеческих недостатков, что ходил везде, делая добро".

Когда мы выдвигаем эти предположения ради хоть какого-то утешения, которое они могут дать более бедным классам, не поймите нас неправильно, будто мы каким-то образом оправдываем самолюбивые выходки богатых, которые являются злом и которые Господь осуждает как порок (Иак. 5: 5). Рассматривая разные стороны этих волнующих вопросов, ум становится более уравновешенным, суждения более здравыми, а симпатии более мягкими к тем, кого "бог века сего" ослепил своими богатствами (отчего их суждения

[302] лишились справедливости) и кто вскоре должен получить столь суровое взыскание и наказание от Господа. "Бог века сего" в некоторых вопросах делает слепыми также бедных – с целью оправдать ложный путь. Таким способом он ведет обе стороны к большой "битве".

Хотя у нас могут найтись возражения, чтобы на них основывать некоторые оправдания нынешнего сосредоточения богатства в руках нескольких, и мы можем осознавать, что некоторые богатые и, прежде всего, умеренно богатые, весьма благотворительны; хотя может быть истинным утверждение, что они обрели свое богатство под функционированием тех же законов, которым подлежат все остальные, и что некоторые из бедных являются по природе менее великодушными и менее расположенными быть справедливыми, чем некоторые из богатых, и, если поменяться местами, они нередко оказались бы более прямолинейными и деспотическими, нежели богатые, однако Господь заявляет, что по этой причине обладающие богатством вскоре должны быть привлечены к суду, поскольку, разглядев тенденцию событий, они не стремились найти, ценой собственных усилий, более уравновешенный, более благородный план, чем тот, который находится ныне в действии, – например, что-то вроде социализма.

Чтобы продемонстрировать взгляды растущего числа людей относительно обязанностей общества – оставить ли доступными для всех возможности, а также богатства природы (землю, воздух и воду), или, в случае их монополизации, предоставить шанс дневного заработка тем, кто не имеет никакого участия в монополиях, – мы цитируем следующее:

"Редко найдешь в печатном издании рассказ о более печальном случае из реальной жизни, чем приведенный ниже и подтвержденный одним воспитателем детского сада, который живет в Бруклине, Нью-Йорк.

Маленькая девочка, посещающая детский сад на восточной окраине (самый бедный район Нью-Йорк Сити), пришла недавно утром в школу плохо одетая, выглядя истощенной и замерзшей. Отсидевшись немного в теплом помещении, дитя подняло глаза, посмотрело в лицо учительницы и искренне сказало:

[303] “Мисс С___, вы любите Бога?”

“Да, конечно”, – сказала учительница.

“А я нет, – быстро ответил ребенок с большой серьезностью и воодушевлением, – я Его ненавижу”.

Учительница, видя, что столь странные слова исходят от ребенка, которого она так настойчиво учила, что следует любить Бога, попросила объяснения.

“Хорошо, – ответил ребенок, – Он делает ветер, а у меня нет никакой теплой одежды; Он посылает снег, а мои туфли полны дыр; Он дает холод, а у нас дома нет огня, Он делает нас голодными, а у мамы нет хлеба для нас на завтрак”.

В комментарии к этому сказано: “Когда мы размышляем над совершенством Божьих материальных даров для детей Земли, то тяжело, прочитав эту историю, взирать с терпеливостью на самодовольство богатых богохульников, которые, словно наивная маленькая девочка, обвиняют Бога в страданиях нищеты”.

Однако не стоит ожидать многого от мирских людей, потому что самолюбие является духом этого мира. У нас больше повода обратить свой взор на великих и богатых людей, которые признают себя христианами. Однако и они не возлагают ни своей жизни, ни своих богатств на Божий алтарь в служении Евангелию и не отдают их в служении земному благосостоянию человечества. Понятно, Евангелие превыше всего! Оно должно занимать все наше время, влияние, весь талант и средства. Но там, где оно спрятано от глаз и не господствует в сердце по причине ложных понятий, ложных учений, посвященное сердце обязательно найдет в избытке то, что можно сделать для падших ближних в борьбе за трезвость, в улучшении общества, в муниципальной реформе и т. п. Действительно, только некоторые заняты таким образом, да и те преимущественно из бедного и среднего классов; есть также несколько богатых, несколько миллионеров. Если бы в этом мире некоторые из миллионеров обладали достаточной мерой духа Христа и направили свои умственные таланты, свое умение делать деньги, свое время, а также время своих умелых помощников, которые

[304] готовы содействовать при условии, что им будут открыты двери возможности, свидетелем какой общественной реформы сделался бы мир за один год! Было бы ограничено и потребовано обратно в общественных интересах общественное право голоса, переданное корпорациям и трестам; были бы улучшены никуда не годные законы; с ними бы считались, к ним проявляли бы уважение ради широких интересов общественности, а финансовые и политические дельцы-спекулянты, которые вредят интересам общества, потеряли бы влияние.

Однако надеяться на такое использование богатства неразумно, потому что многие богатые люди, хотя и исповедуют христианство, ничего не знают, наподобие остального мира, об истинном христианстве – о вере в Христа, личного Искупителя, и о полном посвящении каждого таланта для служения Ему. Они хотят, чтобы их называли "христианами" только потому, что не хотят быть названы "язычниками" или "иудеями", потому что имя Христа сегодня популярно, хотя Его истинные учения популярны не больше, чем тогда, когда Он был распят.

Действительно, Божье Слово свидетельствует, что немного великих, богатых или мудрых Бог избрал быть наследниками Царства, а преимущественно бедных и презренных – если судить по поведению, мудрости и восприятию их миром. Как (с какими трудностями) тяжело войдут имеющие богатство в Божье Царство. Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому человеку войти в Царство небес* (Матф. 19: 23, 24).

*Говорят, что "Игольные уши" было названием небольших ворот в стенах древних городов, используемых после заката солнца, когда большие ворота запирали, опасаясь нападения врагов. Согласно описанию, они были такими маленькими, что верблюд мог проползти через них только на коленях – после того, как с него сняли ношу. Иллюстрация, очевидно, подразумевает, что богатому человеку необходимо снять с себя ношу и встать на колени, прежде чем он сможет сделать твердым свое звание и избрание для места в Царстве.

Но, увы, "бедным богатым" придется пройти сквозь ужасные

[305] испытания. Богатство не только окажется препятствием для будущих почестей и славы в Божьем Царстве, но даже здесь его преимущества будут кратковременными. “Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящих на вас.. Вы собрали себе сокровище на последние дни”. Плач и рыдание богатых станут вскоре слышны; и знание этого должно удалить всякую зависть и алчность из всякого сердца и вместо этого наполнить его сочувствием к “бедным богатым” – сочувствием, которое, однако же, не будет стремиться и не пожелает препятствовать Господнему суду, признавая Его мудрость и доброту. Результатом такого плача и рыдания станет исправление сердца и открытие глаз каждого (одинаково богатых и бедных) на справедливость и любовь. Наиболее суровым оно будет в случае богатых, потому что перемена их состояния будет более значительной и насильственной.

Но почему условия не могут быть изменены так, чтобы постепенно принести выравнивание богатства и благополучия? Да потому, что мир руководствуется не царским законом любви, а законом греховности – самолюбием.

СОЧЕТАНИЕ САМОЛЮБИЯ И СВОБОДЫ

Христианские учения поощряют свободу, а свобода лежит у истоков знания и просвещения и ведет к ним. Однако свобода и знание опасны для человеческого благополучия, за исключением повиновения букве и духу царского закона любви. Поэтому “христианство”, приняв христианскую свободу и обретя знание, но при этом не приняв закон Христа, а вместо этого привив его знание и свободу падшим, самолюбивым нравам, усвоило только то, как лучше пользоваться собственным самолюбием. Как следствие, христианство сегодня составляет самую недовольную часть земли. Другие народы разделяют это недовольство и его вред пропорционально тому, как они принимают знание и свободу

[306] христианства без принятия духа Христа, духа любви.

Библия, Ветхий Завет, а также Новый, поощряла дух свободы – не прямо, а косвенно. Закон действительно предусматривал, чтобы слуги повиновались своим господам, но он также ограничивал господ в интересах слуг, убеждая их, что несправедливость будет непременно возмещена великим Господом всех – Иеговой. Евангелие, Новый Завет, говорит то же самое (Смотрите Кол. 3: 22-25; 4: 1). Тем не менее, Библия уверяет всех, что хотя люди отличаются умственными, моральными и физическими свойствами, Бог предусмотрел полную реституцию, чтобы через веру в Христа богатые и бедные, подневольные и свободные, мужчины и женщины, умные и лишенные ума могли вернуться к божественной милости на одном общем уровне – "принятые в Возлюбленном".

Поэтому неудивительно, что иудеи древности были свободолюбивым народом и носили название бунтарского рода, не желая быть покоренными, отчего их завоеватели решили, что нет иного пути подчинить их, кроме полного уничтожения как народа. Неудивительно также, что умелые государственные мужи (даже нехристиане) признали, что "Библия является угловым камнем наших свобод", и, как подсказывает опыт, там, где теряется Библия, теряется свобода, унося с собой образование и, в целом, более возвышенные чувства. Так было в течение первых двух столетий христианской эры. Затем возобладали заблуждения (интриги духовенства и суеверие), Библия была проигнорирована или предана забвению, а папская линия поведения принесла, вместо дальнейшего прогресса, "средневековье". Вместе с возрождением Библии как общественного наставника (во время английской и немецкой реформаций) среди людей снова появилась свобода, знание и прогресс. Неопровержимым является факт, что земли, имеющие Библию, имеют больше свободы и общего

[307] просвещения, и в тех землях, где к Библии имеется самый свободный доступ, люди также наиболее свободны, наиболее просвещены, наиболее образованы в общем смысле и делают наибольшие шаги к прогрессу в каждом направлении.

А теперь обратите внимание на то, что нам удалось увидеть до этого, то есть что христианство восприняло просвещающее и дающее свободу влияние Библии, тогда как ее закон любви (закон совершенной свободы – Иак. 1: 25) был преимущественно проигнорирован. Здравомыслящие люди только теперь пробуждаются к осознанию факта, что объединенные знание и свобода составляют могущественную силу, которую можно направить к добру или к злу. Если их двигать, словно рычаг, в сторону любви, последствия будут решительно к добру; но если их подвинуть в сторону самолюбия, последствия будут плохими – в виде большого и далеко идущего зла. Таково положение, с которым сталкивается христианство сегодня, и которое быстро приготавливает общественные элементы к "огню" "дня мщения" и возмездия.

В химии часто случается, что некоторые используемые и полезные элементы неожиданно, в результате изменения соотношений, переходят в отряд отравляющих. То же происходит с благословениями знания и свободы, смешанными с самолюбием. В определенных пропорциях это соединение оказало ценную услугу человечеству, однако недавнее большое увеличение знаний вместо того, чтобы водрузить знание на престол власти, посадило туда самолюбие. Самолюбие господствует, используя знание и свободу как своих слуг. Подобное соединение правит миром сегодня. И даже его ценные элементы сделались врагами праведности и мира по причине главенствующего положения самолюбия. В этих условиях знание, как слуга самолюбия, наиболее активно служит самолюбивым интересам, и свобода, контролируемая самолюбием, угрожает превратиться в самодержца, с пренебрежением относящегося к правам и свободам других. Поэтому в нынешних условиях

[308] (господствующее) самолюбие, знание и свобода составляют Триумвират порочной власти, который господствует над христианством и сокрушает его через своих посредников и представителей, класс богатых и влиятельных. Тем не менее, он будет тем же Триумвиратом Зла, когда вскоре поменяет своих слуг и представителей, принимая на их место человеческие массы.

Все в цивилизованных землях – бедные и богатые, ученые и неграмотные, умные и ограниченные, мужчины и женщины – почти во всех случаях жизни (за редким исключением) движимы этим могущественным сочетанием. Они порождают в своих подчиненных безумную жажду власти, благоустроенности и корыстей ради самовозвеличения. Немногие святые, стремящиеся сегодня и в будущем делать добро другим, составляют столь незначительное меньшинство, что они вряд ли достойны рассмотрения как фактор в настоящее время. Они будут бессильны внедрить добро, к которому стремятся, пока, прославленные со своим Господом и Учителем, не будут правомочными и наделенными властью благословить мир как Божье Царство. А до тех пор, пока они находятся во плоти, они по-прежнему будут иметь потребность в том, чтобы бодрствовать и молиться, чтобы даже их большее знание и большая свобода не превратились в зло, уступая господству самолюбия.

НЕЗАВИСИМОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БОГАТЫХ И БЕДНЫХ

Массы в мире только недавно шагнули от рабства и крепостничества к свободе и независимости. Знание насильно разрушило личные, а также политические ограничения, ведь политическое равенство не было предоставлено добровольно, а добыто под принуждением – дюйм за дюймом. Мир политических равенств сегодня разделен по признаку самолюбия и гордости, и началась новая битва: со стороны богатых и зажиточных – за удержание и увеличение их богатства и власти, а со стороны низших классов – за право трудиться

[309] и обладать умеренными жизненными удобствами (Смотрите Ам. 8: 4-8). Многие богатые склонны думать и проявлять чувства по отношению к более бедным классам таким образом: "Ну хорошо, в конце концов массы обрели право голоса и независимость. Пусть это принесет им много добра! Тем не менее, они увидят, что ум является важным фактором во всех жизненных занятиях, а ум присутствует главным образом у аристократии. Единственная наша забота в том, чтобы они пользовались своей свободой умеренно и законно; мы же, тем самым, освобождены от большой меры ответственности. Прежде, когда массы были рабами, каждый лорд, вельможа и герцог чувствовал некоторую ответственность за тех, кто находился на его попечении; однако сегодня мы вольны заботиться исключительно о собственных удовольствиях и богатстве. Они получили независимость – тем лучше для нас; каждый "джентльмен" имеет пользу от такой перемены и надеется на то же самое для людей, которые, естественно, будут делать все от них зависящее для своего благополучия, как и мы делаем для своего. Делая себя политически равными и независимыми, они изменили наши взаимоотношения: теперь у них есть законное с нами равенство, а значит, они наши конкуренты, а не протеже. Но когда-то они поймут, что политическое равенство не делает людей физически и умственно равными, отчего появится аристократия ума и богатства вместо прежней наследственной аристократии".

Некоторые из так называемой "серединки" общества бездумно отвечают: "Мы принимаем ситуацию. Мы независимы и вполне способны позаботиться о себе. Смотрите, чтобы мы не провели вас. Жизнь – это борьба за богатство, и многие находятся на нашей стороне; мы организуем стачки и бойкоты и поступим по-своему".

Если принять предпосылку, что все люди независимы друг от друга и каждый должен самолюбиво делать все, что в его силах ради собственных интересов, невзирая на интересы и благополучие других, тогда нельзя возразить приведенным противоборствующим взглядам, призывающим сражаться за богатство. И действительно,

[310] кажется, что все классы все больше опираются на этот принцип самолюбия и независимости. Капиталисты высматривают свои собственные интересы, и, как правило (хотя есть благородные исключения), платят по возможности меньше за труд. Механики и рабочие (за исключением благородных людей) также думают только о себе, стремясь получить как можно больше за свои услуги. Как могут оба класса последовательно обнаруживать изъяны друг друга, если те и другие исповедуют те же принципы независимости, самолюбия и силы?

Это настолько проникло в общественное сознание, что старый обычай тех, у кого лучшее образование, таланты и прочие преимущества, посещать бедных и помогать им советом или материально, умер. И сегодня каждый занят своими собственными проблемами, оставляя другим, независимым, заботиться о себе и, нередко, о благотворительных общественных проектах – приютах, госпиталях, "домах" и т. п. В определенных отношениях это может быть на пользу некоторым, но в прочих отношениях, пожалуй, способно принести трудности другим – вследствие неопытности, непредусмотрительности, расточительности, праздности, слабоумия и невезучести.

Факты таковы, что ни богатые, ни бедные не могут позволить себе быть самолюбиво независимыми друг от друга; при этом им также не следует чувствовать и вести себя так, словно они являются таковыми. Человечество – одна семья: Бог "от одной крови произвел весь род человеческий" (Деян. 17: 26). Каждый член человеческого рода является братом-человеком всякому другому человеческому существу. Все – дети одного отца, Адама, Божьего сына (Лук. 3: 38), и Бог передал им, в виде управления, совместную заботу о земле и всей ее полноте. Следовательно, все имеют пользу от божественного начертания, ведь по-прежнему "Господня земля и что наполняет ее". Падение в грех и наказание за это, смерть, наступившие путем постепенного истощения – физического, умственного и морального, – оставили всех людей в той или иной степени ослабленными. Каждый ищет и должен иметь сочувствие и помощь других с учетом

[311] своей неполноценности и последующей зависимости – умственной, моральной и физической.

Если бы любовь была побуждением, движущим сердцами всех людей, каждый был бы рад делать все от него зависящее для общего благосостояния, и все оказались бы в равном положении относительно общих нужд и некоторых жизненных удобств. Это подразумевало бы некоторую степень социализма. Однако любовь не является господствующим побуждением среди людей, и в конечном итоге такой план сегодня неосуществим. Самолюбие – вот контролирующий принцип не только большинства, но и почти всего христианства, который приносит свои горькие плоды и быстро созревает к великому обрезанию винограда, описанному в Откровении 14: 19, 20.

Ничто, кроме (1) обращения мира en masse или (2) вмешательства сверхчеловеческой силы, не может сегодня переменить путь мира от самолюбия к любви. О таком обращении не мечтают даже самые большие оптимисты. Хотя номинальная церковь преуспела в видимом обращении сравнительно немногих миллионов на земле, однако истинное обращение – от самолюбивого духа мира к полному любви и великодушия духу Христа – можно зачесть только малому числу. Поэтому следует расстаться даже с этой надеждой. Единственная надежда находится во вмешательстве сверхчеловеческой силы, и именно такая перемена обещана Богом в Тысячелетнем Царстве Христа и посредством него. Бог предвидел, что потребуется тысяча лет, чтобы избавиться от самолюбия и заново утвердить во всех желающих господство любви. Вот для чего определены "времена совершения" (Деян. 3: 21). Пока же те немногие, которые действительно оценивают любовь и хотят ее господства, могут, как правило, видеть невозможность обеспечения ее земными средствами, потому что богатые не расстанутся со своими привилегиями добровольно. Да и массы вряд ли позаботились бы достаточно о себе, если бы не стимул потребности или

[312] алчности, настолько неотъемлемой является самолюбивая лень в одних и самолюбивая, расточительная роскошь и непредусмотрительность в других.

ПОЧЕМУ НЕДАВНИЕ БЛАГОПРИЯТНЫЕ УСЛОВИЯ НЕ МОГУТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ

Кто-то скажет, что богатые и бедные жили вместе шесть тысяч лет, что сегодня опасность возникновения трудностей существует не больше, чем в прошлом – опасность, что богатые сокрушат бедных и заставят их голодать, или бедные уничтожат богатых посредством анархии. Но это ошибка: есть еще большая, чем когда-либо, опасность, исходящая с обеих сторон.

Условия масс существенно изменились со времен рабства – не только физические условия, но и умственные. Сегодня, после того, как удалось вкусить цивилизации и образования, потребовались бы столетия постепенного угнетения, чтобы опять подчинить их старому порядку вещей, при котором они были вассалами земельных вельмож. Это нельзя сделать за одно столетие, ведь они скорее согласятся умереть! Одно лишь подозрение в наличии такой тенденции в будущем для их детей привело бы к революции, и этот страх побуждает бедных к более мощным протестам, чем когда-либо прежде.

Но, возможно, возникнет вопрос: На каком основании мы можем предвидеть такую тенденцию? Почему не допустить возможности продолжения и даже увеличения общего благосостояния прошлого столетия и особенно последних пятидесяти лет?

Такое нельзя предположить, так как наблюдения и размышления показывают, что подобные ожидания безосновательны, совершенно невозможны, да еще по нескольким причинам. Успех нынешнего столетия стал – под божественным надзором (Дан. 12: 4) – прямым следствием умственного пробуждения мира с применением таких средств, как книгопечатание, пар, электричество и прикладная механика.

[313] Пробуждение принесло растущие требования в предметах первой необходимости и роскоши со стороны увеличивающихся численно масс. Появившись неожиданно, увеличение спроса превысило производство. Отсюда общее увеличение заработков. Когда предложение сравнялось со спросом и даже превысило его на внутренних рынках, другие народы, пассивные долгое время, также пробудились и потребовали удовлетворения спроса. Какое-то время все классы имели от этого пользу, и все цивилизованные народы неожиданно сделались намного богаче и почувствовали себя намного удобнее, чем когда-либо прежде, ведь производство машин потребовало литейщиков, машинистов и плотников, а те, в свою очередь, нуждались в помощи лесорубов, каменщиков, печников и обжигальщиков. Когда машины были готовы, многим из них нужен был уголь, для чего еще больше потребовались угольщики, инженеры, кочегары и т. п. По всему миру появился спрос на пароходы и железные дороги, и тысячи людей вскоре были наняты для их строительства, оборудования и эксплуатации. В результате внезапно пополнились трудовые ряды, а заработки выросли пропорционально спросу на профессиональное мастерство. Косвенно еще другие получили пользу, вдобавок к занятым непосредственно, ведь если людям заплатили лучше, они смогли лучше питаться, носить одежду получше и жить в более хороших домах, более уютно устроенных. Фермер не только был вынужден платить больше за нанимаемый труд, но и получил, в свою очередь, соразмерно больше за вырученное от продажи. Это произошло в каждой отрасли промышленности. Вот так кожевники, сапожники, производители трикотажа, часовщики, ювелиры и т. п. получили пользу, поскольку чем лучше платить массам, тем больше они могут потратить на нужды и роскошь. Кто ходил босяком, купил себе туфли, кто ходил без носков, тот счел их необходимостью, и таким образом все отрасли торговли возымели успех. А поскольку весь этот спрос пришел неожиданно, то неминуемым оказалось общее и быстрое процветание.

[314] Изобретения стимулировались спросом, внедряя одно за другим трудосберегающие механизмы на фабриках, в домах, на фермах – везде, и сегодня трудно заработать на жизнь, не завися от современной техники. Все это, учитывая торговлю с соседними народами, которые проснулись похожим образом, но позже, способствовало процветанию классов трудящихся, сделав купцов и предпринимателей христианства сказочно богатыми.

Однако сегодня мы приближаемся к концу пути процветания. Во многих направлениях мировое предложение уже превышает мировой спрос, вернее, превышает покупательскую способность удовлетворить его нужды. Китай, Индия и Япония, после того, как они оказались отличными покупателями изделий из Европы и Соединенных Штатов, сегодня используют, как правило, собственный труд (стоимостью от шести до двенадцати центов в день), чтобы скопировать то, что они уже приобрели. Значит, в дальнейшем они будут требовать для себя соответственно меньше и меньше. Страны Южной Америки оказались втянутыми в это больше, чем диктовал здравый смысл, и некоторые из них уже обанкротились и вынуждены экономить до времени, пока не окажутся в лучшем финансовом положении.

Вероятно, поэтому приближается кризис, который произошел бы раньше кризиса в Европе, если бы не беспрецедентный расцвет этой Великой Республики под протекционистским тарифом, который доставил сюда с целью инвестирования миллионные суммы европейского капитала, а также привлек миллионы жителей Европы разделить пользу от здешнего благоденствия, и который создал при этим гигантские корпорации и тресты, угрожающие сегодня общественному благополучию.

Общее процветание и более высокая заработная плата пришли также в Европу. Здесь не только ослабели трудовые шеренги, но войны уменьшили также давление конкуренции, убивая

[315] миллионы человек в расцвете сил, а также уничтожая имущество и полностью приостанавливая трудовую деятельность. А за последние двадцать пять лет постоянно увеличивающиеся действующие армии лишили Европу еще других миллионов человек ради пополнения своих рядов, которые в противном случае сделались бы конкурентами. Кроме того, учтите огромное число занятых в подготовке военного снаряжения, орудий, военных кораблей и т. д.

Если, несмотря на все эти условия, столь благоприятные для процветания, и на потребность в труде в условиях хороших заработках, мы обнаруживаем сегодня, что достигнут предел, и что заработки, скорее всего, ухудшаются, мы имеем основание предположить с человеческой точки зрения, а также с точки зрения Божьего откровения, что надвигается кризис – упомянутый кризис в истории мира.

Стоит отметить также, что хотя в последние годы заработки достигли невиданных высот, рост цен на предметы жизненной необходимости был ничуть не меньше, тем самым осуществляя более чем уравновешивающее влияние. Каков будет результат? И как долго следует его ждать?

Крушение придет стремительно. Как матрос, медленно взбирающийся на вершину мачты, может неожиданно сорваться вниз; как большая деталь машины, медленно поднятая зубцами и воротом, соскользнув, полетит вниз с сокрушительной и разрушительной силой, делая еще хуже, чем в случае, если бы ее никогда не поднимали, так и человечество, поднятое зубцами и рычагами изобретательства и усовершенствования, а также блоками и талями всеобщего образования и просвещенности выше любого прежнего уровня, достигло точки, выше которой (по причине самолюбия) оно не может подняться, и что-то должно произойти. Оно зависнет и успокоится на миг (на несколько лет) на определенном уровне, прежде чем зубцы и рычаги, неспособные поднимать его дальше, лопнут под грузом, в результате чего произойдет полное крушение.

[316] Когда впервые была внедрена техника, возникли опасения насчет последствий ее конкуренции для человеческого труда и мастерства; однако упомянутые обратные факторы (всеобщее пробуждение в христианстве и за его пределами, производство техники, войны, армии и т. д.) в данное время опровергли естественную тенденцию, к тому же настолько, что многие решили, что это противоречит логике и трудосберегающая техника не входит в конфликт с человеческим трудом. Но это не так: мир дальше находится под действием закона спроса и предложения; действие этого закона несомненно и может быть объяснено любому рассудительному уму. Спрос на человеческий труд и мастерство вырос временно, приготавливая еще более богатое предложение в виде техники для замены труда, и когда однажды будет достигнут предел, обратное движение окажется неминуемо стремительным и сокрушительным для тех, на кого свалится смещенный груз.

Предположим, что цивилизация увеличила мировой спрос в пять раз по сравнению с тем, что было пятьдесят лет тому назад (да и это следует считать весьма приблизительной цифрой). Как быть с предложением? Все согласятся, что изобретения и техника увеличили предложение более чем в десять раз – если сравнивать с тем, что было пятьдесят лет тому назад. Любой умственно отсталый человек способен понять, что если только создать достаточно техники для удовлетворения спроса, должна возникнуть гонка, конкуренция человека и техники, потому что для всех не может хватить работы – даже если не будет увеличиваться ни число людей, ни число машин. Однако конкуренция усиливается. Население мира быстро увеличивается, а техника, руководимая растущим умением, ежедневно создает все большее число лучших машин. Кому непонятно, что при нынешней эгоистичной системе состязание между людьми и техникой, как только предложение превысит спрос (как только мы будем иметь перепроизводство), должно быть коротким и вовсе

[317] не в пользу людей. Машины, как правило, являются рабами из железа, стали и дерева, оживленными при помощи пара, электричества и т. п. Они не только могут выполнять больше работы, но и выполнять ее лучше, чем люди. У них нет ума для совершенствования, нет порочных склонностей, которые следует сдерживать, нет жен и семей, о которых следует думать и заботиться, они не добиваются своего, не создают союзы и не посылают делегатов вмешиваться в управление бизнесом, они не бастуют и готовы работать сверхурочно без выраженного недовольства или дополнительной платы. Поэтому машины как рабы намного предпочтительнее черных или белых рабов-людей, отчего человеческий труд и мастерство сегодня, как правило, находятся в пренебрежении, а те, кто владеет машинами-рабами, рады, что при нынешних законах и правилах пользования их собратья являются свободными и независимыми, ведь они, тем самым, освобождены от ответственности и заботы о них, как это требовалось бы в случае их порабощения.

Но трудящиеся мира не слепы. Они видят, хотя и неясно, к чему должна привести нынешняя система самолюбия, которую, как приходится признать, они сами помогали вскармливать, и при которой они и все другие по-прежнему находятся. Тем не менее, они не видят ясно, в чем ее неизбежность, и не понимают унизительности рабского положения, к которому, если подобное не предотвратить, она неизменно и быстро приведет их. В то же время они видят, что их взаимная конкуренция, чтобы быть слугами машин-рабов (в качестве машинистов, инженеров, кочегаров и пр.), с каждым годом становится острее.

ТЕХНИКА КАК ФАКТОР В ПРИГОТОВЛЕНИИ К "ОГНЮ". ПОСЛЕДНИЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ЯВЛЯЮТСЯ ЛИШЬ ПРЕДВКУШЕНИЕМ ТОГО, ЧТО ДОЛЖНО ПРИЙТИ

Цитируем некоторых людей, которые пробуждаются и осознают то, что готовит им будущее. Неизвестный автор говорит:

[318] "Великолепие демократий древних городов Греции, блиставших, словно вспышки света, на мрачном фоне окружающего варварства, сделалось источником раздора между современными сторонниками различных форм правления. Оппоненты народовластия считали, что древние города вовсе не были истинно демократическими, а были аристократическими, поскольку опирались на труд рабов; лишь это предоставляло свободным гражданам досуг, чтобы заниматься политикой. По мнению этих философов, должен существовать класс чернорабочих, чтобы выполнять в обществе заурядный труд. Поэтому государство, позволяющее простому рабочему принимать участие в правлении, не способно долго существовать.

Столь благовидное рассуждение было искусно подхвачено м-ром Чарльзом Г. Лорингом в его президентском обращении к Американскому Обществу Инженеров-механиков в 1892 году, где он выдвинул предположение, что современная цивилизация имеет все достоинства древнего рабства за исключением его жестокости. "Позором древней цивилизации, – сказал он, – явилось полное отсутствие человечности. Справедливость, добросердечие и сострадание имели там очень мало места. Их заменили сила, обман и жестокость. Да и вряд ли можно было надеяться на что-то лучшее от власти, основанной на самой худшей системе рабства, когда-либо шокировавшей чувства человека. До тех пор, пока человеческое рабство являлось источником и поддержкой цивилизации, последней следовало быть жестокой, ведь ручей не может подняться выше своего родника. Такая цивилизация после быстрого взлета была обречена на падение, и история, хотя и неясно, демонстрирует ее возвращение к варварству столь мрачному, как то, из которого она вышла.

У своего основания современная цивилизация также имеет раба, занятого тяжелым трудом, однако он существенно отличается от своего предшественника из древности. У него нет нервов и он не знает усталости. В его работе нет перерывов, и он делает за короткое время больше, нежели делают народы, состоящие из людей-рабов. Он не только несравненно сильнее, но и дешевле их. Он работает бесконечно и может заниматься чем угодно: он одинаково применим в самом утонченном и самом грубом ремесле. Он производит все вещи в таком избытке, что человек, освобожденный от большей части своего рабского труда, впервые осознает свой титул Господина Создания. Произведения

[319] всех великих ремесел нашей цивилизации, использование дешевых и быстрых перевозок на суше и воде, книгопечатание, орудия мира и войны, получение всевозможных знаний сделались доступными и могут принадлежать всем благодаря труду послушного раба, который мы именуем паровым двигателем.

По сути верно то, что современная техника является рабом с производительностью в сотни раз больше, чем у древних рабов, поэтому мы имеем сейчас материальную базу для цивилизации, в которой все население будет составлять класс досуга, отвечающий свободным гражданам Афин – класс, у которого, по существу, нет свободы проводить свое время в беззаботном мотовстве, но который освобожден от наиболее унылого занятия и способен обеспечить себе удобства количеством ручного труда, которого не больше, чем нужно для хорошего здоровья, умственного развития и умеренного и приятного времяпрепровождения. Подсчитано, что в одной Великобритании пар выполняет работу 156 000 000 человек, и это превышает, по крайней мере, в пять раз то, что было во всем цивилизованном мире в древние времена – учитывая вместе рабов и свободных людей. В Соединенных Штатах пар выполняет работу 230 000 000 человек, представляющих почти все нынешнее население земного шара, а мы используем водопады для приведения в действие электрических моторов в размерах, которые превосходят даже эту мощь.

И хотя у нас имеется материальная база для цивилизации широко распространенного благополучия, досуга и интеллекта, мы, к сожалению, еще не научились извлекать из нее выгоду. Мы становимся лучше, но у нас по-прежнему имеются граждане, которые считают себя удачниками, если им удастся найти возможность провести несколько бессонных часов в изнурительном труде – граждане, которые, согласно нашей политической теории, равны со всеми другими людьми в определении политики правительства, но у которых нет возможности строить планы, за исключением того, что им кушать.

Естествознание дало нам средства для строительства самой большой, великолепной, счастливой и продолжительной цивилизации, когда-либо известной истории. Остается, чтобы социология научила нас пользоваться этими материалами. Каждый эксперимент в этом направлении, успешный

[320] или неудачный, имеет свою ценность. В химии на каждое открытие приходится тысяча безуспешных опытов. Если "Каве" и "Альтрурию" постигла неудача, мы по-прежнему благодарны их устроителям за помощь в определении подводных рифов на пути прогресса".

Журнал угольной промышленности "The Black Diamond" говорит:

"Достаточно взглянуть на скорость средств передвижения и последующее развитие коммуникации, чтобы оценить факт, что они действительно привели к условиям, при которых трудно понять, как сейчас вести современный бизнес. Что касается механической подземной добычи (а это дело огромной важности), то здесь механик может рассчитывать на постоянную занятость. Следовательно, перспективы стачек значительно уменьшились. И вот примечательный факт: где бы не возникла сегодня стачка, она нередко сопровождается расширением влияния техники на новые территории. Возросшее всестороннее применение механических методов содействует постепенному налаживанию связи между сходными видами торговли на основании обоюдной выгоды, что в дальнейшем приведет к ситуации, где стачки могут стать почти невозможными.

Электричество еще находится в своем младенческом возрасте, однако там, где оно овладевает пространством, это оказывается надолго, и искатели дымчатых алмазов вскоре будут вынуждены столкнуться с упрямым фактом, что там, где их еще не вытеснил дешевый труд из Европы, им, возможно, придется встретиться с еще более стойким врагом, и что через несколько лет там, где при добыче заняты тысячи, сотни будут делать ту же работу при помощи электрической горнодобывающей техники".

"Olyphant Gazette" пишет:

"Удивительные успехи науки и бесчисленные приспособления этого века изобретений быстро вытесняют ручной труд из многих отраслей промышленности, и тысячи рабочих, находивших несколько лет тому назад хорошо оплачиваемую работу, сегодня напрасно ищут какое-нибудь занятие. Там, где сотни людей были заняты на фабрике или заводе, сегодня десяток людей выполняет большее количество работы при помощи механических приспособлений. Линотип сделал тысячи печатников безработными. Так происходит везде в разных отраслях: техника выполняет работу более проворно, с меньшими затратами и более удовлетворительно, чем при ручном труде.

Перспективы таковы, что через несколько лет добыча угля

[321] антрацита будет проводиться преимущественно электрическими приспособлениями, а человек и мул будут только помогать электрическим устройствам там, где нужна движущая сила в виде ручного труда".

Другой автор предлагает следующие факты:
"Один человек и двое помощников могут выполнить работу, требовавшую несколько лет тому назад 1 100 прядильщиков.
Один человек делает сегодня работу пятидесяти ткачих времен своего дедушки.
Машины для окрашивания тканей вытеснили сто пятьдесят рабочих на каждого оставшегося.
Одна машина, обслуживаемая одним человеком, изготавливает за один день столько подков, сколько обычно делают 500 человек за то же время.
Из 500 человек, прежде занятых в распиловке древесины, 499 потеряли работу в результате внедрения современной техники.
Одна машина по производству гвоздей заменяет 1 100 человек.
В производстве бумаги вытеснено 95 процентов ручного труда.
Один человек может сегодня изготовить столько гончарных изделий, сколько могло изготовить 1 000 человек до того, как была применена техника.
С использованием техники для погрузки и разгрузки судов один человек может выполнить работу 2 000 человек.
Опытный часовщик может выпустить от 250 до 300 часов в год с помощью техники, тем самым заменив 85 процентов используемого ранее ручного труда".

"Pittsburgh Post", заметив несколько лет тому назад знаменательный (длившийся на протяжении двух десятилетий) прогресс в производстве необогащенного железа с использованием улучшенных печей, писала:

"Двадцать лет назад, в 1876 году, производство штыкового чугуна в Соединенных Штатах составляло 2 093 236 тонн. В 1895 году в округе Алехейни произведено 2 054 585 тонн чугуна. В 1885 году общий объем производства в стране составлял 4 144 000 тонн, тогда как в 1895 году мы держали первенство в мире с 9 446 000 тоннами".

Те же условия и те же результаты были подмечены в Канаде. "Montreal Times" писала:

"При помощи самой лучшей техники настоящего времени один человек

[322] может изготовить хлопковой ткани для 250 человек, шерстяной ткани – для 300 человек, ботинок и туфель – для 1 000 человек, хлеба – для 200 человек. В то же время тысячи людей не в состоянии иметь ни хлопковые, ни шерстяные ткани, ни ботинки, ни туфли, ни хлеб. Очевидно, должна быть какая-то причина для подобного положения вещей. И должно быть какое-то средство для этого постыдного состояния анархии, в котором мы находимся. И каково же это средство?"

"Topeka State Journal" сказал:

"Проф. Герцка, австрийский экономист и государственный деятель, пришел к выводу, что разным отраслям промышленности, чтобы обеспечить 22 000 000 австрийцев всеми предметами первой необходимости (при помощи современных методов и техники), потребуется труд всего 615 000 человек – при традиционном количестве рабочих часов. Предоставление всем предметов роскоши потребует занятости дополнительно 315 000 человек. Дальше, согласно его подсчетам, нынешнее трудоспособное население Австрии, включая всех женщин и мужчин в возрасте от 16 до 50 лет, составляет, с учетом округления, 5 000 000 человек. Последующие подсчеты привели его к заключению, что такое число работающих, при полной занятости и обеспечении современными машинами и методами, может снабдить все население предметами первой необходимости и роскоши работая тридцать семь дней в году при нынешнем количестве часов. Если они решат работать 300 дней в году, им придется это делать только один час и двадцать минут ежедневно.

Цифры проф-а Герцка для Австрии, если они верны, применимы с небольшими отклонениями к каждой иной стране, не исключая Соединенные Штаты. В Калифорнии работает паровой комбайн, который косит и вяжет на площади девяносто акров в день под присмотром трех человек. С прицепным многокорпусным плугом паровой механизм этой машины может вспахать восемьдесят восемь акров в течение одного дня. Один пекарь в Бруклине нанимает 350 человек и выпекает 70 000 булок хлеба, то есть 200 булок на каждого занятого. Делая туфли с помощью машины McKay, один человек может справиться с 300 пар за время, которое потребуется, чтобы сделать пять пар вручную. На фабрике сельскохозяйственных орудий 500 человек выполняют сегодня работу 2 500 человек.

До 1879 года требовалось семнадцать квалифицированных людей, чтобы сделать 500 дюжин веников в неделю. Сегодня девять человек могут сделать 1 200 дюжин за такое же время. Один человек может изготовить

[323] с последующей доделкой 2 500 двухфунтовых консервных банок в день. Часовой завод в Нью-Йорке способен выпускать свыше 1 400 карманных часов в день, 511 000 – в год, то есть 2 или 3 карманных часов в минуту. В шитье одежды один человек с помощью электричества может выкроить 500 пар одежды за один день. На сталеплавильных предприятиях Карнеги восемь человек выполняют при помощи электричества работу 300 человек. Одна машина для производства спичек, управляемая малолетним помощником, может сделать 10 000 000 спичек в день. Самый новый ткацкий станок может работать без присмотра весь обеденный перерыв и еще полтора часа после закрытия фабрики, изготавливая ткань автоматически.

Здесь представлена проблема века, требующая решения: как объединить наши силы и наши потребности, чтобы не было траты усилий и не было недостатка. Если эту проблему решить должным образом, то, понятно, больше не будет усталых, переутомленных людей, не будет нищеты, голода, не будет лишений и не будет бродяг. До сих пор было дано бесчисленное количество предложений, но, пожалуй, ни одно из них нельзя применить, не сделав кому-то несправедливости – действительной или кажущейся. Человек, который поведет людей к свету в этом деле, станет самым большим героем и самым большим благодетелем, которого мир человечества когда-либо знал".

КОНКУРЕНЦИЯ ЖЕНЩИН КАК ФАКТОР

Еще одним предметом для рассмотрения является конкуренция женщин. В 1880 году, согласно данным переписи населения Соединенных Штатов, 2 477 157 представительниц женского пола были заняты на оплачиваемых должностях в Соединенных Штатах. В 1890 году официальные отчеты показали цифру 3 914 711, а увеличение составило более пятидесяти процентов. Особенно увеличилась доля женского труда в таких занятиях, как бухгалтерия, переписывание и стенография документов. Перепись 1880 года показала, что таким образом заняты 11 756 женщин. Согласно переписи 1890 года – 168 374 женщин. С уверенностью можно сказать, что общее число женщин, занятых сегодня (в 1912 году) на оплачиваемых должностях, превышает десять миллионов. И даже их сегодня выталкивает техника. Например, предприятие по переработке кофе в Питсбурге, установив два новых устройства для упаковки кофе,

[324] обслуживаемых четырьмя женщинами, тем самым было вынуждено уволить пятьдесят шесть других.

Конкуренция усиливается изо дня в день, и каждое ценное изобретение создает дополнительные трудности. Да, мужчины и женщины действительно освобождены от большей части монотонного труда, но кто будет содержать их вместе с их семьями в случае безработицы?

ОБОСНОВАННЫЕ И НЕОБОСНОВАННЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ТРУД И НА МЕТОДЫ ТРУДА

Нам остается только признать, что каждый факт свидетельствует о значительно больших усилиях в поисках работы со стороны все большей армии безработных, и, как следствие, о все более низких заработках. Для предотвращения этого были созданы Рабочие Союзы, которые, несомненно, несколько помогли сохранить чувство достоинства, заработки и личное мужество, а также уберечь многих от сокрушительной власти монополий. Но и они имели свои хорошие и плохие последствия. Они заставили людей полагаться на себя и на свои Союзы в поисках совета и выхода из дилеммы, вместо того чтобы обращаться к Богу и стремиться узнать из Его Слова о Его пути, чтобы они могли ступать им и не спотыкаться. Если бы они следовали этим путем, Господь дал бы им, как Своим детям, "дух целомудрия" и вел бы их Своим советом. Но получилось не так, а даже наоборот: еще увеличилось неверие в Бога, неверие в человека, общее недовольство и беспокойство, а также раздражительное самолюбие. Союзы воспитали чувство самолюбивой независимости и заносчивости и сделали рабочих более прямолинейными, лишив их чувств тех добросердечных и великодушных людей из числа работодателей, которые быстро приходят к выводу, что бесполезно пытаться как-то умиротворить Союзы, и что рабочие должны научиться на суровом опыте быть менее капризными.

[325] Теория труда права, утверждая, что благословения и изобретения, присущие рассвету Тысячелетнего утра, должны навредить интересам всего человечества, а не только богатству тех, кто жадностью, проницательным умом, предусмотрительностью и лучшим положением заполучил для себя и своих детей в собственность технику и землю, а также дополнительное богатство, которое те ежедневно умножают. Люди чувствуют, что эти удачники не должны эгоистично хватать все, что придется, а должны великодушно поделиться всеми выгодами с ними, но не в виде подарка, а в виде права на это; не под законом самолюбивой конкуренции, а под божественным законом любви к ближнему. Свои притязания они подтверждают учениями Господа Иисуса, часто цитируя Его наставления.

Но они, кажется, упускают из виду, что им приходится уговаривать удачливых жить по правилу любви, для пользы менее удачливых, которые по-прежнему живут по закону самолюбия. Разве обоснованно требовать у других то, что они не хотят предоставить другим? И как бы это не было желанно и похвально, разумно ли, спрашивается, надеяться на такое? Конечно, нет. Те же люди, которые наиболее громко требуют, чтобы более удачливые поделились с ними, совершенно не хотят поделиться своей долей процветания с теми, кто менее удачлив.

Другой результат правления самолюбия в человеческих делах заключается в том, что большинство из тех сравнительно немногих, кто имеет здравое суждение, занято в больших коммерческих предприятиях, трестах и т. п. нынешних дней, тогда как дающие советы Рабочим Союзам нередко являются малосведущими или людьми посредственных знаний. А что хорошего в том, чтобы принимать посредственные советы? Рабочие научились проявлять подозрительность, и многие из них сегодня допускают, что те, кто предлагает здравый совет, это шпионы и агенты, симпатизирующие нанимающей стороне. Большинство лишено благоразумия и подчинено только тем, кто находчив и угождает прихотям

[326] более невежественных с целью стать их хорошо оплачиваемыми вожатыми.

То ли по неведению, то ли из безрассудства, но добрая половина принятых и использованных советов оказалась плохой, неразумной и неблагоприятной для тех, кому предназначалась для пользы. Проблема, несомненно, по большей части в том, что люди, опираясь на плечо человеческой силы, о чем свидетельствует их число и отвага, игнорируют мудрость свыше, которая "во-первых чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна". В результате, у них нет "духа [расположения].. целомудрия", который бы руководил ими (2 Тим. 1: 7).

Они воображают, что могут при помощи Союзов, бойкотов и т. д. удержать цены на труд в некоторых отраслях вдвое или втрое выше цен, которые платят за другие виды работы. Им невдомек, что при новых условиях наличия техники уже не требуются, как раньше, годы на обучение ремеслу; что при наличии начальных школ и общего умения читать тысячи могут быстро научиться тому, что раньше могли понять только некоторые; что избыток труда, сбивающий цены в одном занятии или одной отрасли, будет толкать больше людей к конкуренции за более удобную или более оплачиваемую работу в других направлениях, и окончательно это создаст такое давление со стороны масс, что ему невозможно будет противостоять. Люди не будут стоять в стороне, голодать и смотреть, как изнывают от недоедания их семьи, а согласятся на один или два доллара в день там, где сегодня один другому платит в день три-четыре доллара.

До тех пор, пока условия благоприятствуют – пока предложение труда меньше спроса или спрос на товары больше предложения, – Рабочие Союзы могут сделать и делают много хорошего для своих членов путем поддержания хороших заработков, выгодных часов и здоровых условий, при

[327] которых приходится работать. Однако было бы ошибкой судить о будущем на основании происходящего в прошлом и полагаться на Союзы, пытаясь подменить ими законы спроса и предложения. Пусть труд высматривает свою единственную надежду, Господа, не опираясь на человеческое плечо.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ДЛЯ ВСЕХ ЗАКОНА СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Мы убедились, что нынешняя основа бизнеса (для больших и малых, для богатых и бедных) лишена любви, сокрушительна, самолюбива. Производимые товары продаются по таким высоким ценам, какие производители и продавцы способны установить для них, и покупаются людьми по таким низким ценам, по которым их можно найти. Вопрос реальной стоимости редко обсуждается, разве что из самолюбивых побуждений. Зерно и фермерская продукция продаются по такой высокой цене, какую фермер способен установить, и покупаются потребителями по таким низким ценам, каких можно добиться. Труд и умение похоже продаются по возможно высоким ценам, установленным их владельцами, и покупаются фермерами, торговцами и производителями по столь низким ценам, по которым они могут получить то, что им нужно.

Функционирование этого “Закона Спроса и Предложения” абсолютно: никто не может изменить его, никто не может проигнорировать его полностью и одновременно жить в нынешних общественных условиях. Предположим, для примера, что фермер скажет: “Я брошу вызов этому закону, который сегодня руководит миром. Цена пшеницы за бушель составляет шестьдесят центов, а я обязан продать ее по доллару за бушель, чтобы должным образом возместить вложенный мною труд и труд тех, кто мною нанят. Я не буду продавать свою пшеницу дешевле доллара за бушель”. В результате его пшеница сгниет, его семья будет нуждаться в одежде, его наемные рабочие будут лишены своего заработка по его прихоти, а человек, у которого он одолжил денег, не потерпит его неумения выполнить свои обязательства, и продаст его ферму, пшеницу и все остальное в счет долга.

[328] Или, предположим, все произойдет по-иному. Предположим, фермер скажет: “Сейчас я плачу моим помощникам по ферме тридцать долларов в месяц; но я узнал, что в близлежащем городке механики, работающие отнюдь не с большими усилиями и меньше часов, получают от пятидесяти до ста долларов в месяц. Поэтому я решил, что отныне и на протяжении всего года у меня будут работать восемь часов ежедневно и получать шестьдесят долларов платы в месяц”. Что получится от такой попытки проигнорировать закон спроса и предложения? Вероятно, он вскоре окажется в долгах. Действительно, если бы все фермеры в Соединенных Штатах платили те же деньги и продавали все по одинаковой цене, такое было бы возможным, но в конце сезона элеваторы были бы заполнены пшеницей, потому что Европа покупала бы ее где-то в другом месте. И что дальше? Новости понеслись бы по телеграфу в Индию, Россию и Южную Америку, и производители зерна везли бы свою пшеницу сюда, ломая так называемые Фермерские Обязательства и снабжая нищих дешевым хлебом. Очевидно, такое положение, если бы его удалось достичь, не длилось бы больше года.

Этот же закон нынешнего общественного строя – Закон Спроса и Предложения – одинаково контролирует всякий другой продукт человеческого труда или умения, меняясь в зависимости от обстоятельств.

В этой Большой Республике условия благоприятствовали большому спросу, высоким заработкам и хорошим прибылям благодаря протекционистскому тарифу, защищавшему от конкуренции в Европе. Такая тенденция способствовала наплыву денег из Европы для инвестирования здесь по причине больших прибылей. Иностранный труд и ремесло прибыли сюда также ради лучшего заработка, чем тот, который можно было получить дома. Но это было функционирование того же Закона Спроса и Предложения. А миллионы денег для инвестиций в технику и железные дороги, а также для предоставления людям жилища и предметов жизненной необходимости сделали ее по уровню процветания самой известной страной

[329] в мире. Но величие этого процветания проходит и мы катимся вниз. Этому ничто не может воспрепятствовать за исключением войны или иных бед в других цивилизованных народах, что на время переместит мировой бизнес в страны, где имеется спокойствие. Война между Китаем и Японией только частично ослабила давление – не только путем закупок воюющими сторонами вооружения и амуниции, но также в результате уплаты Китаем компенсации Японии, которая, в свою очередь, была потрачена японцами на боевые корабли, построенные в разных странах – преимущественно в Великобритании. Осознание того, что Япония является сегодня "морской державой", заставило правительства Европы и Соединенных Штатов увеличить свои морские вооружения. Ничто не может быть более близоруким, чем недавний массовый митинг рабочих в Нью-Йорке в знак протеста против дальнейших расходов Соединенных Штатов на морские и сухопутные военные нужды. Они должны понимать, что такие расходы помогают сохранить трудовую занятость. Как бы мы не были против войны, мы также против голодания людей из-за недостатка занятости и против риска большей опасности возникновения войны. Пускай мировые долги превратятся в долговые обязательства. В приближающемся великом времени скорби эти обязательства будут столь же хороши, как золото и серебро (Иез. 7: 19; Соф. 1: 18).

Многим понятно, что конкуренция является опасностью: наконец-то "Билль о запрещении въезда китайцев в страну" стал законом, приостанавливая не только иммиграцию миллионов китайцев, но и предполагая высылку из этой страны каждого, кто не стал ее гражданином. Чтобы остановить иммиграцию из Европы, был принят закон, запрещающий поселение тех эмигрантов, которые не умеют читать на том или ином языке и т. д. Многим понятно, что под законом спроса и предложения труд вскоре будет на одном общем уровне по всему миру, и они хотят предотвратить, насколько это возможно и как долго это возможно, обесценивание труда в Соединенных Штатах до европейского или азиатского уровня.

[330] Другие стремятся узаконить определенное средство: проголосовать, чтобы производители платили больше заработной платы и продавали свою продукцию лишь немного дороже себестоимости. Они забывают, что Капитал, если он не приносит пользы здесь, перейдет где-то в другое место, чтобы строить, нанимать и производить, где условия благоприятны, где заработная плата ниже или цены привлекательнее.

Однако при нынешних условиях вид ближайшего будущего выглядит еще мрачнее – если взглянуть на данный предмет шире. Закон Спроса и Предложения руководит Капиталом, а также Трудом. Капитал и Труд одинаково стремятся, чтобы их выгодно наняли. К тому же Капитал афиширует себя, и он нужен везде во всем мире. Однако Капитал и Труд следуют противоположными путями и руководствуются противоположными условиями. Квалифицированный труд ищет место, где заработная плата самая высокая; Капитал ищет регионы, где заработки самые низкие, чтобы тем самым обеспечить себе более высокие прибыли.

Техника послужила Капиталу самым любезным образом и по-прежнему служит верно; тем не менее, за увеличением Капитала и умножением техники следует "перепроизводство", то есть производство большего количества, чем можно с выгодой продать; следом идет конкуренция, более низкие цены и незначительные прибыли. Это естественным образом ведет к созданию объединений для поддержания цен и прибылей, именуемых трестами. Но вряд ли существует возможность долго их поддерживать, разве что в наличии будут патентованные товары или изделия, выпуск которых ограничен, или товары, поощряемые законодательством, которое рано или поздно будет изменено.

УЖАСАЮЩАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИНОСТРАННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ КОНКУРЕНЦИИ

И вот в этот момент открывается новое поле для предпринимательства и Капитала, но не для Труда. Япония и Китай пробуждаются от сна столетий для Западной цивилизации, чтобы оценить пар, электричество, машины и современные изобретения в целом. Мы должны помнить,

[331] что население Японии приблизительно сопоставимо с населением Великобритании, а население Китая в пять раз больше населения Соединенных Штатов. Помните также, что эти миллионы – не дикари, а люди, которые, как правило, умеют читать и писать на своем собственном языке, и что их цивилизация, хотя и другая, намного древнее европейской – что они были цивилизованными, производили китайский фарфор и товары из шелка в то время, когда Великобритания была населена дикарями. Поэтому не следует удивляться, когда мы слышим, что Капитал ищет проникновения в Китай и особенно в Японию, чтобы строить там железные дороги, ввозить туда технику, сооружать там большие производственные предприятия с целью использовать мастерство, активность, трудолюбие, терпеливость и послушность тех миллионов людей, которые привыкли к тяжелому труду и бережливости.

Капитал видит большие возможности в землях, где работу можно получить за десять-пятнадцать центов в день на каждого нанимаемого, принятую без ропота и с благодарностью. Значительный капитал уже переместился в Японию, и еще больших концессий ожидают в Китае. Разве непонятно, что потребуется только короткий отрезок в несколько лет, чтобы привести весь мир производителей к конкуренции с этими миллионами уже опытных и готовых учиться людей? Если нынешние заработки в Европе оказываются недостаточными; если мы считаем, исходя из некогда щедрых заработков в Соединенных Штатах и преобладающих здесь экстравагантных (по сравнению с Европой и Азией) идей и привычек, нынешние заработки "подачками для голодающих" (хотя они по-прежнему вдвое больше того, что платят в Европе, и в восемь раз больше того, что платят в Азии), то сколь плачевным будет положение труда по всему цивилизованному миру еще через тридцать лет изобретательства и строительства сберегающей труд техники, после того, как весь труд в мире войдет в непосредственную конкуренцию с дешевым

[332] трудом Дальнего Востока? Это будет не только пятнадцать центов платы в день, но еще и шесть человек на каждое рабочее место даже при таком скудном жаловании. Общественная пресса несколько лет тому назад рассказала о перемещении хлопкопрядильной фабрики из Коннектикут в Японию, и с тех пор другие производства перебрались туда же с намерением обеспечить себе пространство для дешевого труда и, как следствие, для значительно большей прибыли.

Германский император, очевидно, понял приближение этой "промышленной войны". Он символически представил ее на знаменитой картине, нарисованной одним художником под его руководством и преподнесенной царю России. Картина показывает народы Европы под видом женских фигур, облаченных во всеоружие и стоящих во свете, который сияет над ними от креста в небе и в направлении фигуры ангела, представляющего Михаила, который смотрит на черное облако, поднимающееся со стороны Китая. Облако движется на них, и при сверкающих молниях обнаруживаются ужасные образы и лица. Внизу картины имеются слова: "Народы Европы! Объединитесь на защиту вашей Веры и ваших Жилищ".

ЖЕЛТЫЙ ЧЕЛОВЕК С БЕЛЫМИ ДЕНЬГАМИ

Нижеприведенное взято из компетентной статьи в "Journal of the Imperial Colonial Institute" (на английском языке) м-ра Вайтхеда, члена Законодательного Совета, Гонг Конг, Китай. Он сказал:

"Пока китайцы только начали строительство прядильных и ткацких фабрик. На реке Янцзы в окрестностях Шанхая уже работает около пяти фабрик, а другие находятся в процессе строительства. Подсчитано, что они будут иметь около 200 000 веретен, и некоторые из них уже начали работать. Вложенный капитал полностью местный, и, вместе с восстановлением мира в этих регионах, практически отсутствуют, при условии честного, умелого руководства, ограничения на распространение и развитие отраслей промышленности в восточных странах – пока существует наша нынешняя монетарная система".

[333] Продолжая сказанное, приводим содержание депеши, направленной в Вашингтон еще в 1896 году и содержащей отчет генерального консула Джернигена, находящегося в Шанхае, Китай, правительству о том, что хлопковая промышленность воспринимается здесь с большим интересом; что с 1890 года введены в действие и успешно работают фабрики по переработке хлопка; что запущена в действие фабрика по переработке семян хлопка, и что в Китае площади, пригодные для выращивания хлопка, почти столь же безграничны, как предложение очень дешевого труда, "и не может быть сомнения, что Китай вскоре будет одним из самых больших производителей хлопка в мире".

М-р Вайтхед, обсуждая войну 1894 года между Китаем и Японией, утверждает, что на ней покоилась главная надежда китайского промышленного возрождения. Он продолжает:

"Последствия нынешней войны могут помочь освободить китайский народ от мандариновых сетей. Известно, что китайские минеральные и другие ресурсы огромны; в то же время китайцы имеют миллионы акров земли, превосходно приспособленных для выращивания хлопка, который, хотя имеет коротковатые волокна, подходит для смешивания с другими сортами. В декабре 1893 года на реке Шанхай в одно время находилось не менее пяти океанских пароходов, занятых погрузкой выращенного в Китае хлопка для транспортировки в Японию, чтобы там, на японских фабриках и руками японцев, превратить его в пряжу и ткань. Японцы сегодня импортируют для своих фабрик хлопок прямо из Америки и других мест. Если, после столь ужасного пробуждения, Китай с его тремя сотнями миллионов чрезвычайно трудолюбивых людей откроет свои обширные провинции внутри страны путем прокладки железных дорог, свои речные пути для парового судоходства и свои неограниченные ресурсы для разработки, то последствия даже трудно себе представить. Это будет означать открытие практически нового полушария, густо населенного трудолюбивыми народами, имеющими в изобилии сельскохозяйственные, минеральные и другие ресурсы. Но если не останавливаться на открытии Китая – что, как можем разумно полагать, станет одним из последствий нынешней войны, сделавшись пользой для английских производителей

[334] (если не произойдут перемены, к тому же вскоре, в нашем денежном законодательстве), – то Поднебесная Империя, которая была ареной столь многих наших промышленных побед, будет всего лишь полем нашего самого большого поражения".

Когда м-р Вайтхед говорит о "поражении", он излагает свое чисто капиталистическое видение, ведь истинное "поражение" английского труда будет еще более тяжелым. Продолжая, он обращает взгляд к Японии:

"Сегодня окрестности Осаки и Киото являются достойной изумления демонстрацией производственной активности. За очень короткий период времени здесь появилось, при поддержке по крайней мере двадцати миллионов долларов (полностью из местного капитала), не менее пятидесяти девяти хлопкопрядильных и ткацких фабрик. У них сейчас имеется в наличии 770 874 веретена, и в мае компетентные специалисты подсчитали, что ежегодный выпуск пряжи этими фабриками составил свыше 500 000 тюков стоимостью приблизительно сорок миллионов долларов или четыре миллиона фунтов стерлингов согласно нынешнему курсу. Короче говоря, японские отрасли промышленности, не только прядильная и ткацкая, но и все другие, движутся семимильными шагами. Они уже довели свой успех до уровня, при котором могут в значительной мере пренебречь британской промышленной конкуренцией".

Затем м-р Вайтхед продолжает показывать, что капиталисты Европы и Соединенных Штатов, изъяв из обращения серебро, почти удвоили стоимость золота, и это почти удваивает преимущество Китая и Японии. Он говорит:

"Позвольте мне продемонстрировать, что серебро будет по-прежнему нанимать одинаковое количество Восточного труда, как делало это двадцать или тридцать лет тому назад. Поэтому несоответствие нашего денежного стандарта позволяет европейским странам нанимать сегодня по крайней мере на сто процентов больше труда за определенное количество золота, чем они могли это делать двадцать пять лет тому назад. Чтобы сделать это важное утверждение полностью понятным, позвольте мне привести следующий пример. В 1870 году десять рупий равнялись одному соверену при общем золотом и серебряном стандарте, и были дневной платой для десяти человек. Сегодня один соверен – это почти двадцать рупий, так что за двадцать рупий можно нанять сорок человек в день вместо двадцати

[335] человек в 1870 году. Очевидно, что с такой неплатежеспособностью британский труд не способен состязаться.

В восточных странах серебром по-прежнему платят за то же количество труда, что и раньше. Однако, измеряемое ныне золотом, серебро стоит меньше половины золота, которому оно равнялось прежде. Возьмем, к примеру, количество труда, которое можно было нанять в Англии двадцать лет назад, скажем, за восемь шиллингов. Сегодня в Англии платят восемь шиллингов (но не больше) за тот же труд, что и раньше, заработки почти те же, и по нашему закону они имеют абсолютно ту же денежную стоимость, что и прежде, хотя их металлосодержащая стоимость (по тому, как ценится золото) снизилась менее чем до шести пенсов. Два доллара полностью отвечают старым долларам, за них можно нанять такое же количество труда, что и раньше (но не больше), однако при нынешней цене золота они равны только четырем шиллингам. Поэтому сегодня в Азии можно нанять столько труда за четыре наших шиллинга или их эквивалент в серебре, сколько можно было нанять двадцать лет назад за восемь шиллингов или их тогдашний эквивалент в серебре. Стоимость труда на Востоке, удешевленная таким образом приблизительно на пятьдесят пять процентов в золотых деньгах по сравнению с тем, что было раньше, может позволить изготовление товаров и изделий значительно более дешевых, чем в странах с золотым стандартом. Поэтому, если наше денежное законодательство не будет улучшено, если британский труд не будет готов одобрить значительное сокращение заработков, британские промышленные производители будут вынуждены покинуть британские берега, потому что их товары будут вытеснены промышленной продукцией стран с серебряным стандартом".

М-р Вайтхед мог бы с полной уверенностью добавить, что вскоре страны с серебряным стандартом будут не только готовы обеспечить свои собственные нужды, но и смогут вторгнуться в страны с золотым стандартом. Например, Япония могла бы продавать товары в Англию по ценам на треть ниже, чем принято в Японии. Затем, обменивая полученные золотые деньги на серебряные, она могла бы увозить домой большие прибыли. Таким образом американские и европейские механики будут вынуждены не только конкурировать с дешевым и упорным азиатским трудом и умением, но и вдобавок окажутся в невыгодном конкурентном

[336] положении по причине разницы между золотым и серебряным стандартами во время финансового обмена.

Комментируя лекцию м-ра Вайтхеда, "Daily Chronicle" (Лондон) обратила внимание на факт, что Индия уже вытеснила в большой мере английскую торговлю из производства хлопка. В ней говорилось:

"Лекция уваж. Т. Г. Вайтхеда вчера вечером в "Colonial Institute" привлекла внимание к некоторым удивительным цифрам, имеющим отношение к нашей восточной торговле. Факт, что на протяжении последних четырех лет наш экспорт характеризуется спадом в размере 54 000 000 фунтов стерлингов, к сожалению, абсолютно неоспорим. Доходы шестидесяти семи хлопкопрядильных компаний Ланкашира в 1894 году дают совокупный отрицательный баланс в размере 411 000 фунтов стерлингов. По сравнению в этим рост экспорта индийской пряжи и полуфабрикатов в Японию был просто колоссальным, и хлопкопрядильные фабрики в Хиого, Япония, получили в 1891 году прибыль в среднем в размере семнадцати процентов. Сэр Томас Саузерленд сказал, что в скором времени "Peninsular and Oriental Company" может вести строительство своих кораблей на Янцзы, и м-р Вайтхед верит, что восточные страны вскоре будут составлять конкуренцию на европейских рынках. Как бы мы не расходились во мнении насчет предлагаемых средств, высказывания, наподобие тех, которые исходят из уст специалистов, дают пищу для серьезных размышлений".

Немецкая газета "Tageblatt" (Берлин) внимательно разобралась с решающей победой Японии над Китаем и была удивлена полученными сведениями. Она провозгласила графа Ито, японского премьер-министра, вторым Бисмарком, а японцев – в основном вполне цивилизованными. В завершение было дано весьма важное примечание относительно промышленной войны, о которой мы ведем речь:

"Граф Ито проявляет большую заинтересованность промышленным развитием своей родины. Он уверен, что большинство иностранцев недооценивает шансы Японии в международной борьбе за промышленное господство. Японские женщины, считает он, не уступают мужчинам в каждой сфере труда и удваивают производительность труда своего народа".

Редактор "Economiste Francais" (Париж), приводя комментарий о Японии и о положении ее дел, многозначительно говорит:

[337] “Мир вступил в новый этап. Европейцы вынуждены считаться с новыми факторами цивилизации. Державы обязаны прекратить взаимные склоки и выступить объединенным фронтом; они должны помнить, что отныне сотни миллионов человек на Дальнем Востоке – сдержанных, тяжело работающих и находчивых трудящихся – будут нашими конкурентами”.

М-р Джордж Джеймисон, британский Генеральный Консул в Шанхае, Китай, писал по поводу восточной конкуренции, показывая, что демонетизация и обесценение серебра, оставляя при этом золото денежным стандартом в цивилизованных землях, является еще одним вопросом, угнетающим Труд и приносящим пользу Капиталу. Он сказал:

“Все изменилось с постепенным ростом стоимости в золоте по сравнению со стоимостью в серебре. Английские товары настолько подорожали своей стоимостью в серебре, что Восток был вынужден позаботиться о себе, и падение в стоимости белого металла настолько помогло Востоку в делах, что он не только обеспечил себя в достаточной мере, но и способен экспортировать товары с собственной пользой. Рост стоимости в золоте удвоил цены в серебре английских товаров на Востоке и сделал их использование почти невозможным, тогда как падение стоимости в серебре понизило почти наполовину цену в золоте восточных товаров в странах, пользующихся золотом, и спрос на них постоянно увеличивается. Условия столь неравны, что, кажется, невозможно вести борьбу долгое время. Это, пожалуй, то же самое, что воспрепятствовать чемпиону, предоставив его сопернику фору в половину дистанции.

Невозможность для европейцев конкурировать в открытую с Востоком была доказана в Америке. Там китайцы своими низкими заработками настолько монополизировали труд, что их следовало изгнать из страны, иначе европейским рабочим пришлось бы голодать или убираться самим. Но европейским странам угрожает не рабочий как таковой, как, скажем, угрожал американцам (ведь он знал стоимость труда в Европе и мог узнать, понять, сколько он сам должен заработать), а результаты этого труда, полученные при восточных заработках. Кроме того, было бы довольно легко отказаться нанимать восточного рабочего делать вашу работу, в то время как трудно отказаться покупать сделанные им товары, особенно,

[338] если они лучшего качества и дешевле в цене. Искушение покупать их становится тем больше, чем меньше денег зарабатывает британский рабочий. Он все более расположен к этому и отказывается покупать товары собственного производства, которые дороже. Лучше всего тем странам, которые защищены. Они могут облагать товары с Востока большей пошлиной и тем самым предотвращать наводнение ими собственных рынков. Но у Англии с ее свободной торговлей нет никакой защиты, и основная тяжесть падет на ее рабочих. Это бедствие становится все более значительным. Каждый фартинг возросшей цены золота по сравнению с ценой серебра делает английские товары на Востоке на один процент дороже, тогда как каждый фартинг удешевления в цене серебра делает восточные товары на один процент дешевле в странах, пользующихся золотом. Эти новые виды производства очень быстро развиваются в Японии, и то, что происходит там, может быть сделано и будет сделано в Китае, Индии и других местах. Наладив однажды дела, Восток будет держаться их вопреки всякому противодействию, и если быстро не найти какое-то средство, чтобы изменить мировую денежную систему, их товары широко распространятся по всему миру и погубят британскую промышленность, принося невиданное бедствие тысячам и тысячам работающих".

М-р Лафкаидо Герн, который несколько лет работал учителем в Японии, в статье в "Atlantic Monthly" (октябрь 1895 года) обратил внимание на то, что одна из причин, почему японская конкуренция столь очевидна, состоит в том, что бедные могут жить, передвигаться и вести безбедно свое существование (согласно их понятиям о том, что такое уют) почти без издержек. Он объясняет, что японские города состоят из домов из ила, бамбука и бумаги, построенных за пять дней и предназначенных стоять, при бесконечных починках, лишь до тех пор, пока их владельцы не пожелают поменять свое местожительство. Фактически, в Японии нет больших строений, за исключением нескольких громадных крепостей, построенных вельможами во времена господства феодализма. Современные фабрики в Японии, каким бы крупным не был их бизнес и какими бы привлекательными и дорогостоящими не были их изделия, – это всего лишь продолговатые лачуги. Да и сами храмы здесь следует, согласно древнему обычаю, разбирать на мелкие части каждые двадцать лет и раздавать

[339] паломникам. Японский рабочий никогда не засиживается на одном месте и не хочет этого делать. Если у него есть какой-нибудь повод поменять местожительство, он тут же его меняет. При этом он разбирает свой дом – хижину из бумаги и ила, весьма живописную и опрятную, – укладывает свои пожитки себе на плечи, говорит своей жене и семье следовать за ним и с легким сердцем легким шагом отправляется в трудный путь к своему отдаленному месту предназначения (возможно даже за пятьсот миль), где по прибытии и расходовании, по крайней мере, 5 шиллингов (1, 22 дол.) он тотчас строит для себя дом, который стоит дополнительно несколько шиллингов, и с этого времени опять считается уважаемым и ответственным гражданином. Говорит м-р Герн:

"Вся Япония всегда находится таким образом в постоянном движении, и перемены считаются гением японской цивилизации. В огромной мировой промышленной конкуренции подвижность является секретом японской силы. Рабочий, не задумываясь, переносит свое жилище к месту, где он больше всего нужен. Фабрика может переехать за какую-то неделю, а ремесленник – за полдня. Нет никакого багажа для перевозки, практически нечего строить, и не нужны никакие средства – разве что немного мелочи на дорогу.

В Японии обычный человек из народа – умелый труженик, способный без особых усилий сбить цену любому ремесленнику с Запада в том же производстве, – остается успешно независимым одинаково от сапожника и портного. Его ступни всегда хорошо выглядят, его тело – здоровое, а сердце – свободное. Если он пожелает путешествовать тысячу миль, то может снарядиться в путь за пять минут. Все его снаряжение не будет стоить и семидесяти пяти центов, а все его вещи можно поместить в носовом платке. За десять долларов он может путешествовать, не имея работы, целый год, или может путешествовать исключительно за счет своего умения трудиться или как паломник. Вы скажете, что на это способен всякий дикарь. Да, но не всякий цивилизованный человек, а японец был высоко цивилизованным человеком, по крайней мере, уже тысячу лет. Вот откуда его нынешняя способность угрожать западным производителям".

Комментируя вышесказанное, Лондонский "Spectator" говорит:

"Это заслуживающая большого внимания заметка, и мы искренне признаем, как признавали всегда, что японская конкуренция – весьма опасная вещь, которая однажды

[340] может глубоко повлиять на все условия европейской промышленной цивилизации".

Характер конкуренции, которую следует ожидать с этой стороны, можно увидеть из следующих слов, появившихся в "Literary Digest" на тему:

"УСЛОВИЯ ТРУДА В ЯПОНИИ"

Япония сделала удивительный прогресс в развитии своих отраслей промышленности. Это в немалой степени происходит благодаря уму и старанию ее тружеников, которые нередко работают без жалоб по четырнадцать часов в день. К сожалению, их обязательностью в большой мере злоупотребляют работодатели, единственная цель которых, как кажется, в том, чтобы преодолеть иностранную конкуренцию. Особенно это заметно на предприятиях по переработке хлопка, которые нанимают большое число рабочих рук. Статья в "Echo", Берлин, описывает, как работают японские фабрики.

"Обычно работа начинается в 6 часов утра, однако рабочие готовы прийти в любое время и не сетуют, если им велят явиться в 4 часа утра. Заработки неимоверно низкие. Даже в самых больших промышленных центрах ткачи и прядильщики имеют в среднем только пятнадцать центов в день; женщины получают всего шесть центов. Первые фабрики были построены правительством, которое затем превратило их в акционерные компании. Наиболее преуспевающей отраслью является производство товаров из хлопка. Отдельное предприятие, скажем, в Канегафучи, нанимает 2 100 мужчин и 3 700 женщин. Они распределены по ночным и дневным сменам и прерывают свою двенадцатичасовую работу только на сорок минут – для приема пищи. Вблизи предприятия находится сдаваемое жилье, где рабочие могут также поесть за цену в неполных полтора цента. На прядильных фабриках Осаки ситуация похожая. Все эти предприятия имеют отличную английскую технику, работа идет непрерывно день и ночь, отчего имеются большие дивиденды. Многие фабрики открывают филиалы или увеличивают первоначальные площади, потому как производство пока уступает потреблению.

[341] То, что производители быстро научились нанимать женщин, как дешевых конкурентов мужчин-рабочих, подтверждается статистикой, которая показывает, что тридцать пять прядильных фабрик предоставляют работу 16 879 женщинам и только 5 730 мужчинам. Работодатели сформировали мощный синдикат и часто пренебрегают снисходительностью властей, которые не хотят наносить урон производству. Маленькие девочки восьми и девяти лет вынуждены работать от девяти до двенадцати часов. Закон требует, чтобы эти дети находились в школе, к тому же жалуются учителя; однако официальные лица закрывают глаза на подобные злоупотребления. Большое повиновение и скромность рабочих привели еще к иной практике, которая полностью передает их во власть работодателей. Ни одна фабрика не возьмет рабочего с другого предприятия, если он не предоставит письменного позволения от предыдущего работодателя. Это правило обязывает столь строго, что за новым рабочим внимательно следят, и если окажется, что он уже знаком немного с этим ремеслом, но не имеет позволения, его немедленно увольняют".

"British Trade Journal", используя письмо корреспондента "Observer", Аделаида (Австралия), также опубликовал отчет о промышленных производствах Осаки. Этот корреспондент, обращаясь письменно непосредственно с Осаки, был столь поражен разнообразием и жизнеспособностью промышленных производств города, что назвал его "Манчестером Дальнего Востока":

"Некоторое представление о размерах промышленного производства Осаки можно сформировать, если знать, что здесь имеются десятки фабрик с капиталом свыше 50 000 иен и ниже, больше тридцати с капиталом свыше 100 000 иен, четыре с капиталом более 1 000 000 иен и одна с капиталом в 2 000 000 иен. Они заняты изготовлением шелка, шерсти, хлопка, пеньки, джута, ткацких и прядильных изделий, ковров, спичек, бумаги, кожи, стекла, кирпича, цемента, ножей, мебели, зонтиков, чая, сахара, железа, меди, латуни, саки, мыла, щеток, расчесок, изысканных украшений и прочего. Это, фактически, огромный улей активности и предпринимательства, в котором гений подражательства и неослабевающее упрямство японцев поставили их вровень, если не выше, с рабочими и ремесленниками древних цивилизованных народов Запада.

[342] В Осаке действует десять хлопкопрядильных фабрик, объединенный капитал которых равен приблизительно 9 000 000 долларов золотом. Все они оснащены самой современной техникой и полностью освещены электричеством. Все они находятся под распорядительством японцев и, говорят, приносят большие дивиденды – некоторые даже восемнадцать процентов от инвестированного капитала. Из хлопка стоимостью 19 000 000 долларов, импортированного в Японию в одном году, фабрики Кобе и Осаки приняли и переработали около семидесяти девяти процентов".

Серебряная "иена" сегодня стоит около 50 центов золотом.

Обратите внимание на следующую телеграмму в общественную прессу:

"Сан Франциско, Калифорния, 6 июня. Уваж. Роберт П. Портер, редактор Кливлендского "World" и бывший руководитель переписи населения Соединенных Штатов 1890 года, вернулся вчера из Японии пароходом "Перу". Визит м-ра Портера в империю Микадо был с целью исследовать промышленные условия этой страны и оценить влияние японской конкуренции на американское благополучие. После всестороннего изучения действительных условий в Японии, он выразил уверенность, что это одна из самых важных проблем, которую будут вынуждены решать Соединенные Штаты. Опасность совсем рядом, что подтвердил огромный рост японского производства за последние пять лет и его удивительные ресурсы в виде дешевого и квалифицированного труда. Один только экспорт японского текстиля вырос с 511 000 до 23 000 000 долларов за последние десять лет, а общий экспорт увеличился с 78 000 000 до 300 000 000 долларов за тот же период, сказал м-р Портер. В прошлом году они закупили хлопка-сырца на сумму 2 500 000 долларов, а мы купили у Японии разных товаров на сумму 54 000 000 долларов.

Для иллюстрации быстрого роста он упомянул спички, которых Япония производила десять лет назад на 60 000 долларов – преимущественно для домашнего потребления, – тогда как в прошлом году общий объем продукции составил сумму в 4 700 000 долларов, и почти вся она пошла в Индию. Десять лет назад экспорт циновки и пледа составлял 885 долларов; в прошлом году стоимость этой продукции выросла до 7 000 000 долларов. Им удается делать это благодаря сочетанию современной техники и самого послушного труда в мире.

[343] У них нет фабричного законодательства, и они могут нанимать детей любого возраста. Дети семи, восьми и девяти лет работают весь день за один-два американских цента.

Ввиду растущего спроса на наш хлопок и рост их экспорта произведенных товаров к нам, во время моего пребывания там был сформирован японский синдикат с акционерным капиталом 5 000 000 долларов для строительства пароходов и открытия трех новых линий между Японией и нашей страной с такими портами предназначения как Портленд, Орегон, Филадельфия и Нью-Йорк".

Корреспондент встретился и поговорил с м-ром С. Асамой, Токио, Япония, представителем вышеупомянутого корабельного синдиката, который прибыл тем же пароходом, что и м-р Портер, чтобы заключить контракты на строительство указанных пароходов. Он объяснил, что японское правительство недавно предоставило большую дотацию на корабли грузоподъемностью свыше 6 000 тонн для курсирования между Соединенными Штатами и Японией, и что их синдикат был создан, чтобы воспользоваться этим, и займется постройкой еще больших судов водоизмещением около 9 000 тонн. Синдикат предполагает сделать на этом очень хороший бизнес, и для этого существенно снизит цены на грузовые и пассажирские перевозки. Ожидается, что пассажир заплатит 9 долларов за путешествие между Японией и нашим Тихоокеанским побережьем.

КОНГРЕСС США ИЗУЧАЕТ ЯПОНСКУЮ КОНКУРЕНЦИЮ

Следующее донесение, взятое из отчета Комиссии Конгресса США, следует считать совершенно достоверным и полностью подтверждающим вышесказанное:

"Вашингтон, 9 июня 1896 года. Председательствующий Дингли из Комитета дорог и средств сообщения Палаты Конгресса представил сегодня отчет по поводу опасности для американских производителей от угрожающего вторжения дешевых товаров восточного труда и последствий для производственных и сельскохозяйственных интересов Соединенных Штатов от разницы обмена между странами с золотым и серебряным денежным стандартом. Эти вопросы были рассмотрены Комитетом.

В докладе говорится, что вслед за неожиданным пробуждением Японии

[344] следует одинаково быстрое ее приобщение к западным методам производства; что хотя японцы не обладают изобретательским умением американцев, их способности подражать удивительны. Уровень их жизни рабочие Соединенных Штатов могли бы счесть настоящим убожеством, а количество рабочих часов составляет в среднем 12 часов в день. Такие квалифицированные рабочие, как кузнецы, плотники, каменщики, наборщики, портные и штукатуры, получают в японских городах всего от 26 до 33 центов, заводские механики – от 5 до 20 центов в день на наши деньги и почти вдвое больше этих сумм японскими серебряными монетами, тогда как фермер получает в руки 1,44 доллара в месяц.

Затем в отчете говорится: европейцы и американцы замечают выгодное пространство, подходящее для инвестиций и строительства фабрик. В действие введена шестьдесят одна хлопкопрядильная фабрика, контролируемая якобы японскими компаниями, однако поддерживаемая европейцами, и несколько небольших фабрик по производству шелка с количеством веретен, превышающим полмиллиона. Япония производит большинство товаров из хлопка, необходимых для удовлетворения узких потребностей своего собственного народа и начинает экспортировать дешевые шелковые ткани и носовые платки.

Недавно американцами был построен часовой завод, оснащенный американской техникой, хотя акционерный капитал выступает под названием японского, поскольку иностранцам не разрешается вести производство от своего имени до 1899 года. Достигнутые успехи свидетельствуют, что такого рода предприятие окажется удачным.

Возможно, что в течение нескольких лет быстрое внедрение техники в Японии позволит сделать качественные изделия из хлопка, шелка и другие товары (для которых здешняя стоимость труда является важным элементом производства) более серьезными конкурентами на наших рынках, нежели изделия из Великобритании, Франции и Германии.

Согласно м-ру Дингли, эта конкуренция будет отличаться от европейской не по характеру, а по степени. Кроме полного запрета на товары, изготавливаемые с привлечением труда заключенных, комитет не видит никаких мер, за исключением обложения конкурентных товаров пошлиной, которая эквивалентна разнице стоимости и распределения. Выдвинут аргумент для такой политики: она, говорят, должна добиться двойной цели – накопить прибыль для поддержки правительства

[345] и зафиксировать конкуренцию на наших рынках на основе наших более высоких заработков. Это, говорят, пойдет на пользу не столько производителю в этой стране – потому что производитель вынужден будет ехать в Англию или Японию лишь для того, чтобы оказаться в том же положении, что и здесь, где имеются пошлины на конкурентоспособные импортные товары, эквивалентные разнице в заработках здесь и там, – сколько обеспечит всем людям пользу от отечественного, а не иностранного производства".

Японское правительство не обеспечивает иностранные патенты никакой защитой. Самая дорогостоящая в цивилизованном мире трудосберегающая техника покупается и воспроизводится дешево низкооплачиваемыми специалистами, которые, хотя не отличаются "оригинальностью", являются, как и китайцы, великолепными подражателями. Поэтому их техника будет стоить меньше половины того, что она стоит в другом месте, и Япония вскоре будет готова продавать христианству то ли свою собственную запатентованную технику, то ли произведенные у себя изделия.

Под заглавием "Японская конкуренция" "San Francisco Chronicle" писала:

"Еще одной мелочью, свидетельствующей о том, куда дует ветер японской конкуренции, является перенос большого производства соломенной циновки из Милфорд, Коннектикут, в Кобе, – один из промышленных центров Японии. Те, кто с насмешкой относится к вопросу японской конкуренции и легкомысленно говорит о превосходстве западного интеллекта, полностью упускают из виду факт, что мобильность капитала состоит в том, что он легко может быть перемещен в страны, где имеется в наличии дешевый труд, поэтому все, что требуется от превосходящего интеллекта Америки и Европы, это изобрести машины, которые затем обладатели капитала способны купить и перенести в страны, где те могут быть задействованы наиболее дешево".

Уваж. Роберт П. Портер, упомянутый выше, какое-то время тому назад поделился своей статьей с "North American Review", в которой обращает внимание на то, что, несмотря на введенный Соединенными Штатами тариф против товаров иностранного производства, японцы совершают быстрое вторжение в промышленность Соединенных Штатов. Они способны на это благодаря (1) своему дешевому и упорному труду и (2) стопроцентному перевесу своего

[346] серебряного денежного стандарта над золотым стандартом цивилизованных стран, который более чем возмещает любой признанный подходящим протекционистский тариф.

Предлагаем несколько цитат из обсуждаемой статьи:

“Японцы, образно говоря, перешли границы допустимого на американском рынке и бросили вызов нашему труду и капиталу товарами, которые своим высоким качеством и дешевизной в данный момент, кажется, игнорируют конкуренцию – даже при наличии под рукой самой последней трудосберегающей техники”.

Затем, после приведения статистических данных о разных японских изделиях, импортируемых в Соединенные Штаты, он говорит:

“На протяжении нескольких последних месяцев я посетил округа в Японии и осмотрел производства, упоминаемые в вышеприведенных данных. Увеличение экспорта текстиля, в сорок раз за десять лет, вытекает из факта, что Япония является народом ткачей”.

Японцы, по всей видимости, посылают большие количества дешевых шелковых и всех других товаров в Америку, но то, что они сделали, является ничем по сравнению с тем, что они собираются сделать:

“Японцы делают всевозможные приготовления, создавая гильдии и ассоциации, чтобы улучшить качество и добиться унификации своих товаров”.

При случае м-р Портер заметил, что хлопкопрядильные фабрики в Ланкашире, Англия, не имея защиты, по сути обречены. В Японии, говорит он:

“Хлопкопрядильные фабрики в 1889 году обеспечили занятость только для 5 394 женщин и 2 539 мужчин. В 1895 году свыше 30 000 женщин и 10 000 мужчин получили работу на фабриках, которые по оснащенности и производительности не уступают фабрикам в любой другой стране. Будущее местонахождение индустрии хлопка, по крайней мере для обеспечения азиатской торговли, вынуждено находиться в Китае и Японии. Англия обречена, что касается этого вида занятия, и ничто не может спасти ее – даже биметаллизм, как полагают некоторые. Хлопкопрядильные фабрики появляются одинаково быстро в Осаке и Шанхае, и только реальный опыт за определенный период времени продемонстрирует, какое из этих мест удобнее. Я

[347] считаю, после тщательного изучения каждой составляющей стоимости продукции, что таковым является Япония.

Если Японии придется заняться производством шерстяных и камвольных изделий (как она занималась изделиями из хлопка), ее ткачи могут преподнести Европе и Америке некоторые сюрпризы и заставить умолкнуть тех, кто с недооценкой говорит о японской конкуренции. Это возможно благодаря постоянным поставкам дешевой шерсти из Австралии, а образцы японской шерстяной и камвольной ткани и готовой одежды, которые я рассматривал, находясь там, свидетельствуют, что в этой текстильной отрасли японцы чувствуют себя столь же уверенно, как в производстве шелка и хлопка. Они также делают добротные товары из высококачественного льняного полотна, хотя до сих пор объемы продукции невелики.

Неожиданный наплыв японских зонтиков, где-то около 2 000 000 штук экспорта в год, вызвал тревогу среди производителей зонтиков в Соединенных Штатах".

Японцы сами, не колеблясь, похваляются своим близким триумфом в "промышленной войне". М-р Портер сказал:

"Находясь в Японии, я имел удовольствие встретить, в числе других государственных деятелей и официальных лиц, м-ра Канеко, вице-министра сельского хозяйства и торговли. В нем я обнаружил человека с умом и дальновидностью, а также богатым опытом в экономических и статистических вопросах. Получив образование в одном из больших европейских университетов, он соответствует по духу времени всему, что касается Японии и ее промышленного и коммерческого будущего".

М-р Канеко впоследствии обратился с речью к Палате Торговли, в которой сказал:

"Из слов ткачей Манчестера [Англия] известно, что хотя англо-саксам потребовалось три поколения, прежде чем они добились ловкости и умения рук в изготовлении хлопковой пряжи, японцы приобрели необходимое мастерство в этом ремесле за десять лет и сегодня достигли уровня, которым они превосходят жителей Манчестера в мастерстве".

Цитируем донесение из Сан-Франциско:

"М-р Ошима, технический директор создаваемых в Японии сталелитейных предприятий и четыре японских инженера прибыли

[348] пароходом "Рио-де-Жанейро" из Йокогамы. Они находятся в поездке по осмотру больших сталелитейных предприятий в Америке и Европе и уполномочены купить завод стоимостью 2 000 000 долларов. Они говорят, что будут покупать там, где можно купить самый лучший и самый дешевый завод. Он должен иметь производственную мощность в 100 000 тонн. Его будут строить в районе угольного бассейна в южной Японии, и сталь будет производиться одинаково мартеновским и бессемеровским методом.

М-р Ошима сказал: "Мы хотим, чтобы наш народ занял подобающее ему место в авангарде, как промышленно развитый народ. Нам потребуется огромное количество стали, и мы не хотим быть зависимыми в этом ни от какой другой страны".

Очень близко за Японией шествует Индия с населением 250 000 000 человек и быстро развивающимися отраслями промышленности. Следующей идет новая Китайская Республика с ее 400 000 000 жителей, пробудившимися в результате недавнего восстания к признанию западной цивилизации, которая позволила Японии, с ее какими-нибудь 40 000 000 жителей, завоевать Китай. Бывший премьер-министр Ли Ханг Ченг во время своей поездки по странам мира несколько лет тому назад договаривался о привлечении американских и европейских инструкторов для своих соотечественников и открыто выразил свое намерение начать реформы в каждой отрасли. Именно этот человек произвел столь большое впечатление на генерала США Гранта во время своей поездки по странам мира, и тот признался, что, по его мнению, это один из самых умелых государственных деятелей в мире.

Важность такого сближения всех концов земли состоит в том, что английские, американские, немецкие и французские производители вскоре должны иметь, в виде конкурентов, народ, который до недавнего времени был отличным потребителем; конкурентов, которые своим превосходящим умением вскоре не только вытеснят их с зарубежных рынков, но и вторгнутся на их собственные домашние рынки; конкурентов, которые таким образом заберут труд из рук их рабочих, лишат их предметов роскоши и даже заберут хлеб изо рта по причине конкуренции заработной платы. С учетом этого нет ничего удивительного, что германский император изобразил народы Европы приведенными в ужас призраком,

[349] который поднимается на Востоке и грозит уничтожением цивилизации.

Но этому нельзя воспрепятствовать. Это часть неминуемого, поскольку оно действует под законом Спроса и Предложения, гласящем: Покупайте лучшее, что вы можете, и как можно дешевле – труд, а также товары. Единственная вещь, которая способна и действительно сумеет с этим справиться и остановить гнет, который ныне начался и который должен становиться все более жестоким до тех пор, пока действует закон самолюбия, – это средство, предоставленное Богом: Божье Царство с его новым законом и полной реорганизацией общества на основе любви и равенства.

Если бы народы Европы и Америки заполучили весь мир в виде потребителей – не только для изделий, но и для техники, – и при этом добрались до места, где предложение превышает спрос и где миллионы людей их стран напрасно ищут занятости (даже за низкую заработную плату), то какова их перспектива на ближайшее будущее, когда конкурентов будет вдвое больше, чем сегодня? Естественный прирост также усугубит дилемму. Но эта перспектива не была бы столь неблагоприятной, столь безнадежно мрачной, если бы не факт, что эти без малого семьсот миллионов новых конкурентов – самые сговорчивые, терпеливые и бережливые люди, каких можно найти в мире. Если европейские и американские рабочие могут быть контролированы Капиталом, то тем более могут быть те, которые никогда не знали ничего, кроме повиновения своим господам.

ВЗГЛЯД НА ТРУД В АНГЛИИ

М-р Джастин МакКарти, известный английский писатель, в статье в “Cosmopolis” однажды высказался так:

“Пороки нищеты и отсутствия занятости должны наводить в Англии больше ужаса в сердце, чем любое предупреждение об иностранном вторжении. Однако английские государственные деятели никогда не принимали этого упущения всерьез и даже особо им не волновались. Даже такая неприятность, вызванная спорами между

[350] работодателями и рабочими, как стачка с одной стороны и локаут с другой, получила позволение продолжаться без какой бы то ни было реальной попытки найти законодательное решение. А причина такова, что любому предмету позволено занять наше внимание, кроме положения нашего собственного народа".

Кейр Харди (член Парламента и лидер лейбористов) в своем интервью несколько лет тому назад сказал:

"Тред-юнионизм находится в Англии на ложном пути. Иногда я опасаюсь, что он практически мертв. Мы, рабочие, постепенно осознаем, что капитал может использовать свои средства для организации, и пользуясь этим, побеждает нас. Производители нашли способ изводить людей, и люди бессильны. Рабочим союзам долгое время не удается одержать победу хоть в какой-то важной стачке в Лондоне. Многие из крупных в свое время союзов беспомощны. Это касается, прежде всего, докеров. Вы помните крупную стачку докеров? Так вот, она уничтожила Союз, который ее организовал, и вовсе не помогла людям. Ситуация с тред-юнионами в Лондоне тревожная.

Независимая Лейбористская Партия является социалистической. Мы не удовлетворимся ничем, кроме социализма, муниципального социализма, национального социализма, промышленного социализма. Мы знаем, чего хотим, и хотим этого все. Мы не хотим бороться за это, но если мы не сможем добиться этого каким-то иным путем, то будем бороться, а если будем бороться, то со всей решительностью. Конечной целью Независимой Лейбористской Партии является установление промышленного содружества, основанного на национализации земли и промышленного капитала. Мы верим, что естественные политические деления должны проходить по экономической линии.

Если говорить о плохих сторонах нынешней системы, я должен сказать, что самым большим гнетом для британских рабочих является нерегулярность и неопределенность занятости. Возможно, вам известно, что я особо занимался этим вопросом, и знаете, что я излагаю факты, когда говорю, что на Британских островах имеется 1 000 000 крепких, взрослых рабочих, которые не являются ни пьяницами, ни лодырями, ни умственно отсталыми, но которые по-прежнему не имеют работы не по собственной вине и совершенно не в состоянии ее найти. Вроде и заработки выше, чем полстолетия тому назад, но

[351] когда учесть потерю времени от недостатка занятости, то обнаружится, что положение рабочего в действительности ухудшилось. Небольшая постоянная зарплата приносит больше утешения, чем значительно большая сумма, зарабатываемая нерегулярно. Если бы право зарабатывать прожиточный минимум предоставить каждому рабочему, большинство волнующих нас вопросов было бы решено естественным образом. Ситуация воистину печальная. Во время недавних сильных холодов люди могли трудиться на общественных работах для безработных по четыре часа, убирая улицы и получая 6 пенсов в час. Тысячи собрались за дворовой оградой еще в 4 утра, чтобы оказаться в передних рядах. Здесь они стояли, дрожа и переминаясь от холода, полуголодные и полные отчаяния, до 8 утра, когда открывают двор. Последующая давка была ни чуть не меньше мятежа. Люди оказывались буквально затоптанными насмерть в этой ужасной свалке за одну возможность заработать 2 шиллинга (48 центов). Место было изуродовано. Голодные люди сплошной массой, толкаемые сзади многотысячной толпой, ломали стены и ворота в своем желании получить работу. И эти люди не были бездельниками.

Средняя оплата неквалифицированного труда в Лондоне, даже если он отвечает требованиям рабочего союза, составляет всего 6 пенсов в час. В провинции она еще ниже. Внимательное изучение показало, что меньше 3 гиней в неделю не может обеспечить среднюю семью (двое взрослых и трое детей) даже обычными удобствами, не говоря о предметах роскоши. Очень мало рабочих в Англии получает эту сумму или близкую к ней. Везет тому умелому рабочему, который имеет 2 гинеи в неделю круглый год, и счастлив тот труженик, которому удалось заработать 24 шиллинга (5,84 дол.) на протяжении семи дней, третью часть которых следует отдать за наем жилья. Так что даже семьи высокооплачиваемых категорий рабочих могут удержаться лишь у черты бедности. Даже очень короткого периода вынужденной безработицы вполне достаточно, чтобы опустить их ниже этой черты. Вот откуда огромное число наших нищих.

Сегодня Лондон насчитывает свыше 4 300 000 жителей. Шестьдесят тысяч семей (300 000 человек) имеют в среднем менее 18 шиллингов в неделю на одну семью и живут в условиях хронической нехватки. Каждый восьмой житель

[352] Лондона умирает в исправительной тюрьме или тюремном изоляторе. Каждый шестнадцатый житель Лондона на данный момент считается нищим. Каждый день 43 000 детей посещают школы-интернаты, выходя из дома без завтрака. Тридцать тысяч человек не имеют другого дома, кроме ночлежного за 4 пенса или временной комнаты-приюта".

Вышеприведенные статистические данные показывают, что нескольких лет будет, пожалуй, достаточно для развития такой конкуренции. Вот так Всемогущественный постепенно приводит все народные массы к осознанию факта, что рано или поздно интересы одного должны стать интересами другого – что каждый должен быть сторожем своего брата, если хочет сохранить свое благополучие.

Нет ничего разумного или справедливого в том, чтобы обвинять Капитал в совершении того же, что Труд делает и делал всегда – в поисках собственной выгоды. Действительно, всем нам понятно, что некоторые из бедных столь же самолюбивы сердцем, как некоторые из богатых. Мы даже можем себе представить, что если бы некоторым нынешним беднякам дать положение богатых, они оказались бы еще более сурово требовательными и менее снисходительными, чем их нынешние хозяева. Поэтому давайте не будем ненавидеть и осуждать богатых, а вместо этого будем ненавидеть и осуждать самолюбие как таковое и особенно то, которое отвечает за нынешние условия и беды. А возненавидев полностью самолюбие, пусть каждый решит для себя, что, по благодати Господней, он ежедневно будет умерщвлять (уничтожать) присущее ему самолюбие и все больше совершенствовать противоположное ему качество любви, тем самым устраивая себя по образу Божьего дорогого Сына, нашего Искупителя и Господа.

ПРОРОЧЕСКИЕ СЛОВА УВАЖ. ДЖОЗЕФА ЧЕМБЕРЛЕНА К БРИТАНСКИМ РАБОЧИМ

Обратите внимание на взгляды Джозефа Чемберлена, бывшего секретаря министерства по делам колоний Великобритании и одного из самых практичных

[353] государственных деятелей наших дней. Принимая депутацию безработных сапожников, прибывших защищать городские сапожные мастерские, он понятным образом объяснил им, почему на деле им не поможет то, чего они хотят – разве что временно; что такие мастерские только превысят существующий спрос и выбросят на улицу других, у которых дела сегодня идут неплохо, и что правильной политикой было бы развитие торговли с внешним миром, тем самым находя потребителей для большего количества обуви, что быстро принесет спрос на их услуги. Он сказал:

“То, что вы хотите сделать, – это не изменить мастерские, в которых делают обувь, а увеличить спрос на эту обувь. Если вам удастся добиться нового спроса на обувь, то найти занятие смогут не только те, кто работает, но и те, у кого его нет. Вот это и должно быть нашей главной целью. В дополнение к тому, что так важно для меня, вы должны помнить, что, вообще говоря, основным средством для решения этой проблемы недостатка занятости является поиск новых рынков. Нас вытесняют иностранной конкуренцией из старых рынков (из нейтральных рынков, которые, как правило, снабжаются Великобританией). В то же время иностранные правительства абсолютно не допускают наши товары на свои рынки, и если мы не расширим те рынки, которые находятся под нашим контролем, или не найдем новые, этот вопрос недостатка занятости, уже весьма серьезный, вероятно, приобретет первостепенную важность, и я вижу наиболее веские причины для беспокойства относительно возможных осложнений. Я представил вам вопрос в самых общих чертах, но прошу вас, если вы слышите критику поведения того или иного Парламента, того или иного руководителя относительно экспансии Британской империи, помните, что это не ура-патриотический вопрос, в который вас иногда склоняют поверить – не вопрос бездумной агрессии, а насущный вопрос продолжения того, что английский народ делал всегда, то есть расширения своих рынков и связей с неосвоенными местами на земле. Если этого не делать, к тому же постоянно, я уверен, что сколь серьезными не были бы проблемы сегодня, в недалеком будущем мы столкнемся с еще более опасными последствиями”.

[354]

АГРЕССИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВА, ЕЕ СВЯЗЬ С ПРОМЫШЛЕННЫМИ ИНТЕРЕСАМИ

Перед нами секрет британской агрессивности и экспансии империи. Это диктуется не простым желанием дать другим народам более мудрых правителей и лучшие правительства, не простой любовью к земельным акрам и власти: это является частью торговой войны, "промышленной войны". Народы завоевывают не для грабежа, как в древности, а для служения им – для укрепления их торговли. В этой войне Великобритания оказалась самой успешной, в результате чего ее богатство огромно и его везде инвестируют. Народ, первым столкнувшийся с перепроизводством, первым занялся поисками внешних рынков и долгое время был мировым производителем хлопка и железа за пределами Европы. Техническое пробуждение, наступившее после гражданской войны 1865 года в Соединенных Штатах, на какое-то время сделало эту землю центром заинтересованности и бизнеса в мире. Такое пробуждение, распространившись на все цивилизованные народы, обратило их взор на поиск спроса в другом месте. Это и есть зарубежная конкуренция, на которую ссылается м-р Чемберлен. Всем государственным деятелям известно то, на что он указывает: что рынки мира быстро заполняются, и техника и цивилизация быстро поторапливают время, когда совсем не будет внешних рынков. И, как он рассудительно заметил, "какими тяжелыми не были бы проблемы сегодня, в недалеком будущем мы должны столкнуться с еще более серьезными последствиями".

В 1896 году м-р Чемберлен, Секретарь министерства по делам колоний Британской империи, принимал в Лондоне делегатов британских колоний, прибывших за тысячи миль посоветоваться с ним, а также с другими насчет того, как лучше встретить промышленную конкуренцию. С тех пор, как Великобритания обнаружила, что ее мастерские произвели больше товаров, чем ее население способно потребить, и ей следует искать для себя рынки за рубежом, она сделалась сторонником Свободной Торговли и, естественно, попыталась удержать свои колонии так близко к своей политике свободной торговли,

[355] как это было возможно практически без применения силы. Эта встреча имела целью создать предпосылки, чтобы Великобритания и ее многочисленные колонии могли возвести вокруг себя стену протекционистского тарифа, чтобы в некоторой степени сдержать конкуренцию со стороны Соединенных Штатов, Германии, Франции и Японии.

Завоевания Франции, Италии и Великобритании в Африке означали то же самое – что они сильно ощущают коммерческую войну, видят ее расширение и готовы, в силу необходимости, взять некоторые рынки под свой контроль. Доказательством тому является следующее почтовое донесение:

“Вашингтон, 9 июня 1896 года. Принимая в виде отправной точки официальное провозглашение аннексии Францией Тимбукту, основной части страны Джаллон, региона, превышающего размерами штат Пенсильвания и столь же плодородного, консул Соединенных Штатов Стрикленд, в Гори-Дакар, направил чрезвычайно интересный рапорт Государственному Департаменту относительно опасностей, угрожающих торговле Соединенных Штатов с Африкой вследствие быстрого расширения колониальных владений европейских народов. Он показывает, каким образом французы, введя дискриминационную пошлину в размере 7 процентов на иностранные товары, монополизировали рынки французских колоний и тем самым разорили прибыльную и возрастающую торговлю, какую Соединенные Штаты уже наладили в этой части света. Он говорит, что, по сути, на всем африканском континенте начался процесс по защите от нас путем введения протекционистского тарифа, потому что если хоть одна страна сегодня способна делать это с успехом, остальные со временем будут вынуждены делать то же самое с целью уравнять взаимоотношения”.

Действительно, человеческие сердца издыхают от страха и ожидания того, что грядет на вселенную [общество]; и люди как можно лучше готовятся к тому, что видится их взору.

Но пусть никто даже на миг не подумает, что вышеупомянутое “расширение британской империи” и других империй земли, а также всеобщая война за торговлю, предпринимается и ведется исключительно с целью обеспечить британских, итальянских

[356] и французских рабочих занятостью. Вовсе нет! Рабочий здесь упоминается только вскользь. Все сводится к тому, чтобы позволить британским капиталистам найти новое пространство, чтобы запастись прибылью и "собрать себе сокровище на последние дни" (Иакова 5: 3).

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПРОМЫШЛЕННАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ

Гер Либкнехт, лидер Социал-Демократической партии в Немецком Рейхстаге, посетивший Великобританию в июле 1896 года, дал интервью на страницах лондонской "Daily Chronicle", из которой мы цитируем следующее:

"Наша Социал-Демократическая партия – самая сильная отдельно взятая партия в Немецком Парламенте. На последних выборах мы собрали 1 880 000 голосов. Мы надеемся на окончательное решение вопроса о расходах на огромный флот, на которые Рейхстаг не даст позволения. На этих выборах мы надеемся получить еще один миллион голосов".

"Значит, шовинизм не очень влиятелен в Германии?"

"В Германии не существует шовинизма. Из всех народов Европы немцам больше всего надоел милитаризм. Мы, социалисты, стоим во главе движения против него".

"И вы полагаете, это движение против милитаризма распространяется по всей Европе?"

"Я в этом уверен. В Парламентах Франции, Германии, Бельгии, Италии и Дании депутаты-социалисты (а мы имеем их довольно много в каждом из них) сражаются на смерть. Когда съезд Интернационала состоится в этом году в Лондоне, все присутствующие депутаты-социалисты будут иметь встречу с целью организовать совместную акцию. Что касается Германии, она полностью разрушается своей милитаристской системой. Мы – новая страна. Все наши производители молоды, и мы обязаны конкурировать с Англией".

"Значит, вы также поднимаете свой голос в адрес иностранной конкуренции?"

"Да, конечно, только для нас это что-то очень реальное. У нас нет, как я покажу вам, никакой свободы прессы и никакой свободы общественных митингов. Вы же, наоборот, имеете то и другое, и именно с этой стороны я подхожу к факту, что нынешняя

[357] экономическая система более глубоко и более тщательно, чем в другом месте, пустила корни в Англии. А кроме всего прочего нам приходится противостоять учению о божественных полномочиях королей, тогда как вы, англичане, еще двести лет назад решили, что божественные полномочия королей и политическая свобода народа несовместимы".

"Значит, вы ожидаете в скором времени больших перемен?"

"Да, ожидаю. Нынешняя система в Германии вызывает такое недовольство, что они обязаны прийти".

"Вы можете сказать мне несколько слов об экономическом состоянии Германии? У вас, как и у нас здесь, остро стоит аграрный вопрос…"

"В Германии мы имеем пять миллионов крестьян-собственников, и все они так быстро разоряются, как это только возможно. Каждый из них – и это я говорю сознательно – задолжал сумму, почти равную или больше истинной стоимости своего надела. Наши крестьяне живут хлебом, испеченным из смеси ржи и овса. Фактически, все виды продовольствия в Англии дешевле, чем в Германии".

"А ваши производители?"

"Как страна производителей, мы являемся только начинающими. Наша нынешняя индустриальная система датируется всего-то с 1850 года, однако ее результаты становятся намного значительнее, чем в вашей стране. Мы быстро разделяемся на два класса – на пролетариев, а также на капиталистов и землевладельцев. Наши средние классы буквально исчезают при существующих экономических условиях. Их вытесняют к рабочим классам, и этому, больше чем чему-либо другому, я приписываю необычайный успех нашей партии.

Вы должны помнить, что у нас нет двух совершенно противоположных партий, как у вас в Англии. Мы, социал-демократы, сотрудничаем с любой партией, если только можем получить что-то для себя. У нас есть только три большие партии: другими можно пренебречь. Это наша партия, Консервативная партия и Католическая центристская партия. Наши консерваторы весьма отличаются от ваших. Они хотят вернуться к феодализму и реакции наихудшего порядка. Экономические условия ведут к расколу Центристской партии. Часть перейдет к нам, а остальные пойдут к консерваторам. А тогда мы увидим, что будет".

[358] “Гер Либкнехт поведал историю социалистического движения. Быстрое развитие социал-демократии в Германии было вызвано появлением нового коммерческого подхода к производству в этой стране и жестокой конкуренцией, с которой Германии пришлось столкнуться, чтобы не отстать от Англии и Франции в борьбе за господство в торговле”.

Стоит заметить, что вопросы, которые, по мнению этого талантливого человека, давят на людей и вызывают тревогу и разделение их на два класса – бедных и богатых – четко определены как (1) Аграрный, или земельный, вопрос, особо затрагивающий земледельцев; (2) Экономический, или денежный, вопрос, включая отношения между Капиталом и Трудом; (3) Промышленный вопрос, или вопрос о том, как найти хорошо оплачиваемую работу для механиков – вопрос, связанный с иностранной и внутренней конкуренцией, со спросом и предложением и т. д. Те же вопросы волнуют каждый цивилизованный народ и готовят приближение всемирной скорби – революции, анархии, – приготавливающей Тысячелетнее Царство.

Гер Либкнехт был делегатом Конгресса Тред-Юнионов (Лондон, 1896 год). На этой конвенции была принята следующая резолюция:

“Эта международная встреча трудящихся (признающая, что мир между народами является основополагающим для международного братства и человеческого прогресса, и считающая, что народы земли не хотят войн, и что войны возникают из жадности и самолюбия правящих и привилегированных классов с единым намерением получить контроль над рынками мира в собственных интересах и против всяческих действительных интересов трудящихся) сим заявляет, что между трудящимися различных национальностей не существует абсолютно никакого раздора, и что их общим врагом является класс капиталистов и землевладельцев, и что единственный способ предотвратить войны и обеспечить мир – избавиться от общественного строя с его капиталистами и землевладельцами, в котором войны имеют для себя почву. Поэтому он обязуется

[359] выработать тот единственный путь, которым эта система может быть свергнута – путь национализации средств производства, распределения и обмена. Дальше он провозглашает, что пока это не будет достигнуто, каждый спор между народами должен быть улажен судебным путем, а не грубой силой оружия. Затем этой встречей признано, что установление Международного Восьмичасового Рабочего Дня для всех трудящихся – самый быстрый шаг к их окончательному освобождению, и она увещевает правительства всех стран закрепить необходимость в восьмичасовом рабочем дне законодательным путем. Учитывая то, что рабочий класс может добиться экономической и социальной свободы только переняв сегодня политический механизм из рук капиталистического класса, и учитывая то, что во всех странах большое число мужчин-рабочих и все женщины-рабочие не имеют права голоса и не могут принимать участия в политических мероприятиях, это собрание трудящихся провозглашает и обязывается приложить всяческие усилия, чтобы добиться всеобщего права голоса".

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, АТАКОВАННОЕ ЕЩЕ С ОДНОЙ СТОРОНЫ. ИСПОЛИНЫ ЭТИХ ДНЕЙ

Другим результатом конкуренции явилась организация крупных корпораций для ведения торговли и производства. Они являются важными элементами в приготовлении к грядущему "огню". Небольшие лавки и магазины быстро вытесняются этими гигантскими корпорациями, поскольку они не могут ни покупать, ни продавать столь же выгодно, как крупные концерны. В свою очередь, крупные концерны, способные вести больше бизнеса, чем это им надлежит, создают объединения, именуемые трестами. Эти тресты, организованные вначале для того, чтобы не допустить уничтожения конкуренцией всех, за исключения самых больших из них, на деле оказываются весьма выгодными для тех, чей капитал и руководство они представляют. Этот замысел находит распространение – Великая Республика является ведущей в мире в этом направлении. Обратите внимание на следующий список, опубликованный в "World", Нью-Йорк, 2 сентября 1896 года, под названием "Рост трестов".

[360]

"Список 139 объединений, контролирующих производство, устанавливающих цены, монополизирующих торговлю и обворовывающих людей в обход закона"

Название Капитал
Dressed Beef and Provision Trust $100 000 000
Sugar Trust, New York 75 000 000
Lead Trust 30 000 000
Rubber Trust, New Jersey 50 000 000
Gossamer Rubber Trust 12 000 000
Anthracite Coal Combine, Pennsylvania *85 000 000
Axe Trust 15 000 000
Barbed Wire Trust, Chicago *10 000 000
Biscuit and Cracker Trust 12 000 000
Bolt and Nut Trust *10 000 000
Boiler Trust, Pittsburgh, Pa. *15 000 000
Borax Trust, Pennsylvania *2 000 000
Broom Trust, Chicago *2 500 000
Brush Trust, Ohio *2 000 000
Button Trust *3 000 000
Carbon Candle Trust, Cleveland *3 000 000
Cartridge Trust *10 000 000
Casket and Burial Goods Trust *1 000 000
Castor Oil Trust, St. Louis 500 000
Celluloid Trust 8 000 000
Cigarette Trust, New York 25 000 000
Condensed Milk Trust, Illinois 15 000 000
Copper Ingot Trust *20 000 000
Sheet Copper Trust *40 000 000
Cordage Trust, New Jersey 35 000 000
Crockery Trust *15 000 000
Cotton Duck Trust 10 000 000
Cotton-Seed Oil Trust 20 000 000
Cotton Thread Combine, New Jersey 7 000 000
Electric Supply Trust *10 000 000
Flint Glass Trust, Pennsylvania 8 000 000
Fruit Jar Trust *1 000 000
Galvanized Iron Steel Trust, Pennsylvania *2 000 000
Glove Trust, New York *2 000 000

[361] Harvester Trust *1 500 000
Hinge Trust 1 000 000
Indurated Fibre Trust 500 000
Leather Board Trust *500 000
Lime Trust *3 000 000
Linseed Oil Trust 18 000 000
Lithograph Trust, New Jersey 11 500 000
Locomotive Tire Trust *2 000 000
Marble Combine *20 000 000
Match Trust, Chicago 8 000 000
Morocco Leather Trust *2 000 000
Oatmeal Trust, Ohio *3 500 000
Oilcloth Trust *3 500 000
Paper Bag Trust 2 500 000
Pitch Trust *10 000 000
Plate Glass Trust, Pittsburgh, Pa. *8 000 000
Pocket Cutlery Trust *2 000 000
Powder Trust 1 500 000
Preservers' Trust, West Virginia *8 000 000
Pulp Trust *5 000 000
Rice Trust, Chicago 2 500 000
Safe Trust 2 500 000
Salt Trust *1 000 000
Sandstone Trust, New York *1 000 000
Sanitary Ware Trust, Trenton, N.J. 3 000 000
Sandpaper Trust *250 000
Sash, Door and Blind Trust *1 500 000
Saw Trust, Pennsylvania 5 000 000
School Book Trust, New York *2 000 000
School Furniture Trust, Chicago 15 000 000
Sewer Pipe Trust 2 000 000
Skewer Trust 60 000
Smelters' Trust, Chicago 25 000 000
Smith Trust, Michigan *500 000
Soap Trust *500 000
Soda-Water Apparatus Trust, Trenton, N.J. 3 750 000
Spool, Bobbin and Shuttle Trust 2 500 000
Sponge Trust *500 000

[362] Starch Trust, Kentucky 10 000 000
Merchants' Steel Trust 25 000 000
Steel Rail Trust *60 000 000
Stove Board Trust, Grand Rapids, Mich. 200 000
Straw Board Trust, Cleveland, Ohio *8 000 000
Structural Steel Trust *5 000 000
Teazle Trust *200 000
Sheet Steel Trust *2 000 000
Tombstone Trust 100 000
Trunk Trust 2 500 000
Tube Trust, New Jersey 11 500 000
Type Trust 6 000 000
Umbrella Trust *8 000 000
Vapor Stove Trust *1 000 000
Wall Paper Trust, New York 20 000 000
Watch Trust 30 000 000
Wheel Trust *1 000 000
Whip Trust *500 000
Windows Glass Trust *20 000 000
Wire Trust *10 000 000
Wood Screw Trust *10 000 000
Wool Hat Trust, New Jersey *1 500 000
Wrapping Paper Trust *1 000 000
Yellow Pine Trust *2 000 000
Patent Leather Trust 5 000 000
Dye and Chemical Combine *2 000 000
Lumber Trust *2 000 000
Rock Salt Combination 5 000 000
Naval Stores Combine *1 000 000
Green Glass Trust *4 000 000
Locomotive Trust *5 000 000
Envelope Combine 5 000 000
Ribbon Trust *18 000 000
Iron and Coal Trust 10 000 000
Cotton Press Trust *6 000 000
Tack Trust *3 000 000
Clothes-Wringer Trust *2 000 000
Snow Shovel Trust *200 000

[363] The Iron League (Trust) *60 000 000
Paper Box Trust *5 000 000
Bituminous Coal Trust *15 000 000
Alcohol Trust *5 000 000
Confectioners' Trust *2 000 000
Gas Trust *7 000 000
Acid Trust *2 000 000
Manilla Tissue Trust *2 000 000
Carnegie Trust 25 000 000
Illinois Steel Trust *50 000 000
Brass Trust 10 000 000
Hop Combine *500 000
Flour Trust, New York 7 500 000
American Corn Harvesters' Trust *50 000 000
Pork Combine, Missouri *20 000 000
Colorado Coal Combine 20 000 000
Bleachery Combine *10 000 000
Paint Combine, New York *2 000 000
Buckwheat Trust, New Jersey 5 000 000
Fur Combine, New Jersey 10 000 000
Tissue Paper Trust *10 000 000
Cash Register Trust *10 000 000
Western Flour Trust 10 000 000
Steel and Iron Combine 4 000 000
Electrical Combine No. 2 1 800 000
Rubber Trust No. 2 7 000 000
Tobacco Combination 2 500 000
Общий капитал $1 507 060 000

*Приблизительно

В том же выпуске того же издания в заглавной статье под названием “Что означает прогресс в угольной отрасли” обращено внимание на могущество и тенденцию одного из таких трестов:

“Прибавка в 1,50 доллара к цене каждой тонны антрацита означает, что одиннадцать членов “Coal Trust” положат в карман не меньше пятидесяти или даже шестидесяти миллионов долларов. Если судить по конкуренции в недавний осенний период и последующим умеренным ценам, эти деньги законно принадлежат тем, кто пользуется углем.

[364] Эта чрезмерная прибавка к стоимости угля означает, что многие производители, которые снова намеревались начать добычу угля осенью, не могут этого сделать, так как не могут добавить столь значительную сумму к стоимости своего товара и по-прежнему конкурировать с теми, кто получает уголь по естественным ценах. Это означает, что многие производители снизят заработную плату с целью компенсировать увеличение стоимости продукции, и каждый домовладелец со средними доходами будет лишен некоторых обычных удобств и предметов роскоши. Он вынужден покупать уголь, и если должностные лица, избранные с его помощью, не обеспечат соблюдения закона, ему придется покупать по ценам треста. В конечном итоге это означает, что бедным придется покупать меньше угля. Старые цены и без того были достаточно высокими. Новые цены ведут к резкому ограничению. Так что будущей зимой бедным придется дрожать от холода.

С одной стороны – больше роскоши для немногих. С другой стороны – неустроенность многих, а в тысячах случаев – откровенная нищета. Между ними находится нарушенный и обесчещенный закон".

Возьмите другую иллюстрацию могущества трестов. Весной 1895 года был создан "Cotton Tie Trust" (Трест по Изготовлению Бечевки для Вязания Хлопка). (Бечевка для вязания хлопка – это гладкая стальная лента, используемая при тюковании хлопка.) В то время цена была семьдесят центов за сотню. В следующем году трест решил, что на этом можно немного заработать и поднял цену до 1,40 доллара за сотню, сделав это буквально накануне тюкования хлопка, так что импортную бечевку нельзя было завезти вовремя.

Но не все тресты одинаково злоупотребляют своей властью. Возможно, не всем еще представились столь благоприятные возможности. Но никто не будет спорить, что "простой народ" (массы) находится в серьезной опасности понести ущерб от рук этих гигантских корпораций. Всем известно, в чем следует опасаться кого-то отдельно взятого из них, к тому же могущественного и самолюбивого, а эти тресты-"исполины" не только обладают несравненно большей силой и влиянием, но, в дополнение, они совершенно лишены совести. Уже сделалось пословицей, что "У корпораций нет души".

Мы используем следующее сообщение в "Pittsburgh Post", чтобы проиллюстрировать

[365]

ПРИБЫЛИ ТРЕСТОВ

"Нью-Йорк, 5 ноября 1896 года. Доверительные собственники "Standard Oil Trust" собрались сегодня и оповестили о постоянном квартальном дивиденде (в размере 3 дол. на одну акцию и дополнительно 2 дол. на акцию), подлежащем уплате с 15 декабря. Общая первоначальная эмиссия сертификатов "Standard Oil Trust" составила 97 250 000 долларов. На протяжении финансового года, который как раз заканчивается, дивиденды составили, как было объявлено, 31 процент, дающий общую выплату прибыли в размере 30 149 500 долларов. На протяжении того же периода "American Sugar Refining Company", известная как "сахарный трест", выплатила 7 023 920 долларов дивидендов. В дополнение к этим выплатам прибыли акционерам, трест, говорят, имеет излишек нерафинированного сахара, векселя к получению и наличные деньги в размере около 30 000 000 долларов".

Впоследствии тот же журнал в заглавной статье писал следующее:

"Wire Nail Trust" оказался, пожалуй, одним из самых мошеннических объединений, когда-либо созданных в этой стране, занимавшихся грабежом и вымогательством денег у людей. Он игнорировал закон, принимал взятки, запугивал и разорял конкурентов, ведя торговлю диктаторскими методами. Ведя себя таким образом и поднимая цены на двести-триста процентов, он распределил миллионы долларов между своими членами. И никакой анархии, естественно. Фактически анархисты – это те, кто протестует против подобного грабежа и пренебрежения законом. Так, во всяком случае, думает м-р А. К. Фост из упомянутого "Nail Trust", Нью-Джерси, который пишет в "World", что подобное обличение злоупотреблений треста "разжигает огонь общественного недовольства". Это ведет к простому выводу: незаконным и грабительским трестам можно позволить свободно хозяйничать, а попытки держать их в узде недопустимы, потому что они "разжигают огонь общественного недовольства"! С одной стороны мы имеем народ этой страны, а с другой – узаконенных воров, тресты. Но вот только нельзя ничего обличать или опротестовывать, а то "огонь общественного недовольства" лишит тресты спокойной жизни! Что за бесстыдство и высокомерие!"

"Coal Trust", занимаясь производством антрацита, сегодня обворовывает народ на сумму в пятьдесят миллионов долларов в год, поднимая цену на 1,50 дол. за тонну. Уваж. д-р Паркгерст

[366] однажды засвидетельствовал свое почтение этой особенной шайке такими словами: "Если угольные компании, угольные объединения или угольные тресты используют свою власть с целью выкачать в свою сокровищницу столько денег бедняков, сколько они могут или осмеливаются – ради обнищания этих малоимущих, ради лишения их удобств и истощения запаса их здоровья и жизни, тогда этими

КОМПАНИЯМИ ОВЛАДЕЛ ДЕМОН ВОРОВСТВА И УБИЙСТВА.

Дилеров в любой другой сфере товаропроизводства это касается не меньше, чем дилеров по продаже угля".

"В то время, как уваж. д-р Паркгерст разоблачил их как тех, которыми "овладел демон воровства и убийства", другой Нью-йоркский проповедник, уваж. д-р Гебер Ньютон, восхвалял тресты (перед бархатными ложами и паствой из миллионеров) как необходимую и полезную часть нашей передовой цивилизации".

Что касается неожиданного падения цен на стальные рейки с 25 дол. до 17 дол. за тонну, "Evening Record", Алехейни, сказала:

"Большой "Steel Pool", сформированный для поддержания цен, фактически распался. Это гигантское объединение капитала и власти, созданное, чтобы контролировать выпуск продукции одной из самых больших индустрий Америки; чтобы понижать или повышать цены одним только распоряжением; чтобы взымать плату с потребителей по собственному усмотрению, на границе целесообразности, должно быть поглощено еще более гигантским, еще более могущественным, еще более богатым объединением. Рокфеллер и Карнеги завладели производством стали в Америке. Событие эпохальное. Снижение цен стальных реек с 25 дол. до 17 дол. за тонну (самая низкая цена, за какую их когда-либо продавали) отмечает новую эру в экономике страны. Пока тресты поедают тресты, в выигрыше оказываются железные дороги.

С уверенностью можно сказать, что ни м-р Рокфеллер, ни м-р Карнеги на пути к своему большому предприятию не принимали во внимание чувств к народу. Они видели шанс покончить с конкуренцией и воспользовались им. Сейчас они владеют самым известным

[367] месторождением в мире, грядой Месаба, возле Дулут, известным как район, где нет необходимости вести дорогую добычу, а достаточно сгрести руду с поверхности. Рокфеллер увеличил для себя пользу от этого месторождения путем постройки флотилии барж огромной вместимости для перевозки сырья в доки озера Эри. Когда он завершил этот этап созданием союза с Карнеги, вместе с его сталеплавильнями и фабриками, в его распоряжении оказалась "Railmakers' Association". Все дело было доведено до конца мастерским использованием наличных средств. Нынешний результат является, по крайней мере, полезным для большого числа людей. Однако независимо от того, будут ли м-ры Рокфеллер и Карнеги, заполучив столь огромную власть в свои руки, довольствоваться умеренными доходами и позволят обществу иметь от этого пользу, или, однажды раздавив своих конкурентов, воспользуются своей властью для безжалостного грабежа, это большая проблема. Факт, что они обладают властью, сам по себе составляет угрозу".

Следующее донесение было в свое время широко распространено, и его стоит упомянуть при рассмотрении данного предмета:

"Канзас Сити, Миссури, 26 ноября 1896 года. Экс-губернатор Дейвид Р. Френсис, в настоящее время Секретарь министерства внутренних дел, направил следующее письмо небольшой группе лиц, сторонников золотого стандарта, принимавших вчера вечером участие в банкете в отеле Мидленд:

Министерство внутренних дел,

Вашингтон, 19 ноября 1896 года.

"Джентльмены: я только что получил ваше приглашение и сожалею, что не могу участвовать сегодня вечером в праздновании законной победы денег.. Если не будет принято определенное законодательство, чтобы обуздать растущее влияние богатства и ограничить власть трестов и монополий, еще перед окончанием столетия придет народное восстание, которое явится угрозой нашим институциям.

Дейвид Р. Френсис".

Следующее взято из Лондонского "Spectator":

"В наших руках имеется решение судьи Рассела из Нью-йоркского Верховного Суда, которое показывает, в какой степени систему "трестов", то есть систему использования капитала для создания монополий, проталкивают в Соединенных Штатах. Создана Национальная Ассоциация Оптовых Торговцев Медикаментами, которая включает почти каждого крупного дилера, состоящего в профсоюзе, и которая устанавливает цены на лекарства. Если какой-то частный дилер продает дешевле, Ассоциация предупреждает письменно всех предпринимателей не иметь с ним дела, и, как правило, добивается разорения

[368] бизнеса непокорной фирмы. “John D. Park and Sons Company” решила противопоставить себя диктату и обратилась за судебным запретом, в котором ей было отказано в данном случае, но который был принят в виде общего принципа, согласно которому всем людям вменяется в обязанность воздерживаться от вступления в “сговор” с целью навязывания “торговых ограничений”. Случай из ряда вон выходящий, так как понятно, что Трест подобного рода играет или может играть человеческими жизнями. Дело даже не в том, что цена патентованных лекарств может быть поднята на целую гинею, что уже явилось причиной особого недовольства. Предположим, что бедные не будут иметь доступа к таким лекарствам, как хинин, опиум или слабительные. Следует помнить, что сторонники м-ра Браяна выдвинули систему трестов в качестве обвинения против капитала, и случаи, наподобие этого, дают им прочный аргумент”.

ТРЕСТЫ В АНГЛИИ

Хотя тресты могут быть названы американским изобретением, мы цитируем следующий отрывок из Лондонского “Spectator”, показывая, что они не являются исключительно американскими. Автор говорит:

“Тресты начинают овладевать некоторыми из наших британских отраслей производства. В настоящее время существует – со штаб-квартирой в Бирмингеме – объединение (трест) по производству металлических кроватей, охватывающий всю Великобританию, который устроился настолько ловко, что практически невозможно для кого-либо извне начать изготовление латунных или стальных кроватей, если он не присоединится к объединению. И даже после этого он обязан обратиться за позволением, в котором ему, по всей вероятности, будет отказано. Если, тем не менее, он попытается сделать это независимо, он не сможет купить сырье или нанять рабочих, обученных этому ремеслу, поскольку все производители железа и латуни для кроватей решили поставлять продукцию только объединению, а все рабочие обязались перед своим Союзом работать исключительно для производителей, которые ему принадлежат. Следовательно, потребители, если они хотят снижения цен, вынуждены высматривать за иностранной конкуренцией. В настоящее время трест по производству кроватей преуспевает, отчего другие местные производители подражают его примеру”.

Контролируя капитал в сотни миллионов долларов,

[369] эти объединения (тресты) действительно являются исполинами; и если в ближайшие несколько лет дела будут идти так, как в последние двадцать лет, то они вскоре будут контролировать мир финансовым рычагом. Вскоре у них будет власть не только диктовать цены на товары, потребляемые в мире, но, занимая ведущее место по найму труда, они будут контролировать зарплату.

Да, в прошлом эти объединения капитала добились огромных достижений, чего отдельные лица не могли бы сделать так быстро и так хорошо. Действительно, частное акционерное предприятие начало и успешно довело до конца рискованные мероприятия, которые общественность осудила бы и обязательно расстроила, если бы они были предприняты правительством. Не следует думать, что мы без разбора осуждаем большие накопления капитала. Мы обращаем внимание на то, что ежегодный опыт свидетельствует не только об огромном увеличении их финансовой власти, но также об их дальновидности и о том, что мы стремительно приближаемся к ситуации, где интересы людей и даже сама свобода окажутся под угрозой – если только мы уже не находимся там. Все говорят: – Надо что-то делать! – но что делать, не знает никто. Факт таков, что человечество беспомощно отдано на милость этих исполинских отпрысков нынешней эгоистичной общественной системы, и единственная надежда находится в Боге.

Правда и то, что во главе этих исполинов обычно находятся способные люди, которые до сих пор, как правило, были склонны умеренно пользоваться своей властью. Тем не менее, происходит сосредоточение власти, а сами способности, руководимые по большей части самолюбием, вероятно, будут время от времени завинчивать гайки на их подчиненных, а также на общественности – как на то позволят возможности и посодействуют обстоятельства.

Эти исполины сегодня угрожают человеческому роду, как буквальные исполины угрожали ему четыре тысячи лет тому назад. Эти исполины были “славными людьми” – людьми удивительных способностей и проницательности, превосходя падший род Адама. Они были смешанным родом,

[370] результатом наделения семьи Адама новыми жизненными силами. То же мы имеем с этими корпоративными исполинами: они большие, могущественные и хитрые до такой степени, что обескураживают при мысли покорить их без божественного вмешательства. Их удивительные возможности еще никогда не были полностью поставлены на службу. Эти исполины являются также смесью: они зачаты мудростью, которая обязана своим существованием христианской цивилизации и просвещению, действующему совместно с самолюбивыми сердцами падших людей.

Однако человеческие потребности и удобный случай для Бога взаимно приближаются. И как исполины "тогдашнего мира" (до потопа) были сметены водами потопа, так и эти корпоративные гиганты должны быть сметены в грядущем потопе огня – символического "огня Божьей ревности", негодования, уже разжигаемого, – во "времени тяжком, какого не бывало с тех пор, как существуют люди". В этом "огне" будут поглощены все исполины порочности и самолюбия; они упадут и больше не поднимутся (Ис. 26: 13, 14; Соф. 3: 8, 9).

ВАРВАРСКОЕ РАБСТВО ПРОТИВ ЦИВИЛИЗОВАННОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Сравните на миг прошлое с настоящим и будущим по поводу предложения труда и спроса на него. Ведь только в прошлом столетии в целом была прекращена работорговля и упразднено рабство. В одно время оно было распространенным, но постепенно превратилось в Европе и Азии в крепостничество. Рабство упразднено в Великобритании только в 1838 году, когда национальное правительство уплатило рабовладельцам сумму в 20 000 000 фунтов стерлингов, или приблизительно 100 000 000 долларов, компенсации. Франция освободила своих рабов в 1848 году. В Соединенных Штатах рабство продолжалось в южных штатах до 1863 года. Нельзя отрицать, что христианский голос и христианское перо

[371] сделали много, чтобы остановить человеческое рабство. Но, с другой стороны, следует отметить, что изменение условий на мировом рынке труда помогло большинству по-новому взглянуть на этот вопрос и при помощи фонда компенсации помочь примирить рабовладельцев с новым порядком вещей. Христианский голос и перо только поторопили отмену рабства; но в любом случае она со временем бы наступила.

В условиях современной эгоистичной системы конкуренции, поддерживаемой механическими изобретениями и ростом населения, рабство умирает естественной смертью. Если полностью пренебречь моральными и религиозными соображениями, то окажется, что было бы совершенно невозможным сделать сегодня рабство общепринятым в густонаселенных, цивилизованных странах: невыгодно из финансовых соображений. (1) Потому что техника в большой мере заняла место неквалифицированного, а также квалифицированного труда. (2) Потому что умный слуга может сделать больше и лучше, чем невежда. (3) Потому что от этого услуги цивилизованных и даже мало обученных рабов сделались бы дороже свободного труда. К тому же более умных и расторопных рабов было бы труднее контролировать и с пользой задействовать, нежели тех, которые вроде бы свободны, но связаны по рукам и ногам необходимостью. Словом, те, кто мудр по-светски, поняли, что войны с целью грабить врагов и захватывать рабов менее прибыльны, чем войны торговой конкуренции, результаты которых лучше и больше, и что свободные “рабы необходимости” дешевле и способнее.

Получивший свободу квалифицированный труд дешевле невежественного рабского труда. И если весь мир сознательно пробуждается и быстро возрастает численно, то, очевидно, нынешний общественный строй также движется к своему уничтожению словно машина на всех парах без контроля или водителя.

[372] Поскольку общество ныне организовано на основе спроса и предложения, мировая эгоистичная конкуренция не имеет ни контроля, ни управителя. Все строение возведено на том принципе, что самолюбивое давление (сила, устремляющая общество вниз) становится изо дня в день все сильнее. Для масс дела будут идти следующим образом: вынужденное схождение будет продолжаться все ниже и ниже, шаг за шагом, пока не наступит осознание крушения общества в анархии.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО МЕЖДУ ВЕРХНИМИ И НИЖНИМИ ЖЕРНОВАМИ

Для масс людей становится все более очевидным, что при нынешнем порядке вещей они находятся между нижними и верхними жерновами, быстрое вращение которых обязано в конечном итоге, к тому же в недалеком будущем, стереть их до жалкого и унизительного рабства, если этому каким-то образом не воспрепятствовать. Таким, воистину, является настоящее положение вещей: человеческая потребность, словно подводящий трубопровод, толкает массы между эти жернова; нижние жернова – это установленный закон спроса и предложения, который втягивает быстро растущее и все более осведомленное население мира ближе и ближе под пресс верхнего камня организованного самолюбия, ведомого исполинской силой механических рабов, поддерживаемых зубьями, рычагами и шкивами финансовых объединений, трестов и монополий. (Уместно напомнить, что, согласно данным статистического бюро в Берлине за 1887 год, паровые двигатели – механические рабы, – работающие в то время в мире, представляли приблизительно один миллиард человек, или втрое больше трудоспособного населения земли. С тех пор мощь пара и электричества, пожалуй, более чем удвоилась. Однако почти все эти двигатели находятся в цивилизованных землях, население которых представляет только пятую часть общего.) Другой составляющей движущей силы верхнего камня является его маховик, нагруженный

[373] весом сосредоточенного, до сих пор невиданного, богатства, а также воспитанных самолюбием и обученных умственных способностей. Предлагаем вниманию отчет (частично отображающий последствия подобного процесса помола) о том, что в Лондоне, Англия, насчитывается 938 293 бедных, 316 834 очень бедных и 37 610 наиболее нуждающихся – вместе 1 292 737 человек. То есть в нищете живет почти треть населения самого большого города в мире. Официальные цифры для Шотландии показали, что третья часть семей имеет одну комнату, и немногим более трети семей имеет две комнаты; что в городе Нью-Йорке во время одной из суровых зим 21 000 мужчин, женщин и детей была выселена по причине невозможности уплаты аренды; что в одном только году 3 819 его жителей были погребены на "поле горшечника" – слишком бедных, чтобы жить или умереть благопристойно. И все это, помните, в том самом городе, в котором, как уже упоминалось, среди его граждан насчитываются тысячи миллионеров.

Репортер "The American Magazine of Civics", м-р Д. Э. Коллинз, однажды поднял тему ухудшения дел в сфере квартирной собственности в свете переписи населения Соединенных Штатов. Вначале он говорит нам приготовиться к некоторым тревожным фактам, а также к угрожающим и опасным свидетельствам. Цитируем следующее:

"Несколько десятилетий тому назад основная масса населения состояла из домовладельцев, а их дома были практически свободными от задолженности. Сегодня огромная масса населения – это квартиросъемщики".

Поскольку временный владелец дома, отданного в залог, является по сути только арендатором ипотечного залога, то, по его словам, 84 процента семей этого народа фактически являются съемщиками. Он добавляет:

"Только подумайте об этом достойном удивления результате, достигнутом за столь короткое время – при наличии на Западе огромного количества свободных земель, открытых для поселенцев, при наличии широких возможностей для промышленности, предлагающей занятие за хорошую плату, и затем подумайте, что случится, когда весь огромный Запад будет освоен, когда все его земли будут национализированы, а население увеличится на

[374] дополнительные миллионы (вследствие естественного прироста и иммиграции), когда месторождения и шахты окажутся под контролем консорциумов иностранного капитала, когда транспортная система будет контролироваться в интересах нескольких миллионеров-собственников, когда производство будет вестись большими корпорациями в их собственных интересах, когда государственные земли истощатся, а местные участки будут монополизированы и будут удерживаться спекулянтами вне досягаемости трудящихся масс".

Сравнивая эти цифры с европейской статистикой, м-р Коллинз заключает, что условия в этой самой большой республике на земле менее благоприятны, нежели в Европе, за исключением самой богатой и самой просвещенной из них, Великобритании. Однако цифры м-ра Коллинза могут ввести в заблуждение, если не учитывать, что тысячи этих домов, отданных в залог, принадлежат молодым людям (которые в Европе живут вместе с родителями) и иммигрантам, которые покупают их в "рассрочку". Истинная правда куда хуже. При нынешних растущих затруднениях даже некоторые из многих закладных вряд ли будут когда-нибудь упразднены, разве что шерифом.

Возможно, мало кто осознает, как исключительно дешево продается иногда человеческая сила и время. А те, кто осознает это, не знают, как излечить подобное зло, и заняты тем, чтобы не попасть ему в лапы. Во всех больших городах мира имеются тысячи так называемых "эксплуатируемых", которые ради самого необходимого работают тяжелее и больше часов, чем в свое время работало большинство рабов юга. Номинально они имеют свободу, однако на деле они являются рабами – рабами нужды, – имея свободу хотеть, но мало свободы осуществить это для себя или для других.

Предлагаем отрывок на эту тему из "Presbyterian Banner" (Питсбург):

"Потогонная система родилась и выросла в чужих землях, прежде чем была пересажена в американскую почву, принося с собой ее проклятие. Она не ограничивается предприятиями готовой одежды, а включает все другие, в которых

[375] заняты посредники. Посредник, или подрядчик, занят поставкой товаров торговцу по определенной цене. Для того, чтобы обеспечить широкие слои покупателей выгодным товаром, и одновременно дать дилеру и посреднику их прибыль, эта цена должна быть зафиксирована на низкой отметке, отчего бедные рабочие вынуждены страдать.

В Англии почти каждый бизнес ведется на таком основании. Торговля ботинками и туфлями, торговля мехом, торговля мебелью, обойными материалами и многим другим перешла в ведение посредников, и люди раздавлены до уровня нищенских заработков. Но мы собираемся поговорить о торговле готовой одеждой в нашей собственной земле. В 1886 году в Нью-Йорке было только десять таких эксплуататорских мастерских, сегодня их сотни. То же касается Чикаго и других городов, имеющих в этом свой удел. Такие мастерские находятся по большей части в руках иудеев. Проживающие в Бостоне и Нью-Йорке имеют то преимущество над своими братьями, проживающими дальше на Запад, что они могут использовать иностранцев, только что прибывших, не знающих языка и поэтому легко подлежащих обману. Этих наемных рабочих берут и впихивают в маленькие, слабо вентилируемые комнаты, иногда по двадцать-тридцать человек в комнате, рассчитанной максимум на восемь работающих, где они нередко вынуждены готовить, принимать пищу и жить, тяжело работая по восемнадцать-двадцать часов в день, зарабатывая исключительно на то, чтобы остаться в живых.

Цены, которые платят за такой вид работы, это просто позор для человечества. Мужчины могут заработать тяжелым трудом от двух до четырех долларов в неделю. Следующие цифры предоставлены человеком, изучавшим этот вопрос и получившим информацию от одного из "хозяев-эксплуататоров", который назвал те цены, какие он получил от дилера:

За шитье мужских пальто $ 0, 76 до $ 2, 50
За шитье рабочих пальто 0, 32 до 1, 50
За шитье брюк 0, 25 до 0, 75
За шитье нижних рубашек (за дюжину) 1, 00 до 3, 00
За шитье коротких штанов (за дюжину) 0, 50 до 0, 75
За шитье ситцевых брюк (за дюжину) 0, 30 до 0, 45

Большой процент из этого списка цен получает хозяин-эксплуататор как свою прибыль, и после вычета стоимости

[376] городской перевозки, за которую платит рабочий, легко себе представить, как тяжело и как долго вынуждены работать мужчины и женщины, чтобы приобрести самое необходимое. За короткие брюки, за которые "хозяин" получает шестьдесят пять центов за дюжину от производителя, рабочему достается только тридцать пять центов.

Рабочий получает десять центов за изготовление летних брюк, и чтобы закончить шесть пар, ему следует работать почти восемнадцать часов. Плащ-палатки делает шестнадцать человек – каждый свою часть. Рабочие халаты стоят шестьдесят центов за дюжину пар. Это только несколько примеров, и каждая женщина, которой известно хоть что-нибудь о шитье или производстве одежды, знает, сколько труда в это вложено.

Но за все приходит возмездие, и случается, что наивные и беспечные обязаны страдать наравне с виновными. Эту одежду делают в самых худших санитарных условиях. Ее делают в помещениях, иногда не пригодных для пребывания людей, в которых буквально кишит болезнетворными микробами. В Чикаго на протяжении этого года один посетитель видел в одной из этих мастерских четырех человек, работающих над шитьем накидки и больных скарлатиной. В другом месте ребенок лежал мертвым от той же болезни, тогда как вокруг все работали, отчего неминуемо распространялась инфекция".

"Увы, но золото дороже,

А плоть и кровь не стоят ни гроша".

Число нищенски бедных быстро увеличивается и, как было показано, конкуренция толкает все человечество вниз, за исключением нескольких удачников, которые обзавелись техникой или недвижимостью. Их богатство и сила соответственно увеличиваются, и вскоре можно будет надеяться на появление миллиардеров – если только сохранятся нынешние условия.

Но невозможно, чтобы такое положение вещей продолжалось бесконечно. Даже деятельность естественного закона Причины и Следствия окончательно принесла бы возмездие. Мы не можем также надеяться, что справедливость Бога, которая учредила такой закон, позволит на подобные условия вечно. Бог через Христа искупил наше недостойное человечество, определил его путь, и близок час его освобождения

[377] от самолюбия и всеобщей власти зла (Рим. 8: 19-23).

Следующий отрывок, который взят несколько лет тому назад из одного западного журнала, ясно показывал ситуацию того времени, которая сегодня еще более ужасающа. Он говорил:

"Безработных в этой стране сегодня насчитывается два миллиона. Тех, кто от них зависит, насчитывается, пожалуй, в четыре раза больше.

Возможно, вы слышали об этом раньше. Я лишь хочу, чтобы вы об этом подумали, прежде чем осознаете, что это означает. А это означает, что при "самом лучшем правительстве в мире", с "наилучшей банковской системой, когда-либо известной миру", и со всем иным "самым-самым", с не имеющим себе равных производством продуктов питания и всяких других улучшений и роскоши жизни, одна седьмая нашего населения опустилась до полного нищенства как единственной альтернативы голоду. Люди ходят голодными возле амбаров и элеваторов, заполненных зерном, которое нельзя продать как следует, чтобы вернуть расходы на выращивание. Люди вздрагивают от холода, полураздетые в тени складов, которые буквально ломятся от всякой одежды. Люди зябнут и лишены огня, тогда как сотни миллионов тонн угля легкодоступны в тысячах шахт. Сапожники, которые не у дел, рады бы пойти работать и делать обувь шахтерам в обмен на топливо. Последние также рады бы трудиться в шахтах, лишь бы иметь обувь. Похожим образом полураздетый фермер в Канзас, который не в состоянии продать свою пшеницу, чтобы уплатить счета за сбор и обмолот урожая, охотно обменял бы ее у людей, которые на фабриках на востоке страны прядут и делают ткань, в которой он нуждается.

Страну беспокоит сегодня не отсутствие природных ресурсов. Дело не в отсутствии способности или желания двух миллионов безработных трудиться и производить нужные и полезные вещи. Все дело в том, что орудия производства и средства обмена сосредоточены в руках немногих. Мы только начинаем осознавать, сколь нездорово положение вещей, и будем понимать это все лучше по мере того, как это сосредоточение будет становиться все более серьезным. Люди не имеют работы, мерзнут и голодают, потому что не могут обменять продукты своего труда. Учитывая такие последствия,

[378] разве не находится наша хваленая современная цивилизация довольно близко к полному провалу? Безработные этой страны, уставленные в шеренги по четверо в ряд, шесть футов друг от друга, создали бы строй длиной в шестьсот миль. Те, кто зависит от них в своем существовании, растянулись бы в том же порядке на 2 400 миль. Построенная таким образом армия вытянулась бы от Атлантического до Тихого океана – от Санди Хук до Голден Гейт.

Ежели интеллект человечества не способен придумать лучшей промышленной системы, чем эта, то мы также можем допустить, что человечество потерпело самую большую неудачу во вселенной. [Да, это именно то, к чему ведет божественное провидение: люди должны познать собственное бессилие и истинного Учителя, также как каждого жеребенка надо "сломать", прежде чем он будет полезен.] Самой возмутительной и жестокой вещью на протяжении всех веков является нынешнее стремление содержать промышленную армию, чтобы воевать за наших плутократических царей, не делая ничего для ее содержания в те периоды времени, когда в ее услугах нет необходимости".

Вышеупомянутое было написано в период самой серьезной депрессии, связанной с "дополнениями к тарифам", и, к счастью, не является нормальным состоянием. Однако неизвестно, когда это может повториться. Как бы там ни было, в том же году "Harrisburg Patriot" предложила следующие цифры под названием "Число безработных":

"В Бостоне 10 000 трудящихся не имеют работы; в Уочестере 7 000 безработных; в Нью-Гавен – 7 000; в Провиденс – 9 600; в Нью-Йорк Сити – 100 000. Ютика – маленький городок, но и здесь насчитывается 16 000 безработных. В Патерсон, Нью-Джерси, половина людей не имеет работы; в Филадельфии – 15 000; в Балтимор – 10 000; в Уилинг – 3 000; в Цинциннати – 6 000; в Кливленд – 8 000; в Колумбус – 4 000; в Индианаполис – 5 000; в Терре-Хот – 2 500; в Чикаго – 200 000; в Детройт – 25 000; в Милуоки – 20 000; в Миннеаполис – 6 000; в Сент-Луис – 80 000; в Сент-Джозеф – 2 000; в Омаха – 2 000; в Бьютт Сити, в Монтана, – 5 000; в Сан-Франциско – 15 000".

Ниже приводим отрывок из "The Coming Nation" под названием "Проблема, которую вам следует решить". Он показывает, как очень отчетливо

[379] некоторые люди понимают нынешнюю ситуацию. Тем не менее, все эти голоса предостережения не более чем вторят воодушевленному совету вдохновенного пророка: "Итак, вразумитесь, цари [все, находящиеся так или иначе при власти и полномочиях]; научитесь, судьи земли!" В нем говорится:

"Вы, наверное, согласитесь, что новые машины быстро замещают рабочих. Утверждение, что производство и обслуживание этих новых машин дает занятие известному числу уволенных, не соответствует действительности. Ведь, если бы так было на самом деле, то от использования машин не было бы никакой прибыли. Факт, что сотни тысяч людей сегодня бездействуют, потому что машины выполняют их прежнюю работу, настолько очевиден, что каждый должен это понять, если только он задумается над этим на минуту. Люди, не имея работы, не покупают столько товаров, как в случае, если б они работали, отчего уменьшается спрос на товары и тем самым создается препятствие большему числу рабочих быть нанятыми, увеличивается число безработных и прекращается дальнейшая продажа.

Что вы собираетесь делать с этими безработными? То, что цены на товары, в целом, становятся ниже, не позволяет этим людям найти работу. Для них нет занятия, так как по той же причине во всех профессиях имеется перенасыщение людьми. Вы не можете их убивать (если только они не бастуют), и им некуда идти. Я спрашиваю со всей серьезностью: что вы собираетесь с ними делать? Если опытные фермеры попадают в банкротство, то какой смысл для них заниматься делом – даже если у них имеется земля?

Эти люди умножаются, как листья в лесу. Их насчитываются миллионы. Для многих из них нет никакой перспективы найти занятие, а если удастся найти, то только заняв место других, сегодня еще работающих, но которые в то время пополнят число безработных. Возможно, вы подумаете, что это не ваше дело, что с ними будет. Но, дорогой сэр, это как раз ваше дело, и вскоре вы это поймете. Это разговор, от которого нельзя уклониться, повернувшись на каблуке или отказавшись слушать. Именно так решил однажды народ Франции и получил урок другим образом – даже если нынешнее поколение позабыло этот урок. Нынешнее поколение в Соединенных Штатах должно найти решение данного вопроса, и какое-то решение, пожалуй, найдет. Это может быть

[380] сделано мирно, с любовью и по справедливости, а может найтись человек верхом на лошади, растаптывая права всех, наподобие того, как вы сегодня безразлично взираете на то, как попирают права некоторых. Повторяем, вам придется найти ответ на эти вопросы буквально в течение всего нескольких лет.

Народ Франции получил предупреждение, однако люди не могли внять этому, глядя на увеселения прогнившей королевской власти. А вы сможете внять? Или может происходящему будет позволено беспрепятственно продолжаться, пока пять или шесть миллионов не потребуют хлеба или ржавого оружия? Скорбь, когда она придет, усилится в Соединенных Штатах во стократ вследствие общественных условий, которые господствовали здесь на протяжении столетия. Любовь к свободе сделалась непоколебимой, вскормленной ненавистью к царям, тиранам и гонителям. Никакая армия или флот, состоящая из выходцев из масс, не может внушать доверия, когда придется стрелять в спину своим отцам и братьям или выполнять приказы титулованных и нетитулованных королей. Понимая, что должно произойти вследствие слишком длительного бездействия миллионов, чьи условия вскоре прочно скрепят узы единства, не думаете ли вы, что вам не безразличны условия, которые они создают? Не лучше ли найти и применить средство, чтобы занять этих людей (пусть даже в общественных мастерских), нежели получить развязку?

Нам известно, чем заняты капиталисты: мы видим, как они готовят военное снаряжение, чтобы управлять массами силой оружия. Но им не хватает ума. Его достаточно только для чванства. Они заимствуют поведение королей, но со временем будут как мякина на ветру. Сама судьба против их поведения. Короли, имея армии, превышающие те, которые необходимы для защиты здешнего капитализма, трепещут перед растущим между людьми влиянием передовой цивилизации, поторапливаемые беспокойством быстро увеличивающейся армии безработных. Справедливость не делает вреда никому, хотя и может лишить грабителей их привилегий. Так давайте же, как граждане, решать и улаживать эту проблему законным путем, не как фанатики, а как граждане, думающие больше о стране, чем о партии, больше о справедливости, чем о королевском золоте”.

Эти резкие слова исходят, очевидно, от того, кто чувствует себя сильным. И таких много. Никто не может отрицать, что в этих обвинениях нет доли истины.

[381]

ЭТИ УСЛОВИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫ И НЕ ПОД СИЛУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ

Эти условия присущи не только Америке и Европе: столетиями миллионы жителей Азии также не знали ничего другого. Одна американская миссионерка в Индии пишет, что у нее сжалось сердце, когда коренные жители спросили ее, правда ли то, что люди у нее на родине могут есть хлеба столько, сколько захотят, да еще трижды в день. Она говорит, что в Индии большинство редко имеет достаточно пищи, чтобы удовлетворить естественные потребности.

Губернатор провинции Бенгал, Индия, говорят, сказал спустя некоторое время после этого: "Половина нашего сельского населения из года в год не представляет себе, что означает полностью утолить свой голод". Те, кто выращивает зерновые, не могут есть столько, сколько требует природа: сперва следует уплатить от этого налог. Десять миллионов жителей Индии ткут хлопковую ткань вручную. Сегодня на побережье техника разрушила их ремесло и не оставила для них ничего, кроме сельского хозяйства на упомянутых уже тяжелых условиях.

Также в Южной Африке, где миллионы долларов были свободно инвестированы во время так называемой "африканской золотой лихорадки", времена "не из легких", когда очень многим, а среди них и образованным, хуже некуда. Следующий отрывок из журнала, Натал, Южная Африка, дает представление о тамошних условиях:

"Те, кто в поисках работы не общался непосредственно с европейскими иммигрантами, имеют мало представления о нищете, которая царит среди этого класса в Дурбан. Тем не менее, приятно узнать, что Комитет по Пособиям при Городском Совете понимает, что из соображений человечности он имеет долг перед этими несчастными, которых выбросило на здешний берег. Во время беседы на этой неделе с м-ром Р. Джеймисоном, его неутомимым руководителем, который вложил сердце и душу в данное благотворительное начинание, я убедился, что общественные работы в Пойнт дают временную занятость для порядка пятидесяти человек. Огорчительно узнать, что люди, которые

[382] учились ведению канцелярских дел, а также опытные ремесленники, вынуждены признать, что "им настолько не повезло", что они с большой охотой принимают денежное пособие от Корпорации и кров взамен за восемь часов перелопачивания песка под палящим солнцем.

В то же время свободных мест нет, и на частые обращения приходится давать отказ. Время от времени председатель комитета находит, путем объявлений и тому подобное, работу для тех мужчин, которые что-то понимают в торговле или ручном ремесле. Созданные таким образом вакансии в бригаде пополняются из рядов тех, кто до этого безуспешно давал заявку. Кроме работающих в бригаде, имеется значительное число мужчин, блуждающих по городу в напрасных поисках работы. Очень скоро они попадают к приветливому помощнику мэра, который делает для них все от него зависящее. Но, к сожалению, и это часто заканчивается неудачей. Если работодатели, имеющие вакансии, дождутся м-ра Джеймисона, они смогут получить исчерпывающую информацию о безработных, находящихся в его списке. Надо иметь в виду, что никто из этих мужчин, по сути, не является жителем Дурбан, а все они прибрели сюда в поисках занятия из разных частей Южной Африки. В этом Дурбан никак не является исключением, так как имеются слишком явные доказательства, что похожие плачевные условия существуют везде.

Как уже обращалось внимание, многие, спрашивающие место в бригаде, работающей на общественных началах, это люди, привыкшие сугубо к канцелярскому делу. Не лишним будет подчеркнуть, что для таких нет абсолютно никаких шансов в Натал, где рынок всегда перенасыщен. Однако если бы предоставлением временного трудоустройства занималась Корпорация, лишений в городе, пожалуй, было бы значительно больше. В целом отношение людей к бригаде общественных работ является весьма примерным и гарантирует продолжение политики, принятой Советом. Однако чем, спросит кто-то, занимается Благотворительное Общество? Эта прекрасная институция предлагает помощь только гражданам и их семьям и, как обычно, имеет полные руки – если не денег, то, во всяком случае, неотложных дел".

[383] Но разве не могут умные люди, которые все это видят, предпринять шаги для предотвращения краха их ближних, менее привилегированных или менее знающих? Разве они не видят, что верхние жернова подвигаются на опасно близкое расстояние к нижним, и массы, которые обязаны протиснуться между ними в конкуренции, остро чувствуют давление и должны почувствовать его еще больше? Разве благородные сердца не обеспечат облегчения?

Нет. Большинство, обладающее фортуной или мастерством, настолько поглощено тем, что "делает деньги" для себя, направляя как можно больше "помола" в свои собственные мешки, что оно не осознает истинной ситуации. Правда, они слышат стоны менее удачливых и нередко даже великодушно помогают им, но поскольку число неудачников растет значительно быстрее, многие начинают чувствовать, что дать облегчение всем невозможно. Они привыкли к нынешним условиям, обратились к тому, чтобы наслаждаться собственным уютом и особыми привилегиями и позабыли на какое-то время или проигнорировали хлопоты своих ближних.

Но есть и некоторые, находящиеся в хорошем положении и понимающие более-менее ясно истинную ситуацию. Кое-кто из них, без сомнения, занимается производством, владеет шахтами и т. д. Они способны видеть трудности и желают, чтобы дела шли по-другому, стремясь помочь изменить их. Но что они могут сделать? Они могут сделать очень мало – разве что помочь облегчить самое большое горе своих ближних и родственников. Они не могут изменить нынешний устав общества и разрушить даже частично систему конкуренции. Они понимают, что миру можно причинить вред, если полностью упразднить конкуренцию, не поставив на ее место какую-то другую силу, чтобы высвободить энергию ленивых по природе.

Очевидно, что ни один человек или группа людей не в состоянии изменить нынешний общественный строй; но Господней силой и Господним путем, как это указано в Священном Писании, это [384] может быть и будет изменено в будущем в совершенную систему, основанную не на самолюбии, а на любви и справедливости. А чтобы привнести это, следует полностью ниспровергнуть нынешние условия. Молодое вино не будет влито в ветхие мехи, и новая заплата не будет приставлена к ветхой одежде. Поэтому, сочувствуя одинаково бедным и богатым в близких скорбях, мы можем молиться: "Да придет Царство Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе", даже если оно будет введено "огнем Божьего негодования", для которого "элементы" уже приготавливаются на наших глазах.

[385]

ГЛАВА VIII - ВОПЛЬ ЖНЕЦОВ

Консервативный элемент общества – Крестьяне, фермеры – Новые условия в христианстве – Аграрная агитация – Ее причины – Золотой и серебряный стандарты как факторы – Исполнение предсказания Священного Писания – Все это имеет отношение к битве Великого Дня

"Ни серебро их, ни золото их не может спасти их в день гнева Господа" (Соф. 1: 18).

ВДУМЧИВЫЙ исследователь истории, держась нашей темы и отмечая правдивость представленных фактов и логичность принятых выводов, все еще может чувствовать неуверенность относительно исхода. Он может сказать себе: "Автор забывает, что в цивилизованных и полуцивилизованных странах имеется большой, господствующий общественный элемент, очень консервативный, который всегда составлял хребет общества, – фермеры". Нет, нет, мы не забыли об этом факте и признаем его важность. Оглядываясь назад, мы видим, что Европа не раз билась бы в конвульсиях революции, если бы не этот самый консервативный элемент. Мы видим, что революции во Франции начинались и велись преимущественно рабочим классом больших городов, и что элементом, который впоследствии приносил спокойствие и мир, был консервативно настроенный крестьянин-фермер. Не составляет труда определить причины такого состояния вещей. (1) Жизнь фермера содержит меньше волнений и недовольства обществом. (2) Его ум меньше занят выгодами богатства, и

[386] его стремление к богатству и роскоши сравнительно пассивно. (3) Он так или иначе связан с землей и привык зависеть только от нее, полагаясь на естественное вознаграждение за труд. (4) Уровень образования и последующее умственное пробуждение и активность фермеров до сих пор были довольно ограниченными. Как следствие всех этих условий, на фермерский класс цивилизованного мира долгое время указывали как на пример скромного процветания и удовлетворенности.

Однако последние тридцать лет стали свидетелями удивительной перемены в делах фермеров – перемены, очень полезной во многих отношениях. Фермеры Соединенных Штатов, Канады, Великобритании и Ирландии всегда находились в других условиях, чем фермеры остального мира. Они не являются ни крепостными, ни крестьянами, ни малообразованными, ни бестолковыми – нет, они интеллигентны, даже если у них нет образования. Затем, Гражданская война в Соединенных Штатах повлияла на то, что она собрала вместе представителей каждой части страны и мигрантов со всего мира, и это принесло некий вид образования – знание вещей и дел. Это высвободило идеи фермеров более полно, чем когда-либо, из колеи столетий и привело в соприкосновение и к взаимопониманию с чувствами и стремлениями, которыми движима городская жизнь. Как результат, ветхие бревенчатые школы не могли больше удовлетворить честолюбия сельских парней и девушек, и вместе с ростом числа высших школ, колледжей и семинарий наступил также рост количества печатных материалов (прежде всего газет), что оказалось знаменательным фактором в развитии народа Соединенных Штатов – тех, кто родился заграницей, и коренных граждан. Как следствие, в здешнем сельском хозяйстве было применено многое из способов и методов, характерных для деловой жизни города, вместе с множеством изобретений, которые имели целью облегчить изнурительный труд фермера и в огромной степени увеличить продукцию этой земли. Как

[387] результат этих условий, не только резко выросло сельское население, но и население городов не отстало от него, тем не менее, мы можем, кроме снабжения продуктами питания наших собственных девяносто миллионов, предоставить остальному миру ежегодно фермерской продукции почти на восемьсот миллионов долларов – приблизительно восемь десятых нашего общего экспорта. Еще двадцать пять лет тому назад это означало большое процветание для американских фермеров. Вместе с этим процветанием к фермеру пришла доля в жизненных удобствах, в общем стремлении к богатству и роскоши, и, окончательно, определенная мера недовольства своими условиями, которые, тем не менее, во многих отношениях превосходят условия фермеров в других частях мира.

Между тем Франко-Прусская война возымела довольно похожее влияние на народы Франции и Германии (хотя и в значительно меньшей степени), но их пробуждение наступило по-другому. Вражда между Францией (завоеванной) и Германией (завоевателем), возобладавшая после войны между ними, побудила обе страны, а косвенно также Италию, Австрию и Россию, создать войсковую систему обучения, которая обязывает каждого молодого человека этих стран, вынуждая его изучать войсковую тактику и дисциплину, а также попутно общаться с большим числом ему подобных. Всем этим достигается весьма полезное воспитание. Кроме того, в казармах определенное количество часов отведено изучению книг. Хотя содержание этих регулярных армий казалось ужасным преступлением против людей упомянутых народов, отстраняя (на период от одного до трех лет) от участия в семейной жизни каждого члена общества мужского пола, тем не менее, мы верим, что это оказало замечательное влияние на их просвещенность. Упомянутые народы пробудились, воодушевились и наполнились честолюбивыми стремлениями как никогда раньше. Естественно, в меру того как пришло просвещение и

[388] некоторое знакомство с удобствами, комфортом и роскошью городской жизни и богатства, в определенной степени выросло и недовольство – чувство, что другие преуспевают больше и что следует внимательно высматривать удобный случай для улучшения своих условий, что привело также к моральным упущениям.

В то же время исчезают оковы религиозного невежества и суеверия, хотя влияние папства и православной церкви все еще очень велико. И хотя только половина верит, что священник, епископ и папа имеют власть отправить в чистилище или на вечные мучения, или впустить на небеса, их власть по-прежнему уважают, и ее в большой степени боятся. В целом, однако же, с религиозной точки зрения все классы претерпели огромные изменения. Тенденция среди протестантов, словно маятник, качнулась к противоположной крайности, так что массы протестантов лишились многого из истинного почитания, хотя формы набожности и благочестия все еще соблюдаются. Так называемая "высшая критика" и теории эволюции практически уничтожили уважение к Слову Бога. Эти теории, сливаясь сегодня с восточной теософией, ведут к крушению истинной христианской веры сотен тысяч в Европе и Америке.

Следует отметить, что все эти влияния на протяжении нескольких лет уже ведут к изменению поведения класса, до сих пор известного как "независимые консервативные крестьяне христианства". И сегодня, в это критическое время, мы видим некое могущественное влияние, которое медленно, но уверенно, действовало и действует, разрушая благополучие консервативного класса. На протяжении последних двадцати лет фермеры различных цивилизованных народов обнаружили, что в жизни все труднее добиться правоспособности или своей доли в удобствах и роскоши. Правда,

[389] цены на их продукты в последнее время пошли несколько вверх. Но поскольку стоимость усовершенствованной техники и пр. намного выше, им остается надеяться, что рост производства более чем возместит это, а также, что цены со временем так или иначе зафиксируют нужное соотношение вместо того, чтобы колебаться и приносить им постоянный убыток.

В то самое время как американского фермера осаждали подобные условия, его европейскому брату жилось еще хуже, потому что его условия были менее благоприятными: (1) Для начала он имел, как правило, арендованную ферму, к тому же сравнительно меньших размеров. (2) У него не было похожих средств для приобретения более совершенной техники. Исходя их этого европейский фермер никак не мог компенсировать каждое падение цен на пшеницу путем производства большего количества. Соответственно, он пострадал больше своего американского брата, разве что решил заняться выращиванием сахарной свеклы.

Философы, государственные деятели и ученые уделяли данному предмету некоторое внимание и в большинстве случаев поспешили прийти к выводу, что каждое падение цен на пшеницу – целиком результат "перепроизводства". Считая, что правильный ответ ими найден, они на этом остановились. Однако некоторые, более осторожные, изучили вопрос до конца, проследили статистику и обнаружили, что ошибочно утверждать, будто в зернохранилища мира поступают громадные количества пшеницы для нужд ближайших лет. Наоборот, они обнаружили, что из года в год хранится сравнительно небольшое количество пшеницы, и мир, фактически, производит не больше пшеницы, чем потребляет.

М-р Роберт Линдблом, член Чикагской Товарной Биржи, задался изучением данного предмета и в письме Департаменту Сельского хозяйства правительства Соединенных Штатов, 26 декабря 1895 года, сказал:

[390] “Совокупное производство пшеницы в ведущих странах, выращивающих пшеницу, не увеличилось. Хотя верно то, что некоторые страны-производители пшеницы показывают нерегулярное увеличение, равным образом верно и то, что другие страны показывают соответствующее уменьшение. Чтобы быть абсолютно беспристрастным, возьмем последний урожай, о котором мы имеем полные сведения, то есть урожай 1893 года.

Относительно урожаев за рубежом, я воспользуюсь цифрами, предоставленными специальным зарубежным корреспондентом Товарной Биржи и собранными секретарем Чикагской Товарной Биржи. Что касается экспорта и домашнего урожая, я пользуюсь цифрами вашего департамента. Я вынужден упустить сравнительные данные для Австро-Венгрии, поскольку не располагаю цифрами за 1893 год, но все-таки позволю себе предложить вам официальный отчет, показывающий производство пшеницы всеми ведущими странами в 1893 году по сравнению с 1883 годом:

1893 1883
Англия 53 000 000 76 000 000
Франция 277 000 000 286 000 000
Россия 252 000 000 273 000 000
Соединенные Штаты 396 000 000 421 000 000
Германия 116 000 000 94 000 000
Италия 119 000 000 128 000 000
Индия 266 000 000 287 000 000
Всего 1 479 000 000 1 565 000 000

Из вышеприведенного станет ясно, что в 1893 году ведущие страны-производители пшеницы в мире произвели на 86 000 000 бушелей меньше, чем десять лет назад, тогда как согласно вашим цифрам производство в Аргентине увеличилось за то же время всего на 60 000 000 бушелей. В 1871 году Великобритания произвела свыше 116 000 000 бушелей пшеницы; на протяжении двух лет (предыдущего и последующего) урожай составил 105 000 000 бушелей или 109 000 000 в среднем за три года, тогда как в этом году урожай едва превысил 48 000 000 бушелей – согласно данным от специального зарубежного корреспондента Товарной Биржи, находящегося в Лондоне.

Если бы действительно было так, что на место Соединенных Штатов приходят

[391] конкуренты по выращиванию пшеницы, то из этого логически следовало бы, что экспорт из этой страны в Европу будет меньше. Однако до 1890 года (включительно) экспорт в среднем составил 119 000 000 бушелей, тогда как в 1891 году экспортировано 225 000 000 бушелей, в 1892 году – 191 000 000 бушелей, в 1893 году – 193 000 000 бушелей и в 1894 году – 164 000 000 бушелей, то есть вряд ли это факт, что мы задерживали нашу пшеницу, а другие страны от своей избавлялись. Факты противоречат подобному утверждению, и если для подтверждения потребуется еще что-то, ваш Департамент обладает информацией, что в марте запасы, имеющиеся у фермеров, были невелики. У меня нет статистики относительно урожая в Австралии, о котором так много говорили несколько лет тому назад, но у меня есть данные об экспорте из этой страны за 1893 год, свидетельствующие о 13 500 000 бушелей, тогда как десять лет до этого они составляли 23 800 000 бушелей, а в 1894 и 1895 годах Австралия импортировала пшеницу из Америки.

Я ничего не сказал о возросшем потреблении, которое за прошлое десятилетие достигает в Англии 18 000 000 бушелей, а в этой стране, за тот же период, увеличение составляет не менее 50 000 000 бушелей, и рост отмечен в каждой стране, за исключением Франции, чего более чем достаточно, чтобы абсорбировать любое возросшее производство в мире".

Какова бы не была причина таких понижений цен на пшеницу (а мы могли бы отметить, что за последние три года временное улучшение намечается, очевидно, потому что фермер, обнаруживая цену на пшеницу сравнительно более низкой, чем на другие зерновые, засевает больше площадей овса, кукурузы, ржи и т. п.), факт таков, что из фермеров, можно сказать, выжали саму жизнь и в Европе и в Америке. Многие американские фермеры, которые задолжали за сельскохозяйственную технику или работают под закладной на их ферму или дом (на покупную стоимость), не видят возможности рассчитаться с платежами за них даже в те годы, когда урожаи довольно хорошие. Они выражают протест против держателей закладных, а также, что нередко является несправедливым, против тарифов, предлагаемых железными дорогами на

[392] перевозку их урожая. Европейские фермеры обращаются к своим нескольким правительствам за "защитой" от импорта пшеницы из других стран для того, чтобы они могли поддерживать или поднимать цены и покрывать реальную стоимость продукции, утверждая (и это должен признать всякий рассудительный человек), что пятьдесят или шестьдесят центов за бушель пшеницы находится ниже стоимости – если иметь ввиду обоснованное вознаграждение за время и усилия сельского труженика.

Это приводит на мысль весьма меткое пророчество относительно заключительных дней этого Евангельского века, записанное апостолом Иаковом (Иак. 5: 1-9). Обратив сперва наше внимание на сегодняшний день и на его удивительное нагромождение богатства, а также констатировав, что эти вещи вскоре должны привести большое время скорби, апостол называет непосредственную причину скорби – беспокойство до сих пор консервативного класса общества, фермеров. Он обращает внимание на точно такое же положение вещей, какое сегодня могут видеть все внимательные наблюдатели, дополняя в пояснение дела, что все это результат обмана. Он говорит:

"Вот плата, удержанная вами ["богатыми"] у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа".

В предыдущей главе мы убедились, что механики и труженики в городах уже страдают от этого до некоторой степени, однако их действительные страдания пока происходят преимущественно от боязни намного худших условий, развивающихся при нынешних общественных условиях изо дня в день вместе с ростом знаний, техники и населения. Цивилизованному фермеру не только приходится противостоять всему этому, но, как будет нами показано, он сегодня обременен "обманом", который в случае его брата-механика приносит скорее пользу, чем вред.

Рассматривая относящиеся к этому факты, мы не можем допустить, будто трудящиеся вообще, и сельские труженики в частности,

[393] лишены в эти "последние дни" этого века обманом своего заработка работодателями. Даже наоборот, мы видим, что в защите наемного рабочего от потерь законы более строги, чем когда-либо раньше. Он может придержать для себя или продать собственность своего нанимателя и в большинстве случаев действительно имеет приоритет у кредиторов. Мы верим, что пророчество скорее всего относится к фермерам в целом, являющимся мировыми производителями продуктов питания, к "жнецам", и нам следует поискать за неким общим, всемирным законодательством, которое бы везде одинаково затрагивало всех этих "жнецов". Будем рассчитывать на то, что мы обнаружим такое законодательство, которое достигнуто обманом, хитростью, и на то, что мы обнаружим ловкую законодательную инициативу, узаконенную "ложь", устроенную богатыми мира сего для своей выгоды. Лишь подобная находка, полагаем мы, и ничто другое, будет отвечать требованиям настоящего пророчества. Мы полагаем, и будем стремиться это доказать, что всем этим требованиям пророчества отвечает демонетизация серебра.

Но пусть никто даже на миг не подумает, что мы побуждаем или надеемся, что серебро вернется к своему прежнему положению основных денег в мире, и еще меньше мы предлагаем это в виде панацеи для нынешних и будущих хлопот! Как раз наоборот, мы твердо убеждены из пророчества ап. Иакова, что серебро не будет восстановлено к своей монетарной власти. Однако мы действительно стремимся показать исполнение этого пророчества, чтобы все желающие возымели пользу от света, которое оно проливает на нынешние и грядущие хлопоты мира.

Демонетизация серебра христианством на пользу одним классам и невыгодна некоторым другим классам "христианства".

Она невыгодна тем, кто выращивает пшеницу, рис и хлопок, так как они вынуждены продавать эти плоды своих усилий, конкурируя с продуктами из стран, ведущими бизнес на основе серебра, поэтому продают, по сути, за обесценившееся серебро, тогда как их земля, орудия, одежда, труд и

[394] проценты по закладных на их собственность подлежат уплате в более ценном золоте. Если они получают плату серебром и выплачивают ту же сумму золотом, то теряют ровно половину – когда золото вдвое дороже серебра. В 1873 году, до того как серебро подверглось демонетизации народами христианства, серебряный доллар стоил на два цента больше, чем золотой доллар, тогда как сегодня, в результате данного законодательства, нужны два серебряных доллара, чтобы сравниться с золотым долларом (в реальной стоимости за пределами того народа, который печатает и использует их как фиксированную стоимость в виде банкнотов). Такой обмен можно именовать ревальвацией или двойным увеличением стоимости золотого доллара, а также обесценением или делением стоимости серебряного доллара (как какому оратору или писателю больше нравится), но факт остается тем же. Стоимость бушеля пшеницы

в 1872 году была в серебре $1,51 за бушель, в золоте $1,54
в 1878 году была в серебре 1,34 за бушель, в золоте 1,19
в 1894 году была в серебре 1,24 за бушель, в золоте 0,64

Так вот, оказывается, за эти годы пшеница незначительно подешевела в странах, которые по-прежнему признают серебро (в христианстве), поскольку падение в цене произошло в золоте. Англия, основной покупатель пшеницы, приобретает большую ее часть за свои деньги где только может. Затем, превращая золотой доллар в два серебряных, она может покупать в Индии вдвое больше пшеницы, чем до демонетизации серебра. Таким образом, цена пшеницы в золоте была понижена. Выращивающие в Соединенных Штатах рис или хлопок пострадали подобным образом и по тем же причинам. Рис и хлопок производится в странах с серебряным стандартом и затем может покупаться странами с золотым стандартом на том же основании – за половину прежней цены.

В связи с этим производителей других сельскохозяйственных культур постигли те же проблемы, поскольку выращивающие пшеницу, хлопок и рис, напрасно попытавшись компенсировать понижение цен увеличением урожаев, в конечном итоге в отчаянии вернулись к другим культурам, которые не подешевели так сильно, огорчившись перепроизводством.

[395] По той же причине испытывают трудности небольшие магазины, и окончательно все классы обязаны в какой-то мере почувствовать ношу фермера.

Но какие классы получают пользу от демонетизации серебра? Несколько: (1) Особенно и прежде всего банкиры, кредиторы и держатели закладных, поскольку каждый доллар их богатства удвоился в стоимости, а каждый доллар процентного дохода, получаемый ныне, стоит вдвое больше того, что стоил прежде – вдвое больше в том смысле, что за него можно приобрести вдвое больше предметов жизненной необходимости и роскоши. (2) По тем же причинам имеют пользу все лица с фиксированной прибылью, такие как конгрессмены, законодатели, судьи, клерки и все рабочие, получающие заработную плату. Получают ли они десять долларов в неделю, в день или в час, за эти десять долларов они смогут купить вдвое больше хлопка, шерсти, пшеницы и т. п., и в конечном итоге почти вдвое больше изделий из них.

Когда вопрос серебра был поставлен в известность народу Соединенных Штатов фермерами, которые первыми обнаружили причину своих бед, какое-то время казалось, что эта тема захлестнет страну во время выборов 1896 года. Однако в данном вопросе каждый стремился блюсти собственные интересы: класс богатых, класс власть имущих, класс клерков и рабочие начали понимать, что их хлеб намазан маслом с золотой стороны; владельцы магазинов и преуспевающие фермеры традиционно подвергли сомнению свои собственные суждения и последовали за своими банкирами – вопреки собственным интересам. Вот так серебро потерпело поражение в народе, для интересов которого оно являлось наиболее жизненно важным, – в единственном народе, который, благодаря своему характеру и объему своего экспорта и импорта, мог склонить чашу весов обратно и вернуть серебро к его прежней стоимости как денег.

Но сейчас дело безнадежно: серебро уже не вернуть на место, потерянное им в 1873 году. Сегодня это вопрос чистого самолюбия, и хотя фермеры, как класс, многочисленнее

[396] всякого другого класса, они не составляют большинства, тогда как почти все другие самолюбиво заинтересованы противоположной стороной вопроса. Бедные фермеры! Бедные жнецы полей! Ваши вопли нескольких последних лет утихли на короткое время благодаря искусственному поднятию цен – небольшой передышке, за которой вскоре последует большее, чем когда-либо, угнетение и еще более громкие вопли жнецов христианства. Вот так расшатывается и разрушается терпение и консерватизм самого терпеливого и консервативного класса общества – как дальнейшее приготовление к великому времени скорби, великому дню мщения.

Но как произошла демонетизация серебра? Кто мог быть заинтересованным в том, чтобы привести на мир такую катастрофу? Отвечаем: Первыми были финансисты. Это "их бизнес" делать деньги и обращаться с ними таким образом, как фермер занимается своей фермой, – приносить для себя, своих синдикатов и учреждений как можно большую прибыль. Английские финансисты являются ведущими в мире, ведь они и в бизнесе дольше и изучили его больше.

"На войне все дозволено" – вот их девиз, поэтому финансисты и государственные деятели Англии, которые, кажется, пробудились в этом деле на пятьдесят лет раньше остального мира, вероятно считают, что торговая война находится на повестке дня и более прибыльна для победителей, чем работорговля прошлого и грабительские походы. Британцы быстро поняли, что при сравнительно небольшой территории их самое большое преуспевание должно быть в направлении финансирования и производства не только для себя, но, насколько это возможно, и для остального мира. Ее общественные деятели тщательно следовали такому плану. Имея возможность производить в то время дешевле, чем в остальном мире, они приняли стратегию, наиболее благоприятную для их собственных интересов (свободной торговли), и с тех пор навязывали ее цивилизованному миру как политику. Эти условия

[397] долгое время делали Великобританию не только мастерской мира, но и его торговым, денежным и банковским центром.

Почти столетие тому назад искушенные британские финансисты заметили, что поскольку они не являются сельскохозяйственным народом, то в их интересах понизить цены на сельскохозяйственные продукты, которые они вынуждены покупать у окрестных народов. Ими замечено также, что серебро являлось основными деньгами в мире и что таковыми оно было с самого начала истории. Поэтому, если бы им удалось осуществить изменение в их денежном стандарте таким образом, чтобы они вели бизнес на основе золота, тогда как остальной мир пользовался бы серебром, то им удалось бы изменить относительную стоимость обоих металлов в свою пользу. В результате Великобритания провела демонетизацию серебра еще в 1816 году. Если бы ей удалось воспрепятствовать производству в других странах, что она стремилась делать, и тем самым (благодаря наличию огромных фабрик, оборудования и опытных рабочих) добиться производства хлопка, шерстяных изделий и техники по более низким ценам, чем это можно было делать в остальном мире, где отсутствует техника, она бы успешно отделила свои деньги от денег остального мира и в конечном итоге получила бы от этого огромную пользу. Но ей не удалось достичь полного успеха ни в одном из этих направлений: Франция и, прежде всего, Соединенные Штаты, а позже и Германия ввели покровительственные пошлины и тем самым посодействовали машиностроительным отраслям внутри своих границ, постепенно получив возможность удовлетворять не только большинство своих собственных потребностей, но и конкурировать с Великобританией в мировой торговле. Индия, Китай, Испания, Португалия, Южная Америка, Россия – все эти страны, как нами замечено, по очереди стремятся следовать тем же путем и развивать собственное производство. Тем не менее, Великобритания по-прежнему занимает ведущее место в мировом производстве и торговле. Ей также не

[398] удалось добиться разделения золота и серебра, долгое время признаваемых общими деньгами в мире. Действительно, хотя соотношение между этими двумя металлами на протяжении более шестнадцати лет составляло по стоимости примерно шестнадцать (серебра) к одному (золота), тенденция в случае серебра была, пожалуй, к удорожанию, а золота, соответственно, к обесцениванию, потому что в мире серебро являлось деньгами, обычно находившимися в пользовании, и люди предпочитали его золоту, за исключением Великобритании. Поэтому неудивительно, что в 1872 году, как показывает статистика, серебряный доллар имел превышение более чем в два цента над золотым долларом.

Осознавая, что в одиночку они не могут контролировать ни золото, ни производителей, британские финансисты обратились за содействием к Соединенным Штатам и Европе, надеясь, что их совместными усилиями золото и серебро будут разделены в стоимостном отношении, отчего золото вырастет в цене. В результате общих усилий цивилизованных народов по демонетизации серебра, как денег установленной пробы, результат будет следующим:

(1) В цивилизованных странах серебру надлежит стать товаром исключительно купли-продажи, а, значит, стать дешевле золота, (установленный) стандарт которого будет увеличиваться в меру того, как серебро будет падать в цене. Это позволит цивилизованным странам покупать по своему усмотрению хлопок, пшеницу, каучук и другое сырье у малоцивилизованных народов за обесценившиеся деньги, серебро, и тем самым получать их дешевле – за полцены, – одновременно вынуждая бедных язычников платить за все предметы роскоши, технику и т. п., покупаемые у цивилизованных народов, двойную цену, потому что серебряный доллар язычника подвергся демонетизации и был понижен до половины доллара законодательством его цивилизованных братьев христианства под руководством "Шилоков", известных также под именем "финансисты". Подобное использование цивилизованных умов для получения пользы от язычников оправдывается "строгим бизнесом". Но была ли это (с божественной точки зрения) справедливость или все-таки это был обман? Конечно же, для своего ближнего-язычника они не делали того, что хотели бы, чтобы он делал для них.

[399] (2) Хотя во внешней торговле это поставило бы все цивилизованные народы на тот же уровень, на котором находится Великобритания, однако та понадеялась, что, обладая ведущим положением, она всегда сможет иметь больший удел в зарубежной торговле.

Что касается пшеницы, мы вовсе не игнорируем закон спроса и предложения: мы подтверждаем его действие, но показали, что до сих пор в мире нет перепроизводства. На самом деле, из статистики м-ра Линдблома мы убедились, что поставки зерна даже не поспевают за увеличением населения в мире. Затем, мы отмечаем, что хотя 1892 год был известен как год, в котором выращен самый большой урожай пшеницы за всю мировую историю, средние цены на пшеницу в Нью-Йорк Сити составляли в том году 90 центов за бушель. С тех пор из-за меньших урожаев цена постоянно понижалась, пока искусственно не была повышена на протяжении нескольких последних лет.

Скачок цен можно отнести на счет некоторых исключительных условий, преобладающих во всем мире. Урожаи пшеницы в России, республике Аргентина, Австрии, Венгрии и других странах могут быть значительно ниже среднего, тогда как в Индии, которая обычно имеет большой излишек пшеницы для экспорта, может случиться голод, который затронет 35 000 000 ее населения, отчего потребуется американская пшеница, чтобы восполнить имеющийся недостаток. Такое положение вещей в прошлые годы – скажем даже в 1892 году, с самым большим урожаем, когда-либо известным миру, – вероятно подняло бы цену пшеницы до отметки 1, 30 доллара за бушель (так как унция серебра в 1892 году по-прежнему стоила 87 центов золотом), тогда как при денежных условиях, господствующих в 1873 году, стоимость пшеницы в мире в 1896 году поднялась бы до той цены, за какую ее продают Индии – приблизительно 1, 90 доллара за бушель (серебром). Более того, рассматривая этот вопрос, мы обязаны принять во внимание факт, что хотя за последние тридцать лет цена пшеницы существенно упала по некоторой причине (не зависевшей, как мы поняли, от перепроизводства), цены на другие товары уменьшились весьма незначительно.

[400] Сравним, для примера, 1878 и 1894 годы, имеющие средние показатели. Следующие выдержки дают представление об усредненных ценах в Нью-Йорк Сити за эти годы:

1878 1894
Рожь, за бушель $ 0, 65 $ 0, 68
Овес, за бушель 0, 33 0, 37
Кукуруза, за бушель 0, 52 0, 51
Листовой табак "Кентаки", за фунт 0, 07 0, 095
Свежая говядина, оптом 0, 0525 0, 055
Свежая свинина, оптом 0, 0425 0, 055
Сено, за тонну 7, 25 8, 50

Сравним с ними три других вида продукции (пшеницу, хлопок и серебро), пострадавшие особым и весьма похожим образом, да еще, очевидно, по той же причине – от демонетизации серебра христианством.

1878 1894
Хлопок, за фунт $ 0, 11 $ 0, 07
Пшеница, за бушель 1, 20 0, 61
Серебро, за унцию 1, 15 0, 635

А не может ли быть так, скажет кто-то, что демонетизация серебра была навязана народам христианства законом спроса и предложения? Не потому ли оно упало в цене, что его стало слишком много, и никакой это не заговор с целью увеличить стоимость золотых денег?

Нет, отвечаем мы. Хотя золота и серебра выпущено в последнее время много, рост общего предпринимательства и населения оказался намного большим. Всего золота и серебра в мире, если отчеканить его в виде монет, будет совершенно недостаточно для мирового бизнеса, и потребуется восполнение его правительственными, банковскими и коммерческими билетами, расчетными сертификатами и др. Только кредитор заинтересован наличием дефицита законных платежных средств, чтобы всегда иметь хороший спрос на них и возможность давать взаймы под хороший процент и требовать двойных

[401] гарантий. В 1896 году всего золота в мире, чеканного и нечеканного, насчитывалось менее шести миллиардов долларов (6 000 000 000 дол.), в то время как общественный и частные долги Соединенных Штатов более чем втрое превышали эту сумму. Россия до 1873 года пыталась на протяжении нескольких лет вернуться от обесценившихся бумажных денег к серебряному стандарту, но поскольку она не могла найти достаточно серебра, то по-прежнему основывается на бумажных знаках. Мы упоминаем это, чтобы показать, что падение серебра было продумано заранее; что подобное было вызвано не законом спроса и предложения (в 1872 году на серебро было больше спроса, чем на золото, что принесло превышение его цены над золотом), а законодательным путем.

Но мыслимо ли, чтобы представители всех народов "христианства" вошли в сговор против язычников и против своих собственных фермеров? Нет, факты не подтверждают подобного заключения, а скорее указывают на то, что власть денег (которую мы будем именовать "Шилок") придумала план с целью обмануть законодателей и добиться нужных результатов. Мы имеем свидетельство князя Бисмарка и многих конгрессменов Соединенных Штатов по этому поводу. Вот так, "обманом", тонкое острие законодательства было вставлено промеж двух половин имеющихся в мире денег с намерением обесценить серебро и удвоить стоимость золота. И сегодня, когда зло обнаружено, государственные деятели приходят в ужас от размеров такого раскола и осознают, что восстановление серебра к его первоначальному положению приведет к трудностям и потерям среди класса кредиторов взамен за ущерб и потери, уже понесенные классом дебиторов в результате снижения ценности серебра. Кроме того "Шилок", получив столь неоценимую пользу (удваивая стоимость всей своей собственности и прибыли), скорее позволит обществу попасть в конвульсии паники или революции, чем утратить свой контроль над финансовым пульсом человечества. "Шилок" обладает силой навязать свои требования. Он контролирует многочисленный класс заемщиков,

[402] являющихся просителями у его банковских прилавков: он контролирует национальные правительства, все из которых – заемщики, а также контролирует прессу, при помощи которой общественность поощряют доверять чести и добросердечию "Шилока" и бояться его гнева и власти. Вдобавок к этому, очень большой и влиятельный класс имеющих оклад должностных лиц, клерков и опытных рабочих обнаруживает, что его интересы совпадают с политикой "Шилока". Не являясь его сторонниками, они безразличны или холодны в своей оппозиции к его политике и склонны говорить против него мало или не говорить ничего.

Из многих свидетельств относительно проявленного мошенничества и обмана достаточно будет вспомнить несколько:

Сенатор Турман сказал:

"Когда законопроект находился на рассмотрении в Сенате, мы думали, что это всего-навсего очередной билль для реформирования эмиссии денег, упорядочения чеканки монет и урегулирования чего-то там еще. И, полагаю, не было ни одного человека в Сенате, за исключением того или иного члена комитета, от которого поступил этот законопроект, который имел бы малейшее понятие, что это было хотя бы кивком в сторону демонетизации". Протоколы Конгресса, том 7, часть 2, Конгресс сорок пятого созыва, вторая сессия, стр. 1 064.

30 марта 1876 года, во время высказывания в Сенате замечаний сенатором Боги по поводу упомянутого билля (S. 263) "Внесение поправок к законам, касающимся серебряных монет как законного платежного средства", сенатор Конклинг с удивлением спросил:

"Может сенатор позволит мне задать ему самому или любому другому сенатору вопрос? Правда ли, что по закону уже не существует американского доллара? А если так, то правда ли, что целью этого законопроекта является сделать монеты в полдоллара и четверть доллара единственными серебряными монетами, которыми можно пользоваться как законным платежным средством?"

Сенатор Аллисон сказал 15 февраля, 1878 года:

"Если поведать загадочную историю этого законопроекта 1873 года, она откроет факт, что Палата Представителей собиралась печатать одинаково золотые и серебряные монеты, намереваясь разместить оба металла по принципу, существующему во Франции, а не нашему собственному, поскольку тот являлся истинно научным методом на

[403] время обсуждения данного предмета в 1873 году, однако данный законопроект затем был подделан".

Уваж. Уильям Д. Келли, который ведал данным законопроектом, в своей речи перед Палатой Представителей, 9 марта 1878 года, сказал:

"Относительно обвинения, что я защищал законопроект, который привел к демонетизации стандартного серебряного доллара, скажу, что, как председатель комитета по чеканке монет, я не имел представления о факте, что законопроект изымет серебряный доллар из нашей монетарной системы, так же, как не знали об этом известные сенаторы м-ры Блейн и Вурхис, бывшие в то время членами упомянутой Палаты, каждый из которых несколько дней спустя переспрашивал другого: "Вы знали, что он исчезнет, когда билль будет принят?" "Нет, – говорил м-р Блейн, – а вы?" "И я не знал, – отвечал м-р Вурхис, – я вообще не думаю, что в Палате было хоть трое человек, которым это было известно".

Опять же 10 мая 1879 года м-р Келли сказал:

"Все, что я могу сказать, это то, что комитет чеканных денег и единиц измерения, представивший первоначальный вариант законопроекта, был компетентным, заслуживал доверия и внимательно рассмотрел его. Являясь его членом, я доложил об этом, то есть, что он содержал условия одинаково для стандартного серебряного доллара и для коммерческого доллара. Я до последнего времени ничего не слышал о том, что в Закон о замещении в Сенате была вставлена статья, изымающая стандартный доллар, и признаюсь, что не знаю ничего об этой истории. Но я готов сказать, что во всем законодательстве этой страны нет тайны, равной демонетизации стандартного серебряного доллара Соединенных Штатов. Я никогда не встречал человека, который мог бы сказать, как именно это произошло и почему".

Сенатор Бек, в своей речи перед Сенатом, 10 января 1878 года, сказал:

"Он (билль о демонетизации серебра) никогда не был ясен обеим Палатам Конгресса. Я говорю об этом с полным знанием фактов. Ни один газетный репортер – а они самые неусыпные люди по добыче информации из увиденных мною когда-либо – не обнаружил случившегося".

[404] При наличии места мы могли бы процитировать похожие убедительные доводы многих других. Уже само название законопроекта сбивало с толку. Он назывался: "Акт по пересмотру законов о деятельности монетного двора, должностных лиц по проверке количественного содержимого и о чеканке монет Соединенных Штатов". Демонетизация серебра была укрыта (1) в предложении в статье 14 о том, что отныне золотой доллар должен быть "единицей стоимости"; и (2) в статье 15, которая давала определение и перечисляла серебряные монеты, полностью пренебрегая упомянуть "стандартный" серебряный доллар. Акт от 22 июня 1874 года завершил убийство "стандартного" серебряного доллара, даже не удосужившись его назвать, а лишь обусловив, что никакие другие монеты, кроме упомянутых в Акте 1873 года, не должны чеканиться. Даже президент Соединенных Штатов Грант, чья подпись сделала акт законом, говорят, не знал о его характере, в чем признался четыре года спустя, когда последствия начали быть очевидными. Действительно, только немногие предусмотрительные "финансисты" обратили внимание на металлические деньги, так как общество еще не начало вести платежи металлическими деньгами, и это, как полагают, явилось благоприятным подготовительным шагом в данном направлении.

М-р Мюрат Хальстед, редактор "Commercial Gazette", Цинцинатти, был одним из наиболее проницательных людей своего времени. Следующий отрывок из-под его пера, датированный 24 октября 1877 года, мы цитируем из нью-йоркского "Journal":

"Это (то есть британская политика относительно золота) – дело исключительно специалистов. Увертка была необходима для успеха дела, и вероятно потому, что монеты не были в обращении. А поскольку все находилось вне поля зрения общественности, то можно было заниматься подделкой без привлечения внимания. Вот так монометаллическая система великого народа-кредитора была навязана без дебатов великому народу-должнику".

Следующие слова публично приписывают покойному полковнику Р.Г. Ингерсолу:

"Я настоятельно прошу вернуть серебро в денежное обращение. Серебро изъяли обманом. Это обман, навязанный каждому платежеспособному человеку, это обман в отношении каждого честного должника в Соединенных

[405] Штатах. Он губит труд. Это сделано в интересах алчных и корыстолюбивых и должно быть аннулировано честными людьми".

То, что результат будет именно таким, каким мы его имеем, предсказывали многие государственные деятели с подмостей Конгресса – как только стала ясной ситуация (в 1877-1880 годы). Некоторые оставались слепыми к происходящему, некоторые отмалчивались из собственных интересов, некоторые полагались на совет "финансистов", но были и такие, которые выступили отважно против этого зла.

Покойный уваж. Джеймс Г. Блейн сказал в своей речи перед Сенатом Соединенных Штатов (1880 г.):

"Думаю, что борьба, которая сегодня ведется в этой стране и в других странах за единый золотой стандарт, приведет, в случае успеха, к огромному несчастью для всего торгового мира. Уничтожение серебра как денег и учреждение золота как единственной единицы стоимости обязательно принесет разрушительные последствия во всех формах собственности за исключением тех капиталовложений, которые дают постоянную денежную прибыль. Они громадным образом вырастут в цене и получат непропорционально большое и нечестное преимущество над всяким другим видом собственности. Если, как утверждает самая достоверная статистика, в мире имеется приблизительно 7 000 000 000 долларов в виде монет или слитков, равномерно распределенных между золотом и серебром, то невозможно ликвидировать серебро как деньги без последствий, которые причинят беспокойства миллионам и будут неимоверно губительными для десятков тысяч. Считаю, что золотые и серебряные монеты являются деньгами конституционными. Конечно, деньги американского народа предшествовали конституции, и основной закон признал их полностью независимыми от своего существования. Но Конгресс не получил никаких полномочий провозгласить, что тот или другой металл не должен быть деньгами. Поэтому, на мой взгляд, Конгресс не имеет никакого права изъять один из них. Следовательно, если серебро оказалось демонетизованным, я предлагаю вернуть его в обращение. Если чеканка монет из него запрещена, я предлагаю дать распоряжение ее возобновить, и даже предлагаю увеличить".

Покойный ныне сенатор Венс сказал позже:

"Власть денег и ее сообщники во всем мире вступили в заговор с целью совершить самое большое

[406] преступление этого или всякого другого века – свергнуть половину денег в мире и тем самым удвоить свое собственное богатство путем увеличения стоимости другой половины, находящейся в их руках. Те, кто занят обменом денег, оскверняют святыню наших свобод".

Правительство Соединенных Штатов отправило официальные письма своим представителям в зарубежных странах, требуя отчетов о финансовых делах. Доклад м-ра Курри, министра Бельгии, широко публикуемый, является знаменательным свидетельством, совпадающим с опытом народа Соединенных Штатов. Он сообщает такой ответ на вопросы, заданные им уваж. Альфонсо Алларду, финансовому руководителю Бельгии:

"С 1873 года постоянно существует кризис, заключающийся в падении всех цен, и не наблюдается возможности приостановить его развитие. Это падение цен, влияющее на заработную плату, сегодня усиливает общественный и производственный кризис.

Вы спрашиваете меня, почему мы вернулись в 1873 году к монометаллизму, если тот хромает. Я не вижу никакой другой причины, кроме желания угодить некоему классу финансистов, который получил от этого пользу, – классу, поддерживаемому теориями, придуманными и защищаемыми в то время некоторыми политэкономистами, и прежде всего членами Института Франции.

Вы спрашиваете, какое влияние оказали эти финансовые меры в Бельгии на промышленность и заработную плату? Денег, которых и так не хватало в 1873 году, стало еще меньше, отчего произошло прогнозируемое падение цен. Среднее падение цен на все, что создано трудом, составляет после 1873 года 50 процентов (в том числе 65 процентов на зерновые). Промышленность уже не рентабельна, сельское хозяйство разорено, и каждый требует защиты путем введения пошлин, тогда как наши обанкротившиеся граждане думают о войне. Таково плачевное состояние Европы".

В письме к Национальной Республиканской Лиге (11 июня, 1891 года) сенатор Дж.Д. Кемерон сказал:

"На наш взгляд, единый золотой стандарт ведет разорение с силой, против которой ничто не может устоять. Если этому влиянию суждено продолжаться в будущем на том же уровне, что и в течение

[407] двадцати лет, когда золотой стандарт завладел миром, то одно из поколений, не столь далеких, увидит на огромном американском континенте каких-то полдюжины перенаселенных городов, удерживающих контроль над массой капитала и дающих его взаймы населению из числа попавших в зависимость трудящихся по закладным на созревающий урожай и незаконченные изделия. Такие примеры достаточно распространены в мировой истории, но все мы протестуем против них. Богатые и бедные; республиканцы, демократы и популисты; труд и капитал; церкви и колледжи – все одинаково и все в духе доброй воли съеживаются на вид такого будущего".

Английским финансистам очень хорошо известно, почему страдают фермеры мира и особенно фермеры Соединенных Штатов и Канады, экспортирующие пшеницу; иногда они признают, что причиной тому является их собственное самолюбие. Для примера цитируем следующее из редакторской статьи "Financial News" (Лондон) за 30 апреля 1894 года:

"Мы имеем частые дипломатические разногласия с Соединенными Штатами. Но, как правило, с этим редко связано какое-нибудь чувство враждебности между народами двух стран, поэтому споры минуют и забываются. Однако сегодня мы похваляем рост чувства, что в вопросе, который затрагивает благосостояние миллионов простых американцев, эта страна склонна держаться взглядов, недружественных Соединенным Штатам. Конечно, мы знаем, что это недружелюбие случайно и что наша денежная политика контролируется исключительно самолюбивыми соображениями – столь откровенно самолюбивыми, что мы значительно меньше обращаем внимание на страдания Индии от наших действий, чем это делает Америка...

Сенатор Кемерон излагает очевидное, когда высказывается, что если Соединенные Штаты попытаются порвать с Европой и полностью вернуться к серебру, они будут иметь на своей стороне всю Америку и Азию, и будут контролировать рынки обоих континентов. "Барьер золота окажется более роковым, чем любой таможенный барьер. Облигация, погашенная серебром, будет более устойчива, чем любая облигация беспошлинной торговли". Не может быть малейшего сомнения в том, что если завтра Соединенные Штаты примут за основу серебро, британская торговля

[408] будет разорена еще до истечения года. Каждая американская промышленность будет защищена не только дома, но и на всяком другом рынке. Конечно, Штаты пострадают до некоторой степени, так как будут вынуждены выплатить свои обязательства за рубежом золотом, однако потери при обмене по этой статье будут только каплей в море по сравнению с прибылью, полученной на рынках Южной Америки и Азии, не говоря уже о Европе. Удивительно то, что Соединенные Штаты только недавно воспользовались такой возможностью, ведь если бы не уверенность, что путь, избранный Англией, непременно ведет к коммерческому успеху и процветанию, такое, несомненно, было бы сделано уже давно. Сегодня американцы пробуждаются к осознанию факта, что "до тех пор, пока они будут сдерживать свои амбиции к тому, чтобы стать большей Англией", они не смогут нас одолеть. Для нас явилось большой удачей, что американцам никогда не пришло в голову вытеснить нас из мировых рынков путем перехода к серебряному стандарту, и нам может быть поделом, если американцы, раздраженные высокомерным безразличием нашего правительства к серьезности проблемы серебра, ответят блокированием нашего золота. А это легко можно сделать.. В последнее время не было недостатка в признаках растущего недовольства этой страной за ее поведение (словно собаки на сене) в данном вопросе (вопросе серебра), который потрясает двумя континентами и откровенно ставит под сомнение будущее более бедных государств Европы".

То, что этот вопль фермеров (что вознаграждение за труд удерживается обманом) является присущим всем странам с золотым стандартом – всему христианству, – мы делаем вывод из следующего:

22 сентября 1896 года нью-йоркский "World" опубликовал длинное телеграфное сообщение, подписанное ведущими земледельцами Европы, которые встретились на Международном Сельскохозяйственном Конгрессе в Будапеште, Венгрия, и обращенное к тогдашнему кандидату в президенты У.Дж. Браяну. Оно гласило:

"Мы желаем вам успеха в вашей борьбе против господства класса кредиторов, который на протяжении последних двадцати трех лет добился в Европе и в Америке денежного законодательства, губительного для благосостояния ваших фермеров и прочих.. Мы уверены, что в случае неудачи реформы (восстановления серебра

[409] к денежным привилегиям), надбавка к золоту по всей Азии и Южной Америке будет продолжать лишать фермера (Америки и Европы) всех вознаграждений за его труд, и что ваше избрание может отвести от Европы надвигающийся ныне серьезный аграрный и общественный кризис".

Нью-йоркский "World" опубликовал 24 сентября 1896 года следующие слова князя Бисмарка к Гер фон Кардорфу, лидеру Свободной Консервативной Партии в Германском Рейхстаге:

"Я слишком стар, чтобы идти в школу учиться денежному обращению, но я признаю, что хотя в 1873 году я действовал в соответствии с тем, что считал самым лучшим советом, мои действия были слишком опрометчивые – если учитывать последовавшие за этим результаты.

Класс, который мы не можем себе позволить отстранить, – это класс фермеров. Если они убеждены, а они гарантируют, что убеждены, что застой в сельском хозяйстве обусловлен прежде всего этими монетарными изменениями, то наше правительство обязано пересмотреть свою позицию".

Нынешнее крайнее снижение стоимости серебра и всех товаров, продаваемых на основании серебра, приходило довольно постепенно – по двум причинам. (1) Требовалось время и махинации, чтобы обесценить серебро – товар, который по-прежнему подлежит существенному спросу со стороны большей половины населения мира. (2) Владельцы шахт по добыче серебра и прочие непосредственно заинтересованные, вместе с государственными деятелями, предвидевшими грядущее бедствие, столь сильно проталкивали свои аргументы в Конгрессе Соединенных Штатов, что пришлось пойти на определенные шаги, такие как Закон о Ремонетизации 1878 года и Закон о Закупке Серебра 1890 года. Однако эти шаги оказались неэффективными. Серебро или должно быть деньгами с полной, одинаковой властью с золотом как законным средством платежа, или его следует считать товаром купли-продажи, таким как бриллианты, пшеница и т. п., и оно должно подлежать колебаниям цен согласно спросу и предложению. И когда в 1893 году последний из этих шагов был отменен, серебро тут же упало до половины цены золота, и к 1895 году довелось сполна почувствовать все пороки демонетизации – кроме того, что панические последствия могут быть далеко идущими, прогрессирующими и продолжительными.

[410] Вот факты:

(1) Жнецы жатвы во всем мире, фермеры "христианства", находятся в бедственном положении, несмотря на современную технику, и взывают громко к своим согражданам и законодателям за помощью. (Эти вопли временно утихли благодаря повышению цен на пшеницу, вызванному, вероятно, некоторой ее нехваткой в юго-восточной Европе, в России, Австралии и Аргентине. Но как только эти условия изменятся и во всем мире будут средних размеров урожаи, цена пшеницы может последовать за ценой серебра даже до 43 центов – разве что вмешаются обстоятельства, чтобы изменить условия, – и вопли жнецов будут отзываться с еще большим отчаянием, чем прежде.)

(2) Законодатели осознают трудности и то, как это случилось, утверждая, что это случилось обманом, мошенничеством финансистов, врачевателей денег.

(3) Законодатели, которые понимают, что исправление сложившихся неблагоприятных обстоятельств может закончиться паникой, а возможно и революцией, делают вывод, что (поскольку болезнь не может быть хуже указанного средства) им лучше всего не делать ничего столь радикального. Поэтому серебро никогда не будет восстановлено – возвращено к соотношению 16 к 1.

(4) Всеми признано, что этот "обман" не только сокрушает и удручает фермеров, но и вызывает гнев и горечь у самого консервативного до сих пор элемента общества.

(5) Все мыслящие люди в мире сходятся во мнении, что классы рабочих и механиков христианства созревают к революции, которая сметет нынешние общественные институции веником разорения, и что в случае, если большой и до сих пор консервативный фермерский элемент присоединится к рядам недовольных и революционно настроенных, такое сочетание будет неудержимым.

(6) Со всех сторон имеются доказательства, что достаточно будет нескольких лет, чтобы вызвать подобное восстание.

[411] Кто сравнит все эти факты с пророчеством Иакова, тот должен крайне удивиться его точному исполнению, буква в букву, и должен счесть его еще одним бесспорным доказательством божественного предвидения наших дней и их событий, как приготовления к великому времени скорби, которая должна приготовить большой путь для Еммануила и Его славного царствования мира на земле и благоволения к людям.

Давайте прочитаем пророчество Иакова (5: 1-9) еще раз:

“Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящих (на вас). Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро заржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни. Вот, плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа. Вы роскошествовали на земле и наслаждались; напитали [вскормили] сердца ваши, как бы на день [вашего] заклания. Вы [ваш класс] осудили, [вы, ваш класс] убили праведника [Христа]; Он не противился вам”. [Возможно ли, чтобы Господу было угодно дать нам понять, что иудейские банкиры и финансисты больше, чем другие, причастны к этому мошенническому удержанию платы жнецам? Поэтому, нет ли особого значения в словах: “Вы убили, вы погубили Праведника?”].

“Итак, братия, будьте долготерпеливы до пришествия [присутствия] Господня [Который устроит дела справедливо – поднимая того, кто беден, кто беспомощен, и давая отмщение всем злодеям]. Вот, земледелец ждет драгоценного плода от земли и для него терпит долго, пока получит дождь ранний и поздний: долготерпите и вы, укрепите сердца ваши, потому что пришествие [присутствие] Господне приближается. Не сетуйте, братия, друг на друга, чтобы не быть осужденными [также]: вот, Судия стоит у дверей”.

[413]

ГЛАВА IX - НЕМИНУЕМОСТЬ КОНФЛИКТА. СВИДЕТЕЛЬСТВА СВЕТСКИ МУДРЫХ

Общая образованность – новый фактор во всех оценках – Взгляды сенатора Ингалса – Взгляды уваж. Лаймена Аббета – Взгляды епископа Ньюмена (методистская епископальная церковь) – Взгляды известного юриста – Взгляды полковника Роберта Ингерсолла – Уваж. Дж.Л. Томас о трудовом законодательстве – Взгляды Венделл Филлипс – Предвидения историка Мекоули – Упования уваж. Шанси Дипю – Интервью епископа Вортингтона (пресвитерианская епископальная церковь) – Ответ У.Дж. Браяна – Взгляды в Англии – Высказывание Эдварда Беллами о ситуации – Мнение уваж. Дж.Т. Глинна – Взгляды проф. Грахама – Взгляды судьи Верховного Суда – Взгляды во Франции, "Social Melee"

"Люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную [общество], ибо силы небесные [правительство – церковное и гражданское] поколеблются" (Лук. 21: 26).

Везде в мире умные люди видят, что приближается большой общественный конфликт, что он неминуем – что ничего нельзя сделать для его предотвращения. Они искали средства, но не нашли ничего, адекватного недугу, и, оставив надежду, решили, что выводы эволюции, должно быть, правильные, а именно: что "Вся природа действует по закону выживания более сильного, как более пригодного, и гибели более слабого, как непригодного к жизни". Философы говорят им, что "происходившее до этого" уже было, что наша цивилизация – это лишь повторение цивилизаций Греции и Рима, и что похожим образом она распадется на части (если речь идет о массах); что богатство

[414] и правительство опять уплывет в руки нескольких, тогда как сами массы, как в более ранних цивилизациях Востока, будут лишь влачить существование.

В большинстве случаев они не способны принять во внимание новый элемент конфликта, никогда раньше не учитываемый, то есть более общее распространение знаний по всему миру и особенно в христианстве. То, о чем многие люди забывают, попадает в поле зрения тех, кто достаточно мудр, чтобы искать истинную мудрость в нужном источнике – Божьем Слове. Им сказано, что в "последние времена многие будут метаться из стороны в сторону, а знание будет умножаться.. Тогда будет такое бедственное время, какого не было с тех пор, как появились народы" (Дан. 12: 1-4, МБО). Они видят предсказанное передвижение человечества туда-сюда, исполненное чудесным образом, они также видят общее увеличение знаний, и для них время скорби, предсказанное по тому же поводу, не означает повторение истории или подчинение масс привилегированному меньшинству, а колоссальный поворот в истории, принесенный упомянутыми новыми условиями. Вот почему высказывание того же пророка, в той же связи, что "восстанет в то время Михаил [Христос] князь" и примет Свою славную власть и царствование, согласуется с мыслью, что грядущая скорбь покончит с господством самолюбия под властью "князя мира сего" [сатаны] и введет Еммануилово Царство благословения. Но давайте послушаем, что говорят нам некоторые мудрые мира сего о том, что они видят!

Пространный взгляд и широкое, а также весьма беспристрастное определение борьбы за богатство и последующего краха низших классов было представлено прессе уваж. Дж. Дж. Ингалсом, человеком весьма сведущим, умеренно богатым, экс-сенатором Соединенных Штатов. Мы берем произвольные выдержки, поскольку данное является умеренным изложением предмета и показывает, что даже осмотрительным государственным деятелям, осознающим трудности, не известно ни одно средство, чтобы с его помощью исцелить болезнь и спасти жертвы.

[415] Сенатор Ингалс писал:

“Свобода – это нечто большее, чем название. Тот, кто в поисках крова, одежды и пищи зависит от воли другого, не может быть свободным в широком и полном значении этого слова. Человек, ежедневный хлеб которого для себя и семьи зависит от заработка, который работодатель может дать или задержать по своему усмотрению, не является свободным. Альтернатива между голоданием и зависимостью от времени выплаты – это рабство.

Свобода не заключается в определении. Декларация, что жизнь, свобода и поиски счастья являются неотъемлемыми правами каждого человеческого существа, не делает никого независимым. Право на свободу – это пустая насмешка и иллюзия, если нет также свободы существования. Свобода – это не просто устранение законных ограничений, позволение уйти или прийти. Вдобавок к этому должны быть правоспособность и возможности, которых можно достичь лишь освобождением от необходимости непрерывно заниматься ежедневным трудом. Если перефразировать Шекспира: Бедность и Свобода – плохо подобранная пара. Свобода и зависимость несовместимы. С давних времен избавление от бедности было сном мечтателей и надеждой филантропов.

Неравенство богатства и откровенная несправедливость в его неодинаковом распределении между людьми привело в смущение философов. Это неразрешимая загадка политической экономии! Цивилизация не имеет парадокса более таинственного, чем существование голода при избытке пищи – нехватка среди изобилия. Если одному человеку суждено иметь собственность, чтобы транжирить ею сверх расточительности, а другому, умелому и согласному трудиться, суждено погибать от недостатка огня, лохмотьев и корки хлеба, такое общество представляет собой неизвестно что. Это делает хартию прав человека логогрифом. До тех пор, пока продолжаются такие условия, ключ к тайнописи, которой записана судьба, неизвестен – братство людей является фразой, справедливость – формулой, а божественный кодекс законов не подлежит чтению.

Раздражение бедных надменным хвастовством богатых свергло империи. Облегчение участи нуждающихся явилось предметом человеческого и божественного уставов. Сетования несчастных стали бременем истории. Иов был миллионером. Является ли повествование, не имеющее аналогий и

[416] носящее его имя, притчей или биографией, оно составляет глубокий интерес, так как показывает, что патриарх был занят теми же вопросами, которые беспокоят нас сегодня. Он, словно популист, описывает тех, кто отнимает осла у сироты и вола у вдовы, передвигает межевой столб, пожинает поле и собирает виноград бедных, лишая их одежды и оставляя непокрытыми под дождем в горах и в скальных укрытиях.

Еврейские пророки самым откровенным образом осуждали вымогательство и роскошь богатых, и Моисей предписал правила упразднения долгов, перераспределения земель и ограничения личных накоплений. В Риме, на протяжении столетий, собственность на недвижимость ограничивалась 300 акрами на каждого гражданина, и численность скота и рабов приводилась к площади, которая обрабатывалась. Однако законы, данные Всемогущественным для иудеев посредством Моисея, столь же бездействовали, что и кодексы Ликургуса и Лициния, направленные против неукротимых страстей человека и естественных предпосылок его существования.

Во времена Цезаря 2 000 плутократов практически завладели Римской империей, в то время как 100 000 глав семей превратились в попрошаек, поддерживаемых пожертвованиями из общественной казны. Такая борьба продолжалась все Средние Века до девятнадцатого столетия. Сегодня нет такого предписанного средства, которое бы раньше не вменялось безрезультатно бесчисленным пациентам: ни одного предложенного эксперимента в финансах и политической экономии, который не был бы многократно испробован без малейшего результата, за исключением личных трагедий и государственного крушения.

И вот, наконец, после слепых попыток и многих кровавых и безрассудных столкновений с королями и династиями, привилегиями, общественными и личными прерогативами, старыми обидами, до невозможности укоренившимися порядками, титулами и классами, был осознан конечный идеал Правительства и то, что человек находится превыше всего. Нищие, труженики, рабочие находятся у власти. Они создают законы и формируют институции. Людовик XIV сказал: “Государство – это я”. А тут наемные рабочие, фермеры, кузнецы, рыбаки, ремесленники говорят: “Государство – это мы”. Ушли в небытие конфискации, грабежи и обогащения придворных фаворитов. Каждый человек, каково бы не было его происхождение, его способности, образование и мораль, имеет одинаковый шанс

[417] с каждым другим человеком на жизненном поприще. Законодательство, хорошее или плохое, принимается большинством.

Менее чем столетие тому назад общественные условия в Соединенных Штатах отличались практическим равенством. Во время нашей первой переписи населения в стране не было ни миллионеров, ни нищих, ни бродяг. Первым американским гражданином, достигшим черты в один миллион долларов (около 1806 года), был незаурядный человек – Астор, иммигрировавший не так давно из Германии, – сын мясника, имевший связку выделанных шкур как залог своей удачи. Самое большое имущество до него принадлежало Джорджу Вашингтону, которое, на время его смерти, в 1799 году, оценивалось приблизительно в 650 000 долларов.

В своем большинстве люди были фермерами и рыбаками, довольствуясь в жизни плодами своего труда. Развитие континента путем внедрения железных дорог, сельскохозяйственной техники и научных достижений современной жизни сделало нас самым богатым народом на земле. Совокупная собственность страны предположительно превысила 100 000 000 000 долларов, половина которой, говорят, находится непосредственно под контролем менее 30 000 лиц и корпораций. Самый большой частный капитал в мире был накоплен за последнюю половину столетия именно в Соединенных Штатах.

Наши материальные ресурсы едва тронуты. Вспахано менее четверти наших пахотных земель. Наши шахты прячут сокровища богаче сокровищ Офир и Потоси. Наше производство и торговля еще молоды, но они уже создали аристократию богатства, которая не одевает ни подвязок, ни диадем, и о которой не трубят глашатаи, но которую часто приветствуют при дворах князей и во дворцах королей.

Если неравное распределение бремени и общественных благ зависит от законодательства, институций и правительства, тогда в системе, наподобие нашей, следует восстановить равновесие. Если богатство – это результат несправедливых законов, а нищета – результат тирании законодательства, тогда средство находится в руках жертв. Если они страдают, то от причиненных себе ран. У нас нет феодальной собственности, нет права первородства или наследства, но также нет возможностей, которые бы не были открыты для всех. Справедливость, равенство, свобода и братство – вот основы этого Государства. В руке каждого человека имеется бюллетень для голосования. Школа предлагает всеобщее образование. Пресса свободна. Высказывания, мысли и совесть не ограничиваются.

[418] Однако всеобщее избирательное право не сделалось панацеей от пороков общества. Бедность не упразднена. Хотя накопленное богатство не укладывается в понятие об алчности, неравенство распределения столь же велико, как во времена Иова, Соломона и Агиса. Старая проблема не только не решена, но ее условия усложнились и обострились. В руках немногих сосредотачивается все большая политическая власть, и при республиканском правлении отдельные лица приобретают более колоссальные состояния, чем при монархии.

Огромная пропасть между богатыми и бедными изо дня в день простирается все шире и шире. Силы труда и капитала, которые должны быть союзниками, помощниками и друзьями, выстраиваются друг против друга, словно вражеские армии на укрепленных позициях, готовясь к осаде или сражению. Миллионы денег ежегодно теряются на выплаты, на уничтожение временного имущества, на износ фабрик и уменьшение прибыли в результате забастовок и локаутов, которые превратились в нормальное явление в войне между работодателями и наемными рабочими.

Утопия – это по-прежнему неисследованная страна. Идеальное совершенство в обществе, словно мираж в пустыне, отодвигается по мере приближения к нему. Человеческая природа остается без изменений в каждой среде.

Условия масс несоизмеримо улучшились с поступью цивилизации. Самый бедный ремесленник имеет сегодня свободный доступ к комфорту и удобствам, которые монархи не могли приобрести за свои сокровища пять столетий тому назад. Однако Де Токвиль обратил внимание на странную аномалию: по мере того как состояние масс улучшается, они воспринимают его как еще более невыносимое, отчего растет недовольство. Потребности и желания умножаются быстрее средств удовлетворения. Образование, ежедневные газеты, путешествия, библиотеки, парки, галереи и витрины магазинов расширили кругозор работающих мужчин и женщин, увеличили их возможности восприятия, познакомили с роскошью и привилегиями богатства. Политическое образование научило людей равенству и ознакомило с могуществом избирательского права. Ложные учителя убедили их в том, что всякое богатство создано трудом, и что каждый человек, имеющий больше, чем он способен заработать ежедневно своими руками, – вор; что капиталист – это враг, а миллионер – общественный

[419] недруг, которого следует поставить вне закона и, увидев, застрелить.

“Большие личные накопления неотделимы от развитой цивилизации. Самой богатой общиной в мире, per capita, в настоящее время является индейское племя осейджей. Его общее богатство в десять раз больше соответствующего богатства Соединенных Штатов. Им распоряжаются совместно. Общность владения собственностью не обязательно может быть причиной варварства, но в каждом государстве, по мере продвижения к общественному и экономическому равенству и “создания трудом” богатства без вмешательства капитала, как в Китае и Индии, заработки невелики, рабочие унижены и прогресс невозможен. Если бы в настоящее время богатство Соединенных Штатов равномерно распределить между их жителями, тогда, согласно переписи, сумма, положенная каждому, составляла бы около 1 000 долларов.

В случае продолжения подобного выравнивания, прогресс, безусловно, остановится. Если бы таковое оказалось господствующим положением с самого начала, нам пришлось бы оставаться на месте. Только в случае сосредоточения богатства можно подчинить природу и вынудить ее силы служить цивилизации. Пока капитал, посредством техники, не укротит пар, электричество и гравитацию и не освободит человека от необходимости постоянно тяжело трудиться, чтобы обеспечить существование, человечество будет стоять на месте или пятиться назад. Железные дороги, телеграф, флот, города, библиотеки, музеи, университеты, кафедральные соборы, госпитали – все великие начинания, возвышающие и приукрашающие существование, и улучшающие условия человеческой жизни, приходят в результате концентрации денег в нескольких руках.

Даже при наличии желания ограничить накопления, общество не обладает никакими средствами, чтобы это сделать. Разум неукротим. Различия между людьми являются врожденными и основополагающими. Они установлены декретами Верховной Власти и не могут быть аннулированы актом Конгресса. В споре между умом и количеством ум уже победил и всегда будет побеждать.

Общественный недуг является тяжелым и грозным, однако болезнь не так опасна, как сами доктора и медикаменты. Политические знахари с их экстрактами, компрессами и пилюлями врачуют симптомы вместо самого недомогания. Свободная чеканка серебра, рост доходов на душу населения, ограничение иммиграции, тайное голосование и

[420] действительное право голоса – это важные вопросы, но все они могут быть решены, ничуть не улучшая условий большой массы наемных рабочих Соединенных Штатов. Вместо того чтобы лишать прав бедных невежд, лучше увеличить их богатство, их знания и сделать их способными голосовать. Класс изгоев неминуемо переходит на нелегальное положение, поэтому свободные институции можно обезопасить только наличием образования, материального достатка и удовлетворения тех, от кого зависит их существование".

Вот изложение фактов; но где изложение способа лечения? Его нет. Однако же автор не симпатизирует фактам, на которые он обращает внимание: он скорее предпочел бы, если бы мог, обратить внимание на путь спасения от того, что, на его взгляд, неминуемо. То же самое сделали бы все люди, которые достойны человеческого облика и человеческой природы. Что касается м-ра Ингалса, это явствует из следующей выдержки из его речи в Сенате Соединенных Штатов.* Он сказал:

*Отчет Конгресса, том 7, стр. 1054-1055.

"Мы не можем скрыть истину, что мы находимся на грани грядущей революции. Былые споры неактуальны. Народы выстраиваются по одну или по другую сторону зловещего конфликта. По одну сторону находится капитал, внушительно укрепленный привилегиями, высокомерный от длительного триумфа, консервативный, прочно держащийся старых теорий, требующий новых уступок, обогатившийся домашними сборами и иностранной коммерцией, стремящийся подчинить все ценности своему собственному золотому стандарту. По другую сторону находится труд, требующий занятости, стремящийся к развитию местной промышленности, сражающийся с силами природы и покоряющий пустыню. Труд, голодный и угрюмый в больших городах, категорически решил свергнуть систему, при которой богатые становятся еще богаче, и бедные – еще беднее: систему, которая дает Вандербильту и Гулду богатства, чрезмерные даже для алчности, а бедного обрекает на нищету, от которой нет спасения или убежища, кроме как в могиле. Требования справедливости натолкнулись на безразличие и презрение. Тружеников страны, спрашивающих о работе, трактуют как неполноценных попрошаек, умоляющих хлеба".

[421] Таким образом, он открыто заявляет, что не видит никакой надежды. Ему неизвестно никакое средство от ужасной болезни – самолюбия.

УВАЖ. Д-Р ЛАЙМЕН АББЕТ О СИТУАЦИИ

В старом выпуске "Literary Digest" мы обнаружили следующий краткий обзор взглядов д-ра Аббета, известного проповедника, редактора, соратника Теодора Рузвельта, на тему "Взаимоотношения между Трудом и Капиталом":

"Др. Аббет утверждает, что вопрос о том, лучше ли система заработной платы чем феодализм или рабство, уже решен; однако в адрес нынешней промышленной системы, являющейся конечной, то есть правильной, он делает следующие замечания: (1) Она не дает прочной и постоянной занятости всем желающим трудиться. (2) Ей также не удается предоставить всем занятым в ней заработок, соответствующий реально необходимым средствам к существованию. (3) Она недостаточно образована сама по себе и не способна предоставить требуемый досуг для образовательного процесса. (4) При нынешних условиях во многих случаях невозможно иметь скромное, хорошее жилище. Д-р Аббет верит, что наставления Иисуса Христа и принципы здравой политической экономии совпадают; он настойчиво утверждает, что губительно изводить мужчин, женщин и детей с целью делать дешевые товары. – Труд – это не "товар", – говорит он. Цитируем:

"Я верю, что система, которая делит общество на два класса – капиталистов и трудящихся, – является временной, и что промышленное беспокойство нашего времени – результат слепой борьбы за демократию богатства, в которой пользователи орудий труда станут также владельцами этих орудий; в которой труд будет нанимать капитал, а не капитал – труд; в которой люди, а не деньги, будут контролировать промышленность, как они сегодня контролируют правительство. Однако учение, что труд является товаром, и что капитал должен покупать на самом дешевом рынке, даже временно лишен логики; он экономически ошибочен и этически несправедлив.

Такого товара, как труд, попросту нет; его не существует. Когда рабочий приходит на фабрику в понедельник утром, ему нечего продать, его руки пусты; он пришел, чтобы что-то произвести своими усилиями, и это "что-то", когда оно будет произведено, следует продать, и часть выручки от этой продажи будет по праву принадлежать ему,

[422] потому что он помог его произвести. А поскольку нет никакого труда-товара для продажи, то нет и рынка труда, на котором его можно продавать. Свободный рынок принимает множество продавцов с разным товаром, и множество покупателей с разными потребностями (продавец имеет полную свободу продавать или не продавать, а покупатель – полную свободу покупать или не покупать). Как такового, рынка труда не существует. Трудящиеся в огромном большинстве случаев настолько крепко привязаны к своему городу предубеждениями, незнанием окружающего мира и его потребностей, домашними соображениями, своими крошечными владениями – своими домами и земельными участками, – и религиозными узами, что кажется, будто они просто приросли к земле. Они не могут предложить никакого разнообразия профессиональных навыков. Как правило, рабочий хорошо умеет делать только одну вещь, хорошо пользуется только одним инструментом, и должен или найти владельца такого инструмента, который желает, чтобы рабочий им работал, или должен остаться безработным. "Оптовый торговец, – говорит Фредерик Харрисон, – сидит в своей конторе и при помощи нескольких писем или бланков перемещает и распределяет товар всего города от континента к континенту. В других случаях, когда он является владельцем магазина, посещение его большим количеством людей обеспечивает необходимое передвижение его товаров. Передвижением его товаров заняты, вместо него, его клиенты. Это и есть настоящий рынок. Здесь конкуренция действует быстро, полноценно, просто и честно. Совсем по-другому дело обстоит с рабочим-поденщиком, у которого нет товара для продажи. Он должен лично присутствовать на каждом рынке, что подразумевает его непосредственное передвижение, к тому же дорогостоящее. Он не может вести переписку со своим работодателем; он не может послать образец своей силы, и работодатель не постучит в дверь его дома". Поэтому нет ни труда в виде товара для продажи, ни рынка труда, на котором его следовало бы продавать. Оба они – вымысел политической экономии. Действительные факты выглядят следующим образом:

Большинство товаров в наше время (даже сельскохозяйственные товары постепенно попадают в эти условия) производится организованной группой рабочих, делающих свою работу под надзором "промышленного магната" и с помощью дорогостоящего инструмента. Это требует сотрудничества трех классов – владельца инструмента (капиталиста), надзирателя (менеджера), и пользователя инструмента (рабочего). Результат – совместный продукт их деятельности (потому что сам инструмент – это всего лишь накопленный продукт производства),

[423] поэтому принадлежит им вместе. Задача политической экономии – выяснить, как разделить поровну стоимость между партнерами этого общего предприятия. Таков вопрос труда, заключенный в одну фразу. Неверно то, будто рабочему положено все, да он и не требует этого, как бы не добивались этого для него некоторые рьяные защитники его интересов. Надзирателю положена его часть, к тому же большая часть. Чтобы управлять таким производством, знать в каких изделиях имеется потребность в мире, найти покупателя для них по цене, которая даст достаточную выручку от вложенного в производство труда, нужен, само собой разумеется, высококачественный труд, который заслуживает щедрого вознаграждения. Владельцу инструмента положена определенная компенсация. Предположительно он или кто-то другой, от кого он получил свой инструмент, скопил деньги (которые его друзья потратили то ли на нынешние роскоши, то ли для сомнительного удовольствия), следовательно ему положено вознаграждение за его экономию и бережливость, хотя может возникнуть вопрос, не слишком ли награждает иногда наша современная промышленная система умение приобретать, превращая это качество в порок. Рабочему положено денежное вознаграждение. Со времени отмены рабства никто не отрицает это право. Установить, как разделить этот продукт общего производства, трудно. Однако ясно, что этого не должна делать система, которая заставляет капиталиста платить как можно меньше заработной платы за оказанную услугу, а рабочему оказывать возможно меньшую услугу за полученную плату. Каким бы не был правильный путь, данный путь – плохой”.

У д-ра Аббета, кажется, отзывчивое, сочувственное сердце к массам и желание ясно понять ситуацию. Согласно его диагнозу – это политико-общественно-финансовая болезнь, но он не способен найти лекарство. Да, он намекает, каким могло бы быть лекарство, если бы его удалось получить, но не предлагает никакого пути для этого, то есть, он считает, что видит его в прогрессе,

“В слепой борьбе за демократию богатства, в которой пользователи орудий труда станут также владельцами этих орудий; в котором труд будет нанимать капитал”.

Читая это предложение, кажется, что его автор недавно прочел историю о Лампе Алладина из “Сказок тысячи и одной ночи” и

[424] понадеялся найти и использовать "волшебную палочку". Это свидетельствует, что упомянутый джентльмен или мало разбирается в финансах, или ожидает революции, в которой пользователи орудий силой отнимут эти орудия у капитала, при этом брезгуя всеми признаваемыми ныне законами общества. И если каким-то образом произойдет такой переход орудий из-под контроля их нынешних собственников во владение их пользователей, то не станут ли все свидетелями того, как новые собственники орудий вскоре, по причине такой собственности, превратятся в капиталистов? Есть ли у нас какой-нибудь повод предполагать, что новые собственники орудий будут более благожелательными или менее самолюбивыми, чем нынешние? Есть ли у нас какой-нибудь повод считать, что плотское сердце изменилось больше у собственников, чем у пользователей орудий, или что новые пользователи орудий пригласят весь труд похожим образом разделить пользу от техники? Весь опыт общения с человеческой природой говорит: "Нет!" Недуг очевиден, необходимость в быстром лечении очевидна, но ни одно средство не способно излечить "стонущее творение". Его стоны и родовые схватки должны продолжаться и усиливаться, как указывает апостол, до откровения сынов Божьих – до Божьего Царства (Рим. 8: 22, 19).

Отрицание любой проблемы не излечивает ее. Утверждение, что "такого товара, как труд, попросту нет", не исправит и не изменит печального факта, что труд является товаром и не может быть ничем иным при наших нынешних общественных законах и условиях. Рабство могло быть, в свое время и у некоторых народов, полезным порядком при доброжелательных и заботливых властителях. Также крепостничество при полуцивилизованной феодальной системе, возможно, имело полезные черты, приспособленные к своему времени и условиям. Похоже с системой наемного труда. Труд в виде товара, подлежащий купле-продаже, имеет некоторые замечательные свойства, и сделал много для развития умственной и физической сноровки, что действительно оказалось весьма большим благом для Труда в прошлом. Было бы неразумным разрушать это свойство товара также сейчас, ведь те рабочие, которые

[425] обладают и пользуются умом, сноровкой и активностью, заслуживают большего востребования, а также возможности распоряжаться своим трудом по лучшим ценам, нежели неквалифицированные и бестолковые: это необходимо также для воздействия на бестолковых и праздных. Требуется: справедливое, мудрое, отцовское правительство, которое будет продолжать здравые ограничения и стимулы и приумножать их, одновременно защищая каждый класс труда от надменности вышестоящего класса и укрывая всех от исполинской власти современного Капитала с его огромной и увеличивающейся армией рабов-машин, и которое окончательно, после всесторонних и практических наставлений в праведности, под законом любви, уничтожит всех, кто симпатизирует самолюбию и греху. О таком правительстве не говорится нигде, кроме Библии; здесь оно тщательно описано и твердо обещано и ожидает лишь выбора Божьей Церкви, чтобы ей быть его царями и священниками как сонаследники с Эммануилом (Отк. 5: 10; 20: 6).

ВЗГЛЯДЫ ПОКОЙНОГО ЕПИСКОПА ДЖ. П. НЬЮМЕНА

Неминуемый конфликт между Капиталом и Трудом был очевиден также епископу Ньюмену из Методистской Епископальной церкви. Он видел хорошие и плохие стороны вопроса. В статье, в свое время опубликованной в журнале его вероисповедания, он излагает следующие предложения и советы:

“Разве грешно быть богатым? Разве бедность обязательна для набожности? Разве нет святых, кроме нищих? Разве небеса – это приют для несчастных? Что, в таком случае, делать с Авраамом, который был весьма богат скотом, серебром и золотом? Что же нам делать с Иовом, у которого было 7 000 овец, 3 000 верблюдов, 4 000 волов, 500 ослов; который имел 30 000 акров и 3 000 домашних слуг?.

Овладение богатством – божественный дар. В трудолюбии и бережливости – закономерность благополучия. Как поэты, философы и ораторы родились таковыми, так и финансист имеет гения богатства.

[426] Интуитивно он знаком с законами спроса и предложения; кажется, что он одарен, словно пророк, видением грядущих изменений рынка; он знает, когда покупать, когда продавать, а когда придержать. Он предвидит наплыв населения и его влияние на недвижимость. Как поэт обязан славословить, потому что в нем имеется вдохновение, так и финансист обязан делать деньги. Он не может по-другому. Одаренность таким талантом возвещена в Священном Писании: "Он [Бог] дает тебе силу приобретать богатство" (Втор. 8: 18). И все эти обетования проиллюстрированы в нынешнем финансовом положении христианских народов, которые контролируют финансы мира.

Против этих естественных и законных прав владеть собственностью выдвигается требование распределить собственность между теми, кто не приобрел ее ни в наследство, ни мастерством, ни трудолюбием. Это коммунизм, не имеющий основания ни в конституции природы, ни в общественном строе человечества. Это дикий, бессмысленный вопль Труда против Капитала, между которыми, согласно экономии природы и политической экономии, не должно быть даже обычного противостояния".

Епископ утверждает, что "наемный рабочий и наниматель имеют неприкосновенные права: первый – нанимать, кого он пожелает и для чего пожелает, а последний – ответить, когда он пожелает". Епископ доказывает, что зависть и подозрительность трудовых классов пробуждается не против тех, кто обладает огромным богатством, а против безграничной лени и полного безразличия богатых. Он продолжает:

"Богатству принадлежит самая благородная из миссий. Оно не дано, чтобы его прятать, чтобы им ублажать, чтобы демонстрировать напыщенность и власть. Богатые – это раздающие милостыню от Всемогущего. Они – Его оплачиваемые представители. Они – сторожа бедных. Им полагается претворять в жизнь те великие мероприятия, которые принесут массам процветание – не самые большие дивиденды, а самое большое благо. Капитал дает возможность трудящему познать счастье, сопутствующее честному делу. Богатым надлежит улучшать дома бедных, хотя нередко хлев

[427] богатого – это дворец по сравнению с жилищем честного и интеллигентного механика.

Когда имущие становятся покровителями тех общественных реформ, которые поднимают общество, тогда они получают благословение бедных. Им надлежит дать направление законодательству, необходимому для защиты всех прав и интересов сообщества. Когда они строят научные библиотеки, музеи искусств и святыни набожности, их будут считать своего рода благодетелями. Когда богатство Капитала соединит руки с богатством интеллекта, богатством мускул и богатством доброты ради общего блага, тогда Труд и Капитал будут считаться равными факторами в предоставлении каждому человеку жизни, свободы и поисков счастья".

Епископ, очевидно, попытался честно взглянуть на обе стороны нынешнего противостояния и грядущей схватки, однако связь с богатством и зависимость от него, вероятно, оказали влияние (конечно же бессознательно) на его суждения. Фактом является то, что многие из древних были очень богатыми, как например Авраам. Однако история временного пребывания Авраама, Исаака и Иакова в земле Ханаан показывает, что хотя в те дни земля находилась в собственности, тем не менее, она не была ограждена, а находилась в свободном пользовании. Эти три патриарха со своими слугами, стадами и отарами странствовали по желанию в земле хананеев почти два столетия, однако же не потребовали ее в собственность даже на стопу ноги (Деян. 7: 5). И в Божьем образном царстве, Израиле, свод законов заботился о бедных – рожденных в земле и чужеземцах. Никто не должен был голодать: с полей не следовало собирать колосья подчистую, но края поля следовало оставить для бедных. Голодный мог войти в сад, виноградник или на поле и поесть на месте вдоволь. И даже когда земля Палестины была разделена между коленами и родами Израиля, специальные меры для упразднения долговых обязательств по всем землям и всем долгам каждые пятьдесят лет предотвращали обнищание и практическое порабощение всего народа несколькими состоятельными людьми.

[428] Епископ, кажется, забыл, что законы и порядки христианства не являются божественно установленным кодексом; что, наподобие всех вымыслов несовершенных умов и сердец, эти законы не являются непогрешимыми; что хотя в свое время нельзя было придумать что-то лучшее, изменения общественных и финансовых условий делали перемены в прошлом обязательными; что сегодня считаются необходимыми иные изменения, хотя они и сталкиваются с самолюбием и ультраконсерватизмом своих дней. Поэтому, если наши законы считаются исключительно человеческими и подверженными ошибкам, если их уже изменяли и исправляли, чтобы удовлетворять изменившиеся условия, разве не является епископ непоследовательным, считая их сегодня священными, неоспоримыми, непреложными, утверждая, что права, которыми однажды довелось поступиться, тем самым являются "неприкосновенными", "естественными" и неоспоримыми "то ли по природе, то ли по складу человечества"; и что само предложение изменить законы и общественные нормы, чтобы лучше приспособить их к настоящим условиям, является "нелепым" и "безрассудным"?

Епископ, следует заметить, занял в вопросе труда (товара, подлежащего условиям спроса и предложения) позицию, противоположную той, которую занимает д-р Аббет. Он разглядел в этом закон нашей современной общественной системы и сказал, что она должна оставаться таковой. Он был прав, считая, что Труд должен продолжать быть товаром (чтобы его покупали настолько дешево, насколько возможно купить для Капитала, и продавали по такой высокой цене, по какой Труд может его приобрести) до тех пор, пока сохраняется нынешняя общественная система. Однако это не будет длиться многие годы, на что указывает пророчество и что признают другие, обладающие здравым умом и более тесно связанные с людьми и их беспокойством.

С точки зрения епископа единственной надеждой мирного решения различий между Капиталом и Трудом является (1) обращение всех богатых к изобилующим любовью и доброжелательностью условиям, конкретизированным в предыдущих двух абзацах, цитированных выше; и (2) обращение всех из бедных и средних

[429] классов к той набожности и удовлетворенности, при которой они могут принять с благодарностью все, что богатые позволят им получить от земли и ее изобилия, и восклицать: "Блаженны нищие!" Это, мы полагаем, может решить Вопрос Труда быстро и окончательно, тем не менее, ни один здравомыслящий народ не рассчитывает на подобное решение в ближайшем будущем, да и в Священном Писании такое не показано. Мы не думаем, чтобы этот интеллигентный епископ действительно предлагал свои советы как лечащее средство; скорее, мы допускаем в его случае, что он не видит другого выхода, кроме столь немыслимого, и что, в результате, цивилизация будет вскоре поражена проклятием Анархии. О если бы этот джентльмен смог увидеть Божье средство, о котором наш Господь учил нас мыслить и молиться: "Да придет Царство Твое", и путь, которым это Царство должно быть установлено в силе и господстве (Дан. 2: 44, 45; 7: 22, 27; Отк. 2: 27).

ВЗГЛЯДЫ ИЗВЕСТНОГО ЮРИСТА

Один всемирно известный юрист, обращаясь к выпускникам юридического факультета одного из известных колледжей Соединенных Штатов, высказался следующим образом, как об этом поведал "Journal" из Канзас Сити:

"История самонадеянного и ненасытного рода, к которому мы принадлежим, сделалась реестром непрекращающихся и кровавых конфликтов за личную свободу. Войны вели, свергали династии и обезглавливали монархов не для завоевания, не для тщеславия, не для славы, а для того, чтобы человек мог быть свободным. На протяжении многих кровавых столетий привилегии и права упорно и с неохотой уступали неукротимому стремлению к личной свободе. От Великой хартии вольностей до Апематекс большое расстояние; однако за эти 652 года не было ни минуты, когда бы наш род остановился или поколебался в своем решительном и стойком сражении за равенство всех людей перед законом. По этой причине бароны угрожали королю Джону; был сожжен Латимер; пал Хемпден; было подписано соглашение в хижине Мейфлауэра; провозглашена Декларация Независимости; умер Джон Браун из Осеветоми;

[430] маршировали победоносно легионы Гранта и Шеридана, готовые скорее отречься от жизни и всех ее достояний, нежели отказаться от привилегий свободы.

“Что пользы от плуга, земли, кораблей,

Что пользы от жизни, коль воли нет в ней?”

Мечта столетий наконец осуществилась. Из жестокого и кровавого смятения истории человек наконец-то появился как властелин над самим собой; однако приводящие в недоумение загадки веры остались. Люди равны, но нет никакого равенства. Избирательное право является общим, однако политическая власть осуществляется немногими; бедность не упразднена. Бремя и привилегии общества распределены неравномерно. Некоторые имеют богатство, превосходящее сумасбродство даже при расточительстве, тогда как другие напрасно вымаливают ежедневный хлеб. Введенные в заблуждение и расстроенные такими несоответствиями, озлобленные до невозможности страданиями и нуждой, разочарованные влиянием политической свободы на личное счастье и успех, многие поддались столь глубокой и полной обеспокоенности, что это свидетельствует о необходимости в действенной коалиции консервативных сил нашего общества.

В эволюционном движении, в котором оказалась общество Соединенных Штатов, не найти исторических прецедентов, поскольку условия здесь аномальны, а значит, научное решение невозможно. Хотя условия масс людей чрезвычайно улучшились благодаря общественному прогрессу, применению науки в производстве, изобретению техники, не вызывает сомнения то, что бедность куда более враждебна к обществу, куда более опасна для институций самоуправления и личной свободы, которой удалось добиться после стольких столетий борьбы, чем это было когда-либо прежде. Причины налицо. Труженик свободен; он имеет право голосовать; растет его чувство собственного достоинства; его восприимчивость сделалась острее; его потребности умножились быстрее, чем средства удовлетворения; образование подняло его выше положения раболепного труда. Ежедневные газеты познакомили его с теми преимуществами, которые богатство предоставляет его владельцам. Его научили, что все люди созданы равными, и он верит, что хотя права равны, возможности не являются таковыми. Современная наука

[431] вооружила его грозным оружием, и когда приходит голод, нет ничего более священного, чем нужды его жены и детей.

Общественный кризис во всех цивилизованных странах, и прежде всего в нашей, становится все более внушительным. С каждым часом все ближе надвигается глухое грозовое эхо зловеще недовольных. Хотя я верю, что невозмутимый и решительный гений англо-саксонской расы совладает с этим, как совладал со всякой другой крайностью, и что он не откажется от обладания тем, что им добыто неимоверными жертвами, однако ясно, что бой не закончен; что человек уже не довольствуется равенством прав и равенством возможностей, а потребует равенства условий, являющегося законом идеального государства.

Также очевидно, что общественная деградация несовместима с самоуправлением, и что безнадежная и беспомощная нищета несовместима с личной свободой. Человек, полностью зависящий от другого в средствах существования для себя и семьи, которые могут быть целиком отняты работодателем по его изволению, не является в каком бы то ни было законном смысле свободным. За сотню лет мы сделались самыми богатыми из всех народов. Наши ресурсы колоссальны. Статистика наших доходов и накоплений изумляет даже непривыкших удивляться. Денег предостаточно, пищи – в избытке, фабрики и труд имеют богатое предложение; однако при всем этом обилии парадокс цивилизации остается: большинство людей борется за существование, а некоторая часть прозябает в жалкой и отвратительной бедности.

То, что такие условия должны существовать, кажется подвергает сомнению Верховный Разум. Выдвигать предположение, что нужда, нищета и невежество составляют неминуемое наследие, означает делать братство людей злобной иронией, а кодекс нравственности Вселенной – неразборчивым. Разочарование, порожденное этими условиями, превращается в недоверие к принципам, на которых зиждется общество, и в желание изменить базис, на котором оно покоится. Ваша самая важная миссия – ослабить это недоверие, и самый большой долг – противодействовать этой революции.

Популярные средства, предлагаемые для исправления пороков, изъянов и недостатков современного общества, можно

[432] классифицировать примерно в две группы, первая из которых предлагает возместить недовольство путем смены политических институций. Такой метод является ошибочным и обречен на неудачу, потому что он покоится на заблуждении, что материальное процветание – это результат свободы, тогда как истина состоит в том, что политическая свобода является следствием, а не предпосылкой материального прогресса. Сколько всего было написано поэтами и мечтателями, чтобы превознести бедность, а любовь к деньгам разоблачить как корень всякого зла. Однако факт остается таковым, что нет другой формы власти (если ее честно добыть и мудро использовать), столь прочной, решительной и ощутимой, как та, что сопутствует наличию денег.

Нет состояния более прискорбного, более угнетающего, более пагубного для всего, что самое благородное в человеке, что больше всего вдохновляет его в быту, что больше всего воодушевляет судьбу, чем беспомощное, жалкое, безнадежное убожество, нужда, голод, плата за труд в поте лица, тлеющие угли, лохмотья и корка хлеба. Если ваш обученный разум будет направлен на изучение проблем времени, вы непременно обнаружите, что этот элемент нашего общества постоянно растет".

Перед нами ясное и умелое изложение фактов, которое вынуждены признать все – бедные и богатые. Но оно не содержит никакого средства – даже совета, что новый отряд юристов и политиков должен искать какое-нибудь средство. Им только советуют смягчить недоверие к другим, несмотря на то, сколько они чувствуют его сами, и противодействовать всякому изменению нынешней системы, хотя они сами стремятся не попасть под ее жернова.

С чего бы такой совет? Не с того ли, что этот способный человек ставит ни во что своего более смиренного брата? Вовсе нет; все потому, что он понимает неминуемое воздействие свободы – "индивидуализм", самолюбие – с вытекающей из него свободой вести конкуренцию и каждому делать для себя все от него зависящее. Оглядываясь в прошлое, он говорит: "Что было, то будет". Он не понимает, что мы находимся в конце нынешнего века, на заре Тысячелетия, что только власть Помазанного Господом Царя всей земли может навести порядок во всем этом замешательстве; и что в

[433] Божьем мудром предвидении люди сегодня столкнулись лицом к лицу с такими сложными проблемами, которые не может решить ни один человеческий разум, и с такими злополучными обстоятельствами, которые не в состоянии предотвратить или разрешить никакая человеческая дальновидность или политика, отчего в положенное время в своей безысходности и своем смятении они будут рады признать и принять божественное вмешательство, а также оставить свои поступки и быть наученными Богом. Тот, Кому по праву принадлежит Царство, вот-вот должен "принять силу Свою и воцариться", чтобы навести порядок из хаоса, чтобы прославить Свою Церковь как Свою "невесту", чтобы с ней и через нее положить конец скорби отягченного грехом, стенающего творения и благословить все роды земли. Только те, у кого есть "истинный свет", могут видеть славный исход нынешнего темного времени, которое приводит в замешательство мудрых людей.

М-Р РОБЕРТ Г. ИНГЕРСОЛ, КАК И ДРУГИЕ, ОСОЗНАЛ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ, ВЫСКАЗАЛ СОЖАЛЕНИЕ ПО ЕГО ПОВОДУ, НО НЕ ПРЕДЛОЖИЛ НИКАКОГО СРЕДСТВА

Полковника Ингерсола знавали как умного человека по понятиям мира сего. Известный своим неверием, он был человеком незаурядных способностей и редкого здравого мышления, за исключением религиозных вопросов, где ни одно человеческое суждение не является здравым, разве что оно проинформировано и руководствуется Словом и духом Господа. Советы м-ра Ингерсола, как правоведа, ценились настолько высоко, что он, как известно, получал 250 долларов за тридцать минут консультаций. Этот деятельный ум был также занят попытками разрешить большие проблемы этого сложного времени; но у него также не нашлось средства, которое он мог бы предложить. Свои взгляды на ситуацию он высказал в пространной статье в "Twentieth Century", из которой мы предлагаем короткую выдержку. Он сказал:

"Изобретательство наполнило мир конкурентами – не самыми тружениками, а механиками, к тому же наивысшей квалификации. Сегодня обычный труженик является, как правило,

[434] винтиком машины. Он работает без устали и кормит ненасытный механизм. Когда монстр останавливается, человек остается без работы – без хлеба. Он ничего не накопил. Машина, которую он кормил, не кормила его самого – изобретение не оказалось ему на пользу. Однажды я слышал, как один человек рассказывал, что для тысячи хороших механиков почти невозможно найти работу, и по его мнению правительство обязано предоставить людям занятие. Несколько минут позже я слышал другого, который говорил, что он продает патент для кроя одежды; что одна из машин может выполнить работу двадцати портных; что всего неделю тому назад он продал две машини для большой фабрики в Нью-Йорке, и что свыше сорока раскройщиков было уволено. Капиталист движется вперед, как ему выгодно. Он говорит рабочим, что вынужден экономить, однако при нынешней системе экономия только уменьшает заработки. Под великим законом спроса и предложения каждый бережливый, экономный, бескорыстный рабочий непроизвольно делает то малое, на что он способен, чтобы уменьшить жалованье для себя и своих ближних. Бережливый механик является как бы свидетельством того, что заработки достаточно высоки.

Капитал всегда требовал и по-прежнему требует для себя права объединяться. Производители встречаются и устанавливают цены даже вопреки великому закону спроса и предложения. Имеют ли трудящиеся такое же право совещаться и объединяться? Богатые встречаются в банке, клубе или кабинете. Рабочие, чтобы объединиться, собираются на улице. Все организованные силы общества против них. Капитал имеет армию и морской флот, законодательство, судебные и исполнительные органы. Когда богатые объединяются, это делается с целью "обмена мнениями". Когда бедные объединяются, это – "преступный сговор". Если они действуют сообща, если они вообще что-то делают, то их именуют "толпой". Если они защищают себя, это считается "изменой". Как это так, что богатые контролируют органы правительства? Бывают времена, когда попрошайки становятся революционерами – когда ветошь становится знаменем, под которым самые благородные и отважные сражаются за права.

Как нам решить неравный спор между человеком и машиной? Сделаются ли наконец машины компаньонами труженика? Можно ли контролировать эти силы природы

[435] с пользой для ее страждущих детей? Будет ли сумасбродство идти в ногу с изобретательностью? Сделаются ли рабочие достаточно интеллигентными и сильными, чтобы стать владельцами машин? Может ли человек стать настолько интеллигентным, чтобы быть великодушным, чтобы быть справедливым, или он находится под контролем того же закона или реальности, которые контролируют животный или растительный мир? Во времена каннибализма сильный проглатывал слабого – натуральным образом поедал его плоть. Вопреки всем законам, созданным человеком, вопреки всем достижениям науки, сильный, бессердечный по-прежнему живет за счет слабого, неудачливого и глупого. Когда я начинаю размышлять над агонией цивилизованной жизни – над неудачами, неприятностями, слезами, угасшими надеждами, горькими реалиями, голодом, преступлениями, унижениями, позором, – я почти вынужден сказать, что каннибализм, несмотря ни на что, является самым сострадательным порядком, при котором человек когда-либо жил за счет своего ближнего.

Невозможно, чтобы человек с добрым сердцем был доволен сегодняшним миром. Ни один человек не может по-настоящему довольствоваться даже заработанным (тем, что, как он знает, принадлежит ему), если он знает, что миллионы его ближних находятся в нищете и нужде. Когда мы думаем о гибнущих от голода, то чувствуем, что наша еда – это почти бессердечность. Встреча с человеком, одетым в лохмотья и дрожащим от холода, почти заставляет устыдиться своей хорошей одежды и своего тепла – почувствовать свое сердце столь же холодным, как его тело.

Разве ничто не должно измениться? Разве "законы спроса и предложения", изобретения и наука, монополия и конкуренция, капитал и законодательство всегда должны быть врагами тех, кто тяжело работает? Разве рабочие всегда будут столь невежественными и столь бестолковыми, чтобы тратить заработанное на бессмыслицу? Разве они будут содержать миллионы солдат, чтобы те убивали детей других рабочих? Разве они всегда будут строить храмы, а сами жить в каморках и лачугах? Разве они всегда будут позволять паразитам и вампирам жить на их крови? Будут ли они оставаться рабами попрошаек, которых поддерживают? Будут ли честные люди останавливаться и снимать шляпу перед преуспевающим мошенником? Будет ли промышленность в присутствии коронованной лени всегда падать на колени? Поймут ли они, что нищие не могут быть великодушными и что каждый здоровый человек должен заслужить право на жизнь? Скажут ли они наконец, что человек, который имеет равные

[436] привилегии со всеми, не имеет права роптать, или последуют примеру их угнетателей? Смогут ли они понять, что сила, чтобы достичь успеха, должна иметь за собой разум, и что любая вещь, сделанная для ее увековечения, должна покоиться на краеугольном камне справедливости?"

Представленный здесь аргумент является жалким, слабым, призрачным и беспомощным; и то, что он исходит от умного человека и тонкого логика, всего лишь показывает, что умные люди в этом мире видят болезнь, но не способны видеть лечащее средство. Этот эрудированный джентльмен достаточно ясно указывает на причины трудностей, а также на их неизбежность, и затем говорит рабочим по сути следующее: "Не позвольте им (изобретениям, науке, конкуренции и т. п.) давить на вас и причинять вам вред!" Но он не предлагает никаких средств для освобождения, за исключением вопроса: "Сделаются ли рабочие достаточно интеллигентными и достаточно сильными, чтобы стать владельцами машин?"

Но, положим, у них были машины и вполне достаточный капитал, чтобы их задействовать! Могут ли такие фабрики и машины работать более успешно, чем другие? Могут ли они долгое время успешно работать на благотворительных началах, а не для прибыли? Не будут ли они иметь своего удела в росте "перепроизводства" и не приведут ли к "закрытиям", вынуждая своих и других рабочих к безработице? Разве нам не известно, что если завод или магазин работает по принципу равной платы всем нанятым, то в скором времени он либо сделается банкротом, поскольку выделял слишком много на зарплату, либо более квалифицированные будут привлечены лучшими заработками на другую работу или к частному делу, где будут работать на себя? Словом, своекорыстие, самолюбие укоренилось в падшей человеческой природе и сделалось частью нынешнего общественного строения, и кто с этим не будет считаться, тот быстро поймет свою ошибку.

Последнее процитированное предложение весьма сладкоречиво, но очень мало способно помочь в данной крайности. Оно, словно стеклянное яйцо в гнезде, заменяет настоящее до тех пор, пока вы его не разобьете и не попытаетесь съесть. "Смогут ли они [рабочие] понять, что сила,

[437] чтобы достичь успеха, должна иметь за собой разум?" Да, это всем известно; а также то, что разум должен иметь за собой мозг, и что мозг должен быть хороших свойств и строения. Всем понятно, что если бы все имели мозг одинакового размера и действия, конфликт между человеком и человеком был бы настолько равным, что вскоре было бы достигнуто перемирие и обеспечены права и интересы друг друга; или же, что еще более правдоподобно, схватка наступила бы еще раньше и была бы более суровой. Но никто не знает лучше самого м-ра Ингерсола, что никакая земная сила не способна создать такое состояние умственного равенства.

Четвертый по счету процитированный абзац делает самую большую честь этому великому человеку. Он находит отзыв во всех благородных душах, которых, мы уверены, много. Однако другие, умеренно зажиточные или даже состоятельные, наподобие м-ра Ингерсола, решают, как, очевидно, решил он сам, что они столь же бессильны затруднить или изменить общественную тенденцию, которая несется руслом падшей человеческой природы, бросая в него свои деньги и влияние, как бессильны преградить своим телом Ниагарский водопад, бросаясь в него. Мгновенный всплеск и волнения – вот все, что было бы в том и другом случае.

УВАЖ. Д.Л. ТОМАС О ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Нередко выдвигается утверждение, что законодательство дискриминировало Труд, благоприятствуя богатым и нанося вред интересам бедных; и что обратный шаг станет всеисцеляющим средством. Ничто не может быть более далеким от истины чем это, и мы рады, что у нас есть краткое изложение трудового законодательства Соединенных Штатов, представленное столь компетентным джентльменом, как бывший Заместитель генерального прокурора США генерал Томас, в "Tribune", Нью-Йорк, 17 октября 1896 года:

"Чтобы написать историю законодательства последних пятидесяти лет для улучшения условий более бедных и рабочего классов, потребуются тома, однако ее можно суммировать следующим образом:

[438] Отменено тюремное заключение за неуплату долгов.

Приняты законы, освобождающие ферму и большую часть личной собственности от взысканий в отношении тех должников, которые являются главами семейств, а также вдов и сирот.

Механикам и трудящимся законом даны права удержания земли или прочего имущества, в которые ими вложен труд ради получения заработка.
Лицам из числа бедных дано право предъявлять иск в суде штата или федеральном суде без уплаты издержек или предоставления поручительства на них.
Суды, государственный и федеральный, назначают, без возмещения издержек, поверенных для защиты бедных лиц в уголовном суде, а в некоторых случаях и в гражданском суде.
Суды во многих случаях имеют указание вести дело в пользу трудящегося, который вынужден возбудить тяжбу для взыскания своей зарплаты или принудительного обеспечения своих прав корпорацией за установленную сумму для возмещения расходов его поверенного.
Законом определен семи-, а в некоторых случаях восьми- или девятичасовой рабочий день для исполнения государственной службы и для общественных работ.
При управлении несостоятельным имуществом в приоритетном порядке принимается во внимание зарплата рабочего, а в некоторых случаях приоритетность зарплаты считается обязательной.
Приняты законы, регулирующие плату за пассажирские и грузовые перевозки железными дорогами и другими транспортными коммуникациями, а также подъемниками и на складах общественного пользования. Создана федеральная комиссия и комиссии штатов для надзора за железнодорожным движением, отчего цены уменьшились на две трети и больше.
Почти во всех штатах приняты законы, понижающие процентную ставку и увеличивающие время взыскания после окончания срока выкупа закладной или документа об учреждении доверительной собственности.
От железных дорог требуется установить ограждения своих путей или возмещать убытки в двойном размере при отсутствии таких ограждений; от них также требуется обеспечить своих рабочих безопасными рабочими местами и приспособлениями.
От производителей и владельцев шахт требуется предоставить места и технику для безопасности и удобств нанимаемых ими рабочих.
Законом разрешается предоставлять юридические права профсоюзным организациям.
День Труда сделан государственным праздником.

[439] Уполномоченные Труда на уровне штатов и государства назначены для сбора статистических данных и, насколько это возможно, для улучшения условий классов трудящихся.
Создан Департамент Сельского Хозяйства и его глава включен в кабинет министров.
Ежегодно население получает бесплатно семян на сумму 150 000 дол.
Во многих штатах преследуется законом занесение в черный список бедных людей, которых уволили с работы или которые не в состоянии уплатить свои долги; также судебно наказуемо посылать почтой письма с угрозой предъявить должнику иск или воздействовать на него любым другим путем.
Для того чтобы защитить неосторожных и излишне доверчивых, запрещено использовать почту теми, кто с ее помощью занимается обманом или лотерейным мошенничеством.
Уменьшены почтовые сборы, что повлекло потерю государством 8 000 000 долларов ежегодно при пересылке почты, однако при этом люди в стране получают газеты по почте бесплатно, а самые лучшие журналы и периодика были достаточно удешевлены в цене, чтобы сделать их доступными бедным.
Полисы страхования жизни и доля участия в жилищно-строительной кооперации уже не подлежат конфискации за неуплату страховых взносов или плату после установленного срока.
Государственный или федеральный банки подлежат общественному надзору, а их счета – общественному контролю.
Нанятым на работу государством предоставляется отпуск с оплатой продолжительностью в тридцать дней в одних случаях, пятнадцать дней – в других случаях, и дополнительно тридцать дней в случае болезни работающего или кого-то из его семьи.
Законом запрещены торговля чернорабочими, ввоз людей для работы по контракту, использование труда осужденных в Соединенных Штатах, дальнейшая иммиграция из Китая, импорт товаров, сделанных заключенными, и система подневольного труда.
Созданы арбитражные суды, государственный и федеральный, для решения трудовых споров.
Нанятым в государственном секторе оплачивают государственные праздники – Первое января, 22 февраля, День памяти погибших в войнах, 4 июля, День труда, День благодарения и 25 декабря.

[440] Земельные участки даны желающим поехать и поселиться на них; также другие земли были даны желающим садить и выращивать на них деревья.

Принят закон о тайном голосовании и другие законы с целью защитить права людей голосовать без принуждения и боязни.

Освобождено четыре миллиона рабов, отчего разорились сотни тысяч собственников имущества.

За счет государства устроены общественные библиотеки.

Увеличено количество государственных больниц для ухода за больными и бедными.

Сто сорок миллионов долларов выплачивается ежегодно из государственной казны для ветеранов войн, их вдов и сирот.

Построены последние, но имеющие большое значение, государственные школы, так что сегодня годовой расход на одно лишь обучение в них превышает 160 000 000 дол., тогда как расходы на строения, ссудные проценты и другие издержки, вероятно, увеличат сумму на 40 000 000 дол. или больше.

Конгрессом и законодательными органами разных штатов принято бесчисленное количество других законов меньшей важности, обращенных в том же направлении, что и предыдущие, и учитывающих мельчайшие подробности в отношениях между нанимателями труда (корпорациями, компаниями или частными лицами) и работающими по найму.

Все эти законы были приняты и все благодеяния предоставлены одинаково богатыми и бедными. Действительно, история этой страны за последнюю четверть столетия показывает, что мужчины и женщины всех классов максимально использовали свою изобретательность, чтобы придумать законы для пользы, просвещения и возвышения масс людей, и это шагнуло так далеко, что многие проницательные люди опасаются, что если сохранится нынешний ход событий, это закончится государственным социализмом. Никто не сомневается в том, что тенденция общественного мнения в среде народа многие годы сохраняется именно в таком направлении".

Итак, если законодательством сделано все возможное, а беспокойство по-прежнему растет, пожалуй, безнадежно

[441] искать какое-нибудь средство в этом направлении. Очевидно м-р Томас также пришел к заключению, что конфликт неизбежен.

Обратите внимание на слова, какими столь способный и благородный человек, как

ВЕНДЕЛ ФИЛИПС, ВЫСКАЗАЛ СВОЕ МНЕНИЕ.

"Ни одна реформа, моральная или интеллектуальная, никогда не исходила от высшего класса общества. Все они и каждая в отдельности вытекали из протеста мучеников и жертв. Освобождение рабочего народа должно быть достигнуто самим рабочим народом".

Все верно; все разумно; но и м-р Филипс не дал никакого практического совета, как рабочий народ должен освободить себя от неминуемого последствия самолюбивых принципов Закона Спроса и Предложения (поддерживаемого умственными и физическими неравенствами), столь же неумолимого, как закон гравитации. Он не знал, что порекомендовать. Революция, как всем известно, может принести определенные и временные изменения, полезные или совсем наоборот, но что сделает революция против всемирных условий и конкуренции? С тем же успехом мы можем восстать против океанического прилива и попытаться сгрести его обратно метлами или собрать остаток в бочки.

ПРЕДВИДЕНИЯ МЕКОУЛИ

Парижская "Figaro" цитирует следующие выдержки из письма, написанного в 1857 году м-ром Мекоули, великим английским историком, своему другу в Соединенных Штатах:

"Ясно, как день, что ваше правительство никогда не сможет удержать под контролем страдающее и разгневанное большинство, потому что в вашей стране правительство находится в руках масс, а богатые, которые в меньшинстве, полностью от них зависят. Однажды в штате Нью-Йорк наступит день, когда между завтраком и предвкушаемым обедом толпа изберет ваших законодателей. Разве

[442] можно иметь какие-то сомнения насчет того, какими будут избранные законодатели?

Вы будете обязаны выполнять то, что сделает процветание невозможным. Затем какой-нибудь Цезарь или Наполеон возьмет бразды правления в свои руки. Ваша Республика будет разграблена и разорена в двадцатом веке так, как это сделали варвары с Римской империей в пятом столетии, с той лишь разницей, что опустошители Римской империи, гунны и вандалы, прибыли извне, а ваши варвары будут уроженцами вашей собственной страны и порождением ваших собственных институций".

Этому человеку, столь осведомленному о человеческой природе (богатых и бедных), не пришло в голову предположить, что богатые могли бы неэгоистично поддержать дело большинства и молча согласиться на введение столь широкомасштабных и великодушных законов, которые бы постепенно подняли массы к правоспособности и сделали невозможным кому бы то ни было собрать больше, чем полмиллиона долларов богатства. Нет, м-р Мекоули знал, что подобное предложение недостойно рассмотрения. Отсюда его предсказание, которое совпадает с Божьим свидетельством относительно последствий самолюбия, по поводу великого времени скорби.

Более того, с тех пор, как он писал это, соотечественники м-ра Мекоули (британская общественность) потребовали для себя права избирать и добились своего требования. Того же потребовали бельгийцы и немцы, и это им было предоставлено. Того же потребовали и силой добились французы. Того же потребовали в Австро-Венгрии, и так вскоре поступят итальянцы. Так что катастрофа, столь уверенно предсказанная Соединенным Штатам, нависает также над всем "Христианством". Мекоули не видел никакой надежды и ему нечего было предложить, за исключением того, что предлагали другие, а именно: чтобы богатые и влиятельные силой захватили власть и как можно дольше сидели на предохранительном клапане, пока не произойдет взрыв.

[443]

УПОВАНИЯ М-РА ШАНСИ М. ДИПЮ

Среди мыслителей нынешнего мира, обладающих талантом и широтой мышления, находится также уваж. Шанси М. Дипю, доктор правоведения. Будучи умным человеком, он часто дает хорошие советы, и мы рады иметь его видение нынешней ситуации. Обращаясь к выпускникам Чикагского университета и остальным, он, выступая на его Десятом Созыве, сказал между прочим:

"Образование не только предоставило возможность для удивительного роста нашей страны и прекрасный шанс, позволяющий обрести занятие и богатство, но оно подняло наш народ из методов и привычек прошлого, и мы больше не можем жить так, как жили наши отцы.

Начальная и высшая школа с ее передовыми возможностями продвинула нас настолько, что жизненные тонкости воспитали более широко мыслящих и более интеллигентных мужчин, а также более ярких, более красивых и более великодушных женщин. Она поднимает их выше уровня европейских крестьян. В то время как образование и свобода превратили американцев в народ-феномен, они также, в определенной мере, подняли критерии жизни и ее требования в более старых державах Европы. Индийский рабочий способен жить в одной комнате под крышей из пальмовых листьев в одежде из набедренной повязки и с миской риса для пропитания. А вот американский механик желает для себя дом с несколькими комнатами. Он научился, и его дети научились, ценить произведения искусства. Все они познакомились с лучшей едой, лучшей одеждой и лучшей жизнью, смысл которой не в роскоши, а в удобствах, и которая формирует и обязана формировать граждан нашей Республики.

Властные люди большой предусмотрительности и отваги ухватились за имеющиеся в Америке возможности скопить огромные богатства. Массы, которые не были в одинаковой степени удачливыми, смотрят на них и говорят: "У нас нет равной доли в этих возможностях". Здесь не место, да и у меня нет времени, делать даже намек на разрешение этих трудностей или распутывание этих проблем. Ни один человек при здравом рассудке не сомневается, что между нами имеется гений, способный решить их, если потребуется, с помощью законодательства или каким-то другим способом. Для нашего времени

[444] нам требуется больше образованности, больше студентов колледжей и больше перспектив для колледжей. Каждый молодой человек, который выходит в свет, следуя этим принципам, выходит как миссионер света и знания. Обосновавшись в конкретном окружении, он будет отстаивать интеллигентный, всеобъемлющий и патриотический подход к ситуации в стране и в своем окружении. Выпускники четырехсот университетов страны являются лейтенантами, капитанами, полковниками, бригадными генералами и генерал-майорами той армии американского прогресса, к которой мы все принадлежим.

Мир, в который входит сегодня наш молодой человек, весьма непохож на тот, о котором имели понятие его отец или дед или предки столетней давности. Пятьдесят лет тому назад он закончил бы колледж определенного вероисповедания и посещал бы церковь своих родителей и своего круга. Пятьдесят лет тому назад он вступил бы в партию, к которой принадлежал его отец. От сельского пастора он принял бы его религиозное учение, и от национальной платформы партии своего отца – его политические принципы. Заканчивая же ныне колледж, религиозная направленность которого с трудом прослеживается, он обнаруживает, что члены его семьи разошлись по разным церквям и исповедуют различные вероучения, и он должен выбрать для себя церковь, в которой найдет для себя дом, и учение, на котором будет основывать свою веру. Он обнаруживает, что партийные узы ослаблены ложными учителями или некомпетентными лицами, а также неспособностью партийных организаций удовлетворить актуальные нужды страны и требования невиданных преобразований этих времен. Те, кому положено быть его наставниками, говорят: "Сын, решай, что лучше для тебя и для твоей страны". Вот так, уже в самом начале, ему необходимо обзавестись тем, в чем его отец не нуждался ни для своих обязанностей как гражданина, ни для основ своей веры и принципов. Он отправляется в путь в конце этого удивительного девятнадцатого столетия, чтобы узнать из кафедр, подмостей и прессы, а также понять из собственных наблюдений о существовании революционных условий в политическом, финансовом и промышленном мире, угрожающих стабильности государства, позиции церкви, основам общества и безопасности имущества. И хотя заповедь и пророчество говорят о

[445] бедствии, он не должен отчаиваться. Каждый молодой человек должен быть оптимистом. Каждый молодой человек должен верить, что завтра будет лучше, чем сегодня, и смотреть вперед с непоколебимой верой в завтрашний день, целиком исполняя свой долг сегодня.

Мы все осознаем трудность проблем и остроту ситуации. Но ведь именно образованию положено решать проблемы и совладать с критическими состояниями. Наше время – парадокс цивилизации. До сих пор наш путь был делом снисходительного толкования и спокойного плавания под парусами книг прошлого. Однако от двадцатого века нас отделяет пять лет, и мы сталкиваемся с условиями, почти напоминающими новеллу – словно огромный катаклизм швырнул нас сквозь пространство, и мы обнаружили, что сидим возле одного из марсианских каналов.

Пар и электричество привели к тому, что столетия христианской эры (вплоть до нынешнего) сделались без значения. Они положили начало совместному производству и совместным рынкам, чем нарушили все расчеты и все принципы деятельности прошлого. С помощью быстрой связи они объединили мир и, тем самым, сломали ограничения, прежде контролируемые временем и расстоянием или закрепленные законодательством. Цены хлопка на Ганге или Амазонке, цены пшеницы на плато Гималаев, в дельте Нила или в Аргентине на это утро, со всеми факторами денежного обращения, климата или заработной платы, контролирующими стоимость их производства, молниеносно находят свое отображение в полдень в Ливерпуле, Новом Орлеане, Севанне, Мобиле, в Чикаго и Нью-Йорке. Они вызывают нервную дрожь или озноб на плантациях Юга и на фермах Запада. Фермеры Европы и Америки справедливо сетуют на свои условия. Сельское население устремляется в города, до невозможности увеличивая трудности муниципальных властей. Капиталисты стремятся создавать объединения, которые бы держались как по течению, так и против него, а рабочие организации стремятся, с ограниченным успехом, к созданию ситуации, которая, на их взгляд, будет для них наилучшей. Гигантский прогресс последних пятидесяти лет; революции, сделанные паром, электричеством и изобретениями; соотношение

[446] сил, действующих на одной стороне земного шара и приносящих мгновенные результаты на другой, настолько изменили отношения людей и отраслей промышленности, что мир еще к этому не приспособился. Настоящее и будущее должны основываться на образовании, чтобы высший разум мог навести порядок среди хаоса, созданного в девятнадцатом веке землетрясением сил и возможностей.

Кризисы в мире были всегда. Они являлись усилиями и стремлениями человечества к чему-то лучшему и более возвышенному, и в конечном счете завершались каким-нибудь грандиозным движением за свободу. Эти революции сопровождались неописуемыми страданиями, убийством миллионов и разорением провинций и царств. Крестовые походы подняли Европу из рабства феодализма; французская революция разорвала оковы кастовости. Наполеон был вождем и достойным восхищения (хотя и самолюбивым) инициатором всеобщего избирательного права и парламентского правительства. Стремлением всех столетий была свобода и еще раз свобода. Существовала надежда, что когда будет добыта свобода, наступит всеобщее счастье и мир. Англоязычные народы добились свободы в самом широком и полном смысле: свободы, при которой люди сами себе правители, законодатели и господа. Парадокс всего этого в том, что вместе со свободой, которую мы все считаем нашим наибольшим благословением, пришло недовольство, какого мир никогда не знал. Социалистическое движение в Германии выросло из ста тысяч голосов десять лет тому назад до нескольких миллионов в 1894 году. Республиканские элементы во Франции становятся с каждым месяцем все более радикальными и угрожающими. Аграрные и трудовые неурядицы в Великобритании превышают возможности государственных мужей преодолеть их, за исключением временного откладывая их изо дня в день. В Чикаго случился анархистский бунт, и лишь самоотверженный героизм небольшого корпуса полицейских спас огромный город от ужаса мародерства и грабежа. Один человек за несколько месяцев самостоятельно создал настолько мощную организацию рабочих и служащих железной дороги, что по его приказу двадцать миллионов людей остановили свою деятельность и передвижение, а все элементы, задействованные для обеспечения населения, были временно приостановлены. Восстание было столь мощным, что два губернатора

[447] подали в отставку, а мэр нашей западной метрополии принимал распоряжения от главаря мятежа. Неисчислимые промышленные и коммерческие потери удалось предотвратить исключительно благодаря сильной руке федерального правительства.

Другим парадоксом нашей четверти столетия является то, что сегодня каждый ремесленник, механик и трудящийся каждой отрасли получает, при меньшем количестве рабочих часов, на двадцать пять, а во многих случаях на пятьдесят процентов больше, чем получал тридцать лет тому назад. И хотя, таким образом, он получает на треть больше, чем тридцать лет тому назад, за его доллар можно купить вдвое больше одежды и пищи, нежели это можно было сделать тридцать лет тому. Кто-то подумает, что трудящийся должен быть чрезвычайно счастлив, сравнивая прошлое с настоящим, и что кроме жизненно необходимого ему следовало бы положить в сберегательный банк сумму, которая быстро сделает его капиталистом. Однако он чувствует недовольство, которого не знал его отец тридцать лет тому назад, имеющий треть зарплаты и возможность купить за свой доллар наполовину меньше. И все это пришло с образованием!

[М-р Дипю не обращает никакого внимания на факт, что тридцать лет тому назад работы было в избытке. Предложение человеческого умения и мускул было значительно меньше потребности, людей вынуждали работать на железной дороге, а также на заводах и фабриках "в две смены"; иммигранты прибывали миллионами и также быстро находили работу. Сегодня предложение труда в каждом направлении значительно превышает потребности, вытесняясь техникой. Хотя заработки сегодня неплохие, люди, массы, не могут добиться постоянного спроса и занятости для своих профессий, отчего заработки неизбежно падают.]

Мы ведем бой не только сегодняшнего дня, но и всех времен; мы развиваем эту страну не только для себя, но и для потомков. Мы одолели рабство, мы искоренили полигамию, и нашим единственным оставшимся врагом является невежество.

[Но если частичная ликвидация невежества посредством образования принесла всякое недовольство и невзгоды, которых не счесть, тогда сколько анархии и какой ужасной скорби будет

[448] стоить полная образованность! М-р Дипю заявляет, что здесь он не обсуждает средство от всех этих невзгод и недовольства, и был бы, несомненно, рад сделать это, если бы знал какое-нибудь средство. Здесь он заявляет, что это будет излечено "так или иначе". Это – молчаливое признание, что ему не известно никакое конкретное средство, которое он мог бы посоветовать.]

Недовольные люди сами являются правителями и властителями и сами обязаны решать свои проблемы. Они могут избирать свои собственные Конгрессы и своих президентов. Но они не могут восстать против себя и не могут перерезать себе горло. Рано или поздно, так или иначе, они все-таки решат свои проблемы, но это будет при помощи и посредством закона. Это произойдет разрушительным или созидательным образом.

Вопрос вполне естественный: "Откуда это недовольство при всем процветании и прогрессе в мире?" Быстродействие изобретательства и возможностей, предоставленных электричеством и паром, уничтожило за последние двадцать пять лет шестьдесят процентов мирового капитала и лишило занятости сорок процентов труда. Тройное увеличение мощности машин, изобретение нового двигателя, двойное увеличение возможностей путем нового применения техники делает непригодным все старое. И даже больше: это вынуждает квалифицированного ремесленника, в результате потери орудия труда, которым он зарабатывал себе на жизнь и которое больше не годится для какого бы то ни было пользования, отойти обратно к огромной массе простых рабочих. Одновременно те же силы, которые вот так разрушили большинство ценностей и выставили за ворота стольких людей, создали новые условия, которые неисчислимо умножили богатство мира и шансы его жителей на средства к существованию, уют и счастье. Но для того чтобы воспользоваться его шансами, его удобствами и его счастьем, становится обязательным лучшее образование".

Вполне очевидно, что м-р Дипю хорошо информирован в вопросах труда и что он изучил условия, приведшие к состоянию, с которым ныне сталкивается мир. Но что за средство он предлагает? Возможно, только вежливость и чувство приличия заставили этого джентльмена в его обращении к выпускникам колледжа выдвинуть предположение, что невежество – это "враг", вызывающий нынешние беды и угрожающий будущему.

[449] Но м-ру Дипю, как никому другому, должно быть известно, что образование не может быть таким средством. Очень немногие нынешние миллионеры получили университетское образование. Корнелиус Вандербильт был неграмотным человеком, перевозчиком, острое чутье бизнеса которого привело его к богатству. Он предвидел рост путешествий и сделал инвестиции в пароходы и железные дороги. Необыкновенный человек, Джон Джейкоб Астор, был неграмотным, торговцем пушниной и кожей. Предвидя рост Нью-Йорк Сити, он вложил деньги в его недвижимость и тем самым положил начало состоянию нынешнего рода Асторов.

Следующий перечень американских миллионеров, передавших миллион или больше долларов колледжам, обошел прессу вместе с пояснением, что ни один из этих состоятельных и умных людей никогда не получал университетского образования:

"Стефан Жирард, для Жирард Колледж, 8 000 000 дол.; Джон Д. Рокфеллер, для Университета в Чикаго, 7 000 000 дол.; Джордж Пибоди, для разных фондов, 6 000 000 дол.; Лейленд Стенфорд, для Университета Стенфорд, 5 000 000 дол.; Эйзе Паркер, для Университета Легай, 3 500 000 дол.; Поль Тюлейн, для Университета Тюлейн, Новый Орлеан, 2 500 000 дол.; Айзиек Рич, для Университета в Бостон, 2 000 000 дол.; Джоунес Дж. Кларк, для Университета Кларка, Уочестер, Масс., 2 000 000 дол.; Вандербильты, для Университета Вандербильт, по крайней мере 1 775 000 дол.; Джеймс Лик, для Университета Калифорнии, 1 600 000 дол.; Джон К. Грин, для Принстон, 1 500 000 дол.; Вильям С. Де Пайв, для Осбюри, сегодня Университет Де Пайв, 1 500 000 дол.; А.Дж. Дрексел, для Промышленной Школы Дрексела, 1 500 000 дол.; Леонард Кейз, для Школы Прикладных Наук в Кливленд, 1 500 000 дол.; Питер Купер, для Общества Купера, 1 200 000 дол.; Эзра Корнелл и Генри В. Сейдж, для Университета Корнелл, каждый по 1 000 000 дол.; Чарльз Пратт, для Института Пратта в Бруклине, 2 700 000 дол."

Словно в доказательство исключения из этого правила, м-р Сет Лоу, выпускник колледжа и президент, в одно время передал в дар Коламбия Колледж миллион долларов для библиотеки.

Хотя образование в Колледже ценится высоко, оно никоим образом не является средством от нынешних условий. Действительно, если бы каждый человек

[450] в Европе и Америке был сегодня выпускником колледжа, нынешние условия были бы еще хуже, а не лучше. М-р Дипю признает это в вышеприведенной цитате, когда говорит, что механик "чувствует недовольство, которого не знал его отец тридцать лет тому назад, имея треть зарплаты и возможность купить за свой доллар наполовину меньше. И все это пришло с образованием". Да, действительно, чем больше общее образование, тем больше общее недовольство. Образование – это прекрасно, и к нему следует всячески стремиться; но это не средство. Хотя правда, что некоторые добродетельные и благородные люди были богатыми, но также правда, что некоторые из самых порочных людей были образованными, а некоторые из самых святых людей были "малограмотными", как, например, апостолы. Чем больше образован порочный человек, тем больше его недовольство и больше способность делать зло. Мир нуждается в новых сердцах: "Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня" (Пс. 50: 12). Вот так пророчески изложено то, в чем нуждается мир, и все ближе (после чего окончательно будут всеми распознаны) наглядные примеры того, что для счастья и мира необходимо значительно больше, нежели образование и интеллект. "Великое приобретение – быть благочестивым и довольным"; и если сперва положить это основание, то образование может гарантированно стать большим благословением. Самолюбивые сердца и мирской дух противоречат духу любви, и никакой компромисс здесь не поможет. Образование, "возросшее знание" масс ведет к общественному кризису и его окончательному результату – анархии.

ИНТЕРВЬЮ ЕПИСКОПА ВОРТИНГТОНА

Принимая участие в собрании протестантской епископальной церкви в Нью-Йорк Сити, епископ Вортингтон изложил свои взгляды на нынешнее общественное замешательство. Эти взгляды были тщательно собраны корреспондентом газеты и опубликованы на ее страницах 25 октября 1896 года. По словам репортера, он сказал:

[451] “Проблема фермера, на мой взгляд, в том, что мы слишком далеко зашли с нашей системой свободного образования. Конечно, я знаю, что этот взгляд сочтут как некую ересь, тем не менее, я по-прежнему так думаю. Дети фермера – большая часть из них, – которые не имеют абсолютно никакой возможности для роста, чувствуют вкус к образованию и стремятся к нему. Им никогда ничего не достигнуть – то есть многим из них, – отчего они расстаются с надеждой следовать тем жизненным путем, которым, по определению Бога, они должны следовать, и переселяются в города. Излишняя просвещенность тех, кто не годится к ее принятию, наполняет наши города, тогда как фермы пустуют”.

Епископ занимает точку зрения, противоположную той, которую защищал м-р Дипю. Он больше согласен с Генеральным Директором Департамента образования России, высказывание которого против предоставления образования более бедным классам нами уже упоминалось. Мы согласны с обоими относительно факта, что образование, как правило, поощряет честолюбие и бесконечное недовольство. Епископ, конечно же, согласится, что в этой земле свободы и образованности дела зашли слишком далеко, чтобы понадеяться подавить растущее недовольство, потушив светильник знаний. Хорошо или плохо, но образование и недовольство уже здесь и не могут быть и не будут проигнорированы.

ОТВЕТ УВАЖ. У. ДЖ. БРАЯНА

Что касается справедливости утверждения епископа, мы дадим ответить на это м-ру У. Дж. Браяну, цитируя его ответ, опубликованный в прессе:

“Вести речь об излишнем образовании детей фермера и приписывать ему окружающие нас сегодня трудности, это, на мой взгляд, одно из самых жестоких изречений, когда-либо высказанных человеком. Что за бессмыслица говорить, что дети фермера, которые не способны стать в жизни на ноги, почувствовав вкус к образованию, настолько увлекаются им, что упорно стремятся к нему и, потеряв интерес к ферме, перебираются в города?! Что за бессмыслица говорить, будто среди детей наших фермеров слишком много образованности?! Друзья, да вам известно, что означает такое высказывание?

[452] Оно подразумевает обратный ход цивилизации и движение назад к средневековью.

Как вы можете сказать, который из сынов фермера собирается стать великим человеком, пока вы не дадите всем им образования? А может собрать комиссию, чтобы ходить кругом и выбирать тех, кому следует учиться?

Нет, друзья, есть другая причина, почему люди пришли в город и оставили фермы. Дело в том, что ваше законодательство лишило должников права выкупа залога на фермы и фермеров. Дело в том, что ваше законодательство делает для фермера его жизнь все более невыносимой; что классы, не занятые производством, издают законы и делают более выгодным спекуляцию фермерскими продуктами, нежели их производство.

Что за бессмыслица возлагать вину за нынешние условия на фермера?! Что за бессмыслица предлагать в виде средства закрытие школ, чтобы люди не разочаровывались?! Да недовольство, друзья, будет длиться столько, сколько существуют причины для недовольства. Вместо того, чтобы пытаться помешать людям осознать их условия, почему бы этим критикам не улучшить положение фермеров этой страны?"

Английский журнал "The Rock" пытался что-то уяснить, но так и не нашел ответа. Цитируем:

"По всему миру кипящие волнения, противоречивые интересы и встречные течения удерживают цивилизованное человечество в постоянном состоянии возбуждения. Нервное и умственное напряжение нарастает буквально с недели на неделю; через короткие промежутки времени определенные ошеломляющие события потрясают политическим и торговым миром с силой землетрясения, и люди осознают, что под поверхностью общества прячутся накопившиеся элементы катастрофы. Политики, стремясь изменить давление этих сил, искренне признают, что они не могут полностью их контролировать или предвидеть их последствия.

В путанице бесконечных теорий, предложений, экспериментов и пророчеств великие мыслители соглашаются по двум пунктам. С одной стороны, они наблюдают грядущую большую катастрофу, которая заставит содрогнуться весь мир и сокрушит нынешнее строение политической и общественной жизни, отчего разрушительные силы

[453] истощат себя раньше, чем созидательные смогут реконструировать общественный строй на более прочном основании. С другой стороны, они единодушны в том, что еще никогда народы так не стремились к миру и не понимали столь откровенно свои обязанности и свои привилегии совершенствовать единство и братское согласие, как в данный момент".

И так происходит по всему цивилизованному миру. Все умные люди более-менее ясно понимают дилемму, и только некоторым есть что предложить в виде средства. Но не всем: некоторые люди, имеющие добрые намерения, полагают, что они могут решить проблему, но так происходит лишь оттого, что они не способны оценить ситуацию, которая отчетливо очерчивается перед глазами их разума. О них будет сказано в следующей главе.

ВЫСКАЗЫВАНИЕ М-РА БЕЛЛАМИ О СИТУАЦИИ

Нижеприведенное взято из обращения м-ра Эдварда Беллами в Бостоне, и наверное будет интересно для чтения. Он сказал:

"Если вы попытаетесь сформулировать четкую концепцию экономического безрассудства системы конкуренции в промышленности, то обратите внимание исключительно на факт, что ее единственным методом улучшения качества или уменьшения цен на товары является производство их в избытке. Другими словами, дешевизна при конкуренции может быть результатом только удвоения усилий и напрасной их траты. Однако вещи, изготавливаемые путем траты усилий, в действительности являются дорогостоящими, как бы их при этом ни именовали. Таким образом, товары, производимые при конкуренции, становятся дешевыми только путем удорожания. Вот reductio ad absurdum этой системы. Нередко находит подтверждение факт, что товары, за которые мы платим меньше всего, в конечном итоге оказываются самыми дорогими для народа, который обязан этим расточительной конкуренции, не допускающей повышения цен. Всякое расточительство должно в конце концов означать потери, отчего приблизительно раз в семь лет страна обязана попадать в банкротство как результат системы, которая вынуждает трех человек бороться за работу, которую мог бы сделать один человек.

Говорить о моральных пороках конкуренции означает заняться темой, слишком обширной на данный момент, и я лишь обращаю на это внимание, переходя к одной из особенностей нашей нынешней промышленной системы, о которой трудно сказать, что

[454] именно в ней преобладает – бесчеловечность или экономическое безрассудство, и ссылаюсь на то, каким нелепым образом распределено бремя труда. Промышленные отряды вербовщиков не брезгуют ни старым, ни малым, забирают жен и матерей от семьи, а стариков лишают места у очага, хотя в то же самое время сотни тысяч сильных мужчин наполняют землю громкими требованиями дать им возможность работать. Женщин и детей передают надсмотрщикам, тогда как мужчины не могут найти чем заняться. Для отцов нет работы, зато ее хватает для детей.

В чем, следовательно, секрет этой тревоги по поводу скорой гибели системы, при которой ничего нельзя сделать как следует, не выполнив этого дважды; которая не способна делать бизнес, не переусердствовав при этом; которая ничего не может произвести без перепроизводства; которая не может найти на этих землях, преисполненных потребностями, занятия для сильных и энергичных рук и которая, наконец, делает успехи исключительно за счет полного развала каждые несколько лет, после которых следует затяжное оздоровление.

Когда народ оплакивает своего плохого короля, следует полагать, что наследник престола еще хуже. Вот, пожалуй, объяснение нынешней обеспокоенности крушением системы конкуренции. Дело в том, что существует опасение попасть из плохого в еще худшее, когда мизинец объединения будет сильнее мышцы конкуренции; что прошлая система наказывала людей плетью, а тресты будут наказывать их скорпионами. Эта новая и непривычная опасность вынуждает пугливых (словно детей Израиля в пустыне) вздыхать даже за железной палкой фараона. Но посмотрим, нет ли и здесь обетованной земли, вид которой ободрил бы ослабевшие сердца.

Вначале спросим, возможно ли возвращение к старому порядку вещей, к системе свободной конкуренции? Краткое рассмотрение причин, приведших к нынешнему всемирному движению по замене объединений в бизнесе на конкуренцию, непременно убедит каждого, что из всех революций, для этой наиболее маловероятно вернуть прошлое. Она является результатом роста эффективности накоплений капитала, основывающихся на изобретениях, сделанных прошлым и нынешним поколениями. В прежние эпохи размеры и

[455] сфера деловых предпринимательств подлежали естественным ограничениям. Существовали пределы объема капитала, который мог быть использован для выгоды под одним руководством. Сегодня не существует никаких ограничений, разве что пределы Земли, для рамок какого бы то ни было делового предприятия; и не ограничивается не только объем капитала, который может быть использован одним концерном, но и прибыльность и гарантии коммерческого предприятия по сравнению с вложенным в него капиталом. Экономические методы управления, как результат укрупнения производства, а также контролирование рынка вследствие монополии на основные товары потребления – вот дополнительные веские экономические доводы в пользу появления Трестов. Тем не менее, не следует полагать, что объединенческий принцип распространился только на те коммерческие образования, которые именуют себя Трестами. Это было бы большой недооценкой происходящего. Существует много форм объединений менее закрытых, чем Тресты, и сравнительно мало коммерческой деятельности осуществляется сегодня без некоторого понимания необходимости объединяться со своими прежними конкурентами – то есть объединенческий процесс ведет к постоянному сближению.

Со времени, когда начали господствовать эти новые условия, малый бизнес исчезает перед большим. Этот процесс не был столь стремительным, как полагают те, чье внимание было привлечено к этому только недавно. На протяжении последних двадцати лет большие корпорации вели войну на уничтожение против массы небольших промышленных предприятий, которые являются кровяными тельцами системы свободной конкуренции и с сокращением числа которых она умирает. В то время как экономисты с умным видом дебатировали над тем, можем ли мы обойтись без принципа личной инициативы в бизнесе, этот принцип исчез и сегодня уже принадлежит истории. За исключением нескольких укромных уголков мирового бизнеса, сегодня нет никакой перспективы для личной инициативы в бизнесе, разве что она будет поддержана большим капиталом; а размеры требуемого капитала быстро растут. Одновременно тот же рост эффективности накопленного капитала, который уничтожил малый бизнес, вынудил гигантов, которые его уничтожили, к необходимости договариваться друг с другом. Как в фантастической повести Бульвера Луттона о грядущем поколении, народ с Орил-Я был вынужден отказаться

[456] от войны, потому что его оружие сделалось столь губительным, что грозило взаимным уничтожением, так и современный мир бизнеса обнаруживает, что рост размеров и власти объединений капитала требует приостановления взаимной конкуренции ради самосохранения.

Первая большая группа коммерческих предприятий, которая приняла принцип объединения вместо конкуренции, вынудила каждую иную группу рано или поздно сделать то же самое или погибнуть. Как корпорация сильнее отдельного лица, так и синдикат превосходит корпорацию. Действия правительств по предотвращению этой логической неизбежности экономической эволюции способны создать не более чем водовороты в течении, которое ничто не может остановить. С каждой неделей виден какой-то новый участок пространства, известный когда-то как большое открытое море конкуренции, в котором смельчаки от бизнеса по привычке пускались вплавь без маломальского капитала (помимо своей отваги) и возвращались домой при деньгах, – с каждой неделей видно, как все новые участки этого, в свое время открытого, моря огорожены, запружены и превращены в частный рыбный пруд синдиката. Поэтому сказать – при нынешнем взгляде на вещи, – что значительная консолидация разных групп производств в этой стране под началом нескольких десятков больших синдикатов будет, вероятно, завершена на протяжении пятнадцати лет (1889-1905 годы), означает осмелиться высказаться не так уж и опрометчиво.

Столь большая экономическая перемена, состоящая в том, чтобы изъять государственные отрасли промышленности из рук народа и сконцентрировать их под заведованием нескольких больших трестов, естественно не может не иметь значительного общественного отклика. Именно этот отзыв и повлияет особым образом на тех, кого именуют средним классом. Это вопрос уже не только к бедным и малограмотным – что им делать со своим занятием, – но и к образованным и обеспеченным – где искать для себя бизнес и где делать свои капиталовложения. По мере того как один за другим новые участки прежде свободного пространства конкуренции огораживаются новым синдикатом, эти трудности не могут не возрастать. Средний класс, класс предпринимателей, превращается в класс пролетариев.

Нетрудно предвидеть окончательный исход сосредоточения производства, если оно будет происходить согласно тем же принципам, какие

обозначены [457] сегодня. Окончательно, во времени не очень отдаленном, общество обязано разделиться на несколько сотен семей с громадным богатством с одной стороны и на класс свободных профессий, зависящий от их милости, однако лишенный равенства с ними и пониженный до состояния лакейства. Еще ниже находится огромная масса трудящихся мужчин и женщин, не имеющих абсолютно никакой надежды на улучшение условий, которые год за годом все безнадежнее нисходят к крепостничеству. Эта картина не из приятных, но я уверен, что она не является преувеличенным изложением социальных последствий системы синдикатов".

М-р Беллами предлагает национализм в виде лекарства от всех этих недугов. Мы рассмотрим это позже.

ВЗГЛЯДЫ УВАЖ. Д-РА ЭДВАРДА МАКГЛИННА

Напомним, что несколько лет тому назад д-р МакГлинн вступил в конфликт со своими церковными настоятелями из Римо-Католической Церкви по причине отстаивания им Трудовой Реформы и, прежде всего, теорий Единого Налога. Даже помирившись с Церковью Рима, он остался приверженцем Единого Налога. Следующие выдержки, вышедшие из-под его пера, взяты из статьи в "Donahoe's Magazine" (Бостон, июль 1895 года). Ставя на обсуждение тему "Как избежать нагромождения богатств и повысить уровень трудового народа", он сказал:

"Поскольку мир сегодня ведет честный бизнес, для людей возможно создать честным путем богатства, которыми обладают Вандербильты или Асторы и которые исчисляются сотнями миллионов. Их богатство растет не потому, что эти люди являются непорядочными, а потому что руководители людей не осведомлены или равнодушны к тому, чтобы следить за каналами, по которым богатство плывет от отдельных тружеников в общую казну. Виноват механизм распределения. Следовательно, когда труд сделал свое ежедневное вложение в удовлетворение мировых нужд, то при внимательном изучении этого процесса вложения (от момента, когда труженик берет исходный материал, который он должен превратить в богатство, до времени, когда законченный продукт передан в руки

[458] его пользователя) станет ясно, что создатели колоссальных богатств вошли, под прикрытием закона и обычаев, в обладание каждым важным элементом процесса, и превращают богатство, которое должно быть помещено в сокровищницу миллионов, в свое собственное".

Д-р МакГлинн утверждает, что в поисках причин больших богатств и низких заработков следует внимательно изучить три основные вещи: (1) землю и другие природные богатства, на которых человек осуществляет свою деятельность; (2) средства передвижения; и (3) деньги как средство, способствующее обмену продуктов. Станет ясно, говорит он, что люди были равнодушными к тем моментам, к которым были весьма внимательными те, кто делает деньги. Цитируем:

"С самого начала целью тех, кто делает деньги, было овладение этими природными богатствами, монополизация их под прикрытием закона и обычая и стремление заставить всех людей, которые ими пользуются, платить авансом за такую привилегию. Немудреное дело сколотить стомиллионное состояние, если вы можете подвергать налогообложению два или три десятка лет миллионы тех, кто вынужден покупать хлеб и мясо, древесину и уголь, хлопок и шерсть, имеющие происхождение от земли. Именно так произошло в европейских странах, где в Великобритании и Ирландии миллионы акров были захвачены несколькими людьми под прикрытием закона, и людей вынудили платить сперва за позволение получить эту землю, а затем за позволение продолжать работать на ней.

Буквально то же самое случилось косвенно в этой стране, когда миллионы акров были отданы под большие железные дороги, и капиталистам было позволено удерживать дополнительные миллионы посредством различных ухищрений. Все это крепко удерживалось до тех пор, пока волна иммиграции не подняла стоимость этой собственности до невиданных размеров, когда ее продавали по ценам, сделавшим миллионеров столь же обычным явлением в этой стране и в Европе, как рыцарей в Англии. Читатели газет хорошо знакомы с карьерой и методами угольных баронов Пенсильвании и других мест, которые под прикрытием закона завладели большими угольными районами и на протяжении сорока лет взимали дань одинаково с потребителей и шахтеров всевозможными

[459] способами, какие в состоянии придумать человеческая изобретательность, проигнорировавшая справедливость…

Как некоторые обрели контроль, почти абсолютный контроль, над природными богатствами, так и этим удалось обрести контроль над транспортными средствами страны. Что это означает, лучше всего уяснить из утверждения, что общество не делает никакого продвижения без соответствующего обмена товарами. Чтобы всесторонне двигать цивилизацию, люди должны иметь самые благоприятные условия для обмена того, что сделано их руками.. Удобство перевозок, следовательно, является столь же жизненно необходимым для трудящегося, как удобство доступа к природным богатствам. И как все люди являются трудящимися в истинном смысле слова, так и те немногие, которые заняли ведущее место в обеспечении народа транспортом, сделались неимоверно богатыми за самое короткое время по той причине, что они облагают налогом каждое человеческое существо, оказавшееся в сфере их подчинения, более тщательно и полно, чем это делает правительство.

Вандербильты, говорят, обладают сегодня состоянием в треть миллиарда долларов. Как они его заполучили? Тяжелым трудом? Нет. Они воспользовались привилегиями, безрассудно предоставленными им безрассудным народом: правом контролировать проезд штатом Нью-Йорк; правом решать, какие цены за перевозку грузов и пассажиров должны платить жители населенных пунктов за пользование своими собственными дорогами; правом удерживать огромную собственность штата так, словно она создана их руками.. Никому самолично и ни одной корпорации нельзя позволить собирать миллиарды с этой общественной собственности…

То же самое можно сказать о средстве обмена – деньгах. Мир, кажется, опять в полном недоумении относительно элементарных принципов этой проблемы. Только кредиторы имеют твердо установленные и выгодные принципы, позволяющие им налогооблагать каждое человеческое существо, пользующееся деньгами, за пользование и за позволение в дальнейшем пользоваться ими. Они устроились между людьми и средством обмена так же, как другие устроились между людьми и природными богатствами, между людьми и средствами перевозки товаров на рынок. Могут ли они накопить миллионы по-другому, чем это сделали Ротшильды, – миллионы, которые, опять же, должны оказаться по большей части в общественной казне?”

Д-р МакГлинн суммирует свои выводы следующим образом:

[460] “Принцип организации хорош для поддержания цены на труд, для обеспечения разумного законодательства, для понуждения работодателей обеспечивать своих рабочих хорошим жильем, а домовладельцев – хорошими помещениями для аренды и т. д. Однако корень всех наших трудностей, объяснение наших неравных общественных условий и причину наших огромных состояний и низких заработков следует искать в общем безразличии к трем основным нуждам общественной и цивилизованной жизни. Перед тем как мы сможем постоянно поднимать заработки и делать богатства Вандербильта и Карнеги столь же нереальными, как они являются излишними, мы должны научиться держать природные богатства, предметы обмена и средство обмена свободными от налогообложения спекулянтом, от его вмешательства и его тирании”.

Лечащим средством д-ра МакГлинна является “Единый Налог”, который мы рассмотрим в следующей главе. Здесь же стоит только обратить внимание на факт, что Асторы и Вандербильты добыли свое богатство под теми же законами, которые контролируют их сограждан и которые до сих пор считались самыми справедливыми и беспристрастными законами, когда-либо известными миру. Следует также заметить, что миллионы Вандербильтов были получены в связи с предоставлением обществу больших услуг и с большой для него пользой, хотя вдохновляющим началом было самолюбие, а не заинтересованность в общественном благополучии. Обратите внимание на важную вещь: наука и изобретения совершили полную революцию в общественном равновесии, при которой мозг и мускулы почти уравновешиваются наличием земли, техники и богатства. Необходим новый свод законов, должным образом урегулированный и отвечающий новым условиям. Но здесь имеется трудность: удовлетворительное урегулирование невозможно, так как ни одна из заинтересованных сторон – Капитал и Труд – не сможет трезво, сдержанно взглянуть на ситуацию. В самом деле, можно сказать, что ни одна из них не способна видеть ситуацию правдиво, потому что обе руководствуются самолюбием, которое, как правило, довольно неразборчиво к равенству, пока не увидит его вынужденным образом. Новые условия требуют реорганизации усилий на основании любви; а поскольку этим

[461] качеством обладает только незначительное меньшинство обеих сторон конфликта, поэтому придет скорбь, которая не только сокрушит нынешний общественный строй, основывающийся на самолюбии, но и путем опыта приготовит все классы к тому, чтобы оценить новый общественный строй, "новые небеса и новую землю", которые должны быть установлены под властью Мессии.

ВЗГЛЯДЫ ПРОФЕССОРА У. ГРАХАМА

Другой автор, проф. У. Грахам, обсудил в "The Nineteenth Century" (февраль 1895 года) данный общественный вопрос с точки зрения, известной в Англии как "Коллективизм", то есть учения, что люди, как одно целое, должны перенять в собственность или взять под контроль материалы и средства производства – в противовес индивидуализму. Проф. Грахам делает заключение, что, поскольку вряд ли можно ожидать изменения человеческих сердец, этот метод можно внедрить лишь в определенной степени и после долгого времени. Он сказал:

"Это, по меньшей мере, неосуществимо, разве что человеческая природа в ее основополагающей сути и стремлениях (то ли извечно наследственных, то ли глубоко укоренившихся в результате тысячелетий медленной общественной эволюции, стремящейся их усилить) в одночасье изменится у большинства людей каким-то общим чудесным образом. Затем, я считаю, что если вообще попытаться внедрить в этой стране в полной мере что-то наподобие Коллективизма (даже предполагаемым большинством в каком-то "Сумасбродном" Парламенте, представляющем при этом большинство голосов), ему будет силой противостоять меньшинство, которое, при самых смелых предположениях, никогда не может быть малочисленным. Ему будут противиться еще и потому, что он обязательно повлечет конфискацию, а также революцию – политическую, экономическую и общественную. Если бы, в конце концов (при необычайном стечении обстоятельств), он все-таки был установлен на короткое время, как это предположительно может случиться в такой стране, как Франция, имеющей для этого большие предпосылки, а также некоторое коллективистское прошлое, он, вероятно, не продержался бы долго. Его даже нельзя применить на практике, разве что на словах, вследствие присущей ему непрактичности. Однако до тех пор, пока он все-таки существует, даже частично или на словах, он

[462] способен принести (после первоначального огромного общего разделения) последствия, от которых вскоре распространятся, кроме повсеместного общественного хаоса, пороки, включая бедность всех классов и нищету побольше нынешней".

Профессор продолжил доказательство правильности своих взглядов и затем переспросил, способен ли Коллективизм действовать удовлетворительным образом даже в случае, если его удастся как-то внедрить и привести в движение? Его ответ отрицательный. Он говорит:

"Везде наступит бездействие – среди изобретателей, организаторов, мастеров и даже среди передового класса рабочих, – если они не будут иметь стимула в виде дополнительного вознаграждения с целью задействовать их предельные и наилучшие усилия. Одним словом, если исключить или существенно уменьшить нынешние огромные и далеко идущие поощрения частной инициативы, то неминуемым результатом будет значительное количественное уменьшение производства и ухудшение качества. Следовало бы предоставлять, по крайней мере, "вознаграждение за труд", и до тех пор, пока люди остаются такими, какими они есть, и, вероятно, еще долго будут оставаться такими, оно должно быть щедрым – то есть следовало бы в случае более квалифицированных рабочих отказаться от равного вознаграждения. Иначе наступит нищета, в которой все будут иметь одинаковый удел, и простым рабочим придется противопоставить своей бедности только примитивное удовлетворение, что в нее вовлечены некогда богатые классы, чтобы иметь с ними в этом удел".

Чтобы предотвратить закат цивилизации и возвращение к варварству, продолжал профессор, вскоре потребуется заново ввести неравенство в заработной плате и частном предпринимательстве. Постепенно придется позволить конкуренцию, частные ссуды, биржи, проценты, и в конце окажется, что новая система очень мало отличается от нынешнего устройства. В завершение он сказал:

"Вещи будут все больше и больше видоизменяться в былом направлении, пока, наконец, не придет неминуемая контрреволюция, возможно, без какой-либо новой гражданской войны, к которой правящий класс уже не будет относиться с энтузиазмом перед лицом потери своих сторонников и их

[463] слабеющего фанатизма. Произойдет грандиозное восстановление, но не династии, а Общественной Системы – старой системы, основывающейся на частной собственности и договорных отношениях, которая возникла (в результате медленной эволюции при каждой цивилизации) в виде системы, наиболее подходящей для человеческой природы в процессе становления, и которая по-прежнему более подходящая и более необходимая в условиях (физических и общественных) нашей сложной современной цивилизации".

Мы верим, что Коллективизм уже многое сделал для масс, как, например, в системе общественных школ Соединенных Штатов, в почтовой системе цивилизованного мира, в муниципальной собственности на систему водоснабжения и т. д., и что в этих направлениях можно сделать значительно больше. Однако все здравомыслящие люди должны принять аргумент, что если повредить сухожилия эгоизма, которые сегодня движут миром, тем самым поставив всех людей на одном и том же уровне, их место должна занять новая движущая сила (Любовь), в противном случае мировой бизнес внезапно окажется в застое: праздность займет место трудолюбия, а бедность и нужда вытеснят уют и обилие.

Но мы показываем эти трудности не потому, что хотим отстаивать свою собственную теорию-"патент", а для того, чтобы ищущие мудрость свыше при помощи Библии могли более отчетливо увидеть беспомощность человечества в нынешнем кризисе, чтобы они могли более доверительно и более твердо держаться верой Господа и средства, которое Он применит в свое время.

ВЗГЛЯДЫ ЧЛЕНА ВЕРХОВНОГО СУДА

Судья Генри Б. Браун, обращаясь к выпускникам юридического факультета Джейл колледж, выступил с темой "Двадцатый век". Он обратил внимание на то, что перемены двадцатого века обещают быть скорее общественного характера, нежели политического или правового, и затем назвал три самых заметных опасности, которые угрожают в ближайшем будущем Соединенным Штатам:

[464] (1) Коррупция на муниципальном уровне, (2) Алчность корпораций и (3) Тирания Труда. Среди прочего он сказал:

“Вероятно, ни в одной стране мира влияние богатства не является столь могущественным, как в этой, и ни в одном периоде нашей истории оно не было более властным, чем сегодня. Толпами никогда не руководит разум, и они то и дело готовы воспользоваться скорее предлогом, чем здравомыслием, чтобы излить свою месть на все классы общества. Пожалуй, еще никогда не было более слабого оправдания для большого бунта, чем забастовка солидарности прошлым летом [1895 г.], однако за его спиной находились существенные недовольства. Ежели богатство в использовании своей власти не будет уважать правила общепринятой порядочности, у него не будет никакого повода ожидать выдержки или благоразумия со стороны тех, кто противится его посягательствам.

Я уже упоминал алчность корпораций как еще один источник опасности для государства. Легкость, с которой покупаются разрешения на создание корпораций, повлекла большие злоупотребления. Корпорации создаются при законах одного штата с единственной целью делать бизнес в другом штате: железные дороги строят в Калифорнии на основании документов, представленных штатами, расположенными на восток от Миссисипи, с целью избежать рассмотрения их дела в федеральных судах. Наибольший обман совершают при строительстве таких дорог сами директора под прикрытием строительной компании – еще одной корпорации, к которой возвращаются все поручительства, закладные и другие ценные бумаги, независимо от реальной стоимости дороги. Тем же путем дорога оборудуется еще иной корпорацией, созданной директорами, которая покупает подвижный состав и отдает его в аренду железной дороге. Когда случается неминуемое лишение права выкупа заложенного имущества, владельцы акций оказываются обманутыми в пользу залогодержателей, а залогодержатели – обманутыми в пользу директоров. Полученная путем игнорирования порядочности и нравственности собственность оказывается в весьма незавидном положении, когда приходится обращаться к закону за помощью в свою защиту.

Тем не менее, еще хуже является объединение корпораций в так называемые тресты для того, чтобы ограничить производство, подавить конкуренцию и монополизировать предметы первой необходимости. То, до какой степени все это продвинулось, вызывает тревогу; а степень, до которой все это может быть впоследствии доведено, не подлежит описанию.

[465] Истина такова, что все законодательство о корпорациях остро нуждается в перепроверке, однако трудности обеспечения одновременной акции со стороны сорока четырех штатов, по-видимому, непреодолимы.

Третья и самая непосредственная опасность исходит совсем с другой стороны, на что я уже обратил ваше внимание. Это – тирания труда. Она возникает из очевидной неспособности трудящегося осознать, что правами, которых он так добивается, следует также поступиться. Трудящиеся могут проигнорировать законы земли, могут снести крыши своих собственных домов и домов своих работодателей, но они бессильны контролировать законы природы – этот громадный закон спроса и предложения, в соответствии с которым возникают отрасли промышленности, какое-то время преуспевают, затем приходят в упадок, а капитал и труд получают должное им вознаграждение".

Судья Браун не видит никакой надежды урегулирования между Капиталом и Трудом, поскольку у него слишком последовательный ум, чтобы предположить, что тела, двигающиеся в противоположных направлениях, когда-нибудь могут сойтись вместе. Затем он говорит:

"Конфликт между ними продолжается и приносит все больше горечи уже тысячи лет, тем не менее, решение его кажется еще отдаленнее, чем когда-либо. Принудительный арбитраж – это недоразумение, словесное противоречие. Можно с таким же успехом сказать о доставляющем удовольствие убийстве или о дружественной войне. Возможно, окончательно может быть достигнут компромисс на основе кооперации или участия в прибыли, при которой каждый работающий станет в той или иной мере капиталистом. Может быть при лучшем образовании, более широком опыте и большей интеллигенции труженик двадцатого века сможет достичь вершины своего честолюбия посредством умения распоряжаться всей прибылью от своего труда".

Относясь к общественному беспокойству, проистекающему из упомянутых корпоративных зол, он предлагает в виде паллиатива, но не как средство, общественную собственность на то, что именуется "естественными монополиями". Он считает, что эти привилегии должны быть задействованы непосредственно на государственном или муниципальном уровне, а не так, чтобы корпорации соперничали и спорили за льготы, используя взятки. Он говорит:

[466] “По-видимому, не существует логичного повода, почему эти льготы, которые предположительно должны быть для пользы общественности, не должны быть задействованы непосредственно самой общественностью. Такова, по крайней мере, тенденция современного законодательства почти каждого высоко цивилизованного государства, кроме нашего собственного. Здесь большие корпоративные интересы, афишируя опасности покровительства и социализма, преуспели в получении льгот, которые, строго говоря, принадлежат общественности”.

Этот джентльмен говорит, очевидно, из самых искренних убеждений, ничего не опасаясь, ведь членство в Верховном Суде Соединенных Штатов является пожизненным. Вот почему он мог предлагать и, очевидно, предлагал, все, что ему известно о природе средства для условий, на которые он сетует. Но каково это предлагаемое временное облегчение? Это одна из статей Социализма (общественная собственность на “естественные монополии”), о которой все, за исключением банкиров и владельцев акций корпораций, высказываются как о временной пользе и не больше. И даже это, как он, кажется, готов признать, весьма сомнительно для осуществления, настолько могущественно обосновался Капитал.

“SOCIAL MELEE” КЛЕМЕНСО

Редактор “La Justice”, Париж, некоторое время тому назад опубликовал книгу, “Le Melee Sociale”, которая привлекла заметное внимание благодаря известности ее автора – законодателя и редактора. В ней самым решительным образом затрагивается общественный вопрос, утверждая, что жестокая, беспощадная борьба за существование столь же характерна для человеческого общества, как для животного и растительного мира, и что так называемая цивилизация – это лишь тонкая личина, скрывающая животную сущность человека. На его взгляд вся история общества символически показана в Каине, первом убийце, и он утверждает, что хотя современный Каин не убивает своего брата непосредственно, он систематически пытается сокрушить своего брата, над которым, силой или обманом, он получил преимущество во власти. Приводим несколько впечатляющих отрывков из этой книги:

[467] “Мне кажется знаменательным, что человечество нуждалось в столетиях раздумий и умственных усилиях его наибольших умов, чтобы открыть простой, очевидный факт, что человек всегда вел войну с человеком, и что эта война продолжается с тех пор, как появился человеческий род. Действительно, воображение не способно полностью воссоздать картину ужасной, кровавой и повсеместной резни, происходящей на этой земле с тех пор, как она впервые возникла из хаоса.

Принудительный труд закованных в цепи рабов и свободный труд оплачиваемых рабочих одинаково покоится на общем фундаменте крушения самого слабого и его эксплуатации самым сильным. Эволюция изменила условия этой борьбы, однако под более спокойной внешностью по-прежнему идет смертельная схватка. Завладеть жизнью и плотью других и затем повернуть это для чьей-то собственной выгоды – вот какими являлись цели и конкретные намерения большинства людей от свирепого людоеда, феодального барона и рабовладельца до работодателя наших дней”.

М. Клеменсо так излагает главную проблему цивилизации:

“Голод – враг человеческого рода. До тех пор, пока человек не одолеет этого жестокого и выродившегося врага, научные открытия будут только иронией над его печальной судьбой. Это так, словно дать человеку удобства, когда он не получил самого жизненно необходимого. Таков закон природы, жесточайший из всех ее законов. Она заставляет человечество ухищряться, истязать и уничтожать себя ради сохранения любой ценой того наивысшего добра или зла, которое именуют жизнью.

Другие жизни ставят под вопрос право человека на жизнь. Он защищается, организуясь в общины. К его физической слабости, как первопричине поражения, сегодня добавляется его общественная слабость. Поэтому сейчас можно задать вопрос: достигнут ли нами такой уровень цивилизации, где мы способны придумать и установить общественный строй, в котором возможность смерти от нищеты или голода может быть исключена? Экономисты не колеблются и откровенно это отрицают”.

[468] По мнению М. Клеменсо, долг Государства и состоятельных членов общества в том, чтобы положить конец голоду и признать "право на жизнь". Общество обязано проявить заботу о несчастных и немощных, следуя не только своим правам, но и практическим соображениям. Цитируем дальше:

"Разве не входит в обязанности богатых поддерживать несчастных? Наступит день, когда вид умирающего [от голода] человека в то самое время, когда другой человек имеет больше миллионов, чем понятия, что с ними делать, будет невыносимым для всякого цивилизованного общества – фактически, столь же невыносимым, как в случае установления рабства в нынешнем обществе. Трудности пролетариата вовсе не ограничиваются Европой. Дела, кажется, столь же плохи в "свободной" Америке, где по эту сторону Атлантики находится рай для каждого бедняги".

Вышеприведенное – взгляд из Франции. Возможно, это означает, а, возможно, и нет, что дела во Франции хуже, чем в Соединенных Штатах. По крайней мере, за одно мы благодарны – что здесь, посредством свободного налогообложения, а также добровольных взносов, смерть от голодания необязательна. Однако желательно иметь что-то больше, чем одно существование. Чтобы сделать существование желаемым, необходимо счастье.

М. Клеменсо понимает и осуждает недостатки нынешней общественной системы, однако он не предлагает для них никакого разумного решения; поэтому его книга не более чем головня и призыв к мятежу. Довольно легко привести себя и других к еще большему недовольству и беспокойству. Так вот, для всякой книги или статьи, не предлагающей никакого целительного бальзама, никакой теории или надежды избежать трудностей, лучше всего остаться ненаписанной, неопубликованной. Священное Писание, слава Богу, предоставляет не только утешительный бальзам, но и единственное безотказное лечащее средство от болезни мира, от греха, самолюбия-порочности и смерти, находящееся в руках великого Посредника, Доброго Лекаря и Жизнедателя. Данный том как раз стремится привлечь внимание к этим небесным средствам. Дополнительно мы показываем безысходный характер болезни и безнадежность доступных в мире средств.

[469]

ГЛАВА X - ПРЕДЛАГАЕМЫЕ СРЕДСТВА - ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ФИНАНСОВЫЕ

Сухой закон и избирательное право для женщин – Свободная чеканка серебряных монет и протекционистский тариф – "Коммунизм" – "Имели все общее" – "Анархизм" – "Социализм", или "Коллективизм" – Бебит об общественной надстройке – Герберт Спенсер о социализме – Примеры двух социалистических общин – "Национализм" – Общее образование механиков как средство – "Единый налог" как средство – Ответ Генри Джорджа папе Леону XIII по поводу труда – Др. Лаймен Абетт о ситуации – Предложения епископа методистской епископальной церкви – Прочие надежды и опасения – Единственная надежда – "Блаженное упование" – Правильное поведение Божьего народа, который видит все это – В мире, но не из мира

"Разве нет бальзама в Галааде? Разве нет там врача?"; "Врачевали мы Вавилон, но не исцелился; оставьте его, и пойдем каждый в свою землю, потому что приговор о нем достиг до небес и поднялся до облаков" (Иер. 8: 22; 51: 7-9).

Различными являются средства, определяемые как "всеисцеляющие" для облегчения стонущего творения в его нынешнем, откровенно серьезном состоянии. Все, сочувствующие трудностям государства, должны также сочувствовать усилиям его всевозможных докторов, которые, поставив диагноз, по очереди убеждают пациента непременно воспользоваться их рецептом. Попытки найти лекарство и применить его, бесспорно, похвальны и находят понимание у всех отзывчивых людей. Тем не менее, трезвый ум, просвещенный Божьим Словом, подсказывает нам, что ни одно из предлагаемых средств не излечит болезни. Необходимо присутствие и вмешательство Великого Лекаря с Его средствами – медикаментами, шинами,

[470] бинтами, смирительными рубашками и ланцетами; и ничто другое, кроме их умелого и настойчивого применения, не поспособствует выздоровлению от болезни человеческой безнравственности и самолюбия. Однако давайте коротко рассмотрим рецепты других докторов, чтобы увидеть, насколько некоторые из них приблизились к мудрости Бога и в то же время по-прежнему далеки от нее – не ради полемики, но чтобы всем еще яснее увидеть то одно-единственное направление, откуда следует ждать помощи.

СУХОЙ ЗАКОН И ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО ДЛЯ ЖЕНЩИН КАК СРЕДСТВА

Эти два средства, как правило, дополняют друг друга. Считается, что сухой закон не сможет никогда получить поддержки большинства, если женщины не будут иметь свободного права голоса, что сомнительно даже тогда. Сторонники этого средства показывают статистику, чтобы доказать, что большинство хлопот и нищеты христианства берет начало от торговли спиртным, и доказывают, что в случае ее запрета мир и изобилие станут правилом, а не исключением.

Мы всем сердцем симпатизируем многому из сказанного об этом: что пьянство – это действительно один из самых ядовитых плодов цивилизации; к тому же оно быстро распространяется в полуцивилизованных и диких землях. Мы рады бы видеть его упразднение раз и навсегда. Мы готовы признать также, что его искоренение значительно уменьшит существующую бедность: что по его причине ежегодно сотни миллионов богатства теряются хуже чем попусту. Но это не средство, чтобы излечить пороки, вытекающие из нынешних самолюбивых общественных условий, а также чтобы достойно ответить и дать отпор беспощадному давлению "Закона Спроса и Предложения", который по-прежнему будет неумолимо прогрессировать, выжимая жизненные силы из масс.

Так кто же расточает миллионы денег, потраченные ежегодно на спиртное? Только бедные? Конечно нет, – богатые! Прежде всего богатые, а затем и средний класс. Если торговлю спиртным

[471] отменить завтра, не уменьшив при этом финансового давления на самых бедных, сделанное будет иметь противоположный результат. Тысячи фермеров, выращивающих сегодня миллионы бушелей ячменя, ржи, винограда и хмеля, используемых в производстве спиртного, будут вынуждены заниматься другими культурами, тем самым еще больше снижая, в целом, цены на фермерскую продукцию. Огромная армия из десятков тысяч винокуров, бондарей, стеклодувов, возниц, владельцев баров, барменов, занятых сегодня в этой торговле, будет вынуждена искать другое занятие и еще более ухудшит рынок труда, а значит, уровень дневного заработка. Большие суммы из тех миллионов капитала, которые вкладываются сегодня в этот вид торговли, пойдут в других направлениях и усилят конкуренцию в бизнесе.

Все это не должно уменьшать наше желание покончить с этим проклятием – если только удастся заручиться согласием большинства. Но такого большинства никогда не найти (разве что в отдельных местностях). Большинство состоит из рабов этой пагубы и тех, кто заинтересован в ней ради денег – прямо или косвенно. Сухой закон не будет введен до тех пор, пока не будет установлено Царство Бога. Мы лишь указываем здесь на то, что устранение этого проклятия, даже если оно осуществимо, не излечит нынешней общественно-финансовой болезни.

СВОБОДНАЯ ЧЕКАНКА СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ И ПРОТЕКЦИОНИСТСКИЙ ТАРИФ КАК СРЕДСТВА

Мы откровенно признаем, что демонетизация серебра христианством явилась ловким шагом самолюбивой политики ростовщиков с целью уменьшить количество отчеканенных денег установленной пробы и, тем самым, увеличить стоимость своих ссуд; а также с целью дать возможность поддержать высокие процентные ставки на такого рода долговые обязательства путем сокращения количества законных платежных средств, в то время как все другие инвестиции в бизнес, а также труд подвержены постоянному обесцениванию вследствие растущего предложения и конкуренции. Многие банкиры и ростовщики – это

[472] “честные” люди согласно общепринятому критерию честности, но, к сожалению, критерий некоторых слишком приземист. Он гласит: банкиры и ростовщики, давайте блюсти наши интересы, а фермеры, как менее находчивые, пускай заботятся о себе сами. Давайте введем в заблуждение этих несчастных и менее сметливых, называя золото “порядочными деньгами”, а серебро – “непорядочными деньгами”. Многие бедняки стремятся быть порядочными, и мы, таким образом, сможем их запугать и уговорить поддержать наши планы. Однако это будет трудно сделать в случае “жнецов”. Под влиянием наших разговоров о “порядочных деньгах”, о нашей репутации порядочных людей, а также о нашем положении финансистов и состоятельных людей они придут к заключению, что любые взгляды, противоречащие нашим, должны быть ошибочными. Они забудут, что серебряные деньги были мировым стандартом от начала истории, и что золото, как и драгоценные камни, прежде являлось товаром, пока не добавилось к серебру, чтобы удовлетворить возрастающий спрос на деньги, необходимые для ведения бизнеса в мире. В действительности ставка процента в наших банковских центрах падает. Насколько ниже оказалась бы ставка процента, если бы все серебро имело монетную стоимость, и таким образом количество денег стало бы еще больше! В качестве следующего шага мы должны изъять из обращения все бумажные деньги и тем самым укрепить ставку процента.

Под законом спроса и предложения каждый получатель ссуды заинтересован в наличии обилия денег – серебряных, золотых и бумажных. Под тем же законом каждый банкир и ростовщик заинтересован в изъятии бумажных денег и дискредитации серебра, ведь чем меньше денег в наличии для аннулирования долгов, тем больше спрос на них. Следовательно, в то самое время, как стоимость труда и рыночная стоимость падают, спрос на деньги сохраняется, и процент почти удерживает свои позиции.

Как уже было показано, пророчество, судя по всему, обращает внимание на то, что серебро не будет восстановлено к равным привилегиям с золотом как эталонные деньги в цивилизованном мире. Однако, очевидно, что даже если его полностью восстановить, его помощь оказалась бы только

[473] временной: оно устранило бы особый стимул, предоставляемый сегодня производителям в Японии, Индии, Китае и Мексике; оно оказало бы помощь фермерской составляющей христианства и, тем самым, частично избавило бы от нынешнего гнета, под которым каждый трудящийся "стремится свести концы с концами", и, пожалуй, отодвинуло бы немножко банкротство. Но, вероятно, Бог не желает таким образом отсрочить "день злый". Поэтому человеческое самолюбие, слепое ко всякому доводу, будет господствовать и разрушать еще быстрее, как написано: "Мудрость мудрецов его погибнет", и "ни серебро их, ни золото их не может спасти их в день гнева Господа" (Соф. 1: 18; Иез. 7: 19; Ис. 14: 4-7; 29: 14).

Протекционизм, разумно примененный с целью избежать создания монополий и востребовать все природные ресурсы земли, несомненно, чем-то полезен для предотвращения быстрого выравнивания труда по всему миру. Однако он является, самое большее, наклонной плоскостью, по которой заработки будут сползать до более низкого уровня, вместо того чтобы резко подняться и повиснуть над ней. Рано или поздно при господствующей ныне системе конкуренции товары, а также заработки будут силой опущены почти до одного уровня по всему миру.

Поэтому ни "Свободная чеканка серебряных монет", ни Протекционистский Тариф не могут рассчитывать на то, чтобы стать средствами против нынешних и грядущих зол, а могут быть только паллиативами.

КОММУНИЗМ КАК СРЕДСТВО

Коммунизм предлагает общественную систему, в которой будет общее владение имуществом; в которой всей собственностью будут владеть сообща, используя ее в общих интересах, а вся прибыль от труда будет служить общему благосостоянию – "каждому по потребностям". Тенденция коммунизма была проиллюстрирована Французской Коммуной. Согласно определению уваж. Джозефа Кука, "коммунизм подразумевает упразднение

[474] права наследства, упразднение семьи, упразднение национального признака, упразднение религии, упразднение собственности".

Некоторые черты коммунизма мы могли бы посоветовать (см. Социализм), однако в целом он совершенно непрактичен. Подобное устройство, вероятно, вполне подходит для небес, где все совершенны, чисты и полны добра, и где царствует любовь. Но даже минутное размышление должно подсказать каждому мыслящему и опытному человеку, что при нынешнем состоянии человеческих сердец такой замысел совершенно неосуществим. Он сделал бы всех тунеядцами. У нас вскоре появилась бы конкуренция – кто сделает меньше всего и будет трудиться хуже всего, и общество было бы ввергнуто в варварство и безнравственность, которые ведут к быстрому вымиранию рода.

Однако некоторые полагают, что Библия учит коммунизму и что, в конце концов, он должен явиться истинным лекарством – Божьим лекарством. Для многих это самый сильный аргумент в его пользу. Весьма распространено предположение, что он был введен нашим Господом и апостолами, и что его по-прежнему следует принимать как правило и христианский порядок. По этой причине мы приводим ниже статью из нашего журнала, посвященную данной стороне вопроса:

"ОНИ ИМЕЛИ ВСЕ ОБЩЕЕ"

"Все же верующие были вместе и имели все общее: И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого; и каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа" (Деян. 2: 44-47).

Таковыми были искренние чувства ранней Церкви: самолюбие уступило место любви и общим интересам. Блаженный опыт! Несомненно, похожие чувства, более или менее ясно очерченные, наполняют сердца всех истинно обращенных. Когда мы впервые ощутили смысл

[475] Божьей любви и спасения, когда мы полностью отдали себя Господу и осознали Его дары для нас, принадлежащие не только к нынешней жизни, но и к той, которая должна прийти, – мы испытали избыток радости, которая находила в каждом товарище-пилигриме к небесному Ханаану брата или сестру, которым мы доверяли как принадлежащим Господу и обладающим Его духом. И мы были склонны иметь с ними дело, как имели бы дело с Господом, и делить с ними все, как разделили бы все с нашим Искупителем. Во многих случаях мы были откровенно шокированы, осознавая факт, что ни мы, ни другие, не являемся совершенными по плоти; что, несмотря на то, сколько Духа Учителя имеет сегодня Его народ, он "сокровище сие носит в глиняных сосудах" человеческой хрупкости и бренности.

Затем мы узнали, что следует принимать во внимание не только слабости плоти других людей, но постоянного надсмотра требуют также слабости нашей собственной плоти. Мы обнаружили, что хотя все унаследовали грехопадение Адама, не все деградировали одинаково или точно в тех же отношениях. Все утратили подобие Бога и дух любви, уступив подобию сатаны и духу самолюбия. И как любовь многогранна в своих проявлениях, так и самолюбие. В результате, самолюбие, действуя в ком-то одном, воспитало желание искать облегчения, лени, праздности; в другом оно воспитало активность, напряженный труд ради удовольствий этой жизни, потакания своим прихотям и т. д.

Среди тех, кто по-настоящему самолюбив, некоторые находят удовольствие в накоплении богатства и в том, чтобы о них говорили: Он тоже богат! Другие ублажают свое самолюбие поисками почестей у людей; еще иные одеждой, желанием путешествовать, а также обжорством и другими наиболее низменными и примитивными формами самолюбия.

Каждый зачатый к новой жизни во Христе, с ее новым духом любви, обнаруживает начало конфликта, борьбу внутри и извне, ведь новый дух сражается с любой формой самолюбия или порочности, прежде контролировавшей нас. Новый "ум Господень", принципами которого являются справедливость и любовь, самоутверждается и напоминает воле, что она дала согласие на такую перемену и вступила в завет. Желания плоти (самолюбивые желания, к чему бы они не склонялись), поддерживаемые внешним влиянием друзей, аргументируют и ставят вопрос под сомнение, настаивая

[476] на том, чтобы не предпринимать никаких радикальных мер: что такой путь – безумие, глупость, что он невозможен. Плоть убеждает, что старый путь изменить нельзя, и она согласна лишь на небольшие исправления, чтобы не впадать в крайности, как раньше.

Преимущественное большинство Божьего народа, кажется, соглашается на такое товарищество, которое на деле означает все то же господство самолюбия. Однако другие настаивают, чтобы все контролировал дух, или ум, Христа. В результате, противостояние оказывается трудным (Гал. 5: 16, 17), однако новая воля должна победить, и собственное "я" с его самолюбием (испорченными желаниями) должно считаться мертвым (Кол. 2: 20; 3: 3; Рим. 6: 2-8).
Но положит ли это конец борьбе навсегда? Нет:
"Нет, ты еще не победил
И с облегченьем не садись,
Пока корону ты не получил,
Свое заданье исполняй, трудись".

Конечно, мы должны возобновлять это сражение ежедневно, моля о божественной помощи и принимая ее, чтобы закончить наш путь с радостью. Мы не только обязаны победить себя, но, как это делал апостол, обязаны "усмирять тело свое" (1 Кор. 9: 27). Такой опыт, а именно, что мы должны быть постоянно начеку против духа самолюбия, чтобы поддерживать и поощрять в себе дух любви, является опытом всех, которые похожим образом "во Христа облеклись" и приняли Его волю. Отсюда уместность замечания апостола: "Поэтому отныне мы никого не знаем [во Христе] по плоти". Мы знаем тех, кто во Христе, по их новому духу, а не по их падшей плоти. И если мы видим, как они падают иногда (или частично – всегда), и при этом видим доказательства, что новый ум упорно добивается господства, мы, естественно, склонны скорее симпатизировать им, нежели ругать их за мелкие неудачи, "наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным [со стороны нашей старой самолюбивой природы, нарушая некоторые требования совершенного закона любви]".

Поэтому "за настоящей нужды" (ВоП) – когда каждый имеет, по возможности, все, чтобы усмирять свое тело и руководствоваться духом, – здравый смысл, а также опыт и Библия говорят нам, что лучше не усложнять дело, пытаясь внедрить коммунистические принципы, но каждый, по возможности, пускай ходит прямо своими ногами, чтобы

[477] хромающее в нашей падшей плоти не совратилось полностью с пути, а лучше исправилось.

(1) Здравый ум подсказывает, что если бы святые, с божественной помощью, вели постоянную борьбу по удержанию самолюбия в подчинении любви, то смешанная колония или община, безусловно, не смогла бы руководствоваться законом, полностью чуждым духу большинства ее членов. А значит, было бы невозможным установить коммунизм одних только святых, потому что мы не в состоянии читать сердца, так как лишь "познал Господь Своих". И если бы такой колонии святых удалось собраться вместе, и ей было бы суждено благоденствовать, имея все общее, то всякого рода плохие люди стремились бы завладеть ее собственностью или стать ее совладельцами. Если бы успешно удалось их изгнать, то при этом они всячески злословили бы, и все мероприятие, если таковое вообще удержалось бы вместе, не принесло бы настоящего успеха.

Некоторые святые, а также многие из мира, настолько предались самолюбивой праздности, что ничто иное, кроме нужды, не способно посодействовать им "в усердии не ослабевать, духом пламенеть, Господу служить". Прочие настолько страстно самолюбивы, что им нужны розги разочарования и превратностей, чтобы смягчить их и позволить им сочувствовать другим, и даже вынудить их относиться к другим справедливо. Для обоих этих классов "община" служила бы только препятствием в обретении должных и необходимых уроков.

Такие общины, оставленные руководству большинства, опустятся до уровня этого большинства, так как прогрессивное, энергичное меньшинство, обнаружив, что ничего нельзя добиться торжеством активности и трудолюбия над беззаботностью и ленью, также превратится в беззаботное и праздное. Если ими будут управлять организаторы с сильной волей, как, скажем, доверительные собственники или менеджеры (по принципу отцовства), результат будет более благоприятным в финансовом отношении, однако массы, лишенные личной ответственности, превратятся в обычные орудия и рабов доверенных лиц.

Поэтому для здравого ума становится очевидным, что метод индивидуализма, с его свободой и ответственностью, является самым лучшим для развития интеллигентных существ, даже если он способен содеять множественные трудности для всех и некоторые трудности для многих.

Здравый ум способен понять, что если Тысячелетнее Царство будет установлено на земле с обещанными божественными правителями,

[478] поддерживаемыми непогрешимой мудростью и полнотой власти для ее использования, поставляя "суд мерилом и правду весами" и управляя не по согласию большинства, но праведным судом, как бы "жезлом железным", только тогда коммунизм может иметь успех. Возможно, это было бы наилучшим условием, и таковым будет метод, избранный Царем царей. И мы ждем этого. Однако дух здравого ума, не имея силы или мудрости пользоваться такой теократической властью, попросту ожидает Господнего времени, при этом молясь: "Да придет Царство Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе". После того как Христово Царство приведет всех желающих обратно к Богу и праведности и уничтожит всех упрямых, тогда, при наличии господства Любви на земле, как на небе, мы можем предположить, что люди сообща будут пользоваться земными благами, как ангелы пользуются щедротами небес.

(2) Опыт подтверждает неудачу коммунистических методов нынешнего времени. Уже существовало несколько таких общин, и результатом всегда была неудача. Община "Oneida" ("Онеида"), Нью-Йорк, была одной из тех, чью неудачу помнили долго. Другая, "Harmony Society of Pennsylvania" ("Общество Согласия Пенсильвании"), вскоре разочаровала надежды ее основателей, потому что в ней было столько раздора, что она разделилась. Одна ветвь, известная как "Economites" ("Экономиты"), разместилась поблизости Питтсбурга, Пенсильвания. Какое-то время она, по обычаю, процветала, но сейчас совершенно увяла. Над правами распоряжаться ее имуществом сегодня дискутируют и в Обществе и в суде.

Сейчас создаются другие коммунистические общества, которые будут еще менее успешными, чем предыдущие, потому что время сейчас совсем другое, независимости больше, а почтения и уважения – меньше; господствовать в них будет большинство, а без руководителей со сверхчеловеческими возможностями они непременно обречены. Мудрые руководители в мире смотрят только на себя, а мудрые христиане заняты в других направлениях, послушные Господней заповеди: "Идите и проповедуйте Евангелие".

(3) Библия не учит коммунизму, а лишь полному любви и уважения Индивидуализму, разве что в смысле семейного коммунизма, где каждая семья действует как одно целое, в котором отец является главой, а жена действует с ним сообща, как его сонаследница в благости жизни – как его спутница во всякой радости и добром деле, а также во всяком несчастье и скорби.

[479] Действительно, Бог позволил коммунистический порядок в ранней Церкви, о чем велась речь в начале этой статьи, но это, возможно, было с целью проиллюстрировать нам неразумность данного метода, чтобы некоторые, рассуждая об этом помысле сегодня, не пришли к выводу, что апостолы не предлагали организовывать и не организовывали общин только потому, что им не хватало мудрости придумать и внедрить подобные методы. Но нельзя процитировать ни одно слово из уст Господа или апостолов в защиту коммунистических принципов; скорее, многое можно процитировать в противовес им.

Действительно, апостолу Петру (и, возможно, другим апостолам) был известен первый коммунистический порядок, и он его поддерживал, даже если сам не учил такой системе. Был сделан вывод, что смерть Анании и Сапфиры явилась свидетельством, что все имущество следовало отдать верующим в принудительном порядке. Но это не так: их грехом был обман, как огласил Петр, объясняя произошедшее. Хотя они имели земельный участок, не было ничего плохого в том, чтобы удерживать его, если только он достался им честно. И даже после того, как они его продали, не было сделано ничего плохого: прегрешение состояло в ложном утверждении, будто отданная сумма денег была всем, что у них имелось, тогда как она не была всем. Они пытались обмануть других, стремясь забрать часть того, что принадлежало другим, не отдавая всего, что имелось у них самих.

По сути дела Христианская Община в Иерусалиме явилась неудачей. И "произошел.. ропот", "за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей". Хотя под апостольским надсмотром Церковь была чистой, свободной от "плевел", и все имели сокровище нового духа или "ума Христова", однако это сокровище, очевидно, находилось только в деформированных и искривленных земных сосудах, которые не способны были поладить между собой.

Апостолы вскоре обнаружили, что заведование общиной в большой мере препятствует их настоящему делу – проповедованию Евангелия. Поэтому они оставили это другим. Апостол Павел и другие путешествовали от города к городу, проповедуя Христа и то распятого. И как свидетельствует запись, они никогда не упоминали о коммунизме и никогда не организовывали подобного рода общин. Одновременно св. апостол Павел говорит: "Я не упускал возвещать вам всю волю Божию". Это доказывает, что коммунизм не является ни частью Евангелия, ни советом Бога для этого века.

[480] Наоборот, апостол Павел призывал и увещевал Церковь делать то, что было бы полностью невозможным для них как членов коммунистического общества: каждому "заботиться о своих"; "в первый день недели каждому отлагать у себя" деньги для Господнего служения, по мере того как Господь подаст им; говорил, чтобы слуги повиновались своим господам, служа с двойным усердием, если господин – брат во Христе; говорил, как господа должны обращаться со своими слугами, зная, что сами должны дать отчет великому Господину, Христу (1 Тим. 5: 8; 6: 1; 1 Кор. 16: 2; Еф. 6: 5-9).

Наш Господь Иисус не только не основывал такого общества в Своей жизни, но никогда не учил, чтобы такое общество основывать. Наоборот, в Своих притчах Он учил, что хотя все имеют неодинаковое количество данных им мин или талантов, однако каждый является управителем и обязан лично (не коллективно как коммуна) заведовать своими собственными делами и дать свой отчет (Матф. 25: 14-28; Лук. 19: 12-24; см. также Иак. 4: 13, 15). Умирая, наш Господь поручил Свою матерь попечению ученика Иоанна, и запись в Иоанна (19: 27) гласит: "И с этого времени ученик сей взял Ее к себе". Следовательно, Иоанн имел дом, имели его также Марфа, Мария и Лазарь. Если бы наш Господь основал Общину, то непременно передал бы туда Свою матерь, а не Иоанну.

Более того, создание общины верующих противоречит цели и методам Евангельского века. Цель этого века – свидетельствовать о Христе миру и, тем самым, "составить народ во имя Его". Для этого каждый верующий призван быть светильником, горящим и светящим перед людьми – перед миром в целом, а не только друг перед другом или друг для друга. Итак, позволив создать первую Христианскую Общину, чтобы показать, что неудача в организации общин, в целом, не была оплошностью, Господь распустил ее и рассеял верующих повсюду, чтобы проповедовать Евангелие всему творению. Читаем: "В те дни произошло великое гонение на церковь в Иерусалиме, и все, кроме апостолов, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии"

[481] и они ходили повсюду, благовествуя Евангелие (Деян. 8: 1, 4; 11: 19).

Задание Божьего народа – по-прежнему светить в качестве светильников в мире, а не запираться в монастырях и кельях или в общинах. Обетования Рая не будут осуществлены путем присоединения к таким общинам. Желание примкнуть к "союзам" является частью общего духа наших дней, против которого мы имеем предостережение (Ис. 8: 12). "Покорись Господу и надейся на Него". "Итак, бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий и предстать пред Сына Человеческого" (Лук. 21: 36).

АНАРХИЯ КАК СРЕДСТВО

Анархисты требуют свободы, граничащей с беззаконием. Они, очевидно, пришли к заключению, что всякий метод человеческого сотрудничества доказал свою негодность, и они предлагают уничтожить все ограничения в человеческих взаимоотношениях. Следовательно, анархия – это полная противоположность коммунизма, хотя некоторые их путают. В то время как коммунизм готов уничтожить всякий Индивидуализм и вынудить весь мир принять в этом участие, Анархия готова уничтожить все законы и общественные ограничения так, чтобы каждый мог делать то, что ему заблагорассудится. Анархизм попросту разрушителен: в нем нет, насколько нам удалось убедиться, ничего конструктивного. Он, очевидно, считает, что сегодня ему вполне достаточно разрушить мир, а будущее пусть само занимается восстановлением.

Следующие отрывки из шестнадцатистраничной брошюры, опубликованной лондонскими анархистами и распространяемой во время их большого Первомайского шествия, дают некоторое представление об их безрассудных и необузданных принципах:

"Вера, что где-то должна быть власть и должно быть подчинение власти, находится в корне всех наших напастей. Как средство мы предлагаем борьбу не на жизнь, а на смерть против всякого верховенства – физического верховенства, олицетворяемого Государством, или догматического верховенства, как последствий векового невежества

[482] и предубеждений в виде религии, патриотизма, законопослушности, веры в полезность правительства, подчинения состоятельным и власть имущим – одним словом, борьбу против всякого и всевозможного надувательства, придуманного для оболванивания и порабощения трудящихся. Трудящиеся обязательно должны уничтожить власть: ведь те, кто имеет от нее пользу, конечно же, этого не сделают. Патриотизм и религия – это святилище и оплот мошенников; а религия – самое большое проклятие человеческого рода. Одновременно следует обнаружить тех людей, которые торгуют благородным словом "труд", соединяя его с вызывающим тошноту словом "церковь" в выражение "Трудовая Церковь". С одинаковым успехом можно было бы сказать "Трудовая полиция".

Мы не разделяем взглядов тех, кто верит, что Государство можно превратить в полезную институцию. Такую перемену осуществить так же трудно, как превратить волка в ягненка. Мы не верим в централизацию всего производства и потребления, как ставят себе целью социалисты. Это будет не что иное, как нынешнее Государство в новом виде, с большей властью и поистине чудовищной тиранией и рабством.

То, чего хотят анархисты, равноценно свободе для всех. Таланты и склонности всех людей различны в каждом случае. Каждый знает лучше всего, на что он способен и чего он хочет; законы и уставы только создают затруднения, а принудительный труд никогда не бывает приятным. В государстве, к которому стремятся анархисты, каждый будет делать то, что ему больше всего по душе, и будет удовлетворять свои потребности из общих припасов, как это ему больше всего нравится".

Кажется, что даже самый слабый ум и самый скудный опыт поймут, что это предложение не что иное, как полнейшая нелепость. В нем нет никакого средства – предлагаемого или ожидаемого, – один лишь скрежет зубов безнадежности и бессилия. Тем не менее, это крайность, к которой массы подталкиваются силой обстоятельств, побуждаемой эгоизмом.

СОЦИАЛИЗМ, ИЛИ КОЛЛЕКТИВИЗМ, КАК СРЕДСТВО

Социализм, как общественный строй, предлагает обеспечение реконструирования общества, рост благосостояния и

[483] более равное распределение продуктов труда путем общественной коллективной собственности на землю и капитал (любое богатство, кроме недвижимости), а также управление всеми производствами при помощи общественности, коллективно. Его лозунг: "Каждому – по труду".

Он отличается от "Национализма" тем, что не предлагает всем одинакового вознаграждения. Он отличается от "Коммунизма" тем, что не защищает общего владения имуществом или собственностью. Таким образом, по нашему мнению, он избегает ошибок обоих и является весьма практичной теорией, если его вводить постепенно мудрыми, умеренными и несамолюбивыми людьми. В небольших масштабах этот принцип уже сделал много в разных местах. Во многих городах Соединенных Штатов водопровод, упорядочение улиц, школы, пожарная охрана и полиция действуют именно таким образом для общего благополучия. Однако Европа в этих направлениях находится впереди нас, и многие ее железные дороги и телеграф работают по такому принципу. Во Франции табачный бизнес со всей его прибылью принадлежит правительству, народу. В России водочное производство перешло к правительству и, как полагают, в дальнейшем должно вестись им для пользы общественности как в финансовом, так и в нравственном отношении.

Следующая интересная статистика взята из

"SOCIAL UPBUILDING"

Е. Д. Беббита, доктора правоведения, College of Fine Forces, Нью-Джерси:

"Шестьдесят восемь правительств владеют телеграфными линиями.

Пятьдесят четыре правительства владеют железными дорогами в целом или частично, в то время как всего девятнадцать, среди них Соединенные Штаты, не владеют таковыми.

В Австралии один человек может проехать 1 000 миль (в первом классе) по стране за 5,50 дол., или шесть миль за 2 цента, и железнодорожники получают за восемь часов работы больше, чем в Соединенных Штатах за десять часов. Разоряет ли это страну? В

[484] Виктории, где имеются эти тарифы, чистой прибыли за 1894 год хватило для уплаты федеральных налогов.
В Венгрии, где дорогами владеет государство, можно проехать шесть миль за цент, а с тех пор, как правительство приобрело дороги, заработки удвоились.
В Бельгии плата за проезд и грузовые перевозки была урезана наполовину, а зарплата удвоена. При всем этом дороги платят правительству годовой налог в размере 4 000 000 дол.
В Германии находящиеся в собственности правительства дороги осуществят перевозку человека на четыре мили за цент, тогда как заработки работающих по найму на 120 процентов выше, чем тогда, когда дороги находились в собственности корпораций. Явилась ли такая система разорительной? Нет. За последние десять лет чистая прибыль увеличилась на 41 процент. В прошлом году (1894 г.) дороги принесли германскому правительству 25 000 000 дол. чистой прибыли.
Подсчитано, что правительственная собственность на железные дороги сэкономит населению Соединенных Штатов миллиард долларов и предоставит лучшие заработки ее служащим, которых, вполне вероятно, потребуется два миллиона вместо нынешних 700 000.
Берлин, Германия, называют самым чистым, самым мощеным и лучше всего управляемым городом в мире. Он владеет своими газовыми заводами, электроосвещением, водозаборными сооружениями, уличными рельсовыми путями, городским телефоном и даже страхованием на случай пожара, и этим каждый год дает прибыль в размере 5 000 000 марок или 1 250 000 дол., за вычетом всех издержек. В этом городе граждане могут за 4,50 дол. ездить пять миль сколько раз им понравится ежедневно весь год, тогда как две поездки в день надземной железной дорогой в Нью-Йорке обошлось бы в 36,50 дол.
М-р Ф. Д. Р. Гордон подал в “Twentieth Century” статистику относительно освещения части американских городов и обнаружил, что средняя цена каждого дугового фонаря за год, при муниципальном управлении, составляет 52,12 дол., тогда как средняя цена, уплаченная частным предпринимателям в разных городах, составляет 105,13 дол. за фонарь в год, то есть почти вдвое больше, чем в случае, если этим занимаются сами города.
Средняя цена телеграммы в Соединенных Штатах в 1891 году составила тридцать два с половиной цента. В Германии, где телеграф находится в собственности правительства, послания из десяти слов посылают во все части страны за пять центов.

[485] Ввиду больших расстояний и большей стоимости труда нам, очевидно, следовало бы здесь заплатить от пяти до двадцати центов – в зависимости от расстояния. Необыкновенное преимущество наличия контроля со стороны каждого муниципалитета над своим газом, своей водой, углем и трамвайными путями было продемонстрировано в Бирмингеме, Глазго и других городах Великобритании".

Очень хорошо, ответим мы, если так обстоит дело. Но по-прежнему ни один здравомыслящий человек не будет утверждать, что бедняки Европы наслаждаются Тысячелетними благословениями, даже при наличии всех этих социалистических теорий, действующих в их среде. Ни один информированный человек не решится сказать, что рабочие классы Европы хоть где-нибудь находятся наравне с рабочими Соединенных Штатов. Для них это по-прежнему Рай, и еще сегодня создаются законы, чтобы сдержать тысячи людей, по-прежнему желающих приехать и поучаствовать в этом Рае.

Хотя мы рады каждому улучшению условий бедняков в Европе, не будем забывать, что движение по национализации, за исключением Великобритании, происходит не в результате большей дальновидности народа, а также благожелательности или праздности Капитала, а по другой причине, которая не задействована в Соединенных Штатах – по инициативе самых правительств. Они перевели все это в собственность, чтобы избежать банкротства. Им приходится ценой огромных затрат удерживать армию, флот, фортификационные сооружения и т. п., поэтому обязательно нужен какой-то источник дохода. Низкие цены проезда устанавливаются с целью угодить людям, а также привлечь бизнес, ведь при отсутствии низких цен, многие, имеющие небольшие заработки, не могли бы пользоваться проездом. В действительности вагоны четвертого класса в Германии – это всего-навсего грузовые вагоны, без каких-либо мест для сидения.

Имея перед собой эти факты, не будем обманывать себя предположением, что подобные меры решат Проблему Труда или хотя бы облегчат дела на каких-то шесть с лишним лет, да и то незначительно.

У нас есть повод верить, что социализм совершит большой прогресс на протяжении нескольких следующих лет. Но нередко он будет

[486] проводиться в жизнь без ума и выдержки: успех опьянит некоторых его сторонников, а неудача подтолкнет других к отчаянию, и, как следствие, несдержанность приведет к беде. Капитализм и монархизм видят в социализме зло и уже противятся ему настолько, насколько им хватает смелости перед общественным мнением. Номинальная церковь, полная плевел и светских забот, в данном случае по-прежнему является могущественным фактором, потому что она представляет и в значительной степени контролирует средние классы, в руках которых находится балансир власти между верхними и нижними классами общества. Для них социализм до сих пор был весьма ложно истолкован их друзьями, бывшими преимущественно неверующими. Правители, капиталисты и духовные, за небольшим исключением, при первом же случае набросятся на социализм, чтобы оскорбить его и заклеймить позором и даже временно задушить, подбадривая себя показными аргументами, подсказанными им самолюбивыми интересами и боязнью.

Мы же радуемся на вид того, что принципы равенства введены в действие, даже если это произошло только временно и частично. Поэтому все, чьи интересы в данном случае будут затронуты, должны стремиться взглянуть на это шире и частично отказаться от личной выгоды в пользу общего блага.

Как уже упоминалось, данное движение будет раздавлено объединенной силой Церкви, Государства и Капитала, что в дальнейшем повлечет большой взрыв анархии, в которой, как указывается в Священном Писании, рухнут все нынешние институции – “наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди”.

Но даже если социализм пойдет исключительно собственным путем, он окажется не более чем временным облегчением – до тех пор, пока самолюбие является руководящим принципом в сердцах большинства человечества. Имеются “врожденные интриганы”, которые быстро найдут пути, чтобы собирать для себя сливки с общественных мероприятий и вознаграждений. Паразиты общественного строя

[487] будут умножаться и процветать, и везде появятся "преступные группировки". Пока люди уважают принцип и воздают ему должное, они более или менее будут ему подчинены: поэтому социализм вначале будет сравнительно неиспорченным, а его должностные представители будут верными слугами общественности для общественного блага. Но пусть только социализм станет популярным, и те же искусные, самолюбивые интриганы, которые противятся ему сегодня, проникнут внутрь и будут контролировать его для своих собственных самолюбивых целей.

Коммунисты и националисты понимают, что до тех пор, пока будет допускаться разница в вознаграждении, самолюбие будет искривлять и извращать истину и справедливость. Для того чтобы потворствовать спеси и честолюбию, оно преодолеет каждый барьер, который люди способны возвести на пути нищеты. Чтобы справиться с этой трудностью, они прибегают к бессмысленным крайностям, о чем свидетельствуют их высказывания – бессмысленным потому, что люди являются грешными, а не святыми, самолюбивыми, а не любящими.

ВЗГЛЯД ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА НА СОЦИАЛИЗМ

М-р Герберт Спенсер, известный английский философ и экономист, обратив внимание на высказывание, что итальянский социалист Ферри поддерживает его теории, написал: "Утверждение, что то или иное мое суждение поддерживает социализм, вызывает у меня огромное раздражение. Я верю, что приход социализма станет самым большим бедствием, когда-либо известным миру".

В то время как великие мыслители приходят к согласию, что конкуренция, или "индивидуализм", имеет свои пороки, требующие радикальных средств, они резко осуждают порабощение личности общественной формацией, то есть погребение всякой индивидуальности в социализме и, в конечном итоге, еще большую беду, поскольку это создаст армии общественных служащих, сделает власть еще более зависимой, чем сегодня, от бизнеса и окончательно (больше чем когда-либо) откроет путь для преступности и всеобщей коррупции.

Следующий отрывок из "Literary Digest" (10 августа 1895 года) касается обсуждаемого вопроса, стремясь показать,

[488] что социалистические принципы не выживут, если их как-то не поддержать силой – столь могущественно самолюбие во всем человечестве:

"ДВЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБЩИНЫ"

"Два практических опыта социализма привлекают внимание изучающих общественную экономию за рубежом. В обоих случаях основателям социалистических общин живется довольно хорошо, а в одной они даже процветают. Однако попытка жить согласно учениям социалистических теорий не удалась в обоих случаях. Бывшие коммунисты вернулись к методам, которые вряд ли отличаются от методов находящейся рядом буржуазии. Немного более двух лет тому назад горстка австралийских рабочих, утомленных жизнью наемных рабов, бытие которых скрашивали только тяготы вынужденного бездействия, отправилась в Парагвай, где они приобрели землю, подходящую для фермеров, не имеющих в своем распоряжении никаких больших машин. Своему поселению они дали название "Новая Австралия" и понадеялись было превратить его в Утопию для трудящихся. Британское министерство иностранных дел в своем самом последнем официальном сообщении предлагает краткую историю движения, которое заставило многих людей обменять Австралию, "Эльдорадо тружеников", на Южную Америку. Нижеприведенное мы берем из упомянутого доклада:

"Цель колонии была изложена в ее конституции, одна из статей которой гласила: «Наше намерение – создать общину, в которой весь труд будет для пользы каждого члена и в которой будет невозможно эксплуатировать друг друга. Обязанность каждого – воспринимать благосостояние общины как свою главную задачу, тем самым обеспечивая степень уюта, счастья и воспитания, невозможную в том состоянии общества, где никто не имеет уверенности, что он не будет голодать».

Этот идеал не был реализован. Восьмидесяти пяти колонистам вскоре прискучили ограничения, навязанные большинством, и они отказались повиноваться. Новоприбывшие из Австралии возместили потери, вызванные расколом, однако эти новоприбывшие, недовольные лидером движения, избрали своего руководителя, так что теперь в колонии существовали три группы. Равное распределение результатов

[489] труда вскоре разочаровало некоторых рабочих, которые, вопреки социалистическим правилам, потребовали свою долю, соразмерную вложенному труду. Суровый запрет потреблять спиртное стал еще одной причиной недовольства прежде всего потому, что его нарушение наказывалось исключением без права возврата первоначального капитала, вложенного в данное мероприятие. Колония была на грани развала, когда прежний руководитель движения добился своего назначения властями Парагвая на пост судьи и окружил себя полицейскими силами. Существует надежда, что колония превратится в процветающую, тем не менее, социалистические нормы были попраны".

Опыт шахтеров Монтье несколько отличается. В их случае именно процветание вынудило отложить в сторону социалистические теории. "Gewerbe Zeitung" рассказывает их историю следующим образом:

"В Монтье, поблизости Сент-Этьена, имеется шахтный ствол, оставленный компанией, владевшей им пару лет тому назад. Шахтеры были уволены. Поскольку не было никакой возможности найти работу поблизости, рабочие упросили компанию передать им шахту, а поскольку владельцы не верили, что шахту можно сделать прибыльной, они согласились. У шахтеров не было никакой техники, но они настойчиво трудились и смогли обнаружить новые пласты. Прилагая почти сверхчеловеческие усилия, они сумели сэкономить достаточно заработанных денег, чтобы купить технику, и, таким образом, заброшенные шахты Монтье сделались источником богатства для их новых владельцев. Затем прежние владельцы попытались вернуть собственность, но проиграли судебное дело, и рабочая пресса не преминула противопоставить алчность капиталистов благородству шахтеров, поровну разделивших плоды своих трудов. Шахты Монтье были охарактеризованы как случай триумфа коллективизма над эксплуатацией частным капиталом.

Тем временем шахтеры расширяли свою деятельность, пока стало невозможным выполнять всю работу без дополнительной помощи. Для этого позвали других шахтеров, и те сделали все от них зависящее, чтобы работа продолжалась. Однако шахтеры, которые первыми взялись сделать шахту прибыльной, отказались делиться поровну с новоприбывшими. Они знали, что богатство, которое лежит у них под ногами, найдено

[490] ими с почти сверхчеловеческими усилиями; они, так сказать, создали что-то из ничего, так почему они должны делить результаты своих трудов с новоприбывшими, которые, правда, проработали все это время, но где-то в другом месте? Почему же они должны отдавать новым компаньонам урожай, который те не сеяли? Новоприбывшим следует хорошо платить, лучше, чем на других шахтах, но они не должны становиться совладельцами. И когда новоприбывшие создали конфликт, "капиталистические" рабочие привели полицию и вытолкнули их из зала заседаний".

НАЦИОНАЛИЗМ КАК СРЕДСТВО

Национализм является более поздним развитием теории на основании социализма. Он утверждает, что всеми производствами должен руководить народ на основании всеобщей трудовой повинности и общего гарантирования средств существования; что все рабочие должны выполнять то же количество труда и получать одинаковую зарплату.

Национализм утверждает, что:

"Объединения, тресты и синдикаты, на которые сегодня сетуют люди, демонстрируют целесообразность нашего основополагающего принципа совместного труда. Мы только стремимся продвинуть этот принцип немного дальше и заставить все отрасли промышленности работать в интересах всех при помощи народа – организованных людей, органичного единства всех людей.

Нынешняя промышленная система доказывает свою несостоятельность допущенными ею огромными нарушениями. Она доказывает свою бессмысленность огромной тратой энергии и материалов, которая, как известно, ей сопутствует. Против такой системы мы поднимаем наш протест: обещаем направить наши лучшие усилия на упразднение рабства, которое она создала и которое будет стремиться увековечить".

Некоторые положительные черты, общие для обеих, мы одобрительно упомянули под заглавием "Социализм, или коллективизм, как средство". Однако в целом национализм полностью неосуществим. Возражения против него, как правило, те же, какие мы выдвигали до этого против коммунизма. Хотя национализм не грозит прямо, как делает коммунизм, разрушить семью, его тенденция,

[491] несомненно, будет в том же направлении. Среди его защитников имеются многие широкомыслящие, филантропические души. Некоторые из них помогали, не ожидая личной выгоды, основывать колонии, в которых принципы национализма предполагалось воплотить как общественные примеры. Некоторые из них потерпели полную неудачу, и даже те, которые фактически были успешными, были вынуждены проигнорировать националистические принципы в отношениях с миром за пределами колоний, и, как следовало ожидать, все они имели значительные внутренние разногласия. Если даже имея "одного Господа, одну веру, одно крещение", Божьи святые видят, как тяжело "сохранять единство духа в союзе мира", и нуждаются в наставлении, чтобы терпеть друг другу любовью, то как можно ожидать, что смешанное общество, не претендующее на наличие такого духа в виде уз, сможет добиться успеха в превозмогании самолюбивого духа мира, плоти и дьявола?

Несколько колоний националистического плана было основано и потерпело неудачу в Соединенных Штатах на протяжении нескольких прошедших лет. Одна из наибольших неудач произошла с известной "Altruria Colony" ("Колония Альтрурия"), Калифорния, основанной уваж. Е. Б. Пейном по принципу "Один за всех и все за одного". Она имела много преимуществ перед другими колониями в том, что могла подбирать себе членов и не принимала всех попадавшихся. Более того, правительство наделило ее правами осуществлять полный контроль. Ее основатель, рассматривая причины неудачи, сказал в "Examiner", Сан-Франциско, 10 декабря 1896 года:

"Альтрурия не была полной неудачей.. мы продемонстрировали, что доверие, добрая воля и искренность, которые царили какое-то время, создают счастливую жизнь в обществе. С другой стороны, подозрительность, зависть и самолюбивые побуждения дьяволизируют человеческую природу и делают жизнь ничего не стоящей.. Мы перестали доверять друг другу и проявлять уважение, как вначале, и сползли обратно в колею остального мира".

То, что некоторые люди предлагают на основании опыта, другим известно благодаря индуктивному мышлению, основанному на знании

[492] человеческой природы. Кому не хватает урока тщетности надежды с этой стороны (пока самолюбие по-прежнему контролирует сердца людей), тот может обзавестись собственным опытом задарма, посетив на неделе каждый из трех-четырех "второсортных пансионов".

ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ МЕХАНИКОВ КАК СРЕДСТВО

В "The Forum" несколько лет тому назад появилась статья м-ра Генри Холта, в которой он попытался показать, что образование должно быть преимущественно техническим, позволяя механику легко переходить от одного занятия к другому – то есть, что он должен "освоить дюжину" профессий. Хотя на время это может кое-кому помочь, но, очевидно, подобная мера не решит проблему. Что хорошего в том, если штукатуры и каменщики будут заняты, а сапожники и ткачи будут бездействовать. Но что будет, если последние также научатся класть кирпич и делать штукатурку? Если все безработные смогут претендовать на занятые рабочие места, это усилит конкуренцию в каждой профессии. Сей джентльмен, однако, хорошо оперирует двумя известными истинами, в случае которых необходимо образование. Он сказал:

"Более простая из этих истин неизбежна и даже жестока – необходимость Естественного Отбора. Я не говорю, что это справедливо. Природа не знает справедливости. Ее механизм безжалостно сражается с самыми тяжелыми условиями, но, преодолев эти условия, он становится намного лучше, чем тогда, когда бы они уступили ему. Верно то, что она развила в нас разум, чтобы слегка направлять ее путь; но вот, используя их, мы сталкиваемся с деятельностью справедливости. Мы можем направлять ее лишь теми путями, которые наиболее соответствуют ее собственным течениям, иначе нас поглотит стремнина. Так вот, ни один из ее путей не обозначен более широко и более отчетливо, чем путь Естественного Отбора; поэтому в использовании наших маленьких свобод и права голоса мы никогда не бываем так умны, как в том случае, когда идем с ним в ногу – когда, к примеру, выводим в люди какого-нибудь Линкольна. Но до сих пор мы более склонны отдавать предпочтение демагогу и затем страдать. Социализм предлагает

[493] распространить опасность таких страданий на сферу производства. Руководители промышленности сегодня избираются исключительно путем естественного отбора, за исключением небольших отступлений в случае наследственности, где все быстро становится на свои места: если сын непригодный по наследству, он быстро теряет возможность выжить. Однако по мере роста свободы конкуренции и возможностей для способных людей без капитала нанимать его, по существу становится очевидным, что производство сегодня контролируется Естественным Отбором. Для этого социалисты предлагают отказаться от искусственного отбора, да еще путем всенародного голосования. Общее знание превосходства естественного пути сможет исправить это безумие.

Другая истина, которую так трудно передать понятным образом, но о которой можно составить определенное представление, еще более важная. Трудно не потому, что это требует каких-то подготовительных знаний, словно на протяжении тысячелетий ей противостояла и по-прежнему противостоит догма. Для большинства читателей каждое из этих утверждений, вероятно, покажется странным, особенно, если истина определяется знакомой фразеологией – Всемирное Господство Закона. Однако факт заключается в том, что массы людей, которые полагают, что они в него верят, каждый день умоляют, чтобы так не было – чтобы в их случае сделать исключение. Люди в целом (и законодатели в частности), когда вопрос касается физиологии, готовы послать за врачом; техники – за инженером; химии – за химиком, и с детским доверием готовы последовать их совету. Но в экономике они не хотят никаких других понятий, кроме собственных. Они не имеют малейшего представления о том, что эти вопросы, как и физические понятия, находятся под контролем естественных законов – что открытие этих законов или овладение уже открытыми требует специального изучения; и что если им противоречить по незнанию, то это обязательно приведет несчастье, столь же роковое, как в случае упрямства…

Следовательно, рабочему человеку необходимо не только обучение в производственной школе и знание определенных экономических фактов, но и некоторое знакомство с наукой и историей, которое даст ему представление о Законе Природы. На предложенном таким образом основании можно создать некоторое представление о его деятельности в общественном и материальном мире, а также некоторое понимание того, что человеческий закон неэффективен или того хуже – разве что после пристального изучения и

[494] осторожных экспериментов удастся увязать его с Законом Природы. Отсюда вера, что ни один человеческий закон не способен оставить в живых тех, кто не пригоден, разве что за чей-то счет; и что единственный путь позволить им уцелеть своими силами – сделаться пригодными".

Да, это хорошо, что всем следует усвоить, что эти два закона контролируют нашу современную общественную систему, и что не во власти человека менять природу или законы природы – то есть, что ему не по силам сделать больше, чем подновить современные общественные условия и временно их несколько улучшить. Новые, более желанные законы, необходимые для совершенного, идеального общества, потребуют сверхчеловеческих сил для их внедрения. Усвоение этого урока поможет быть "благочестивым и довольным" (избегая недовольства, которое себя усугубляет), ожидая Божьего Царства и молясь "Да придет Царство Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе".

ЕДИНЫЙ ЗЕМЕЛЬНЫЙ НАЛОГ КАК СРЕДСТВО

Очень возможно, что м-р Генри Джордж, увидев последствия коммунизма, национализма и социализма, как это отмечено выше, придумал достойный внимания план, известный как "Теория Единого Земельного Налога". Его в некоторых отношениях можно назвать противоположностью социализма. Во многих важных чертах это индивидуализм. Он предоставляет личность возможностям ее собственного характера, усилиям и окружению, оставляя каждому лишь неотъемлемое право совместно пользоваться, как общими благословениями Создателя, воздухом, водой и землей. Он предлагает совсем незначительные непосредственные изменения в нынешней общественной системе. Утверждая, что имеющиеся неравенства богатства (в меру их гнета и вреда) полностью являются результатом частной собственности на землю, эта теория предлагает, чтобы все земли опять сделались собственностью рода Адама как одного целого, и утверждает, что таким образом пороки нашей нынешней общественной системы быстро исправятся. Он предлагает

[495] сделать перераспределение земли, но не разделяя ее пропорционально между членами человеческой семьи, а принимая всю землю как одно обширное земельное владение и позволяя каждому как арендатору использовать столько, сколько он захочет из того, чем он сейчас обладает, а также взимать земельный налог или арендную плату с каждого владельца пропорционально стоимости земли (кроме стоимости строений или других удобств). Таким образом, свободному участку будет определен такой же налог или арендная плата, как соседнему застроенному участку, а невозделанному полю – такой же, как прилегающему полю, приносящему урожай. Изъятый таким образом налог будет составлять целевой резерв для общих социальных нужд – для школ, устройства улиц, дорог, водоснабжения и т. д., а также для местного и общего управления. Отсюда название теории – "Единый земельный налог".

Результатом, естественно, должно быть открытие тысяч городских участков и пустырей для фактического заселения, удерживаемых сегодня для спекулятивных целей, поскольку все налоги будут собраны в один, исключая налоги со скота, техники, собственного бизнеса и всякого рода удобств. Сконцентрированные на земле, все они будут составлять единый земельный налог, дифференцированный при этом таким образом, чтобы не проявлять никакой благосклонности: скудные фермерские земли или земли, удаленные от дорог, подвергаются меньшему обложению по сравнению с более хорошими землями – теми, которые ближе к дорогам. Участки в больших городах похожим образом будут оцениваться согласно стоимости, местоположению и с учетом окружения.

Такой закон, введенный в действие спустя десять лет после его утверждения, немедленно повлияет на уменьшение стоимости недвижимости и со временем задействует миллионы акров и тысячи городских участков, которые будут открыты для каждого, кто сможет ими воспользоваться и внести установленную плату. М-р Генри Джордж воспользовался фактом, что папа Леон XIII издал Энциклику на тему Труда, чтобы опубликовать в ответ памфлет, озаглавленный "Открытое письмо папе Леону XIII" и т. д. Поскольку тот содержит некоторые хорошие мысли, касающиеся нашей темы, и, помимо того, является дальнейшим изложением

[496] обсуждаемой нами теории, мы возьмем из него несколько произвольных отрывков:

ОТРЫВОК ИЗ ОТКРЫТОГО ПИСЬМА М-РА ГЕНРИ ДЖОРДЖА ПАПЕ ЛЕОНУ XIII В ОТВЕТ НА ЭНЦИКЛИКУ ПОСЛЕДНЕГО ОТНОСИТЕЛЬНО СЛОЖНОГО ВОПРОСА ТРУДА

"Нам кажется, что ваше Святейшество не видит истинной важности вопроса, когда выдвигает мысль, что Христос, становясь сыном плотника и работая как плотник, показывал лишь то, что "нет ничего позорного в зарабатывании хлеба трудом". Говорить такое – то же самое, что сказать, что, не обкрадывая людей, Он показывал, что нет ничего позорного в порядочности. Если вы обратите внимание на то, как правдиво, в целом, деление всех людей на рабочих, нищих и воров, то увидите, что для Христа во время Его пребывания на земле было, пожалуй, морально неприемлемым оставаться кем-нибудь иным, кроме труженика, поскольку Ему, пришедшему исполнить закон, следовало делом, а также словом, быть послушным Божьему закону труда.

Взгляните, как совершенно и прекрасно жизнь Христа на земле иллюстрировала этот закон. Входя в нашу земную жизнь в беспомощном младенчестве, как это определено каждому, Он с любовью взялся за то, что естественным образом следует выполнять с любовью, – добывать трудом те средства к существованию, которыми одно поколение обязано своим непосредственным преемникам. Вступив в зрелый возраст, Он зарабатывал на Свое удержание тем общепринятым трудом, которым большинство людей должно зарабатывать и действительно зарабатывает. Переходя затем к более высокой – самой высокой – сфере труда, Он зарабатывал на жизнь, научая моральным и духовным истинам, и принимал за это материальную плату в виде исполненных любви подношений благодарных слушателей, не отвергая даже дорогостоящего нарда, которым Мария помазала Его стопы. Поэтому, когда Он выбирал Своих учеников, Он обращался не к землевладельцам или другим монополистам, жившим за счет труда других, а к простым труженикам. И когда Он призывал их к высшей сфере труда и посылал научать моральным и духовным истинам, то велел им принимать, без снисходительности с одной стороны и чувства унижения – с другой, исполненное любви возмещение за такой труд,

[497] говоря, что "трудящийся достоин награды за труды свои", тем самым показывая (и мы так принимаем), что не всякий труд именуется ручным трудом, и если кто-то помогает прибавлять к материальной, интеллектуальной, моральной или духовной полноте жизни, он также является тружеником.*

*"Не следует также забывать, что хотя исследователь, философ, учитель, артист, поэт, священник (не занятый созданием богатства) не только занят созданием полезных вещей и удовольствий, для которых создание богатства – исключительно средство, но, накапливая и распространяя знание (стимулируя, тем самым, умственные возможности и улучшая моральную оценку поступков), он может значительно увеличить способности создавать богатство. Ведь человек живет не хлебом единым.. Тот, кто усилиями ума или тела дополняет совокупность доставляющего удовольствие богатства, кто увеличивает объем человеческих знаний или дает человеческой жизни большее величие, или большую полноту, тот в широком смысле слова является "производителем", "рабочим", "тружеником" и честно зарабатывает скромную плату. Но тот, кто не делает ничего, чтобы человечество было богаче, умнее, лучше, счастливее, живет за счет труда других, и каким бы почетным именем его не называли и с каким бы вожделением священники Мамоны не размахивали перед ним своими кадильницами, он считается, в конечном счете, всего лишь нищим или вором".

Принимая, что трудящиеся (даже те, кто просто занят ручным трудом) бедны от рождения, вы пренебрегаете фактом, что труд – это производитель богатства, и приписываете естественному закону Создателя несправедливость, которая исходит из кощунственного нарушения человеком Его милостивых намерений. При самом худшем состоянии дел возможно, если преобладает справедливость, для всех здоровых мужчин заработать средства к существованию. При наличии современной трудосберегающей техники все, стало быть, должны зарабатывать намного больше. Вы же, говоря, что в бедности нет ничего позорного, распространяете необоснованный вывод. Бедность обязана быть позорной, потому что в условиях общественной справедливости, где бедность не насаждается неминуемыми бедами, она подразумевает грубую неосторожность или лень.

Симпатии вашего Святейшества, кажется, направлены исключительно в сторону бедных, работающих. Но так ли это должно быть? Разве богатых бездельников при этом не жалко? Согласно словам Евангелия жалости заслуживают скорее богатые, чем бедные. Всякому верующему в загробную жизнь состояние тех, кто, открыв глаза, обнаружит свои любовно нажитые миллионы ушедшими в небытие, должно казаться печальным. Но как, на самом деле, заслуживают жалости богатые еще в этой жизни! Зло не в самом богатстве – в его верховенстве над

[498] материальными вещами; оно – в обладании богатством, когда другие погрязли в нищете; в том, чтобы возвысится, потеряв связь с жизнью человечества с его трудом и борьбой, его надеждами и опасениями, и, превыше всего, с той любовью, которая подслащивает жизнь, и с теми дружелюбными чувствами и великодушными поступками, которые укрепляют веру в человека и доверие к Богу. Обратите внимание, как богатые понимают слабые стороны человеческой природы; как они окружены льстецами и подхалимами; как они находят уже готовые средства не только удовлетворять дурные влечения, но и побуждать и стимулировать их; как им приходится быть постоянно начеку, чтобы не быть обманутыми; как часто им приходится подозревать скрытые мотивы за любезными поступками и дружескими словами; как, при стремлении быть великодушными, их осаждают бесстыдные ханжи и плутоватые мошенники; как часто охладевают к ним семейные чувства, а их смерть предвидится с плохо скрываемым ликованием ожидаемого обладания богатством. Самый худший порок нищеты не состоит в нехватке материальных вещей, а в приостановлении роста и извращении более возвышенных качеств. Вот так, хотя и другим путем, обладание незаслуженным богатством похожим образом сдерживает и искажает то, что в человеке самое благородное.

От Божьих заповедей нельзя уклониться безнаказанно. Если Бог заповедал, что люди будут зарабатывать себе на хлеб трудом, то богатые бездельники должны страдать. И они страдают. Взгляните на огромную пустоту в жизни тех, кто живет ради удовольствия; взгляните на отвратительные пороки, порожденные классом, который, окруженный нищетой, пресыщается богатством. Посмотрите на это ужасное наказание скукой, о котором бедные знают так мало, что не могут этого понять; посмотрите на разочарование, растущее в среде состоятельных классов, загораживающее Бога, презирающее людей, считающее существование злом в самом себе и боящееся смерти, при этом стремясь к забвению.

Когда Христос говорил богатому молодому человеку, искавшему Его, продать все и отдать это бедным, Он не думал о бедных, но о молодом человеке. И я не сомневаюсь, что среди богатых и, особенно, тех, кто сам достиг богатства, имеется много таких, которые, по крайней мере, иногда остро чувствуют безрассудство своих богатств и боятся искушений и опасностей, действию которых подвергаются их дети. Однако сила длительной привычки, внушения самолюбия, страсть получить и удерживать то, что стало для них коном в карточной игре, семейные надежды, принявшие

[499] характер обязательств, а также истинные трудности, с которыми они сталкиваются, когда пытаются хоть как-то правильно использовать свои богатства, привязывают их к своему бремени как уставшего осла к его ноше, пока они не споткнутся над пропастью, которая связывает их жизнь.

Те, которые убеждены, что они будут иметь пищу, когда ее потребуют, едят только то, что диктует аппетит. В случае же туземных племен, проживающих на краю обитаемого земного шара, жизнь является или голоданием или пиршеством. Перенося многодневный голод, они, из страха перед ним, поспешно проглатывают еду, словно анаконда, которой повезло поймать добычу. Итак, то, что делает богатство проклятием, что ведет людей к его поискам, что делает его предметом зависти и восхищения – это боязнь нищеты. Как чрезмерное богатство – следствие чрезмерной бедности, так и снедающее душу свойство богатства – это только рефлекс нужды, которая превращает в животное и деградирует. Истинное зло находится в несправедливости, от которой берут начало неестественное накопление и неестественная трата.

Но вряд ли отдельные личности или классы можно обвинить в этой несправедливости. Существование частной собственности на землю – вот то большое общественное зло, от которого страдает общество в целом, и жертвами которого являются одинаково очень богатые и очень бедные, хотя и диаметрально противоположным образом. Видя это, нам кажется, что было бы нарушением христианского милосердия говорить о богатых, что они лично ответственны за страдания бедных. И если вы это делаете, вы настаиваете на том, чтобы не трогать причину появления громадного богатства и унизительной нищеты. Возьмем, к примеру, человека с обезображивающим и опасным наростом. Один врач удалил бы его легко, осторожно, но решительно. Другой настаивает не удалять, тем самым, выставляя несчастного на унижение и посмешище. Кто прав?

Стремясь вернуть всех людей к их равным и естественным правам, мы не ищем пользы для какого бы то ни было класса, а для всех. Ведь нам одинаково известно верою и очевидно из факта, что несправедливость не может принести пользы никому, а справедливость должна быть для пользы всем.

Мы также не добиваемся того или иного "поверхностного и смехотворного равенства".. Равенство, которого мы добиваемся, это не равенство богатства, а равенство естественных возможностей..

Принимая для использования обществом то, что, как нам совершенно очевидно, является огромным капиталом, предусмотренным для общества божественным порядком, мы не собираемся облагать даже малейшим налогом обладателей богатства, какими богатыми они бы не были. Мы не только считаем

[500] такие налоги нарушением права собственности, но и понимаем, что, благодаря прекрасным возможностям адаптации экономических законов Создателя, невозможно кому бы то ни было честно добыть богатство, одновременно не приумножая богатство мира..

Ваше Святейшество в Энциклике дает пример этого. Отрицая равенство прав на материальную основу жизни и осознавая при этом, что существует право на жизнь, вы отстаиваете право трудящихся наниматься и право принимать от своих работодателей некоторую неопределенную плату. Никаких таких прав не существует. Никто не имеет права требовать нанимать другого или требовать более высокой платы, нежели другой согласен предоставить, или еще каким-то путем оказывать давление на другого, вынуждая его поднять такую плату против его воли. Для таких требований рабочих в отношении работодателей существует не больше морального оправдания, чем для работодателей требовать, чтобы рабочие обязательно работали, когда они этого не хотят, и получать зарплату ниже того, что они готовы принять. Любое воображаемое оправдание проистекает из предыдущей неправомерности – лишения рабочих их естественных прав..

Христос оправдал Давида, который, гонимый голодом, совершил то, что обычно считалось кощунством, – взял из храма хлебы предложения. Но при этом Он был далек от утверждения, будто обкрадывание храмов – подходящий способ зарабатывать на жизнь.

Тем не менее, в Энциклике вы советуете применить к повседневным отношениям (в обычных условиях) принципы, которые из этических соображений должны приниматься только в чрезвычайных условиях. К подобному признанию ложных прав вас подталкивает ваше неприятие подлинных прав. Естественное право, принадлежащее каждому человеку, состоит не в том, чтобы требовать от другого человека принятия на работу или выплаты заработка, но чтобы нанять себя – приложиться своим собственным трудом к неисчерпаемой кладовой, какую Создатель предусмотрел на земле для всех людей. Там, где эта кладовая открыта (мы бы открыли ее при помощи единого земельного налога), естественный спрос на труд будет идти в ногу с предложением – человек, продавший свой труд, и человек, купивший его, вступят в свободный обмен ради взаимной выгоды, и всякий повод для спора между рабочим и работодателем будет исчерпан. Когда все будут

[501] иметь свободу нанимать себя, случайная возможность получить работу перестанет казаться благодеянием. А если никто не согласится работать для другого за меньшую плату (с учетом всего), нежели он заработал бы для себя, заработки обязательно поднимутся к своему полному размеру, а сами отношения между рабочим и работодателем будут регулироваться на основании взаимных интересов и выгод.

Это единственный путь, которым они могут быть удовлетворительным образом урегулированы.

Ваше Святейшество, кажется, предполагает, что существует некий справедливый уровень заработной платы, который работодатель должен охотно заплатить и который труженик должен согласиться принять; и если, предположим, этого удастся достичь, то спору будет положен конец. Вы, очевидно, полагаете, что это даст рабочим скромные средства к существованию и, возможно, позволит им тяжелым трудом и строгой бережливостью отложить немного для себя.

Но как зафиксировать справедливый уровень зарплаты без "рыночных торгов", если нельзя зафиксировать справедливые цены на кукурузу, свинину, корабли или произведения искусства? Разве принудительный порядок в одном и в другом случае не препятствует тому взаимодействию, которое наиболее эффективно способствует экономическому регулированию производственных сил? Почему покупателей труда (больше, чем покупателей товаров) призывают платить более высокие цены, чем они вынуждены платить на свободном рынке? Почему продавцы труда должны довольствоваться чем-то меньшим, чем то, что они могут получить на свободном рынке? Почему рабочие должны довольствоваться скудной пищей, если мир так богат? Почему они должны быть удовлетворены жизнью, полной трудов и лишений, если в мире столько изобилия? Почему бы им также не желать удовлетворить свои более высокие инстинкты, более тонкие вкусы? Почему они должны всегда довольствоваться проездом вагоном четвертого класса, когда другие предпочитают закрытую кабину?

Да они и не будут. Брожение нашего времени проистекает не только из факта, что рабочим, оказывается, значительно труднее жить на том же уровне удобств. Оно также зависит, и возможно в еще большей мере, от умножения их собственных желаний вместе с возросшим уровнем удобств. Это умножение желаний должно продолжаться, ведь рабочие – это люди, а человек – это ненасытное животное.

Он не мул, которому можно сказать: "Вот тебе еще трава, вот тебе еще зерно, вот тебе вода и немножко соли", – и он будет

[502] довольным. Наоборот, чем больше человек имеет, тем больше он жаждет. Когда ему хватает пищи, он хочет пищи получше. Когда он найдет какой-нибудь кров, ему хочется чего-то более просторного и более изысканного. Когда удовлетворены его животные потребности, появляются умственные и духовные желания.

Это неуемное недовольство находится в природе человека – в более благородной природе, которая поднимает его над животными на поистине невероятную высоту и показывает, что он действительно создан по подобию Бога. Против этого не возразишь, ведь в нем – двигатель всякого прогресса. Оно воздвигло купол св. Петра и заставило сиять на тусклом, мертвом полотне ангельское лицо Мадонны; оно взвесило планеты, исследовало звезды и, страница за страницей, открыло удивительные дела творческого интеллекта; оно сузило Атлантику до океанской переправы и научило молнии переносить наши послания в самые отдаленные земли; оно открывает нам возможности, по сравнению с которыми все, чего достигла наша современная цивилизация, кажется малозначащим. Его нельзя сдержать, разве что деградировав человека и превратив его в животное: превратив Европу в Азию.

Так вот, каким бы не был заработок после снятия всех ограничений на труд и обеспечения доступа к естественным возможностям, гарантированного всем на равных условиях, невозможно установить какой бы то ни было уровень зарплаты, кажущийся справедливым, или любой уровень зарплаты, способный сдержать стремление рабочих зарабатывать больше. Таким образом, вместо того чтобы вынуждать рабочих дальше добиваться хоть небольшого улучшения своих условий, оно определенно делает их еще более недовольными.

Вы также не добиваетесь справедливости, когда требуете от работодателей платить рабочим больше, чем они вынуждены платить – больше, чем они могут заплатить другим за выполненную работу. Вы требуете благотворительности. Да, излишек, который состоятельный работодатель предоставляет, это, определенно, не заработок, это самая настоящая милостыня.

Говоря о практических мерах по улучшению условий труда, предлагаемых вашим Святейшеством, я не упомянул того, на что вы делаете наибольшее ударение, – я не упомянул благотворительности. Но в такого рода рекомендациях в качестве лечащего средства против бедности нет никакой практической пользы, и никто не будет так думать. Если бы удалось упразднить бедность милостынями, никакой бедности в христианстве не существовало бы.

[503] Благотворительность – в самом деле благородная и великолепная добродетель, выражающая признательность человеку и одобренная Богом. Но благотворительность должна основываться на справедливости. Она не может заменить справедливость.

Недостатком условий труда в христианском мире является подверженность труда грабежу. И до тех пор, пока вы оправдываете продолжение подобного грабежа, бесполезно настаивать на благотворительности. Делать такое, то есть советовать благотворительность вместо справедливости, это, по сути, что-то сродни тем ересям, которые осуждали ваши предшественники и которые учили, что Евангелие заменило закон, а любовь Бога освободила человека от моральных обязательств.

Все, на что способна благотворительность при наличии несправедливости, это возможность как-то смягчить тут и там последствия несправедливости. Она не способна их излечить. Она даже не в состоянии сделать то малое, что в ее силах, чтобы смягчить последствия несправедливости, не причинив при этом вреда. Ведь так называемые добавленные, вторичные ценности (как в данном случае) совершают зло там, где отсутствуют основополагающие, первичные ценности. Поэтому добродетелью является рассудительность, а также прилежание. Но рассудительный и прилежный вор еще более опасен. Терпеливость – это также добродетель. Но терпеть зло означает оправдывать зло. Значит добродетель в том, чтобы постигать знание и пытаться развивать умственные способности. Но злой человек еще более способен совершать зло благодаря своему уму. О демонах мы всегда думаем, как о мыслящих.

Таким образом псевдоблаготворительность, отвергающая и отрицающая справедливость, совершает зло. С одной стороны она деморализует тех, кто ею пользуется, оскорбляя человеческое достоинство, к которому, как вы говорите, “сам Бог относится с почтением”, и превращая в нищих и попрошаек тех людей, которые, сделавшись самостоятельными и уважающими себя гражданами, нуждаются исключительно в реституции того, что им дано Богом. С другой стороны, она действует, словно анальгетик, на сознание тех, кто живет за счет грабежа своих ближних, и поощряет моральное заблуждение и духовную спесь, которые Христос, несомненно, имел в виду, когда говорил, что удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царство небесное. Ведь это заставляет людей, погрязших в несправедливости, использующих свои деньги и свое влияние для ее поощрения, думать, что они, давая милостыню, делают что-то большее, чем их обязанность перед человеком, и заслуживают очень хорошего мнения со стороны Бога, каким-то таинственным образом приписывая своей доброте то, что на деле

[504] принадлежит доброте Бога. Подумайте: Кто поставляет все? Кто тот, Который, как вы говорите, "задолжал человеку никогда не имеющую недостатка кладовую", которую "Он видит исключительно в неисчерпаемом плодородии земли"? Разве это не Бог? Таким образом, когда люди, лишенные даров своего Бога, становятся зависимыми от щедрот своих собратьев-людей, то разве эти собратья, так сказать, не ставят себя на место Бога, чтобы поставить себе в заслугу те обязательства, которые, по вашим словам, принадлежат Богу?

Но, очевидно, хуже всего является путь, которым замена туманных призывов к благотворительности откровенными требованиями справедливости дает простые способы так называемым учителям христианской религии всех ветвей и вероисповеданий умиротворять Мамону, одновременно убеждая себя в том, что они служат Богу..

Нет, ваше Святейшество, как вера без дел мертва, как люди не способны воздать Богу должное, одновременно отрицая своим ближним те права, которые Он дал им, так благотворительность, не поддерживаемая справедливостью, не может ничего сделать для решения проблемы существующих условий труда. Даже если бы богатые "роздали все имение свое и отдали тело свое на сожжение", нищета существовала бы и дальше, пока существует собственность на землю.

Подумайте о богатом человеке сегодня, который хочет честно посвятить свое богатство улучшению условий труда. Что он может сделать?

Передать свое богатство тем, кто в нем нуждается? Он может помочь некоторым, заслуживающим этого, но не способен улучшить общих условий. А рядом с добром, которое он способен сделать, будет находиться опасность причинить вред.

Строить церкви? Но под сенью церквей чахнет нищета и размножаются порожденные ею пороки.

Строить школы и колледжи? Если возросшее образование не поможет людям понять противозаконность частной собственности на землю, оно ничем не сумеет посодействовать простым труженикам, ведь с распространением образования заработки в образовании падают".

Учреждать госпитали? Еще бы! Трудящимся и так кажется, что слишком многие ищут работу, а спасать и продлевать жизнь – это означает усугублять трудности.

Строить образцовые дома для аренды? Если он не удешевит помещения для содержания людей, то еще больше потеснит класс, которому собирался принести

[505] пользу, а если удешевит помещения для аренды, то позволит большему числу искать работу и удешевит заработки.

Основывать лаборатории, научные школы, мастерские для физических опытов? Этим он лишь стимулирует изобретения и открытия – те силы, которые, влияя на общество, основанное на частной собственности на землю, раздавливают труд, словно тот находится между верхними и нижними жерновами.

Способствовать эмиграции из мест, где заработки невысоки, в места, где они несколько выше? Если так делать, то даже те, которым он вначале помог эмигрировать, вскоре обратятся к нему с требованием прекратить такую эмиграцию, так как это уменьшает их заработки.

Отдать землю, имеющуюся у него в наличии, или отказаться взимать за нее плату, или согласиться, чтобы арендная плата была ниже рыночной? Он просто-напросто создаст новых землевладельцев или частичных землевладельцев; он сможет сделать кое-кого богаче, но не сделает ничего для улучшения общих условий труда.

А может, вспомнив о тех патриотически настроенных гражданах времен античности, которые расходовали большие суммы на улучшение своих родных городов, он попытается приукрасить город своего рождения или проживания? Пускай он расширит и выровняет узкие, кривые улочки, пускай он устроит парки и соорудит фонтаны, пускай он пустит трамваи и построит железную дорогу или еще каким-то образом сделает краше и привлекательнее свой избранный город, что из этого получится? Не случится ли так, что присваивающие себе Божьи щедроты, присвоят также его труды? Не случится ли так, что стоимость земли пойдет вверх, и конечным результатом его благодеяний будет рост арендной платы и состояния землевладельцев? Ну, конечно, даже простое известие о том, что он собирается это сделать, родит спекуляции и стремительно поднимет стоимость земли.

Что, в таком случае, может сделать богатый человек, чтобы улучшить условия труда?

Совсем ничего, разве что использовать свою силу для устранения большого первоначального зла, которое отнимает у людей их право первородства. Справедливость Бога смеется над подобными усилиями людей предложить что-то взамен".

* * *

"Хотя в узком смысле тред-юнионизм поддерживает идею взаимности интересов и часто помогает

[506] будить отвагу и дальнейшее политическое образование, хотя он позволил ограниченным группам рабочих несколько улучшить свои условия и получить, так сказать, передышку, он вовсе не упоминает общих причин, определяющих условия труда, и стремится возвысить только малую часть из общего числа средствами, которые не могут помочь остальным. В стремлении ограничить конкуренцию – ограничить право на труд, – его методы напоминают армейские правила, которые даже в правом деле пагубны для свободы и ведут к злоупотреблениям, тогда как его оружие – забастовка, разрушительно по своей природе как для воюющей стороны, так и для мирно настроенных, являясь формой пассивной войны. Применить принцип тред-юнионизма ко всему производству, как некоторые мечтают это сделать, означало бы поработить людей кастовой системой.

Или возьмем хотя бы такие сдержанные меры, как сокращение рабочих часов и труд женщин и детей. Они поверхностны и направлены исключительно на то, чтобы ограничить стремления мужчин, женщин и малых детей трудиться незаконно, а также предлагают силой ограничить чрезмерный труд, при этом полностью игнорируя причину – жало нищеты, вынуждающее человеческие существа к этому. Методы, какими данные ограничения должны быть введены, умножают чиновников, нарушают личную свободу, ведут к коррупции и подвержены злоупотреблениям.

Что касается внедрения социализма, который надо уважать хотя бы за смелость его взглядов, он придаст этим недостаткам самое полное выражение. Переходя непосредственно к выводам, не попытавшись выяснить причины, он не способен видеть, что гнет не исходит из природы капитала, но из зла, которое обворовывает труд от капитала, отрывая его от земли. Это создает фиктивный капитал, что на деле означает капитализированную монополию. Он не способен видеть, что для капитала невозможно угнетать труд, если труд независим от естественных средств производства; что система оплаты наемного труда сама по себе проистекает из взаимной выгоды, являясь формой сотрудничества, в которой одна из сторон предпочитает в итоге определенную причитающуюся ей часть; что так называемый “железный закон заработной платы” не является естественным законом получения заработной платы, а лишь законом заработной платы в тех неестественных условиях, в которых люди сделаны бессильными, лишившись средств жизни и труда. Он не способен видеть, что то, что ошибочно воспринимается как недостатки конкуренции, – это, по сути, недостатки сдерживания конкуренции в результате односторонней

[507] конкуренции, к которой вынуждают людей, лишенных земли, тогда как его методы, организация людей в промышленные армии, управление и контроль над всем производством, а также обменные операции, проводимые правительственными и полуправительственными учреждениями, будут означать (если найдут свое полное выражение) египетский деспотизм.

Мы отличаемся от социалистов своим диагнозом подобного зла, а также средствами. У нас нет страха перед капиталом, так как мы считаем его естественным слугой труда; мы воспринимаем проценты как естественные и справедливые; мы не собираемся ограничивать накопления или взваливать на богатых определенную ношу, которая в одинаковой мере не вложена на бедных; мы не видим ничего плохого в конкуренции, а считаем неограниченную конкуренцию столь же необходимой для здоровья промышленного и общественного организма, как свободная циркуляция крови необходима для здоровья плотского организма: она – средство, чтобы достичь самого полного взаимодействия. Для общины мы возьмем лишь то, что принадлежит общине – стоимость земли, увеличивающуюся с ростом общины. Каждому мы оставим нетронутым то, что принадлежит каждому, и, воспринимая монополии как естественное функционирование государства, упраздним все ограничения и запреты, кроме тех, которые необходимы для здоровья, безопасности, морали и удобства общества.

Однако фундаментальное различие – то, на которое я прошу ваше Святейшество особо обратить внимание, – состоит в следующем: социализм на всех его этапах смотрит на беды нашей цивилизации как на произрастающие из неравенства, как на несоответствия в естественных отношениях, которые следует искусственно организовать, то есть улучшить. По его идее к государству переходит обязанность разумно организовывать производственные отношения между людьми – создавать, так сказать, большой механизм, сложные части которого будут должным образом работать вместе под руководством человеческого ума. Вот причина, почему социализм ведет к атеизму. Будучи неспособным увидеть порядок и симметрию естественного закона, он не способен распознать Бога.

С другой стороны, мы, именующие себя сторонниками Единого Земельного Налога (название, выражающее исключительно наши практические предложения), видим в общественных и производственных отношениях людей не механизм, требующий построения, а организм, которому необходимо только позволить расти. Мы замечаем в естественных, общественных и индустриальных законах такую гармонию, какую видим

[508] слаженности человеческого тела, и это столь же превосходит силу человеческого ума руководить ими и направлять их, как человеческому уму не под силу руководить жизненно важными процессами в своем теле и направлять их. Мы видим в этих общественных и промышленных законах столь тесную связь с моральным законом, что она обязана происходить от одного и того же Автора, что доказывает, что моральный закон должен обязательно руководить человеком там, где ум колеблется и сбивается с пути. Так вот, по нашему мнению, все, что необходимо для излечения зол нашего времени, так это поступать справедливо и предоставить свободу. Вот причина, почему наши убеждения склоняются в сторону стойкой и благоговейной веры в Бога. Более того, они являются единственными убеждениями, которые отвечают ей, признавая Его закон верховным законом, которому люди должны следовать, если хотят обеспечить себе процветание и избежать гибели. Вот причина, почему мы считаем, что политическая экономия нужна только для того, чтобы показать глубину мудрости простых истин, которые простой народ слышал из уст Того, о Ком спрашивали с удивлением: “Разве это не плотник из Назарета?”

А поскольку в том, что мы предлагаем, – обеспечении всех людей равными естественными возможностями использования личных способностей и устранении всех правовых ограничений на обоснованное применение этих способностей, – мы видим подчинение человеческого закона закону морали, следовательно, мы с уверенностью полагаем, что это не только достаточное средство против всех зол, которые вы так поразительно точно описываете, но и единственно возможное средство.

Другого попросту нет. Человек устроен так, и его отношения с миром, в который он помещен, таковы, – то есть непреложные законы Бога таковы, – что вне власти человеческой изобретательности придумать какой бы то ни было путь, которым пороки, рожденные несправедливостью, отнимающей у людей их право первородства, могут быть устранены по-иному, чем справедливостью, чем открытием всем даров, какие Богом предусмотрены для всех.

Поскольку человек способен жить только на земле и только используя землю, а земля – источник материи и силы, из которых взято само человеческое тело и к которому он должен обращаться за всем, что способен произвести, не следует ли из этого неопровержимо, что отдать землю в собственность одним людям и лишить всякого права на нее других означает разделить человечество на богатых и бедных, привилегированных и беспомощных? Не следует ли из этого,

[509] что те, у кого нет никаких прав пользоваться землей, могут жить только от продажи своего труда тем, кто владеет землей? Не следует ли из этого, что то, что социалисты именуют "железным законом заработной платы", а политэкономисты называют "тенденцией к падению заработной платы до минимума", обязано отнять у безземельных масс – простых тружеников, которые сами не в силах использовать свой труд, – все те преимущества всевозможных усовершенствований или удобств, которые не видоизменяют это несправедливое разделение земли? Ведь, не имея никакой возможности наняться, они вынуждены – продавая труд или арендуя землю – вести конкуренцию друг с другом за позволение трудиться. Эта конкуренция друг с другом, лишенная доступа к неисчерпаемой сокровищнице Бога, не имеет другой границы, кроме голодания, и должна, в конце концов, вынудить заработную плату упасть до самой низкой отметки, при которой жизнь можно только удерживать или воспроизводить.

Это вовсе не говорит о том, что всякая заработная плата должна упасть до этой отметки, а только заработная плата того неизбежно наибольшего слоя трудящихся, который имеет исключительно примитивные знания, мастерство и способности. Заработки отдельных классов, оградившихся от конкуренции особенными знаниями, мастерством и пр., могут оставаться выше обычного уровня. Итак, там, где умение читать и писать является редким, его наличие позволяет человеку получить большую, чем заурядному труженику, заработную плату. Но когда распространение образования делает такое умение читать и писать обычным, это преимущество теряется. Так вот, если профессия требует особой подготовки или мастерства, или она труднодоступна по причине искусственных ограничений, сдерживание конкуренции способствует удержанию заработной платы на более высоком уровне. Но когда прогресс в изобретательстве не требует особого мастерства или когда искусственные ограничения сломаны, эти более высокие заработки опускаются до обычного уровня. Поэтому, до тех пор, пока они являются особыми, такие качества, как предприимчивость, расчетливость и экономность, могут позволить простому труженику поддерживать условия, превосходящие те, которые предоставляют исключительно средства к существованию. Где они становятся обычными, закон конкуренции вынужден уменьшить доходы или сбережения от применения таких качеств до общего уровня, который (если земля монополизирована и труд беззащитен) может быть лишь таким, для которого следующей самой низкой отметкой является прекращение жизни.

Попробуем сказать о том же, только по-другому: поскольку земля необходима для жизни и труда, ее собственники смогут, взамен

[510] за позволение пользоваться ею, получить от простых тружеников все, что может произвести труд, за исключением того, что позволяет этим труженикам поддерживать жизнь, – в чем одинаково заинтересованы землевладельцы и их подчиненные.

Где частная собственность на землю разделила общество на класс землевладельцев и класс безземельных, там никакие изобретения или удобства – производственного, общественного или морального характера – не способны (пока это не затрагивает собственности на землю) предотвратить нищету или облегчить существующие условия простых тружеников. Каким бы не был результат любых изобретений или улучшений, – то ли увеличение того, что труд может произвести, то ли уменьшение того, что требуется для поддержания труженика, – он, став широко распространенным, может привести исключительно к увеличению прибыли землевладельцев, при этом вовсе не принося пользы простым труженикам. Те, кто обладает только простой, заурядной способностью трудиться (которая совершенно бесполезна без необходимых орудий труда), никак не могут получить от своего заработка больше, чем достаточно для поддержания их жизни.

Насколько это верно, можно убедиться сегодня на фактах. В наше время изобретения и открытия неимоверно увеличили производственные возможности труда, одновременно существенно уменьшив стоимость многих вещей, необходимых для помощи труженику. Но действительно ли эти улучшения хоть где-то подняли заработки простого труженика? Разве польза от них не перешла прежде всего к землевладельцам, непомерно увеличивая стоимость земли?

Я говорю "прежде всего", потому что частично эта польза пошла на удержание исполинских действующих армий и на военные приготовления; для уплаты процентов от огромных общественных долгов; и в виде средств, большей частью замаскированных под проценты от фиктивного капитала, к владельцам монополий, иных, чем монополия на землю. Но улучшения, которые позволят избавиться от этих потерь, не принесут пользу труду; они просто увеличат прибыль землевладельцев. Если упразднить действующие армии и все, что им сопутствует, если избавиться от всех монополий, кроме монополии на землю, если сделать правительства примером хозяйственности, если взыскать прибыли спекулянтов, посредников и всякого рода менял, если каждый станет таким честным, что не потребуется полиция, суды, тюрьмы, меры предосторожности против мошенничества, то результат

[511] все равно не будет другим, чем тот, который последовал за ростом производительности.

Мало того, разве эти же благословения не принесут голодания многим из тех, кому сегодня удается прожить? Неправда ли, что если сегодня предложить полностью разоружить все армии Европы (о чем должны молиться все христиане), то возникнут самые серьезные опасения насчет последствий попадания на рынок труда столь многих лишенных занятия тружеников?

Объяснение этому и подобным парадоксам, которые ныне приводят в недоумение на каждом шагу, легко увидеть. Воздействие всех изобретений и улучшений, которые увеличивают производительность, уменьшают потери и сохраняют усилия, направлено на уменьшение количества труда, требуемого для обусловленного результата, и на сохранение труда, так что об этих изобретениях, то есть улучшениях, мы говорим как о трудосберегающих. Теперь, в естественных условиях общества, где права всех пользоваться землей являются общепризнанными, трудосберегающие улучшения могут достичь невообразимых размеров без уменьшения потребностей людей, поскольку в таких естественных условиях потребности людей находятся в их собственном наслаждении жизнью и сильных инстинктах, которые Создатель разместил в человеческой груди. Но при том противоестественном состоянии общества, при котором массы людей лишены всяких наследственных прав, за исключением права трудиться, когда такая возможность трудиться предоставлена им другими, потребность в них превращается исключительно в потребность в их услугах со стороны тех, кто удерживает такое право, а сам человек становится товаром. Так вот, хотя естественным результатом внедрения трудосберегающих улучшений должно быть увеличение заработной платы, однако в неестественных условиях, порождаемых частной собственностью на землю, результатом (даже таких влекущих за собой трудности моральных шагов, как разоружение армий и сохранение труда) должно быть, при понижении коммерческого спроса, уменьшение заработной платы и доведение простых тружеников до голода или нищеты. А если бы трудосберегающие изобретения и улучшения привели к отмене необходимости трудиться, каков был бы результат? Разве тогда землевладельцы не захватят все богатство, которое способна произвести земля, и не будет никакой необходимости в людях труда, которым придется голодать или жить на пенсионном содержании землевладельцев?

[512] Следовательно, пока существует частная собственность на землю – пока отдельных людей воспринимают как владельцев земли, а другие могут жить на ней только с их разрешения, – человеческая мудрость не способна придумать никаких средств, с помощью которых можно было бы избежать бед наших нынешних условий".

Эта теория свободного землепользования (кроме уплаты налога на нее) является общей и справедливой теорией, и мы бы хотели, чтобы она тотчас вступила в действие, хотя мы и не имели бы от нее личной пользы. Она непременно дала бы временное облегчение обществу, хотя разрушение ею цен на землю принесло бы столько же потрясений или даже больше, чем предлагает социализм, разве что заранее предупредить, как советовалось прежде, о ее дифференциации. Это непременно объединило бы ее с более умеренными сторонами социализма, придав им более прочные качества, ведь если земля (одно из средств получения богатства) будет находиться в руках всех людей на таких условиях, то здоровым, трудолюбивым людям никогда не придется голодать: все смогут вырастить урожай, достаточный, по крайней мере, для того, чтобы прокормить самих себя. Хотя это, верим, явилось бы мудрым и справедливым шагом, в согласии с божественным законом, что очень умело показал м-р Джордж, но и оно не станет панацеей от всех болезней человечества. Стенающее творение будет по-прежнему стенать, пока праведность и истина не будут полностью установлены на земле, и все сердца не будут приведены к согласию с ними, пока самолюбие, как прежде, будет находить возможность собирать все сливки, оставляя столько снятого молока, сколько необходимо для самых насущных потребностей других.

В доказательство того, что единый земельный налог сам по себе не решит общественных и финансовых проблем и не предотвратит грядущего бедствия и общественного крушения, мы приводим пример его явной неудачи. Индия на протяжении долгих столетий имела единый налог, исключительно налог на земельную собственность – то есть почва находилась в общем пользовании и возделывалась под деревенским контролем. Как следствие, около двух третьих ее населения – это земледельцы: соотношение большее, чем в любом другом народе мира.

[513] Только в последние годы частная собственность на землю введена здесь англичанами, да и то пока лишь на весьма ограниченной территории. Можно сказать, что люди в Индии довольны и им хорошо; но это вовсе не потому, что они богаты и имеют вдоволь предметов роскоши и удобств. Современная техника быстро революционизирует их труд и сокращает и так скудные заработки, заставляя жить за счет еще меньших заработков или голодать. Мы уже цитировали достоверный источник, показывая, что бедные толпы только изредка могут позволить себе есть самую простую пищу досыта. См. стр. 381.

Когда мы допускаем, что единый налог, или предложение свободного землепользования, окажется единственным фактором временного облегчения, то это все, что мы можем предположить, потому что, если самолюбию преградить путь в одном направлении, оно проложит его в другом: ничто, по сути, не поможет, кроме "чистых сердец" и "правого духа", а они не могут быть созданы ни теорией Единого Земельного Налога, ни любой другой человеческой теорией.

Предположим, для примера, что люди имеют землю; для объединенного капитала будет простым делом отказаться от покупки фермерской продукции, разве что по своим собственным ценам (едва достаточным, чтобы позволить производителям выжить) и, с другой стороны, контролировать и устанавливать высокие цены на все, что необходимо купить земледельцу, – от удобрений и фермерских орудий до одежды для его семьи и домашней утвари.

Именно эти условия уверенно приближаются – Закон Спроса и Предложения действует слишком медленно, чтобы сегодня насытить алчность богатства. Труд не в состоянии остановить деятельность этого закона и оказывается под давлением одинаково техники и возросшего населения. Однако Капитал способен противодействовать этому, по крайней мере, частично, создавая Тресты, Объединения, Синдикаты и прочее с целью почти или полностью контролировать предложение и цены. Иллюстрацией тому является Угольное объединение.

[514] Но чем может быть полезен, спрашиваем мы, Единый Земельный налог против этого духа самолюбия? Он будет бессилен!

Но предположим, что предложение свободного землепользования и единого земельного налога будет введено в действие завтра; предположим, что обрабатываемые земли будут освобождены от всех налогов; что каждая ферма будет обеспечена постройкой, лошадью, коровой, плугом и другим необходимым; предположим, это будет означать удвоение нынешнего количества возделываемых площадей и удвоение нынешних урожаев. Это обеспечит обилие кукурузы, пшеницы и овощей для пищи здоровым и бережливым; но большой излишек принесет столь низкие цены, что невыгодно будет везти его на рынок, разве что при благоприятных условиях. Иногда так случается даже при нынешних условиях: тысячи бушелей картофеля и капусты оставляют сгнивать, так как невыгодно с ними возиться. Первый год может привлечь из городов на упомянутые фермы тысячи сильных и охотных мужчин, стремящихся поработать: это освободит городской рынок труда и временно поднимет заработки тех, кто остался в городе; но подобное будет продолжаться только один год. Фермеры, обнаружив, что они не могут заработать за счет кукурузы и картофеля на необходимую им одежду и домашнюю утварь – то ли непосредственно, то ли путем обмена, – оставят фермерское занятие, вернутся обратно в города и энергично будут конкурировать за все, что они смогут найти и что даст им больше чем одни лишь средства к существованию – за все, что предоставит им долю в жизненных удобствах и роскоши.

Нет, свободная земля хороша для того, чтобы не допустить голодания, и это верное условие в силу факта, что наш щедрый Творец дал землю Адаму и его семье как общее наследие. В нынешних трудностях было бы весьма кстати, если бы весь мир имел Юбилей реституции земли и упразднение долгов каждые пятьдесят лет – как имели иудеи. Но эти вещи дали бы сегодня лишь временное облегчение, каким они были для иудеев и каким по-прежнему являются для жителей Индии.

[515] Единственное настоящее средство – это противообразный Юбилей, который будет установлен грядущим Царем земли – Еммануилом.

ПРОЧИЕ НАДЕЖДЫ И ОПАСЕНИЯ

Мы быстро просмотрели основные теории, способствующие улучшению нынешних условий, однако ясно, что ни одна из них не отвечает потребностям случая. Кроме этого имеется то или иное число людей, которые непрерывно поучают и молятся о том, что на их взгляд является злом, и которые хотят, чтобы кто-то остановил мир, но которые не видят и не предлагают ничего, что хотя бы выглядело осуществимым.

При этом мы не должны забыть о некоторых искренних, но совершенно далеких от действительности душах, которые тщетно полагают, что церкви, пробудившись к осознанию ситуации, способны предотвратить надвигающуюся общественную беду, революционизировать общество и переустроить его на новом и лучшем основании. Они говорят: – Если бы только церкви пробудились, они завоевали бы мир для Христа и сами смогли бы установить на земле Царство Бога на фундаменте любви и преданности Богу, а также взаимной любви к ближнему. Некоторые из них даже утверждают, что это (Христос-дух в церквях) и будет вторым пришествием Христа.

Вряд ли стоит говорить, как безнадежно неосуществима эта теория. То, что они считают ее сильной стороной, т. е. количество, на деле является ее слабым местом. Они смотрят на количество христиан (300 000 000) и говорят: Какая мощь! Мы смотрим на то же количество и говорим: Какая немощь!

Если б это огромное число было святыми, движимыми и контролируемыми любовью, это действительно была бы сила, не требующая аргументов, и вполне закономерно было бы сказать, что если бы все они пробудились к осознанию истинной ситуации, то смогли бы революционизировать и действительно революционизировали бы общество незамедлительно. Но, к сожалению, везде преобладают “плевелы” и “мякина”, а класс “пшеницы” мал. Как сказал Великий

[516] Пастырь, Ему принадлежит только "Малое Стадо", которое, как его Учитель, "уничижено", то есть находится без влияния, в нем "немного мудрых по плоти, немного сильных, немного благородных" (1 Кор. 1: 26). "Послушайте, братия мои возлюбленные: не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его?" (Иак. 2: 5).

Нет, нет! Того, что дух Христа находится в Его Малом Стаде, еще недостаточно, чтобы дать ему Царство! Церковь никогда не была без тех, кто имел этот дух. Как сказал наш Господь, прежде чем оставить нас, что Он будет с нами до конца века, и так произошло. Но Он также обещал, что поскольку Он уйдет (лично) в конце Иудейского века, то и вернется снова (лично) в конце этого века. Он заверил нас, что во время Его отсутствия все верные Ему "будут гонимы" – сонаследники Его Царства будут "терпеть насилие", пока Он не придет снова и не возьмет их к Себе. Тогда Он наградит их верность и страдания славою, честью и бессмертием, а также участием в Его престоле и его славе, чтобы благословить мир справедливым правительством и знанием истины и окончательно уничтожить добровольно совершающих беззаконие из среды тех, кто совершает праведность. Не только стенающее творение, но и мы сами, имеющие начаток Духа (Рим. 8: 23), вынуждены стенать и ждать Отцовского времени и Отцовского способа награды. Он отчетливо показал, что время для этих благословений сегодня уже рядом, что они будут введены посредством наказания мира ужасным временем скорби, которого святые, Малое Стадо, должны избежать благодаря перемене и прославлению в Царстве.

Но чтобы никто никогда не сетовал, что преимущества богатства и образования никогда не позволили ему завоевать мир, Бог дал номинальной церкви

[517] – "христианству" – эти преимущества. Однако упомянутые возможности, кажется, производят обратное действие, культивируя спесь, надменность и неверие, именуемое "высшей критикой", и окончательно приведут к крушению общества. "Однако Сын Человеческий, придя, найдет ли [истинную] веру на земле?" (ВоП)

ЕДИНСТВЕННОЕ УПОВАНИЕ – "БЛАЖЕННОЕ УПОВАНИЕ"

"Ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа". "Которая [надежда] для души есть как бы якорь безопасный и крепкий". "Посему, препоясавши чресла ума вашего, бодрствуя, совершенно уповайте на подаваемую вам благодать в явлении Иисуса Христа" (Тит. 2: 13; Евр. 6: 19; 1 Пет. 1: 13).

При рассмотрении этого беспокоящего вопроса Спроса и Предложения, который делает так много, чтобы разделить человечество на два класса, богатых и бедных, мы до сих пор по возможности избегали резкой критики обеих сторон, твердо полагая, как это мы стремились показать, что нынешние условия являются результатом врожденного закона самолюбия (результатом упадка Адама), который преобладает среди огромного большинства человеческого рода, одинаково бедных и богатых. К этим глубоко укоренившимся законам врожденного самолюбия питает отвращение небольшое число людей (преимущественно бедных), которые, найдя Христа и войдя всем сердцем под руководство Его духа и закона любви, рады бы оставить всякое самолюбие, но не могут. Эти законы нередко оказывают давление на мелких торговцев и подрядчиков, а также на работающих по найму. Однако их деятельность настолько несомненна, что если бы ныне все богатые умерли, а их богатство было распределено пропорционально, эти законы через несколько лет воспроизвели бы те же условия, что и сегодня. Безусловно, многие нынешние миллионеры были бедняками. И любая система законов, которая может быть внедрена большинством людей и которая лишает людей возможности использовать свои пытливые и самолюбивые наклонности, истощит жизненные силы прогресса и быстро повернет цивилизацию обратно к расточительству, праздности и варварству.

Единственная надежда мира состоит в Царстве нашего

[518] Господа Иисуса Христа – Тысячелетнем Царстве. Это – долго обещанное Богом средство, отсроченное до наступления своего времени, и сегодня оно, спасибо Богу, находится близко, совсем рядом. Еще раз человеческая крайность станет Божьей благоприятной возможностью – "придет Желаемый всеми народами" в ту минуту, когда человеческая изобретательность и умение исчерпают себя в напрасных поисках помощи. Действительно, таковым, пожалуй, является божественный метод – преподнести большой урок в школе опыта. Именно так иудеи непосредственно (а мы и все люди – косвенно) получили от своего Завета Закона большой урок того, что делами Закона ни одна (падшая) плоть не может оправдаться перед Богом. Вот так Господь обращает внимание Своих учеников на лучший, Новый Завет Милости через Христа.

Время скорби, "день мщения", которым закончится этот век и будет открыт Тысячелетний век, будет не только справедливым возмездием за злоупотребление привилегиями, но и повлечет посрамление самонадеянности людей, а также сделает их "нищими духом", приготовленными к большим благословениям, которые Бог готов излить на всякую плоть (Иоил. 2: 28). Вот так Он ранит, чтобы исцелить.

Но кто-то, не знакомый с божественным планом, возможно, спросит: – Как может быть Царство Бога установлено, если все эти человеческие методы потерпели неудачу? Какой иной замысел оно предлагает? Если его замысел возвещен в Божьем Слове, то почему люди не могут тотчас осуществить его на деле и, тем самым, избежать скорби?

Мы отвечаем, что Божье Царство не будет установлено ни голосованием людей, ни голосованием аристократии и правителей. В свое время Тот, "Кому принадлежит" это право, Кто купил его Своей собственной драгоценной кровью, "примет Царство". Он "примет силу Свою великую и воцарится". Будет применена сила: Он "будет пасти их [народы] жезлом железным; как сосуды глиняные они сокрушатся" (Отк. 2: 27). Им "определено собрать народы, созвать

[519] царства, чтоб излить на них негодование Его.. ибо огнем ревности Его пожрана будет вся земля. Тогда [после того как они будут унижены и приготовлены слушать и воспринимать Его совет] опять Он даст народам уста чистые, чтобы все призывали имя Господа и служили Ему единодушно" (Соф. 3: 8, 9).

Царство не только будет установлено насильно и будет властью, которой люди не смогут противостоять, но останется таким на весь период Тысячелетнего века, потому что все царствование имеет особой целью низложение врагов праведности. "Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои". Враги будут "лизать прах ног его". "И будет, что всякая душа, которая не повинуется [не внемлет] Пророку тому [славному Христу – противообразу Моисея], истребится из народа" Второй Смертью.

Сатана будет связан – каждое его обольстительное и вводящее в заблуждение влияние будет обуздано, – так что зло больше не будет казаться человеку добром, а добро не будет выглядеть нежелательным, злым; правда уже не будет казаться людям неправдой, а ложь не будут выдавать за истину (Отк. 20: 2).

Но, как было показано раньше, это царствование не будет только посредством силы; бок о бок с силой будет оливковая ветвь милости и мира для всех населяющих мир, которые, когда суды Господа будут совершаться на земле, будут познавать праведность (Ис. 26: 9). Ослепленные грехом глаза прозрят; и мир увидит правоту и заблуждение, справедливость и несправедливость в совершенно ином свете, чем сегодня, – "будет светлее всемеро" (Ис. 30: 26; 29: 18-20). С окружающими искушениями нынешнего времени будет большей частью покончено, а всякое зло не будет иметь ни права, ни позволения: неизбежное и немедленное наказание падет на преступников, определенное непогрешимой справедливостью прославленных и правомочных судей того времени, которые также будут иметь сочувствие к слабым (1 Кор. 6: 2; Пс. 95: 13; Деян. 17: 31).

[520] Эти судьи будут судить не по взгляду очей и не по слуху ушей, но будут судить справедливым судом (Ис. 11: 3). Не будет сделано ни одной ошибки; ни один плохой поступок не избежит справедливого возмездия, и при таких условиях даже попытки совершить преступление должны быть немедленно пресечены. Всякое колено преклонится (перед исполнительной властью того времени) и всякий язык исповедует (в пользу справедливого порядка) (Фил. 2: 10, 11). Тогда (для многих, очевидно, постепенно) новый порядок вещей начнет взывать к сердцам некоторых, и то, что в начале было повиновением под давлением, станет повиновением из любви и оценкой праведности. В итоге все другие – повинующиеся лишь по той причине, что их будут вынуждать силой, – будут отсечены во Второй Смерти (Отк. 20: 7-9; Деян. 3: 23).

Таким образом, право и закон Любви будут навязаны силой – не с согласия большинства, а вопреки ему. Это станет возвращением цивилизации обратно от ее республиканских идей и размещением человечества временно под диктаторское правление – на тысячу лет. Такая диктаторская власть была бы ужасной в руках злонамеренного или несведущего правителя; но Бог освобождает нас от всех опасений, информируя, что Диктатором того века будет Князь Мира, наш Господь Иисус Христос, сердце Которого было настолько озабочено благополучием человека, что Он отдал Свою жизнь как нашу выкупную цену, чтобы Самому иметь право поднять из осквернения грехом и вернуть к совершенству и божественной милости всех тех, кто примет Его благодать путем послушания Новому Завету.

В начале Тысячелетия для всех станет очевидным, что путь, начертанный Богом, – единственный путь, который отвечает нуждам случая больного грехом, эгоистичного мира. Действительно, некоторые уже видят, что самая большая потребность мира – это сильное и справедливое правительство: они начинают все больше понимать, что единственными, кому можно надежно вверить абсолютную свободу, являются те, кто был

[521] полностью обращен – у кого обновленная воля, обновленное сердце, дух Христа.

ПРАВИЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ БОЖЬЕГО НАРОДА

Но некоторые могут спросить: – Что должны делать мы, которые видим это в истинном свете сегодня? Должны ли мы, имея неиспользованную землю, отдать ее или бросить? Нет, из этого ничего хорошего не получится, разве что мы отдадим ее какому-нибудь бедному соседу, который действительно в ней нуждается. Но если затем он не сможет ею распорядиться, то, без сомнения, будет называть нас виновником своих неудач.

Если мы являемся фермерами или торговцами, или производителями, то следует ли нам пытаться вести дела на основании принципов Тысячелетия? Нет, ведь, как уже было показано, если вы так сделаете, это принесет вам финансовый провал, наносящий ущерб вашим кредиторам, тем, кто от вас зависит, а также тем, кого вы нанимаете.

Наш совет: все, что можно сделать сегодня, это позволить, чтобы наша умеренность была известна всем людям; избегайте угнетения кого бы то ни было; платите разумную плату или часть из прибыли, или никого не нанимайте; избегайте нечестности в любом виде; "заботьтесь о добром перед всеми людьми" (Кас.); возьмите за правило "быть благочестивым и довольным" и всегда словом и примером отговаривайте не только от насилия, но даже от недовольства; стремитесь вести труждающихся и обремененных ко Христу и слову Божьей благодати посредством веры и полного посвящения. А если вам придется, по Божьей милости, распоряжаться большим или меньшим богатством, не отдавайте ему поклон, не стремитесь узнать, сколько вы в состоянии накопить для ваших наследников ради их пререканий и злоупотреблений, но используйте его, согласно вашему завету, в служении Богу и под Его руководством, помня, что оно не ваше, чтобы его держать, не ваше, чтобы использовать для себя, но Божье, отданное на ваше попечение для использования в приносящем радость служении во славу нашего Царя.

Как совет для практического применения этих

[522] замечаний в жизненных делах, приводим письмо, присланное нам одним из читателей нашего двухнедельного журнала, и наш ответ на письмо, опубликованный в нем. Возможно, это будет полезно другим.

В МИРЕ, НО НЕ ИЗ МИРА

Пенсильвания

Дорогой Брат. В прошлое воскресенье в нашем собрании мы исследовали урок из Римлян 12: 1, и среди многих мыслей, взятых из этого обширного предмета, некоторые касались того, как мы используем наше посвященное время. Я занят торговлей бакалейными товарами, однако условия в торговле в настоящее время в целом требуют почти "неусыпной бдительности".

Передо мной много раз возникал вопрос: – Должен ли я, как один из посвященных, прилагать столько усилий, чтобы привлечь и удерживать покупателей так, как это необходимо делать сегодня? Раз в неделю я выставляю цены, неоднократно предлагая товар дешевле, чем он стоит, ради привлечения покупателей, и раздаю много "подарков" вместе с более прибыльными товарами. Я делаю так не потому, что это для меня предпочтительно, но потому, что то же самое делают все мои конкуренты; и чтобы поддержать мое занятие и средства к существованию (я не богат), я вынужден следовать этим требованиям.

Другая вещь, вызывающая мои возражения относительно данного способа, состоит в том, что это ставит в трудное положение моего более слабого брата в той же сфере бизнеса. Я знаком со многими из них; иногда это вдовы, стремящиеся честно заработать на жизнь продажей товара: но я вынужден выбросить из головы все мои лучшие чувства и "взяться за дело" несмотря на то, кому это приносит ущерб. Это печальное исповедание того, кто добивается права помогать нашему Господу в поднятии человечества из бездны самолюбия, откуда оно должно быть спасено в веке, который, верим, так близок. Я не пытаюсь добиться твоего оправдания моих поступков в этом вопросе, но хочу знать твое мнение относительно целесообразного пути тех, кто признает себя Божьими детьми, занятыми в бизнесе в настоящее время, когда делом больших рыб является поедание более мелких.

Ваш во Христе…

Ответ: Упоминаемые вами условия являются общими почти

[523] для каждого вида бизнеса и все больше преобладают по всему цивилизованному миру. Это часть общей "скорби" наших времен. Рост производительности техники и умножение человеческой семьи содействуют уменьшению заработной платы и делают постоянную занятость все более ненадежной. Больше людей стремится заняться бизнесом, а конкуренция и небольшие прибыли, хотя устраивают бедных, коммерчески убийственны для мелких магазинов и высоких цен. В результате мелкие магазины и небольшие фабрики уступают место большим по причине лучшей и более экономной организации, позволяя иметь лучшее обслуживание и более низкие цены. Больший ассортимент более свежих товаров по более низким ценам с лучшим обслуживанием приносит большую пользу общественности по сравнению со старомодными мелкими лавками с затасканным товаром, высокими ценами и небрежным обслуживанием – даже если временно некоторые бедные вдовы или другие почтенные люди могут пострадать через умственную, физическую или финансовую неспособность освоиться с новым порядком вещей. И даже они, сумев взглянуть шире и более благожелательно на ситуацию, могут радоваться общественному благополучию, хотя это вызывает неблагоприятные изменения в их собственных делах. Они могут радоваться с возымевшими пользу и ждать терпеливо грядущего Царства, которое сделает для всех Божьи благословения более общими, чем сегодня. Но только имеющие "новую природу" с ее любовью могут надеяться взглянуть на вещи неэгоистично. Следовательно, нынешняя промышленная конкуренция не является непременным злом. Это один из великих уроков, который преподносится миру в виде подготовительной учебы перед вступлением в большой Тысячелетний век, когда бизнес в мире будет преимущественно, если не целиком, на социалистической основе – не ради богатства или пользы отдельной личности, а ради общего благосостояния.

Между тем напряжение самолюбивой конкуренции становится все более раздражительным для тех, у кого имеются благородные, великодушные порывы – христиан и прочих. Мы рады отметить

[524] ваше личное понимание предмета и ваше недовольство нынешними условиями.

Наш совет вам быть постоянно бдительными, и если вы увидите какой-нибудь другой вид бизнеса, менее осаждаемый конкуренцией, а значит, более благоприятный, произведите замену. Если нет, если пока вы не находите более подходящего дела или более благоприятных условий, советуем продолжить находиться там, где вы находитесь, и в какой-то мере изменить ваше поведение, т. е. распределить дела как можно более равномерно между тремя противоборствующими интересами – вашими собственными, ваших конкурентов, а также интересами ваших покровителей или ближних. Если ваш бизнес оплачивает расходы и дает умеренную прибыль, постарайтесь его держаться, но не проталкивайте его в стремлении стать "богатым", потому что "желающие обогащаться [быть богатыми] впадают в искушение и в сеть" (1 Тим. 6: 9). Мы должны избегать всякой нечестной конкуренции или низости по отношению к конкурентам, а также всякого введения в заблуждение покупателей относительно товара. Справедливость и честность следует заботливо стеречь любой ценой: к этому прибавьте всякую "сдержанность" к вашему конкуренту, какую может подсказать любовь и на какую позволяют обстоятельства.

Мы не забываем предостережение: "Не следуй за большинством на зло" (Исх. 23: 2), и не советуем идти ни на какой компромисс с несправедливостью. Насколько мы понимаем, ваш вопрос не в том, можно ли поступать несправедливо, а в том, позволяет ли любовь делать все то, против чего справедливость не возражает и на что обычаи дают позволение. Мирское сердце не колеблется в таких "пустяках": лишь ваша "новая природа", законом которой является любовь, будет считать, что лучше, если ваш конкурент преуспевает, и будет стремиться делать добро всем людям по мере возможности, и особенно дому веры. Совершенствуйте эту "новую природу", всевозможным образом повинуясь ее закону любви. "Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми", обращаясь с ними вежливо и с любовью. Тот, кто наполнен духом любви, не помышляет плохого о своем

[525] конкуренте, не ищет исключительно своего благополучия и не радуется неудаче конкурента.

Сложность в том, что весь мир основывается на порочном фундаменте самолюбия, который совершенно несовместим с любовью. Уровень некоторых выше, других – ниже: некоторые ограничиваются в своем самолюбии справедливостью, а другие опускаются в самолюбии к несправедливости и нечестности, и тенденция всегда направлена вниз. "Новое Творение" во Христе никогда не должно опускаться ниже справедливости и честности и должно стремиться подняться как можно выше над самым высоким мирским критерием, к совершенной любви. Ошибка нынешней системы конкуренции в том, что интересы покупателя и продавца всегда находятся в конфликте. Никакая сила не может всего этого исправить, проконтролировать и видоизменить, кроме одной силы, обещанной Богом – Тысячелетнего Царства, которое силой введет закон любви и освободит от пристрастий и цепей самолюбия всех, кто, увидев и познав лучший путь, примет предложенную в то время помощь.

* * *

Мы увидели, что при нынешнем общественном законодательстве неминуемо одно из двух: впихивание масс человечества в трясину как рабов богатства и интеллекта или крушение нынешнего общественного строя под господством анархии. И Писание утверждает, что произойдет последнее. Это принесет ужасное возмездие на всех людей – богатых и бедных, грамотных и невежд – и наглядным образом покажет людям безрассудство самолюбия и поможет в будущем оценить мудрость Божьего закона любви. Эта "большая скорбь" научит всех страшной, но в конечном итоге наиболее полезной лекции. Итак, мы готовы рассмотреть в нашей следующей главе то, что Священное Писание может рассказать нам о падении "Вавилона" ("христианства") в великой борьбе, в которой завершится этот век.

[526] Изучив неудачу христианства в том, чтобы принять дух учения Христа; видя, как знание и свобода, полученные из Его учений, смешались с духом зла, самолюбия, и как в нынешних предзнаменованиях заметно решительное приближение грозного бедствия – анархии и всякого злонамеренного действия, – мы видим справедливость такого позволения и узнаем в нем божественный закон возмездия. И хотя мы сокрушаемся над пороками, которые навлекают это возмездие, однако, осознавая его необходимость и справедливость, а также оценив последствия милости, которые будут окончательно достигнуты при помощи именно таких средств, наши сердца восклицают: “Велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель! Праведны и истинны пути Твои, Царь святых!” (Отк. 15: 3).

[527]

ГЛАВА XI - БИТВА АРМАГЕДДОНА

Близкая скорбь, по-разному символически представленная пророками – Образно показанная в падении Израиля в 70 г. н. э. и во Французской революции – Ее общий характер и распространение – Великое полчище Господа – "Злейшие из народов" – "Бедственное время для Иакова" – Его освобождение – Разгром Гога и Магога

"Ибо вот на город сей, на котором наречено имя Мое ["Христианство – "Вавилон"], Я начинаю наводить бедствие.. ибо Я призываю меч на всех живущих на земле, говорит Господь Саваоф.. Господь возгремит с высоты и из жилища святыни Своей подаст глас Свой; страшно возгремит на селение [номинальное] Свое [Христианство]; как топчущие в точиле, воскликнет на всех живущих на земле".

"Шум дойдет до концов земли, ибо у Господа состязание с народами: Он будет судиться со всякою плотью, нечестивых Он предаст мечу, говорит Господь".

"Так говорит Господь Саваоф: вот, бедствие пойдет от народа к народу, и большой вихрь поднимется от краев земли. И будут пораженные Господом в тот день – от конца земли до конца земли, не будут оплаканы и не будут прибраны и похоронены; навозом будут на лице земли" (Иер. 25: 29-38).

Конфликт этого Дня Мщения будет таким сложным и своеобразным, что его не в состоянии описать ни один символ. Соответственно в Священном Писании использованы многие убедительные символы, такие как битва, землетрясение, огонь, ураган, буря и наводнение.

[528] Это “Брань в оный Великий День Бога Вседержителя”, когда Им определено собрать народы, созвать царства, чтоб излить на них Его негодование, всю ярость гнева Его; потому что Господь Саваоф обозревает боевое войско (Отк. 16: 14; Соф. 3: 8; Ис. 13: 4).

Это “Великое Землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Такое великое!”, что “поколеблет не только землю, но и небо” (Отк. 16: 18; Евр. 12: 26).

Это “Огонь Ревности Иеговы, которым пожрана будет вся земля”. Нынешние небеса (церковные власти христианства) и земля (общественный строй под влиянием церкви и государства) сберегаются для огня на этот день суда. “Небеса с шумом прейдут, стихии [нынешнее церковничество] же, разгоревшись, разрушатся, земля [общество] и все дела на ней сгорят.. Воспламененные небеса разрушатся”. Все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их огонь. Он не оставит у них ни корня, ни ветки (Соф. 3: 8; 2 Пет. 3: 10, 12; Мал. 4: 1).

“В вихре и в буре шествие Господа”. “Пред негодованием Его кто устоит? И кто стерпит пламя гнева Его?” (Наум. 1: 3, 6, 7).

“Вот, крепкий и сильный у Господа, как ливень с градом и губительный вихрь, как разлившееся наводнение бурных вод, с силою повергает его на землю.. попирается венок гордости…” “Запретит Он морю – и оно высыхает и все реки иссякают.. Горы трясутся пред Ним и холмы тают, и земля [символ всего нынешнего порядка вещей] колеблется пред лицем Его и вселенная и все живущие в ней.. Но всепотопляющим наводнением разрушит до основания,

[529] и врагов Его постигнет мрак" (Ис. 28: 2; Наум. 1: 4, 5, 8).

То, что это не буквальные наводнение и огонь, разрушительные для нашей планеты Земля и ее населения, понятно из (символического) утверждения, что вслед за нынешним порядком вещей, после его уничтожения, наступит новый порядок – "новые небеса [церковные, Божья прославленная Церковь] и новая земля [человеческое общество, реорганизованное под Божьим Царством на основании любви, а не самолюбия]". Ссылаясь на этот новый порядок вещей после сожжения нынешнего зла огнем Божьей обличительной мести, Бог говорит через пророка: "Тогда опять Я дам народам уста чистые [истину], чтобы все призывали имя Господа и служили Ему единодушно" (Соф. 3: 9).

ДВА ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ОБРАЗА НАДВИГАЮЩЕЙСЯ КАТАСТРОФЫ

Пусть никто не подумает, что поскольку эти различные описания не являются буквальными, а символическими, то, тем самым, они могут представлять исключительно словесную полемику, дрожь испуга или привычный всплеск человеческих эмоций. Ведь хотя споры, пылкие высказывания и аргументы будут находиться и уже находятся в числе оружия, используемого в этой битве, и особенно в ее начале, однако этим все не закончится. Каждая пророческая подробность указывает на то, что перед ее окончанием произойдет самая неистовая схватка, свирепый и ужасный ураган. Мы уже обратили внимание на* образный характер великой скорби, которая пришла на телесный Израиль в конце Иудейского века; и сегодня, придя к параллельному периоду – жатве Евангельского века, – мы видим все свидетельства похожей, но намного большей, скорби "христианства", его противообраза. Хотя наказания, постигшие Иудею и Иерусалим,

[530] были крайне ужасными, они по своему размаху были совсем незначительными по сравнению с большой скорбью, которая сегодня быстро надвигается на христианство и вовлекает весь мир.

*Гл. 3 и Том II, гл. 7.

Римское войско и военный конфликт стали причиной только небольшой части скорби в конце Иудейского века, которая известна из страниц истории как наиболее жестокая и с которой могла сравниться лишь Французская революция. Она возникла главным образом по причине национальной разобщенности, свержения законности и порядка – анархии. По-видимому, самолюбие полностью овладело ситуацией и настроило каждого против своего ближнего – точь-в-точь как предсказано о грядущей скорби христианства (посреди которого великая духовная святыня, Божья избранная Церковь, будет завершена и прославлена). "Ибо прежде тех дней не было возмездия для человека, ни возмездия за труд животных; ни уходящему, ни приходящему не было покоя от врага; и попускал Я всякого человека враждовать против другого" (Зах. 8: 9-11).

То, что время не изменилось настолько, чтобы в наши дни сделать подобное бедствие невозможным или неправдоподобным, слишком очевидно, чтобы требовать доказательств. Но если кто-то склонен в этом сомневаться, пусть он вспомнит великую Революцию, которая немногим более столетия тому назад повергла Францию на грань общественной катастрофы и поставила под угрозу мир на земле.

Некоторые имеют ложное понятие о том, будто мир избавился от варварства прежних дней, и уповают на мнимую защищенность, предполагая, что такие бедствия, какие случились в прошлом, не могут постигнуть мир снова. Но факты таковы, что благовоспитанность нашего двадцатого века является весьма тонким, легко сходящим лоском, и вполне достаточно здравого ума и знания фактов даже недавней истории и нынешнего лихорадочного пульса человечества, чтобы гарантировать возможность повторения прошлого даже без верного слова пророчества, которое предсказывает время скорби, какого не было с тех пор, как существует народ.

[531] Символическим языком Откровения Французская Революция действительно была "великим землетрясением" – настолько большим общественным потрясением, что все "христианство" трепетало до его окончания. Этот ужасный и неожиданный взрыв негодования одного народа (всего лишь столетие тому назад) может дать некоторое представление о неистовстве грядущей бури, когда гнев всех разъяренных народов сорвет ограничения закона и порядка и приведет господство всемирной анархии. Следует также помнить, что это бедствие произошло в самом сердце тогдашнего христианства, посреди народа, который считали одним из самых христианских народов в мире, народа, который на протяжении тысячи лет был главной опорой папства. Опьяненный вавилонским вином ложных учений церкви и государства, долго ограничиваемый священниками и предрассудками, народ извергнул его скверну и израсходовал силу его безумного неистовства. Французская Революция, судя по всему, упоминается нашим Господом в Его Откровении Иоанну на острове Патмос как прелюдия и иллюстрация большого кризиса, грядущего ныне.

Обратите также внимание на то, что причины, способствовавшие приходу того большого бедствия, сегодня действуют опять с целью вызвать похожую, но еще более масштабную революцию – революцию, которая станет всемирной. Причины той ужасной конвульсии были коротко суммированы историком следующим образом:*

*"Campaigns of Napoleon", стр. 12.

"Непосредственной и наиболее реальной причиной Французской Революции следует считать бедственное положение народа и нерешительность правительства, вызванную неимоверными расходами на войну, в которой Франция поддерживала независимость американских колоний. Распутство двора, распри духовенства, непрерывное продвижение всеобщего просвещения, распространение революционных идей, вызванных войной в Америке, и продолжительный гнет, которому

[532] подвергались массы людей – все это вместе привело к упомянутым последствиям.. Истощенный гнетом, раздраженный постоянным наличием оскорбительной тирании, возбужденный до неистовства своими бедами, наученный знанию о собственных правах народ Франции пробудился к одному всеобщему духу недовольства и возмущения. Клич Свободы пронесся от столицы до границ и отразился эхом от Альп до Пиренеев, побережья Средиземноморья и Атлантики. Подобно всем внезапным и насильственным переменам в развратных государствах, этот взрыв сопровождался злодеяниями и зверствами, по сравнению с которыми преступления и беды, совершаемые деспотами древности, казались ничем".

Говорит другой историк:*

*"Universal History" (проф. Фишер, Yale College), стр. 497.

"Первопричиной революции во Франции была враждебность к привилегированным классам – королю, вельможам и духовенству – по причине их недееспособности и того бремени, которое закон и обычаи возложили на классы, находящиеся ниже.

Земля: Почти две трети земель во Франции находилось в руках вельмож и духовенства. Большая их часть плохо обрабатывалась их нерадивыми владельцами. Вельможи предпочитали развлекаться в Париже, нежели сидеть в своих имениях. Также существовало много мелких землевладельцев, но по отдельности они имели слишком мало земли, чтобы обеспечить свое существование. С крестьянином нередко обращались так, что самым заветным желанием его сердца, когда он смотрел на башни замка своего властителя, было сжечь этот замок вместе со всеми долговыми реестрами [закладными]. Духовенство держало огромное количество земель, владело на правах феодалов тысячами крестьян, а также имело огромную прибыль от десятин и с других источников. В некоторых провинциях положение было лучше, чем в других. Однако в большинстве случаев богатые увеселялись, а бедные несли бремя.

Монополии: Производители и торговцы, хотя поощряемые, притеснялись монополиями и суровыми правами союзов.

Коррумпированное правительство: Деятельность правительства характеризовалась одинаково произволом и коррупцией.

Потеря уважения к коронованным лицам: Уважение к престолу было потеряно.

[533] Неудачные попытки реформы: Усилия политической и общественной реформы во Франции и других странах, инициированные монархами после великих войн, вызывали тревожные чувства, так и не достигнув цели в виде общественного переустройства.

Политические спекуляции: Ход мыслей следовал в революционном направлении. Традиционные религиозные вероучения смело ставились под сомнение. Политические спекуляции сделались привычным делом. Монтескье привлек внимание к свободе, гарантированной конституцией Англии. Вольтер принялся рассуждать о правах человека. Руссо распространялся на тему суверенного права большинства.

Пример Америки: Прибавьте к этим факторам влияние Американской Революции и Американскую Декларацию Независимости с провозглашаемыми ею правами человека и основами создания правительства с согласия народа и при его участии".

Во всех этих первоочередных причинах, нашедших свое выражение в ужасах Французской Революции, мы находим сильное сходство с похожими условиями сегодня, которые быстро и непоколебимо ведут к предсказанным сходным последствиям всемирного масштаба. Заметьте растущую вражду между привилегированными классами (коронованными лицами и аристократией) и классами трудящихся, дискуссии о правах и недостатках людей, потерю уважения одинаково к гражданским и церковным властям. Обратите также внимание на революционный ход общественного мышления и высказываний – на растущее недовольство масс людей по отношению к правящим властям и правительственным институциям. И если Американская Декларация Независимости, с провозглашенными ею правами человека и основами правительства с согласия народа и при его участии, вдохновила народные массы Франции желанием иметь свободу и независимость, то не удивительно, что успешный (в прошлом столетии) эксперимент такого правительства от имени народа и посредством народа, а также наличие здесь некоторой свободы и процветания оказывают свое влияние на народы Старого Света. Непрекращающаяся волна

[534] эмиграции в эту страну из других стран – еще одно доказательство того воздействия, какое данный эксперимент возымел на народы других стран.

Тем не менее, имеющейся здесь свободе и процветанию еще далеко до того, чтобы удовлетворить здешних людей. Они желают еще лучших условий и ищут способы для этого. Нигде во всем христианстве эта решительность не заявляет о себе более категорично и смело, чем здесь. Каждый человек лишь ищет случай заявить о своих действительных и воображаемых правах. Направление мыслей здесь, как и везде, находится в революционном русле и с каждым днем все больше усугубляется.

Французская Революция оказалась борьбой известной меры света против густой тьмы; пробуждающегося духа свободы против продолжительного гнета; определенной меры истины против старых заблуждений и предрассудков, долгое время поддерживаемых и поощряемых гражданскими и церковными властями ради собственного могущества и угнетения людей. Тем не менее, это продемонстрировало опасность свободы, не контролируемой праведностью и духом здравого ума (2 Тим. 1: 7). Небольшое знание действительно опасная вещь.

Одна из повестей Чарльза Диккенса, сцены которой разыгрываются в неспокойные времена Французской Революции, судя по его словам, вполне соответствует нынешнему времени и начинается так:

“Это было лучшее из времен и это было худшее из времен; это был век разума и это был век безрассудства; это была эпоха веры и это была эпоха неверия; это была пора света и это была пора тьмы; это была весна надежды и это была зима безысходности; перед собой мы имели все и перед собой мы не имели ничего; мы все шли прямо в небо и мы все шли куда-то в другую сторону; если коротко, то время настолько напоминало нынешнюю пору, что некоторые из его самых шумных представителей настаивали на том, чтобы воспользоваться им к добру или к злу, или хотя бы для сравнения”.

Видя те же причины, как они действуют по всему миру сегодня с целью создать похожие последствия в более широком

[535] масштабе, мы не можем довольствоваться представлениями о воображаемой защищенности и провозглашать: Мир, мир!, когда мира нет – особенно учитывая предостережения пророчества. В свете предсказанного характера грядущих событий этой битвы мы можем считать Французскую Революцию исключительно раскатом отдаленного грома, предостерегающим о приближающейся буре – легким толчком в преддверие общего удара землетрясения; предупредительным щелчком больших часов веков, которые дают сигнал пробудившимся, что колесики находятся в движении и что скоро пробьет полночь, которая закончит нынешний порядок вещей и введет новый порядок – Год Юбилея с его начальными беспорядками и переходом владения. Это уже подняло на ноги весь мир и запустило в действие могущественные силы, которые в конце концов полностью свергнут старый порядок вещей.

Когда условия полностью созреют для большой Революции, самые обыденные обстоятельства могут послужить спичкой, чтобы поджечь нынешнее общественное строение всего мира. Так, для примера, произошло в случае Французской Революции, где, говорят, все началось с того, что одна женщина стучала по металлической кастрюле, потому что ее дети были голодными. Вскоре целая армия матерей двигалась к королевскому дворцу просить хлеба. После отказа к ним присоединились мужчины, и когда вскоре вспыхнул народный гнев, пламя революции захлестнуло всю землю.

Тем не менее, королевская власть настолько не замечала условий народа, настолько окружила себя изобилием и роскошью, что даже после того, как случился бунт, королева не могла оценить положения. Прислушиваясь из своего дворца к шуму толпы, она спрашивала, что это означает, и когда ей сказали, что люди требуют хлеба, она бросила: “Как глупо с их стороны делать такую суматоху из-за хлеба: если мало хлеба, пусть возьмут себе лепешки, те сейчас дешевые”.

[536] Сходство нынешнего времени с тем временем настолько поразительно, что многие мыслящие люди, распознавая знаки времени, поднимают тревогу, тогда как другие не могут понять ситуацию. Вопли, предшествующие Французской Революции, были ничем по сравнению с призывами, исходящими сегодня от масс по всему миру к имеющим власть и влияние.

Несколько лет тому назад проф. Дж. Д. Геррон из Колледжа Айовы сказал:

“Везде видны признаки всеобщих перемен. Человеческий род находится в состоянии ожидания, стесненный до тех пор, пока не совершится новое крещение. Каждый нерв общества чувствует первые муки великого испытания, которое должно испытать всех живущих на земле и закончиться божественным освобождением [хотя он не способен понять, каким будет это освобождение и как оно придет]. Мы находимся в начале революции, которая вынудит напрячься все существующие религиозные и политические институции и испытает на мудрость и героизм самые бедные и отважные души на земле.. Общественная революция, делающая заключительные годы нашего столетия и начальные годы следующего самыми ключевыми и формирующими со времени распятия Сына Человеческого, является призывом и возможностью для христианства стать Христианским”.

Как жаль, что на этот сигнал не обратили внимания. Да, его по существу и не слышит никто, кроме беспомощного меньшинства, находящегося у власти, настолько гулок трезвон самолюбия и прочны путы привычки. Лишь муки грядущего большого общественного землетрясения – революции – принесут изменения; и на ее грозном пути ничего не будет более явным, чем свидетельства справедливого возмездия, которое откроет всем людям факт, что справедливый Судья всей земли ставит “суд мерилом и правду весами” (Ис. 28: 17).

Карающий характер великой скорби телесного Израиля в жатве Иудейского века был весьма очевидным; то же касалось Французской Революции; то же станет очевидным в нынешнем бедствии, когда будет достигнута кульминация. Примечания м-ра Томаса Г. Гилла в его труде

[537] “The Papal Drama”, касающиеся карающего характера Французской Революции, подразумевают также карающий характер грядущей скорби христианства в целом. Он говорит:

“Чем глубже мы задумываемся над Французской Революцией, тем более очевидным становится ее доминирование над всеми необычными и ужасными вещами, случившимися на этой земле.. Еще никогда мир не был свидетелем столь прямого и величественного возмездия.. Если оно навлекло громадное зло, то оно также обнаружило и свергло громадное зло.. В стране, где каждая древняя институция и каждый освященный веками обычай исчезли в миг; где вся общественная и политическая система упала после первого же удара; где монархия, вельможи и церковь были сметены почти без сопротивления, весь остов государства, должно быть, превратился в ветошь, то есть королевская власть, аристократия и священство, должно быть, изрядно нагрешили. Там, где чтимые в этом мире вещи – происхождение, чин, богатство, красивая одежда и изысканные манеры – на время сделались для мира опасностью и пороком, там этими чинами, происхождением и богатством, должно быть, ужасно злоупотребляли.

Народ, который упразднил и поставил вне закона христианство, который сбросил с престола религию в пользу разума и затем возвел на трон в Нотр Дам новое божество в лице распутницы, очевидно страдал очень безрассудной и очень искаженной формой христианства. Народ, который вел войну до полного искоренения всего устоявшегося, чтобы упразднить принятые формы обращения и приветствия, принятый способ подсчета времени, который возненавидел “вы”, как грех, и ежился от слова “мосье”, как от омерзения, который превратил недели в декады и перестал признавать старые названия месяцев, очевидно имел полное право возненавидеть все то старое, от которого он попытался отойти, впадая в столь мелочную и нелепую крайность.

Разрушенные дома знати, разграбленные могилы коронованных лиц, обезглавленные король и королева, жестоко убитый маленький дофин, обнищавшие князья, резня священников и вельмож, торжество гильотины, республиканские браки, сыромятня Медо, супружеские пары, связанные вместе и брошенные в Луару, перчатки, сделанные из

[538] кожи мужчин и женщин: все это неимоверно ужасно, однако является красноречивым возмездием – свидетельствует о властном присутствии Немезиды, ужасном персте карающей силы. Оно приводит на мысль страшные грехи старой Франции: несчастных крестьян, раздавленных бременем пошлин (от которых богатые и знатные были освобождены), навещаемых то и дело безжалостным голодом вследствие разорительных налогов, несправедливых войн и безобразного ведения государственных дел, а затем повешенных или расстрелянных по двадцать или по пятьдесят за справедливое сетование на голод. И все это на протяжении столетий! Оно припоминает протестантов, которых убивали миллионами на улицах Парижа, которых годами пытали вооруженные драгуны в Пуату и Беарн, за которыми охотились, как за дикими животными, в Сивенн, которым устраивали резню и которых тысячами и десятками тысяч предавали смерти многими видами мучений на протяжении многих мучительных лет…

Ни в одном деле Французской Революции обличительный характер содеянного ею не проявился более ярко и внушительно, чем в ее обращении с римской церковью и папской властью. Именно Франции полагалось (когда она после столь свирепой борьбы отвергла Реформацию, совершив при этом невиданные преступления) обратить свою ярость против той самой Римской церкви, ради которой она проявляла столько гнева,. чтобы упразднить римо-католический культ, чтобы устроить резню множества священников на улицах ее больших городов, чтобы охотиться за ними вдоль и поперек, чтобы выбросить тысячи из них на чужой берег – так же, как она устраивала резню, охотилась и отправляла в изгнание сотни тысяч протестантов,. чтобы перевести войну на папские территории и навлечь всевозможные беды и срам на беззащитное папство.. Преступления революционной Франции были не столько наказанием, сколько прямым следствием преступлений феодальной, королевской и папской Франции…

В одном из аспектов Революцию можно охарактеризовать как реакцию на перегибы (духовные и религиозные) в преследовании римским католицизмом протестантизма. Как только стремительный поток хлынул, он был направлен против римской церкви и папства.. Собственность церкви была передана государству; французское духовенство превратилось

[539] из класса собственников в класс живущих на жалованье; монахи и монахини вернулись в мир, а собственность их орденов была конфискована; протестантов вернули к их полной религиозной свободе и политическому равенству.. Вскоре после этого римо-католическая религия была формально упразднена.

Бонапарт вынул из ножен меч Франции против беспомощного Пия VI.. Понтифик попал в зависимость.. Бертье двинулся на Рим, установил Римскую Республику и арестовал папу. Верховный понтифик был взят в лагерь неверующих.. препровожден из тюрьмы в тюрьму, пока, наконец, его не увезли пленником во Францию. Здесь.. он испустил последний вздох – в Валансе, где устроили резню его священникам, где была сломана его власть, а его имя и должность стали посмешищем и притчей во языцех, где его содержали под стражей невежественные солдаты-республиканцы, которые на протяжении десяти лет вынуждали его пить чашу столь откровенной и неимоверной горечи.. Это было величественное, совершенное возмездие, повергшее в изумление мир в конце восемнадцатого века; опала римской церкви в глазах того самого французского народа, который по ее настоянию погубил несметное число протестантов; печальный конец суверенного понтифика в том самом Дофине, который был освящен борьбой протестантов, вблизи тех долин Альп, где французские солдаты так безжалостно охотились на вальденсов; это было превращение "земель церкви" в "Римскую Республику"; отчуждение папских территорий тем самым французским народом, который лишь тысячу лет тому назад, во времена Пипо и Карла Великого, передал ему эти территории.

Массам показалось, что папство находится на грани смерти, и они вопрошали, будет ли Пий VI последним понтификом и ознаменуется ли завершение восемнадцатого столетия падением папской династии. Однако Французская Революция была только началом, а не концом суда; Франция только начала исполнять приговор, верный и неминуемый приговор, долгий и затяжной, наполненный многообразием странных происшествий, напоминающий (сейчас и тогда) бегство, приговор, который должен был повлечь за собой многие страдания и унижения".

Нам следует ожидать, что грядущая скорбь будет не менее

[540] мучительной и суровой, чем эти две иллюстрации, и даже более ужасной и более общей, потому что (1) условия нынешних дней делают каждого члена общественного строения более зависимым, чем прежде, не только от новых и улучшенных удобств и предметов роскоши, но и от жизненных потребностей. Остановка только одного железнодорожного движения приведет в течение недели к голоду в наших больших городах; а всеобщая анархия будет означать паралич каждой отрасли, основывающейся на коммерции и доверии. (2) Господь особо подчеркивает, что приходящая скорбь будет такой, "какой не бывало с тех пор, как существуют люди" (Дан. 12: 1; Иоил. 2: 2; Мат. 24: 21).

И хотя нет никакой надежды, что эту скорбь можно предотвратить, в Священном Писании даны наставления для тех, кто скроется от грядущей бури.

(1) Верным из числа Церкви обещано освобождение еще до того, как буря разразится с полной силой. (2) Все, кто любит справедливость и ищет мира, должны заботливо привести в порядок свой дом, как это велит Слово Господа, которое говорит: "Доколе не пришло определение – день пролетит как мякина, – доколе не наступил для вас день ярости Господней. Взыщите Господа, все смиренные земли, исполняющие законы Его; взыщите правду, взыщите смиренномудрие; может быть, вы укроетесь в день гнева Господня" (Соф. 2: 2, 3).

Чтобы все они могли пробудиться к осознанию ситуации, пророк Иоиль призывает тех, кто это видит, бить тревогу, говоря: "Трубите трубою на Сионе и бейте тревогу на святой горе Моей [христианстве – признающем себя святой горой, царством Господа]; да трепещут все жители земли, ибо наступает день Господень, ибо он близок" (Иоил. 2: 1). "Дождем прольет Он", – т. е. Бог, говорит псалмопевец, – "на нечестивых горящие угли, огонь и серу [символы скорби и уничтожения]; и

[541] палящий ветер – их доля из чаши; ибо Господь праведен, – любит правду" (Пс. 10: 3-7).

Битва этого великого дня Всемогущественного Бога станет самой большой революцией, когда-либо известной миру, потому что в нее будет вовлечен всякий принцип несправедливости, ведь во время этого суда народов, а также суда отдельных лиц "нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано" (Мат. 10: 26). Посмотрите, как уже сегодня луч общей просвещенности обнаруживает скрытые поводы политических интриг, финансовых махинаций, религиозных притязаний и т. п.; как все привлечены к суду и признаны (людьми и Богом) невиновными или виновными на основании учений Божьего Слова – Золотого Правила, закона любви, примеров, данных Христом, и т. д., которые начинают занимать столь видное место в дискуссиях этого времени.

Битва великого дня, как и всякий другой революционный конфликт, имеет этапы своего постепенного развития. За всяким признаком борьбы находятся побуждающие ее причины – действительные или мнимые всенародные или личные обиды. Затем появляется острое восприятие этих обид теми, кто страдает от них. После этого, как правило, следуют разные попытки реформы, которые, будучи безуспешными, ведут к большим спорам, словесной полемике, разделению, конфликтам взглядов и, окончательно, к жажде мести и вооруженному столкновению. Таков порядок Битвы Великого Дня Всемогущественного Бога. По своему общему характеру это борьба света с тьмой, свободы с гнетом, истины с заблуждением. Она распространится по всему миру – крестьяне восстанут против князей, скамьи против кафедр, труд против капитала: угнетенные с оружием в руках против всякого рода несправедливости и тирании; угнетатели с оружием в руках в защиту того, что они долго считали своими правами, даже если это являлось откровенным посягательством на права других.

[542]

МНОГОЧИСЛЕННОЕ ПОЛЧИЩЕ ГОСПОДА

В предыдущих главах мы обратили внимание на процесс приготовления к конфликту этого злого дня – на организацию, вооружение и муштрование громадных армий, на строительство больших флотов, на изобретение новой, невиданной военной техники, создание новых, мощных взрывчатых веществ, а также на истощение национальных ресурсов в каждой стране с целью удовлетворить военные нужды. Мы обратили также внимание на бормотание разгневанных народов, поскольку все они стоят вооруженные до зубов, бросая друг на друга зловещие взгляды.

Глядя на эти миллионы вооруженных и обученных солдат, мы спрашиваем: которое из этих могущественных воинств является тем полчищем, на которое пророки указывали как на великое полчище Господа? Могут ли пророческие ссылки относиться к какому-нибудь из них? И если да, то в каком смысле они могут считаться полчищем Господа, если ни одно из них не водится Его духом? А, может, эта ссылка относится к народу Бога, воинам креста, оружие которых, согласно описанию апостолом Павлом, не плотское, но сильное, на разрушение твердынь? (2 Кор. 10: 3-5). Возможно, "меч духовный, который есть Слово Божье" (Еф. 6: 17), в руках Божьего народа, исполненного Его духа, совершит великое дело низложения всех царств этого мира и передаст их Христу в вечное обладание?

Если бы так! Но то, что так не произойдет, мы уже поняли как из пророческого предсказания, так и на основании знамений времени. Как раз наоборот, мир постоянно игнорирует протесты и предостережения праведных, народы ходят во тьме, и, как следствие, все основания земли (нынешнего общественного строения) колеблются (Пс. 81: 5), тем самым

[543] подвергая опасности всю общественную надстройку, которая сегодня ужасно сотрясается. "Врачевали мы Вавилон, – говорит пророк, – но не исцелился; оставьте его ["Выйди из нее, народ Мой" (Отк. 18: 4)].. потому что приговор о нем достиг до небес и поднялся до облаков" (Иер. 51: 9).

Очевидно, великое полчище Господа, о котором упоминают пророки и которое свергнет царства этого мира, не будут составлять святые, и для этого недостаточно оружия их борьбы. Их оружие воистину всемогущественно, как говорит апостол, между теми, кто подвержен его влиянию. В среде истинного Божьего народа, внимательно склоняющего свои сердца к наставлениям, Его Слово острее всякого меча обоюдоострого. Оно действительно "ниспровергает замыслы [человеческие представления] и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяет всякое помышление в послушание Христу" (2 Кор. 10: 4, 5). Но не так оружие этой борьбы действует на мир. Более того, воинство святых – это не какое-то "многочисленное полчище", а "малое стадо", как дал ему определение Сам Господь (Сравните Луки 12: 32; Иоил. 2: 11).

Послушаем пророческое описание этого полчища:

"Народ многочисленный и сильный, какого не бывало от века и после того не будет в роды родов. Пред ним пожирает огонь, а за ним палит пламя; перед ним земля как сад Едемский, а позади его будет опустошенная степь, и никому не будет спасения от него. Вид его как вид коней, и скачут они как всадники; скачут по вершинам гор [царств] как бы со стуком колесниц, как бы с треском огненного пламени, пожирающего солому, как сильный народ, выстроенный к битве".

"При виде его затрепещут народы, и всех лица побледнеют. Как борцы бегут они

[544] и как храбрые воины влезают на стену, и каждый идет своею дорогою и не сбивается с путей своих. Не давят друг друга, каждый идет своею стезею, и падают на копья, но остаются невредимы. Бегают по городу, поднимаются на стены, влезают на дома, входят в окна, как вор. Перед ними потрясется земля [нынешний общественный строй], поколеблется небо [церковные власти], солнце и луна [озаряющее влияние Евангелия и закона Моисея] помрачатся [общее неверие станет широко распространенным] и звезды [апостольские светила (Отк. 12: 1) затмятся] потеряют свой свет [придет темная ночь, в которой никто не сможет трудиться (Иоан 9: 4; Ис. 21: 9, 11, 12)]. И Господь даст глас Свой пред воинством Своим, ибо весьма многочисленно полчище Его и могуществен исполнитель слова Его; ибо велик день Господень и весьма страшен; и кто выдержит его?" (Иоил. 2: 2-11).

Это полчище Господа должно столкнуться с ужасными условиями этого злого дня, когда грозные элементы, готовящиеся сегодня к конфликту, к огню, достигнут вершины готовности. Это – полчище, которое под Господним всеведущим провидением свергнет престолы царств и истребит силу царств языческих (Агг. 2: 22). Но где такое полчище? Может это немецкая армия или французская, или английская, или русская, или армия Соединенных Штатов? Столь большая армия, которая описана здесь пророком и которая должна совершить столь удивительные вещи, к тому же, как показано, в пределах нескольких лет, оставшихся в этом знаменательном жатвенном периоде, очевидно, существует в настоящее время и некоторым образом готовится к грядущей резне. Согласно описанию пророком, это не какая-то необузданная толпа, с которой легко могут справиться те, кто обучен искусству войны, а могущественное войско высокой степени выучки.

[545] Так где же, спрашиваем, находится такая армия, по-современному обученная и подготовленная – армия, перед которой потрясется земля [общество] и поколеблется небо [церковничество] (Иоил. 2: 10); которая отважно выстроится напротив консервативных сил христианства, гражданских и церковных, и которая к тому же рассчитывает одолеть их нынешнюю мощь? Где же армия, которая в ближайшем будущем посмеет отвергнуть долго почитаемые учения христианства, его политическую прозорливость и козни духовенства; которая угрюмо проигнорирует все его анафемы, презрительно отвергнет его ордены и швырнет обратно громовые стрелы его авторитета и организованной власти; которая мужественно встретит грохот его везувианской артиллерии, сумеет пренебречь градом его картечи и снарядов, проложит путь сквозь его флотилии морских орудий и, срывая диадемы с коронованных лиц, двинет царства в сердце морей; которая воспалит небеса; от которой земля, разгоревшись, растает, превращая старый порядок вещей, как предсказано пророками, в одни громадные всеобщие развалины?

То, что такое полчище появляется и готовится к отчаянному конфликту, мы убеждаемся на основании знамений времени не менее убедительно, чем на основании "вернейшего пророческого слова". Осознание этого факта (без какой-либо ссылки на слово пророчества или знание его) сегодня наполняет сердце христианства пугающим предчувствием, вынуждая государственных мужей везде предпринимать чрезвычайные меры для охраны и защиты.

Но в этих самых мерах самозащиты, придуманных "существующими властями", по-видимому, существует ловушка, о которой они не подозревают. Следует помнить, что армии, на которые они полагаются для защиты, это армии, состоящие из простых людей: в среде простого народа эти миллионы муштрованных солдат имеют жен, сыновей, дочерей, братьев, сестер, родню и друзей, с интересами которых их собственные интересы связаны тесными естественными узами.

[546] Их служба престолам и царствам обеспечивается исключительно властными приказами и поддерживается вознаграждением, которое они все чаще склонны считать неудовлетворительным возмещением за труды и лишения, которым они вынужденно подлежат вместе со своими семьями, не считая угроз потерять жизнь, конечности, здоровье и собственность. Год за годом воинская "слава" все меньше увлекает эти вооруженные толпы, они все острее проникаются страданиями и лишениями и все менее преданны верховной власти, под началом которой они состоят на службе. В то же время армии тружеников, простых людей, находящихся дома, становятся все более раздраженными и удрученными своей участью и все больше опасаются будущего.

Все эти признаки свидетельствуют, по крайней мере, о возможности того, что в грядущем конфликте мощно вооруженные и обученные воинства христианства вместо того чтобы поддерживать и оберегать власти, положившие начало их существованию, могут повернуть против них свою силу. О том, что такая возможность не является немыслимой для правителей, свидетельствует факт, что когда в России царил голод, приведший к бунтам в народе, вести о нем тщательно скрывались от их друзей и братьев в русской армии, а солдат, посылаемых подавлять бунты, брали из отдаленных регионов.

Какие именно условия и обстоятельства будут использованы Господом как "голос" Его приказа к построению этой могущественной армии, мы пока не можем четко уяснить, но мы живем в дне, в котором стремительно творится история, и в соответствии с общими принципами нет ничего предрассудительного в том, чтобы в любое время ожидать шагов в этом направлении. Однако в нашем предыдущем исследовании (Томы II и III) мы увидели, что Бог имеет установленное время для каждой черты Своего плана, и мы уже сегодня находимся в этом "Дне Мщения", периоде сорока лет, который начался в октябре 1874 года и очень скоро закончится. Оставшиеся позади зловещие годы этого "дня"

[547] положили широкий и глубокий фундамент в церкви, государстве, финансах и общественных условиях и настроениях для больших событий, предсказанных в Священном Писании. Они уже омрачают мир и обязательно должны прийти, как о них предсказано. Вероятно, нескольких лет будет более чем достаточно для их полного осуществления.1 "Люди [уже] издыхают от страха и ожидания [предчувствия] того, что грядет на вселенную".

1О более постепенном лишении власти народов и установлении Царства автор говорит в своем предисловии (1916 г.) к книге "Время приблизилось", стр. iii-iv.

Предложенные нашему вниманию пророчества, публично провозглашаемые с начала этого "Дня Мщения", быстро приближаются к кульминационному пункту. Как показано в предыдущих главах, все люди способны видеть какие-то темные очертания приближающейся скорби, в то время как сегодня общество внешне напоминает трутницу, готовую к тому, чтобы к ней поднести спичку, – напоминает пороховой склад, в любой момент готовый взорваться, напоминает организованную армию, готовую к штурму по приказу. Недаром писал Шекспир:

"Есть божество, ведущее нас к цели,

Какой бы путь ни избирали мы".

Человечество, как правило, не имеет понятия о цели Господа в этой битве: почти все противоборствующие стороны надевают доспехи в личных и самолюбивых интересах, с которыми, как они правильно понимают, Господь не имеет ничего общего. Так вот, хотя все (с каждой стороны) готовы молить о Господнем благословении, только немногие рассчитывают на него: все, кажется, рассчитывают только на себя – на свои организации, свою численность и т. п. Никто так не удивится, как "силы небесные", знатные особы нынешних церковных властей, которые, занимаясь составлением собственного плана для Господа, пренебрегли Его планом, явленным в Его Слове. Для них Господнее дело на протяжении следующих нескольких лет действительно будет "необычайным делом". Послушайте Господнее Слово об этом:

"Ибо восстанет Господь, как на горе Перациме;

[548] разгневается, как на долине Гаваонской; чтобы сделать дело Свое, необычайное дело, и совершить действие Свое, чудное Свое действие.. ибо я слышал от Господа, Бога Саваофа, что истребление [истечение срока, завершение] определено для всей земли" (Ис. 28: 21, 22).

Общественная система, "земля", "стихии", "круг жизни" не могут воспламениться до тех пор, пока Господь не позволит огню быть зажженным: великий решающий конфликт не может начаться, пока великий "Михаил", "Вождь спасения нашего", не восстанет и не даст приказ (Дан. 12: 1), даже если до этого будут частые всевозможные столкновения. И великий Вождь информирует Свой королевский легион, Церковь, что катастрофа, хотя неминуемая, не может случиться до тех пор, пока "Царская Собственность", "Малое Стадо", "Избранные" не будут все "запечатлены" и "собраны".

Одновременно нам следует помнить вдохновенное описание этой скорби апостолом – что она будет как мука родами имеющей во чреве, в приступах (судорогах) скорби, с все более короткими промежутками. Именно так было до сих пор. Каждый будущий приступ будет более сильным, пока не придет окончательная схватка, в которой новый порядок родится во время смертельной агонии нынешних институций.

Поскольку Господь позволил миру в целом – кроме Израиля – избирать на протяжении прошлых шести тысяч лет свой собственный путь, Его нынешнее вмешательство тем более покажется необычным и "странным" для тех, кто не понимает эпохальных перемен, которые должны произойти при введении седьмого тысячелетия. Однако в этой "битве" Он сделает так, что гнев человеческий (а также амбиции и самолюбие людей) обратится во славу и для служения Ему, а остаток гнева Он укротит. Вместе с долгими страданиями Он позволил долгое царствование греха, самолюбия и смерти, потому что это можно было обратить для испытания Его избранной Церкви и обучения всех людей, что

[549] “грех крайне грешен”. Но видя, что мир, как правило, пренебрегает Его законом любви, истины и праведности, Он предполагает всеобщее наказание еще до того, как будет дан следующий урок, который станет практической иллюстрацией пользы праведности под Тысячелетним Царством Его дорогого Сына.

Хотя Господь запрещает Своему народу сражаться плотским оружием, и Себя именует Богом мира, Богом порядка и любви, Он также называет Себя Богом справедливости и показывает, что грех не всегда будет торжествовать в мире, но будет наказуем. “Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь” (Рим. 12: 19; Втор. 32: 35). И когда Он восстает для суда народов, обращая месть против всех нечестивцев, Он называет Себя “мужем брани”, “сильным в брани”, имеющим под Своим началом “великое полчище”. И кто может гарантировать, что массы, составляющие сегодня воинствующие полчища христианства, не будут в то время составлять великое полчище, которое бросит свою могущественную силу против бастионов нынешнего общественного строя (Исх. 15: 3; Пс. 23: 8; 44: 4; Отк. 19: 11; Ис. 11: 4; Иоил. 2: 11).

“Господь выйдет, как исполин, как муж браней возбудит ревность; воззовет и поднимет воинский крик, и покажет Себя сильным против врагов Своих”. Так вот, зов и воинский крик Его великого полчища, а также успех этого полчища в достижении Его цели революции, Он приписывает Себе, потому что оно совершает, хотя и бессознательно, Его дело уничтожения. Он говорит: “Долго молчал Я, терпел, удерживался; теперь Я буду кричать, как рождающая, буду разрушать и поглощать все” (Ис. 42: 13, 14).

Однако Священное Писание дает также понять, что могут быть и другие, кроме мятежных воинств христианства, которые также будут составлять часть великого полчища Господа. И Господь через пророка Иезекииля обращается именно к этому времени и к приближающимся бедам христианства, говоря:

[550] "И отдам его в руки чужим в добычу и беззаконникам земли на расхищение, и они осквернят его. Сделай цепь [свяжи, соедини их вместе; пускай они делают общее дело], ибо земля эта наполнена кровавыми злодеяниями, и город [Вавилон, христианство] полон насилий. Я приведу злейших из народов, и завладеют домами их. И положу конец надменности сильных, и будут осквернены святыни [священные места, религиозные институции и т. п.] их" (Иез. 7: 13-24).

Это можно понимать таким образом, что восстание масс христианства в анархии будет во время господства беззакония столь крайне жестоким и свирепым, что превысит варварство всех языческих нашествий, как было в случае Французской Революции. Это может также означать восстание народов Индии, Китая или Африки против христианства: в общественных изданиях уже ведется речь о возрождении Турции и восстании миллионов мусульман. Мы, однако же, полагаем, что "злейшие из народов" – это те в христианстве, которые "без Бога" и без христианских чувств и надежд, которые до сих пор были сдерживаемы и контролируемы невежеством, предрассудками и страхом, но которые на заре двадцатого века быстро теряют эти ограничивающие влияния.

Господь Своим всеведущим провидением будет иметь общий надзор над этим великим полчищем недовольных – патриотов, реформаторов, социалистов, моралистов, анархистов, невежд и отчаявшихся, – и воспользуется их надеждами, опасениями, безрассудствами и самолюбием согласно Своей божественной мудрости, чтобы совершить Свои собственные величественные замыслы в свержении нынешних институций и приготовлении человека к Царству Праведности. Именно по этой причине оно называется "великим полчищем Господа". Никто из Его святых – никто из тех, кто ведом духом Бога, как сыны Бога, – не должен иметь ничего общего с этой частью "битвы".

[551]

БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫЕ УСЛОВИЯ ЭТОЙ БИТВЫ

Согласно предсказаниям пророков, условия этой битвы не будут иметь исторического прецедента. Как уже была представлена мысль, этот окончательный конфликт образно представлен в символах сорок пятого Псалма. (Сравните также Пс. 96: 2-6; Ис. 24: 19-21; 2 Пет. 3: 10). Горы (холмы – менее высокие, менее диктаторские правительства) уже тают, как воск; они все еще сохраняют свой вид, но по мере того как земля (общество) становится все жарче, они уступают ее требованиям, шаг за шагом снисходя до уровня народных требований. Великобритания является хорошей иллюстрацией этого класса. Высокие горы (представляющие диктаторские правительства) будут "трястись" от революций и окончательно "двинутся в сердце морей" – полностью исчезнут в анархии. Уже "море.. и волны его ревут" против устоев нынешней общественной системы: вскоре земля (современное общественное строение) будет кружиться и шататься, как пьяная, напрасно пытаясь выпрямиться, удержаться на ногах и обрести равновесие; окончательно она полностью "поколеблется", чтобы уступить место "новой земле" (новому общественному порядку), в которой будет преобладать праведность, справедливость.

Нынешний порядок будет невозможно восстановить, (1) так как он, судя по всему, исчерпал свою полезность и оказался тенденциозным при нынешних условиях; (2) так как имеется общее распространение светского знания; (3) так как обнаружение того, что священники долгое время ослепляли и сковывали массы заблуждением и страхом, повлечет общую потерю уважения ко всем религиозным притязаниям и учениям как таковым, в которых обнаружен обман; (4) так как верующие люди в своем большинстве (не видя, что настало Божье время для изменения эпохи) будут пренебрегать здравомыслием, логикой, справедливостью и Священным Писанием, защищая нынешний порядок вещей.

Вряд ли то, что церковные небеса (религиозные власти, папская и протестантская)

[552] свернутся, как свиток книжный, поспособствует чем-нибудь (Ис. 34: 4; Отк. 6: 14). Когда наступит ужасный кризис, объединенные религиозные власти христианства окажутся совершенно бессильными против поднимающейся волны анархии. Перед этим великим полчищем "истлеет все небесное воинство [номинальная церковь]; и небеса свернутся, как свиток книжный [две большие части, составляющие церковные небеса; папство и протестантизм, как два противоположных конца свитка, уже сегодня быстро приближаются друг к другу, сворачиваясь вместе, как было показано нами]; и все воинство их падет [упадет, осыплется; не все одновременно, но постепенно, однако быстро], как спадает лист с виноградной лозы, и как увядший лист – со смоковницы" (Ис. 34: 4); и окончательно эти "воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии [с которых они состоят] растают" (2 Пет. 3: 12).

"Ибо сплетшиеся между собою как терновник [потому что протестантизм и папство никогда не смогут полностью слиться; каждый будет, как терновник в боку другого] и упившиеся как пьяницы [опьяненные духом мира], они пожраны будут совершенно [будут поглощены в великой скорби, и как религиозные системы будут полностью уничтожены], как сухая солома"; потому что Господь "совершит истребление, и бедствие уже не повторится". Блаженное обетование! "Ибо вот, придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день, говорит Господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей [для дальнейшего развития]" (Наум. 1: 9, 10; Мал. 4: 1).

"БЕДСТВЕННОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ИАКОВА"

Хотя скорбь и горе этого дня Господа придет прежде всего и особым образом на христианство и окончательно на все народы, последняя волна, как нас информирует

[553] пророк Иезекииль (38: 8-12) будет против народа Израиля, вновь собранного в Палестине. Пророк, по-видимому, обращает внимание на значительно большее количество собранного Израиля в Палестину в этом жатвенном периоде, нежели это уже произошло. Он показывает их как собранных там в большом количестве из народов, со значительным богатством, населяющих прежде пустынные места; все они будут жить в безопасности в то самое время, когда остальной мир будет находиться в самом неистовом замешательстве (Иез. 38: 11, 12).

Все люди являются свидетелями факта, что подобное собрание Израиля в Палестину началось, однако совершенно очевидно, что их исход из других земель должен получить некий мощный и неожиданный толчок, чтобы исполнить это пророчество в пределах назначенного времени. Каковым будет этот толчок, нам еще предстоит увидеть, но то, что он непременно наступит, нам говорят следующие слова пророка Иеремии (Иер. 16: 14-17; 21):

"Посему вот, приходят дни, говорит Господь, когда не будут уже говорить: «Жив Господь, Который вывел сынов Израилевых из земли Египетской»; но: «Жив Господь, Который вывел сынов Израилевых из земли северной [России?] и из всех земель, в которые изгнал их»; ибо возвращу их в землю их, которую Я дал отцам их. Вот, Я пошлю множество рыболовов, говорит Господь, и будут ловить их; а потом пошлю множество охотников, и они погонят их со всякой горы и со всякого холма и из ущелий скал. Ибо очи Мои – на всех путях их; они не скрыты от лица Моего, и неправда их не сокрыта от очей Моих.. Посему вот, Я покажу им ныне, покажу им руку Мою и могущество Мое, и узнают, что имя Мое – Господь".

Мы не сомневаемся в том, что Господь более чем в состоянии совершить такое. В каждом народе вопрос: "А что делать с иудеем?", – является злободневным вопросом, который, в определенной кризисной ситуации в обозримом будущем, неожиданно созданной Господним всеведущим провидением, несомненно, приведет, как на это обращает внимание пророк, к определенной согласованной акции со

[554] стороны народов с целью быстро препроводить их в землю обетованную. И как они поспешно покидали Египет со своим товаром и нажитым добром, понуждаемые египтянами, говорящими: "Встаньте, выйдите из среды народа моего.. И мелкий и крупный скот ваш возьмите, как вы говорили; и пойдите"; и Господь дал народу милость в глазах египтян, так что они дали им все, что они пожелали, из серебра, из золота и одежды (Исх. 12: 31-36), так и в следующем исходе, предсказанном пророками, их отошлют не с пустыми руками, но, вероятно, на народы будет неожиданно оказано некоторое давление, которое окажется на пользу Израилю, тем самым исполняя вышеприведенное пророчество Иезекииля.

Этот предприимчивый род, однажды восстановленный в земле обетованной и, тем самым, отделенный, по крайней мере на время, от бедствия народов, господствующего повсюду, быстро приспособится к новой ситуации, и до сих пор пустынные места снова будут населены.

Но еще одна волна страданий должна пройти над этим народом, подвергаемым наказанию. По словам пророка, последний конфликт битвы великого дня произойдет в земле Палестины. Относительное спокойствие и процветание вновь собранного Израиля (ближе к окончанию этого дня скорби), а также их откровенно беззащитное положение окончательно возбудит зависть и спровоцирует грабеж их другими народами. Когда законность и порядок исчезнут, Израиль окончательно будет осажден войсками безжалостных грабителей, называемых пророком войсками Гога и Магога (Иез. 38), и велико будет бедствие беззащитного Израиля. "О, горе! – говорит пророк Иеремия, – велик тот день, не было подобного ему; это – бедственное время для Иакова, но он будет спасен от него" (Иер. 30: 7).

Войска Гога и Магога представлены одним человеком, говорящим: "Поднимусь я на землю не огражденную, пойду на беззаботных, живущих беспечно, – все они

[555] живут без стен, и нет у них ни запоров, ни дверей, чтобы, – говорит пророк, – произвести грабеж и набрать добычи, наложить руку на вновь заселенные развалины и на народ, собранный из народов, занимающийся хозяйством и торговлею, живущий на вершине земли" (Иез. 38: 11-13). Пророк предсказывает эти события так, словно обращается к этому воинству, говоря: "И пойдешь с места твоего, от пределов севера [Европа и Азия расположены к северу от Палестины], – ты и многие народы с тобою, все сидящие на конях, сборище великое и войско многочисленное. И поднимешься на народ Мой, на Израиля, как туча, чтобы покрыть землю: это будет в последние дни [очевидно, будет завершающей сценой дня скорби], и Я приведу тебя на землю Мою, чтобы народы узнали Меня, когда Я над тобою, Гог, явлю святость Мою [буду определен, показан как твой завоеватель] пред глазами их" (Иез. 38: 15, 16).

Посреди скорби Бог покажет Себя защитником Израиля как в древности, когда Его милость была с ними как народом. Их безвыходное положение будет для Него благоприятной возможностью; и тут их ослепление будет удалено. Читаем: "И соберу все народы [представленные в полчищах Гога и Магога] на войну против Иерусалима, и взят будет город, и разграблены будут дома, и обесчещены будут жены, и половина города пойдет в плен; но остальной народ не будет истреблен из города. Тогда выступит Господь и ополчится против этих народов, как ополчился в день брани" (Зах. 14: 2, 3). Исаия (28: 21), говоря о том же, приводит в пример освобождение Господом Израиля от филистимлян на Перациме и от Аморрея в Гаваоне, говоря: "Ибо восстанет Господь, как на горе Перациме; разгневается, как на долине Гаваонской". Обратите внимание во 2 Цар. 5: 19-25; 1 Пар. 14: 10-17; Иис. Н. 10: 10-15, как Бог не полагался на человеческое умение или искусное руководство, а вел сражения по-Своему. Так

[556] и в этом великом сражении Бог даст освобождение в Свое время и Своим путем.

В пророчестве Иезекииля (38: 1-13) Господь называет главных действующих лиц сражения в Палестине, но мы не можем быть слишком категоричны в наших определениях. Магог, Мешех, Фувал, Гомер, Фогарм, Иаван и Фарсис были именами детей Иафета, сына Ноя – предположительно первоначально заселивших Европу. Сава и Дедан были потомками сына Ноя Хама – как полагают, первыми поселенцами Северной Африки. Авраам и его потомки (Израиль) были потомками сына Ноя Сима и, предположительно, заселили Армению–Западную Азию (См. Быт. 10: 2-7). Это, пожалуй, указывает общим образом на то, что нападение произойдет со стороны Европы – "от пределов севера", с разными союзными народами.

Ошеломляющее поражение этих врагов Израиля (несущее с собой конец времени скорби и время установления Божьего Царства) наглядно описано пророком Иезекиилем (от 38: 18 до 39: 20). Его можно сравнить лишь с ужасным поражением фараона и его воинства, когда он попытался снова завладеть Израилем, которого Бог в то время вел на свободу. Также в этом отношении освобождение Израиля должно быть "как во дни [наподобие] исхода твоего из земли Египетской" – "дивным делом" (Мих. 7: 15).

Описав, что нашествие этого войска от пределов севера на Израиль (снова собранный в Палестину "в последние дни", с большим богатством, "живущий безопасно") будет неожиданным, "как туча, чтобы покрыть землю" (Иез. 38: 1-17), сказано: "Так говорит Господь Бог: не ты ли – тот самый, о котором Я говорил в древние дни чрез рабов Моих, пророков Израилевых, которые пророчествовали в те времена, что Я приведу тебя на них?" Затем Господь возвещает о Своем намерении разбить грешное воинство. Описание, кажется, указывает на то, что это будет совершено путем возбуждения зависти, революции

[557] и анархии между разными элементами, составляющими большое смешанное войско: революции и раздора, которые вовлекут все, что еще уцелеет от местных правительств разных народов, и завершат всемирное восстание и анархию – великое землетрясение из Откровения 16: 18-21.

Свидетельства всех пророков сводятся к тому, что сила Бога будет проявлена чудесным образом в освобождении Израиля, когда Он будет сражаться за них (и косвенно за всех) оружием, которое не в состоянии контролировать никакая человеческая сила, включая эпидемию и разные бедствия, павшие на нечестивцев (врагов Израиля и противников Бога), пока вскоре весь мир не узнает, что Господь снова принял Израиль к Своей милости и сделался их Царем, как в древности. Вскоре люди, а также Израиль, научатся ценить Божье Царство, которое быстро станет желанием всех народов.

Пророк Иезекииль (39: 21-29), как Господний глашатай, повествует о славном исходе этой победы, а также о ее последствиях для Израиля и для всего мира, говоря:

"И явлю славу Мою между народами, и все народы увидят суд Мой, который Я произведу, и руку Мою, которую Я наложу на них. И будет знать дом Израилев, что Я – Господь, Бог их, от сего дня и далее. И узнают народы, что дом Израилев был переселен за неправду свою; за то, что они поступали вероломно предо Мною [отвергнув Христа (Рим. 9: 29-33)], Я сокрыл от них лицо Мое и отдал их в руки врагов их [на все столетия христианской эпохи], – и все они пали от меча. За нечистоты их и за их беззаконие Я сделал это с ними и сокрыл от них лицо Мое".

"Посему [теперь, когда это наказание закончилось] так говорит Господь Бог: «Ныне возвращу плен Иакова и помилую весь дом Израиля [живых и мертвых, поскольку пришли "времена восстановления"

[558] (Деян. 3: 19-21)] и возревную по святому имени Моему. И почувствуют они [таким образом] бесчестие свое и все беззакония свои, какие делали предо Мною, когда будут жить на земле своей безопасно, и никто не будет устрашать их, когда Я возвращу их из народов и соберу их из земель врагов их и явлю в них святость Мою пред глазами многих народов. И узнают, что Я – Господь, Бог их, когда, рассеяв их между народами, опять соберу их в землю их и не оставлю уже там ни одного из них. И не буду уже скрывать от них лица Моего, потому что Я изолью дух Мой на дом Израилев, говорит Господь Бог»". "И убоятся имени Господа на западе и славы Его – на восходе солнца. Если враг придет как река, дуновение [дух] Господа [на протяжении Евангельского века – посредством Духовного Израиля] прогонит его. И придет Искупитель Сиона [Церкви, "тела Христова"] и сынов Иакова, обратившихся от нечестия, говорит Господь" (Ис. 59: 19, 20. Сравните Рим. 11: 25-32).

"Благ Господь – убежище в день скорби – и знает надеющихся на Него". Но "пред негодованием Его кто устоит? И кто стерпит пламя гнева Его?.. Он совершит истребление [нечестия], и бедствие уже не повторится" (Наум. 1: 7, 6, 9).

Вот так, посредством битвы великого дня Всемогущественного Бога, весь мир будет приготовлен к новому дню и его великому делу реституции. Хотя час бодрствования – это час облачный и туманный, мы благодарны Богу за Его блаженное заверение, что дело уничтожения будет "делом решительным" (Мат. 24: 22), и что незамедлительно после этого начнет сиять славное Солнце Праведности. "Земля [нынешнее обветшавшее общественное строение].. качается, как колыбель.. она упадет [таким образом]", чтобы освободить место для нового строения Бога, нового неба и новой земли, на которых обитает правда (2 Пет. 3: 13; Ис. 65: 17).

[559] Поскольку вышеупомянутое является образом, нам припомнилась статья на эту тему, опубликованная в одном из старых изданий "N. Y. Tribune" (26 июня 1897 года). Она настолько полностью совпадает с нашими предположениями относительно "великого полчища Господа", ныне приготавливаемого, что мы приводим следующий отрывок:

"МОНАРХ ИЛИ НАРОД? КАКОЙ ВЫБОР МОЖЕТ ВОЗНИКНУТЬ ПЕРЕД НЕКОТОРЫМИ АРМИЯМИ ЕВРОПЫ В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ?

Неполных сорок лет тому назад войска, подчиняясь приказам своих правителей, повернули свои ружья против народа, расстреливая и прокалывая штыками мужчин, женщин и даже детей, пока кровь не потекла, словно вода, улицами Берлина, Вены и многих других столиц Старого Света. Это не была обычная толпа бродяг и хулиганов, с которыми военные обязаны иметь дело, а состоятельные и высоко образованные граждане – люди свободных профессий, торговцы, производители, политики и законодатели – фактически, все те, кто составляет известную в Старом Свете "буржуазию" и средние классы, которые попытались добиться политических прав, торжественно обещанных им строками конституций, утвержденных их уважаемыми правителями, которые, однако, отказались проводить их в жизнь, пока их не вынудил к этому народ.

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ В ИТАЛИИ

Окажут ли войска, если им будет предложено сегодня стрелять в своих соотечественников, похожее повиновение приказу "Помазанника Господа"? Вот вопрос, который в настоящий момент приковывает в значительно большей степени (чем люди в этой стране склонны верить) внимание коронованных лиц Европы и в течение нескольких последних дней был представлен общественности посредством резолюции, внесенной в Парламент Италии и предусматривающей замену слова "королевская" на "народная" в официальном названии армии. Аргументы, выдвигаемые сторонниками этого нововведения, которое, в конечном счете, было отвергнуто правящей партией, обладающей

[560] большинством в Законодательном органе, оказались не только логичными, но и сильными, и не могли не оказать мощного влияния на народ Италии, а также на всякий другой цивилизованный народ, и, несомненно, предоставили очень серьезные поводы для раздумий королю Хумберту, а также его брату и сестре из числа монархов".

[Статья обращает внимание на то, как без особого замешательства командование английской армией было передано в течение предыдущих трех лет Парламенту в лице Министра Войны, тогда как раньше армия подчинялась непосредственно монарху, поскольку ее командующий был принцем королевской крови, занимая должность в качестве представителя королевы. Следовательно, королева стремилась, что вполне естественно, некоторое время удерживать остающуюся опору своей суверенности, но безуспешно. Также во Франции стремление народа контролировать армию очевидно из факта, что назначение одного из генералов на пост главнокомандующего было отклонено, а контроль удерживается в руках назначаемого Секретаря Войны, который представляет партию, пришедшую к власти путем народного голосования. В статье говорится:]

НЕМИНУЕМОСТЬ КОНФЛИКТА В ГЕРМАНИИ

В Италии конфликт подобного рода уже не считается неизбежным. Но нельзя не признать, что нечто в этом роде ожидается в Германии и, прежде всего, в Пруссии, где монарх и народ с каждым днем отдаляются друг от друга. То, что император Вильгельм ожидает подобного конфликта, очевидно из всех его последних выступлений (когда только появляется возможность обратиться к своим войскам, и особенно на прошлой неделе в Билефельд) на излюбленную тему о долге солдат быть постоянно готовыми защитить своей кровью его монархию и его престол не столько от чужеземных врагов, сколько от врагов в пределах империи и царства. Председательствуя на церемонии приведения к присяге рекрутов, он никогда не забывает напомнить им, что их первая обязанность перед ним, а не перед народом, который за все это платит, и он без устали

[561] разглагольствует о том, что он именует "Королевской форменной одеждой", то есть униформой, которую он, наподобие многих других монархов, считает ливреей не Государства, не Нации, а монарха, с которым одевающий ее связан особыми узами преданности, верности и слепого, непререкаемого послушания. Не следует также забывать о том, что во всех случаях дискуссий и споров между гражданскими лицами и военными император всегда поддерживает последних, даже если они оказываются зачинщиками, да еще до такой степени, что он или отменяет или смягчает и так мягкие приговоры, вынесенные тем офицерам, которые, будучи пьяны, серьезно ранили, а в некоторых случаях совершили убийство невооруженных и безобидных граждан.

ПОВЕДЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ

"Как поведет себя армия, если случится ожидаемый конфликт между монархом и народом? Во дворце и в официальных кругах в Берлине верят, что император может полагаться на свои войска. Однако это мнение никак не разделяет сам народ, а также нынешние ведущие немецкие политики. Ряды и шеренги армии уже не состоят, как прежде, из безграмотных увальней, не умеющих ни читать, ни писать, или даже думать самостоятельно, а из мыслящих, хорошо образованных людей, которые обучены в школе правам и конституционным привилегиям, за которые их отцы и деды тщетно боролись. Они также достаточно ознакомлены с историей, чтобы оценить факт, что в каждой борьбе между монархом и народом окончательную победу всегда одерживал последний".

[563]

ГЛАВА XII - БОЛЬШОЕ ПРОРОЧЕСТВО НАШЕГО ГОСПОДА

МАТФ. 24; МАР. 13; ЛУК. 21: 5-36; 17: 20-37

Важность этого пророчества – Условия и три вопроса, вызвавшие его появление – Остерегайтесь ложных Христов – Краткий исторический обзор восемнадцати столетий – Скорбь в конце Иудейского века и скорбь, завершающая Евангельский век, показанная попеременно в словах всех евангелистов – Мерзость запустения – Бегство в горы – Беременные и т. п. – Накануне зимы и субботы – Вот здесь! Вот там! Не верьте – Скорбь тех дней – Затмения солнца и луны как знамения – Падение звезд – В том числе символическое исполнение – Знамение Сына Человеческого – Что увидят племена земные? – Смоковница – "Род сей" – Бодрствуйте! – "Как было во дни Ноя,. не думали" – Вспоминайте жену Лотову – Один возьмется, а другой оставится – Избранные, собранные к истине – Подкоп дома сатаны – Что было предусмотрено, чтобы накормить дом веры?

Наш Господь высказал одно из самых знаменательных пророчеств Священного Писания относительно "Времени конца" – завершающей эпохи этого Евангельского века. Оно было высказано ближе к завершению Его земного служения, когда Он прилагал усилия, чтобы постепенно приготовить Своих учеников к новой эпохе, которая будет полностью установлена после трагедии на Голгофе. Он стремился дать им понять, что они не должны тотчас надеяться на почести и славу Царства, участие в которых Он обещал Своим верным. Перед этой славой и благословениями должны прийти испытания и страдания. Его, их Учителя и Царя, Израиль, как было сказано в пророчествах, должен отвергнуть и распять. Затем

[564] Израиль должен попасть в руки его врагов, а их священный город и великолепный храм должны лечь в руинах; более того, Его ученики не должны надеяться, что они будут превосходить своего Учителя, будучи свободными от укоров и страданий, падших на Него; но их верность Ему и Его учениям должна стать причиной ненависти к ним со стороны всех людей ради Него; и окончательно, хотя и после многих скорбей, они, верные до самой смерти, будут награждены, когда Он придет снова, чтобы принять их к Себе, чтобы они разделили Его славу.

Наставления такого рода наш Господь оставил почти на конец Своего служения. Вначале ученики были склонны не принимать их, настаивая (как это делают некоторые сегодня), что Господнее дело должно завоевать мир в результате их проповедования. А Петр пошел так далеко, что выразил несогласие с Господом, говоря: "Господи! Да не будет этого [смерти, рассеяния Твоего народа и общего триумфа зла] с Тобою!" (Матф. 16: 22; Мар. 8: 31, 32). Но наш Господь сурово упрекнул Петра; и все ученики, кажется, начали постепенно приходить к пониманию, что до славы Царства еще далеко, что Учитель должен уйти, что, оставляя их, Он пошлет Утешителя, святой Дух, и будет руководить ими и поддерживать их до тех пор, пока Он не придет опять во славе Царства Отца.

Находясь в таком расположении ума и помня самые последние высказывания нашего Господа о храме, которые еще звучали в их ушах, ученики попытались получить четкий ответ Учителя по поводу того, что не было ясно их уму.

ТРИ ВОПРОСА

"Когда же сидел Он на горе Елеонской, то приступили к Нему ученики наедине и спросили: «Скажи нам, (1) когда это будет [разрушение храма и т. д.] и (2)

[565] какой признак Твоего пришествия* и (3) кончины века?»" (Матф. 24: 3).

*Греческое слово "parousia", использованное здесь, неизменно означает "присутствие", а не "пришествие". См. Emphatic Diaglott.

Несомненно, такая возможность и вопросы были даны под божественным провидением, ведь пророчество предназначалось больше для наставления Божьего народа, живущего в настоящем времени "жатвы", нежели для тех, кто задавал эти вопросы. Изучая пророчество, следует держать в уме вопросы, на которые был дан вдохновенный ответ. Пророчество с большим сходством изложено тремя евангелистами – Матфеем, Марком и Лукой; но поскольку изложение Матфеем наиболее полно и упорядоченно, мы будем придерживаться преимущественно его повествования, обращаясь к любым дополнениям, замеченным в других изложениях.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ЛОЖНЫХ ХРИСТОВ

"Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас; ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: «Я Христос», и многих прельстят" (Матф. 24: 4, 5).

Гамалиил упоминает в своей речи о двух таких ложных Христах (ссылка в Деян. 5: 36, 37), а история говорит нам о нескольких других, которые прельстили довольно многих иудеев. Самым известным из них был Шаббатаи Леви из Смирны, заявивший о себе в 1648 году н. э. Шаббатаи Леви провозгласил себя "Первенцем, Сыном Бога, Мессией, Спасителем Израиля", и пообещал вернуть царство и благосостояние. Шаббатаи, говорит историк, "до такой степени возобладал здесь [в Смирне], что некоторые его последователи пророчествовали и падали в необычайное исступление: четыре сотни мужчин и женщин пророчествовали о его обретающем силу царстве. Некоторое время люди вели себя ка одержимые духами; некоторые попадали в транс, пуская пену изо рта, поведывали о своем будущем благоденствии,

[566] о своих видениях Льва из колена Иуды и о триумфе Шаббатаи". Это, без сомнения, было ложным исполнением сатаной пророчества Иоиля (2: 29) – подлогом святого Духа, проявившимся также в религиозном возрождении более поздних дней. Вместе было где-то около пятидесяти и больше ложных Христов, мужчин и женщин, многие из которых лишились рассудка – были одержимы злыми духами. Но ни один из них или все вместе они не "прельстили многих". Здесь и позже в Своем пророчестве Господь предупреждает о тех, которые "прельстят многих", поэтому мы поговорим, прежде всего, об антихристах, прельстивших многих.

КОРОТКО ПРЕДСКАЗАННАЯ ИСТОРИЯ ВОСЕМНАДЦАТИ СТОЛЕТИЙ

МАТФ. 24: 6-13; МАР. 13: 7-13; ЛУК. 21: 9-19

"Также услышите о войнах и о военных слухах [угрозах, интригах]. Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежит всему тому быть. Но это еще не конец: ибо восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясения по местам; все же это начало болезней" (Мат. 24: 6-8).

Вот так коротко наш Господь подытожил светскую историю, научая учеников не надеяться скоро на Его второе пришествие и славное Царство. Но как умело! Несомненно, мировая история является именно такой – вести о войнах, интригах, голоде и эпидемиях. Наш Господь отдельно дает историю истинной Церкви, излагая ее с похожей немногословностью:

"Тогда [в том же периоде, Евангельском веке] будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будет ненавидимы всеми народами за имя Мое. И тогда [в том же периоде] соблазнятся многие; и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки [учителя] восстанут и

[567] прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь" (Матф. 24: 9-13).

Можно ли изобразить в свете истории путь Божьей истинной Церкви более сжато? Конечно нет. Сходство безупречно. "Всякий, желающий жить благочестиво.. будет гоним", – говорит апостол; и кто не участвовал в этом, имеет всякий повод сомневаться в своем родстве с Богом как сын (Евр. 12: 8). То же самое с Церковью в целом. Если ее не преследовал класс Измаила и Исава, то по той причине, что в ней было столько мирского духа и столько "охладевшей любви" к Господу и Его истине, что она не заслуживала преследований. Однако на основании того же критерия и пророчества нашего Господа на протяжении всего Евангельского века существовала горстка верных до самой смерти – "Малое Стадо".

ЕВАНГЕЛЬСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ПО ВСЕМУ МИРУ

МАТФ. 24: 14; МАР. 13: 10

"И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец".

Здесь наш Господь опять дал ясно понять ученикам, что конец века значительно дальше, чем они предполагали; что послание Его Царства должно быть радостной вестью не только для Израиля, но и для всех народов. Но это не означает, что другие народы примут Евангелие, отвергнутое Израилем. Скорее, мы должны ожидать того, что мы видим: если бог мира сего ослепил Израиль, то он ослепит огромное большинство других народов, не позволяя им видеть во Христе силу Бога и мудрость Бога. Именно это он и сделал (1 Кор. 1: 24). Если только остаток Израиля (особо наставляемый Законом на протяжении столетий) оказался достойным стать "царственным священством", то чего можно разумно ожидать от языческих народов, которые долгое время "не имели надежды и были безбожники в мире"?

[568] Следует пристально обратить внимание на слова нашего Господа: что Евангелие следовало проповедовать народам не для обращения этих народов, но во свидетельство этим народам, одновременно призывая, совершенствуя и собирая из всех народов "избранных". Позже "избранные" как Царство будут благословить эти народы, открывая их глухие уши к Евангелию и слепые глаза к Истинному Свету.

Это свидетельство уже дано: слово Господа, Евангелие Царства, опубликовано для каждого народа на земле. Его не услышал каждый человек, но таковым не было утверждение пророчества. Его следовало провозглашать народам, и его провозгласили. И пришел конец! "Жатва есть кончина века", – объяснил наш Господь (Матф. 13: 39). Некоторые были склонны уяснить для себя, действительно ли это предсказание уже исполнилось, потому что миссионеры, направлявшиеся в языческие земли, как правило, знали очень мало или не знали ничего о радостной вести, особенным образом очерченной нашим Господом: "великой радости" Царства. На это отвечаем, что печатное благовествование от Матфея, Марка, Луки и Иоанна дошло до них, наполняя их до краев вестью о Царстве, так же, как имеем ее мы.

Вот так наш Господь вкратце подытожил восемнадцать столетий испытаний и преследований Своей Церкви, а также плоды ее труда в успешном проповедовании всем народам, и затем перешел к ответу на важный вопрос о том, как живущие будут знать о времени и факте Его второго присутствия. Он проигнорировал вопрос о том, когда все камни храма будут развалены, чтобы ученики случайно не связали это событие с Его вторым пришествием. Кроме того, Он хотел связать скорбь телесного Израиля во время свержения их государственности со скорбью номинального духовного Израиля в конце нынешнего века – образ и противообраз.

Очевидным намерением Бога, хотя неизвестным евангелистам, было то, что запись пророчества нашего Господа

[569] об этом дана по частям – здесь одна, там – другая; здесь ссылка на образную скорбь образного Израиля при завершении образной жатвы, там – ссылка на сходную, однако более общую и значительно большую скорбь прообразного Израиля – христианства – в конце этого века. Пророки в самом деле свидетельствовали о нашем Господе, что Он отверз в притчах и неясных сказаниях уста Свои и "без притчи не говорил им". Однако в согласии с божественным намерением, неясные сказания и притчи сегодня становятся ясными для всех, чьи глаза помазаны истинной глазной мазью.

СКОРБЬ В КОНЦЕ ИУДЕЙСКОГО ВЕКА

Описание Лукой скорби телесного Израиля, достигшей кульминации в 70 году н. э., наиболее подробное, поэтому мы приводим его здесь:

"Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его: тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто в городе, выходи их него; и кто в окрестностях, не входи в него, потому что это дни отмщения, да исполнится все написанное. Горе же беременным и питающим сосцами в те дни; ибо великое будет бедствие на земле и горе на народ сей: и падут от острия меча, и отведутся в плен во все народы; и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников" (Лук. 21: 20-24).

Часть пророчества нашего Господа, очевидно, имеет отношение к событиям, произошедшим с телесным Израилем; и история повествует нам, что это буквально исполнилось в каждой подробности в сценах скорби, в которых Иудейский век и государство пришли к концу. "Потому что это дни отмщения на этот народ, да исполнится все написанное в законе и пророках о них".

[570] Однако слова нашего Господа, цитируемые Матфеем и Марком, отличаются от вышеприведенных и, очевидно, применимы к скорби духовного Израиля в конце Евангельского века. Несомненно, наш Господь произнес оба изречения, но евангелисты, не ведая о двух жатвах и двух временах скорби, а принимая их, фактически, как повторение, не записали обоих высказываний. Господь устроил так с целью закрыть, спрятать факты относительно этой жатвы, пока не придет Его время открыть их.

СКОРБЬ В КОНЦЕ ЕВАНГЕЛЬСКОГО ВЕКА

Здесь описания Матфея и Марка почти совпадают. Матфей говорит:

"Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную чрез пророка Даниила, стоящую на святом месте, – читающий да разумеет, – тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои. Горе же беременным и питающим сосцами в те дни! Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою, или в субботу; ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни" (Матф. 24: 15-22; Мар. 13: 14-20).

Четыре пункта в этом повествовании показывают, что хотя его можно образно применить к скорби в конце Иудейского века, его истинное и наиболее важное применение относится к скорби, которой завершается Евангельский век. (1) Ссылка на "мерзость запустения", упоминаемая в пророчестве Даниила. (2) Утверждение, что скорбь будет самой суровой из тех, что мир когда-либо познал или когда-либо испытает. (3) Что если не прекратить резню,

[571] то не спасется никакая плоть. (4) Последующий контекст, бесспорно, описывает события в конце Евангельского века – события, которые нельзя было применить к концу, к жатве Иудейского века и которые в то время не исполнились. Два пункта заслуживают особого рассмотрения.

Пророк Даниил (9: 27) записал, что после того, как Мессия будет "предан смерти" в половине семидесятой седьмины милости завета, Он, устанавливая противообразные жертвы примирения, прекратит жертвы и приношения Закона: что затем, по причине преобладания мерзости, Он приведет гибель на опустошителя (отвергнутый народ), как Бог определил заранее.

Все это имело свое исполнение в разрушении государственности телесного Израиля. С тех пор, как сказал наш Господь: "Се, оставляется вам дом ваш пуст" – "вы не увидите Меня, пока не придет время, когда скажете: «Благословен Грядущий во имя Господне!»", – их религия сделалась омерзением, пустой формой, признаком непринятия ими одной жертвы за грехи, предоставленной Богом. Оставаясь под проклятием, которое они навлекли на себя (ослепление (Матф. 27: 25)), их путь к уничтожению был скоротечен, как было решено и предсказано Богом.

Однако пророчество Даниила может многое поведать о Мерзости, совершающей Запустение в номинальном духовном Израиле. Она была поставлена у власти, представленной папством, и возымела огромное и губительное влияние в виде духовного запустения в духовном доме, храме, Бога, Церкви Христа. Эта отвратительная система заблуждения должна была существовать до очищения класса святилища. Кроме того, ей предстояло весьма преуспеть и привести многих в номинальном духовном Израиле к отвержению выкупа-жертвы, данной однажды за всех. Результатом ее распространяющегося влияния стало запустение отвергнутого христианства (Смотрите Даниила 11: 31; 12: 11; а также "Исследование Священного Писания", том III, гл. 4).

[572] Большая мерзость запустения, основа которой покоится на учении Литургии (которая для очищения от греха заменяет великую жертву Голгофы человеческими поступками), сегодня дополняется теориями самоискупления; и эти распространяемые мерзости поддерживаются таким влиянием и софистикой, что они прельстят многих – "если возможно и избранных", – и станут предвестниками уничтожения христианства.

Оглядываясь назад, мы замечаем в этом еще одну параллель между концом иудейской жатвы и концом евангельской жатвы. Отвержение телесным Израилем истинной жертвы за грехи, а также сохранение образных жертв, больше не принимаемых Богом, но являющихся омерзением, было важным обстоятельством в связи с их национальным и церковным упадком. Так и здесь, отвержение учения о выкупе и принятие вместо него литургий, добрых дел или покаяния, является мерзостью в Божьих глазах и важным обстоятельством в связи с падением христианства – гражданского и церковного.

Как уже указывалось, эта мерзость запустения, осквернившая святое место Бога, то есть истинный храм, Церковь, была папской, угловым камнем которой является богохульное учение Литургии. Мерзость, осквернение и запустение известны издревле; однако тьма заблуждения на протяжении прошлых столетий оказалась столь густой, что лишь кое-кто (если вообще кто-нибудь) смог ее увидеть. То, что Литургия не воспринималась как мерзость даже реформаторами, вполне очевидно; и хотя англиканская церковь в своих догматах отрицает власть священников создавать Христа из хлеба и вина и жертвовать Его сызнова, однако у нас нет никакого доказательства, что они понимали чудовищность этого грешного действия. Даже Лютер, полностью отрицая многие папские грехи и фальсификации, не видел в Литургии великой мерзости запустения. Наоборот,

[573] возвратившись в свою церковь после пребывания в замке Вартбург, Лютер, видя, что перестали пользоваться Литургией, а также иконами и свечами (как не находящими для себя основания в Священном Писании), восстановил Литургию.

Учитывая такое положение вещей, какую огромную важность обретают слова нашего Господа: "Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную чрез пророка Даниила, стоящую на святом месте, – читающий да разумеет, – тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы". Здесь следует вспомнить параллель между двумя жатвами, двумя временами скорби и двумя бегствами, а также учесть, что Иудея символизирует нынешнее христианство.

Греческое слово, переведенное "горы", можно с одинаковой и даже большей вероятностью перевести в единственном числе – "гора": так оно переводится в большинстве случаев в Библии. Действительно, бежать из Иудеи (буквальной) на гору или в горы кажется необычным, поскольку Иудея была фактически "нагорной страной", а Иерусалим описан как поставленный на вершине гор. Но очень просто применить слова нашего Господа к нынешнему времени и к Его людям в христианстве – к тем, кто сегодня видит, в свете настоящей истины, Мерзость, находящуюся там, где ее не должно быть, в святом месте, вместо истинной жертвы. Они должны тотчас бежать от влияния мерзости и от системы, ложно именующейся Христовым царством (горой), к истинной горе, Царству, которое Христос вернулся в настоящее время установить в славе и могуществе.

Но оставить христианство, отрекаясь от его храмов, его форм набожности, его светского обаяния, его лести и почестей, противопоставить себя его обвинениям, анафемам и всевозможным запретам и бежать к Господу и истинному Царству, отвергнутому, пренебрегаемому и отрицаемому

[574] светски мудрыми и светски добрыми, вот действительно бегство, путешествие, и немногим, кроме "святых", приходит мысль пуститься в путь. Опасности пути изображены нашим Господом таким образом, что могут показаться преувеличенными или противоречащими Его обычной манере, если их применить исключительно к физическим страданиям верующих, бежавшим из Иудеи в конце иудейской жатвы, но Его слова откровенно применимы к духовному бегству и испытаниям этого времени жатвы. Словом, это повеление к бегству, а также описание его испытаний, можно должным образом понять лишь в связи с повелением Откровения (18: 4): "Выйди от нее, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее".

"ВЫЙДИ ИЗ НЕЕ, НАРОД МОЙ!"

"И кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои" (Матф. 24: 17, 18).

Эти высказывания указывают на необходимость поспешного бегства из "Вавилона", как только каждый увидит мерзость запустения. Слово Господа говорит, что всякое промедление или обсуждение, или человеческие рассуждения будут опасными: повинуясь, нельзя терять времени, лишь Господь позволит нам увидеть мерзость Вавилона и ее отношение ко всем, кто назвался Его именем. Увы, как многие, не вняв слову Учителя, позволили связать себя по рукам и ногам, отчего бегство сегодня почти невозможно. Однако Учитель говорит: "Овцы Мои слушаются голоса Моего.. и они идут за Мною".

Есть еще другой урок в этих стихах: они показывают, что некоторые из Господних людей находятся в одном месте, или условиях, а некоторые – в другом. Некоторые находятся в "поле", то есть в мире, вне всех человеческих организаций: они не должны думать, что им сперва надо присоединиться к номинальным церквям, но, пользуясь

[575] своей свободой, они должны бежать от их положения в мире, чтобы быть заодно с Господом как члены Его Царства-горы.

Некоторые из Господних людей находятся в домах, то есть в церковных системах Вавилона. Но, как здесь упоминалось, это в основном святые, находящиеся на кровле, имеющие более возвышенную жизнь, опыт и веру, нежели просто члены номинальной церкви. В своем бегстве они не должны сходить в дом (номинальные церковные системы), стремясь забрать с собой "имущество" – то, что им дорого в человеческой оценке – титулы, звания, уважение, благодарности за хорошее и правильное поведение и т. д., но должны оставить все ради Христа и бежать к истинному Царству.

ТРУДНОСТИ БЕГСТВА

"Горе ж беременным и питающим сосцами в те дни!" (Матф. 24: 19).

Существуют духовные "младенцы", а также телесные младенцы, существуют незаконнорожденные дети, а также сыны. Апостол Павел описывает свою заинтересованность в евангельском труде как беременность матери. Он говорит: "Дети мои, для [ради] которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!" (Гал. 4: 19). Похоже все верные слуги Христа, все ревностные труженики ради душ являются такими, как описано в этом тексте – "беременными". Духовное деторождение, по примеру апостола, – самое благородное служение и занимает внимание некоторых из самых преданных Божьих детей. Но, увы, как стремление Авраама и Сарры помочь исполнению Божьих обещаний повлекло неправомочные действия и привело класс Измаила, который, родившись по плоти, преследовал семя, рожденное законным путем, так происходит со многими теми, которые сегодня "беременны". Они помогают привести на свет незаконных "Божьих детей". Однако всем следует помнить, что должны быть задействованы только законные средства: все

[576] Божьи дети зачаты словом и духом истины, а не человеческой теорией и духом мира.

Ложные взгляды на божественный план (предположение, что все, кроме избранной Церкви, будут находиться в вечных мучениях) у некоторых настолько возбудили желание рожать "детей", что они прибегли к разным человеческим вымыслам для их зачатия, упуская факт, что все, не "зачатые от Бога", не зачатые "словом истины" – не только буквой Слова, но "зачатые от духа" истины, – являются незаконными, не считаются и не воспринимаются Богом как сыны (Евр. 12: 8). В результате номинальная церковь наших дней "хвалится по плоти" – численностью, количеством денег и интеллектом, имея предостаточно "вида благочестия" без его истинного духа и силы, контролирующих сердце. Она полна "младенцев", часть из которых – действительно младенцы во Христе, однако есть очень много незаконно рожденных, не являющихся сынами Бога, а "плевелами", поскольку они зачаты ложью вместо истины. Такие постоянные усилия имеют целью привести на свет побольше незаконных потомков, тем самым надеясь спасти их от вечных мучений, от несправедливого приговора безжалостного, по их мнению, Бога.

Увы, как трудно этим дорогим Божьим детям, которые образно, по словам нашего Спасителя, "беременны", бежать из номинальной церковной системы с ее сложнейшим механизмом ложного и быстрого зачатия, который они превозносят и которым гордятся. Да, для них будет трудно оставить все и бежать к Господу и Его горе (Царству). Им будет трудно поверить, что Господь действительно добр, справедлив и милостив, что Он имеет милосердный план, дающий полную возможность для каждого члена рода Адама – для всех искупленных великим "искуплением за всех".

Класс, питающий "сосцами" в эти дни, также содержит многих благородных, добрых, имеющих хорошие побуждения детей Бога. Он

[577] содержит многих служителей и учителей Воскресных Школ, чей религиозный труд заключается в том, чтобы давать "молоко", но не всегда "чистое словесное молоко", потому что они, как правило, разводят, разбавляют его традициями, философией и опиатом светской мудрости, отчего держат своих "младенцев" сговорчивыми, сонливыми, "хорошими" и мешают им возрастать в знании и милости, которые привыкли считать опасными.

Незначительное число этих учителей действительно стремится давать "чистое словесное молоко", чтобы их "младенцы" могли им возрастать и учиться есть и усваивать твердую пищу и приходить к взрослости во Христе, однако постоянные эксперименты, по их словам, доказывают им, что даже "чистое словесное молоко" не подходит для большинства их "младенцев". Поэтому они считают обязанностью разбавлять молоко, чтобы их "младенцы" не заболели и не умерли. Ах да, они не видят, что большинство их "младенцев", не зачатых от духа истины, никогда не сможет усвоить духовное "молоко", потому что "душевный человек не принимает того, что от Духа Божия.. и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно" (1 Кор. 2: 14, 12). Они также не видят, что это неумение различать вызывает голод, приостановку роста и отравление истинных духовных "младенцев", находящихся под их опекой, которым "по времени надлежит быть учителями" (Евр. 5: 12).

Многие из этого класса истинных детей Бога, услышав призыв "Выйди от нее, Мой народ", также будут иметь большие трудности в тот день. Приходя к познанию настоящей истины, они не только будут бояться давать ее тем, кто под их опекой, но сами будут бояться поступать в соответствии с ней, чтобы та не разделила их с подопечными. Они будут бояться бежать в тот день, понимая, что лишь немногие их "младенцы" смогут или решатся присоединиться к бегству. Действительно, только духовные сумеют выдержать это тяжелое испытание. Некоторые пройдут кризис невредимыми, как "победители", тогда как другие, боящиеся, будут оставлены, чтобы пройти великую скорбь.

[578]

БЕГСТВО НАКАНУНЕ ЗИМНЕЙ ПОРЫ

“Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою, или в субботу; ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради [через] избранных сократятся те дни” (Матф. 24: 20-22).

Это собирание Церкви происходит во время так называемой поры “жатвы”, в конце летней поры милости. Наш Господь объяснил (Матф. 13: 30, 37-43), что в жатве Он соберет Свою пшеницу в житницу и сожжет плевелы в последующем великом времени скорби. В сельской местности по-прежнему существует обычай оставлять отходы на зиму для сожжения. Таким образом, мы понимаем, что наш Господь имел в виду, что мы должны искать помощи и силы для бегства из Вавилона, пока на него не пришла зимняя пора его скорби.

Следует помнить, что в этой жатве должны уцелеть два класса пшеницы, даже если это противоречит природе. (1) “Победители”, верные, быстро повинующиеся, которые выходят накануне “зимы” и “сподобились избежать всех сих будущих бедствий” (Лук. 21: 36). (2) Преданные, но не столь быстро повинующиеся дети Божьи, отягченные, имеющие ревность, но не по рассуждению, более или менее загрязненные духом мира. Они получат помощь при выходе из Вавилона, когда тот будет рушиться, и будут бежать в зимнюю пору, при этом говоря словами пророка: “Прошла жатва, кончилось лето [наступила зима], а мы не спасены” (Иер. 8: 20). Господь весьма любезно обращает внимание на то, что все истинно преданные из них окончательно “придут от великой скорби” и будут пред престолом (не на престоле с “малым стадом”, которое унаследует Царство как сонаследники с Христом), омыв свои одежды кровью Агнца

[579] (Отк. 7: 14, 15). Будем молиться и трудиться соответственно, чтобы наше бегство закончилось до того, как придет "зима" скорби.

Мы должны молиться и стремиться, чтобы наш побег не был даже в субботний день. Какой субботний день? Не седьмой день недели, и даже не первый день, потому что "новомесячия и субботы", наверное, не станут препятствиями для христиан в том или ином физическом бегстве (Кол. 2: 16). Подразумеваемая здесь суббота – это большая противообразная суббота, Тысячелетие, Суббота седьмого тысячелетия. Если мы начали наше бегство до того, как она началась хронологически, тем лучше: чем дальше мы входим в нее, тем труднее будет освободиться и покинуть Вавилон в ту самую минуту, когда он больше всего нуждается в нашей помощи для подкрепления и молит о ней. Но Бог огласил, что Вавилон должен упасть, и никакая сила не может подсобить ему: никто, осознающий, как несовершенны его дела, и каким добрым и милостивым будет дело Господа после того, как он будет устранен, а истинная Церковь – прославлена, не пожелает препятствовать даже на миг Господнему делу.

Великая скорбь этого времени "зимы" должна быть беспрецедентной; заверение нашего Господа таково, что ничего подобного по сравнению с ней никогда не было на земле и не будет. Это однозначно отождествляет Его речь со скорбью в конце Евангельского века, о которой пророк говорит: "И восстанет [возьмет руководство] в то время Михаил [Христос].. и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди" (Дан. 12: 1). Это отождествляет ее также с периодом, упоминаемым в Откровении (11: 17, 18), где "рассвирепели язычники; и пришел гнев Твой и время судить мертвых". Эта скорбь будет столь большой, что без вмешательства некоторой силы, чтобы ее прекратить, весь род окончательно был бы истреблен. Но Бог приготовил силу для вмешательства – Его Царство, Христа и Его Церковь – "избранных". Избранные вмешаются в нужное время и наведут порядок среди земного замешательства.

[580]

ЛОЖНЫЕ МЕССИИ И ЛОЖНЫЕ УЧИТЕЛЯ

“Тогда, если кто скажет вам: «Вот здесь Христос», или «там», – не верьте; ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам” (Матф. 24: 23-25).

Обманщики, здесь описанные, – это определенно не фанатики, которые время от времени претендовали быть Христом и прельстили немногих, обладающих некоторым здравым смыслом и суждением. Мы уже обращали внимание на того Антихриста, великого прельстителя, папство*, который столетиями восседал в духовном храме, выдавая себя за единственного представителя Христа – Его наместника, о котором наш Господь верно предсказал, что весь мир будет изумляться ему, кроме тех, чьи имена записаны в книге жизни Агнца (Отк. 13: 8). Похожим образом Церковь Англии является не просто церковью, или “телом”, но имеет земного главу в лице гражданского правителя, королевы. Греко-католическая церковь весьма похожим образом, хотя не столь откровенно, имеет, в качестве своего главы, царя России, который, тем не менее, пользуется еще большей властью. Если папство является антихристом, псевдо-, или ложным, Христом, то не являются ли прочие ложные субъекты с их ложными главами также ложными Христами, антихристами, несмотря на то, как много или мало Божьих истинных святых может быть в них?

*Том II, гл. 9.

Различные протестантские вероисповедания, даже если они не признают никакого главы, кроме Христа, на самом деле превращают свои синоды, конференции и советы в главы, от которых они берут свои законы, обычаи, а также исповедания веры, вместо того чтобы брать от одного единственного Главы одной истинной Церкви.

Долгое время эти человеческие системы в той или иной степени так подменяли подлинного Мессию (Главу и Тело), что частично прельстили многих. Однако теперь,

[581] на протяжении уходящего столетия, эти прельщения не оправдываются. Немногие пресвитериане, если вообще найдутся такие, сегодня верят, что их церковь – та самая истинная Церковь; то же самое не думают о своих системах методисты, баптисты, лютеране и другие. И даже англикане, греко- и римо-католики освобождаются от иллюзии, что их церковь – единственная, вне которой нет никого избранного. Однако в рассматриваемом пророчестве наш Господь предостерегает нас об опасности, исходящей от ложных Христов "тогда" – то есть сегодня. В согласии с этим мы находим в Откровении (13: 14-18) пророчество об особом сочетании факторов, посредством которого протестантские вероисповедания будут объединены и, даже оставаясь порознь, придут к сотрудничеству с папством способом, который даст обоим усиленную власть и введет многих в заблуждение, будто новый союз станет Божьим орудием для выполнения дела, предопределенного для Мессии: будто он, стало быть, является Его представителем.

"ВЗОЙДЕТ СОЛНЦЕ ПРАВДЫ"

"Итак, если скажут вам: «вот, Он в пустыне», – не выходите; «вот, Он в потаенных комнатах», – не верьте; ибо, как молния [солнце] исходит от востока и видна даже до запада, так будет пришествие [гр. parousia – присутствие] Сына Человеческого" (Матф. 24: 26, 27).

О том, что большие заблуждения, "действие заблуждения" сатаны находятся прямо перед нами, свидетельствуют не только упомянутые слова нашего Господа, но и слова апостола Павла (2 Фес. 2: 10-12). Если бы было сказано определенно заранее, какой вид примут эти заблуждения, это до некоторой степени воспрепятствовало бы их заблуждающей силе. Бог позволяет эти заблуждения с конкретной целью отделить "победителей" от всех других и обещает, что "избранным" не будет позволено упасть. Однако вполне возможно, что некоторые из этих испытаний, просеиваний и заблуждений могут непосредственно приблизиться к тем, кто обладает

[582] наибольшим светом настоящей истины. Как важно, чтобы мы "сохраняли себя в любви Божьей", чтобы у нас было не только знание истины, которое само способно лишь превозносить, но чтобы вдобавок у нас был дух Христа, который оно обязано произвести – любовь к Богу, друг к другу и сочувствие ко всем людям, потому что "любовь созидает" (ВоП) характер по подобию нашего Господа.

Утверждение "Вот, Он в потаенных комнатах", – уже выдвигается спиритами: что во время некоторых своих сеансов они могут общаться лицом к лицу с Господом; и что все, кто разделяет их взгляды, могут иметь ту же привилегию и т. п. А что, если предостережение, что это прельстит, если возможно, и избранных, будет непременно означать, что "избранные" будут подвержены самым суровым испытаниям того злого дня? "Кто может устоять?" (Отк. 6: 17). Ответ через пророка гласит: "У которого руки неповинны [кто живет честно] и сердце чисто [совесть чиста от неприличия перед Богом и людьми].. тот взойдет на гору Господню [Царство] или станет на святом месте Его" (Пс. 23: 3, 4).

Но как Божий народ будет знать с уверенностью, что эти проявления не настоящие? Он дал нам наставление, что Его день придет, как вор ночью, что Он будет присутствовать, невидимый миру, надзирая дело жатвы – собирая Своих избранных и т. п. Откуда знать, что Он не явит Себя Своему бодрствующему народу, как утверждают так называемые христианские спириты, в "потаенных комнатах" – на их сеансах?

Нам известно, что Он не явится нам таким образом, потому что (1) мы будем, по Его словам, "изменены", станем "подобны Ему" и так "увидим Его, как Он есть"; и (2) Он предостерег нас о подобных заблуждениях, которые попытаются показать Его нам в нашем неизмененном, телесном состоянии, говоря: "Если скажут вам: «вот, Он в пустыне», – не выходите; «вот, Он в потаенных

[583] комнатах», – не верьте", потому что ни одним из этих способов Он не будет явлен. Наоборот, "как молния [солнце] исходит от востока [его нельзя ограничить никаким уединенным местом, никакой отдельной комнатой] и видна [везде] даже до [отдаленного] запада, так будет пришествие [присутствие] Сына Человеческого".

Откровение нашего Господа в Его втором присутствии не будет в комнате или какому-нибудь обществу на пустыре или в пустынном месте, и даже не будет одному народу, как при первом пришествии, но будет всеобщим, всемирным откровением: "Взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его". Проникающий луч истины великого Солнца Правды уже вызывает большое замешательство среди людей, освещая темные места и открывая всякого рода заблуждение и порчу Явным делает только свет. Именно великий Свет мира, Христос (и окончательно также соединившаяся с Ним Церковь) будет благословить человечество, освещая скрытое во мраке, так как нет ничего тайного, что не сделалось бы явным. "Ибо день покажет"; а день не может быть без Солнца, сияющего с востока на запад. Это "Свет истинный, Который просвещает [в свое время] всякого человека, приходящего в мир".

(Мы рассмотрим Матф. 24: 28 после 41 стиха, чтобы запись в Матфея соответствовала тому, что записали Марк и Лука).

ЗАТМЕНИЯ СОЛНЦА И ЛУНЫ КАК ЗНАМЕНИЯ

"И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются" (Матф. 24: 29; Мар. 13: 24, 25).

Скорбь "дней тех" следует четко отличить от скорби в конце тех дней, в

[584] которых этот век и жатва закончатся. Но это не так отчетливо видно из записей Матфея и Марка. Дополнительно мы приводим для сравнения запись Луки, которая, по-видимому, коротко суммирует события Евангельского века и, упуская "скорбь тех дней", ссылается непосредственно на другую скорбь, которой завершится этот век. Он говорит:

"И падут [иудеи] от острия меча, и отведутся в плен во все народы; и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся Времена Язычников. И будут знамения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится; люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную" (Лук. 21: 24-26).

Факты таковы, что весь Евангельский век был периодом скорби, о которой упоминается в Матф. 24: 9-12, и той, которая сегодня – в стихе 29. (1) Ранняя Церковь подвергалась преследованиям со стороны гражданского Рима, и затем, когда папский Рим получил власть, все, отказывающиеся принимать его мерзости, подвергались прямым преследованиям (со стороны Иезавели) или косвенным – со стороны гражданских властей, с которыми он был повенчан (Ахав). Они были отданы ему во власть, и он истязал святых Всевышнего в течение времени, времен и полвремени – 1260 лет, до 1799 г. н. э. Это продолжительное преследование, в котором "многие очистились, убелились и переплавлены были", и в котором Мать Блудниц "упоена была кровью святых и кровью свидетелей Иисусовых" (Отк. 17: 6), закончилось, как нами показано, по сути дела в 1776 году, и практически в 1799 году, когда папа и его авторитет были унижены перед миром.*

*Том II, гл. 9 и том III, гл. 4.

Следовательно, имея ясное понимание того, что наш Господь ссылается на знамения, которые последуют за скорбью "тех дней", мы задаемся вопросом по поводу знамений, описанных самым определенным образом – затмений солнца и луны, а также падения звезд.

[585] Следует ли считать эти знамения буквальными или символическими? Исполнились ли они уже?

Отвечаем, что они уже имели буквальное исполнение и сегодня имеют значительно более важное символическое исполнение.

19 мая 1780 года (по-прежнему "в те дни", в течение 1260 лет папской власти, но после того как эта власть начала ослабевать, и основная тяжесть скорби миновала) произошло феноменальное затмение солнца, объяснения которому ни в то время, ни с тех пор ученые дать не могли. То, что это не было привычным явлением, в достаточной мере обосновывается следующим компетентным свидетельством.

Говорит известный астроном Гершель:

"Этот темный день в Северной Америке был одним из тех удивительных феноменов природы, о которых всегда будут читать с интересом, но которые философия затрудняется объяснить".

Словарь Вебстера, 1869 года издания, под заглавием "Словарь Знаменательных Событий", пишет:

"Темный день 19 мая 1780 года получил такое название благодаря невиданной тьме в тот день, простиравшейся над всей Новой Англией. В некоторых местах люди несколько часов подряд не могли читать обычный печатный текст на открытом воздухе. Птицы, спев вечерние песни, умолкли и исчезли; домашние птицы удалилась в гнезда; скот искал укрытия в стойлах; в домах зажигали свечи. Потемнение началось приблизительно в десять часов утра и продолжалось до половины следующей ночи, отличаясь разной продолжительностью в разных местах".

В тот день проходило заседание Законодательного Собрания Коннектикута, и его пришлось перенести. "Journal of the House" упоминает об этом событии так:

"Глубокий мрак необычайной темноты перед десятым часом (и еще более темное облако, надвигающееся под черным занавесом с севера и запада перед одиннадцатым часом) скрыли свет, так что в Собрании никто не мог ни читать, ни писать даже возле окна, и не мог распознать кого-нибудь

[586] на близком расстоянии или различить детали одежды в кругу присутствующих. Поэтому в одиннадцать часов Собрание отложили до двух пополудни". Пятница, 19 мая, 1780 года.

Уваж. Элам Поттер, в то время проповедник, был свидетелем-очевидцем и в своей проповеди 28 числа сего месяца, девять дней спустя, говорят, воспользовался такими словами:

"Но особо я упоминаю ту удивительную тьму 19 мая сего месяца. Тогда, как и в нашем тексте, солнце померкло. Такая тьма, какая имела место, очевидно, не было известна со времени распятия нашего Господа. Люди бросали работу дома и в поле; путешествующие останавливались; школы закрыли в одиннадцать часов; люди зажигали свечи в полдень, и их огонь сиял, как в ночи. Некоторые, как мне рассказывали, были в смятении и задавались мыслью, не приближается ли день суда. Большая часть следующей ночи также была необыкновенно темной. Луна, хотя была полной, совершенно не давала света – как в нашем тексте".

В брошюре № 379, опубликованной Американским Обществом Брошюр, "Жизнь Эдварда Ли" ("The Life of Edward Lee") говорится:

"В мае месяце 1780 года был ужасающе темный день, когда, казалось, все лица покрылись мраком, а люди преисполнились ужасом. В деревне, где проживал Эдвард Ли, было большое беспокойство; сердца людей замирали от ужаса, полагая, что близок День Суда. Все соседи столпились вокруг святого человека, потому что его лампа была подрезана и сияла ярче других среди неестественной тьмы. Счастливый и радующийся в Боге, он указывал им на единственное убежище от грядущего гнева и провел мрачные часы в ревностной молитве за обеспокоенную толпу".

Ниже цитируем судью Р.М. Девинса, из "Our First Century":

"Почти, а то и вовсе особняком, как самый таинственный и пока не нашедший объяснения в своем роде феномен в цепи разнообразных событий в природе, стоит темный день 19 мая 1780 года: неописуемое затемнение всего видимого неба и атмосферы над Новой

[587] Англией, которое внесло сильную тревогу и волнение в умы множества, а также смутило немые создания: птицы возвращались, сбитые с толку, в свои гнезда, а скот – в свои стойла. Безусловно, тысячи порядочных людей в тот день были полностью убеждены, что пришел конец всему земному; многие на время оставляли свои светские дела и предавались религиозным обрядам. Это был удивительно темный день".

Судья Самюэль Тенни, доктор правоведения, писал в 1785 году Обществу Историков об этом "темном дне":

"Несколько джентльменов с литературными способностями пытались разрешить этот феномен, однако, думаю, вы согласитесь со мной, что ни одно удовлетворительное объяснение пока не появилось".

Неве Вебстер, доктор богословия, писал в 1843 году в "Herald", Нью-Гавен, об этом темном дне и сказал: "Я стоял и смотрел на это диво. Никакой удовлетворительной причины этому пока еще не установили".

Уваж. Эдвард Бэсс, доктор богословия, Первый Епископальный Епископ Вермонта, писал в своем дневнике 19 мая 1780 года: "Этот день – самый знаменательный в памяти человека благодаря своей тьме".

Затмение луны в ее полноте на следующую ночь было, пожалуй, не менее знаменательным, нежели упомянутое затмение солнца. Свидетеля, судью Тенни из Екстер, Нью-Гавен, цитируют следующим образом:

"Тьма следующего вечера была, вероятно, такой сильной, какой ее не видели с тех пор, как Всемогущий положил начало свету. В то время я не мог удержаться от чувства, что если каждое светящееся тело во вселенной укутать непроницаемой тьмой или прекратить его существование, то и тогда тьма не была бы более полной. Лист белой бумаги на расстоянии нескольких дюймов от глаз был таким же невидимым, как самый черный бархат".

Этот непостижимый день, оказавшийся ничем иным, как знамением от Господа, простирался, как полагают, на 320 000 квадратных миль – на площади, превышающей приблизительно в двадцать пять раз размеры Палестины, которой ограничивались знамения в первом пришествии. Действительно, факт,

[588] что эти знамения ограничивались преимущественно Новой Англией и Средней Америкой, не должен нас удивлять, если вспомнить, что первое движение среди "Дев"* (Матф. 25: 1-5) происходило главным образом в этих окрестностях. И то, что Бог должен был использовать "землю свободы" и направить свидетельство этих знамений миру, не менее удивительно, чем то, что Ему было угодно послать с этих земель многие современные благословения, изобретения и уроки, признаваемые всем миром и надлежащим образом воплощенные в виде дара великого французского ваятеля Бартольди Нью-Йоркской гавани – статуи "Свободы, посылающей свет миру".

*Том III, стр. 87-90.

ПАДАЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ

Миновало полстолетия, прежде чем появилось следующее знамение – падающие с неба звезды, как роняет свои незрелые смоквы смоковница, потрясаемая сильным ветром. Слова нашего Господа нашли исполнение (хотя неполное и не единственное, как увидим позже) в удивительном метеорном дожде ранним утром 13 ноября 1833 года. Тем, кто склонен избегать ответа, настаивая, что "неподвижные звезды не падали", напоминаем, что наш Господь ничего не говорил о падении неподвижных звезд и о том, что неподвижные звезды не могли падать: их падение доказывало, что они не были неподвижными. Священное Писание не делает разницы между звездами и метеорами, как обычно это делают в наши дни.

Каждый год, а в некоторые годы больше чем в другие, метеоры и даже метеорные дожди не являются чем-то необычным. Подсчитано, что 400 000 малых метеоров летит в направлении нашей земли ежегодно. Но это ничего по сравнению с большим дождем 13 ноября 1833 года, когда их падало миллионы миллионов.

Проф. Кирквуд, в своем труде под названием "Метеорология" ("Meteorology"), говорит: "До конца прошлого столетия они [метеорные дожди] никогда не привлекали внимания ученых".

[589] Проф. Д. Олмстед, доктор правоведения, Джейл Колледж, писал:

“Те, кому повезло быть свидетелями зрелища падающих звезд утром 13 ноября 1833 года, возможно, видели самое большое представление в виде небесного фейерверка, когда-либо происходившего от сотворения мира или хотя бы встречавшегося в анналах, содержащихся на страницах истории.. Это нельзя больше считать земным; это был небесный феномен, и на падающие звезды сегодня следует смотреть не как на случайные порождения верхних слоев атмосферы, а как на пришельцев из других миров, из планетарного вакуума” (Нью-Гавен “Press”).

М-р Генри Дана Ворд, в то время Нью-йоркский купец, а позднее писатель и епископальный служитель, писал:

“Я полагаю, ни один философ или ученый никогда не рассказывал и не делал записей о чем-то наподобие событий вчерашнего утра. Пророк восемнадцать столетий тому назад предсказал их с точностью на тот случай, если нам будем трудно понять, что падающие звезды означают падающие звезды.. Действительно, небесные звезды падали на землю словно в Апокалипсисе. Речь пророка всегда воспринималась как метафорическая; вчера она исполнилась буквально” (“Journal of Commerce”, 14 ноября 1833 года).

Цитируем следующую выдержку из “The American Cyclopaedia”, том XI, стр. 431:

“Год 1833 памятен наиболее роскошным представлением, о котором имеется упоминание. Это происходило ночью 12 ноября, и было видимым над всеми Соединенными Штатами, над частью Мексики и над Островами Западной Индии. Вместе с метеорами меньших размеров, которые падали, словно снежные хлопья, создавая фосфорические шлейфы на своем пути, были вперемешку также большие огненные шары, которые, проносясь с определенным интервалом, рисовали за несколько секунд дуги в 30 или 40 градусов. Они оставляли за собой светящиеся следы, которые оставались в поле зрения несколько минут, а иногда даже полчаса и больше. Один из них, видимый в Северной Каролине, оказался большего размера и большей яркости, чем луна. Некоторые светящиеся тела имели неправильную форму и оставались неподвижными какое-то время, излучая потоки света. В Ниагара это зрелище было особенно ярким, и, вероятно, никогда человеческому взгляду не был явлен столь неимоверно величественный и грандиозный

[590] спектакль, как этот небосклон, сходящий вниз огненными потоками над темным и ревущим водопадом. Было замечено, что линии всех метеоров, если проследить их путь обратно, сходились в одном участке небес, известном как Leonis Majoris. Этот пункт сопровождал звезды в их видимом движении на запад, вместо того чтобы двигаться с землей на восток. Источник, откуда прибыли метеоры, оказался, таким образом, независимым от земли, вне нашей атмосферы".

Проф. фон Гумбольт посвятил пятнадцать страниц своего труда "Personal Narrative" этому феномену. Он говорит, что его было видно над территорией в одиннадцать миллионов квадратных миль.

М. Бюплан, видный французский ученый, который в обществе Гумбольта также был свидетелем этого, говорит так: "На небосклоне не было места, равного трем диаметрам луны, которое не оказалось бы заполненным в каждый момент болидами и падающими звездами".

Этот феномен до некоторой степени повторился в 1866 году, однако события 1833 года, кажется, исполнили цель знамения. Действительно, вместе с предыдущим знамением оно, вероятно, имело много общего с тем, что Девы первый раз поднялись навстречу Жениху, о чем пророчески сказано в следующей главе (Матф. 25: 1-5).

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ИСПОЛНЕНИЕ

Хотя эти буквальные знаки послужили своей преднамеренной цели привлечь общее внимание к Времени Конца, мы верим, что символическое исполнение не менее замечательно и даже более интересно для тех, чьи умственные и духовные восприятия пробудились, чтобы их оценить.

Солнце как символ представляет Евангельский свет, истину – а значит, Иисуса Христа. Луна как символ представляет свет Закона Моисея. Как луна отражает свет солнца, так и Закон был тенью, или

[591] опережающим отражением, Евангелия. Звезды как символы представляют вдохновенных учителей Церкви – апостолов. Небеса, как уже было показано, представляют церковные власти христианства. Сочетание этих символов находится в Откровении (12: 1), где "жена", символизирующая раннюю Церковь, показана облеченной в солнце, то есть сверкает полным, ясным светом безоблачного Евангелия. Луна под ее ногами представляет то, что Закон, поддерживающий ее, не является источником ее света. Двенадцать звезд над ее головой в виде венца представляют ее божественно назначенных и вдохновенных учителей – двенадцать апостолов.

Имея перед своими глазами начертанное значение этих символом, давайте еще раз рассмотрим эту черту большого пророчества нашего Господа о знамениях, которые должны обозначать конец нынешнего века.

Куда ни глянь, мы можем увидеть факт, что в то самое время, как Божий посвященный народ получает в настоящее время особую пищу и свет, с номинальной церковью дело обстоит иначе. Ее солнце затмевается; ее луна превращается в кровь; ее звезды падают. Средоточием евангельского света с самого начала был крест Христа, выкуп; и как бы папство надменно не выдвигало взамен жертву Литургии, святые Бога всегда прочно держались этого блаженного средоточия всех Божьих обетований и всех надежд Его народа. Они держались его даже тогда, когда его философия была почти полностью скрыта от их взгляда.

Действительно, все время существовало небольшое число тех, кто, не понимая выкупа и не будучи способным согласовать его с другими истинами, и прежде всего с собственными заблуждениями, отвергал его. Они, тем не менее, были редким исключением из правил. Однако с 1878 года (с отправной точки времени-испытания, указанного в Священном Писании), параллельного времени отвержения Христа при первом пришествии, когда крест Христа стал для иудея

[592] камнем преткновения, нынешнее преткновение в огромной степени шагнуло вперед, и сегодня лишь незначительное меньшинство именуемых себя служителями креста осознает его значение или проповедует его. Наоборот, большая часть наставления сегодня имеет целью не признавать и даже опровергать то, что мы "куплены дорогою ценою", "драгоценною Кровью Христа", подменяя ее теорией эволюции и утверждая, что важность Христа для грешника состоит только в Его словах и примере.

Вот так солнечный свет Евангелия с каждым днем становится все менее ясным; и хотя это отрицание важности драгоценной крови, как нашей искупительной цены, не распространилось столь массово от кафедр к церковным скамьям, тем не менее, ложные учения, долгое время почитаемые священными, вместе с уважением к вождям и учености, сделали путь таким легким, что значительное большинство из тех, кто достаточно проснулся для понимания этого предмета, становится легкой добычей теории эволюции, которая отрицает учение Священного Писания о первоначальном падении и последующем выкупе от него. Священное Писание различным образом предостерегает нас об этом огромном отступничестве, а также о затмении веры в Церкви в это время; поэтому Сын Человеческий, пришедши, вряд ли найдет нужную веру на земле (Лук. 18: 8). Псалом, описывая этот период, говорит: "Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится [к верным святым, членам Тела Христа, избираемые члены которого вскоре будут собраны]" (Пс. 90: 7).

Как солнечный свет выкупа становится неясным, так и лунный свет Закона Моисея, который своими жертвами был тенью выкупа, также вынужден стать неясным. Уже нет ничего необычного в том, что публичные учителя упоминают кровавые жертвы Израиля, требуемые по Закону, как варварские. Когда они смотрели в истинном свете Божьего Слова, они понимали утверждение апостола, что жертвы Израиля были тенью "лучших жертв"

[593] за грех; но сегодня, отвергая противообраз, выкуп, и отрицая первоначальный грех, а значит, всякую потребность в жертвах за него, они отвергают также образные жертвы и считают их варварскими. Вот так затмение евангельского солнечного света вызвало затмение лунного света. "Луна превратится в кровь". Иоиль (2: 10) дополняет, что "звезды потеряют свой свет", подразумевая тем самым, что когда евангельский свет станет неясным, и Закон будут воспринимать как бессмысленную и варварскую кровавую церемонию, учения поставленных Богом двенадцати звезд Церкви (апостолов) также потеряются из виду – перестанут признаваться как путеводители, как светила.

Как мы увидели, Бог признал и определил двенадцать апостольских звезд для Церкви. От них, от луны и от солнца должно было исходить всякое просвещение для Церкви. И от них действительно пришел истинный свет, который благословил истинную Церковь. Однако папство, присвоив себе церковное господство над землей, разместило, то есть "поставило", различные звезды, светила, "власти", "теологов" на своем небосклоне. То же самое сделали различные протестантские вероисповедания, пока их общее количество не сделалось неисчислимым. Но Бог, предоставляя помощь, евангелистов и учителей для Своей истинной Церкви, не наделил их полномочиями светил, звезд. Наоборот, всем Его верным последователям велено принять в виде света только те лучи истины, которые однозначно исходят от солнца, луны и двенадцати звезд, назначенных для этой цели.

Все другие из Божьего народа обязаны в этом веке быть светящими и горящими светильниками и должны не прятать свои светильники под сосуд, а сиять так, чтобы прославить своего Отца, Который на небесах. Слово "звезда" (греч. aster) нигде не используется по отношению к верным (кроме апостолов) применимо к ним в этой нынешней жизни; но оно применяется к тем, которые оставили истину и сделались "наглыми",

[594] ложными учителями, "безрассудно надмеваясь", добиваясь, чтобы их считали авторитетными в том же смысле, что и апостолов, и которые названы "звездами блуждающими", "лжеапостолами" (2 Кор. 11: 13; Отк. 2: 2; Иуд. 13).

Наоборот, Священное Писание везде поддерживает обещание, что верные, смиренные носители света нынешнего времени окончательно будут со Христом славным и почитаемым семенем Авраама – "как звезды небесные". Но они не будут сиять на нынешних "небесах", которые вскоре минуют в огромном замешательстве, а на "новых небесах" – в новом церковном царстве Тысячелетнего века. О том же классе и о том же времени воскресения говорит пророк Даниил (12: 3): "И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обративши многих к правде – как звезды, во веки, навсегда". Апостол Павел также упоминает о будущей славе Церкви в первом воскресении, говоря, что их слава будет разниться, как "звезда от звезды разнится в славе".

Так вот, если Бог определил только двенадцать звезд как светила для Своей Церкви, как показано в Откровении (12: 1), разве не является большой ошибкой пап и епископов считать себя преемниками апостолов, звездами? Разве не факт, что некоторые так называемые "высшие критики" считают себя и считаются равными или даже превосходящими апостолов – сияющими светилами, звездами? Разве те и другие не показывают это, провозглашая свои собственные идеи, излучая свой собственный свет на различные предметы, не считая необходимым разузнать или найти доказательство в словах вдохновенных апостолов? А если они вообще приводят в пример или ссылаются на свет истинных звезд, учения двенадцати апостолов, то не для того ли, чтобы подкрепить свои взгляды, свой свет, вместо того чтобы показать, что это учение является светом апостольских звезд? В самом деле, свет этих ложных звезд, "блуждающих звезд",

[595] как правило, настолько несопоставим со светом вдохновенных двенадцати, что им с трудом удается найти подходящий текст в их писаниях.

В пророчестве нашего Господа эти истинные звезды-светила рассматриваются как часть Евангельского Солнечного Света, затемненного, лишенного сияния, тогда как ложные звезды, светски мудрые, поставленные человеком светила нынешних небес показаны как весьма щеголяющие тем, что они опускаются до земного уровня, оставляя свое некогда духовное величие и снисходя в своих учениях до уровня земных моралистов и философов, до уровня христианско-обывательского политиканства.

Потрясение символических церковных небес, упомянутое в той же связи, имеет некоторое отношение к этим светилам христианства, опускающимся до более низкого уровня публичного назидания. Это потрясение будет означать то же самое, что мы видим на каждом шагу, – потрясение вероучений и догматов христианства, которые, будучи смесью заблуждений, всякий раз создают замешательство при их упоминании – как, скажем, учение об избрании или неизбрании младенцев; учение о вечных мучениях для всех, кто не является святым, победителем и т. п.

Как следствие, многие по-светски мудрые, выступающие перед публикой в роли звезд, уже прилагают усилия, чтобы отвлечь внимание от всех подобных предметов. Но какие другие темы они способны найти, кроме истинного или ложного учения об избрании, истинного или ложного понятия о том, что Бог предвидел для будущей жизни человечества? Не имея представления об истинном, божественном плане веков, и не желая пробуждать полемику относительно ада и осуждения младенцев, что еще могут проповедовать эти звезды-проповедники, чтобы привлечь к себе внимание мира?

Они могут оставить духовные темы полностью и

[596] снизойти до уровня простого обывателя, к вопросам моральных и политических реформ. Они могут идти в "трущобы" и проповедовать евангелие трущоб. Они могут присоединиться к кампаниям в защиту прав христиан и т. д. И подобные вещи будут все больше поглощать этих звезд трибун. Другие будут с чувством рассказывать, как они поставили в тупик самых закоренелых атеистов утверждениями, в которые сами не верят; будут подшучивать над повествованием Библии о грехопадении Адама и над идеей спасения от чего-то, что является мифом – согласно их эволюционистской теории.

Кто не видит этих знамений, исполняющихся сегодня на каждом шагу?! Однако солнце, луна и двенадцать звезд пока только частично подвержены затмению. Так или иначе многие из этих ложных звезд оставили всякие притязания на то, чтобы быть евангельским светом, и опустились до уровня понимания масс, для которых они светят.

По совпадению Лука (21: 25, 26) добавляет другие знамения этого времени: "На земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится [беспокойные и беззаконные элементы]; люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную [общество], ибо силы небесные поколеблются".

Бушующее море и волны символизируют беспокойные массы человечества, сдерживаемые, но не полностью обузданные, законами и нормами общества. За последние двадцать лет каждый слышал нечто об этом "шуме", а также о происходящих время от времени штормовых всплесках, накатывающихся, словно приливные волны, на землю [общественный строй], и стремящихся ее поглотить. Сдерживаемые на некоторое время, эти волны набирают массу и силу. Как пророчески показано, это вопрос всего нескольких лет, пока все горы [царства] "поколеблются.. и двинутся в сердце морей", в анархии (Пс. 45: 2, 3). Каждая газета, не находящаяся под контролем богатых, является выразителем шума беспокойного класса "моря"; другие, хотя и

[597] невольно, вынуждены передавать эхо шума в своих новостях. Все это вызывает "уныние народов и недоумение" в пору относительного спокойствия.

По мере того, как люди начинают понимать, что шум моря и волнение происходят преимущественно по причине спада суеверия и церковного влияния, и все больше видят потрясение сил небесных (сектантских вероучений и систем), их сердца издыхают от страха – от осознания того, что приходит на землю (общество). Однако энергичные усилия, прилагаемые сегодня для воссоздания и объединения сектантской власти и влияния, будут в значительной мере успешными лишь на короткое время, потому что их непременно постигнет полная неудача.

"Тогда [в то самое время] явится знамение [свидетельство, доказательство] Сына Человеческого", доказательство, то есть свидетельство, второго пришествия Сына Человеческого.

Мы не должны терять из виду факт, что все это пророчество дано в ответ на конкретные вопросы, одним из которых было: "Какой признак Твоего присутствия" во втором пришествии? Помня о факте, что немногие признали Мессию в Его первом пришествии, и что они сами некоторое время имели сомнения и опасения на этот счет, им хотелось знать, как узнать Его наверняка. В первом пришествии наш Господь показал Себя и был засвидетельствован знамениями – Своими удивительными словами и делами, – а также Иоанном Крестителем. Какого знамения им следует ожидать для обозначения Его второго присутствия? – таким был их прямой вопрос.

Ответ нашего Господа заверил, что Его народ не будет оставлен без надлежащего и достаточного знамения, однако о его характере Он ничего не сказал. "Тогда явится [определенное] знамение Сына Человеческого". Его будет достаточно для верного, бодрствующего Божьего народа, но он не предназначен для других. Лишь этот класс видел и понимал знамения, или доказательства, Его первого пришествия, тогда как массы номинального Израиля не могли разглядеть

[598] знамений своего времени, и Богу не было угодно, чтобы их разглядели другие. Поэтому многие удивительные слова жизни были произнесены в притчах и неясных высказываниях, чтобы, глядя, они не могли видеть, и, слушая, не могли понять, недостойные света, которое в свое время было только для верных. То же самое относительно знамения, или свидетельства, Господнего второго присутствия. Оно не будет явлено всему человечеству: его могут распознать только истинные израильтяне, да и те должны быть честными – без лукавства.

Слово "знамение" (стих 30), греческое слово "seemion", имеет значение "доказательства", или "свидетельства", как показано в следующих случаях:

"Много сотворил Иисус.. и других чудес" (Иоан. 20: 30).

"Смело действуя о Господе, Который.. творил руками их [Павла и Варнавы] знамения и чудеса" (Деян. 14: 3).

"Итак языки суть знамение не для верующих..." (1 Кор. 14: 22).

"Признаки апостола оказались перед вами всяким терпением, знамениями..." (2 Кор. 12: 12).

Поэтому высказывание "вы увидите знамение Сына Человеческого" не означает, что Господние ученики, живущие тогда, будут видеть Его. Но они будут иметь указание, свидетельство Его присутствия в то время. Знамения второго присутствия нашего Господа будут в согласии со свидетельствами (получат подтверждение) пророков,* как это было при первом пришествии (Лук. 24: 44-46).

*Том II, главы 5, 6, 7.

"На небе": Знамение, доказательство Его parousia будет дано на небе. Не на небе в присутствии Отца, перед святыми ангелами, а на символическом небе, на церковном небе, на том самом небе, которое, как говорит предыдущий стих, будет столь ужасно потрясено, что его звезды падут. Именно на этом небе – среди тех, кто признает себя духовным классом, – знамение,

[599] или свидетельство, присутствия нашего Господа будет различимо в первую очередь. Некоторые "увидят" исполнение пророческих изречений об этом дне второго присутствия в удивительном развертывании божественного плана веков, узнав в нем одно из знамений Его присутствия (Лук. 12: 37). Суд над Вавилоном, христианством, общественным и церковным, является еще одним знамением того, что Судья пришел и сперва производит расчет со всеми теми, которым, как рабам, препоручил Свое имущество (Матф. 25: 19; Лук. 19: 15). "Ибо время начаться суду с дома Божьего", что означает замешательство и ужас среди докторов и первосвященников настоящего времени, когда они пытаются согласовать свои учения, установленные порядки и взгляды так, как это делали фарисеи, священники и доктора Закона в первом присутствии нашего Господа, даже если присутствие в то время, как и сегодня, отрицали.

Но в первом присутствии смиренные, подлинные израильтяне, которых Бог посчитал достойными, не оказались в замешательстве, а были просвещены, так что наш Господь мог сказать о них: "Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат; ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали" (Матф. 13: 16, 17). Так что сегодня, во втором присутствии Сына Человеческого, открытие божественного Слова, распознание представленного божественного плана, божественных времен и сроков, а также замешательство в "Вавилоне" – все это достаточные доводы присутствия Царя.

"И тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных" (Матф. 24: 30).

Земные племена не будут видеть знамений, то есть доказательств, Господнего присутствия, данного исключительно посреди "небес", по крайней мере номинально духовных небес – церквей, – и распознанного только

[600] теми из них, в ком нет лукавства. Они также никогда не увидят самого Господа буквальным взором, потому что Он больше не является плотью, и Его не могут увидеть плотские.* Следует помнить слова нашего Господа: "Еще немного, и мир уже не увидит Меня" (Иоан. 14: 19). Также следует помнить слова апостола к Церкви, что все мы должны быть "изменены" и сделаться духовными существами наподобие нашего Господа, прежде чем сможем "увидеть Его, как Он есть" (1 Кор. 15: 51-53; 1 Иоан. 3: 2). Племена земли, наоборот, будут видеть облака скорби и замешательство, сопровождающие потрясение "небес", и будут воспринимать это как бурю, которая поколеблет также "землю" (Смотрите Евр. 12: 26, 27). В то время будет также общее рыдание всех, присущее большому времени скорби. Окончательно в конце бури все человечество узнает, разглядит нового Царя глазами своего понимания и будет горевать по поводу греха и того, что в своем ослеплении они когда-то отвергли Его, и прежде всего иудеи. (Смотрите Зах. 12: 10-12).

*Том II, глава 5.

"И пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их" (Матф. 24: 31).

Эта работа будет вестись в промежуточное время, в "жатве". Ангелы (посланники нового Царя земли) будут проводить работу разделения не номинальной церкви и мира, а в номинальной церкви – среди тех, кто именует себя таковою, среди нынешних "небес". Эта работа представлена в различных символических описаниях: взятие пшеницы от плевел в житницу (Мат. 13: 30); собирание хорошей рыбы в сосуды и выбрасывание неподходящей, пойманной евангельским неводом, обратно в море (Матф. 13: 47-49); собирание Его драгоценностей (Мал. 3: 17); призыв "народа Моего"

[601] из Вавилона (Отк. 18: 4); полночный крик к девам, отделивший мудрых от неразумных (Матф. 25: 6). В настоящем пророчестве это – взятие "избранных" от всех неизбранных христианства, от четырех ветров, с каждой стороны.

На появление духов-ангелов с крыльями, парящими в воздухе и трубящими в большую трубу, подхватывая то тут, то там некоторых из святых, мы должны рассчитывать не больше, чем на то, чтобы стать буквальными рыбами и быть брошенными в буквальный сосуд, или стать буквальными зернами пшеницы, чтобы быть собранными в буквальную житницу. Ангелами, посланниками, используемыми нашим Господом в деле собирания в этой жатве, будут, полагаем, такие посланники, каких Он использовал в Своей службе на протяжении этого века – земные слуги, зачатые Его святым Духом – "Новые Творения в Христе Иисусе".

"Громогласная труба", как мы понимаем, – это противообразная "юбилейная труба", "седьмая труба" – такая же символическая, как и шесть предыдущих (Отк. 11: 15-18), из которых ни одна никогда не издала буквального звука. Она символически трубит с октября 1874 года и будет трубить до конца Тысячелетия. С началом этого трубления началась "жатва", уборка и разделение, которые должны продолжаться до тех пор, пока все "избранные", "пшеница", не будут собраны из нынешних небес (церковных систем) к Господу. "Ангелы" (посланники) – это те, кто несет послание Господнего Слова, производящее разделение и собирающее Его избранных к Себе.

Верные люди Бога, которые ныне перенесены из тьмы в чудный свет – которым дано увидеть и услышать то, что другие не могут видеть и слышать, – имеют привилегию быть сотрудниками со своим Господом как Его ангелы, посланники, слуги в этой, а также во всякой другой части упомянутой работы, на протяжении века. По Его милости они взрыхляли, сеяли, бороновали и поливали,

[602] и сегодня тот же класс может жать вместе с Главным Жнецом.

БЛИЗОСТЬ БОЖЬЕГО ЦАРСТВА

"От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето*; так, когда вы увидите все сие, знайте, что [Царство Божье – Луки 17: 21] близко, при дверях. Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как все сие будет; небо и земля [нынешний церковный и общественный строй] прейдут, но слова Мои не прейдут" (Матф. 24: 32-35).

*Евреи разделяли год на две поры – лето и зиму.

Неверующие ухватились за этот отрывок, утверждая, что он явно еще не исполнился, а значит, доказывает, что наш Господь был ложным пророком. Они применяют данное пророчество целиком к скорби, связанной с падением израильской государственности в 70 году н. э. и высокомерно замечают, что тот род и многие другие прошли, так и не увидев исполнения "всего сего". Наш ответ на это, понятно, следующий: они не понимают данного пророчества нашего Господа, поскольку оно лишь частично относится к скорби Израиля, достигшей кульминации в 70 году н. э.

Чтобы ответить на такое возражение, некоторые христианские авторы были склонны утверждать, что слова "род сей" на самом деле означают, что "народ сей", иудеи, не пройдет, пока все предсказания не исполнятся.

Но мы вынуждены отмежеваться от такой трактовки из нескольких соображений:

(1) Хотя слова "род" и "народ", можем сказать, имеют общий корень, то есть начало, они не являются одним и тем же; и использование этих двух слов в Священном Писании совершенно разное.

[603] Обратите внимание на то, что в Новом Завете, когда слово "поколение" используется в смысле рода или потомства, оно всегда происходит от греческого "gennema" (как в Матф. 3: 7; 12: 34; 23: 33; Лук. 3: 7) или от "genos" (как в 1 Пет. 2: 9). Однако из трех различных записей этого пророчества следует, что наш Господь воспользовался совершенно другим греческим словом ("genea"), которое не означает "род", но имеет то же значение, что и наше слово "поколение". Другие использования этого греческого слова ("genea") доказывают, что оно не используется в значении рода, а в отношении людей, живущих в определенное время. В доказательство цитируем Матф. 1: 17; 11: 16; 12: 41; 23: 36; Лук. 11: 50, 51; 16: 8; Деян. 13: 36; Кол. 1: 26; Евр. 3: 10).

(2) Наш Господь не мог иметь в виду иудейский род, да и было бы неправильно так использовать греческое слово, обозначающее род, потому что иудейский род не был предметом того, о чем спрашивали апостолы, ни ответного пророчества нашего Господа. Израиль вряд ли имеется в виду в этом пророчестве. Сказать, что этот род не прейдет, пока все сие не будет исполнено, означало бы оставить вопрос открытым относительно того, какой или который род имелся в виду, потому что ни на какой конкретный род не указывалось. Поэтому, если данное слово означало род, то одинаково правильно было бы сказать, что оно подразумевало человеческий род и касалось иудейского рода.

Но понимая, что "genea" здесь и в других местах означает поколение, и принимая, что слова нашего Господа были пророчеством, охватывающим весь Евангельский век, нам не составляет труда понять, что смысл этого выражения следующий: "Не прейдет род сей [который будет свидетелем знаков, о которых спрашивали апостолы и которые были перечислены нашим Господом – а именно, затмения солнца и луны, а также падения звезд], как все сие будет". Иными словами, упомянутые знамения будут в пределах поколения-эпохи в конце века.

[604] Появление побегов на смоковнице, возможно, было лишь случайно сказанным замечанием, но мы склонны думать, что это не так. Рассказ об особом случае, когда наш Господь проклял смоковницу, не имевшую никакого плода, и которая тут же засохла (Матф. 21: 19, 20), склоняет нас к мысли, что смоковницу в этом пророчестве можно принимать в значении иудейского народа. Если так, то оно однозначно исполнилось, потому что не только тысячи израильтян возвращаются в Палестину, но сионистское движение, как всем известно, приняло сегодня такой размах, что вполне оправдывает Съезды представителей со всех сторон мира, чтобы год за годом придавать практические очертания предложению реорганизации иудейского государства в Палестине. Эти почки будут распускаться, но не принесут никакого совершенного плода до октября 1914 года – полного окончания "Времен Язычников".1

1Декларация Бальфура, 2 ноября 1917 года, была первым шагом после 1914 года к иудейскому государству.

"Поколение" можно считать эквивалентом столетия (практически в нынешних пределах), то есть ста двадцати лет – продолжительности жизни Моисея и предела, представленного в Священном Писании (Быт. 6: 3). Если считать сто лет от 1780 года, даты первого знамения, то предел будет достигнут в 1880 году; и, согласно нашему понятию, каждый предсказанный пункт начал исполняться от этой даты: "жатва", время собирания, началась в октябре 1874 года; организация Царства и принятие нашим Господом Своей великой власти Царя в апреле 1878 года; время скорби ("день гнева") началось в октябре 1874 года и закончится около 1915 года2, а также появление побегов на смоковнице. Те, кто сочтет это нужным, могут без преувеличения сказать, что столетие, или поколение, можно успешно считать как от последнего знамения, падения звезд, так и от первого – затмения солнца и луны, и столетие,

[605] начавшееся в 1833 году, по-прежнему будет далеко от своего окончания. Многие из тех, кто был свидетелем знамения падения звезд, еще живы. Те, которые шагают рядом с нами в свете нынешней истины, не высматривают грядущего, которое уже здесь, а ждут завершения того, что уже находится в процессе осуществления. Поскольку Учитель сказал: "Когда вы увидите все сие", и поскольку "знамение Сына Человеческого на небе", появление побегов на смоковнице и собрание "избранных" находятся среди этих знамений, то нет ничего непоследовательного в том, чтобы считать "род" в пределах от 1878 до 1914 года – 36 с половиной лет, что является сегодня средней продолжительностью человеческой жизни.

2О более постепенном лишении власти народов и установлении Царства автор говорит в своем предисловии (1916 г.) к книге "Время приблизилось", стр. iii-iv.

"О дне же том и часе никто не знает, ни ангелы небесные, а только Отец Мой один" (Матф. 24: 36, Синайский манускрипт. Сравните с Мар. 13: 32, 33). "Смотрите, бодрствуйте, молитесь; ибо не знаете, когда наступит это время".

Для многих эти слова, пожалуй, означают нечто большее, чем они выражают: они воспринимают их так, словно те запирают на замок и делают бесполезными все пророчества Библии – словно наш Господь сказал: "Никто никогда не будет знать", тогда как Он произнес лишь: "Никто [сейчас] не знает", относясь к тем, кто Его слышал – кому в то время еще не следовало открыть точные времена и сроки. Кто может сомневаться, что "ангелы небесные" и "Сын" знают сегодня полностью и ясно вещи, которые так близки к выполнению? И если сказанное в этом стихе не препятствует им сегодня знать, то этот стих не создает сегодня помех или ограничений Божьим святым в поисках понимания всякой истины, "написанной нам [прежде] в наставление". Действительно, так произошло по большой части потому, что Отец не хотел, чтобы Его народ знал тогда и до времени снятия "печатей"* о дате. Наш Господь начертал ход событий и заверил его, что если он будет бодрствовать, молиться и, значит, будет оставаться верным,

[606] то в свое время не будет оставлен во тьме, но будет видеть и знать.

*Том II, главы 2 и 3.

Бог через Своего пророка Даниила сказал, что в это время "мудрые уразумеют", и "не уразумеет сего никто из нечестивых" (Дан. 12: 9, 10). К этому апостол Павел добавляет свое свидетельство: "Но вы, братия, не во тьме, чтобы день застал вас, как тать", хотя таким образом он придет на весь мир. "Итак бодрствуйте на всякое время [чтобы в свое время вы могли знать] и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий".

КАК БЫЛО ВО ДНИ НОЯ, "И НЕ ДУМАЛИ"

"Но как было во дни Ноя, так будет и в пришествие [гр. "parousia" – присутствие] Сына Человеческого: Ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали,. так будет и пришествие [присутствие] Сына Человеческого" (Матф. 24: 37-39).

Истинный смысл этой иллюстрации недооценивается многими, которые допускают (не имея на то никаких доказательств из слов Учителя), что сходство, на которое здесь обращено внимание, – это греховность во дни Ноя, а также во дни присутствия Христа. И хотя такое сравнение могло бы быть оправданным и правильным, факт остается фактом, что такое сравнение не было сделано, Господь избежал его. Сравнением было сходство неведения. Только Ной и его семья знали; люди об этом не ЗНАЛИ и продолжали, как обычно, жениться, садить, строить, есть и пить. Похожим образом во время присутствия Христа в конце этого века, когда нависает великое время скорби, единственным, кто будет знать о Его присутствии, то есть иметь ясное представление о том, что грядет, почему и с какими последствиями, будет Господний народ. Другие не будут "думать".

В Луки (17: 26-29) дана та же лекция.

[607] Соотечественники того и другого, Ноя и Лота, показаны как пребывающие в неведении о нависшей скорби во дни Ноя и во дни Лота, также как люди будут в неведении о грядущей скорби во дни Сына Человеческого – после того, как Он пришел и присутствует. Мы отчетливо видим, как это исполняется вокруг нас сегодня. Мир напуган и растерян; он не знает о присутствии Сына Человеческого и о проводимом расчете в "жатве". Даже если люди могут как-то догадываться о грядущей скорби, они не способны предугадать идущих за ней благословений.

"Так будет и в тот день, когда Сына Человеческий [уже присутствующий] явится [сделается явным – сперва Своим бодрствующим "девам", а затем, в скорби, всем людям]. В тот день, кто будет на кровле, а вещи его в доме, тот не сходи взять их; и кто будет на поле, также не обращайся назад; вспоминайте жену Лотову. Кто станет сберегать душу свою [пускаясь на компромисс с совестью и оставаясь в Вавилоне], тот погубит ее; а кто погубит ее [пожертвует интересами нынешней жизни], тот оживит ее" – навеки (Лук. 17: 30-33).

Таким образом, Евангелие от Луки применяет эти слова (вышеупомянутые, уже рассмотренные) к завершению Евангельского века – ко "дню, когда Сын Человеческий явится".

"Вспоминайте жену Лотову!" – настойчиво предупреждает наш Господь. Сколь незначительной была бы уместность этого наставления, если бы его применять к тем, кто бежал из Иудеи в 70 году н. э.; и как убедительно оно в роли предостережения для Божьего народа здесь, в конце Евангельского века. Когда мы узнаем, что Вавилон осужден, и слышим Господнее послание: "Выйди от нее, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее", – оно действительно напоминает голос посланников, которые поторапливали Лота и его семью выходить из Содома, говоря: "Нигде не останавливайся в окрестности сей; спасай душу свою; спасайся на гору, чтобы тебе не погибнуть; не оглядывайся назад" (Быт. 19: 17).

Иллюстрация усиливается, если мы вспомним, что

[608] христианство – это "великий город [Вавилон], который духовно называется Содом..." (Отк. 11: 8).

Жена Лотова, пустившись бежать, как было велено, "оглянулась", пожелав того, что осталось позади. Так и с некоторыми сегодня, которые бегут из Вавилона на гору (Царство) Господа; они больше симпатизируют тому, что позади, нежели тому, что впереди. И лишь те добегут до цели, кто помышляет о горнем, а не о земном. Настойчивость святых проистекает из полного посвящения сердца; все другие не смогут так бежать, чтобы получить великую награду.

ОДИН ВОЗЬМЕТСЯ, А ДРУГОЙ ОСТАВИТСЯ

"Сказываю вам: в ту ночь будут двое на одной постели; один возьмется, а другой оставится" (Лук. 17: 34) – пропущено Матфеем.

Господь через Пророка осведомляет нас, что хотя близится утро Тысячелетия, наступает также ночь (Ис. 21: 12). Это будет ночь скорби, в первой части которой святые будут собраны из Вавилона. Здесь "постель", как это слово используется в Исаии (Ис. 28: 20), можно истолковать как символ человеческих вероучений, которые слишком длинны для "младенцев" во Христе и слишком коротки для развитого "мужа", чтобы на них потянуться. Это верно о разных "учениях человеческих", подменивших учения Божьего Слова, но весьма отличающихся от него, ведь его длина и ширина превышает человеческое знание. Например, учение об Избрании, как его преподают наши друзья кальвинисты, является вполне подходящей "постелью" для отдыха для тех многих, которые являются только "младенцами" во Христе, чувства которых никогда не были достаточно развиты. Но по мере того как эти младенцы будут, в свете нынешних знаний, пробуждаться и возрастать в благодати и знании, все они непременно обнаружат, что старые учения-кровати слишком коротки для уюта; и как только каждый пытается закутать себя в Божьи обетования,

[609] суженные ложной теологией, он не может достаточно укрыться. Вползают сомнения, леденя его страхом, что он, несмотря ни на что, не уверен, принадлежит ли он сам и все его друзья к "избранным". В конце концов, такие развитые христиане чувствуют облегчение, выбравшись из столь затруднительного положения. Таким Бог, как правило, посылает свет настоящей истины, чтобы вести их к "пространному месту" истинного отдыха, снабженного достаточным укрытием для всех, кто стремится знать и исполнять волю Отца. Однако другие, а их огромное большинство, остаются вполне довольными и чувствуют себя уютно в своих всевозможных маленьких кроватках, потому что они "младенцы", а не "мужи" в христианском знании и опыте. "Один возьмется, а другой оставится".

"Тогда будут двое на поле: один берется, а другой оставляется" (Матф. 24: 40).

"Поле есть мир", – объяснил наш Господь; и в этой лекции оно показывает состояние вне номинального "дома" – вне Вавилона. Вот так мы научены, что не все "выходцы" будут "собраны", что ведется поиск "драгоценностей", где бы они не были, ведь "познал Господь Своих", и в этом сборе жатвы Он собирает Свои драгоценности – собирает Своих "избранных" для сонаследования в Его Царстве.

"Две мелющие в жерновах: одна берется, а другая оставляется" (Матф. 24: 41; Лук. 17: 35).

Жернова – место, где готовится пища. Служители и теологические школы мелят духовную пищу для "Вавилона" и дают очень простой помол – не "корм соленый". Растет недовольство, что предлагаемая пища – преимущественно шелуха и мякина, которая не в состоянии поддержать духовную жизнь и силу: каждый мелющий обязан готовить то, что ему предлагает его собственное вероисповедание, и не в состоянии удержать свое положение и одновременно давать "пищу во время", "корм соленый" для дома веры. Поэтому "настоящая истина" собирает некоторых мельников и

[610] оставляет других – один берется, а другой оставляется. Верные Богу и Его стаду будут взяты; все остальные будут оставлены. Хотя мир и номинальная церковь называют это время временем объединения, "заговора", Бог определяет его как время разделения (Ис. 8: 12).

ОТКУДА СОБРАНЫ И ЧЕМ ПРИВЛЕЧЕНЫ

"На это сказали Ему [ученики]: где, Господи [куда будут взяты]? Он же сказал им: где труп [туша убитого, пища], там соберутся и орлы" (Матф. 24: 28; Лук. 17: 37).

Лекция заключается в том, что в тот день, когда Господь будет собирать Своих "избранных" от четырех ветров небес – из каждой части Церкви, – Он привлечет их, как привлекаются орлы, пищей, за которой они зорко высматривают и к которой имеют аппетит; что в свое время Господь предоставит нужную пищу, и Его истинный народ узнает ее и будет к ней собран: готовые и достойные будут взяты, а другие – оставлены.

Пища "настоящей истины", которая ныне предоставлена нашим Господом и собирает сама и к себе Его святых, в точности соответствует описанию этого пророчества. Нынешний призыв – это не призыв от одних "жернов" к другим, из одной "кровати" в другую, приблизительно тех же размеров. Это не собирание одним человеком или многими людьми к себе или к ним, к новому вероисповеданию, а собирание вместе к самому Христу, к истинному и единственному Наставнику и Учителю. Где и когда раньше существовало подобное публичное признание всех тех, которые полагаются на драгоценную кровь Христа и посвящены Ему как один дом веры, всех братьев, имеющих одного-единственного Законодателя Христа, невзирая на человеческие вероучения и догмы относительно других предметов? Насколько мы можем судить – нигде и никогда со времен апостолов.

Более того, стоит заметить, что большое человеческое умение, ораторство и т. п. особенным образом связано с другими движениями, но не с нынешним собиранием к Господу. Здесь полностью привлекает истина, духовная пища, поставляемая Господом,

[611] а человеческая напыщенность и красноречие имеют мало возможности быть задействованными; они отсутствует, но в них и нет нужды. Те, кто собран, и те, кто собирает, сходятся вместе, потому что они – "алчущие и жаждущие правды". Они находят сытную еду, приготовленную самим Господом, и каждый сам питается ею.

БОДРСТВУЙТЕ, ЕСЛИ ХОТИТЕ ЗНАТЬ

"Итак бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш приидет. Но это вы знаете [повод, почему время так спрятано в символах и параллелях], что если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы подкопать дома своего" (Матф. 24: 42, 43).

"Хозяином дома", или "домовладыкой", настоящей эпохи является не наш Господь, а наш противник, дьявол – "бог века сего", "князь, господствующий в воздухе", "князь мира сего", действующий ныне в сынах противления, ослепляя умы всех, кто не верует, глаза понимания которых не были помазаны Господней глазной мастью (2 Кор. 4: 4; Еф. 2: 2; Отк. 3: 18). Этот противник коварный и очень хитрый. Каким бы знанием он не располагал о божественных временах, сроках и приготовлениях, он не медлит использовать его вопреки божественному плану, как об этом поведал наш Господь в вышеупомянутом высказывании.

Отношение Небесного Отца к сатане заключалось в том, чтобы позволить ему пойти собственным путем (если это не противоречит божественному плану), и так поруководить его злыми помыслами, чтобы использовать их для продвижения божественного плана. Поэтому сатана, хотя издавна знает Библию, понял из нее совсем немного по той же причине, по какой не понял ее человек, потому что она написана в притчах, символах и словесных образах. А поскольку сегодня время их понять, то понимание их ограничено теми, кто имеет руководство святого Духа, который, как обещал наш Господь, "наставит вас на всякую истину", но которого мир не может принять. Сатана не имеет святого Духа и не руководствуется им, следовательно, большая часть божественного Слова является

[612] для него безумием. Но он, без сомнения, убедился, как, впрочем, частично убедился мир в том, что "тайна Господня – боящимся Его" (Пс. 24: 14). Поэтому мы можем допустить, что его представители, падшие ангелы, часто присутствуют на небольших собраниях, исследованиях Библии и т. п. истинно посвященного Божьего народа, чтобы познать нечто из божественного плана.

Каким образом сатана вел бы свои дела по-другому, если бы до этого больше знал о божественном плане, мы можем только догадываться, но у нас есть ясное свидетельство нашего Господа, что наличие такого знания у сатаны сделало бы необходимым другое завершение Евангельского века и другое открытие Тысячелетнего века, чем было задумано и провозглашено Богом. Но вместо того, чтобы знать и привести в порядок свой дом, он был застигнут врасплох присутствием (parusia) Господа в 1874 году и начавшейся в то время работой "жатвы", отчего его "дом", нынешние институции, вместе со всеми его хитростями, уловками и всякими ложными имитациями истинного света и т. д., потерпит полное крушение. Осознавая это, он прилагает самые энергичные усилия для введения в заблуждение, прибегая даже к чудесам физического исцеления посредством обманутых им слуг, хотя он является князем болезней, недугов и смерти (Евр. 2: 14). Однако дом, разделившийся сам в себе обязательно упадет: падение Вавилона будет великим, он упадет как большой жерновой камень, повергнутый в море (Отк. 18: 21).

"Потому и вы будьте готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий" (Матф. 24: 44).

"Вы", верующие, Господние верные, упомянуты здесь в противоположность сатане и его дому. Время Господнего присутствия не могло быть известно заранее, даже Его святым. Также факт Господнего присутствия был распознан лишь спустя приблизительно год после октября 1874 года, когда Его стук посредством слов пророков и апостолов был услышан. С того времени имеются в избытке внешние знамения, доказательства присутствия Сына Человеческого. Те, кто Ему предан, по мере собирания от четырех ветров небес, взяты в свадебный дом и посажены к пище, о которой мир не имеет понятия. Им служит, в первую очередь, сам Учитель; при этом они служат друг другу (Лук. 12: 37).

[613]

РАЗДАЧА ПИЩИ СЛУГАМ

-МАТФ. 24: 45-51; ЛУК. 12: 42-46-

“Кто же верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу во время? Блажен тот раб, которого господин его, придя, найдет поступающим так; истинно говорю вам, что над всем имением своим поставит его” (Матф. 24: 45-51; Лук. 42-46).

Здесь, кажется, имеется ссылка на то, что в определенное время, указанное пророчеством, а именно, во время Господнего присутствия и собирания избранных, наш Господь, великий Слуга Своего народа, изберет один путь для раздачи пищи во время, хотя другие, то есть “товарищи”, будут использованы, чтобы поставлять пищу “слугам”. Но этот раб является только распорядителем и подлежит замене в любой момент, если он не сумеет сполна и должным образом выразить признательность за все Учителю – великому Слуге Бога и Его народа, “Ангелу завета”, Христу.

Верность со стороны упомянутого распорядителя (одинаково “Господину”, его “товарищам” и “слугам”) будет награждена дальнейшим пребыванием в распорядительстве. До тех пор, пока он будет верно нести службу, он сможет оставаться в ней и служить слугам-домочадцам веры новым и старым – пищей во время – до самого конца, принося все драгоценное, божественно заготовленное. Однако в случае неверности он будет полностью смещен и брошен во внешнюю тьму, и, предположительно, другой займет его место, подчиняясь тем же условиям.

Как мы понимаем, это вовсе не означает, что “тот раб”, то есть распорядитель, используемый как орудие для распространения “пищи во время”, будет автором этой пищи, или будет вдохновенным, или непогрешимым. Совсем наоборот, можем быть уверены, что кого бы Господь не использовал как орудие в распространении истины, он будет очень смиренным и непритязательным, а также очень ревностным для славы Учителя, не будет помышлять о том, чтобы требовать для себя авторства и собственности на истину, а будет просто раздавать ее усердно, как дар своего Учителя, “товарищам” и “слугам” своего Учителя.

[614] Всякий иной дух и путь обязательно приведут к замене распорядителя. Это детально изложено нашим Господом следующим образом:

“Если же раб тот, будучи [сделавшись] зол, скажет [потеряв веру] в сердце своем: «не скоро придет господин мой», и начнет бить товарищей своих и есть и пить с пьяницами [их ложные учения], – то придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который на думает, и рассечет его [отсечет от того, чтобы быть Его рабом], и подвергнет его одной участи с лицемерами: там будет плач и скрежет зубов” (Матф. 24: 48-51).

* * *

Наш Господь был самым великим из всех пророков, и похожим образом Его пророчество является самым замечательным. Пророчества Моисея, Иеремии и других ведут речь преимущественно об отвержении и собрании обратно телесного Израиля. Пророчества Исаии не только говорят о телесном Израиле, но показывают Иисуса Христа, как Он страдал за наши грехи, как Он является светом язычникам и, окончательно, откроет слепые глаза всего человечества на “тот Свет истинный”. Даниил предсказывает пришествие и отсечение Мессии, помазание Святого Святых в Пятидесятницу, историю языческих властей до их конца и установление Царства Мессии под всеми небесами. Он также показывает совершающую преследования власть папского малого рога, истощение ею святых на протяжении века, дни ожидания Царства и т. д. Но ни один пророк, кроме нашего Господа, не дал нам необходимых подробностей об этом времени “жатвы”, связывая их со знаменательными событиями, упомянутыми другими пророками.

По той же причине пророчество нашего Господа, наподобие пророчеств других пророков, спрятано за символической и метафорической речью, чтобы “не уразумел сего никто из нечестивых”, а только уразумел смиренный, честный и верный Божий народ – в должное у Бога время и должным образом.

“Вам дано знать тайны Царства Божьего, а прочим в притчах [“неясных сказаниях”], так что они, видя, не видят, и, слыша, не разумеют” (Лук. 8: 10).

[615]

ГЛАВА XIII - УСТАНОВЛЕНИЕ ЦАРСТВА И ТО, КАК ОНО СЕБЯ ПРОЯВИТ

Ходить верою – Кто составляет Царство – Установление духовного Царства – Поставление "князей по всей земле" – Желаемый всеми народами – Тесное общение между Царством и его служителями, или "князьями" – Лестница Иакова – Покрывало Моисея – Ознаменование больших перемен – Будет ли опасным сосредоточение столь большой власти в руках нового монарха? – Правление железным жезлом. Как долго? – Обращение мира – Народ, рожденный в один день – "Все, находящиеся в гробах" – Умножение Его Царства – Переданное наместничество – Божья воля, исполненная на земле

"И придет Желаемый всеми народами". "И будет в последние дни: гора Дома Господня поставлена будет во главу гор..."

"В то время назовут Иерусалим престолом Господа; и все народы ради имени Господа соберутся в Иерусалим и не будут более поступать по упорству злого сердца своего" (Агг. 2: 7; Мих. 4: 1, 2; Иер. 3: 17).

Достигнув в нашем исследовании божественного плана окончания скорби великого "Дня Мщения" и увидев, каким образом божественное негодование воспылает против греха и самолюбия, мы имеем перед собой более приятное, в свете Библии, задание для рассмотрения: каким образом должно быть установлено Царство Бога, посредством которого все роды земли должны получить благословение, то есть как должен быть внедрен новый, неизменный и значительно лучший порядок вместо откровенно порочного, существующего сегодня и в прошлом.

[616] Если страшные события ближайшего будущего уже бросают перед собой тени и вызывают страх и беспокойство в мире, то взирающие из "крова Всевышнего" видят серебристое окаймление облаков скорби. Это вполне способно заставить их возвысить взоры, поднять головы и радоваться тому, что приблизилось их избавление, а также облегчение для всех купленных драгоценной кровью, когда "взойдет Солнце правды и исцеление в лучах его" (Мал. 4: 2).

Многое из того, о чем говорилось раньше, настолько очевидно, что может произвести значительное впечатление даже на обычного человека. Но теперь мы переходим к части, которая требует более ясного видения, более внимательного изучения Господнего Слова и того, чтобы крепче ухватиться веры, ведь она имеет отношение к тому, что пока невидимо, но что можно видеть глазами веры. Однако от Божьего народа требуется ходить верою, а не видением, и доверять тому, что Бог, если Он что-то пообещал, силен совершить это в преизбытке (Рим. 4: 18-21).

Об этих вещах никто не мог знать посредством учености или собственной мудрости. Все, имеющие помазание от Святого, имеют веру сказать в Божьей силе: "Не осталось неисполненным ни одного слова из всех благих слов Его" (3 Цар. 8: 56); и они способны терпеливо ждать и безоговорочно надеяться на будущее добро.

В нашем предыдущем исследовании предмета* мы узнали, что "Времена Язычников", занимающие промежуток времени между отнятием образного Царства от Израиля и полным установлением истинного Мессианского Царства на руинах нынешних царств, закончатся в октябре 1914 года н. э. Мы увидели, что период присутствия нашего Господа от 1874 года до 1914 года является временем "жатвы"1,

[617] более ранняя часть которого предназначена для собирания Его избранной невесты, а более поздняя часть времени скорби – для свержения нынешних институций, как приготовления к новому Царству. Давайте сейчас рассмотрим, в свете пророческого светильника (Пс. 118: 105; 2 Пет. 1: 19), некоторые подробности, связанные с установлением этого Царства Всевышнего, которое должно быть пятой универсальной империей земли и не иметь конца; которое должно принести благословения всем его подданным, в то время как другие царства принесли главным образом разочарования и гнет "стенающему творению". Не удивительно, что в образе сказано о возвещении о нем посредством Юбилейной трубы (Лев. 25: 9), и не удивительно, что пророк Аггей (2: 7) убеждает нас, что, в конце оно будет признано желанием "всех народов".

*Том I, главы 13 и 14; том II, глава 4.

1О более постепенном лишении власти народов и установлении Царства автор говорит в своем предисловии (1916 г.) к книге "Время приблизилось", стр. iii-iv.

Следует беречь в памяти то, что мы уже узнали из Священного Писания* о королевских чинах этого Царства и тех, из кого они будут состоять, поскольку это имеет практическое влияние на способ установления "Божьего Царства", "Царства небесного".

*Том I, стр. 288-300.

(1) Это Царство Бога в том смысле, что Небесный Отец является Великим Царем и устроил план спасения, частью которого будет Тысячелетнее Царство. Это Его Царство также в том смысле, что оно будет установлено и будет поддерживаться Его силой (1 Кор. 15: 24-26). Затем, это Его Царство в том, что оно будет представлять Его как великого главного правителя, Его законы, Его любовь и милость через Посредника, которого Он определил.

(2) Это также Царство Христа – Царство дорогого Божьего Сына, – в том, что Христос как Посредник Нового Завета будет деятельным правителем этого Тысячелетнего Царства, представителем Отца, с целью подчинить зло, уничтожить грех и привести к полному, искреннему повиновению Отцу и Его законам всех из числа искупленного

[618] рода, желающих быть полностью восстановленными к божественному подобию, милости и вечной жизни.

(3) Это будет царство святых в том смысле, что они как "царственное священство" (Отк. 5: 10) будут царствовать, судить и благословить мир вместе со своим Господом, Иисусом (Рим. 8: 17, 18).

Собственно, класс Царства будет состоять исключительно из нашего Господа и Его "избранных" в Евангельском веке, которым Он сказал: "Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство". О них Господь также поведал пророку Даниилу: "Царство же и власть, и величие царственное во всей поднебесной дано будет народу святых Всевышнего, которого царство – царство вечное, и все властители будут служить и повиноваться Ему" (Дан. 7: 27).

Однако все они, важно помнить, будут "изменены" в их воскресении (первом воскресении – Отк. 20: 4, 6; 1 Кор. 15: 42-46, 50-54; Иоан. 3: 5, 8), после чего уже не будут человеческими существами, но "причастниками Божеского естества", столь же невидимыми человечеству, как Бог и небесные ангелы. В конечном счете возникнет необходимость в некоторых средствах общения между этой славной Церковью и теми, кого она будет судить* и поднимать из деградации греха и смерти. Такое общение между духовными существами и человечеством в прошлом осуществлялось через духовные существа, которые являлись в телах из плоти и общались с некоторыми важными личностями по поводу божественных постановлений. Вот так ангелы являлись Аврааму, Сарре, Лоту, Гедеону, Даниилу, Марии, матери Иисуса, и другим. Так наш Господь общался с апостолами после Своего воскресения как духовное существо, поскольку нужно было передать им некоторые наставления, "ибо еще не было на них Духа

[619] Святого, потому что Иисус еще не был прославлен" (Иоан. 7: 39).

*Смотрите 1 Кор. 6: 2 и том I, глава 8.

Но мы не ожидаем того, что общение между духовными правителями и их земными подчиненными на протяжении Тысячелетия будет наподобие этого. Мы видим, что Бог предусмотрел некоторый класс из числа человечества, уже испытанный (в период до Евангельского века) и признанный достойным совершенства и вечной жизни, который будет служить на протяжении Тысячелетнего века в качестве посредников между духовным Царством, святыми, и их подданными, человечеством.

(4) Эти посредники, не являясь Царством в подобающем смысле этого слова, будут так полно представлять его среди людей, что люди будут считать их Царством. Они будут представлять Царство перед людьми и будут единственными видимыми его представителями. Следовательно, мы назвали их "земной частью Царства", видимой людям (Лук. 13: 28).

Они, "Авраам, Исаак и Иаков и все пророки" и древние достойные, упомянутые нашим Господом и апостолами (Матф. 8: 11; Евр. 11: 4-40), пройдя свое испытание, будут пробуждены от смерти совершенными – полностью восстановленными к человеческому совершенству – и не будут нуждаться в "воскресении суда" длиной в тысячу лет, как в случае с остальным человечеством. Это совершенство позволит им общаться с духовными Царями и Священниками непосредственно, без необходимости для духовных существ принимать на себя тела из плоти с целью сообщить миру законы и т. п.. Точно так же, как Адам, будучи совершенным, до своего грехопадения мог общаться непосредственно с небесными властями, будут общаться эти достойные мужи после восстановления к такому же состоянию совершенства.

Но земные правители не будут "Царями и Священниками", а будут в подчинении Царя "князьями по всей земле", занимая видное, руководящее положение – будут правителями, наставниками.

[620]

ТЕСНОЕ ОБЩЕНИЕ МЕЖДУ ЦАРСТВОМ И ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ

Понятно, что земная фаза Царства будет существовать на условиях тесного общения, взаимоотношений и сотрудничества непосредственно с Царством, духовными правителями. Отношения между ними будут как отношения между отцом и детьми, как отношения между сотрудничающими частями того же небесного правительства: небесная часть будет парламентской, или законодательной, а земная часть – исполнительной, или законопослушной. Написано: "От Сиона [духовного Царства] выйдет закон, а слово Господне [божественные послания через "князей"] – из Иерусалима" (Ис. 2: 3).

УСТАНОВЛЕНИЕ ЦАРСТВА

"Царство Божье благовествуется, и всякий [принимая свидетельство как послание от Бога] усилием входит в него" (Лук. 16: 16). Более восемнадцати столетий это послание, это предложение Царства выполняло преднамеренный труд выбора "избранных" "победителей" из мира. В течение всего века они ожидали Отцовского времени для своего учреждения во власти, возвышения как Его Цари и священники, чтобы управлять искупленными людьми земли, учить их и, тем самым, предоставить им возможность иметь вечную жизнь через веру и послушание. Однако все это время класс Царства подвергался насилию от рук класса Измаила и Исава, от рук сатаны, князя мира сего, и его ослепленных слуг. Как высказался наш Господь: "Царство небес берется силой и применяющие силу овладевают им" (Матф. 11: 12, ВоП). Наш Господь, глава Царства, страдал до самой смерти, и все Его последователи понесли некоторые земные потери после того как были перенесены из власти тьмы в Царство Божьего возлюбленного Сына (Кол. 1: 13).

[621] Это подчинение гнету господствующего зла на протяжении более восемнадцати столетий не было по причине недостатка власти со стороны нашего восставшего, вознесшегося и прославленного Господа защитить Свой народ, ведь после Своего воскресения Он сказал: "Дана Мне всякая власть на небе и на земле" (Матф. 28: 18). Исполнение этой власти задерживается с определенной целью. В плане Отца было свое "время", чтобы дать великую жертву за грехи, и еще другое свое время для установления Царства в силе и великой славе, чтобы руководить миром и благословить его. Эти времена располагались достаточно далеко друг од друга, чтобы позволить призвать и приготовить "избранную" Церковь для сонаследования Царства с Христом. Пагубные влияния и оппозиция со стороны грешников были позволены для очищения, испытания и полирования этих "званных" быть членами класса Царства. Как в случае Главы, так и в случае Тела, Божий замысел заключается в том, чтобы каждый член, как Новое Творение, "страданиями навык послушанию и совершился" (Евр. 5: 8, 9).

Но вот мы оказались в конце Евангельского века, когда происходит установление, учреждение Царства. Наш Господь, назначенный Царь, присутствует с октября 1874 года н. э., согласно свидетельству пророков для тех, кто имеет уши это слушать, а официальное вступление в Его царскую должность датируется апрелем 1878 года н. э. Первая деятельность Царства, как показано нашим Господом в Его притчах и пророчестве (собрание "Его избранных"), происходит сегодня. "Мертвые во Христе воскреснут прежде" – объяснил Господь через апостола: воскресение Церкви будет в один миг*. Следовательно, Царство, представленное в нашем Господе и в Его усопших святых, уже развитых, приготовленных и признанных достойными быть членами "Его тела", "невесты", было установлено в 1878 году. Все, что осталось сделать для его укомплектования, это "собрать

[622] к Нему" "избранных", живущих и оставшихся, испытание которых еще не закончено.

*Том III, глава 6.

Однако Царство, вместо того чтобы ждать живущих членов, пока они завершат свой путь, тотчас начало свою деятельность; живущие члены по эту сторону завесы имеют привилегию знать "тайны Царства Божьего" и быть занятыми в деле Царства до своего "изменения". Умирая, они (не "уснут", но) будут "изменены" в миг смерти, получат воскресение (как часть блаженного и святого первого воскресения), как написано: "Отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними" (Отк. 14: 13).

Все это находится в согласии с утверждением Священного Писания, что Царство Бога должно сперва быть установлено, прежде чем результатом его влияния и деятельности будет полное уничтожение "существующих властей" "настоящего лукавого века" – политических, финансовых, церковных – около времени завершения "Времен Язычников", в октябре 1914 года н. э.2 Обратим наше внимание на некоторые тексты Писания, имеющие отношение к этому.

2О более постепенном лишении власти народов и установлении Царства автор говорит в своем предисловии (1916 г.) к книге "Время приблизилось", стр. iii-iv.

Если описывать события при Седьмой Трубе, этот порядок выглядит так: (1) Господь берет власть как Царь Земли, и Его царствование началось; (2) в результате на мир приходит великий суд-скорбь. Нам сказано пророчески, что это царствование начинается перед временем скорби и перед воскресением святых и пророков; что оно будет продолжаться долго после этого (тысячу лет), пока не произведет "суд" всего человечества, награждая чтящих Господа и уничтожая тех, чье влияние разлагает. Обратите внимание на эти пункты в следующих цитатах:

"Благодарим Тебя, Господи Боже Вседержитель, Который еси

[623] и был и грядешь, что Ты приял силу Твою великую и воцарился [представленный во Христе – "один Бог Отец, из Которого все", и "один Господь, Иисус Христос, Которым все", Его уважаемый представитель]. И [в результате начала царствования] рассвирепели язычники; и пришел гнев Твой и время судить мертвых и дать возмездие рабам Твоим, пророкам и святым и боящимся имени Твоего, малым и великим, и погубить губивших землю" (Отк. 11: 17, 18).

Похоже читаем, что царствование Царства начнется перед падением "Вавилона"; что Вавилон будет падать как результат суда Царством, как это позже обнаружат некоторые находящиеся в нем, показанные как обретающие свет и свободу через Христа после его падения. Они говорят:

"Ибо истинны и праведны суды Его! Потому что Он осудил ту великую любодейцу, которая растлила землю любодейством своим, и взыскал кровь рабов Своих от руки ее" (Отк. 18; 19: 2-7).

Пророк Даниил был божественно вдохновлен, чтобы повторить и объяснить царю Навуходоносору его видение языческой власти, показанной в большом истукане. Видение показывало камень, ударяющий истукан в стопы, и, как результат, полное крушение языческой власти; позже этот камень рос, пока не наполнил всю землю. Объяснение, которое было дано, показывает, что Божье Царство будет установлено и полностью наделено властью; что крушение земных правительств будет прямым следствием деятельности этого Царства. Вот вдохновенное свидетельство Даниила:

"И во дни тех царств [последней языческой власти, представленной в пальцах ног истукана] Бог Небесный воздвигнет царство [представительным образом присутствующее весь Евангельский век, но не распознанное миром как царство], которое [в отличие от чередующихся языческих царств, представленных в истукане] во веки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу [наподобие того, как могущество истукана переходило от одного народа к другому]; оно

[624] сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно" (Дан. 2: 44, 45).

Наш Господь уверял Своих верных, что во время установления Его Царства и свержения языческой власти побеждающая Церковь будет с Ним и будет иметь участие в этом деле. Вот Его слова:

"Кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками, и будет пасти их жезлом железным; как сосуды глиняные, они сокрушатся, как и Я получил власть от Отца Моего" (Отк. 2: 26, 27). Сравните Пс. 149: 8, 9.

Мы не можем судить точно, какие черты великого дела сегодня совершаются Господом и Его прославленными святыми за завесой; но мы можем быть уверены, что они являются активными участниками дела, порученного членам того же класса Царства, путь и служение которых еще не закончились по эту сторону завесы, жатвенного дела: (1) собирать живущих "избранных"; (2) говорить Сиону "Воцарился Бог твой!", т. е. что Царство устанавливается; и (3) возвещать День Мщения нашего Бога.

УСТАНОВЛЕНИЕ ЗЕМНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Мы должны ожидать земной фазы Божьего Царства не раньше полного окончания Времен Язычников (октябрь 1914 года н. э.)3. Предоставляя право господства язычникам до этой даты, Бог не делал никакой ошибки и это не меняло Его планы. Установленная земная часть Царства Бога будет израильской, потому что таково Божье обещание, завет с Авраамом и его естественным семенем. Даже главная милость, духовное Царство, сначала была предложена телесному Израилю и была бы ему дана, если бы он был готов в своем сердце принять ее на предложенных условиях – страдать с Христом и затем прославиться с Ним (Рим. 8: 17). Израиль действительно жаждал и искал самого лучшего, что Бог должен

[625] был дать, но "Израиль, чего искал, того не получил; избранные же ["малое стадо", взятое из иудеев и язычников] получили, а прочие ожесточились" – не навсегда, но до тех пор, пока не закончится избрание духовного семени, собственно Царства (Рим. 9: 31-33; 11: 7, 23, 25-32).

3См. выше.

Хотя израильтяне с разной степенью неверия будут (по божественной милости, согласно обетованию) собраны обратно в Палестину, тем не менее, никто из них ни в какой степени не будет восприниматься как часть или даже как сторонник или имеющий отношение к земной части Царства, пока они сначала не признают Христа Иисуса как Божьего Сына, единственного Искупителя и Освободителя Израиля и мира.

Начало земной фазы Царства в конце 1914 года н. э.4 будет, как мы понимаем, состоять целиком из воскресших святых древности – от Иоанна Крестителя обратно к Авелю – "Авраама, Исаака и Иакова и всех пророков". (Сравните Матф. 11: 11; Лук. 13: 28; Евр. 11: 39, 40). Хотя эти древние достойные не будут иметь ни части, ни удела в духовном Царстве, так как они не были к нему "призваны" (ведь вышнее, "небесное звание" не было возможным до тех пор, пока выкуп не был заплачен нашим Господом Иисусом), однако они будут занимать высокое положение перед миром, засвидетельствовав свою веру и любовь во время царствования зла таким образом, что это было одобрено Богом. Тем самым они были приготовлены и признаны достойными быть земными служителями и представителями духовного Царства. В соответствии с этим в Псалмах написано (в адрес Христа): "Вместо [уже не воспринимая их как] отцов Твоих, [они] будут сыновья Твои; Ты поставишь их князьями [главными, вождями] по всей земле" (Пс. 44: 17).

4См. выше.

Эти достойные мужи древности будут отличаться от остального человечества не только тем, что их испытание принадлежит к прошлому,

[626] а испытание человечества, в целом, будет только начинаться, но они будут непохожи на него также тем, что получат награду за свою верность – будут совершенными людьми. Им будет полностью возвращено все то, что было потеряно в Адаме из умственного и морального подобия Бога, а также совершенство физических свойств. Таким образом, они не только будут "князьями", главными на земле (земными представителями Небесного Царства – Христа и Его Церкви), но и будут, индивидуально, образцом того, к чему все охотно послушные смогут прийти под Новым Заветом.

Когда Авраам, Исаак, Иаков и все древние достойные получат воскресение и явятся посреди вновь собранных израильтян, где-то в конце времени последней скорби Иакова, связанной с Гогом и Магогом, их превосходящие умственные способности быстро выделят их среди других. Более того, их совершенный ум быстро усвоит современные знания и изобретения; они будут необычными во многих отношениях, как был человек Иисус Христос, о Котором люди говорили: "Как Он знает Писания, не учившись?" (Иоан. 7: 15). И как Иисус учил народ решительно, определенно, понятно, путем, исключающим сомнения и замешательство (как делали книжники), так будет и с совершенными древними достойными, когда они появятся среди людей. Кроме того, эти достойные, "князья", будут прямо общаться с духовным Царством (Христом и Церковью), как наш Господь общался с ангелами, и как Адам похожим образом имел личное общение до того, как попал под божественный приговор как преступник. Эти "князья" новой земли (нового порядка в обществе) будут полностью компетентны для уготованного для них почетного положения.

Таким образом, мы видим, что когда придет Божье время для провозглашения Его царства между людьми, все Его орудия будут должным образом приготовлены к службе; их удачные шаги мудрой политики, их выдержка и полное достоинства самообладание, а

[627] также проявление ими на личном примере всякого достоинства и добродетели привлечет внимание людей и быстро заручится их (после наказания в великой скорби) активной поддержкой. Еще до того как будет установлена их личность, народ Израиля без сомнения обнаружит их превосходство над другими людьми.

Более того, следует помнить, что сам замысел великого времени скорби, которое сейчас приближается к кульминации, заключается в том, чтобы разрыхлить каменные сердца всего мира, заставить надменных склониться в прах и проложить по залежной земле глубокие борозды боли, скорби, печали, тем самым приготавливая мир к великим благословениям Тысячелетнего Царства. Это послужит намеренной цели, как говорит пророк: "Когда суды Твои [Господа] совершаются [везде] на земле, тогда живущие в мире научаются правде" (Ис. 26: 9). Со временем все усвоят, что самолюбивые замыслы и всякие замыслы вообще, которые могут быть придуманы и осуществлены падшими людьми, имеют изъяны и ведут исключительно к той или иной скорби и замешательству. И хотя в то время все попадут в отчаяние, они будут жаждать царствования праведности, мало догадываясь, как близко оно находится.

Одновременно долго лелеянные надежды Израиля на Царство будут оживать среди тех, кто из уважения к обетованиям соберется в Палестину. Когда древние достойные возвестят о своем воскресении, и будет установлена форма справедливого правительства, этот план, без сомнения, быстро будет признан как от Господа. И когда они узнают, что настоящее Царство над ними является духовным, и что распятый Иисус является Царем, они мысленно, глазами веры "воззрят на Него, Которого пронзили". Тогда "будут рыдать о Нем, как рыдают об единородном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце. В тот день поднимется большой плач в Иерусалиме…". И Бог "на дом Давида и на

[628] жителей Иерусалима изольет духа благодати и умиления" (Зах. 12: 10, 11).

Вслед за вестями о разгроме войск Гога и Магога, а также о чудесном избавлении Израиля от его врагов быстро последуют вести о появлении их прославленных "отцов", воскресших, об установлении правительства во главе с ними и о всеобщем обращении Израиля к долго отвергаемому Мессии. Конечно, многое из этого будет воспринято язычниками как обман: над иудеями будут смеяться как над наивными, а древних достойных будут считать находчивыми самозванцами.

Однако благословение, связанное с реорганизацией правительства под новой эгидой в Палестине, совершит столь удивительные и быстрые перемены в благосостоянии Израиля, что удивит повергнутый в то время в анархию и обескураженный мир и подтолкнет многих подумать и сказать: "Самозванцы они или нет, но то, что делают эти люди, именуя себя воскресшими пророками, это именно то, в чем нуждается мир! Ради Бога, пусть они берут бразды правления всего мира и наводят порядок и спокойствие среди нашего всеобщего замешательства". Затем они обратятся, чтобы эти удивительные "князья" расширили везде свое правительство, свое иго праведности, оказавшееся столь успешным для Израиля. Это изложено пророком в следующих словах:

"И будет в последние дни, гора [Царство] дома Господня будет поставлена во главу гор [как Царство, возвышаясь и господствуя на всеми царствами], и возвысится над холмами [самыми высокими вершинами], и потекут к ней все народы. И пойдут многие народы, и скажут: «Придите, и взойдем на Гору [Царство] Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас Своим путям; и будем ходить по стезям Его, ибо от Сиона [духовного Царства – прославленного Христа, Главы и Тела] выйдет закон,

[629] и слова Господне – из Иерусалима [местонахождения земного представительного правительства в руках "князей"]». И будет [перед этим – в великом времени скорби] Он судить народы, и обличит многие племена; и [как результат обличения Господом и присутствия впоследствии Его Закона и Слова] перекуют мечи свои на орала, и копья свои – на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать" (Ис. 2: 2-4; Мих. 4: 1-4).

ТЕСНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЦАРСТВОМ И ЕГО ЗЕМНЫМИ "КНЯЗЬЯМИ"

Как и следовало ожидать, связь между обеими частями Царства будет простой и непосредственной, отчего надзор и руководство над человечеством будет полным – "князья" будут средствами божественной коммуникации. На это, кажется, ссылался наш Господь в словах к Нафанаилу: "Отныне будете видеть небо отверстым и ангелов Божиих [посланников Бога, "князей" новой эпохи] восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому" (Иоан. 1: 51). Разве сон Иакова о лестнице между небом и землей, а также о передвигающихся туда и обратно посланниках не был одинаково пророчеством и сном, предсказанием грядущего тесного общения между Небесным Царством и миром, где самому Иакову, как одному из связующих посланников, полагалось иметь удел в благословении мира? Мы верим, что именно так было задумано (Быт. 28: 10-12).

О том, что Моисей, посредник Завета Закона, был образом на Христа, Посредника Нового Завета, открыто учит Священное Писание; и это также широко признают исследователи Библии. Но не все увидели, что Моисей был образом на всего Христа – Главу и Тело, – и что в этом смысле весь Евангельский век был периодом поднятия Христа. Тем не менее, это – единственное применение образа, которое

[630] подходит во многих случаях: например в Деяниях 3: 22, 23.

При установлении Завета Закона на горе Синай Моисей, по-видимому, был образом на полного Христа (Главу и Тело) при введении Тысячелетнего века, когда Новый Завет будет представлен миру – после того, как "громогласно" вострубит "труба [седьмая труба]", как непроглядная тьма и "великое землетрясение" и т. п. Дня Мщения приведут в ужас человечество и приготовят его к тому, чтобы внять голосу Великого Учителя и с радостью принять Его Новый Завет. На это отчетливо указал апостол (Евр. 12: 18-22), который, по всей видимости, обозначил каждый шаг параллели. Израиль приближался и, наконец, достиг горы Синай, к которой можно было дотронуться и которая была местом столь страшных зрелищ и звуков, что все были перепуганы и дрожали. Мы же приближаемся к горе Сион, к ее удивительному великолепию и благословениям, намного превышающим те, которые были на Синае. Но эти значительно большие благословения будут сопровождаться более страшной трубой, тьмой и землетрясением – окончательным потрясение всего, что можно потрясти (всего грешного и противоречащего божественной воле), чтобы могло остаться исключительно то, что истинно и непоколебимо. Решение всего находится в словах: "Итак, мы [которые предвидим такое], приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, которою будем служить благоугодно Богу" (Евр. 12: 28).

Продолжая рассмотрение этой иллюстрации, видим, что после этого Моисей взошел на Гору (Царство) и был образно прославлен – кожа его лица сияла так, что Израиль не мог на него смотреть. Это, очевидно, символизирует укомплектование Церкви (Христа, Главы и Тела) в славе. Покрывало, которое Моисей затем носил перед народом, но которое снимал, когда был с Господом на горе, вероятно, символизировало земную часть Его Царства, "князей по всей земле", посредством которых

[631] Христос будет говорить к людям и которыми будет представлен, хотя слава Его будет скрыта. Таковой, пожалуй, является замечательная иллюстрация тесных отношений, которые будут существовать между земными "князьями" и небесными Царями и Священниками. Восхождение Моисея на гору, чтобы общаться с Богом, когда гора была окутана облаками, вспыхивая молниями, а земля вздрагивала от раскатов грома, представляло факт, что Тело Христа будет укомплектовано (последние члены будут "изменены" и приняты в Царство) в то время, когда нынешний порядок вещей будет испытывать замену посреди великого времени скорби, какого еще никогда не испытывала земля.

Как первые скрижали Закона, которые были разбиты, представляли неудачу Завета Закона, "ослабленного плотью", так вторые скрижали представляют Новый Завет, Посредником которого является Христос и который не потерпит неудачу. Этот Новый Завет станет деятельным в отношении мира после того как "Тело Христа" будет полным. Тем временем продолжается избрание членов Великого Пророка, каким был Моисей (Деян. 3: 23). Затем, обратите внимание на факт, что именно тогда, когда были переданы вторые скрижали Закона (представляющие Новый Завет), Моисей был изменен и после этого носил покрывало перед народом, поскольку лицо его сияло.

Провозглашению Царства будут сопутствовать сцены, внушающие такой ужас, что это заставит весь мир трепетать от страха и с радостью признать Помазанника Господа как Царя всей земли. Как Израиль умолял Господа больше не говорить к ним из-за ужасных сцен и звуков, свидетелями которых они были на Синае, так и здесь все люди будут желать, чтобы Господь Иегова перестал говорить к ним в Своем гневе и не сердился на них в Своем яростном и праведном негодовании, а будут рады слушать вместо этого великого Посредника и признать Его Царем, Которого

[632] Иегова поставил над ними – Еммануила, великого противообраза Моисея, спрятанного (скрытого) за покрывалом Пророка, Священника и Царя. (Сравните Евр. 12: 19 и Пс. 2: 5, 6).

Израиль будет готов к новому Царству, будет страстно его желать, как написано: "В день силы народ Твой готов" (Пс. 109: 3). Это будет именно то, чего Израиль ждал (ослепленный к более возвышенному духовному званию Евангельского века); только оно буде намного величественнее и прочнее всякого другого, которое он себе представлял. Тогда огромное число жестоко обманутых частично верующих во Христа скажет: "Не от Твоего ли имени мы пророчествовали [проповедовали]?. и не Твоим ли именем многие чудеса творили?" (Матф. 7: 21, 22). Они не будут признаны как невеста Христа, а будут оставлены на великое время скорби, где будет плач и скрежет зубов, и, вполне вероятно, станут Божьим народом, а не сектантами, и будут "готовы" в день Его силы. Воистину, очень скоро, как говорит наш текст, Божье Царство будет признано "желанием всех народов".

МОРАЛЬНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ

Закон Господа, который выйдет тогда от Горы Сион, Царства, и будет провозглашен всем людям из Иерусалима, Новой Столицы мира, как Слово Господа через Его "князей", тотчас совладает с тем, что уже считается "вопиющим злом". Во всех направлениях будут проведены моральные реформы; все финансовые, общественные и религиозные вопросы будут решены в соответствии с Любовью и Справедливостью. Суд будет поставлен мерилом, а праведность – весами (Ис. 28: 17); все земные дела будут подчинены и устроены по отвесу справедливости, и будут приведены к строгому соответствию с ней.

Как много это будет означать для запрещения

[633] всякого рода бизнеса, который искушает человечество, соблазняя и совращая посредством слабостей их падшей природы и неуравновешенности их умственных и моральных свойств! Производство винно-водочных изделий, пива, питейные заведения, публичные дома, букмекерские конторы, всякий бизнес, убивающий время и развращающий характер, – все это будет запрещено. Их служащим будет предложено заняться чем-то другим, более полезным для них и для других.

Похожим образом будет прекращено строительство военных кораблей, производство наступательного и оборонительного вооружения, а сами армии будут расформированы. Новое Царство вовсе не будет нуждаться в них, а будет иметь предостаточно власти тотчас осуществлять требования справедливости в наказании преступников, когда они решатся на такой поступок, но еще до того, как причинят вред другим – потому что никто не будет делать зла и вреда во всем святом Царстве (Ис. 11: 9), так как правомочный и праведный Судья навлечет Вторую смерть на неисправимых (Ис. 32: 1-8; 65: 20-25; Пс. 149: 9; 1 Кор. 6: 2).

Банковский и маклерский бизнес, а также другие похожие занятия, весьма полезные при нынешних условиях, больше не будут иметь места, потому что в новых условиях от человеческого рода потребуется обращаться друг с другом как с членами одной семьи; а частный капитал, денежные ссуды и востребование их – все уйдет в прошлое. Землевладельцы и агентства по сдаче внаем также найдут для себя новое занятие, потому что новый Царь не будет признавать действительными официальные патенты и документы. Он огласит, что когда на Голгофе он купил Адама и его род, то Он купил также владения Адама, землю (Еф. 1: 14): Он разделит ее не только между самолюбивыми, алчными и скупыми, но самые тучные земли будут даны "кротким", согласно Его обещанию, данному на горе (Матф. 5: 5).

Об этом великом Царе и Судье (Главе и Теле), представленном в Моисее, Господь говорит:

[634] “И почиет на Нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия; и страхом Господним исполнится, и будет судить не по взгляду очей Своих, и не по слуху ушей Своих решать дела. Он будет судить бедных по правде, и дела страдальцев земли решать по истине; и жезлом уст Своих поразит землю, и духом уст Своих убьет нечестивого. И будет препоясанием чресл Его правда, и препоясанием бедер Его – истина” (Ис. 11: 1-5).

Некоторым может показаться, что этот божественный замысел сделает землю Раем для нищих и местом страданий для тех, кто сегодня привык к роскоши и преимуществу над большинством, – то ли по счастливой случайности, то ли благодаря лучшим талантам и возможностям, то ли в результате недобросовестных поступков. Такие должны помнить слова Судьи, произнесенные восемнадцать столетий тому назад: “Горе вам, богатые, ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные [самодовольные] ныне, ибо взалчете [будете недовольны]” (Лук. 6: 24, 25). Вначале они будут склонны вопить о потере своих преимуществ. И как сегодня благочестиво обогатившиеся сталкиваются с трудностью обрести такое состояние сердца и жизни, которое будет награждено участием в Христовом Царстве, так и тогда: те, кто прежде привык к богатствам, столкнутся с трудностями, которых не испытывали те, кто раньше прошел школу превратностей.

Однако придется согласиться с неминуемым уравниванием общества, которое совершит анархия Дня Мщения; со временем будет признана и широко оценена (одними медленно, другими более быстро) польза от царствования Любви. Окажется, что при божественном устройстве все могут, если захотят, быть благословенными, по-настоящему счастливыми и “подниматься” по святому пути к

[635] величественному человеческому совершенству (Божьему образу) и вечной жизни (Ис. 35: 8). То, с чем уже, как правило, соглашаются, будет признано абсолютно правильным; а именно: если бы, при нынешних удобствах, все люди принимались за работу систематично и с умом, каждому пришлось бы трудиться не более трех часов. Под руководством небесного Царства свободные от напряженного труда часы не приносили бы ни морального, ни физического ущерба, как это обязательно происходит при нынешних условиях – при наличии зла и соблазнов со всех сторон, чтобы воспользоваться унаследованными слабостями.

Наоборот, когда сатана будет связан (зло ограничено), а внешние искушения удалены, тогда часы досуга будут проводить, под руководством прославленной Церкви, в изучении, которое будет все более занимательным и интересным, – изучении Природы и Бога Природы, а также Его славных качеств – Его Мудрости, Справедливости, Любви и Силы. Вот так, получая удовольствие, они смогут делать шаги к человеческому совершенству – цели своего пути, испытания; ведь, следует помнить, новое правительство будет принимать во внимание не только большие дела и интересы своих подданных, но также самые незначительные. Это будет "отеческое правительство" в самом полном смысле этого выражения.

Можно бы со всей серьезностью опасаться, что люди будут взвешивать возможность установления самого диктаторского правительства, когда-либо известного миру, в котором жизнь, собственность и все интересы всего человечества будут отданы полностью, безоговорочно, в руки Царя, если бы не то, что мы имеем самые полные и убедительные доводы, что каждый устав и распоряжение Царства предназначено для пользы его подданных. Царь этого Посреднического Царства так возлюбил тех, над которыми Он должен царствовать, что отдал Свою собственную жизнь как их выкупную цену, чтобы обеспечить для них право личного испытания на предмет вечной жизни;

[636] и сама цель Его Тысячелетнего царствования заключается в том, чтобы помочь им в этом испытании. О чем еще можно просить? Как Искупитель, Он справедливо имеет право полностью контролировать то, что Он купил Своей собственной кровью. Все, оценивающие такую любовь, какую Он показал, будут рады (даже если бы вопрос был передан им для голосования, чего, однако же, не произойдет) предоставить Ему всю власть и полномочия и немедленно подчинятся Его праведной воле.

А как в отношении "святых", которые будут сонаследниками в Царстве и судьями-помощниками? Можно ли им благополучно доверить абсолютную, диктаторскую власть?

Да, конечно! Как Христос Иисус доказал, что Он имел дух Небесного Отца и являлся "образом Отцовской ипостаси", так и все, которые будут в числе этого "малого стада", Его сонаследники в Царстве, докажут, что они имеют "дуа Христа" – святой дух Любви. Это одно из условий их "звания": они должны стать копией дорогого Божьего Сына, и никто другой не будет принят, кроме сделавших твердым свое звание и избрание. Действительно, для того чтобы они могли сочувствовать тем, кто будет в то время под их опекой и руководством, они избираются из немощных и несовершенных и получают урок того, что означает подвизаться добрым подвигом в правде и истине против заблуждения и греха. Да, подсвященникам, а также Первосвященнику, из числа Царственного Священства это может быть доверено без опасения. Бог доверит им власть, и это самая лучшая гарантия, что она будет использована справедливо, разумно и с любовью – для благословения мира.

ПРАВЛЕНИЕ ЖЕЛЕЗНЫМ ЖЕЗЛОМ

Народами будут управлять силой, непреодолимой силой, пока праведный строй не будет установлен в результате всеобщего подчинения. Всякое колено преклонится, всякий язык признает божественную силу и славу, и внешнее повиновение будет обязательным,

[637] как написано: "И будет пасти их [язычников] жезлом железным; как сосуды глиняные они сокрушатся" (Отк. 2: 27). Это нанесение удара и крушение, собственно говоря, принадлежит Дню Мщения, и хотя власть и жезл будут по-прежнему оставаться весь Тысячелетний век, их использование будет, очевидно, излишним, поскольку всякая открытая оппозиция будет сполна наказана в великом времени скорби. Как излагает сущность этого Пророк, Бог во время нанесения удара будет говорить болтливому, возмущенному и самонадеянному человечеству: "Остановитесь и познайте, что Я – Бог: буду превознесен в народах, превознесен на земле" (Пс. 45: 11). Тем не менее, делом всего Тысячелетнего века будет "поставить суд мерилом и правду весами" во всех незначительных и больших делах каждого из человеческого рода, отчего все, таким образом, будут "научены Богом" через Его "избранного" Слугу Завета, великого Пророка, Священника и Царя (Главу и Тело): Пророка в значении учителя, Царя в значении правителя, Священника в значении посредника, Который, дав искупление, является защитником людей, распределяя божественную милость. Эти титулы объединены: "Ты священник вовек по чину Мелхиседека", – который был священником на своем престоле (Евр. 7: 17; Зах. 6: 13; Деян. 3: 22; Втор. 18: 15).

Являясь олицетворением мудрости, новый Царь говорит: "У меня совет и правда; я – разум, у меня сила. Мною цари царствуют и повелители узаконяют правду. Мною начальствуют начальники и вельможи и все судьи земли [земная фаза Царства]. Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня; богатство и слава у меня, сокровище непогибающее и правда; плоды мои лучше золота, и золота самого чистого, и пользы от меня больше, нежели от отборного серебра. Я хожу по пути правды, по стезям правосудия, чтобы доставить любящим меня существенное благо, и

[638] сокровищницы их я наполняю.. Потому что, кто нашел меня, тот нашел жизнь, и получит благодать от Господа; а согрешающий против меня наносит вред душе своей: все ненавидящие меня любят смерть" (Прит. 8: 14-21, 35, 36).

ИЗРАИЛЬ КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ

По всей видимости миру будет дано время увидеть в Израиле деятельность божественного правительства, а также практическую пользу от этого, в противовес преобладающей в то время анархии, так что большинство из всех народов будет "желать" правления Царства. Это ярко отображено в пророческих словах, обращенных в то время к Израилю:

"Восстань, светись, ибо пришел свет твой, и слава Господня взошла над тобою. Ибо вот, тьма покроет землю и мрак – народы; а над тобою воссияет Господь, и слава Его явится над тобою. И придут народы к свету твоему, и цари [главенствующие в мире] – к восходящему над тобою сиянию. [Это будет применимо к духовному Израилю, Солнцу Правды, а также к его земным представителям – телесному Израилю, возвращенному к милости.]".

"Возведи очи твои и посмотри вокруг: все они собираются, идут к тебе; сыновья твои издалека идут и дочерей твоих на руках несут. (Сравните с Иез. 16: 61). Тогда увидишь и возрадуешься, и затрепещет и расширится сердце твое, потому что богатство моря [анархически настроенные массы (см. Отк. 21: 1)] обратится к тебе, достояние народов придет к тебе.. и возвестят славу Господа" (Ис. 60: 1-6, 11-20).

Воистину, это будет славный день открытия слепых глаз и возвращения многих к праведности! Это будет день обращения и возрождения на основе истины, а не по причине страха и введения в заблуждение. Это будет время, упоминаемое пророком, когда "родится народ в один день" (Ис. 66: 8). Этим народом будет Израиль: (1) Духовный Израиль, "святой народ"; (2) Телесный Израиль, его земной представитель. От Израиля будет сиять свет, который

[639] приведет наказанный мир на колени и возвестит обещанное излияние Господнего духа святости "после того.. на всякую плоть", как он был излит на Его истинных рабов и рабынь в те дни (Иоил. 2: 28)

Это день Спасения, который воспевал Пророк Давид (Пс. 117: 18-27):

"Сей день сотворил Господь:
Возрадуемся и возвеселимся в оный!
Камень, который отвергли строители,
Соделался главою угла.
Благословен грядущий во имя Господне!*
О, Господи, спаси же!
О, Господи, споспешествуй же!
Строго наказал меня Господь;
Но смерти не предал меня.
Отворите мне врата правды;
Войду в них, прославлю Господа.
Вот врата Господа;
Праведные войдут в них.
Славлю Тебя, что Ты услышал меня
И соделался моим спасением.
Бог – Господь, и осиял нас..."

*Сравните Матф. 23: 39.

Таким образом, мы видим, что воспитательные реформы и наставления будущего начнутся с людских сердец: люди начнут с урока, что "Начало мудрости – страх Господень" (Прит. 9: 10). Одной из больших трудностей современного образования, ведущей к гордости, надменности и недовольству, является недостаток такой элементарной мудрости. Каждое дело милости под уставами Царства будет должным образом начато и полностью завершено.

Ни одно творение из числа искупленного рода не будет находиться так низко, чтобы его не достигла божественная благодать посредством всемогущественного и блаженного представительства Царства. Никакая деградация грехом не будет слишком глубокой, чтобы ее не могла достичь рука милосердия, чтобы

[640] спасти душу, искупленную кровью; никакая тьма невежества и суеверия не будет настолько густой в чьем-то сердце, чтобы свет божественной истины и любви не пронзил ее мрак и не принес ей знание о радости и веселии нового дня, а также возможность участвовать в них путем повиновения. Ни одна болезнь, способная поразить и нанести вред физическому организму, не будет вне пределов скорой помощи Великого Врачевателя. И ни одно уродство, излишество, изъян, чрезмерность или слабоумие не будут в состоянии противостоять Его целительному прикосновению.

ВСЕ, НАХОДЯЩИЕСЯ В ГРОБАХ, ВЫЙДУТ

Величественное дело реституции, начатое таким образом среди живущих народов, распространится в то время на все усопшие роды земли; потому что наступает час, и он не далек, когда все, находящиеся в гробах, услышат голос Сына Человеческого, и выйдут: "И смерть и ад [могила] отдали мертвых; отдало море мертвых" (Иоан. 5: 28, 29; Отк. 20: 13). Да, даже полчища Гога и грешники в Израиле, которые погибнут в битве великого дня, в свое время выйдут – но уже не как опустошительная армия преступников, а как наказанные и раскаявшиеся лица, покрывшие себя позором и с замешательством на лице в свете того дня, которым будет оказано милосердие и дана возможность подняться снова к благородству и добродетели.

Воскресение древних достойных, вместе с частыми случаями возвращения больным здоровья в ответ на молитву веры, очевидно, приведет к мысли (когда у людей появится время думать и прийти в себя после опустошений великого времени скорби) о возможности воскресения других (их друзей и родственников) от смерти и могилы, во исполнение обещания Христа, что все, находящиеся в гробах, услышат голос Сына Человеческого и выйдут. И, пожалуй, нет ничего безрассудного в предположении, [

641] что это большое дело может начаться и продолжаться в ответ на молитву веры о восстановлении ушедших друзей. Мы видим здравомыслие такого способа, который, кажется, дает преимущество над другими, приходящими нам на мысль. Например, это позволит возвращать мертвых постепенно, в обратном порядке к тому, в котором они ушли, и, тем самым, предоставит жилище и сердечный прием, а также необходимые жизненные удобства для поднятых тотчас после их возвращения к жизни. Затем они будут ознакомлены с языком, поведением и обычаями окружающих; ведь если бы порядок был обратным, пробужденные оказались бы в этом отношении совершенно неготовыми к новым условиям – совершенно посторонними и чуждыми для поколения, в котором для них будет определен жребий. Тем не менее, эти препятствия не скажутся на пророках и других древних достойных, которые, пройдя свое испытание, будут подняты совершенными людьми, и которые, как совершенные люди, будут умственно, морально и физически превосходить всех иных людей.

Маловероятно, что все молитвы о возвращении умерших друзей будут тотчас выслушаны, так как у Господа есть некоторые планы насчет их реституции, с которыми определенные прошения могут не согласовываться. Его порядок, вероятно, будет, как ясно показано в воскресении Церкви и древних достойных, порядком соответствия как тех, кто подлежит воскресению, так и друзей и условий, посреди которых должна начаться их новая жизнь. Это потребует некоторых приготовлений со стороны тех, кто будет обращаться с такими прошениями, – приготовлений сердца и жизни, а также условий, благоприятствующих их продвижению по святому пути. Таким образом, подобные возвращения станут вознаграждениями живущим за их верность, а также обеспечат благоприятные условия пробужденным.

[642]

СЛАВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Какую славную перспективу явит новая эпоха после своей полной инаугурации! Изменения одной эпохи на другую в прошлом были заметными и знаменательными, но эта замена будет самой богатой событиями из всех.

Не удивительно, что мысль о таком зрелище – когда весь род будет возвращаться к Богу с песнями хвалы и вечной радости на своих головах, – должна показаться слишком красивой, чтобы в нее поверить. Но Тот, Кто пообещал, способен осуществить все Свое благоволение. Хотя печаль и воздыхания кажутся почти неотделимыми от нашего существования, тем не менее, печаль и воздыхания удалятся. Хотя плач во вретище и пепле продолжался всю долгую ночь господства греха и смерти, однако на утро Тысячелетия ожидается радость, все слезы утрутся с каждого лица, и вместо пепла будет дано украшение, а вместо унылого духа – елей радости.

ВОЗРАСТАНИЕ ЕГО ЦАРСТВА

Царство Бога будет расти вширь, укрепляться в своих разных частях (составляющих), как это бывает с земными правительствами, пока не станет "великою горою [Царством] и не наполнит всю землю" (Дан. 2: 35). Приведем иллюстрацию: Королевство Великобритании это, прежде всего, господствующий Монарх и его дом; в дополнительном смысле оно включает Парламент и разных министров правительства; в еще более широком смысле оно включает каждого британца и каждого солдата, который клялся в верности этому королевству; если идти дальше, оно включает всех завоеванных подданных королевства – в Индии и других местах, – которые не находятся в открытом неповиновении законам этого королевства.

Так и с Царством Бога: это, прежде всего, Царство Отца, правящее всеми (Матф. 13: 43; 26: 29); но Отец добровольно предложил передать

[643] господство над землей на тысячу лет под полную ответственность Вице-короля, Наместника – Христа и Его невесты, возвышенных к божественной природе и величию, – чтобы подчинить и уничтожить зло и возвысить всякого, кто придет к полному согласию с Отцом под благодатными условиями Нового Завета. В дополнительном смысле оно будет включать земных служителей, "князей", которые будут видимыми представителями между людьми. В еще более широком смысле оно будет включать всех, кто, признав его порядок, окажет ему верное подчинение и приверженность – одинаково иудеи и язычники. В самом широком смысле оно со временем будет охватывать всех подданных, подчинившихся его законам, тогда как все другие будут уничтожены (Деян. 3: 23; Отк. 11: 18).

Таким будет статус вице-королевского Царства Бога при окончании условленного тысячелетнего царствования: везде возобладает завоеванный мир и навязанное царствование праведности, когда все упрямые оппоненты будут уничтожены под господством железного жезла (Отк. 2: 27), как изложено пророком Исаией в описании этого периода: "Столетний грешник будет проклинаем [отсечен]". Умирая в таком возрасте, он будет только юношей, потому что даже при показном повиновении обоснованным и справедливым уставам Царства он мог бы жить, по крайней мере, до конца Тысячелетия (Ис. 65: 20; Деян. 3: 23).

Но такой мир – завоеванный и навязанный мир и повиновение, – хотя и уместен, чтобы дать иллюстрацию, подтверждающую благословения и преимущества справедливого и беспристрастного правительства, тем не менее, он далек от Божьего идеала. Идеальное Божье Царство – это Царство, в котором каждая личность свободна поступать по собственной воле, потому что у каждого имеется воля, которая строго соответствует божественному стандарту – любви к праведности и ненависти к беззаконию. Этот критерий должен окончательно восторжествовать во всей вселенной; и он будет введен

[644] для человечества в конце вице-королевского Тысячелетнего Царства.

Соответственно, нам показано (Отк. 20: 7-10), что при окончании Тысячелетнего века будет своего рода время "жатвы" для просеивания и разделения среди миллиардов человеческих существ, живущих в то время, каждое из которых будет иметь полную возможность достичь совершенства. Это будет похоже на нынешнее просеивание "Вавилона", "христианства" в этом времени "жатвы", а также похоже на труд просеивания в "жатве" Иудейского века. Жатва Тысячелетнего века будет свидетелем полного разделения "козлов" от Господних "овец", как представлено в притче нашего Господа (Матф. 25: 31-46).

И хотя результаты Иудейской и Евангельской "жатв" свидетельствуют поочередно лишь о собранном малом стаде, тогда как большие массы были недостойными, поскольку сатана до сих пор прельщает и ослепляет массы человечества, мы обоснованно можем рассчитывать на то, что результаты "жатвы" Тысячелетнего века принесут обратные результаты: массы преданных "овец" войдут в вечно продолжающуюся жизнь, а сравнительное меньшинство "козлов" будет уничтожено. Однако Господним критерием является качество, а не количество. Он гарантирует, что грех, грешники и те, кто симпатизирует злу, не пойдут дальше Тысячелетия, чтобы подвергать опасности счастье, мир и блаженство огромной последующей вечности – где "смерти [там] не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло" (Отк. 21: 4).

Так придет Божье Царство, и Его воля будет исполняться на земле, как исполняется на небесах. Христос будет царствовать как Наместник Отца, пока не упразднит всякую противоборствующую власть и силу, и не заставит всякое колено преклониться и всякий язык признать Мудрость, Справедливость, Любовь

[645] и Силу Бога Отца. Окончательно, обнаружив (посредством решающего последнего испытания при окончании Тысячелетия) всех тех, у кого имеется хотя бы симпатия к греху при показном повиновении, и уничтожив их из народа (Отк. 20: 9), Он уступит Отцу вице-королевское господство. Именно так излагает события апостол:

"Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои. Последний же враг истребится – [Адамова] смерть. А затем конец [Его царствования, когда оно достигнет цели], когда Он [Христос] предаст Царство Богу и Отцу, когда [Христос] упразднит всякое [сопротивляющееся] начальство и всякую власть и силу.. Когда же все покорит Ему [Отцу], тогда и Сам Сын покорится [Отцу] Покорившему все Ему [на тысячу лет]..." (1 Кор. 15: 24-28).

Означает ли это, что Божья воля перестанет исполняться на земле, как исполняется на небесах, когда прекратится Тысячелетнее Царство Христа? Никак нет! Наоборот, как раз тогда будет достигнуто это условие, как результат царствования Христа. К тому времени все люди будут не только совершенными, как Адам, когда он был сотворен (и все добровольные грешники будут уничтожены), но у них будет знание доброты праведности и чрезвычайной греховности и пагубности греха. Они успешно пройдут свое испытание и продемонстрируют, что имеют полностью и до конца сформированный характер в полном согласии с божественным характером и по его подобию.

В то время Царство Бога будет между людьми, как оно сейчас на небесах между ангелами. Особые черты Посреднического Царства Христа с его милостивыми предложениями под Новым Заветом, ввиду слабостей грешников, на этом придут к завершению, станут бесполезными, так как больше не будет слабых и несовершенных существ, которые бы имели от них пользу.

[646] Тем не менее, мы без труда можем предположить, что даже если все будут совершенными, по образу Бога, порядок все равно будет поддерживаться, ведь если "порядок – первый закон небес", то он должен быть также первым законом земли. А это подразумевает праведные господства и власти. В то время будет первая по-настоящему успешная Республика. Нынешние попытки считать каждого человека царем, равным всякому другому человеку, а избранного представителя или президента – слугой таких же царей, как он, а не господином, все в той или иной мере оказались неудачными, потому что люди не являются умственно, физически или морально, или даже в финансовом и других отношениях одинаковыми. А поскольку никто на деле не пригоден быть правителем, то сегодня всем необходимо из-за недостатков находиться под законами и ограничениями.

Но когда то, что совершенно, будет достигнуто человечеством благодаря Посредническому Царству, все будут царями, как был Адам до того, как согрешил. И этим царям, вместе взятым, будет передано пост-Тысячелетнее Царство Бога, и все будут царствовать в согласии под законом Любви, а их Президент будет служить им и представлять их. О, Господи, мы молим: "Да придет Царство Твое!" – ради Твоих нынешних святых и ради мира.

[647]

ГЛАВА XIV - ПОДНОЖИЕ ИЕГОВЫ, СДЕЛАВШЕЕСЯ СЛАВНЫМ

Подножие Бога, осквернённое и оставленное по причине греха – Обещанное возрождение его славы – Возрождение искупленного удела – Его самая яркая драгоценность – Ноги Иеговы, снова поставленные "на Горе Елеонской" – Окончательные благословения – Подножие наконец действительно славное.

"Так говорит Господь: небо – престол Мой, а земля – подножие ног Моих". "И Я прославлю подножие ног Моих". "И станут ноги Его [Иеговы] в тот день на горе Елеонской" (Ис. 60: 13; 66: 1; Зах. 14: 4; Мат. 5: 35; Деян. 7: 49).

Подножие Бога на протяжении прошедших шести тысяч лет отнюдь не было славным: грех, боль, плачь, умственные и физические страдания, а также смерть сделали его одним погребальным склепом, в котором сегодня, по самым скромным подсчетам, по крайней мере, пятьдесят миллиардов человек ожидает будущего времени, когда будет удалено проклятие божественной справедливости, а свет божественной милости, сияющий от лица Иисуса Христа, нашего Господа, взойдет как Солнце Правды:

"Разгони греха густые тени,

Освети лучом целебным мрак сей".

Для этого Бог сделал обширные приготовления. Выкуп Адама и всех, кто, как его дети, понес потери через него, искупил весь мир и обеспечил каждому члену нашего рода возможность быть испытанным при благоприятных условиях на предмет вечной жизни. Он сделал даже больше

[648] – обратно купил райский дом Адама (потерянный в результате его преступления) и его господство как царя земли, представителя Бога, своего Творца и Отца.

Читаем: "А ты, башня стада [Христос], холм дочери Сиона! К тебе придет и возвратится прежнее владычество" (Мих. 4: 8). Апостол Павел также говорит об "искуплении удела" (Еф. 1: 14). Наш Господь в одной из Своих притч также сослался на это, показывая, что Он купил не только человечество, сокровище, но и поле, мир, землю от проклятия: и все, кто присоединится к Нему в качестве членов класса Царства, участвуют в этой купле поля и сокровища (Матф. 13: 44).

Вся деятельность Тысячелетия будет состоять в том, чтобы переустроить и сделать славным подножие Бога. Рай, потерянный через грех, был только "садом" в одном из уголков земли. А поскольку род Адама умножился, чтобы наполнить землю согласно божественному намерению (Быт. 1: 28), и все были искуплены, возникнет необходимость иметь достаточно большой Рай, чтобы вместить всех: это будет означать, что вся земля станет словно Едемский Сад в результате плодородия, красоты и совершенства. Все это обещано как величественное осуществление божественного плана в будущем (Деян. 3: 20, 21; Отк. 2: 7; 2 Кор. 12: 4).

Однако самой большой драгоценностью прославленного подножия Господа при конце Тысячелетия будет человечество, в совершенстве которого, в свободе, подобии Бога, в моральных и интеллектуальных добродетелях будет отражен сам образ Божества. Свершенный человек самым славным образом будет воздавать честь своему Творцу и Его удивительному плану своего создания, искупления и реституции. С этим удивительным планом всегда будет близко отождествляться, во-первых, сам Господь Иисус, "Слово" Иеговы, и, во-вторых, Невеста, жена

[649] Агнца и сонаследница в распространении благословений, обеспеченных выкупом.

Украшение и прославление Господнего "подножия" завершится не раньше, чем наш Господь Иисус, уважаемый представитель Отца, "упразднит всякое [сопротивляющееся] начальство и всякую власть и силу; ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои", прежде чем передаст Царство при окончании Тысячелетия (1 Кор. 15: 24-28).

Период царствования Греха и Смерти показан как время, когда Бог "вспомнил о подножии ног Своих в день гнева Своего" (Плач. 2: 1). После начала Тысячелетия люди пророчески призваны "превозносить Господа, Бога нашего, и поклоняться подножию Его: свято оно!" (Пс. 98: 5). Мысль, что установление Нового Иерусалима, прославленной Церкви Бога, как нового правительства на земле, будет означать начало восстановления божественной милости для подножия Иеговы, ясно представлена пророком Захарией (14: 4, 5).

НОГИ ИЕГОВЫ НА ГОРЕ ЕЛЕОНСКОЙ

Это пророчество обычно понимают ошибочно и применяют к ногам нашего Господа Иисуса в Его втором пришествии. В самом деле, те, кто так ошибается, как правило, идут еще дальше и утверждают, что это будут телесные ноги, пронзенные гвоздями на Голгофе – не осознавая, что наш Господь отдал Свою человеческую природу полностью и навсегда, как наш выкуп; и что Он был поднят из мертвых силой Отца, как славное духовное существо – "образ ипостаси Его [Отца]".*

*Смотрите Том II, глава 5.

Однако быстрый взгляд на предыдущий стих (3) показывает, что пророк обращает внимание на возвращение ног Иеговы, потому что выражение (относящееся к скорби, которой будет установлено Царство)

[650] таково: “Тогда выступит Господь [Иегова] и ополчится против этих народов, как ополчился в день брани [в древние времена за Израиль]. И станут ноги Его в тот день на горе Елеонской, которая пред лицом Иерусалима к востоку; и раздвоится гора Елеонская от востока к западу весьма большою долиною, и половина горы отойдет к северу, а половина ее – к югу”.

Как только кому-то удастся распознать факт, что упомянутые ноги – это ноги Иеговы, он не будет оспаривать, что это символическая речь и касается восстановления Господом Его господства на земле, на долгое время сравнительно оставленного “богу века сего”, сатане – за исключением того, что Господь был представлен, во-первых, образной Скинией, во-вторых – Храмом в Иерусалиме, и, наконец, Церковью Христа в ее нынешнем состоянии скинии на протяжении Евангельского века. Конечно, никто не допустит подобной ошибки и не подумает, что ноги Иеговы будут буквально покоиться на этой земле как на “подножии”.

Если то, что “ноги” Иеговы поставлены и покоятся, является символическим и означает возвращение земле божественной милости и господства, то можем быть уверены, что и другие символы, связанные с тем же пророчеством, являются символическими: Гора Елеонская, ее необычное разделение, ее долина, бегство людей, вода жизни из Иерусалима (сравните стих 8 и Иез. 47: 1-9) и т. д. – все это символические высказывания, образы величественных духовных истин.

Олива – символ, наполненный смыслом: в древние времена она была источником искусственного освещения, и для этой цели использовали, как правило, ее масло (Исх. 27: 20). Действительно, на еврейском языке оливковое дерево именовалось shemen, или масличное дерево. Оливковое масло в древности использовали также как основу для многих дорогих мазей, таких как та, которую использовали при помазании священников и царей, и которая представляла святой Дух на противообразном “царственном

[651] священстве" (Исх. 30: 24). С незапамятных времен оливковая ветвь использовалась как символ мира (Быт. 8: 11; Неем. 8: 15).

*See Vol. III, p. 327.

Так вот, если олива является символом света, мира и божественного благословения через святой Дух, и если гору считать, как в других местах, символом Царства, тогда значение выражения "Гора Елеонская" здесь легко понять – это Царство Света, Мира и Божественного Благословения. То, что "ноги" Иеговы будут поставлены, или утверждены, установлены, на ней, означает, что божественное покровительство и закон будут заново установлены на земле посредством святого Царства.

Такое применение выражения "Гора Елеонская" полностью согласуется с высказыванием апостола (Рим. 11: 17, 24), в котором он сравнивает телесный Израиль с первоначально культурным оливковым деревом, а языческих обращенных – с дикими оливковыми ветками, привитыми туда, откуда естественные ветви были отломаны (сравните Иер. 11: 16, 17). Он объясняет, что корень этого дерева – обетование Бога, обетование Аврааму, что его семя должно в итоге благословить все роды земли и т. д. В конечном счете тот же корень, то есть обетование, должен держать два вида веток – привитые дикие оливковые ветви и заново привитые естественные ветви, когда у телесного Израиля будет отнято его ослепление, и он будет смотреть глазами веры на Спасителя, распятого и пронзенного восемнадцать столетий тому назад – на жертву за грех. Мы помним также, что телесный Израиль долгое время был Божьим образным Царством, горой, и что духовный Израиль Евангельского века призван быть истинным Царством Бога, как сказал наш Господь: "Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство".

Более того, от этих двух Царств (еще до того, как слава Иеговы обосновалась на них, чтобы использовать их для благословения всего мира человечества) исходил всякий "свет миру" на протяжении всего темного прошлого,

[652] ведь не они ли являются представителями Ветхого и Нового Заветов, старого и нового Заветов? Разве не они соответствуют Господним двум свидетелям и двум маслинам из Захарии (4: 3, 11, 12), отчетливо упомянутым также в Откровении (11: 4) – что эти две части горы символизируют последствия этих двух заветов, результат свидетельства – Царство в его небесной и духовной частях?

Отсюда понятно, что две половины Горы Елеонской означают две части Царства Бога, четко разграниченные согласно божественному порядку, или устройству. Разграничение не служит признаком какого бы то ни было противостояния между двумя частями Царства. Цель этого, наоборот, создать между ними "Долину Благословения", к которой все, ищущие божественной помощи, смогут бежать и обрести помощь под блаженной защитой одинаково небесной и земной частей Царства.

Пророк Давид (Псалом 83), по-видимому, получил возможность взглянуть раньше на эту большую "Долину Благословений", рядом с "ногами" Иеговы, когда он воспевал сначала святых Евангельского века, а затем тех, кто станет благословенным в следующем веке, говоря:

"Как вожделенны жилища Твои,
Господи сил!
Истомилась душа Моя,
Желая во дворы Господни;
Сердце мое и плоть моя восторгаются
К Богу живому.
И птичка находит себе жилье,
И ласточка гнездо себе,
Где положить птенцов своих,
У алтарей Твоих, Господи сил,
Царь мой и Бог мой!
Блаженны живущие в доме Твоем;
Они непрестанно будут восхвалять Тебя.
Блажен человек, которого сила в Тебе,
И у которого в сердце стези (праведности) направлены (полностью) к Тебе.

[653]
Проходя долиною плача,
Они открывают в ней (радости) источники [превращают в Долину Благословений],
И дождь покрывает ее благословением [Иоил. 2: 28].
Приходят от силы в силу,
Являются пред Богом
На Сионе".

Восемьдесят четвертый Псалом также описывает возвращение божественного милосердия и благословения в Тысячелетнем Царстве – Елеонскую Гору (Царство) в двух частях.

Раздвижение одной части горы на север, а другой на юг важно. Север расположен в направлении созвездия Плеяд, небесного центра вселенной, предполагаемого местонахождения божественной империи.* Это, вероятно, указывает на "изменение" Евангельской Церкви в настоящее время от человеческого к духовному состоянию как "причастников Божеского естества". Перемещение другой половины горы, пожалуй, означает полную реституцию к совершенным человеческим условиям древних достойных, признанных достойными составлять земных представителей Божьего Царства.

*Смотрите Том III, стр. 321.

Образовавшаяся таким образом долина будет полна света – свободна от теней: солнце будет освещать ее от востока до запада. Это говорит символически о Солнце Правды и его полном свете божественной истины и благословения, рассеивающем тени греха, невежества, суеверия и смерти, исцеляя и восстанавливая желающих и повинующихся из числа человечества, которые будут бежать в эту долину благословений, долину милости. Эта долина милости "между" и "под" опекой духовной и человеческой частей Царства Света и Мира (поставления ног Иеговы) действительно будет "Долиной Благословений" для всех, кто ступит в нее с разбитым и стесненным сердцем.

[654] Затем, мы должны помнить, что хотя только Израилю было сказано: "Вы побежите в долину гор Моих", однако имя Израиль означало "народ, благословенный Господом", "народ Бога", "Господний народ" (2 Пар. 7: 14). И хотя, как мы увидели, первое, или духовное благословение, Царства придет к духовному Израилю, а второе, или земное, начнется от Израиля по плоти, на этом благословение не закончится, потому что при желании всякий сможет стать израильтянином: проявляя веру и повиновение Авраама все человечество сможет стать подлинными израильтянами – "народом Бога". Вот почему пророк Исаия говорит, что когда Израиль будет призван обратно к божественной милости, при установлении Царства, он будет состоять из "каждого, кто называется Моим [Иеговы] именем, кого Я сотворил для славы Моей, образовал и устроил" (имя Израиль будет тогда применимо ко всем, кто будет Божьим народом) (Ис. 43: 7; Рим. 9: 26, 33; 10: 13).

"И [так] придет Господь Бог мой и [так] все святые [будут соединены] с Ним" (Зах. 14: 5). Когда полностью наступит Божье время, когда истечет позволение власти язычникам, когда прекратится жертвование великого Дня Примирения (Евангельского века), когда Первосвященник закончит совершение примирения – не только за Свое собственное "тело", Церковь, но и за Свой "дом" и за "весь народ", и выйдет благословить всех людей, тогда проклятие Иеговы (приговор смерти) будет снято с земли, Его скиния подножия снова будет признана. Начнется и будет продолжаться ее украшение в истине и праведности и в святом духе любви, пока, в конце Тысячелетия, все пожелавшие быть праведными не достигнут совершенства, то есть не будут воссоединены с Иеговой, а все, не имеющие такого желания, не будут уничтожены (Деян. 3: 23; Отк. 20: 9).

[655] Продолжая описание, пророк возвещает о том дне, в котором земля постепенно станет славной как подножие Иеговы:

“И будет в тот день: не станет света, светила удалятся. День этот будет единственный, ведомый только Господу: ни день, ни ночь; лишь в вечернее время явится [ясный] свет” (Зах. 14: 6, 7).

Некоторые спутали “день”, описанный здесь, с “днем Мщения”, который является “днем тьмы и мрака, днем облака и мглы” (Иоил. 2: 2; Соф. 1: 15), и переводчики, по-видимому, в целом пытались согласовать переводы. Но это не так; день, упоминаемый здесь Захарией, лишь частично яркий, – это Тысячелетний День, хотя в нем взойдет и будет сиять Солнце Правды, чтобы рассеять вредные земные испарения греха, суеверия и смерти. Тем не менее, он будет только частично ярким, поскольку из поколения в поколение будет иметь дело с падшим родом, выведенным из могилы, и с разными уровнями реституции к совершенству. Но как приятно убедиться, что в том дне, когда ноги Иеговы будут обратно становиться на Его подножие, уже не будет “густой тьмы”; что при окончании этого Тысячелетнего Дня мир, вместо темнеющих сумерек, достигнет наивысшего зенита “света.. познания славы Божией [Иеговы]”; и его солнце уже никогда не сядет.

Упоминание о реках живой воды, текущих из Иерусалима, в этом Тысячелетнем Дне, когда ноги Иеговы опять станут на Его подножие (Зах. 14: 8, 9), припоминает нам соответствующее свидетельство Иезекииля (47: 1-12), а также Иоанна Откровителя (22: 1, 2), которые, под тем же символом живых вод, текущих от престола Тысячелетнего Царства, показывают нам реституционные благословения [656] посредством символа “живых вод”, к которым каждый сможет прийти и пить свободно, и плодоносящие деревья вечной жизни, листья которых исцелят обратившиеся народы земли от всякого несовершенства.

Да! “И Господь будет Царем над всею землею, в тот день...”; Его Царство придет, как о том долго молились Его верные; в конце того дня Его воля будет исполняться на земле, как она исполняется на небесах. Подножие Бога будет в то время воистину славным, как написано:

“Но жив Я, и славы Господней [Иеговы] полна вся земля” (Числ. 14: 21; Ис. 11: 9; Авв. 2: 14).